Е.В. Сафронов

Сновидения
в традиционной культуре

Сновидения в традиционной культуре Е.В. Сафронов

Е.В. Сафронов

Сновидения в традиционной культуре

Исследование и тексты

Москва, 2016

УДК 398.2
ББК 82
С 21

Рецензенты:
доктор филологических наук М.П. Чередникова
кандидат филологических наук М.В. Ахметова

Выпускающий редактор В.Ф. Шевченко

Сафронов Е. В.
С 21 Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты. – М.: Лабиринт, 2016. – 544 с.

Эта книга – первое в отечественной фольклористике монографическое исследование рассказов об иномирных сновидениях. В работе очерчиваются жанровые границы данных текстов и предлагается их классификация – на основе структурно-семантического и образно-мотивного уровней анализа.

Во второй части книги публикуется около 500 текстов – в соответствии с классификацией, предложенной в настоящем исследовании.

ISBN 978-5-87604-264-4

© Сафронов Е.В., текст, 2016
© Глазов В.А., переплет, 2016
© Издательство «Лабиринт», 2016

Все права защищены

Оглавление

Введение 5

Глава I
История изучения сновидений в аспекте фольклористики
Отечественная фольклористика XIX – нач. XX вв. о сновидениях. 11
Сновидения в свете современной фольклористики 15

Глава II
Фольклорные и нефольклорные рассказы о снах:
критерии разграничения
Общие вопросы дифференциации: разовые тексты,
тексты-молва и фольклор. 35
Проблемы дифференциации рассказов о снах
(от разового текста – к фольклорному) 51

Глава III
Жанровые особенности рассказов о снах
(в контексте фольклорной прозы)
Замечания о понятии «фольклорный жанр» 67
Рассказы о снах: дифференциальные признаки жанра
Критерий: достоверность / недостоверность 72
Пространственно-временная приуроченность текстов о снах. 81
Тип героя и характер этиологического финала 87
Признаки, соответствующие прагматике текста о сне 90
Языковые особенности рассказов о снах 92
Структурно-семантические особенности
рассказов об иномирных сновидениях
Общие проблемы методологии 97
Композиционные особенности рассказов о снах: текст 1 и текст 2. . . . 99
Терминология 104
Центральная акция (ЦА) как основа сюжета
рассказов об иномирных сновидениях 106
Основные ЦА рассказов об иномирных сновидениях 112
Акции информирования об ИМ / приобщения к ИМ. 114
Эксплицитные и имплицитные акции указания на нарушение. 124
Символические акции и ЦА предупреждения. 143

Глава IV
Жанровая специфика рассказов
об индивидуальном визионерском опыте
Психофизиологические корреляты
визионерских жанров: “в теле” и “вне тела”. 155
Замечания о критерии «устный / письменный»
при разграничении текстов видений и обмираний. 161
Специфика жанров: логико-семантический уровень анализа. 165
Манифестация образов-мотивов хорошего и плохого миров
в текстах визионерских жанров. 178
Описание хорошего иного мира: основные образы-мотивы. 179
Описание плохого иного мира: основные образы-мотивы. 188
Мотив «мытарств» в текстах визионерских жанров. 201
Мотивы перехода в ИМ / выхода из ИМ. 212
Мотив обретения необычных способностей 220
Замечания об актуализации dream-telling. 224

Заключение. 235

Рассказы о сновидениях. Тексты. 239

Список использованной литературы. 499

Список текстов. 525

Список информантов. 528

Введение

Сложнейший феномен сна и сновидений в настоящее время изучается целым комплексом наук – от сомнологии, психологии и физиологии[1] до культурной антропологии и семиотики[2].

Одна из причин устойчивого интереса к указанному феномену заключается в том, что так же, «как мы не знаем безрелигиозных племен и народов, мы <…> не обнаружим этнических групп, лишенных веры в сны» [Толстой 1994а: 89]. Под «верой в сны» надо понимать не только нагруженность сновидений неким значением, подвергающимся определенной интерпретации [там же], т.е. функционирование их в качестве «резерва семиотической неопределенности»[3], но и наличие у любого этноса характерного отношения к этому феномену, практики «вербализации "визуального ряда"» [Неклюдов, Христофорова 2002: 6].

Особое отношение к сновидениям в так называемых «первичных»[4] культурах отмечалось многими исследователями XIX и XX вв. (антропологами, философами, психологами, этнографами и т.д.). Список имен весьма внушителен и всегда может быть продолжен, назовем некоторых: В. Вундт, Дж. Фрэзер, Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский, З. Фрейд, К.Г. Юнг, В.Я. Пропп, К. Леви-Строс, Л.С. Выготский, П. Радин, Е. Хенди, К. О'Нелл[5] и др.

Некоторые ученые считали сновидения основной причиной возникновения важнейших религиозных представлений и верований. Например, во второй половине XIX в. Э. Тайлор и Г. Спенсер объясняли происхождение представлений о духах и душе (в частности, о ее посмертном существовании) явлением умерших в сновидениях [см.: Тайлор 2000: 144–160; Спенсер 1998: 5–25]. По мнению Э. Тайлора, «дикари-философы», наблюдая за «человеческими образами, появля-

---

[1] См., напр.: [Романов 1998; Касаткин 1983; Налчаджян 2004; Вейн 1991; Вольперт 1966; Удовик 1998; Гольбин 1979; Калина, Тимощук 1997] и мн. др.; см. также некоторые ссылки на последние разработки в этой области по адресу: http://www.sleepnet.ru/library/library_18.html#2

[2] См., напр.: [Лотман 2000а; Domhoff 1985; O'Nell 1976] и мн. др.

[3] [Лотман 2000а: 126].

[4] Термин К. Леви-Строса – см.: [Леви-Строс 1999: 126].

[5] См., напр.: [Тайлор 2000: 150–167 и др.; Фрэзер 1998: 196–198 и др.; Выготский 1999: 154; Вундт 2002: 483; Леви-Брюль 2002: 75–94 и сл.; Малиновский 1998: 158–160 и сл.; Фрейд 1997 и др. раб.; Юнг 2003 и др. раб.; Пропп 2002: 159; Radin 1936; Handy 1936; O'Nell 1976; Леви-Строс 1999: 344] и т.д.

ющимися в снах и видениях», создали своеобразную мифологическую «теорию сновидений», которая основывалась на следующих представлениях: сон есть странствование (отделение от тела) души спящего; человеческие души других людей (не только умерших) могут посещать во сне спящего [Тайлор 2000: 144, 150–157].

Данное предположение, как и в целом анимистическая теория, подверглись справедливой критике. Наиболее резко высказался по этому поводу Э. Эванс-Притчард: «Если идеи духов и души возникли из беспомощного резонерства о бабочках, облаках, снах и трансах, то как религиозные верования смогли пережить тысячелетия и до сих пор иметь приверженцами миллионы цивилизованных людей в наши дни?» [Эванс-Притчард 2004: 30].

Вместе с тем, несмотря на различные подходы к данной проблеме, идея значимости феномена сна для развития определенных представлений и верований продолжает быть актуальной и в настоящее время. Так, А.А. Панченко в сборнике статей, специально посвященном проблеме снов и видений в народной культуре, пишет: «Не следует ли говорить о том, что именно при помощи сновидений многие культуры конструируют представления о трансцендентной реальности и что, таким образом, тема сновидения может служить критерием для анализа представлений этого рода?» [Панченко 2002а: 12].

О важности сновидений в этом отношении говорит Б.А. Успенский: «Вообще роль снов в создании мифических рассказов и поверий, по-видимому, исключительно велика» [Успенский 2002: 26].

Основной объект данного исследования – современные рассказы об иномирных снах, рассматриваемые в контексте жанров русской несказочной прозы. Под рассказами об иномирных снах понимаются тексты, сюжетообразующим мотивом которых является мотив контакта с представителем инобытия.

Главная цель работы – выявить релевантные признаки, формирующие жанровую и текстовую модели упомянутых рассказов. Эта цель предполагает решение следующих конкретных задач.

1. Рассмотреть нарративы о снах на основе критериев, служащих для разграничения текстов сказочной и несказочной прозы (достоверность / недостоверность, пространственная и временная приуроченность, тип героя и т.д.).

2. Предложить систематизацию рассказов об иномирных сновидениях на основе их структурно-семантического и мотивно-образного анализа.

3. Сопоставить иномирные сновидения с родственными им текстами других визионерских жанров (обмираниями и видениями).

4. Рассмотреть ситуации, в которых происходит актуализация рассказывания сновидений (*dream-telling*[6]).

Обозначенные цель и характер данной работы позволяют достаточно четко отграничить круг рассматриваемых проблем от того объема вопросов, с которым связан феномен сна / сновидения вообще. В первую очередь это означает, что необходимо дифференцировать понятия *сон / сновидение* и *рассказ о сновидении*. Впервые на это указал Н. Малкольм в своей вышедшей в 1959 г. монографии «Dreaming» (русский перевод – «Состояние сна», 1993). В духе «верификационистской теории значения» [Руднев 1993: 11] Н. Малкольм признает сновидения своеобразной «вещью-в-себе», отказываясь от возможности не только каким-либо образом верифицировать, но и понять их: «На самом деле я не пытаюсь говорить, чем являются сновидения. Я не понимаю, что это вообще могло бы означать» [Малкольм 1993: 98].

С другой стороны, – и это важно, – автор «Состояния сна» считает, что само «понятие сновидения» (the concept of dreaming) «производно не от сновидений, а от описаний снов, то есть того обыденного явления, которое мы называем “рассказыванием сна”» [Малкольм 1993: 92]. Акцент на рассказывании снов (и результате этого акта – рассказе) позволяет отвлечься от многих не проясненных до сих пор вопросов, связанных с психофизиологическим и философским изучением феномена сновидений и сосредоточиться на рассказе о сне как объекте фольклористики и нарратологии. Именно такой подход обусловливает актуальность настоящего исследования, поскольку проблема анализа жанровой природы рассказов о снах относится к числу мало разработанных.

В настоящей работе впервые осуществляется целостный анализ и дифференциация различных типов нарративов о снах и, соответственно, определяются четкие критерии этой дифференциации. В книге публикуется большой корпус нового материала, не всегда соответствующего привычной парадигме фольклористики. В связи с этим в исследовании впервые проводится и обосновывается разграничение рассказов о сновидениях по критериям *фольклорности / нефольклорности*.

В целях удобства в данной работе термины «сон», «сновидение» и «рассказ о сне» будут употребляться как синонимы, в основном, в значении вербального представления «неверифицируемого психосо-

[6] Английский эквивалент используется в соответствии с его употреблением Л. Виртанен, см.: [Virtanen 1989].

матического опыта» [Панченко 2002а: 11]. Пройдя через систему «коммуникативных фильтров»[7], культурных и традиционных фреймов, этот опыт воплощается в устных рассказах в соответствии с определенными жанровыми, сюжетными, композиционными моделями.

Данное определение предварительно. Использование в нем терминологического аппарата современной когнитологии не случайно: рассказ о сновидении (как явление фольклора, как речевой жанр, как дискурс и т.д.) вполне адекватно может быть описан в терминах когнитивной психологии, семантики и лингвистики[8]. Важен также учет прагматического контекста[9], поскольку именно прагматика рассказов о сновидениях (наряду с другими критериями из классической семиотической триады – семантика / синтактика / прагматика) позволяют говорить об определенной группе рассказов о снах как о явлении фольклора. Указанная группа соотносится, прежде всего, с текстами иномирных сновидений. Определение особенностей этой группы текстов, а также описание специфики общей модели dream-telling в соотнесении с аналогичными системами русской несказочной прозы – одна из основных задач нашей работы.

Вместе с тем, главной точкой отсчета, центральным объектом анализа для нас будет *текст* сна: описание и систематизация повторяющихся мотивов[10], акций / реакций персонажей, сюжетных и композиционных схем, а также сопоставление их с аналогичными уровнями и единицами анализа других областей[11] и жанров русского фольклора – важнейшая цель книги.

---

[7] [Там же]; см. также: [Успенский 2002: 18; Kaivola-Bregenhøj 1993: 216–217].

[8] О некоторых релевантных в этом отношении терминах см., напр.: [ван Дейк 1989; Харвилахти 1998; Неклюдов 2001а, 2005; Минский 1979; ван Дейк, Кинч 1988; Charniak 1972] и др.

[9] См. об этом подробнее, напр.: [ван Дейк 1989: 19 и сл.; ван Дейк 1978; Шенк и др. 1989; Адоньева 2004] и др.

[10] Термин «мотив» является одной из «самых употребимых» и в то же время – одной из самых сложных категорий фольклористики [Неклюдов 1984]. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой мотив – это внутренне динамичный элемент «словаря» традиции, экспликация своеобразного «мотивного мышления». Это – повторяющийся, воспроизводимый элемент, реализующийся в тексте (и не только в тексте) как действие (предикат), образ, ситуация и т.п. О некоторых подходах к этой категории см.: [Путилов 1975; Путилов 2003: 183–195; Неклюдов 1984; Дандес 2003; Силантьев 1999, 2004] .

[11] Термин В.Я. Проппа – см., напр.: [Пропп 1976а; Пропп 1976b].

Выдвижение на первый план рассказов об иномирных снах объясняется следующим:

1. сновидения, связанные с темой инобытия, занимают, по нашим наблюдениям, центральное положение в системе рассказываемых фольклорных снов;

2. тема инобытия встречается в текстах многих фольклорных жанров. Сопоставление этих текстов с рассказами об иномирных снах позволит не только выявить специфическое и общее в экспликации упомянутой темы, но и включить рассказы о снах в систему остальных – достаточно хорошо изученных – фольклорных жанров.

Основной материал книги – рассказы о снах, записанные в процессе экспедиционной работы в селе и в городе в период с 1993 по 2015 годы, – имеет выраженный региональный характер: около 90% всех текстов зафиксировано на территории Ульяновской области – как в городе (45% текстов), так и в сельской местности (55%). Всего учтено около тысячи текстов. При сборе полевых материалов применялись методы интервьюирования и включенного наблюдения.

Отметим, что теоретическая значимость работы заключается в расширении современных научных представлений о текстах, относящихся к группе «несказочной прозы». Аналитические материалы представленного исследования могут способствовать дальнейшей разработке различных подходов к изучению устных фольклорных нарративов. Кроме того, основная концепция данной книги может быть использована при создании указателя типов визионерских текстов.

Исследование состоит из четырех глав. Первая посвящена обзору работ, связанных с рассмотрением рассказов о снах и сновидческих примет («текстов-биномов», по Н.И. Толстому) в аспекте фольклористики. Особое внимание в первой главе сосредоточено на анализе вариантов классификаций, которые были предложены разными исследователями, а также – на проблемах жанровых границ рассматриваемых текстов.

Во второй главе предлагаются возможные критерии разграничения фольклорных и нефольклорных рассказов о снах. Согласно выводам этой части, можно говорить о прозрачности границ между двумя названными группами текстов, возможности перехода из одной группы в другую. На основе анализа ряда текстов описана примерная схема такого перехода, а также предложены дифференциальные критерии для разграничения трех возможных семиотических типов текстов: разовый текст – текст-«молва» – фольклорный текст (основа – работы К.В. Чистова, Ю.В. Рождественского и др.).

В третьей главе мы определяем жанровые критерии, позволяющие отграничить рассказы о снах от других жанров фольклорной прозы (в основном, – несказочной). В этой же главе анализируются структурно-семантические особенности текстов об иномирных сновидениях. Четвертая – заключительная – глава данного исследования посвящена сопоставительному анализу рассказов об иномирных снах и других визионерских жанров – обмираний и видений. В этой части работы используются основные выводы предыдущих глав. Одна из главных целей четвертой главы – сделать более целостным описание жанровой специфики изучаемых рассказов, подробно рассмотреть их на уровне основных мотивов, сопоставить их с весьма близкими к ним по ряду критериев текстами, описывающими индивидуальный визионерский опыт.

Во второй части книги помещены тексты, которые публикуются в соответствии с классификацией, предложенной в настоящем исследовании.

Автор благодарит своих учителей – М.П. Чередникову и М.Г. Матлина: без их помощи эта книга никогда бы не появилась. Также я благодарен В.Л. Кляусу, Е.Е. Левкиевской, М.В. Ахметовой, И.А. Морозову, М.Л. Лурье, В.А. Поздееву и А.В. Панюкову, взявшим на себя труд прочитать диссертацию и автореферат, которые легли в основу исследовательской части настоящей работы.

Искренние слова признательности – С.Ю. Неклюдову и А.С. Архиповой за возможность участвовать в фольклорных школах, В.Б. Колосовой, Е.Е. Жигариной, С.Ю. Королевой, А.М. Карвалейру, А.П. Липатовой, И.С. Кызласовой и О.А. Кадикиной – за поддержку и экспедиционные материалы. Нельзя переоценить и помощь других собирателей: их имена упомянуты в Списке информантов.

Лучшие и самые счастливые моменты работы над этой книгой связаны с экспедициями. Огромное спасибо всем тем, кто щедро делился временем и знаниями, отвечая на мои вопросы «про сны об умерших».

Глава 1
История изучения сновидений в аспекте фольклористики

Сложность феномена сна, пристальное внимание к нему со времен античности (Аристотель, Платон, Артемидор и др.[1]), возможность изучения его с совершенно различных точек зрения (о чем мы уже говорили во Введении) – и как культурной универсалии и как психосоматического явления – все это в той или иной степени учитывается в настоящей работе.

Однако мы не считаем возможным или необходимым давать даже схематический обзор колоссального количества исследований, посвященных этой проблеме. В данной главе наше внимание сосредоточено на тех из них, которые непосредственно связаны с темой книги, а именно – с текстами сновидений, рассматриваемых *в аспекте фольклористики* (главным образом – в контексте восточнославянской традиционной культуры).

§ 1. Отечественная фольклористика XIX – нач. XX вв. о сновидениях

Первые публикации, затрагивающие проблему сна в интересующем нас аспекте, были связаны с рассказами о сновидениях опосредованно: в основном, они представляли собой подборку так называемых сновидческих примет, в той или иной мере отражающую традицию (устную и/или книжную)[2] снотолкования определенного региона[3].

---

[1] См., напр.: [Аристотель 1975: 394–395: 501, прим. 5 и др.; Aristotle1; Aristotle2; Платон 1994: 448, 455; Артемидор 1999]. См. также статью С.В. Соколовского, в которой представлен общий обзор работ, так или иначе связанных с феноменом сна и сновидений, – с античности до настоящего времени – [Соколовский 2006]; там же обширная библиография по этой проблематике.

[2] Подробнее об этих двух видов «снотолкователя» см.: [Толстой 1994а: 89; Niebrzegowska 1989a].

[3] См., напр.: [Романов 1889; Никифоровский 1898; Ляцкий 1898; Дерунов 1898; Балов 1901; Попов 1903; Чернышев 1901; Чернышев 1902; Зеленин 1906; Герасимова 1911] и др.

Большинство этих публикаций построены по принципу бинарных формул сонника: слева – образ (образ-мотив[4], «элемент содержания»[5], знак-символ[6]) сновидения, справа – его возможное толкование. Основная цель названных работ, по словам Н.Я. Никифоровского, «собрать в одно целое разнообразные толкования сновидений» [Никифоровский 1898: 133].

Однако принципы представления этого «целого» выработаны не были, и каждый публикатор решал данную проблему hic et nunc, часто – без каких-либо предварительных указаний на сами основания того или иного расположения материала. Так, в некоторых работах сновидческие приметы располагались по алфавиту [напр., Герасимова 1911], в других – по разделам, ориентированным на образ-мотив сна, например: человек и его действия, одежда, пища, явления природы, животные и т.д. В свою очередь внутри каждого раздела соблюдался алфавитный порядок [Дерунов 1898; Ляцкий 1898]. Были публикации (в основном, – этнографические и диалектологические отчеты), в которых материал представлялся без определенной системы[7].

Кроме того, часть работ содержала сведения о способах провоцирования сновидений (т.е. учитывала их потенциальный обрядовый контекст, главном образом, – мантический), инструкции по нейтрализации возможных негативных последствий «плохого» сна, некоторые поверья и запреты, связанные с выбором места для сна и положением тела спящего[8]. То, как функционируют формулы сонника в реальной практике, т.е. в конкретных рассказах о сновидениях и их толкованиях с учетом (пользуясь терминологией, утвердившейся несколько позднее[9]) их семантики, прагматического контекста и типичных схем рассказывания, исследователей не интересовало, и рефлексии по этому поводу в публикациях рубежа XIX–XX вв. нет.

В какой-то степени исключением можно считать отдельные замечания Н.Я. Никифоровского о зависимости интерпретаций образов сновидений от локальной и семейной традиции, а также – от индивидуальных особенностей («сообразно наблюдениям своим личным») самого сновидца [Никифоровский 1898: 133].

[4] О данном термине с некоторыми оговорками см.: [Неклюдов 1984: 226].

[5] [Лурье 2002: 30].

[6] [Толстой 1994а: 90].

[7] [Попов 1903; Чернышев 1901; Чернышев 1902].

[8] [Никифоровский 1898: 133–134; Балов 1901: 107; Ляцкий 1898: 139].

[9] См., напр.: [Пирс 2000; ван Дейк 1989: 20–31; ван Дейк 1978; ван Дейк, Кинч 1988; Неклюдов 2005; Лурье 2002: 29–30; Kaivola-Bregenhøj 1993: 211 и сл.].

Весьма любопытна в этом отношении «краткая заметка» А.В. Балова [Балов 1891] – фактически первое описание сновидений в контексте представлений восточнославянской традиционной культуры, их роли в обрядовой и повседневной практике.

Работа А.В. Балова носит обзорный характер и включает в себя (наряду со «стандартным» сонником, расположенным в алфавитном порядке, и различными поверьями, запретами, инструкциями, «шуточными пожеланиями» на сон) рабочий вариант классификации рассказов о снах. Значимо присутствие в статье конкретных текстов сновидений (или – авторских пересказов снов) с указанием на соотносимые с ними события реальности.

А.В. Балов дает свою классификацию по ходу описания материала, что подчеркивает не только ее рабочий, предварительный характер, но и попытку таксономии сновидений «изнутри» традиции. Такой подход маркируется исследователем вводными замечаниями: «по народным верованиям», «повсеместно считается» и т.п. [Балов 1891: 208, 209]. Это же объясняет некоторую хаотичность классификации, представленной в статье. Например, помимо «страшных», «дьявольских», «вещих» и прочих разновидностей сновидений, А.В. Балов выделяет «религиозные сны». К последним исследователь, судя по приведенным в статье пересказам (в передаче ученого), относил предания о происхождении святыни, о выборе правильного локуса для постройки церкви под руководством сакрального персонажа (т.е. об «установлении соответствующих правил контакта» между общиной и сакральным локусом [Панченко 2002а: 14]). Сновидения в этих текстах выполняют функцию своеобразной реплики иного мира, передающей волю сакрального персонажа.

Основные функции снов (или – мотива сна, являющегося главным сюжетообразующим элементом) в подобных текстах в настоящее время подробно описаны в работах А.А. Панченко[10].

Следует также отметить указание А.В. Балова на то, что «вещие» сны, предсказывающие человеку судьбоносные повороты в его жизни, «народ никогда не смешивает» с «обыкновенными» сновидениями [Балов 1891: 208–211]. Краткое упоминание в работе вековой давности «обыкновенных» сновидений, которым «народ в большинстве случаев придает немного веры» и «старается даже объяснить их естественною причиною» («снятся чаще всего те предметы, о которых человек думал или упоминал в разговоре») [там же: 210–211], тем более значимо, что

[10] [Панченко 2001, 2002а, 2002b].

здесь впервые говорится о разграничении фольклорных и нефольклорных рассказов о снах. Данная проблема актуальна и в настоящее время, поскольку она еще ни разу не становилась предметом отдельного рассмотрения в фольклористике.

В особый «цикл» А.В. Балов выделяет сны об умерших. Помимо называния некоторых распространенных мотивов данного цикла (мотив мести покойников, являющихся во сне своим убийцам; мотив указания умершим местонахождения его тела и т.д.), а также ряда поверий и апотропейных действий, исследователь пытается разграничить рассказы о явлении умерших «во сне и наяву» [Балов 1891: 213]. Это разграничение, правда, сводится лишь к указанию на присутствие «у народа» самого осознания этого отличия: «К слову заметим, что народ отличает явления умерших под влиянием галлюцинаций вследствие расстроенного воображения от вышеупомянутых нами явлений [т.е. от снов о покойниках – Е.С.]» [там же]. Несмотря на нечеткость всей баловской классификации (используются разные основания – тематический, генетический, прагматический и т.д.), отметим, что ученый впервые здесь указывает на действительно присутствующее в традиционной культуре понимание отличия рассказов о снах и текстов, которые в 1915 году Б.М. и Ю.М. Соколовы назовут «быличками» [Соколовы 1915].

Статья А.В. Балова, как указывают исследователи, занимавшиеся данной проблематикой[11], вплоть до 90–х гг. XX века оставалась единственной обзорной работой, связанной с описанием роли сновидений в восточнославянской традиционной культуре. Значимым исключением можно считать работу П.Г. Богатырева «Сны в пересказе крестьян и в народной сказке»[12], впервые опубликованную на чешском языке в 1930 г. До недавнего времени эта статья относилась к числу мало цитируемых в России: показательно, что ни в одной из известных нам современных работ, посвященных анализу рассказов о снах в аспекте фольклористики, ссылок на нее нет.

Основой статьи П.Г. Богатырева послужили пересказы «длинных снов крестьян», записанные ученым во время экспедиции 1916 г. в Шенкурский уезд Архангельской губернии. Цель этой работы – ввести в научный оборот несколько репрезентативных текстов (главным образом, – снов о «загробной жизни») и указать на отличие «настоящих», «реальных» сновидений от тех, которые являются сюжетообразую-

[11] См., напр.: [Панченко 2002a: 12; Панченко 2002b: 81; Лурье 2002: 31; Живица 2004: 6] и др.

[12] См.: [Богатырев 2006].

щими мотивами в сказке: «Все эти описания снов [в сказке – Е.С.] схематичны и традиционны, и у нас нет повода видеть в них образы реальных снов» [Богатырев 2006: 106]. Это объясняется ученым тем обстоятельством, что «сказка и ее элементы имеют высоко кристаллизованную традиционную форму и допускают изменения только в некоторых ограниченных случаях» [там же: 107].

Публикуемые в статье П.Г. Богатырева рассказы о снах сопровождаются краткими комментариями, связанными с личностью самого исполнителя либо с описанием реальной ситуации, которая предположительно послужила причиной возникновения того или иного текста (например, война, действия собирателя и т.п. [см. там же: 103–105]). Важно также указание исследователя на вероятное влияние на сны о «загробной жизни» «иконы Страшный Суд, либо фольклорных произведений: духовных стихов, сказок и т.п.» [там же: 100].

Как и А.В. Балов, П.Г. Богатырев упоминает о возможной дифференциации «обыденных» сновидений и тех, которые оказали большое влияние на сновидца, а потому надолго им запомнились [см. там же: 98]. В целом, пионерские работы А.В. Балова и П.Г. Богатырева наметили многие основные темы и проблемы, которые могли бы успешно разрабатываться уже в первой половине XX в. Однако «ввиду полного отсутствия в советской фольклористике и этнографии»[13] исследований, связанных с указанной тематикой, повторное обращение к рассказам о снах и их толкованиям произошло только в 90–е гг. XX в.

§ 2. Сновидения в свете современной фольклористики

В начале 90–х годов активизируется изучение сновидений в культурологическом аспекте: в 1992 г. выходит монография Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв»[14]. Название и некоторые идеи одной из ее глав – «Сон – семиотическое окно» – легли в основу сборника статей и одноименной конференции, прошедшей в 1993 г. в рамках традиционных «Випперовских чтений»[15].

Сборник отражает многообразие подходов к феномену сна: в центре – проблемы соотнесения сновидения и литературного текста, сновидения и художественной реальности в широком смысле

[13] [Лурье 2002: 31].
[14] [Лотман 1992].
[15] [Данилова 1994].

слова. Особый интерес представляет для нас опубликованная в этом сборнике статья Н.И. Толстого[16]. Ученый разграничивает «сонники книжные» и «сонники устные, народные», относя первые к так называемому третьему типу культуры, промежуточной (средней) в ряду: художественная литература – простонародная культура (литература) – фольклор[17] [Толстой 1994a: 89, 94, примеч. 3].

Поскольку «источники и характер напластований в книжных сонниках еще не установлены», Н.И. Толстой предлагает начать «изучение снотолкований у славян <…> с устного народного пласта» [там же: 89]. При этом к первоочередным он относит задачи более полного и планомерного («в тематическом и географическом плане») сбора полевого материала, а также применения к устным сонникам, «как и к языкам и диалектам», сравнительно-исторического и ареалогического (географического) методов исследования [см. там же: 90]. Такой подход подключает изучение устных сонников к общему направлению исследования духовной культуры славян в этнолингвистическом аспекте.

Кроме этого, Н.И. Толстой в упомянутой статье подчеркивает важность семиотического подхода к рассмотрению «внутренней структуры» и «символической и семантической сущности» снотолкований: «Основным вопросом изучения сонника остается вопрос *характера связи* между знаком-символом (предметом, лицом или действием), появившемся во сне, и ожидаемым результатом появления такого знака» [там же; курсив наш – Е.С.]. То есть фактически речь идет о характере семиозиса[18] в соннике как особом фольклорном жанре, близком, с точки зрения Н.И. Толстого, к паремиям [там же: 91][19].

Основные принципы данной связи, по Н.И. Толстому, таковы: тождество; различные типы сходства – подобие по «свойству», по форме, по созвучию (паронимия); близость по смежности (метонимия) и на основе метафоры; принцип переворачивания значения (антонимия) [там же: 90–91].

---

[16] [Толстой 1994a]; см. также: [Толстой 1994b].

[17] Немного позднее Толстой расширил эту триаду, включив в нее так называемый «антифольклор», т.е. городской фольклор, «способный иметь и устную, и письменную форму» [Толстой 1996: 5].

[18] О сущности данного понятия, осмысляемого как семиосфера, семиотическое пространство «сталкивающихся смыслов» см.: [Лотман 2000c: 146–148].

[19] Ранее Н.И. Толстого к паремиям, наряду с приметами, снотолкования («вещие сны») относил Г.Л. Пермяков – см., напр.: [Пермяков 1975: 258]). Подробнее об этом см.: [Живица 2004: 25–26].

Заметим, что эта классификация может быть уточнена в отношении подборки иллюстраций: так, пример к принципу тождества – «увидеть во сне покойника-родственника, приглашающего к себе, – к смерти того, кто видит сон» [там же: 90], собственно *тождества*, – какие бы коннотации с этим термином ни связывались, – не представляет. К сновидческим приметам, основанным на тождестве, можно отнести, например: «Болезнь увидеть во сне – это к болезни» и др. [см.: Виноградова 1997: 114].

На принципе тождества могут быть основаны и конкретные нарративы о снах: например, сновидица перед замужеством видит незнакомый дом и неизвестного ей парня, пришедшего к ней свататься; то же затем повторяется в реальности[20] [ср. Разумова 2001: 92].

Особое значение имеют выделенные Н.И. Толстым пять основных положений, отражающих наиболее распространенные «народные представления о сне»: сон противопоставлен «яви»; сновидение – реальность «наизнанку»; сон как смерть; сон как «тот» свет и «восприятие сна как предсказания» [Толстой 1994а: 91]. Названные представления не оппозиционны друг другу и могут эксплицироваться в одном рассказе. Все они – так или иначе – будут привлекаться нами при рассмотрении конкретных проблем, связанных с изучаемыми текстами.

В связи с указанной статьей Н.И. Толстого специального внимания заслуживают работы польских этнолингвистов, начавших активную научную публикацию и исследование сонников уже в конце 80–х гг. XX века (в частности, статьи С. Небжеговской и Е. Бартминьского)[21]. Определенным итогом данной работы стала докторская диссертация С. Небжеговской[22], на основе которой в 1996 г. в Люблине была издана монография «Polski sennik ludowy» [см.: Niebrzegowska 1996]. Некоторые идеи этой польской исследовательницы на русском языке были изложены в статье «Сонник как жанр польского фольклора» [Небжеговская 1994].

Обозначив то, что мы выше называли сновидческой приметой (или – бинарной формулой сонника и т.п.) как «минимальный текст

[20] Л. Виртанен относит такие сновидения к феномену dejau [Virtanen 1989: 142], ср. примеры таких текстов в следующей публикации: [Лурье, Черешня 2000: 291–293, №№ 54–65]).

[21] См., напр.: [Bartmiński 1987; Bartmiński, Bczkowska 1988; Niebrzegowska1989a; Niebrzegowska 1989b; Niebrzegowska 1990a; Niebrzegowska 1990b; Niebrzegowska 1990c].

[22] [Niebrzegowska 1995].

снотолкования» (МТС), С. Небжеговская указывает, что под сонником она понимает «два рода текстов»:

1. МТС, «состоящий из лаконичных предложений типа: *когда снятся яйца, то это сплетни, огонь – это вор* <…>, которые функционируют в своеобразных жанровых рамках»;

2. «весь комплекс таких МТС, складывающихся (подобно лексемам в словаре) в словарь символов сновидений, существующий в коллективном сознании и собираемый и публикуемый фольклористами» [Небжеговская 1994: 67].

Параллельно Н.И. Толстому С. Небжеговская выделяет следующие «регулярно воспроизводимые принципы толкования»: тождество; противопоставление; сходство – лексико-фонетическое, внешнего вида, свойств, функций, на основе метафорических и мифологических ассоциаций; также – пространственно-временная метонимия и оценка. Последний принцип признается «основным и главенствующим» [см. там же: 70].

Более значимым для нашей работы является указание на то, что МТС «возможно обнаружить и охарактеризовать» в текстах других жанров, – в частности, в рассказах о снах, которые С. Небжеговская относит к особому типу текстов. Основная функция их в том, что «апеллируя к личному опыту, они поддерживают веру в прогностическую ценность сновидения» [Небжеговская 1994: 68]. Но при этом (хотя автор «Polski sennik ludowy» стремится учесть практику реального бытования МТС и говорит о коммуникативной ситуации «сновидец – толкователь» [там же]) главное внимание ученого, как указывал Н.И. Толстой, рецензент работы, направлено не на «конкретные “высказывания” о снах» и соотносимые с ними реальные события, а на «абстрактные логические формулы, констатирующие связь образ – толкование» [см.: Толстой 1997: 106]. Именно данное обстоятельство вызвало основные полемические замечания в адрес монографии, вышедшей в Польше[23].

По наблюдениям М.Л. Лурье, сновидения, целиком и полностью базирующиеся на материалах народного сонника, в которых толкование сна сводится к «поиску нужной строки в словаре сновиденных символов, <…> составляют лишь некоторую часть от общего числа рассказов о сбывшихся снах» [Лурье 2002: 33]. Нередко в реальной практике dream-telling толкование может совершаться с перевесом окказиональных смыслов, с созданием своей индивидуальной системы толкования.

[23] См., напр.: [Толстой 1997; Лурье 2002].

Ср. следующий пример:

«Я о себе хочу сказать, я не знаю, там как… Приметы вот такие у меня существуют: <…> если вот когда сон вижу – за мной бегут жулики, и очень часто я не могу убежать, они бегут, и я никак, не могу, преследует кто-то, – то это к какой-то прибыли, что-то должно новое в семье появиться, – *это моя примета, лично моя…*» (*ЛАН*[24]). Здесь сновидица как бы подчеркивает индивидуальность своего личного сонника и даже по-своему объясняет механизм появления таких окказиональных образований: «Ну ведь у людей, знаете, – у кого-то совпадает, у кого-то не совпадает, а всё равно говорят, что это вот к чему…» (*ЛАН*).

Таким образом, сновидец обладает известной степенью свободы не только в выборе, *что* толковать (какой образ-мотив сна выбрать для интерпретации), но и *как* толковать, – поскольку выбор и характер соотнесенного со сном события реальности также влияет на сам текст рассказа (подробнее об этом см.: [Лурье 2002: 35, 39–40; Сафронов 2004]).

Функцию бинарных формул сонника возможно рассматривать при таком подходе как обобщенную интенцию на прогноз того или иного события, как инвентарь «парадигматических элементов, из которых строится бесконечное множество реальных, коммуникативно "погруженных" текстов, толкующих сны» [Толстой 1997: 107]. Взятые отдельно от «конкретных коммуникативных ситуаций» МТС, по мнению Н.И. Толстого, «не имеют прагматических признаков (в том числе интенции прогнозирования), они могут приобретать их лишь в конкретном речевом акте» [Толстой 1997: 106].

Данное полемическое замечание Н.И. Толстого было скорректировано М.Л. Лурье. Он пишет о том, что говорить о прогнозирующей интенции народного сонника возможно и в отрыве от «конкретного речевого акта», «ошибкой было бы распространять ее на уровень функциональный, т.е. утверждать, что прагматика сонника состоит не в интенции прогнозирования, а в самом прогнозировании» [Лурье 2002: 32]. С точки зрения прагматики, большой интерес представляет указание С. Небжеговской на зависимость толкования от того, кто является «адресатом» сна – девушка, замужняя женщина, мальчик, мужчина и т.д. [см. подробнее: Niebrzegowska 1996: 113–116 и др.; Левкиевская 1997а: 55].

[24] Здесь и далее ссылки на информантов даются в виде трехбуквенных сокращений (на основе инициалов рассказчиков). Расшифровку сокращений см. в «Списке информантов».

В 1998 г. вышла монография О.Б. Христофоровой «Логика толкований»[25]. Автор данной работы, анализируя интерпретационные формулы сновидений в ряду других «малых фольклорно-речевых жанров» (в основном, на сибирском материале), стремится выявить ту «логику, в соответствии с которой носители сибирских традиций осмысливают собственные и чужие поступки, толкуют события, наделяют явления окружающего мира смыслом и т.п.» [Христофорова 1998]. По мысли О.Б. Христофоровой, основная прагматическая функция примет и толкований снов – прогностическая (точнее – информативная[26]). Прогноз событий (через знание «схем толкований») опосредованно моделирует поведение человека, знакомого с данными схемами.

Автор «Логики толкований» предлагает рассматривать формулы интерпретации снов как описание «неких ситуаций взаимодействия, в рамках которых человеку принадлежит роль получателя сообщений», управляющих и моделирующих его поведение [там же]. Подобная позиция подключает рассмотрение данных формул и текстов, в которых они реализуются, к основным положениям теории коммуникации и концепции «конфликтующих структур»[27].

Таким образом, большинство исследователей говорят о необходимости учета (при анализе формул сонников и текстов, в которых они находят свою реализацию) сложной взаимосвязи образа-мотива сна, особенностей соотносимого события реальности и конкретной коммуникативной ситуации (прагматического контекста), т.е. кто, кому, при каких условиях (социально-культурных, психологических и т.д.) и с какой целью (функцией) сообщает о сне.

Определенным (и – закономерным) результатом возросшего интереса к изучению снов в контексте традиционной культуры стал проведенный в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ круглый стол «Сны и видения в народной культуре» (октябрь 1998 г.). Материалы заседания были опубликованы в одноименном сборнике в 2002 г.[28]

---

[25] См.: [Христофорова 1998].

[26] Поскольку, как указывает исследовательница, не все толкования направлены на предсказание будущего, но «на предоставление человеку *информации* об уже свершившихся событиях» [Христофорова 1998; курсив наш – Е.С.].

[27] Данная концепция принадлежит В.А. Лефевру [Лефевр 1974]; к сибирскому материалу некоторые ее положения были удачно применены в известной монографии Е.С. Новик [Новик 1984].

[28] [Сны и видения 2002].

Наряду с привычным вниманием к традиции снотолкования, принципам интерпретации сновидений и публикациям новых материалов, связанных с устными и письменными сонниками (см., напр.: статьи А.В. Гуры, М.Л. Лурье, М.М. Валенцовой[29]), авторов сборника интересуют именно нарративы о снах – их структурно-семантические особенности, взятые в разнообразии социально-культурного, функционального и регионального контекстов. Так, в работе А.А. Панченко [Панченко 2002а] исследуется роль сна в традиционном религиозном обиходе, – в частности, на примере текстов, которые А.В. Балов относил к религиозным сновидениям.

В некоторых статьях рассматриваемый материал (сны и представления, с ними связанные) ограничивается региональной, преимущественно сельской традицией (работы М.М. Валенцовой, С.М. Толстой, М.Л. Лурье, В.Е. Добровольской, А.А. Панченко), в других – городской (ст. В.В. Запорожец, Н.Ю. Трушкиной, И.А. Разумовой) или – традицией субкультурной среды (тюремной – статья Е.С. Ефимовой, прицерковной – статья А.В. Тарабукиной).

Ряд авторов анализируют сновидения в ракурсе одной основной темы или проблемы: И.С. Веселова описывает структуру рассказов о снах в контексте других жанров несказочной прозы; С.М. Толстая и Т.А. Михайлова на разном (этнически и в жанровом отношении) материале показывают особенности воплощения темы иного мира в сновидениях; Н.Е. Ливанова на текстах, записанных частично от парашютистов, проверяет «предположение, что ощущение полета может являться психологическим архетипом» [Ливанова 2002: 116].

Особый интерес для нас представляют работы, анализирующие тексты так называемых обмираний и видений[30]. Появление подобных исследований в разбираемом сборнике не случайно: это связано не только с его направленностью на изучение проблем «репрезентации в народной культуре индивидуального визионерского опыта»[31] вообще, но и с тесной (семантической, прагматической и т.д.) близостью рассказов о снах к названным «субжанрам» фольклора.

В данной части нашего исследования мы подробнее остановимся на нескольких работах из упомянутого сборника, описание или критика идей которых важны для последующего изложения. К некоторым

[29] [Гура 2002; Лурье 2002; Валенцова 2002].

[30] См.: [Паунова 2002; Никитина 2002; Чередникова 2002; Тарабукина 2002; Леонтьева 2002].

[31] [Неклюдов, Христофорова 2002: 5].

другим (подробно не разобранным здесь) статьям сборника «Сны и видения…» мы будем обращаться в дальнейшем, – в связи с рассмотрением в нашем исследовании проблем, в той или иной степени значимых для авторов указанного издания.

И.С. Веселова в своей статье «Структура рассказов о снах» пишет о том, что при «кажущемся разнообразии» вербализуемые в повседневной практике сны можно «довольно отчетливо» дифференцировать на две группы: «рассказы о сновидениях» и «рассказы о сбывшихся снах» [Веселова 2002: 172]. Первые «чаще всего рассказываются непосредственно после имевшего места сновидения и являют собой пересказы приснившегося с возможной интерпретацией» [там же]. Вторые не имеют жесткой привязанности ко времени рассказывания. Структура этих рассказов включает в себя два основных элемента: пересказ собственно сна и описание соотносимых событий реальности, «предвестниками которых были образы сновидения» [см. там же]. При этом «рассказы о снах», в отличие от текстов о сбывшихся сновидениях, «являются как бы структурно “усеченными”» (т.е. в них отсутствует часть с описанием сбывшихся событий) [см. там же: 175].

Такое разграничение – вслед за И.С. Веселовой – использует и Е.Ю. Живица в своей диссертации «Устная народная снотолковательная традиция…»[32] [см.: Живица 2004: 30–31].

Заметим, что попытки подобной дифференциации сновидений (на «сбывшиеся» и «несбывшиеся», «вещие» и «невещие»), предпринимались еще в античности, – с апелляцией к Платону и известному гомеровскому мифу о роговых воротах и воротах из слоновой кости[33].

Как показывает анализ данных текстов, с помощью этого дихотомического деления достаточно сложно классифицировать большинство вербализуемых сновидений. Несмотря на то, что потенциально любой сон может быть воспринят как «вещий»[34], необходимо подчеркнуть, что существуют тексты, пуант которых состоит не в соотнесении «образ сновидения / сбывшееся событие реальности», а в рассказе о самом сне – его образах-мотивах, сюжете, персонажах и т.д. Для таких рассказов оппозиция «сбывшийся / несбывшийся» сон не всегда релевантна.

[32] Ср. также предлагаемое в публикации Н.Ю. Трушкиной (изданной в этом же сборнике) общее разграничение рассказов о снах на «вещие» и «не вещие»: [Трушкина 2002].

[33] См. об этом: [Ле Гофф 2001: 329–330; O´Nell 1976: 34]

[34] См. об этом: [Лурье, Черешня 2000: 277; Сафронов 2004: 222].

К этим текстам можно, например, отнести некоторые сновидения, в основе сюжета которых – иномирные мотивы видения умерших во сне. В данных рассказах нередко важно описание самого контакта, а не возможное символическое значение определенных образов-мотивов (хотя оно, конечно, не исключается).

Ср.: 1. «Моя мама умерла три года назад девятнадцатого июля, а когда мы ее хоронили двадцать первого июля, был праздник Казанской Божьей Матери. А через несколько лет мне приснился сон: моя мама стояла у плиты и что-то готовила, помешивала ложкой в кастрюльке. А я сидела рядышком с ней, и мы о чем-то беседовали. Я разговора полностью не помню, – помню только, что я ее спросила: "Мам, а ты Богородицу видела?" – "Да". Это был самый чудесный сон, который видела. Мне было так легко, так хорошо» (*ВМФ*).

2. «Как однажды во сне муж пришел покойный, – пришел и со мной не разговаривает… [Пришел] с женщиной, с которой раньше вместе работали, стоит. И все отдаляется как будто, уходит. Удивило, как это он так ко мне отнёсся плохо: жили хорошо, всегда вместе…» (*ДЗП*).

В связи с этим термин «рассказы о снах», на наш взгляд, лучше использовать как общее наименование для всей группы текстов, относящихся к данному жанру.

Наименование «структурно усеченные», вероятно, также не совсем корректно, поскольку оно предполагает наличие в структуре текста подразумеваемой, но как бы не эксплицированной части. Однако с этим трудно согласиться: структура текста о сне, находящегося на «предвещей»[35] стадии, самодостаточна. Данные рассказы вообще имеют ряд существенных отличий от сбывшихся снов – на структурно-семантическом, функциональном и др. уровнях[36].

В работах другого автора упомянутого сборника – И.А. Разумовой «вещие» сны разделяются по «степени семиотичности» на три группы: основывающиеся на (1) прямом предвоспроизведении реальности, (2) определенном сочетании «прямо мотивируемых образов и реальных персонажей с символическими», (3) собственно символических (знаковых) связях между образом-мотивом сна и событием / ситуацией реальности [см.: Разумова 2001: 91–93][37].

[35] Термин предложен в ст.: [Сафронов 2004: 222], он в определенной степени соответствует тому, что И.С. Веселова предлагает понимать под «рассказами о снах».

[36] Рассмотрению этой проблемы отчасти посвящена вторая глава настоящего исследования.

[37] См. также: [Разумова 2002; Разумова 2003: 387–389].

Подчеркнем, что осуществленная исследовательницей демаркация текстов (и их центральных образов-мотивов) по «ступеням семиотизации» применима в пределах именно сбывшихся сновидений[38].

Монография И.А. Разумовой, вышедшая почти в одно время с упоминавшимся выше сборником «Сны и видения...», является существенным вкладом в изучение рассказов о сновидениях. Рассказы о снах и сновидческие приметы в этой работе рассматриваются в контексте «семейного фольклора» [Разумова 2001: 21 и сл.]. Опираясь на достаточно репрезентативное количество текстов[39], И.А. Разумова выделяет некоторые повторяющиеся мотивы рассказов о снах (в частности – иномирные мотивы зова или увода сновидца умершим; предупреждения сновидца иномирным персонажем об опасности или смерти; мотивы имянаречения ребенка умершим родственником или сакральным персонажем и т.д.); указывает на соотносимость снов с отмеченными моментами «жизненного цикла родственников» – браком, рождением, смертью / болезнью; дает определенное представление о сфере бытования снов и традиции их рассказывания; называет основные функции, которые выполняют данные тексты в «пространстве» семейно-родственного дискурса[40].

Говоря о контактах покойников и живых, исследовательница отмечает, что «различия между приходом умершего во сне и "наяву", в принципе, не делается, так как функционально оба способа появления равноправны» [Разумова 2001: 111]. Однако «по истечению ритуально-траурного периода "материальные" знаки посещений (шумы, перемещения предметов) собственно "видения" уступают место сновидениям, которые становятся если и не единственной, то преобладающей формой контакта мертвых и живых» [там же]. Таким образом, подчеркивается временная приуроченность актуализации текстов того или иного жанрового образования (былички / рассказа о сне) к конкретному этапу похоронно-поминального обряда.

Важно также замечание исследовательницы о том, что «формы контакта живых и умерших при всей устойчивости и универсальности очень индивидуализированы» [Разумова 2001: 123].

---

[38] Критическое рассмотрение данной классификации см.: [Живица 2004: 55].

[39] Общее количество информантов, фрагменты из интервью которых используются в монографии, – более 1000. Дифференциация опрашиваемых по какому-либо критерию не проводилась [Разумова 2001: 10].

[40] См. параграфы: *Семейная антропонимия, Эмоционально-телесный код, Символика сновидений, Умершие и живые*: [Разумова 2001: 56–124]

На наш взгляд, эта особенность обусловлена множественностью контекстов (прагматического, общекультурного, ситуационного и др.), в которых происходит dream-telling. Сон – сообщение на языке, основная особенность которого в его «огромной неопределенности» [Лотман 2000а: 124]. Рассказ о сне всегда функционирует на пограничье индивидуального и общего, «существует где-то на грани между неопределенностью, хаосом ("энтропией") сновидения и упорядоченностью традиции» [Сафронов 2004: 223–224]. Это также необходимо учитывать при анализе жанровых и других особенностей изучаемых текстов.

* * *

Говоря далее об истории изучения сна в контексте восточнославянской традиционной культуры, можно констатировать, что за исключением единичных случаев все известные нам исследования, в той или иной степени затрагивающие данную тему, рассматривают рассказы о снах в тесной связи с другими фольклорными жанрами (в основном – относящимися к несказочной прозе). И это вполне закономерно. Более того – такой подход представляется наиболее перспективным, поскольку подключает к изучению данного феномена весь богатейший инструментарий, применяемый для анализа устного нарратива[41].

С.М. Толстая, не раз обращавшаяся к данной тематике, анализирует рассказы о снах в сопоставлении с быличками, поверьями, похоронно-поминальными обрядами, формулами народного сонника, приметами и обмираниями[42].

С одной стороны, С.М. Толстая (подтверждая наблюдение, сделанное еще А.В. Баловым), подчеркивает различие на мотивном уровне между текстами, повествующими о приходе покойника наяву и *во сне*: в отличие от быличек, «во сне обычно являются "праведные" умершие, <…> их приход чаще всего носит "коммуникативный" или "провиденциальный" характер: покойник обращается к родственникам с просьбами или упреками или же "зовет" к себе, т.е. предсказывает смерть» [Толстая 2001: 152]. С другой стороны, она говорит о том,

[41] О подходах к определению самого понятия «нарратив» и некоторых моделях его анализа см., напр.: [Бремон 1987; Веселова 2000; Греймас 1985; Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001; Тюпа 2001, Шмид 2003 и др.].

[42] Помимо уже упоминавшихся статей в сб. «Сны и видения…» и в журнале «Живая старина» (1999, № 2), можно назвать следующие ее работы, касающиеся исследуемых нами текстов: [Толстые Н.И. и С.М. 1995; Толстая 2000; Толстая 2001; Толстая 2003; Толстая 2004а].

что эти разные виды «посмертного хождения смешиваются»: указываются общие причины «хождения», «приснившиеся и привидевшиеся покойники могут одинаково вести себя, в обоих случаях приход может вызывать страх живых и одинаковые защитные действия» [там же].

В статье «Иномирное пространство сна», опубликованной в упомянутом выше сборнике «Сны и видения в народной культуре…»[43], С.М. Толстая, сопоставляя эти две группы текстов, делает акцент на региональной специфике схождений / отличий между ними. Так, по данным Полесского архива основные мотивы рассказов о приходе умершего во сне и наяву совпадают (учитываются также поверья и запреты, связанные с этими текстами). Любопытно, что часть полесских информантов вопрос собирателей: «Что делали, чтобы покойник не ходил?» – понимали как относящийся именно к сновидениям [см.: Толстая 2002: 207].

В польской традиции (по данным С. Небжеговской[44]) сны также содержат общие с полесскими мотивы просьбы / претензии умерших к живым, однако, как пишет С.М. Толстая, «по сравнению с полесскими в них, пожалуй, *слабее выражена идея вредоносности явления покойников во сне* (подчас эти посещения оказываются желанными)» [там же: 210, курсив наш – Е.С.].

Болгарские (влашские) рассказы о снах, судя по публикации А. Георгиевой[45], «в большей степени, чем полесские и польские, повествуют о жизни умерших на “том” свете» [там же].

Надо сказать, что такие региональные акценты (особенно, что касается польской и влашской традиции), как признает сама С.М. Толстая, основываются на относительно небольшом – в количественном плане – текстовом материале. Например, рассказов о снах, в которых фигурируют покойники, в монографии С. Небжеговской опубликовано только 17. Если говорить о влашских рассказах, то акцент на тематике иного мира здесь – в какой-то степени – обусловлен, вероятно, и общей направленностью самой публикации А. Георгиевой на подобные рассказы. Что касается Полесья – то «идея вредоносности» (бóльшей, чем, например, в польских рассказах) являющихся покойников может, вероятно, также расцениваться неоднозначно, на что обращает внимание сама С.М. Толстая в статье «*Полесские* поверья о ходячих покойниках»: «Общение с покойниками во сне, как правило, не имеет столь губительных последствий, как их приход наяву» [Толстая 2002: 152].

[43] [Толстая 2002].

[44] [Niebrzegowska 1996].

[45] [Георгиева 2000].

Таким образом, региональная спецификация по таким критериям, как «более вредоносный / менее вредоносный» оказывается, на наш взгляд, не совсем четкой. Это противоречие объясняется, видимо, не только часто фиксируемым фактом амбивалентной[46] оценки природы покойника внутри одной традиции (как персонажа сна, былички и т.д.[47]), но и тем, что «в имеющейся литературе при общем обилии рассказов о посещении покойниками своих живых родственников почти не было попыток выделить и специально рассмотреть тексты, повествующие о явлении покойников во сне» [Толстая 2002: 206].

Подчеркнем, что работы С.М. Толстой имеют особое значение для нашего исследования, поскольку в них акцентируется внимание на иномирных снах – основном объекте нашего анализа.

Как отмечает исследовательница, «иномирная природа сна проявляет себя в нескольких устойчивых сюжетах и мотивах, образующих особую область традиционных народных представлений о сновидениях и оформленных в виде клишированных текстов “снотолкований” и рассказов о снах» [Толстая 2002: 199]. С.М. Толстая, таким образом, разграничивает сны-символы, в которых «образы покойников <…> по своей логике ничем не отличаются от других “знаков” смерти», и сны-нарративы, «имеющие, так сказать, программирующую функцию и контролирующие взаимоотношения между миром живых и миром мертвых» [там же: 206][48].

Действия иномирных персонажей достаточно однотипны (*просьба, предъявление различных претензий, предупреждение* и т.д.) [там же; см. также: Панченко 2002а: 13]. Эти действия и составляют основу сюжета рассказов об иномирных снах. Их подробное рассмотрение мы представим в третьей и четвертой главах данного исследования.

Заметим, что проблема отличий / схождений между снами и быличками, снами и обмираниями и т.п. (на мотивном, структурном, прагматическом и др. уровнях) – это вопрос о жанровых границах исследуемых текстов. Весьма любопытна в этом отношении (а также – в

[46] Употребляя данный термин, мы осознаем его абстрактность и малую объяснительную силу (на что указывает, например, Н.И. Толстой – [Толстой 1997: 107]). Однако в некоторых случаях использование его оправданно (встречаются тексты сновидений, в которых описывается действительно противоречивое поведение умершего: напр., покойник одновременно обнимает и душит сновидца).

[47] См. напр.: [Виноградова 2001: 34; Разумова 2001:119; Сафронов 2006а].

[48] Ср.: [Панченко 2002а: 12–13].

связи с региональной приуроченностью тех или иных особенностей рассматриваемых текстов) статья Ж.В. Корминой и С.А. Штыркова «Мир живых и мир мертвых: способы контактов…»[49].

В данной работе исследователи на материале двух сельских регионов Северо-Запада России (Сланцевского района Ленинградской области и Хвойнинского района Новгородской области) выделяют два варианта традиции, связанные с двумя отличными друг от друга стратегиями «построения отношений с миром мертвых» [Кормина, Штырков 2001: 206].

В традиции 1 (Сланцевский район) «умерший воспринимается как "виртуальный" член социума, т.е. как "ассоциированный член" семьи, общины и т.д., общение с ним урегулировано в рамках поминальной обрядности» [там же]. Похороны здесь коллективны (т.е. в них принимает участие практически все село), поминки осмысляются как общение с «родителями» и происходит в «терминах гостеприимства» [там же: 207–209, 219]. В традиции 2 (Хвойнинский район) «покойник мыслится как принципиально асоциальное существо, контакты с которым нежелательны». В похоронах в данном локусе участвуют только близкие родственники, контакты с умершими «переживаются в терминах агрессии со стороны последних», действия живых при этом направлены на «проведение жесткой границы» между мирами (покойник здесь – «чужой») [там же: 214, 218–219].

Принципиально важно то, что в первом варианте традиции распространены «рассказы о *снящихся* покойниках», во втором – «рассказы о "приходящих" [*наяву*] мертвецах» [там же: 210].

На наш взгляд, ситуация, обрисованная выше, носит несколько тенденциозный характер. Это, впрочем, подчеркивают сами исследователи, говоря о том, что «речь может идти именно о тенденциях в концептуализации <…>. Подобное сочетание тенденций образует некий кластер аналитически выделяемых признаков, идеализированную конфигурацию традиционных представлений» [там же: 220].

Основное внимание в статье сосредоточено на полюсных схемах, помогающих выявить именно отличия в представлениях об умерших в двух разных региональных традициях. Более распространенной, по всей видимости, является ситуация сложного взаимодействия упомянутых выше конфигураций, «перетекания» одного жанрового образования в другое. Это обстоятельство значительно усложняет общую картину сосуществования двух рассматриваемых жанров.

[49] [Кормина, Штырков 2001].

Нередко одни и те же мотивы разрабатываются как сновидениями, так и быличками о покойниках. Помимо возможного расподобления по региональному критерию, данные группы текстов могут дифференцироваться и на жанровом уровне. Так, опираясь на другой – в региональном отношении – материал (записанный, в основном, в Ульяновской области), можно говорить, например, о том, что приходящий наяву покойник более инфернален, опасен, его природа не ясна: всегда есть сомнение в том, кто он. Не случайна в этом отношении распространенность рассказов, связанных с «опознанием» нечистой природы явившегося. Для снов более характерен приход покойника, по отношению к которому сомнения в его, так сказать, экзистенциальном статусе возникают реже. Отметим, однако, что это также – только тенденции: существует масса исключений из «правил».

Возвращаясь к исследованиям С.М. Толстой, нельзя не упомянуть ее работы, посвященные еще достаточно мало изученной группе фольклорных текстов, – так называемым «обмираниям». Необходимость обращения к данным текстам обусловлена не только четко осознаваемой – как исследователями, так и информантами – близостью (иногда – отождествлением) этих текстов с рассказами о снах, но и сфокусированностью нашего анализа на тематически ограниченной группе инобытийных сновидений. В центре сюжета и тех и других – контакт с иным миром.

По С.М. Толстой, обмирания – это «особый тип текстов о сновидениях», повествующих «о случаях летаргического сна, во время которого спящий общается со своими умершими родственниками на “их территории”, т.е. посещает “тот” свет»[50]. [Толстая 2002: 211]. Исследовательница называет 6 черт, отличающих обмирания от формул сонника и рассказов о снах:

1) «в них представлена не обыденная ситуация сна, а экстраординарный случай летаргии, воспринимаемой как болезненная аномалия и трактуемой в категориях сверхъестественного»;

2) спящие выступают в роли «активных» персонажей, хотя и действующих «отчасти по воле какой-то высшей силы»; они попадают в иной мир и становятся «наблюдателями его порядков»;

3) отмечается нередкая «назидательность» сцен загробной жизни, выраженная через демонстрацию «посмертных мучений разных категорий грешников»;

[50] Ср. также: [Лурье, Тарабукина 1994: 22; Грицевская, Пигин 1993: 48; Уигзелл 2005: 349].

4) указывается на частотность образа проводника, основная функция которого – интерпретировать увиденное, а также перечисляются основные категории персонажей, могущих выступать в этой роли, – «старик, “сивенький дедок”, умерший родственник, персонаж сакрального мира – ангел, архангел, святой»;

5) отмечается наличие мотива получения «тайного знания», которое нельзя сообщать, вернувшись из иного мира;

6) «наконец, в жанровом и сюжетном отношении тексты обмираний отличаются гораздо большей определенностью и более жесткой структурой сравнительно с рассказами о явлении покойников в сновидениях» [Толстая 2002: 212].

«Более жесткая структура» рассказов об обмираниях, как указывают Н.И. и С.М. Толстые, обычно имеет трехчастный характер и состоит из:

– заставки, «предуведомляющей» визионера о предстоящем обмирании либо просто «вводящей в ситуацию»;

– «основной части», содержащей информацию о реальной продолжительности обмирания и о том, что «делал и что видел спящий на том свете»;

– «концовки», описывающей пробуждение и «возвращение на землю», иногда также дальнейшую судьбу визионера [см.: Толстые 1995: 459; Толстая 1999а: 22; Толстая 2004а: 462].

О трехчастной структуре обмираний говорят также, например, М.Л. Лурье и А.В. Тарабукина [см.: Лурье, Тарабукина 1994: 22]. По мнению С.М. Толстой, подобная устойчивость структуры и «содержательное единство» обмираний позволяет говорить об определенной «жанровой самостоятельности» данных текстов [Толстая 1999а: 22; Толстая 2004а: 462].

На наш взгляд, такой подход вполне оправдан, однако необходимо иметь в виду, что:

во-первых, подобная структура свойственна не только обмираниям, но и, например, большинству иномирных сновидений, некоторым «вещим» снам[51]: сама ситуация dream-telling нередко предполагает включение в рассказ трех обозначенных выше частей (*что предшествовало сну – пересказ сна – что последовало за сном*);

во-вторых, некоторые черты обмираний, названные С.М. Толстой, также свойственны рассказам об инобытийных снах. Не случайно в

[51] Ср., напр., сходные пункты в «схеме» рассказа о вещем сне, которую предлагает М.Л. Лурье: [Лурье 2002: 29–30; Лурье, Черешня 2000: 277–278].

относительно немногочисленных научных публикациях обмираний[52] рядом с ними соседствуют рассказы об иномирных сновидениях [см.: Лурье, Тарабукина 1994: тексты, № 4, 5: 26]. Такие тексты могут определяться как «сны-обмирания» [Лурье, Тарабукина 1994: 24], при этом уточняется, что последние «реже и в меньшей степени воздействуют на судьбу сновидца, чем собственно обмирания» [там же]. Показательно, что некоторые исследователи относят к обмираниям все те рассказы, в которых человек «в состоянии комы, сновидения или необыкновенно глубокого сна <…> посещает тот свет» [Уигзелл 2005: 349].

В-третьих, указанные структурные части обмираний не являются жестко обязательными: каждая из частей (в том числе – основная) могут редуцироваться, подразумеваться и т.д. Например, рассказ об обмирании, опубликованный М.Л. Лурье, А.В. Тарабукиной [Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 2], состоит фактически только из 2–ой, основной, части. «Заставка» редуцирована до предложения «Обмирала Фекла какая-то», «концовка» (в том смысле, как ее понимает С.М. Толстая) отсутствует, – ее замещает дидактическое высказывание: «Злиться нельзя на человека…».

Рассказ о самом факте обмирания (т.е. без описания того, что собственно приснилось) также может функционировать отдельно. С.М. Толстая, отмечая факт существования подобных текстов, предлагает отличать обмирание как «жанровую разновидность фольклорной прозы» от верования в то, что человек странствует по иному миру во время летаргического сна, а также от рассказов «о самих событиях обмирания (летаргии), которые могут входить в тексты “обмирания” на правах событийной рамки, но могут существовать и независимо» [Толстая 1999а: 22].

Как показывает полевой опыт записи подобных текстов, в настоящее время рассказы о событиях обмирания (свидетельства о том, что некто обмирал) более частотны, нежели рассказы о собственно обмираниях[53]. Отсутствие более ранних сведений (за исключением опосредованных – например, мемуарного характера[54]) о функционировании

[52] Ср.: «Из-за отсутствия репрезентативных подборок текстов об обмираниях остается невыясненной их типология, география и история у славян» [Толстая 2004а: 462].

[53] См., напр.: [Добровольская 1999]; то же подтверждает наша собственная работа в поле.

[54] См. отрывок из воспоминаний Я.П. Полонского, указанный С.М. Толстой: [Толстая 2002: 212–213].

таких текстов в устной традиции не позволяет говорить о возможной эволюции соотношения: рассказ об обмирании / рассказ о событиях обмирания.

Добавим, что практически все исследователи, писавшие о данном жанре фольклорной прозы, указывают на своеобразную пограничность этих текстов – как продукта устной и письменной культур (например, говорится о возможном влиянии / взаимовлиянии апокрифов, духовных стихов, видений, средневековых exempla, легенд, сказок, житий святых, иконографии и т.д.)[55]. Исследования и публикации (также немногочисленные), связанные с письменными формами обмираний, интересны нам анализом текстов, в которых обозначенные выше основные черты и мотивы представлены более подробно и детально[56].

Как пишет М.П. Чередникова, «в устных рассказах, как правило, разрабатываются лишь некоторые мотивы письменных сюжетов». Рукописные варианты выполняют «консервирующую функцию», фиксируя «местный инвариант текста», повторяющиеся мотивы, см.: [Чередникова 2002: 229, 238]; также – [Никитина 1993: 40–41]. Это не означает, что устные рассказы об обмираниях не имеют своей специфики. Можно утверждать, что письменные формы более развернуты и эклектичны (в смысле большей возможности использовать различного рода реминисценции), в них более развита дидактическая функция, эксплицитно проявлено влияние книжной «духовной» литературы (например, «Хождения Богородицы по мукам», «Слова о видении апостола Павла», «Сказания отца нашего Агапия…» и др.), их бытование, а иногда и генезис, нередко менее связаны с конкретной региональной традицией и т.д. Многое зависит, естественно, от конкретного текста.

Еще более определенно назидательность подчеркивается в письменных средневековых видениях, в некоторых случаях приобретающих характер политического памфлета [см.: Гуревич 1981: 176–239], ср. Видение Карла III – [Ярхо 1989: 51–53]. Устные рассказы об обмираниях, при несомненном воздействии всех выше названных форм (иногда – существенно редуцированных), по некоторым критериям ближе к рассказам об иномирных снах, нежели письменные[57].

[55] См., напр.: [Толстая 2002: 211–212, 218; Толстые 1995: 459–460; Толстая 1999а: 22; Толстая 2004а: 464; Чередникова 2002; Паунова 2002; Грицевская, Пигин 1993; Пигин 2006; Лурье, Тарабукина 1994; Шевченко 1999], также – [Гуревич 1981: 176–239; Гуревич А. 1990: 161–178; Гуревич 1989].

[56] См., напр.: [Чередникова 2002; Пигин 1993; Пигин 2006; Неклюдов 1994; Шевченко 1999].

[57] Более подробно см. об этом в четвертой главе данного исследования.

Наиболее важным из сказанного выше является общность разрабатываемых снами и обмираниями иномирных мотивов, близость структуры этих рассказов, а также учет возможного влияния названных выше жанров фольклора и «духовной литературы» на выбор и разработку указанных мотивов.

В связи с ориентацией схематического обзора, представленного выше, на те исследования, которые анализируют роль сновидений в восточнославянской традиционной культуре, нами упомянуты, но подробно не разобраны некоторые значимые работы зарубежных исследователей[58]. Как замечает А. Кайвола-Брегенхой, фольклористических исследований, посвященных рассказам о снах, относительно немного [Kaivola-Bregenhøj 1993: 211]. Совершенно другая ситуация в отношении антропологических штудий данной проблематики[59].

Важные замечания об изучаемых текстах есть также, например, в следующих работах: [Панченко 2003; Лурье, Черешня 2000; Бобылева, Миргородская 2000; Тодорова-Пиргова 1999; Веселова 2000; Садова 2003; Криничная 2004, 2005; Сны и видения 2006; Шарапов 1995] (последнее – на материале коми).

Названные и другие исследования (в том числе – иностранные) в том или ином аспекте будут представлены ниже, – в связи с конкретными проблемами следующих глав настоящей работы.

Подведем некоторые итоги:

1. Работа по фольклористическому изучению рассказов о снах только начата, необходимо не только монографическое рассмотрение данной проблематики, но и введение в научный оборот репрезентативных публикаций текстов.

2. Исследователями дано системное описание жанра устного народного сонника, его структуры и принципов соотнесения внутри «текста-бинома»; выявлены основные дифференциальные признаки устных и письменных сонников, а также текстов, в которых реализуются сно-

[58] См., напр.: [Virtanen 1989; Kaivola-Bregenhøj 1993]; ср. также – [Wigzel 2003; Уигзелл 2005] и др.

[59] См., напр., объемные библиографические списки в монографии О' Нелла: [O'Nell 1976: 72–80], а также на сайте: http://www.angelfire.com/ak/electricdreams/anthro.htm. Из отечественных публикаций последнего времени, посвященных проблеме сна и сновидений в антропологическом аспекте, см., напр., подборку статей в одном из номеров журнала «Этнографическое обозрение» (2006 г., № 6); там же библиография вопроса.

видческие приметы, – при этом нередко указывается на сложный и неоднозначный характер реализации формул сонника в рассказах о снах.

3. В работах, посвященных упомянутой проблематике, с одной стороны, отмечается близость (иногда – тождество) рассказов о снах с некоторыми жанрами несказочной прозы (быличками, легендами, обмираниями и т.д.), с другой – их отличие (на разных уровнях и по различным критериям). При этом четкости в определении жанровой природы этих текстов нет – они называются то быличками, то снами-обмираниями, то легендами, то рассказами о снах – часто без уточнения того, что под этими терминами подразумевается.

4. Созданы различные варианты систематизации и классификации рассказов о сновидениях, есть попытки составления своего рода указателей основных мотивов [см., напр.: Живица 2004: 56–61].

5. Подчеркивается важность учета сферы бытования исследуемых текстов, функций текста в том или ином социально-культурном окружении, зависимость особенностей рассказа от социальной позиции говорящего и его аудитории, т.е. акцентируется прагматический аспект (напр.: [Толстой 1994а; Разумова 2001; Христофорова 1998; Панченко 2002а, 2003 и др.]).

Глава 2
Фольклорные и нефольклорные рассказы о снах: критерии разграничения

§ 1. Общие вопросы дифференциации: разовые тексты, тексты-«молва» и фольклор

В этой главе мы представим общую характеристику рассказов о снах в их современном бытовании. Дальнейшее описание и классификация изучаемого материала предполагает необходимость дифференциации известных нам текстов. Прежде всего, нужно разграничить два понятия: сны, которые вообще рассказываются, и сновидения, которые можно отнести к фольклору[1].

Наше предположение состоит в следующем: если любой фольклорный сон a priori является рассказанным, то далеко не каждый рассказанный сон можно считать фольклором.

Таким образом, цель этой главы – попытаться ответить на два вопроса:

1. Какие сны обычно вербализуются в процессе «естественной» коммуникации? Что способствует этому?

2. Какие сновидения (из общей массы вербализованных снов) фольклоризуются? Каковы причины этого?

Выше мы взяли определение «естественная» (коммуникация) в кавычки по той причине, что большинство текстов зафиксировано в процессе собирательской работы (т.е. представляют собой ответы на специальные вопросы собирателя). Это в какой-то степени компенсируется тем, что основной вопрос, который мы задавали информантам, касался наиболее запомнившихся им сновидений, т.е. рассказчики не были изначально ограничены тематически[2]. Кроме того, определенное количество текстов записано с использованием метода включенного наблюдения.

---

[1] Термин «фольклор» в дальнейшем мы, в основном, употребляем в узком смысле – в его вербальной экспликации (см. некоторые важнейшие положения об узком и широком понимании фольклора в кн.: [Путилов 2003: 18–62]).

[2] Важные замечания об этом см.: [Кормина].

Следует учитывать также, что далее мы описываем, в основном, «идеальные» схемы фольклорных и нефольклорных рассказов о снах, поскольку в реальном бытовании основной спектр исследуемых нами текстов располагается на пересечении двух указанных множеств.

Трудности разграничения фольклорных и нефольклорных рассказов о снах – это часть общей проблемы, связанной с дифференциацией фольклорной прозы (мемораторов, устных мемуаров, personal experience stories и др.) и текстов бытовой коммуникации (так называемых «разовых»)[3]. Из основных признаков фольклорности[4] мы подробнее остановимся на тех из них, которые позволяют отграничить два условно выделяемых типа рассказов наиболее четко.

В статье «Современные устные рассказы» С.Н. Азбелев к главным критериям фольклорности относит «общественный интерес»[5], обусловленный «общими чертами общественного положения» информантов, и степень распространенности того или иного текста: «Фольклорен только тот устный рассказ, содержание которого представляет *общественный интерес*. Такой рассказ неизбежно "оторвется" от своего автора и первого исполнителя, станет передаваться из уст в уста – независимо от того, известен или не известен передатчикам рассказа его автор» [Азбелев 1964: 159; курсив авт.]. Последний признак («оторванность» от своего создателя), по С.Н. Азбелеву, является «наиболее надежным признаком», позволяющим «во всех случаях судить с полной уверенностью, что это произведение, *если оно создано устно*, действительно относится к фольклору» [там же: 160; курсив авт.].

Признавая важность данных критериев, отметим, что строгое следование этим принципам разграничения оставляет за пределами

[3] О близости жанров несказочной прозы и «обычной обиходно-практической речевой деятельности» см., напр.: [Чистов 2005: 181–182 и др.].

[4] Наиболее общие признаки «фольклорности»: устность; вариативность; коллективность; интенция на традицию (стереотипность, формульность и т.п.); безличность («анонимность» и т.п.); инклюзивность; трансмиссионность; «синкретизм» и др. (см. различные замечания об этом, напр.: [Путилов 2003; Чистов 2005; Чистов 1986; Веселовский 1989; Неклюдов 2001b, 2002, 2005; Богатырев, Якобсон 1971; Пропп 1976a, 1976b, 1976c; Жирмунский 2004b; Ben-Amos 1971, 1976] и мн. др.

[5] Ср. известное положение П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона о так называемой «предварительной цензуре коллектива»: «… устное произведение <…> становится фольклорным фактом только с момента его принятия коллективом» [Богатырев, Якобсон 1971: 337].

фольклора достаточно большое количество текстов «переходного»[6] характера – значительную часть мемораторов, устных рассказов, рассказов о сновидениях и др. Принцип общественного интереса, на наш взгляд, достаточно абстрактен и не может служить полноценным критерием демаркации разовых текстов и жанров фольклорной прозы. Его конкретизация иногда ведет к неоправданному сужению объема такого понятия, как «folk-группа».

Так, С.Н. Азбелев пишет: «…Интерес к этому рассказу [т.е. фольклорному, социально «интересному» – Е.С.] не ограничится кругом лиц, являющихся членами семьи самого рассказчика, его родственниками и знакомыми» [Азбелев 1964: 159].

Фактически данный тезис не позволяет говорить, например, о семейном фольклоре, требуя обязательного «отрыва» текста от того непосредственного культурно-речевого контекста, в котором он получил свое оформление[7]. В этом отношении, на наш взгляд, более адекватна позиция А. Дандеса (поддержанная Б.Н. Путиловым), который трактует понятие «folk-группа» несколько шире: «У каждой семьи есть свой фольклор <…>. В конечном счете число участников группы не имеет значения, *их может быть даже просто два*» [Путилов 2003: 59; курсив наш – Е.С.]; см. также: [Гусев 1967: 21].

Тексты-мемораты[8], записываемые фольклористами, обычно представляют собой фиксацию рассказа от того экспедиента, в чьих устах данный текст имеет характер «свидетельского показания» (иногда – в устах только этого человека данный текст и может полноценно состояться, – см., напр.: [Гончарова 1986: 127; Чередникова 1992: 105]).

Даже если подобные тексты воспроизводятся не очевидцем события, основная интенция говорящего – придать рассказу характер свидетельства. Такой эффект, в частности, создается либо благодаря ссылке на авторитет (нередко неопределенного характера, маркированного

[6] Ср. у К.В. Чистова: «Прозаическая фольклорная устная речь, воплощающаяся в целом веере жанров, отделена от обыденной речи не столь резко обозначенной границей, а, условно говоря, *полосой перехода*» [Чистов 2005: 60; курсив наш – Е.С.]; см. также: [Путилов 2003: 48].

[7] Возможность успешного изучения фольклорной традиции семьи подтверждается современными фундаментальными исследованиями в этой области – см., напр.: [Разумова 2001].

[8] Этот термин употребляется в данном случае как обозначение всей совокупности текстов, противопоставленных так называемым «фабулатам» (см., напр.: [Померанцева 1975: 4]).

вводными замечаниями типа – «говорят», «люди рассказывали»[9]), либо за счет плавного перехода от не-Я к Я (и наоборот)[10], либо за счет симультанного использования того и другого (ср., примеры текстов: [Зиновьев 1987а: 10–13]).

Названные особенности смещают составляющие фольклорности в указанных текстах в иную плоскость, тесно не связанную со степенью распространенности или с мерой «общественного интереса».

Некоторые исследователи писали также о важности эстетического фактора в определении фольклорности текста[11]. С одной стороны, есть работы, в которых прямо указывается на центральное положение «художественности» как критерия фольклорности текста: в 50–60 гг. XX века в советской фольклористике эта проблема вызвала бурную дискуссию (в основном, в связи с определением статуса так называемых «устных рассказов»)[12]. Прозрачность границ между фольклорным / нефольклорным заставляла обращаться к общим вопросам о том, что такое фольклор и каковы границы фольклористики. Иногда это приводило не только к отрицанию фольклорности «устных рассказов»[13], но и к сомнению вообще в релевантности фольклористического подхода к современным «формам народного творчества» (в частности, предлагалось передать функции фольклористики «массовому искусствознанию»)[14].

С другой стороны, ориентация на эстетический фактор рассматривается как оппозиция информационной функции. Соответственно, доминирование той или другой интенции служит критерием жанровой дифференциации [см., напр., Чистов 2005: 44–51].

Тексты, относящиеся к жанрам «с доминантой информационной функции» (в основном – несказочная проза), считаются жанрами, в наименьшей степени отграниченными от сферы бытовой коммуникации, разовых текстов [см. там же: 16, 167–168, 181–182 и др.].

Разовые тексты (в отличие от фольклорных) характеризуются, по К.В. Чистову, следующей совокупностью признаков:

---

[9] См.: [Гончарова 1979: 176].

[10] См., напр.: [Чередникова 1992].

[11] Об общих вопросах эстетики фольклора см.: [Гусев 1967]; замечания о неоднозначности применения этого принципа к фольклорному материалу – см.: [Путилов 2003: 24–26 и сл.].

[12] См. некоторые замечания и критические обзоры данных работ: [Азбелев 1964; Емельянов 1960].

[13] См. [Емельянов 1960: 247–264].

[14] См. [Емельянов 1961: 6–33].

– продуцируются в процессе «обыденного общения», «бытового разговора»;

– не удерживаются в традиции, «т.е. не запоминаются и не воспроизводятся вторично и в дальнейшем любое количество раз»;

– не ограничены временем и заранее заданной программой;

– отличаются «большей или меньшей аморфностью структуры», создаваемой «совершенно заново, впервые» [см. там же: 60, 70 и сл.].

Подчеркнем, что эти признаки необходимо рассматривать только как тенденции, поскольку грани между разовыми и фольклорными текстами «зыбки, неопределенны и имеют тенденцию к размыванию, а не укреплению» [Путилов 2003: 48].

Открытость культурного поля вербального фольклора [см.: Путилов 2003: 48] позволяет говорить о возможном – при широком подходе – включении в орбиту фольклора и «текучих» текстовых форм, находящихся на пограничье между разовыми текстами и собственно фольклором.

Исследователь в большинстве случаев лишен возможности проследить судьбу возникшего здесь и сейчас текста бытовой коммуникации. В этой неопределенности и «состоит, собственно, трудность различения текстов, не имеющих шансов стать фольклорными, от тех, которые такие шансы имеют» [Чистов 2005: 60]. Как пишет К.В. Чистов, неучет данного обстоятельства приводил некоторых исследователей к позиции, позволяющей «любой устный рассказ (или еще уже — любое устное высказывание) <…> объявить фольклорным явлением» [там же: 61].

Поскольку говоря о нефольклорных феноменах, мы в какой-то степени выходим за пределы одной теоретической дисциплины, есть необходимость более широкого подхода, – в частности, основывающегося на принципах семиотики.

Как полагает Ю.В. Рождественский, в устной речи выделяется «три семиотических типа текста: разовое сообщение, молва и фольклор» [Рождественский 1970: 221]. Первое относится к «нерепродуцируемым», два последних – к «репродуцируемым» текстовым типам. Формы репродукции представлены двояко: «текст может быть сообщен одному и тому же лицу только один раз; такой текст называется *молвой*; <…> текст может быть сообщен одному и тому же лицу как угодно много раз; такой текст в семиотике называется *фольклором*» [см. там же; курсив авт.].

Заметим, что, в соответствии с приведенным разграничением, определенное количество рассказываемых сновидений функциони-

руют как «хорошая история»[15], «одноразовый товар» (a disposable commodity) [Virtanen 1989: 144], который нельзя «продать» несколько «раз одним и тем же людям без риска быть прерванным словами: “Про это мы уже знаем”» [Рождественский 1970: 220]. Это означает, что некоторые рассказы о снах, исходя из предложенной классификации, учитывающей, прежде всего, отношение «создателей и получателей к самим текстам» [там же: 221], имеют переходный характер (по шкале разовый / фольклорный) и близки к молве.

К их числу мы относим, например, тексты сновидений, сюжет или отдельные элементы сюжета которых имеют комический характер и в силу определенных особенностей значимы для группы. Так, в нашей коллекции есть несколько записей сновидений, в сюжете которых задействованы персонажи, имеющие в реальности более высокий социальный статус, чем у сновидца и его непосредственного окружения (обычно – руководителя рассказчика по работе и т.п.).

Описанная в рассказе необычная или комическая ситуация может расцениваться группой как good story и функционировать подобно молве (в вышеуказанном значении данного термина).

Ср.: «В общем, она [сновидица, коллега по работе информантки – Е.С.] рассказывала сон, что они с Р-вой [одним из руководителей данной организации – Е.С.] в бане мылись, и как будто бы там была одна шайка. Наташа её схватила и Р-ва ей говорит: “Отдай мне шайку! Я – твоя начальница, и ты должна мне уступить!” [смеется]. А Наташа как будто бы не отдаёт ей шайку, – в общем, они из-за этой шайки чуть ли не подрались. Наташа потом говорит: “Я так проснулась и так и не знаю: отняла я у неё шайку или нет”. Соб.: “Вы затем, услышав от неё сон, пересказывали его кому-нибудь третьему?” Инф.: “Ну, да <…>, потому что над Р-вой любят посмеяться, прикольный сон потому что…”» (*СОВ*).

Такие тексты по функции близки к жанру анекдота[16], однако в отличие от последнего, мало применимы за пределами конкретного времени и того социально-культурного пространства, в котором получили свое первичное оформление.

[15] Ср. пример Л. Виртанен – сон о бывшем финском президенте J.K. Paasikivi, который некоторое время бытовал в своем кругу как good story [Virtanen 1989: 144].

[16] Вероятно, в этом смысле не случайна и отмечаемая некоторыми исследователями близость пересказов снов и анекдотов на формально-языковом уровне [см.: Архипова 2003].

Следует отметить, что критерий однократности / неоднократности воспроизведения текста перед той или иной аудиторией во многом формален. Только при учете целого ряда различных критериев (структурно-содержательных, коммуникативных, функциональных и т.д.) возможно адекватно дифференцировать и описать исследуемые текстовые типы и их конкретные реализации.

Таким образом, разграничение рассказываемых сновидений на три семиотических типа текстов важно для нас не само по себе, а возможностью соотнести ряд текстов с конкретными группами признаков (по шкале нефольклорность / фольклорность) и показать потенциальный переход из одного типа в другой. К факторам, способствующим переходу рассказа из одного семиотического типа текста в другой, можно отнести, например: наличие в рассказе узнаваемых образов-мотивов, апеллирующих к лично и / или социально значимым ценностям и смыслам; присутствие в тексте сна трансформации знакомого по реальности апперцептивного образа пространства; значимые условия коммуникативной ситуации и событийный контекст (бытовой и традиционно-обрядовый), располагающие не только к вербализации, но и, так сказать, настраивающие на особого рода интерпретацию приснившегося сна и т.д.

Например, такие события, как внезапная смерть близкого человека, поминки, предстоящие испытания, болезнь и т.п., имеющие переходный, судьбоносный характер, безусловно, повышают сам статус снов, соотнесенных с событийным контекстом, способствуют их воспроизводству и трансмиссии[17]. Вообще, стоит отметить, что то или иное соотнесение сна с реальностью (например, в так называемых «сбывшихся» снах) является одним из важных факторов, способствующих как вербализации сновидения, так и его переходу в фольклор.

Заметим, однако, что *рассказанным* может быть фактически любой сон[18]: для этого достаточно наличия у текста таких признаков, как «интересность», яркость, запоминаемость и т.п. Нужно учитывать также, что в современной культуре рассказывание сна нередко выполняет фатическую функцию, т.е. используется для поддержания разговора. В этом отношении характерны замечания Л. Виртанен о том, что

[17] О значимости лиминальных и ритуальных ситуаций для формирования особого отношения к сопровождающим эти ситуации текстам см.: [Разумова 2001: 106–107; Байбурин 1993: 210–211 и сл.].

[18] Естественно, что мы не учитываем здесь сны, не вербализованные по объективной причине их забывания, фрагментарности и т.п.

рассказы о снах могут использоваться в современной коммуникативной практике с целью развлечения, создания «эротической атмосферы» и т.п. [Virtanen 1989: 143][19]. Сновидения, получающие вербализацию в таком коммуникативном контексте, представляют собой «историю на любую тему», именно их можно считать разовыми, преимущественно нефольклорными.

Ср. следующие высказывания информантов[20], представляющие собой ответы на вопрос о том, какие сны обычно пересказывают и зачем это делается:

– «Ну, если сон интересный, то рассказывают, ну, для интереса рассказывают» (*ЛЛА*);

– «В принципе, это интересно, узнать, что приснилось твоему другу и подруге <…>, ну и так вот, как... поддержать отношения, разговор иногда» (*СЕС*);

– «Когда яркие сны приснятся, с подругой мы их обсуждаем. Это интересно... говорить о том, кто приснился, особенно, если этот человек знаком и мне и тому, кому я рассказываю...» (*ЛТА*);

– «Да, самые яркие сны, конечно, рассказывают. Это интересно… Мы, конечно, рассказываем не просто постоянно свои сны, а, например, когда каждому из нас что-нибудь яркое приснится, и тогда этот сон рассказываем» (*ММА*).

Приведем также некоторые образцы «одноразового товара». Тексты подобного типа не прикреплены к какой-то конкретной коммуникативной ситуации и, в принципе[21], могут быть рассказаны «где угодно: на пути в школу, между лекциями, на работе, по телефону, в письме», – особенно, если к этому есть соответствующая привычка [см.: Virtanen 1989: 138–139].

1. «Мне приснилось, как я заблудился в лесу. Я был один, наступила ночь, а я так и не выбрался. И никто не пришёл мне на помощь. Я забрался на дерево и стал кричать: “Помогите!”. И вдруг увидел вертолёт. Он прилетел за мной, и меня сняли с дерева, а в вертолёте сидели мои родители» (*МПП*).

2. «Вот один мне снился, когда я ждала долго письмо от молодого человека. Вот мне приснилось, что пришло письмо… И вот я такая счастливая была, – было такое ощущение счастья, какое вот

[19] См. также: [Kaivola-Bregenhøj 1993: 216].

[20] Данные реплики принадлежат молодым респондентам 18–20 лет, проживающим в городе.

[21] О некоторых исключениях см. ниже.

в жизни вообще почти не бывает, ну, то есть радость неимоверная, – ну, короче, неописуемая…» (*ДНМ*).

3. «Вчера мне приснилось, что я родила ребенка. И то, что этот ребенок был как на картинах Леонардо да Винчи. Он был очень добрый и молчаливый. И я его носила с собой и оставляла везде, а потом приходила за ним. И вроде лет мне было больше. И мне все время помогала мама» (*ТКА*).

Экзегеза таких сновидений иногда достаточно прозрачна и нередко осознается самими информантами (впечатления прожитого дня, нереализованные желания и т.п.). В этом отношении показательно предложенное И.А. Разумовой разграничение фольклорных и нефольклорных рассказов о снах на основе учета *внутренней мотивировки*. Исследовательница выделяет рассказы с сакральной (чаще всего связанной с темой «инобытия») и профанной мотивировкой. В основном, фольклоризуются первые, т.е. сновидения, которые самими рассказчиками связываются со сферой «сакральной информации» и истолковываются «символически» [см.: Разумова 2001: 86].

Под профанной мотивировкой И.А. Разумова имеет в виду те тексты, генезис которых информантами объясняется обыкновенными обстоятельствами жизни и является, по мнению исследовательницы, результатом усвоения «научной медико-психологической аргументации (сон – реакция мозга на реальные впечатления дня)» и т.п. [там же]. Сновидения, подобные приведенным выше, достаточно активно продуцируются, и их количество, по всей видимости, значительно превышает фольклорные тексты и сны, которые в силу определенных особенностей бытования мы сблизили с молвой (в ее семиотической интерпретации).

Говоря о так называемых разовых пересказах сновидений, представляется полезным (для создания более-менее целостной картины бытования изучаемых текстов) обратиться к работам, исследующим сны с точки зрения психологии, сомнологии, физиологии и т.п.

Весьма характерным, по нашему мнению, является наблюдение сомнологов, проанализировавших домашние отчеты о собственных снах у 650 человек, которые писали о том, что «в большинстве случаев сны *банальны и неинтересны*» [Борбели 1989: 43; курсив наш – Е.С.]. Во многом схожими являются и результаты, представленные в монографии доктора медицинских наук В.Н. Касаткина, основывающего свои выводы на материале из 16300 сновидений, «записанных во время специально поставленных опытов», и снов, «собранных у 1360

лиц разного пола, возраста, профессий, национальностей, у здоровых и страдающих различными заболеваниями» [Касаткин 1983: 3].

Ср., например, следующий текст (автор в соответствии с собственными задачами приводит сначала пересказ случившегося с респондентом накануне сна, затем – сам рассказ):

«Студент К. отметил, что 09.04.1937 г. вечером обильно ужинал с водкой (200–250 г), а в ночь с 9.04 на 10.04 ему снилось: «Ищу воду, хочу пить, вижу реку, припадаю к ней и жадно пью, но не могу напиться, кажется, чувствую прохладу воды. Затем пью жидкий борщ из ведра, но не могу утолить жажду. Просыпаюсь – очень хочется пить»[22] [Касаткин 1983: 71].

Представляется важным (именно с этой целью мы привели конкретный пример), что данные рассказы (точнее – отчеты о приснившемся) можно не только уверенно отграничить от преимущественно фольклорных текстов, но и от тех, которые составляют основной репертуар разовых. Большое количество таких отчетов, на которые ссылается В.Н. Касаткин, обусловлено, скорее, живым интересом врача к определенным аспектам исследуемой проблемы[23], нежели частотой продуцирования подобных текстов в реальной повседневной коммуникативной практике (обратим внимание на специфические условия фиксации этих сновидений).

В сновидениях, которые являются обычным предметом разговора, обсуждения и возможных интерпретаций (даже в том случае, если впоследствии текст больше ни разу не будет воспроизведен, т.е. может быть расценен как разовый) обычно присутствует некий «пуант», т.е. сон должен «содержать в себе нечто особенное, <…> поразительное или знаменательное» [Virtanen 1989: 138].

Рассказывающий сон так или иначе учитывает определенные «нарративные ожидания» слушателя, стремится соответствовать вполне конкретным «схемам рассказывания» [см., напр., Kaivola-Bregenhøj 1993: 217], в число которых, безусловно, входит ожидание интересного рассказа. Эта закономерность распространяется и на устные рассказы вообще: например, в меморатах о войне «осмысление действительности <…> идет путем извлечения из общего потока жизненных явлений чего-то необычайного, яркого, выходящего за рамки обыденности» [Гончарова 1986: 131].

[22] См. также: [Касаткин 1983: 38, 77 и др.]

[23] Например, исследователь приводит цифру в 1578 снов, «в которых отмечались стойкие зрительные сцены, связанные с актом мочеиспускания и дефекации» и т.п. [Касаткин 1983: 77].

Разумеется, мы говорим здесь только о тенденциях: в реальном бытовании может происходить не только разрушение системы привычных нарративных ожиданий [см.: Kaivola-Bregenhøj 1993: 217], но и наблюдаться практика пересказа любых снов, – вне зависимости от того, вызывают ли они интерес у возможной аудитории [ср.: Virtanen 1989: 147].

Подведем предварительные итоги:

1. Далеко не все приснившиеся сновидения находят отражение в вербальной форме. Мы предполагаем, что для того, чтобы рассказ состоялся (а в дальнейшем, возможно, и фольклоризовался), необходимо наличие ряда динамически изменяющихся факторов, в конкретном своем выражении с трудом поддающихся учету. Центральным из них, по-нашему мнению, является прагматика, т.е. социально-культурная функция этих текстов в конкретной коммуникативной ситуации и отношение экспедиента / реципиента к рассказываемому тексту, – все остальные так или иначе зависят от данного фактора, а также сами влияют на его реализацию.

2. Те из них, которые рассказываются, мы разграничили на разовые, фольклорные и близкие к молве.

3. Внутри разовых текстов в современной культуре наблюдается своя достаточно сложная дифференциация, обусловленная отличием сновидений, воспроизводящихся в повседневной коммуникативной ситуации, и снов, фиксирующихся и вербализующихся в результате специального интереса, влияния со стороны популярных научных, околонаучных и др. практик. В качестве примера можно привести повышенное внимание к абсолютно любой детали и образам-мотивам в психоанализе, заставляющее не только воспроизводить текст сна, но и интерпретировать его в соответствии с «мифологией», идущей от трудов З. Фрейда.

Как известно, по З. Фрейду, «сновидение никогда не занимается пустяками» [Фрейд 1997: 170]. Этим объясняется присутствие в его известной работе большего числа пересказов снов, находящихся на периферии разовых текстов, «не интересных» сфере бытовой коммуникации. Соответственно, в рамках подобного подхода любое сновидение может приобрести повышенную значимость для сновидца и его окружения, приближаясь по статусу и способу функционирования к молве или – в некоторых случаях – к фольклору[24]. Например,

[24] Здесь имеется в виду, скорее, «фольклор по курсированию, обращению» [см.: Пропп 1976b: 24].

знаменитый сон об Ирме в коммуникативно-культурной среде психоаналитиков играет роль своеобразного паттерна, воспроизводимого и ретранслирующегося многократно – и письменно и устно (см., напр.: [Удовик 1998: 20, 32, 232 и др.]).

Все изложенное выше не внесло определенности в разграничение разовых и фольклорных текстов о снах. Мы затронули лишь несколько возможных критериев их дифференциации. Обратимся к тем, которые представляются нам определяющими (безусловно, учитывая важность уже названных нами).

Одним из характерных для фольклора признаков является вариативность. Современные исследователи говорят о сложности этой категории, ее имманентности самой сути фольклорной культуры и несводимости ее причин к устному характеру трансмиссии[25]. При этом важно различать межличностную вариативность (МВ), свойственную самой структуре фольклорного текста, и индивидуальную вариативность (ИВ) – варьирование текста, многократно записанного от одного носителя[26]. В последнем случае мы нередко (но не всегда) сталкиваемся с явлением, которое К.В. Чистов обозначил как «вибрирование» текста, имея в виду изофункциональные замены на словесном, формульном, мотивном и др. уровнях [см.: Чистов 2005: 83–90 и сл.].

По нашему мнению, разовые и неразовые рассказы о снах можно соотнести с указанной категорией следующим образом:

семиотич. тип / вид вариативности	ИВ	МВ
разовые	—	—
близкие к молве	+	±
фольклорные	+	+

Разовые тексты в силу того, что они продуцируются единожды, не могут иметь ни индивидуальной, ни межиндивидуальной

[25] См., напр.: [Путилов 2003: 201–215; Земцовский 1983; Чистов 2005: 77–116; Неклюдов 2002; Чистов 1986: 127–141] и др.

[26] Так, К.В. Чистов пишет о важности (при разговоре о вариативности) указания на то, «о каких именно “вариантах” идет речь», поскольку «механизм варьирования в этих двух случаях [МВ и ИВ] далеко не одинаков, различен и запас варьируемых деталей, нет прямой связи между текстами и т.д.» [Чистов 2005: 83].

вариативности. Рассказы о снах, близкие к семиотическому типу молвы (как и фольклорные), обладают обоими типами вариативности, однако, в отличие от фольклорных снов, им, скорее, свойственно доминирование «вибрирования» текста (что совсем не исключает и возможности межиндивидуальной вариативности), – с потенциальными отклонениями от данной тенденции в каждом конкретном случае.

Заметим, что мы не уравниваем здесь вариативность текстов типа молвы и фольклора: мы предполагаем только то, что и в том и в другом случае она *есть*. Отличие вариативности этих двух семиотических типов обнаруживается, вероятно, уже на уровне замысла текста[27]. Эта проблема требует отдельного рассмотрения. Некоторые замечания об анализе данного уровня явлений фольклора, связанного с «предтекстовым» состоянием, из которого рождаются «пучки текстов» (варианты), см.: [Путилов 2003: 205–206 и сл.]. В определенной степени близкие к этому идеи, связанные с понятием «авантекста» вербального фольклора, присутствуют в статье С.Ю. Неклюдова [см.: Неклюдов 2001а].

Дифференциацию разовых и неразовых текстов по признаку вариативности можно считать достаточно четкой и однозначной: «Текст, у которого нет параллельных, дополнительных, противостоящих реализаций, – это не фольклорный текст»[28]. Однако узость этого разграничения очевидна: данный признак приобретает свою полную значимость только с учетом остальных критериев.

Другим важнейшим показателем фольклорности текста является его многоуровневая связь с традицией: «Традиционность в фольклоре всеохватывающа, всепроникающа, действует с исключительной последовательностью и не допускает “сторонних” процессов <…>. Феномен фольклора в том, что любой отдельно взятый текст, какой-либо его элемент, любое правило фольклорной грамматики, как и любой жанр, проясняют свои значения лишь на фоне традиции: сами по себе они словно бы не существуют» [Путилов 2003: 55].

Традиция – в широком смысле – понимается как «система стереотипов, отражающая структурно организованный опыт» [Чистов 2005: 119]. На данном уровне она сближается с понятием «культура», трактуемым, по Ю.М. Лотману и Б.А. Успенскому, как «ненаследственная память коллектива» [Лотман, Успенский 2000: 487]. При этом «термин “культура” обозначает сам феномен, а “традиция” – механизм его формирования, трансмиссии и функционирования» [Чистов 2005: 106].

[27] Термин «замысел» используется в соответствии с его пониманием В.Я. Проппом [Пропп 1958: 20–23].

[28] [Путилов 2003: 205], ср. также: [Чистов 2005: 79.].

Категория традиции нередко конкретизируется исследователями через такие понятия, как формула, стереотип, locus communis, клише, профиль, тема, модель, инвариант и т.д. Учитываются правила их порождения, сочетаемости, функционирования, соотношения с неформульными элементами[29] и т.п.

Сложность заключается в том, что тексты бытовой коммуникации (единичное высказывание, «первичные речевые жанры») «никак нельзя считать совершенно свободной комбинацией форм языка». Они «соответствуют типическим ситуациям общения, типическим темам, следовательно, и некоторым типическим контактам значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах» [Бахтин 1997: 183, 191].

Термины «устный разовый текст» (например, в понимании К.В. Чистова) и «единичное высказывание», «речевой жанр» (по М.М. Бахтину) не совпадают по понятийному объему: трактовка М.М. Бахтина значительно шире, вбирает в себя устные и письменные, «первичные» и «вторичные» жанровые образования [см., напр.: Бахтин 1997: 204]. Однако сближение этих понятий, на наш взгляд, вполне закономерно: оно углубляет аналитические возможности самого термина «разовый текст». Применяя в нашей работе упомянутый бахтинский термин, мы имеем в виду главным образом устные первичные речевые жанры (например, «бытовой рассказ» – [см. там же]).

Соответствие «типическому» (в широком смысле), на которое указывает М.М. Бахтин, означает, что разовые тексты также опираются на определенную традицию, создаются с ориентацией на некоторые модели, в какой-то степени стереотипны и т.д. Стереотипия языковых текстовых структур, виды и функции данных стереотипов, их когнитивные, социальные, коммуникативные и др. корреляты, их участие в формировании языковой картины и модели мира etc. – являются предметом изучения целого комплекса наук – от различных направлений в когнитологии и социальной психологии до этнолингвистики и теории массовой коммуникации[30].

---

[29] См. напр.: [Пропп 2002, 2003 и др.; Рошияну 1974; Адлейба 1980; Лорд 1994; Мальцев 1981; Бартминьский 2005; Пермяков 1970; Чистов 2005: 105–133; Герасимова 1978; Путилов 2003] и мн. др.

[30] Назовем некоторые основополагающие работы в этой области: [ван Дейк 1989; Бартминьский 2005; Головачева 2000; Минский 1979; Цивьян 2005; Вежбицкая 1997; Серебренников 1988; Байбурин, Кон 1991; Леонтьев 1974; Дридзе, Леонтьев 1976; Lippmann 1961; ван Дейк, Кинч 1983] и мн. др.

Не претендуя на рассмотрение данной проблемы в таком широком междисциплинарном дискурсе, мы остановимся лишь на тех ее аспектах, которые помогут нам в разграничении исследуемых рассказов. Традиция разовых текстов – это прежде всего традиция речевой практики, то есть их продуцирование всегда предполагает следование определенным правилам и законам порождения текста, во многом общим как для обиходной речи, так и для фольклора. Традиционность в фольклоре – это, скорее, «традиция передачи текстов, от самых элементарных (поговорки, пословицы) до сложнейших нарративов» [см.: Чистов 2005: 120, 159; Чистов 1986: 129].

Напомним, что здесь мы имеем в виду, в основном, тексты устной несказочной прозы. Отграничение текстов обиходной речи от фольклорных жанров с «эстетической доминантой» (сказки, былины, песни и т.д.) осуществляется несомненно легче, – в том числе, по причине достаточно четкой дифференциации их на языковом уровне[31].

Понятие «трансмиссия текста» (т.е. его передача и многократное воспроизводство – например, в пределах конкретной контактной группы – семьи, коллег по работе и т.д.) влечет за собой целый ряд других сложнейших вопросов, связанных, во-первых, с определением того, что такое текст вообще и фольклорный текст в частности; во-вторых, возникает проблема релевантности выделения трансмиссии в качестве специфического признака фольклора.

На наш взгляд, особое значение приобретает здесь предложенное Ю.М. Лотманом и А.М. Пятигорским разграничение понятия «текст» в его лингвистической и культурологической интерпретации.То, что с точки зрения лингвистической (а также – теоретико-информационной, общефилософской и т.п.) может быть названо текстом, с позиции культурологии может таковым не являться: «Исходным для культурного понятия текста является именно тот момент, когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст. Вследствие этого вся масса циркулирующих в коллективе языковых сообщений воспринимается как не-тексты, на фоне которых выделяется группа текстов, обнаруживающих признаки некоторой дополнительной, значимой в данной системе культуры, выраженности» [Лотман, Пятигорский 2000: 434–435]. Эта система дополнительной культурно-значимой

[31] О некоторых особенностях фольклорной речи – наличии повторов, своеобразии синтаксиса, деривации, морфологии, фразеологии, специфики на уровне ритма, звуковых корреляций и др. – см., напр.: [Евгеньева 1963; Хроленко 1981; Бартминьский 2005: 281–381 и др.; Чистов 2005: 168–169 и сл.]).

«выраженности», совокупность надъязыковых связей, реализующихся в целом ряде сложных, взаимоответных повторов, узнаваемых аллюзий, мотивов, сюжетов, формул, функций и т.п. и составляет сущность традиции в целом.

К.В. Чистов, возражая против лотмановского термина «не-тексты», предлагает более адекватное, по его мнению, выражение «разовые устные тексты», содержащее «указание на тип коммуникации (в отличие от смутного "не-тексты") и одновременно на то, что они не вошли в традицию» [Чистов 2005: 60]. Термин «не-текст» используется Ю.М. Лотманом и А.М. Пятигорским в широкой культурологической перспективе, позволяющей описывать и сравнивать семиосферы разных культур. В данной перспективе оппозиция устный / письменный теряет свою остроту, поскольку как не-тексты могут быть восприняты и та и другая экзистенциальные формы [см.: Лотман, Пятигорский 2000]. Именно поэтому термин, предложенный К.В. Чистовым, представляется нам более близким к феноменам, изучаемым фольклористикой.

Что касается такого существенного показателя фольклорности как способность к трансмиссии, представляется важным учитывать замечание А. Дандеса о том, что устная трансмиссия – характерная черта не только фольклорных текстов: «Многие аспекты культуры передаются так же: мальчик на ферме может научиться водить трактор, наблюдая, как это делает отец, или получая словесную инструкцию, либо в результате применения обоих способов» [см.: Путилов 2003: 51].

По словам Б.Н. Путилова, это означает, что «фольклор – в узком ли, широком ли значении – характером трансмиссии (а по существу – жизни) вливается в единый поток традиционной культуры, общим качеством которой на всех стадиях ее развития является "устность"» [Путилов 2003: 52]. То же самое, как указывает исследователь, можно утверждать «и о таких специфических качествах фольклора, как безличность, общераспространенность, следование образцам / стереотипам, функциональность [см. там же].

Сложность в том, что устность («orality» в американской фольклористике), несмотря на сложнейшее взаимодействие этой категории со способами «создания, функционирования, хранения, обучения, передачи, восприятия, осмысления»[32] фольклорных феноменов, оказывается, в целом, нерелевантным критерием в дифференциации разовых и фольклорных текстов о снах: для тех и других «orality» (в широком смысле) – основная форма экзистенции.

[32] [Путилов 2003: 49].

Таким образом, мы предполагаем, что одно из основных отличий текстов, относящихся к несказочной фольклорной прозе, от разовых – в интенции первых на традицию («традиционные идеи»[33]), которая понимается как система надъязыковых, метатекстовых, культурно-значимых связей, эксплицированных не только через правила и законы текстопорождения, жанровые законы (грамматику традиции), но и через воспроизводство узнаваемых, типичных мотивов, образов, сюжетов и т.п., т.е. собственно – через знание предыдущих текстов, точнее – через знание *системы* этих текстов[34].

Добавим, что прагматический критерий разграничения, о котором мы писали выше, непосредственно связан с интенцией фольклорных текстов на традицию. Как указывает К.В. Чистов, «для осуществления акта коммуникации, в результате которого будет произнесен не обыденный разовый текст, а текст фольклорный или хотя бы включающий в свой состав фольклорные элементы[35], необходимо, чтобы говорящий и слушающий их так и воспринимали бы, то есть владели традицией» [Чистов 2005: 160].

§ 2. Проблемы дифференциации рассказов о снах (от разового текста – к фольклорному)

Конкретизируем некоторые теоретические положения, высказанные нами выше, на примере следующего рассказа:

[1а]. «Я щас боюсь просто соврать, – у меня несколько… информация об этом сне… У меня мама живет в Челябинской области, это станция Бре́да <…>, по-моему, оттуда сон <…>. Умерла мама и сказала сыну во сне, чтобы он принес ботинки на какое-то шоссе в какое-то определенное место, потому что ей холодно. Он проснулся, вроде спрашивает совета, ему говорят: “Ну, неси, – если попросила, то лучше это сделать”. Он приехал на шоссе, на пустое абсолютно, туда – я не помню даже на чём, с этими ботинками, и его сбивает “Камаз” – огромный на огромной скорости, – именно на этом шоссе, именно в это время, в которое попросила туда прийти…» (*ПЕВ*).

[33] См.: [Путилов 2003: 30–31 и сл.]

[34] См. подробнее: [Чистов 2005: 159 и др.], [Путилов 2003: 54].

[35] Под «фольклорными элементами» исследователь имеет в виду наличие устойчивых сочетаний – фразеологизмов и фразеологических сращений, при участии которых образуется «пространная полоса перехода» между фольклорными и нефольклорными текстами [см.: Чистов 2005: 159].

Приведенный текст в определенном смысле представляет собой пример, идеально (*на первый взгляд*) иллюстрирующий то разграничение, о котором мы писали выше. Он соответствует практически всем названным выше критериям фольклорности:

а) можно отметить соответствие принципу безличности (безавторства, анонимности и т.п.), в том числе – присутствует эксплицитно выраженный маркер «оторванности» (С.Н. Азбелев) от того событийно-речевого контекста, в котором данный текст мог получить вербальное оформление: «Это станция Бре́да <…> по-моему, оттуда сон». Таким образом, рассказчица не знает лично сновидца либо кого-нибудь из его непосредственного окружения. Это свидетельствует также о трансмиссионности (способности ретранслироваться) данного текста;

б) в связи с этим можно указать и на такой признак, как вариативность. Показателен в данном отношении другой вариант рассказа на этот же сюжет, записанный от информанта, не знакомого с предыдущим рассказчиком:

[1b]. «У нас еще баба мне рассказывала такой случай, что у одной тетки умерла дочка. Та тоже по дочке с ума сходила, плакала, говорит, она ей приснилась, – это было в городе, – говорит, назначила ей встречу: что на каком-то перекрестке или что жди меня во столько-то. А та проснулась – всё это помнит, взяла по правде купила цветы и пошла. И вот на том месте ее машина сбила» (*БИН*).

в) оба варианта рассказаны как текст (в смысле Ю.М. Лотмана), – с интенцией на традицию. Это означает, что основные мотивы, образы, действия персонажей, имплицитно присутствующие запреты, представления и – в целом – сюжет маркированны для рассказчика, узнаваемы для него.

Назовем некоторые ориентированные на традицию элементы, присутствующие в приведенных вариантах (1a и 1b): иномирные мотивы просьбы умершего (принести ботинки, встретиться), гибели сновидца, подчинившегося зову покойника, мотив встречи на перекрестке. Отметим также имплицитное присутствие в процитированных текстах «правил», наказание за нарушение которых как бы иллюстрируется рассказом: запрет чрезмерной тоски по умершему, запрет повиноваться зову умершего и т.д. Подобная «узнаваемость», как мы уже указывали, обеспечивается общим знакомством рассказчика с традицией, знанием определенного репертуара конкретных текстов (вне зависимости от их жанра).

Последнее замечание представляется нам наиболее важным при дифференциации преимущественно фольклорных и преимущественно

нефольклорных рассказов о снах. Из этого не следует, что войти в фольклор могут только те рассказы о снах, в которых используется некий определенный (заранее известный) пласт традиционных мотивов. Однако можно утверждать, что сны, в которых присутствуют указанные мотивы (в частности, тематически связанные с инобытием), составляют ядро репертуара фольклорных сновидений.

Отметим также, что чрезвычайно большую роль в процессе фольклоризации сновидений, играет то или иное соотнесение снов с реальностью. В первую очередь мы имеем в виду так называемые сбывшиеся сновидения[36] (между образом-мотивом сна и событием реальности устанавливаются определенные семиотические отношения). Кроме того, под соотнесением с реальностью мы понимаем, например, присутствие в рассказе о сне мотива оставления следа[37], являющегося (для сновидца-рассказчика и его слушателей) поразительным свидетельством своеобразного бытия мира сна, его возможного влияния на нашу реальность и т.п.

Обратимся к тексту другого сновидения, который по многим параметрам можно противопоставить приведенным ранее рассказам – №№ 1a и 1b (мы процитируем достаточно большой фрагмент рассказа, поскольку это необходимо для дальнейшего анализа):

[2]. «Короче, снится мне сон, что я еду отдыхать на море. <…> Причём я точно знаю, что я еду отдыхать в Лазаревское – это такое курортное место есть на Чёрном море. Я там никогда не была, но я туда еду упорно. Приезжаю, – короче, я не знаю, чё там – блокпост или чё-то такое, типа санобработки [смеется – Е.С.], – со́ смеху помрёшь… Короче, всех складывают в железные бачки типа ванны не ванны, – я не знаю, и в них какая-то жидкость серовато-синеватая… <…> Ну как всякий человек, оставшийся в одном купальнике, я начинаю беспокоиться за вещи. Думаю: деньги у меня, как всегда, в какой-нибудь коробочке там, сумка там где-нибудь брошенная – человеку постороннему ничего не составляет труда их найти, вот… В результате я выкарабкиваюсь, ищу свою сумку на ходу, – деньги там в этой коробочке, и обнаруживаю ещё одну купюру в пять тысяч – наяву я такую купюру не видела, – только во сне. Короче, вся санобработка эта мне надоедает

[36] Ср. у И.А. Разумовой: «Рассказы о сбывшихся снах фольклоризуются *легче*» [Разумова 2001: 89; курсив наш – Е.С.].

[37] Мотив оставления следа присутствует, например, в рассказе об оставшихся у сновидца «синяках» после сна, в котором некто пытался его задушить. Другой пример – текст об оставленной умершим мужем курительной трубке, которая не исчезла после пробуждения и т.п.

[далее следует подробный рассказ о поисках санатория, описание приснившегося города и т.д. – Е.С.]. <…> Про Лазаревское я знаю откуда немножко… Катька Сергеева ездила в прошлом, по-моему, году, и она показывала фотографии, то есть где-то чего-то отложилось там… А почему я решила ехать туда [во сне – Е.С.], я не знаю [смеется]… Короче, я утром встала – прикалываюсь…» (*БОП*).

Данный рассказ записан спустя несколько часов после пробуждения. Этот фактор (наряду с поразившей сновидицу реалистичностью сна и особым отношением информантки к нему как к своего рода good story) обусловил как саму возможность вербализации этого сновидения, так и его чрезвычайно подробное изложение, – приведено менее половины зафиксированного текста.

По всем критериям, описанным нами выше, его вполне можно было бы отнести к семиотическому типу разовых текстов (не-тексту, по Ю.М. Лотману). В пользу этого говорит, например, не только вероятное отсутствие в нем интенции на традицию, но и само отношение рассказчицы к собственному тексту: прежде всего, обращает на себя внимание профанная мотивировка сна: «Катька Сергеева ездила в прошлом, по-моему, году, и она показывала фотографии, то есть где-то чего-то отложилось там…».

Таким образом, на первый взгляд, можно утверждать, что два процитированных нами выше текста (№№ 1a и 2) представляют собой своеобразные идеальные иллюстрации к тому, что можно считать фольклорным рассказом о сне, а что таковым считать нельзя.

Однако это утверждение, на наш взгляд, несколько *поверхностно*. Реальное бытование анализируемых рассказов позволяет говорить о других выводах, показывающих сложность дифференциации этих текстов, неоднозначность их разграничения по критериям фольклорности / нефольклорности.

Так, в первом рассказе (№ 1a) и в приведенном после него варианте данного сюжета (№ 1b) из-за отсутствия возможности вербализовать его иначе, как только в форме фабулата, пересказ собственно сновидения редуцирован до мотива. В этом смысле данный рассказ близок к текстам других фольклорных жанров (например, сказке, былине, балладе и т.п.), в которых мотив сна выполняет различные сюжетные и композиционные функции[38]. Именно поэтому указанные

[38] Например, в некоторых былинах мотив вещего сна коррелирует с общей совокупностью мотивов предупреждения, запрета, предсказания и т.п. [см.: Путилов 2003: 193–195].

варианты можно рассматривать, скорее, в качестве былички[39], сюжетообразующим мотивом которой является мотив сна, нежели как собственно рассказ о сновидении.

Что касается рассказа № 2 (о поездке в Лазаревское) – однозначная дифференциация здесь также невозможна. Мы выбрали данный нарратив специально для того, чтобы продемонстрировать не только сложность в определении фольклорности / нефольклорности текстов, но и показать на конкретном материале значимость прагматического критерия при этом разграничении.

Через несколько дней после фиксации процитированного текста рассказчица при очередной встрече с нами сама вспомнила об этом сновидении, прокомментировав его следующим образом:

«Жень [к собирателю – Е.С.], я знаю к чему этот сон: к чему море и к чему деньги… То есть во сне я тебе говорила – я пятитысячную купюру ещё видела, в живости я её не видела, но во сне она мне приснилась, вот. И пришёл Андрюха и отдал пятьсот рублей за вёрстку книжки [т.е. в реальности пришёл знакомый, отдавший информантке деньги за работу – Е.С.]… *И теперь я знаю, что море и большие бумажные купюры снятся к деньгам…*» (*БОП*).

Насколько приведенный комментарий не является случайным для рассказчицы, могут прояснить некоторые дополнительные черты ее «речевого сновидческого портрета». Информантка родилась в селе, однако в возрасте 6 лет уехала оттуда и соотносит себя, в основном, с городской культурой. В силу некоторых объективных причин[40] мы имели возможность контактировать с ней в течение достаточно продолжительного периода времени. Выяснилось, что рассказчица при интерпретации своих сновидений иногда прибегает к сонникам (в частности, размещенным в Интернете), но чаще использует свои, сформированные «за жизнь», окказиональные приметы: например, если снится «дерьмо – сто процентов брат [сновидицы – Е.С.] где-нибудь напьется»; если действие сюжета сновидения в пространственном отношении так или иначе связано с родным селом – то «обязательно» последует смена работы («они всегда бывают к этому») и др. Все указанные приметы подтверждаются соответствующими рассказами.

[39] В терминах Э.В. Померанцевой – как бывальщину (суеверный фабулат) [см.: Померанцева 1975: 6 и сл.].

[40] Мы – коллеги по работе, что позволило вести полноценное включенное наблюдение, не ограниченное рамками собиратель / информант, которые обычно подразумевают одну или несколько встреч с одноразовой фиксацией текстов.

Приведенный контекст (а также пересказ «сбывшегося» события реальности), с нашей точки зрения, позволяет говорить о том, что рассказ о Лазаревском в дальнейшем может приобрести статус неразового текста. При этом, однако, необходимо учитывать следующее существенное замечание: в том случае, если в будущем упомянутый текст приобретет неразовый характер (т.е. он будет воспроизводиться и, возможно, ретранслироваться), он будет бытовать в *трансформированном виде*. Суть этой трансформации заключается в стремлении редуцировать все те детали и подробности рассказа, которые не играют роли при соотнесении сна и событий реальности.

Обратим внимание, что описание сбывшегося события, последовавшее через некоторое время после самого рассказа, включает в себя только актуальные для соотнесения образы моря[41] и пятитысячной купюры. В первоначальном рассказе (до соотнесения) присутствовали также образы-мотивы странного города, санитарного блокпоста, маленьких девочки и мальчика и т.д.[42] Понятно, что при соотнесении происходит не только отбор образов-мотивов сна, но и отбор событий реальности, которые маркируются рассказчиком как значимые.

Подчеркнем, что мы здесь говорим исключительно о тенденциях. Редукция действительно происходит, однако не участвующие в соотнесении образы могут сохраняться при воспроизведении и ретрансляции в силу других причин (из-за яркости деталей либо в качестве главных структурообразующих элементов good story и т.д.).

Для большей убедительности и уточнения предыдущих положений обратимся к примерам, записанным от другого рассказчика.

Основная цель анализа рассказов, которые приводятся ниже, – на конкретных примерах показать, что происходит с текстом в процессе его перехода с «предвещей»[43] стадии к сбывшемуся сновидению. *Сам процесс перехода и сопровождающая его трансформация являются начальными моментами возможной фольклоризации*

[41] Образы-мотивы моря и денег в снах упомянутой информантки нередко соприсутствуют. Возможно, этим объясняется их упоминание в рассказе о «сбывшемся» событии. Любопытно, что спустя некоторое время получил свою интерпретацию и аудиальный образ-мотив «шума моря» в связи с возникшей суетой («шумом») и психологическим дискомфортом на работе.

[42] Последние образы упомянуты в не приведенной нами части рассказа.

[43] «Предвещими» условно обозначается группа текстов, включающих в себя пересказ собственно сна и предположение рассказчика о возможном соотнесении приснившегося с событиями реальности. В близкой к этой трактовке данный термин был использован в ст. [Сафронов 2004: 222].

рассказа о сновидении, – именно поэтому нам представляется крайне важным подробно остановиться на этой проблеме.

В феврале 2006 г. нами был зафиксирован следующий рассказ (текст записан через несколько часов после пробуждения)[44]:

«На том месте, где у нас в детстве был старый дом, как будто я и мои родственники [во сне – Е.С.], – помню, зятя, сестра, кто-то был с племянницей, по-моему, сын, но я их нечетко, и какие-то ещё молодые люди, – нам нужно было пересадить ракиту… И вот мы копаем такую траншею – сначала для пересадки, а я почему-то заставляю ещё всех выкопать и подготовить место для посадки помидор <…>. И – главное – земли не хватает: там какая-то пустота, очень мало земли, и я вот как-то заставляю нагребать-нагребать… И вот помню, эти самые – рассаду, а рассада уже перезрела, – вот я знаю, что там перец, помидора и что они даже листочки такие вялые, что пора… И я думаю: "То ли морозы должны пройти", – вот помню момент, что ещё холодно, что рано еще сажать, сажать ещё рано, – подсознанием, потому что ещё холодно, – вроде бы надо весну, но мы не посадили…

А потом зять нас на каком-то тракторе повёз, мы прыгали, боялись слететь, – наверное, потому что у меня уже давление началось… <И> пустота, когда выкопали, вот эта очень долго мне снилась траншея, я знаю, что там стенки и они обваливались. Вот обычно, когда копаешь, должно быть много земли, а это вот какая-то яма и стенки – она просто пустая там, вот эти стены, они пустые, а земли вот немного-немного – вот на дне, – пустота какая-то, как будто она уходит куда-то, обваливается. Вот здесь вот пустынность – обвал вот как около стенок пустой, а там внизу вот нету земли уже – ну вот так…» (*ТЛЛ*).

Сновидица достаточно хорошо нам знакома: важно указать на то, что с детства она воспитывалась в особом отношении к сновидениям. Ее мать, по словам информантки, очень часто рассказывала сны, которые «потом сбывались». Некоторые рассказы о «вещих» снах и соотнесенных с ними событиях сопровождали рассказчицу всю жизнь, определенные повороты в своей судьбе информантка напрямую связывает именно с ними.

Центральный образ-мотив приведенного сновидения (разрытая траншея с пустыми стенами и – особенно – само действие – копать землю для посадки, вообще, образ черной, вспаханной земли и т.п.) расце-

[44] Из-за значительного объема текстов мы вынуждены несколько сократить их, оставив при этом все наиболее показательные моменты (убраны только некоторые повторы).

нивается рассказчицей вполне традиционно[45]. Это связано не только со знанием соответствующей традиции, но и с собственным опытом информантки[46], позволяющим уже на «предвещей» стадии сформировать определенную модель ожидаемых событий (в основном, путем предварительного истолкования приснившегося). Если использовать когнитологически ориентированную терминологию, можно говорить о том, что мы имеем дело с формированием определенного фрейма [Минский 1979], ситуационной модели [ван Дейк 1989] и т.п., организующих и структурирующих знания настоящего – для того, чтобы ожидать (предсказывать и организовывать) события и знания будущего.

Интерпретация, текст которой мы приводим далее, была дана информанткой *сразу* после рассказанного сна, который мы привели выше. Обратим внимание на сам процесс истолкования, учет и своеобразный анализ малейших нюансов того или иного образа, подключающий к толкованию многие биографические моменты и выполняющий несомненную терапевтическую функцию:

«Ну этот сон почему такой страх вызывает: потому что перед смертью папы мне тоже приснилось, но там я перекапывала свой огород в саду, – это прям землю я копала и сажала эту помидору зелёную, и тогда пришла [в реальности – Е.С.], и мне звонок, что папу парализовало… Сначала испугалась, думала, что это [имеется в виду сон о траншее, приведенный выше – Е.С.] касается моей семьи, потом себя успокоила, что вот у моей сестры (она сейчас ухаживает за парализованной свекровью), – вот эта пустота, – я думаю, она, что, может быть, она связана с тем, что это всё-таки не мои какие-то кровные родственники… Уже собственно их [родственников – Е.С.] никого не осталось, пустота оттого, что там в этом доме уже <…> никого нет: мама, папа, сестра – там все умерли… Может быть, там что-то свекровь у сестры, там хотя бы какие-то тоже узы, но дальние, вот эту пустоту я связываю, может, это свекровь будет. Сёдня позвоню – узнаю, как у них там… Может, сестра вообще не звонила, вот её [свекровь – Е.С.] парализовало вот буквально перед Новым годом <…>. *Давление, может, от этого, будем надеяться, что давление, а может, у меня начался какой-то подсознательный психоз…*» (*ТЛЛ*).

Таким образом, рассказан сон и дана предварительная интерпретация, основанная на определенных традиционных коннотациях и

[45] Ср., напр., замечание одной из сельских информанток: «Вот как моему брату умереть, соседка говорит: “Я вот видела сон: у вас с матерью черная земля – огород был…”» (*ЛВК*); см. также: [Гура 2002: 78].

[46] См. ниже рассказ о сне, предсказавшем смерть отца информантки.

собственном опыте. Любопытно, что и в рассказе и в толковании возникает возможная профанная мотивировка сна (ср.: «Давление, может, от этого…»), которая, как мы предполагаем, в том случае, если ожидаемые реальные события не происходят, становится доминирующей, – сон при этом забывается, приобретая статус разового.

Приблизительно через два месяца (в конце апреля) информантка сама напомнила нам о сновидении, сказав, что оно «сбылось». На этот раз текст был зафиксирован в следующем виде:

«Вот снился наш дом, который сейчас пустой: там никого нет. У нас перед домом сад, а между садом и дорогой, значит, копаем канаву, такую – типа рва, и там, знаешь, осыпается совсем земля, пустота, и почему-то сестра моя с Украины, её муж, девочки, они присутствуют… Да, – и мы должны там посадить, посадить… эту – ракиту или вербу – вот что-то мы должны были посадить…

Вот почему-то я даже заставляла почему-то это делать, я не знаю… Я рою – и пустота, – ну, правильно, там [в родительском доме – Е.С.] уже никто не живёт: никого собственно близких-родных у нас не осталось… Соседка, – причём это наш дом, – и вот под соседей вот эту канаву мы копали… И получилось так [в реальности], что у сестры на Украине умерла свекровь, потом у Светки [также родственницы с Украины – Е.С.] были очень тяжёлые роды – её еле спасли.

И вот опять с этой Софийкой [внучкой сестры с Украины – Е.С.], – она лежала в больнице, опять откачивали, ей дали инвалидность, – несчастья какие-то такие произошли <…>. То есть вот какие-то случаются какие-то предчувствия, совершенно тоже – перед смертью папы… Вот у меня упорно – если копаем и сажаем что-то зелёное, тогда тоже в саду сажали мы, и сестра звонит с Украины (тогда Валентина ещё жива была): “Приезжайте – папу парализовало…”» (*ТЛЛ*).

Отметим значимые изменения в тексте:

1. произошла редукция некоторых «не нужных» для соотнесения образов-мотивов: например, исчезло упоминание о перезревшей и увядшей рассаде, о поездке на тракторе зятя;

2. текст стал более структурированным, компактным, развитие сюжета и композиционное построение рассказа приобрели вполне определенную телеологическую ориентацию, эксплицированную через следующие элементы:

– основные соотносимые признаки (ср.: пустой дом / траншея с пустыми стенами) скоррелированы буквально в первом предложении рассказа. В предварительной интерпретации было также не совсем уверенно обозначено возможное соотнесение: «пустота – к несчастью

с дальними (не кровными) родственниками». В тексте сбывшегося сна эта корреляция эксплицируется через непосредственное описание соотносимых событий, – без повторного проговаривания этого нюанса (акцентируется соотнесение: «копать, сажать нечто – к несчастью»);

– к наименованию сестры устойчиво прикрепляется название локуса («с Украины») – места всех произошедших несчастий;

– рассказ, помимо перечисления соотнесенных событий, сопровождается также «моралью» (moral – термин У. Кинча – см.: [Kaivola-Bregenhøj 1993: 218]) о важности предчувствий и о уже бывшем ранее подобном опыте.

Такие изменения, как появление ранее не отмеченной детали (траншею копают «под соседей»), а также сомнение рассказчицы в определении наименования («ракиту или вербу – вот что-то мы должны были посадить»), мы относим к феномену индивидуальной вариативности, в том числе – к упомянутому выше феномену вибрирования текста.

В дальнейшем этот рассказ может быть свернут до простейшей формулы – например: «копать во сне землю (сажать что-либо) – к несчастью», которая (вместе с соответствующими иллюстрациями в виде уже приведенных текстов) может ретранслироваться далее – прежде всего, в контактной группе информантки: в кругу семьи, подруг, коллег и т.д. В нашем случае это произошло практически мгновенно, поскольку последовала серия телефонных звонков на Украину, в процессе которых (уже со стороны украинских родственников) была актуализирована масса других подобных текстов.

Ср. характерный комментарий рассказчицы по этому поводу:

«Сестра на Украине – то есть ей что-то такое если приснится – она всегда звонит, очень такая взволнованная… Ну, конечно, обычно, если такой сон неприятный, то звонит как-то – поговорить, узнать, как-то подсказать. Старшая сестра то же самое, то есть это тоже на нас влияет очень сильно…»[47] (*ТЛЛ*).

Итак, можно сделать вывод о том, что при переходе рассказа с «предвещей» стадии в статус сбывшегося сна происходит сложное сопряжение в единый текстовый организм рассказа о самом сне, его предварительной интерпретации (модели, главный нерв которой – ожидание определенных событий) и описания соотносимого событий-

[47] В нашей коллекции есть несколько нарративов о сбывшихся снах, пересказанных информантке ее сестрой с Украины. Кроме того, мы были свидетелями нескольких телефонных разговоров рассказчицы и ее сестры, в которых тема сновидений занимала существенное место.

ного контекста реальности. В результате продуцируется *новый* текст, который, по всей видимости, нельзя рассматривать как вариант того же рассказа, записанного от одного информанта. Этот новый рассказ имеет совершенно другой статус и иные функциональные и контекстные связи со «сферой общественного бытия» [Путилов 2003: 82–83].

Текст приобретает статус неразового – с возможной эволюцией сначала в семиотический тип молвы, затем – в фольклор. Для переходного состояния молвы характерно сообщение рассказа любой подходящей аудитории (если для этого создана соответствующая коммуникативная ситуация), которая с данным текстом еще не знакома. Далее возможно повторное продуцирование индивидуальных вариантов этого текста уже знакомым с ним реципиентам, – с потенциальной трансмиссией его за пределы ближайшей контактной группы рассказчика и созданием уже межиндивидуальной вариативности. Варианты могут быть разной степени подробности, распространенности, с вариациями на уровне сюжетном, композиционном, языковом и др., но, естественно, с сохранением центрального соотнесения – собственно основной причины вербализации текста. Здесь вполне вероятно подключение новых текстов (также имеющих разный статус на шкале разовый / фольклорный) с дальнейшим превращением рассказа *в предание* (в смысле Б.Н. Путилова [см.: Путилов 2003: 48]).

Описанная модель метаморфозы разового текста в фольклорный носит подчеркнуто схематический характер. Каждому конкретному случаю свойствен ряд своих характерных особенностей: например, на пути упомянутой метаморфозы может возникнуть определенное препятствие, которое не позволит тексту типа молвы перейти в стадию фольклора. Так, одним из существенных препятствий может оказаться жесткая связь того или иного текста с конкретной преходящей ситуацией реальности, значимость определенного рассказа только для небольшой группы индивидов, объединение которых носит временный характер и т.д.

Однако наблюдения, приведенные выше, свидетельствуют о том, что сама схема этого пути описана нами верно[48]. Более подробная разработка этой схемы в целом и дальнейшее дифференцированное описание ее основных составляющих требует обращения к материалу

[48] Ср. в определенной степени близкую к описанной модели схему интерпретации «вещих» сновидений, предложенную A. Kaivola-Bregenhøj [Kaivola-Bregenhøj 1993: 221].

иных, близких к разовым текстам, жанровых образований. Данная проблема может стать предметом другого отдельного исследования, – скорее всего, междисциплинарного характера.

В заключение необходимо сделать несколько замечаний об упомянутых выше функциональных и контекстных связях, которые, по всей видимости, естественным образом меняются при переходе текста из одного семиотического типа в другой. Указанные связи текста с внеположной ему реальностью мы – вслед за Б.Н. Путиловым – рассматриваем как экспликацию одного из «важнейших постоянных качеств фольклора» – инклюзивности, т.е. включенности «всей фольклорной культуры и отдельных конкретных ее слагаемых в систему жизнедеятельности этноса» [Путилов 2003: 73]. Под функциями Б.Н. Путилов понимает «типовые, органичные, исторически сложившиеся связи явлений вербального фольклора <…> с лежащими вовне системами и явлениями» [Путилов 2003: 76], ср.: [Байбурин 1993: 210 и сл.].

Заметим, что фольклорные и устные разовые тексты не могут быть жестко противопоставлены друг другу как обладающие / не обладающие функциональностью. С нашей точки зрения, трудно спорить с тем, что тексты, возникшие в сфере «обычной обиходно-практической речевой деятельности»[49], так же, как и фольклорные, могут быть связаны «с задачами воспитания, внушения нравственных норм, обучения каким-то правилам, установления узаконенных отношений» [Путилов 2003: 89]. Как и фольклор, разовые тексты могут способствовать осуществлению «социальных, производственных, биологических целей коллектива» [там же].

Не случайно М.М. Бахтин, говоря о речевых жанрах, отмечал присутствие в последних тонких и многоуровневых связей «с конкретной реальной действительностью», опосредованных многообразными внеположными тексту системами [см.: Бахтин 1997: 191 и др.]. Это означает, что потенциальная трансформация функциональных и контекстных связей, которая, возможно, наблюдается при постепенном переходе разового текста в другие семиотические типы, не обязательно влечет за собой *кардинальные* перемены.

Некоторые из функций рассказов о сновидениях были названы Л. Виртанен в статье «Dream-telling Today». При их выделении исследовательницей не ставилась задача определить специально те из них, которые свойственны разовым текстам. Цель – назвать вообще те причины, по которым может быть вербализован сон.

[49] [Чистов 2005: 181].

Функции (functions) dream-telling, по Л. Виртанен, следующие: 1) сон рассказывается в надежде избавиться от кошмара; (2) сновидение – средство развлечения; (3) сновидение – способ создания эротической атмосферы (эротической коммуникации-игры); (4) сновидение – возможность разделить собственный значимый опыт с другими; (5) рассказывание сна – способ вмешаться в жизнь и поведение других с целью предупреждения их о чем-либо и управления их поведением; (6) сон – способ привлечь внимание других [см.: Virtanen 1989: 143].

Очевидно, что термин «функция» Б.Н. Путилова и «function» Л. Виртанен имеют разное понятийное содержание (в последнем случае имеется в виду, скорее, цель рассказывания сна, ответ на вопрос: «Зачем?»). Несмотря на это, можно заметить своеобразное соприсутствие в приведенном списке функций, относящихся к преимущественно фольклорным и к преимущественно нефольклорным рассказам о снах. Например, 2, 3, 6 пункты списка – вероятно, ближе к разовым текстам. 4–я и 5–я функции – типичны для фольклорных сновидений, 1–я может быть характерна как для первых, так и для вторых.

В то же время стоит подчеркнуть, что деление это крайне условно: любая функция из списка Л. Виртанен может быть имманентна как репродуцируемым, так и нерепродуцируемым семиотическим типам текстов. Кроме того, рассказ может выполнять несколько из отмеченных функций, о чем пишет сама Л. Виртанен [см. там же].

Таким образом, основное отличие разовых рассказов о сновидениях от неразовых – в доминировании различных функций и возможном несовпадении типичного культурно-коммуникативного контекста, в котором эти тексты реализуются. Контекстуальное поле реализации фольклорного сновидения может быть предельно конкретным. Преимущественно фольклорный рассказ о сне нередко особым образом прикреплен к определенным датам[50], ритуально-обрядовому контексту[51],

[50] Имеются в виду, напр.: маркирование в современной традиционной культуре определенных дней недели, в которые снятся «вещие» сны (соответственно, они в некоторой степени ожидаются и имеют более высокий статус); поминки и дни рождения умерших; определенные календарные периоды, когда актуализируются различные мантические практики (напр., Святки, Рождество и т.д.). См. некот. замечания об этом: [Виноградова 1995: 483–484; Чичеров 1957: 87, прим. 87; Душечкина 1995: 33, 36–37].

[51] В отношении фольклорных сновидений особенно большим нарративным потенциалом обладает похоронный ритуально-обрядовый комплекс. Некоторые замечания о взаимосвязях рассказов о снах и похоронной обрядности см., напр.: [Кормина, Штырков 2001; Сафронов 2006а], а также в 4–ой главе данного исследования.

традиционным верованиям. В частности, можно назвать представления, связанные с иным миром[52], имянаречением ребенка [см., напр.: Разумова 2001: 70], некоторыми традиционными запретами (напр., нельзя тосковать по покойнику, нельзя спать на кладбище и т.д.) и др.

Разовые тексты о снах такой прикрепленности не имеют, весь их «интерес» – hic et nunc (при учете всех имманентных им внетекстовых связей). В этом отношении весьма любопытна отмечаемая многими информантами еще одна из потенциальных причин продуцирования рассказов о сне: «Вот иногда бывает так: например, я встала, и про сон я забыла фактически. Ну там вот, знаешь, – вот чё-то такое: либо кто-то какой-то жест сделал, либо что-то ещё, – и ты начинаешь вспоминать, что у тебя ночью было с этим связано и постепенно-постепенно сон – фить! – вытаскивается наружу, – то ли из-за какого-то слова, то ли вот из-за какого-то жеста, то ли телевизор чё-то брякнул, то ли там мама чё-то на кухне сказала…» (*БОП*).

Такое ассоциативное припоминание сна близко к эффекту дежавю, когда нечто в реальности напоминает произошедшее во сне, – в результате сон тут же сообщается. Нередко сон также пересказывается тому, кто так или иначе задействован в сюжете сновидения.

Кроме того, частотной мотивацией dream-telling является повторение сновидений с «одинаковым» (по словам информанта) сюжетом либо серийный характер приснившегося: сюжет сна в этом случае как бы распределен между разграниченными во времени актами засыпания [ср.: Virtanen 1989: 139]

Все перечисленные ситуации – причина массового продуцирования разовых текстов (если к этому, конечно, не подключаются другие факторы, о которых мы писали выше: в последнем случае возможна трансформация текста в другие семиотические типы).

Названные причины dream-telling не всегда подразумевают наличие даже минимального критерия «интересности» сюжета сообщаемого сна. Такая «привязка» – ассоциативная, конкретно-ситуативная, конкретно-пространственная и т.п. – отличительная особенность именно разовых рассказов.

Если же говорить о контексте, в котором могут быть вербализованы разовые тексты о снах, то в целом можно согласиться с тезисом Л. Виртанен о том, что сон может быть рассказан где угодно[53]. Однако более важно, с нашей точки зрения, другое замечание финской иссле-

[52] Подробнее см.: [Толстая 2002; Сафронов 2005, 2006а].

[53] [Virtanen 1989: 138–139].

довательницы, – о том, что существуют такие коммуникативные контексты, в которых рассказывание сна будет *стилистической ошибкой* [см.: Virtanen 1989: 148].

Исходя из этого (а также учитывая некоторые идеи М.М. Бахтина из уже цитировавшейся нами работы), можно сделать осторожное предположение: не является ли рассказ о сне (т.е. рассказы о снах вообще) особым речевым жанром? Знание того, как рассказывать сон, как маркировать его начало и окончание, в каком речевом контексте его употреблять и т.д. приобретается не специально, а усваивается так же естественно, как это происходит в отношении многих других первичных речевых жанров[54]. Такое предположение, в принципе, снимает остроту оппозиции разовый / фольклорный рассказ о сне, не отрицая тех дифференциальных признаков, по которым данные группы текстов можно разграничить, – с учетом существования текстов переходного типа (текстов-молвы).

В качестве общего вывода, связанного с проблемой инклюзивности устных текстов, отметим, что то или иное соотнесение с реальностью (и системами, ее опосредующими и представляющими) является, судя по всему, одной из главных причин продуцирования рассказов о снах вообще, – вне зависимости от их принадлежности к конкретному семиотическому типу текста.

Подведем общие итоги по данной главе:

1. Провести четкую делимитацию между фольклорными и разовыми рассказами о сновидениях чрезвычайно сложно: граница между этими феноменами подвижна, что обусловлено, прежде всего, высокой степенью близости данных текстов к сфере бытовой коммуникации.

2. Главные критерии, по которым можно дифференцировать данные группы текстов, – интенция на традицию, прагматика (или – шире – инклюзивность) и вариативность. Значимы также некоторые особенности трансмиссии. Такие критерии фольклорности, как устность, безличность, коллективность (общественный интерес, «оторванность» от первоначального речевого контекста) и т.д., – в данном разграничении значимы меньше. Признак *устность* присущ обеим группам текстов.

Безличность (анонимность и т.п.) и высокая степень распространенности («оторванность») не всегда актуальны не только для рассказов о снах, но и для других жанров фольклорной прозы (меморатов, personal experience stories, устных рассказов и т.п.).

[54] Ср.: [Бахтин 1997; Малкольм 1993: 130–132 и сл.].

3. Разовые сообщения о снах – наиболее трудноуловимая, текучая текстовая «материя», изучение которой, однако, вполне возможно. Описание и типология этих феноменов устной речи способны многое прояснить не только при исследовании фольклорных рассказов о снах, но и при изучении чрезвычайно интересного явления фольклоризации текста.

4. Разделение устной речи на три семиотических типа носит условный характер – так же, как и предложенная нами схема перехода текста о сне из одного семиотического типа в другой. Критерий однократности / неоднократности воспроизведения текста перед той или иной аудиторией во многом формален и не учитывает всей сложности реального бытования изучаемых рассказов.

5. Сновидения имеют огромное культурное и психологическое значение для человечества в том смысле, что благодаря им формируется, так сказать, «осязаемое» представление об иной реальности, другом опыте, другом возможном мире, о котором можно рассказать, не беря на себя ответственность за достоверность сообщаемого.

Благодаря снам можно сообщать нечто своему ближайшему окружению (в ежеутреннем коммуникативном ритуале рассказывания), ссылаясь на сновидение как авторитетный источник информации, который может существенно влиять на поведение и образ мыслей сновидца и его окружения. Главным источником этой авторитетности является совокупность культурно-традиционных смыслов, к которым сновидец нередко обращается не только на стадии интерпретации и рассказывания сна, но и, возможно, при первом, еще не структурированном, его припоминании. При этом, как указывают некоторые исследователи[55], может происходить как бы собирание текста сна, – его «осюжетивание», выстраивание его композиции и подчинение определенной семантической доминанте.

Именно поэтому то, что мы называли выше первоначальными этапами вхождения текста в фольклор, является, вероятно, активным продолжением уже начавшихся глубинных процессов фольклоризации.

[55] [Флоренский 2001: 521–531 и сл.; Успенский 2002: 18–19].

Глава 3
Жанровые особенности рассказов о снах (в контексте фольклорной прозы)

§ 1. Замечания о понятии «фольклорный жанр»

Центральная проблема данного исследования – анализ жанровых особенностей рассказов о снах. Специфику этих текстов удобнее всего анализировать через их сопоставление с аналогичными особенностями других – уже достаточно хорошо изученных – прозаических фольклорных жанров.

Основную проблему этой главы можно сформулировать в виде следующего вопроса: «Существуют ли релевантные критерии и признаки, позволяющие считать рассказы о снах отдельным фольклорным жанром?». Такая формулировка позволяет связать анализ жанровой природы изучаемых текстов с их возможной классификацией, а также встроить рассказы о снах в общую систему жанров фольклора.

Рассмотрение проблемы применимости самой категории жанра к фольклорному материалу и обзор существующих на настоящий момент подходов к данной категории не входят в наши задачи[1]. Однако представляется необходимым сделать несколько предварительных замечаний, связанных с упомянутой проблемой, поскольку без уточнения того, *что* мы понимаем под фольклорным жанром, невозможно говорить о какой-либо конкретизации этой категории.

Б.Н. Путилов указывает на то, что «понятие жанра в фольклористике употребляется в двух значениях»: как совокупность текстов, объединенная, согласно В.Я. Проппу[2], рядом общих признаков, и как система определенных принципов, норм, стереотипов, которые в этих текстах реализуются [см.: Путилов 2003: 167]. Ряд исследователей при определении сущностных составляющих категории жанра акцентируют значимость прагматического, социокультурного и коммуникативного контекстов[3].

---

[1] См., об этом, напр.: [Honko 1989; Путилов 2003: 167–183; Штырков 1998; Ben-Amos 1976; Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994; Неклюдов 2001b; Смирнов 1997] и мн. др.

[2] См.: [Пропп 1976а: 46].

[3] См., напр.: [Адоньева 2004; Honko 1989; Путилов 2003: 167–183; Бахтин 1997: 159–286] и др.

Так, С.Б. Адоньева (опираясь на идеи М.М. Бахтина, Б.Н. Путилова, теорию речевых актов[4]), под жанром предлагает понимать «совокупность принципов, позволяющих в заданной ситуации строить высказывания определенного типа»[5]. При этом жанр представляется не как «группа произведений», но как коммуникативно и социально ориентированные речевые акты, которые в известной мере организуют социальные позиции говорящих / слушающих и влияют не только на «контекст речи», но и на «контекст жизни» [см.: Адоньева 2004: 3–12 и сл.].

Близок к подобной позиции и Л. Хонко, рассматривающий фольклорный жанр на пересечении «трех более-менее равных компонентов»: темы (содержания) theme (content), формы (form) и функции (function) [Honko 1989: 15]. В связи с этим исследователь утверждает три важных для понимания указанной категории положения: (1) жанр подчиняет тему определенному использованию (употреблению, функционированию – use); (2) жанр устанавливает (диктует) границы коммуникации [dictates the limits of communication]; (3) жанр предполагает существование жанровой системы [там же].

Схематически обозначенные выше позиции позволяют сформулировать следующее обобщенное определение рассматриваемой категории, которого мы и будем придерживаться далее. Категорию жанра по отношению к фольклору мы будем понимать как коммуникативно-ориентированную, прагматически значимую конфигурацию возможностей, воплощающуюся, с одной стороны, в совокупности конкретных текстов, законченных высказываний, речевых актов и т.п., с другой – в системе принципов, функций, типичных тем, прагматических клише, стереотипов.

Последние (регулируемые стандартными ситуациями социального общения) таким образом организуют коммуникацию[6] между говорящим и слушающим, что:

---

[4] Помимо названных работ, см., напр.: [Падучева 1996; Остин 1999: 13–135; Булыгина 1992] и др.

[5] [Адоньева 2004: 6].

[6] Подобная интенция на организацию позволяет в некоторой степени соглашаться с трактовкой жанра как «побуждения к форме (оформлению)» (an invitation to form), особого «ощущения формы» (a sense of form), однако не в смысле некоей «извечной психологической потребности» (Grundbedürfnis, по К. Ранке – [см.: Ranke 1976: 17–31], но в значении реализации в традиции определенного тематического и структурно-содержательного единства, подчиненного конкретному использованию (use), коммуникативному и функциональному контексту и т.д., – см.: [Honko 1989: 15, 24].

1. позволяют говорящему выстраивать свои высказывания[7] в соответствии с определенной общностью принципов (семантических, эстетических, прагматических, функциональных и т.д.);

2. слушающему – опознавать высказывания говорящего именно как часть этой общности, выстраивая собственную конфигурацию жанровых ожиданий – в соответствии с конкретным социально-бытовым контекстом, коммуникативной ситуацией и т.д.

Как справедливо указывают некоторые исследователи, «типы фольклорных текстов [имеются в виду именно жанры – Е.С.], характеризующиеся единством формальных принципов и функций, могут существовать в культуре, не имея специальных наименований и даже не осознаваясь рассказчиками в качестве особого класса нарративов» [Штырков 1998]. Однако, на наш взгляд, даже в этом случае и говорящий (рассказчик, певец и т.д.) и слушающий выстраивают свое высказывание / ожидание от высказывания в соответствии с определенным типом сообщения [ср. Бахтин 1997: 184–185 и сл.].

Суть жанра, таким образом, в том, что он выступает как мотивированный социальной ситуацией взаимодействия «риторико-стилистический регистр» [Адоньева 2004: 59], переключающий устную бытовую коммуникацию в ту или иную «внешнюю форму фольклорных жанров» [там же: 54].

Учитывая данное, весьма схематическое определение, общий тезис (аргументации которого будут, в основном, посвящены наши дальнейшие рассуждения) формулируется следующим образом: самостоятельным фольклорным жанром (или – жанровым образованием) можно считать такое сложное единство текстов и организующих текстовых моделей, которые по основным, наиболее релевантным в жанровом отношении признакам, в той или иной степени специфичны (т.е. отличаются от других подобных общностей).

Соотносимость рассказов о снах прежде всего с прозаическими жанрами фольклора предполагает обращение к более общему «разряду классификации», который вслед за В.Я. Проппом можно назвать областью [Пропп 1976а: 46]. Б.Н. Путилов, отталкиваясь от предложенного В.Я. Проппом разграничения фольклора, выделяет 5 областей «соответственно определяющей форме функционирования, которая

[7] Здесь под высказыванием мы имеем в виду, скорее, речевые действия, тексты-поступки, функционирующие как «силовые поля» некоего социального события и предполагающие взаимоответную реакцию аудитории, – см. подробнее: [Серль 1986; Адоньева 2004; Остин 1999: 13–135; Бахтин 1997] и др.

обусловливает самое существенное в характере жанров, в их структуре и поэтике, в их сюжетном фонде» [Путилов 2003: 172].

В интересующей нас области внеобрядовой прозы Б.Н. Путилов, как и большинство исследователей, различает сказку и несказочную прозу[8]. И только на следующей иерархической ступени «включается категория жанра» [там же].

Дифференциация прозаических жанров в фольклористике осуществляется на разных основаниях и классификационных принципах. «Соответственно, при соотнесении с разными классификационными принципами материал будет распадаться на разные группы» [Штырков 1998]. По мнению С.В. Штыркова, многообразие существующих в науке подходов к дифференциации жанров несказочной прозы может быть описано в пределах четырех возможных схем: «эмной», «реалистской», «объективистской» и «инструментальной» (см.: [Штырков 1998]).

Сторонники первого подхода считают, что фольклорные жанры существуют «лишь постольку, поскольку они осознаются носителями культуры в качестве таковых» (что может поддерживаться и соответствующей этнической, «внутрикультурной» терминологией)[9].

«Реалистская» и «объективистская» позиции предполагают объективное существования жанров: при этом сторонники первой (например, К. фон Сидов) утверждают, что экзистенция жанров независима «от сознания как ученых, так и носителей культуры». Вторые выстраивают иерархию жанров на основе их соотнесения с «внефольклорными реалиями» [там же].

Наконец, с точки зрения инструментализма какой-то жесткой, «раз и навсегда установленной» системы жанров не существует: жанровые критерии зависимы от развития «фольклористических концептуальных схем» и соответствуют тем конкретным проблемам, которые решаются с помощью указанных критериев.

Обозначенные выше интенции являются, как пишет С.В. Штырков, «идеальными конструктами» и при анализе нередко совмещаются [см. там же]. Например, к «объективистской» (и одновременно – в определенной степени – «эмной») можно отнести типологию, предложенную Е.С. Новик, которая понимает под жанром «прежде всего тип информации о действительности» [Новик 1986]. В некотором смысле «эмным» подход Е.С. Новик можно считать потому, что предложенная ею таксономия удачно иллюстрируется терминами, бытующими

[8] Данные группы текстов В.Я. Пропп называет *видами* [см.: Пропп 1976а: 50].
[9] См.: [Штырков 1998].

в традиционной культуре сибирских и дальневосточных народов, при этом исследовательница подчеркивает жанровую специфичность рассматриваемого материала. «Объективистской» (в терминологии С.В. Штыркова) классификация Е.С. Новик является по основному критерию выделения классификационных признаков – соотнесению текста с внеположными ему реалиями и системами [см.: Новик 1986; Штырков 1998].

Данная классификация на основе ряда четких и продуманных критериев позволяет выстроить достаточно непротиворечивую таксономию текстов, относящихся к несказочной прозе, а также – отграничить их от сказки. По этой причине мы остановимся на типологии Е.С. Новик подробнее, взяв ее критерии за основу дифференциации рассказов о сновидениях от остальных прозаических жанров.

Опираясь на выделенный Е.М. Мелетинским набор дифференциальных признаков[10], Е.С. Новик разграничивает прозаические фольклорные жанры на основе двух групп оппозитов, связанных с формой / обстоятельствами репродуцирования текста[11] – и «масштабом рассказа» [там же]. В первую группу включаются такие критерии, как достоверность / недостоверность, сакральность / несакральность, ритуальность / неритуальность, конкретно-этнографический / условно-поэтический «тип фантазирования». Ко второй Е.С. Новик относит: характеристику героев, времени, места и результата действия («этиологического финала»). При этом жанровыми последние признаки «становятся лишь в том случае, если они будут пониматься как внешние по отношению к сюжету», т.е. как связанные с внеположными тексту феноменами [там же][12].

Мы остановимся на каждом из перечисленных критериев, делая акценты на тех из них, которые в наибольшей мере проясняют специфику жанровой природы рассказов о сновидениях. Кроме того, задача последующего описания – выяснение степени релевантности того или иного критерия по отношению к конкретным жанровым особенностям исследуемых текстов.

---

[10] См.: [Мелетинский 1970].

[11] Е.М. Мелетинский о признаках этой группы пишет, что они соответствуют «интерпретации среды», т.е. связаны с прагматикой текста [Мелетинский 1970].

[12] Ср. также примеры анализа, которые предлагает Е.С. Новик на материале так называемых «шаманских легенд» [Новик 1984: 232–279].

§ 2. Рассказы о снах: дифференциальные признаки жанра

2.1. Критерий: достоверность / недостоверность

Как мы указывали выше, в области внеобрядовой прозы обычно разграничивают несказочную прозу и сказку. В качестве основного критерия разграничения данных групп текстов (у Е.М. Мелетинского, соответственно – мифа и сказки[13]) наиболее часто называется достоверность / недостоверность (установка на достоверность в первом случае и на недостоверность – во втором)[14].

Подчеркнем, что этот критерий является прагматическим (в частности, учитываются функциональные связи текста и отношение рассказчика / слушателя к тому, что рассказывается[15]). Важно при этом, как указывает Е.С. Новик, разграничивать два близких понятия – вымысел (фантастическое) и недостоверность, т.е. нельзя смешивать оппозиции *реальное / фантастическое* и *достоверность / недостоверность* [см.: Новик 1986; Новик 1984: 229–231; Веселова 2000].

Критерий реальное / фантастическое «есть результат проекции исследовательской оценки событий и установки текста» [Веселова 2000], т.е. текст в данном случае оценивается с точки зрения исследователя. Именно этой позиции придерживался, например, К.В. Чистов, когда, дифференцируя упомянутые виды «народной прозы», писал о том, что «в русской фольклористике принято определять сказку как рассказ с установкой на вымысел либо как рассказ с установкой на недостоверность. И то и другое неточно. Вымысел легко обнаружить и в предании, и в легенде, и особенно в побывальщине» [Чистов 2005: 48].

С точки зрения носителя (рассказчика), о вымысле в легенде, предании, побывальщине / быличке говорить, по-видимому, нельзя, поскольку обычно[16] в «действительность рассказываемого народ в этих случаях верит» [Пропп 1976а: 50].

---

[13] См.: [Мелетинский 1970]. Миф здесь рассматривается как достоверное повествование, противопоставленное недостоверному – сказке.

[14] См., напр.: [Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994; Пропп 1976а: 47; Зиновьев 1987а: 385 и сл.] и т.д.

[15] Ср., напр., точку зрения В.Я. Проппа о противопоставляемых в этом отношении жанрах мифа и сказки: «Миф и сказка отличаются не столько сами по себе, сколько тем, как к ним относятся» [Пропп 1984: 46].

[16] О некоторых исключениях из этого правила см. ниже.

Применительно к рассказам о снах оппозиция *достоверное / недостоверное* выглядит несколько парадоксально. С одной стороны, в большинстве случаев нельзя говорить о том, что рассказывающий сон расценивает его как ситуацию, произошедшую в реальности[17]. Напротив, сон часто «противопоставляется не-сну, яви, повседневной, обычной жизни» [Толстой 1994а: 91]. С другой – считать, что нарратив о сновидении передается с установкой на недостоверность, также вряд ли справедливо. Наоборот: «Человек рассказывает сон <…> как если бы он правдиво припоминал события, свидетелем которых оказался» [Малкольм 1993: 128].

Характерно в этом отношении замечание Л. Виртанен о том, что «люди пишут о своих сновидениях в письмах точно так же, как и о любых других новостях» [Virtanen 1989: 143][18]. Более того – некоторые тексты сновидений могут быть восприняты как повествование о вполне реальной ситуации, если мы – в качестве своеобразного эксперимента – удалим маркеры жанра (к формальным маркерам жанра мы относим лексемы, сигнализирующие о том, что рассказываемое происходило во сне).

Например: «… Я мыла полы в школе… Мою полы в школе, и зазвучала музыка во дворе школы, я выбежала, – все танцуют, и мой там одноклассник среди танцующих. Он подходит, приглашает меня, и мы танцуем, танцуем <…> И наша пара остаётся одна, – то есть мы с ним вдвоём, и все так на нас пристально смотрят, – я застеснялась, засмущалась, отстранилась от него. Я говорю: “Нет, – говорю, – танцевать я с тобой не буду!” – и ушла от него, и снова начала мыть полы, зашла в школу и мою снова полы…<…>» (*КИВ*).

Отметим, что данный сон относится к числу ярких, запомнившихся, фольклорных, – т.е. к рассказам, которые способны не раз воспроизводиться и ретранслироваться, ориентированы на традицию и т.д.[19] Это обусловлено тем, что в какой-то степени банальное (для посто-

[17] По крайней мере, именно так обстоит дело в современной культуре: в этом отношении показательны, например, дискуссии об онтологическом статусе реальности и роль концепта сна в данной полемике – см.: [Руднев 1997]. «Первичным» (К. Леви-Строс) культурам жесткое противопоставление сна и яви было, видимо, свойственно в меньшей степени [см., напр.: Тайлор 2000: 150–167 и др.; Фрэзер 1998: 196–198 и др.; Выготский 1999: 154 и т.д.].

[18] Ср. также шуточно-парадоксальный вопрос, приведенный в статье Б. Шифрина: «Какие новости – как там у вас во сне? Колбаса подешевела?» [Шифрин 1995].

[19] Подробнее об этом см. вторую главу настоящего исследования.

роннего слушателя) содержание сна соотносится рассказчиком с нетривиальным событием реальности и толкованием, подключающим этот текст к традиционной модели мира[20]: «А потом через несколько месяцев я узнала [в реальности – Е.С.], что одноклассника убили, то есть потом анализировала – оказывается я *мыла полы*, то есть как бы *смывала его с земли*, – так получается…» (*КИВ*)[21].

Таким образом, критерий достоверность / недостоверность, являющийся основой разграничения сказочной и несказочной прозы, применительно к рассказам о снах должен быть переосмыслен (подчеркнем, что мы пока не учитываем других значимых критериев, которые были названы выше). Мы предполагаем, что названная выше оппозиция является нерелевантным критерием для отнесения рассказов о снах к той или другой разновидности устной прозы.

Критерий достоверность / недостоверность выполняет функцию разграничителя двух разновидностей прозы только в том случае, если он, пользуясь термином логики высказываний, строго дизъюнктивен, т.е. либо рассказчик не верит в то, о чем повествует (тогда это сказка), либо – верит (тогда это – не-сказка). Именно в этом случае имеет смысл говорить о таком апофатическом[22] термине, как несказочная проза: «Основной признак сказки <…> состоит в том, что в действительность рассказываемого ни исполнитель, ни слушатель не верят. <…> Он [признак – Е.С.] в значительной степени определяет всю поэтику сказки. С формально логической стороны он установлен правильно, так как все другие виды народной прозы (предание, легенда, быль, сказ) основаны на попытках передать реальность» [Пропп 1976а: 47].

В отношении некоторых традиций, однако, исследователи постулируют существование нестрогой достоверности, обусловленной отсутствием четко выраженной установки на вымысел в повествованиях этих культур [Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994]. Вместе с тем, го-

[20] О некоторых аспектах понятия «модель мира» – см., напр.: [Топоров 2000; Цивьян 2005] и др.

[21] Ср. запрет мести, мыть полы – соотнесенность данного акта со смертью [Новичкова 1996: 148] и актуальность для снов и сонников этого образа-мотива [напр., Разумова 2001: 99; Гура 2001: 88], ср. также: [Лурье, Черешня 2000: 287, текст № 44].

[22] Вообще, определение объекта через отрицание («отбрасывание») несвойственных ему определений имеет довольно сложный когнитологический и философско-теологический смыслы, а также длительную историю (из недавних работ, посвященных «апофатической рефлексии», см., напр.: [Бакеева 2005]).

воря о современном фольклоре, ученые склонны рассматривать колебания в отношении установки на достоверность как жанровую трансформацию с возможным переходом, например, былички в сказку[23].

В любом случае дихотомия *было / не было* (реальность / нереальность, истина / неистина и т.п.) оказывается для сновидений «тесноватой» и имеет тот общий для всех дихотомических делений недостаток, который проявляется в крайней неопределенности части с «не-». Вероятно, есть необходимость в расширении данной оппозиции за счет прибавления минимум еще одного члена: например, реальность / ирреальность / нереальность.

Как показывает рассмотрение текстов, записанных от информантов и сельской и городской культуры, такое расширение вполне адекватно оценке самих информантов. Хорошо известно также (например, в лингвистике и логике), что «ирреальные модальности не могут быть истинными или ложными»[24], но они *возможны.* Немного перефразируя известную фразу Л. Витгенштейна[25], суть вопроса состоит не в том, верит ли информант в реальность рассказываемого или нет, а в том, что здесь означает «верит».

Итак, что означает верить в сны?

В первую очередь, как указывает Н.И. Толстой, под этим обычно подразумевают веру в то, что приснившееся есть символическое предвестие определенного реального события (код, требующий дешифровки) [см.: Толстой 1994а: 89–91].

Отметим здесь два важных для нас момента:

1. Событие так же влияет на характер и выбор образа сновидения, как последний – на выбор соотносимого события [Лурье 2002: 35, 39–40]. Здесь важно, с одной стороны, то, что сон – феномен повышенной семиотической неопределенности [Лотман 2000а], с другой – то, что в ситуации сбывшегося сновидения наличествует особый, психологически и культурно обусловленный настрой сновидца, ожидающего наступления события, которое можно соотнести со сном [Сафронов 2004]. Достоверность / недостоверность сна в этом случае не есть вера в реальность или нереальность рассказываемого, но есть вера в адек-

[23] См.: [Мелетинский 1970; Померанцева 1975: 24, 150; Новик 1986].

[24] См., напр.: [Руднев 1995].

[25] «В употреблении выражения “истинно или ложно” есть нечто дезориентирующее, потому что оно словно бы говорит: “Это либо соответствует, либо не соответствует фактам”, – а вопрос-то как раз и состоит в том, что здесь означает “соответствует”» [Витгенштейн 1994: 347].

ватность / не адекватность соотнесения сна (с точки зрения сновидца, естественно) с событием действительности, т.е. его референции.

2. Вера в сон подразумевает осмысление сновидения как иного мира («того света», потусторонней реальности)[26] и т.п., в котором действуют свои особые закономерности, возможно невозможное в повседневности и т.д. Достаточно образно о таком подходе пишет М.М. Валенцова: «"Там" [в инобытии – Е.С.] другие законы <…>, "там" слышат не ушами и видят не глазами, "там" знание непосредственно» [Валенцова 2002: 47].

Прямое выражение такого отношения рассказчика к сну в тексте присутствует относительно редко. В основном, оно становится ясно из самого сюжета, наличия тех или иных мотивов (например, мотивов полета [см.: Ливанова 2002], прохождения сквозь стены, обладания другими сверхъестественными способностями). Напр.: «…Снилось мне, что я хожу в шапке-невидимке и прохожу сквозь стены, – среди людей, а они меня не замечают…» (*ДИО*).

Сходные наблюдения отмечаются исследователями и по отношению ко всей фольклорной прозе: «Противопоставление "достоверный / недостоверный" терминологически не выделяется [имеется в виду в текстах самих носителей – Е.С.], но, несомненно, является актуальным для всего повествовательного фольклора» [Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994]. Однако иногда встречаются и эксплицитные оценки: «Ведь сны же снятся, как будто совершенно другой мир, как будто это другая жизнь, в которой есть свои идеалы и ценности, отличные от реальных» (*ДИИ*).

Подчеркнем, что при таком подходе как инобытийные расцениваются фактически все сны. Приснившееся не есть реальность или нереальность, а некая квазиреальность (или – квазидействительность[27]), сфера воображаемого.

Упомянутая выше установка на достоверность (когда сон, например, пересказывается как новость, как нечто воспринятое) при таком отношении к снам также актуальна. Это коррелирует с наблюдением

[26] См., напр.: [Толстой 1994а: 91].

[27] Данный термин к обозначению «денотата архаической словесности» применяет С.Ю. Неклюдов [Неклюдов 1995: 673]. Показательно, что исследователь говорит о близости «образов-понятий» квазидействительности к реальности (вплоть до полного неразличения) и сопоставляет эту ситуацию с неразграничением сна и яви в «примитивных» культурах [там же].

Е.В. Падучевой, размышляющей о референции текста с внеязыковой действительностью: «Механизмы соотнесения языкового текста с вымышленным миром и с реальным во многом *подобны*» [Падучева 1996: 244; курсив наш – Е.С.]. При этом исследовательница проводит весьма любопытное для нас разграничение «разговорного дискурса» и «художественного текста»: «Подобны, но не тождественны. Взять хотя бы то, что реальный мир существует, вообще говоря, независимо от текста, а вымышленный мир текста порождается текстом. Иначе можно сказать так: в разговорном дискурсе говорящий принадлежит миру, в котором он осуществляет референцию; а автор художественного текста, вообще говоря, нет» [Падучева 1996: 244–245].

Сон – в силу нерелевантности для него критерия «реальный / вымышленный»[28] – снова проявляет себя как «странный феномен»[29]:

1. Нельзя сказать (по крайней мере, с точки зрения сновидца), что ирреальный мир сна порождается текстом, т.е. рассказом о сновидении. Заметим, что позиция Н. Малкольма, объявившего единственной реальностью, доступной для изучения, рассказ о сне, – это именно позиция слушателя (исследователя), не рассказчика [см.: Малкольм 1993].

2. Нельзя сказать принадлежит или не принадлежит рассказчик сна миру, в котором он осуществляет референцию, поскольку, чтобы определить этот статус говорящего, необходимо сначала определить статус мира, о котором он рассказывает.

По той причине, что такая постановка вопроса требует отдельного и подробного рассмотрения, мы ограничимся лишь указанием на вероятные пути его решения. На наш взгляд, один из самых перспективных подходов в этой области связан с разработками в теории так называемых «возможных миров»[30]. Установка на достоверность в рамках данного подхода предполагает принадлежность рассказчика миру, о котором он повествует: «Любой мир, в котором история рассказывается как достоверный факт, а не как вымысел, должен принадлежать множеству миров, в которых разыгрывается фабула повествования» [Льюиз 1997].

---

[28] Здесь указанная оппозиция формулируется в терминах приведенной цитаты Е.В. Падучевой, однако подразумевается то, что мы выше описывали как «достоверность / недостоверность».

[29] Так называет сон в своей книге Н. Малкольм [Малкольм 1993: 125].

[30] См. об этом, например.: [Крипке 1981; Хинтикка 1980; Льюиз 1995; Руднев 1995].

Из этого следует (с известной долей условности), что можно разграничивать достоверность рассказчика (А) и достоверность слушателя (В). В том случае, если А=В, повествователь и аудитория пребывают в едином «перцептуальном пространстве-времени»[31] (одном множестве возможных миров). Если А≠В, то их «перцептуальная сфера» не совпадает, – при возможной близости «концептуального» и, естественно, «реального» пространства и времени.

Рассказчик сна, следовательно, принадлежит миру, в котором он осуществляет референцию, но этот мир не во всех точках пересекается с множеством возможных миров слушателя. Понятно, что такой подход применим ко всей несказочной прозе (в возможном мире рассказчика былички существуют домовые, черти и т.д.; рассказ о них достоверен в его перцептуальном времени-пространстве).

Кроме того, вера в сон подразумевает определенную типологию рассказов о снах: статус значимых (первый подход) и инобытийных (второй подход) имеют далеко не все сновидения. В рамках подобного отношения сон, например, может осмысляться как некое пространство, «коммуникативный коридор»[32], благодаря которому становится возможным контакт с иным миром[33].

Отметим, что, говоря о разграничении сказки и несказочной прозы (по основному критерию – установке на достоверность / недостоверность), мы подчеркнули особый статус рассказов о сновидениях. При этом a priori предполагалось, что данный критерий в отношении других фольклорных прозаических жанров применим на 100% (иначе, как уже упоминалось, строгой дизъюнкции не получается и правомерность дихотомического разграничения сказочная / несказочная проза оказывается под сомнением). В наши задачи не входит подробное рассмотрение данного вопроса, но представляется необходимым сделать некоторые осторожные замечания, чтобы показать иллюзорность мысли об особом статусе текстов о снах в этом отношении.

---

[31] Данный термин Р.А. Зобов и А.М. Мостепаненко используют применительно к общему рассмотрению произведений искусства, существующих, согласно авторам статьи, в трех сферах: реального, концептуального и перцептуального времени-пространства. Образы сна они относят к последней [см.: Зобов, Мостепаненко 1974: 14–15 и сл.]

[32] Термин Адоньевой [см.: Адоньева 2004: 62].

[33] См. подробнее: [Толстая 2001; Сафронов 2005, 2006а], а также – следующие главы настоящего исследования.

Остановимся на наиболее близких к рассказам о снах жанрах былички и так называемой «бывальщины»[34]. Большинство исследователей справедливо называют установку на достоверность важнейшим «традиционным принципом исполнения» былички (см., напр.: [Зиновьев 1987b: 393; Померанцева 1975: 9 и сл.] и мн. др.). Однако при этом отмечается и нередко встречающееся выражение сомнения в реальности описываемых событий у самих рассказчиков [напр., Зиновьев 1987b: 393].

Наличие сомнения в быличке и в бывальщине объясняется возрастающей ролью эстетической функции, «развлекательной установки» [там же: 394] (в противовес обычному доминированию «внеэстетической функции» [Чистов 2005: 48]). Отмечается, что «подобные сомнения вполне объяснимы и <…> могут свидетельствовать о *разрушении жанровой специфики произведения*»[35], трансформации этих рассказов в сказку[36]. Говорится также о появлении псевдобыличек и антибыличек [Зиновьев 1987b: 398; Соколова 1970: 196] – рассказов, использующих материал быличек для пародии и т.п.

Нам представляется, что, рассматривая бытование былички в синхроническом плане, говорить о разрушении[37] этого жанра (в связи с экспликацией сомнения в данных текстах) вряд ли корректно. В настоящее время выражение сомнения в текстах указанного жанра нередко является неотъемлемой чертой их поэтики (значимо то, что формулы сомнения закреплены структурно – в инициальных или финальных частях рассказа). То, что информант не верит или сомневается в достоверности рассказа, не мешает ему быть знатоком быличек и активным их рассказчиком (ср. пример, который приводит В.П. Зиновьев, говоря о П.А. Достовалове – жителе г. Нерчинска [Зиновьев 1987b: 393–396]).

Для рассказов о сновидениях, как отмечает А. Кайвола-Брегенхой, также свойственно это смешение веры / неверия, совсем не препятствующее продуцированию данных текстов. Исследовательница приводит в качестве примера следующее высказывание информанта: «Я действительно не верю в сны, но надеюсь, что хорошие сбудутся» [Kaivola-Bregenhøj 1993: 212–213].

[34] Близость проявляется здесь на разных уровнях: мотивном, композиционном и т.д. – ср., напр.: [Бобылева, Миргородская 2000: 254].

[35] [Зиновьев 1987b: 396; курсив наш – Е.С.].

[36] [Зиновьев 1987b: 398; Померанцева 1975: 24, 150, 160; Мелетинский 1970].

[37] Так, В.Я. Пропп называет быличку «естественно вымирающим жанром» [Пропп 1984: 48]; см. также: [Померанцева 1975: 160–161].

Особую роль в этом (помимо названных выше причин) играет рассказывание случаев, непосредственным свидетелем которых информант не являлся, от 1–го лица (ср. [Зиновьев 1987а: 10–13, тексты №1–3, записанные от «сомневающегося» Достовалова]).

Основную часть передают от 1 лица, что – вместе с вербальными показателями изначальной принадлежности рассказа другому (например: говорят, «грит», рассказывают и т.д.) – как бы снимает ответственность за рассказ и позволяет соблюдать традиционные принципы его передачи с установкой на достоверность.

С другой стороны, некоторое исключение имеется и для сказки. Мы не считаем его определяющим, однако любопытен сам факт того, что сказку (в современной культуре) можно рассказывать и слушать с установкой на достоверность либо – пользуясь термином, предложенным для архаических традиций [Мелетинский 1970] – на нестрогую достоверность, частичную веру. Имеется в виду достаточно активный и легко забываемый исследователями контингент слушателей / рассказчиков в возрасте примерно от 3 до 6 лет[38].

Ср., напр., следующий фрагмент интервью (вопросы задавались сразу после рассказанной ребенком сказки):

«?: Баба-Яга есть?

– Есть.

?: Где она живет?

– Ну, она в лесу, конечно, живет.

?: Ты видела бабу-Ягу?

– Да ни разу, – я не ездила в лес целое лето…» (*CAE*, 5 лет).

О возможности веры в подлинность рассказываемой сказки пишет, например, и румынский исследователь Н. Рошияну, основывающий свои выводы на наблюдениях за сказочниками середины XX века [Рошияну 1974: 49–51].

Единственная цель последних замечаний – отметить не абсолютность разбираемого критерия, разграничивающего разновидности устной прозы, как для традиционных для фольклористики жанров (былички, сказки и т.д.), так и для рассказов о снах. Помимо сказанного, причина прозрачности границ между достоверным и недостоверным в быличке – весьма актуальное для этой группы текстов представление об ином мире (ИМ).

[38] То, что в современной культуре дети этого возраста проявляют особую активность в отношении данного жанра и являются полноправными носителями определенной folk-культуры, можно, вероятно, считать бесспорным.

Встреча с представителями ИМ, лежащая в основе определения этого жанра [Зиновьев 1987b: 381; Померанцева 1975: 4 и др.], нередко сопровождается мотивами мороки, сноподобия всего происходящего. Ср. лаконичный финал (напоминающий сказочную формулу[39]) одного из рассказов, опубликованных В.П. Зиновьевым: «Было или нет?..» [Зиновьев 1987a: 30]. Отсюда – характерная близость терминов, употребляемых в этих текстах: «привиделось», «примерещилось», «приснилось» и т.п.

Встречающаяся в быличках и бывальщинах неуверенность в онтологическом статусе являющихся персонажей (произошло в реальности, ирреальности или вообще не было) – обусловливает и саму возможность сомнения в достоверности рассказываемого, т.е. встраивает эту возможность в поэтику данных текстов. Это позволяет думать о естественности (до некоторой степени, конечно) присутствия в быличке – в той или иной форме – экспликации сомнения, а значит – о необходимости переосмысления критерия «достоверность / недостоверность» применительно к современному их бытованию.

Говоря далее о критериях, выделенных Е.С. Новик и Е.М. Мелетинским, нельзя не заметить их зависимость от уже разобранной нами оппозиционной пары достоверность / недостоверность.

В этом отношении более показательны признаки, отнесенные Е.С. Новик к определяющим «масштаб рассказа» (т.е. характеристика героев, времени, места и результата действия – этиологического финала). Именно к их анализу мы обратимся в следующих параграфах, заключив наше рассмотрение обращением к остальным критериям, связанным с прагматическими особенностями текстов («интерпретацией среды»).

2.2. Пространственно-временная приуроченность текстов о снах

Обратим внимание, что в пределах данного параграфа не анализируется то, как «воспроизводится и изображается»[40] пространство / время в текстах того или иного жанра: это совершенно другая тема, требующего отдельного рассмотрения (ср., напр., анализ замкнутого времени сказки [Лихачев 2001: 20–23], циклического времени мифа

[39] См., напр.: [Рошияну 1974: 20–21].

[40] [Лихачев 2001: 6].

[Элиаде 2000: 283–306] и т.п.). Далее мы рассматриваем проблемы пространственно-временной соотнесенности текста и внеположной ему реальности.

В сказке время и пространство носят неопределенный характер («в некотором царстве, в некотором государстве»; «однажды, некогда» и т.п.) [см.: Мелетинский 1970; Новик 1986; Пропп 1984: 177]. В противоположность этому, например, в таких традиционных жанрах, как предания и былички время и пространство достаточно конкретизированы. В частности, по Е.С. Новик, опирающейся на материалы Сибири и Дальнего Востока, предание, в основном, ориентировано на историческое прошлое и «определенную родовую территорию». Быличка – на «настоящее и недавнее прошлое» и «конкретное место».

Продолжая эту мысль, можно говорить о том, что легенда[41] соотносится с легендарным прошлым и легендарным же пространством[42]. И то и другое нередко конкретизируется: характерно в этом отношении, например, замечание О.В. Беловой о том, что в легендах и поверьях, «связанных с библейскими сюжетами», часто возможна не только локативная приуроченность, но – имплицитно – и привязанность к некоему «обозримому временному пласту» [Белова 1999: 31–32], см. также: [Азбелев 1992: 503–505, тексты № 355, 356]).

В свою очередь, мемораты и так называемые устные рассказы (personal experience stories) коррелируют – в большинстве случаев – с реальным относительно недавним прошлым и конкретным пространством.

Рассказы о снах по данному критерию (как и по критерию достоверность / недостоверность) занимают достаточно лиминальную позицию. С одной стороны, вопросы «когда?» и «где?» для сюжетов этих текстов не релевантны, поскольку пространственно-временной приуроченности ирреальность сна поддается с трудом. С другой – темпоральная и локальная приуроченность в сновидении актуализируется при соотнесении текста сна с событиями реальности.

---

[41] В данном случае мы используем этот термин в узком значении: легенда – «рассказ <…>, содержание которого прямо или косвенно связанно с господствующей религией» [Пропп 1998: 271]. О более «широком» подходе к этому термину, см., напр.: [Никитин 2002; Новичкова 1990].

[42] Это в какой-то степени «размывает» определенность пространства и времени в текстах данного жанра и сближает с жанром сказки, – см., напр.: [Пропп 1998: 283–288; там же об отличии этих жанров].

Ср., напр., следующий рассказ о сновидении: «…Через залив протянут мост, – мост был из звезд, и я шла [во сне – Е.С.] по этому мосту на ту сторону залива. Звёзды были яркие, какого-то бирюзового цвета, сияли, и не просто сияли, а как бы сияли из-под воды. И я шла по мосту, поэтому было страшно, потому что звёзды как бы уходили под ногами, и было страшно, но в то же время было ощущение такое полёта …» (*КИВ*).

Определить конкретную темпорально-спациальную приуроченность данного текста (исходя только из описания сна) невозможно. Вопрос о пространственно-временной приуроченности актуализируется лишь в соотнесении с реальностью, которое в процитированном рассказе эксплицировано в инициальной части текста.

Ср.: «[Воспроизводим начало только что приведенного рассказа] Самый яркий сон был у меня в детстве, я раньше жила в деревне, деревня находилась на горе, на заливе реки Волги, и вот снился сон в детстве…» (*КИВ*).

Таким образом, рассказы о снах, с одной стороны, близки к сказкам (в силу нередкой неопределенности пространственно-временной приуроченности в части, описывающей собственно сновидение), с другой – к несказочной прозе (по причине конкретности данной приуроченности в той части текста, в которой рассказывается о так или иначе соотносимых со сном событиях реальности).

Сказка сближается по этому критерию с нарративами о снах потому, что непонятен онтологический статус сновидения: акцент смещается с вопроса: «Когда и где было?» на вопрос о самом понятии «было», т.е. связь с критерием достоверность / недостоверность здесь непосредственная. Неопределенность локуса и времени в сказке поддерживается не только устойчивыми формулами («в некотором царстве», «некогда»), но и – главным образом – установкой на недостоверность повествования. Именно поэтому сказку можно противопоставить всем остальным жанрам несказочной прозы. Характерно, например, что при отсутствии такой установки (см. фрагмент интервью с ребенком, приведенный выше) изображение локуса приобретает конкретность: “…я не ездила в лес целое лето [и потому бабу Ягу не видела]”, – имеется в виду конкретный лес, известный ребенку [ср. также: Рошияну 1974: 50].

Говоря об этом критерии, нельзя не упомянуть и о специфике темпорально-спациальной приуроченности в рассказах о снах, которая связана с соотнесением в dream-telling апперцептивного образа реального времени / пространства и его сновидческого аналога.

А. Пространственная приуроченность в рассказах о снах

Интересно, что знакомое (по реальности) сновидцу пространство способно претерпевать различные трансформации, которые как бы маркируют принадлежность данного локуса миру сна.

В пределах известного нам материала условно можно выделить следующие виды трансформации пространства во сне:

1. *Амплификация*, т.е. усложнение, прибавление неких новых элементов (определенных свойств, объектов и т.д.) к привычному образу реального локуса. Ср., например, текст о мосте из звезд (здесь реальный локус – волжский залив – «дополняется» образом звездного моста – центрального образа-мотива данного сна).

2. *Редукция*, т.е. упрощение образа реального пространства, отсутствие некоторых его свойств и относящихся к нему объектов.

Ср.: «[Сновидице периодически снится здание института, в котором она училась] <…> Всё время часто вижу: и одно и тоже здание, помещение и всё – эти ступеньки, лажу-лажу-лажу… Вот не могу найти выхода, – вот зайду, вижу, что ступеньки эти же, и эти же повороты – всё, а когда достигаю цель, где бы выйти, – уже выйти не могу…» (*ЛАН*);

3. *Смешение*, т.е. соприсутствие в одном тексте двух предыдущих тенденций. Ср.: «[Снится] Тагай[43], – как будто нет вообще домов, нет деревьев, нет ничего вообще: просто голая земля, голая, такого красноватого оттенка. И свет такой, знаешь, когда закат из-за туч, вот такой свет во сне… Звон колоколов, короче, знаешь, на месте в Тагае, – в том месте, где [раньше в реальности] стояла церковь, – стоит эта церковь, – огромная церковь, и всё и больше нет ничего <…> Пять куполов и очень большая…» (*ППС*).

Заметим, что обозначенные трансформации практически всегда являются пуантом сновидения, сосредоточивающим основное внимание и рассказчика и слушателей. Не случайно, что образы-мотивы, сигнализирующие о трансформации, – в центре сюжетов пересказываемых снов. В том случае если приснившееся пространство фактически никак не трансформируется (по сравнению с апперцептивным образом реального локуса) либо не представляет особого интереса для рассказчика, внимание говорящего акцентируется не на описании спациальных характеристик, а на действиях снящихся персонажей, их значимых атрибутах и т.п.

[43] Название села в Ульяновской области, где проживает информант.

Трансформация привычного образа пространства – один из тех мотивов, которые обладают большим нарративным потенциалом. Совместно с некоторыми другими он образует фонд мотивов, на котором основываются многие входящие в фольклор рассказы о снах. Например, в следующем ниже тексте амплификация привычного локуса (квартиры рассказчицы) не случайно, на наш взгляд, соседствует с традиционными для иномирных снов мотивами прихода умерших и «вопрошения» о «том» свете, вербализованных посредством нескольких устойчивых формульных конструкций:

«[Информантке часто снится, что к ней приходят умершие родственники] <…> Два дяди – обои покойны. Один умер раньше, с одним я очень хорошо разговариваю, – расспрашиваю именно я, отвечает он. А второй дядя, – позднее, наверное, с год как умер, сидит молча… *И между моей кроватью такое пространство – канава, яма ли или что, – они находятся в квартире у меня.* Я старшего дядю все расспрашиваю, – спрашиваю: "Что, бабушку вы видите?" – "Вижу, видим, – каждый день видим…" – "Ну, а чем вы там заняты?"…» и т.д. (*КЗИ*).

В. Временная приуроченность в сновидениях

Далеко не все рассказы о сновидениях предоставляют возможность анализировать соотнесение сновидческого времени (то, как отражена длительность и последовательность событий в сюжете сновидения) с апперцепцией времени реального. Наиболее показательны тексты, в которых действительные события (не воспоминания о них) оказывают непосредственное влияние на сон, формируют его сюжет. Имеются в виду те рассказы о снах, которые в свое время привлекли внимание ученых, философов и писателей[44].

Своеобразной кульминацией этих текстов является некая ситуация, симультанно воспринятая и описанная рассказчиком с точки зрения двух разных миров: мира сна и мира яви. Событие, произошедшее в реальности, «телеологически»[45] влияет на композицию и сюжет сновидения: ситуация действительности оказывается связана со сном как одна из причин его возникновения и как итог его сюжетного развертывания. Такие рассказы в обыденной речевой практике воспроизводятся достаточно активно (вне зависимости от содержания сновидения,

[44] См., напр.: [Флоренский 2001: 521–531; Maury 1865; Толстой Л. 1978; Успенский 2002: 15–17 и сл.; Данн 2000].

[45] См.: [Флоренский 2001: 525].

основных мотивов и т.д.), поскольку так же, как и в сбывшихся снах, основной пуант сосредоточен здесь на соотнесении.

Приведем пример: «В общем, дело было в поезде, ехали мы долго, у меня было боковое место, получилось так, что разбросала руки, а рука оказалась в проходе. [Снится сон, в котором информантка видит родное село] <…> Вдруг как будто из этого оврага через кусты, через заросли лезет куча волков. И, короче, тот, который первый был волк, он на меня кидается. Чтобы защититься, я инстинктивно руку выбрасываю, волк хватает меня за руку, а в этот момент [в реальности] подошла подружка, увидела, что я мешаю людям ходить в поезде, и она меня в этот момент как раз взяла за руку. Я вскочила, напугала ее, испугалась сама. Вот совпало» (*БОП*).

Показательна сама структура приведенного рассказа, которая прагматически подчинена выделению главного момента – описанию столкновения сна и реальности. Близкие к процитированному нами тексты позволили П.А. Флоренскому сделать некоторые предположения о природе времени в снах. В частности, он писал о так называемом «обратном» времени в сновидениях, когда оно течет «с бесконечной быстротой <…>, выворачиваясь через себя самого» [Флоренский 2001: 522]. В мире сна время является «мгновенным и обращенным от будущего к прошедшему, от следствий к причинам». Таковым оно становится в силу пограничного статуса сна: «…Это бывает именно тогда, когда наша жизнь от видимого переходит в невидимое, от действительного – в мнимое», т.е. при пересечении границы между бытиями [там же: 522].

Б.А. Успенский выдвинул в противовес этому принцип семантической доминанты, сообразующей хаотический поток «семантически поливалентных» образов сна: «Они [образы сновидения – Е.С.] легко трансформируются (переосмысляются) и в принципе способны ассоциироваться – соединяться, сцепляться – друг с другом самыми разнообразными способами» [Успенский 2002: 18]. Событие-доминанта (в нашем примере – момент, когда подруга взяла сновидицу за руку) выполняет функцию «своего рода фильтра» или «сита», отсеивающего детали, не соотносимые рассказчиком с этим событием. Под действием доминанты «задается семантическая установка (семантический код), которая определяет прочтение увиденного: события воспринимаются постольку, поскольку они связываются в сознании с конечным результатом» [там же].

По нашему мнению, близкий к этому механизм является основой соотнесения: вещий сон / сбывшееся событие. В качестве доминанты в последнем случае могут выступать как событийный / коммуникативный контексты, так и образы-мотивы самого сна. Оба исследователя, таким образом, сходятся на мысли о значительной роли рассказывания сна, поскольку только в пределах dream-telling становится возможно само соотнесение реальности и сновидения.

2.3. Тип героя и характер этиологического финала

Обратимся к таким дифференциальным жанровым признакам, как тип героя и характер этиологического финала.

Данные критерии безусловно связаны с разобранными нами выше[46]. Как отмечают исследователи, если для сказки характерен, условно говоря, «некий человек» (сказочный персонаж с характерными функциями), то для достоверных жанров свойственны более конкретные персонажи: для мифа – «первопредок, культурный герой-демиург», для предания – «предок или богатырь», для былички, мемората и т.п. – «определенный человек, современник», для легенды – сакральный персонаж[47].

Рассказы о снах по этому критерию близки к быличкам, personal experience stories (personal narratives), меморатам и легендам. В первых трех жанровых образованиях, как и в рассказах о снах, в качестве главного персонажа в большинстве случаев выступает сам рассказчик, так как это прежде всего «рассказ о себе» [Чередникова 1992: 90][48].

Легенды близки к снам в силу свойственного для некоторых типов снов статуса сакрального сообщения[49].

Надо отметить, что центральный персонаж рассказа о сне (достаточно часто он отождествляется с «я» рассказчика) имеет особый статус, отличающий его от остальных персонажей того же текста о сне. С одной стороны, специфика сна в этом отношении проявляется в замеченной еще М.М. Бахтиным внешней невыраженности «главного действующего лица» сновидения: «С точки зрения живописно-пластической мир мечты совершенно подобен миру действительного воспри-

[46] См. подробнее: [Новик 1986; Веселова 2000].

[47] См.: [Новик 1986; Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994; Пропп 1998: 291].

[48] См. также: [Померанцева 1975: 6, 11 и др.; Stahl 1983; Labov, Waletzky 1967].

[49] См. об этом подробнее: [Балов 1891; Панченко 2001, 2002a, 2002b].

ятия: главное действующее лицо <…> внешне не выражено, оно лежит в ином плане, чем другие действующие лица; в то время как эти внешне выражены, оно переживается изнутри. <…> Та же разнопланность имеет место во сне» [Бахтин 2003: 109].

Действительно, как показывают наши материалы, в большинстве текстов «наружность»[50] главного персонажа рассказов о снах никак не описывается: говорящий и слушатель как бы a priori подразумевают, что образы «я» сновидения и «я» рассказчика сна (либо того, чей сон пересказывается) полностью совпадают. Основной «интерес» рассказа сосредоточен на самом сюжете сна, соотнесении со сбывшемся событием и т.п., но не на возможном указании на определенные особенности внешнего («пластически» значимого) облика сновидца.

С другой стороны, при несовпадении образа собственного «я» с «я» персонажа-сновидца рассказчик акцентирует внимание именно на этом несовпадении (так же как в случае с трансформацией перцептивного образа реального пространства во сне).

Приведем некоторые примеры:

1. «Вот было [во сне – Е.С.] – то, что вроде не мое лицо, не мое тело – вообще другой человек, <…>. Ну я знаю, что это не я, вернее, то, что не мое тело, то, что у меня другая внешность, это… вообще, это не я, но все мысли мои, – то, что я общаюсь с другими людьми через этого человека, такое вот снилось» (*СОЮ*).

2. «Я была в теле чудовища, – как горгулья с крыльями. В тот момент я убегала от людей, которые пытались меня поймать» (*ФОА*).

3. «Мне одно время часто снилось, что я в теле мужчины, ну просто уже мужчина взрослый, лет тридцать, темноволосый, с карими глазами, ну, в общем, постоянно один и тот же человек, – несколько раз снилось» (*СЕС*).

4. «[Запомнился] сон, в котором я была змеем, даже змием, – огромный, зеленый, с раздвоенным хвостом… Было привычно и очень лениво» (*ФОА*).

Процитированные примеры позволяют утверждать, что некоторая трансформация «внешней выраженности» главного сновидческого персонажа (так же как трансформация реального пространства во сне) является одной из причин вербализации сновидений вообще, т.е. данный мотив входит в упомянутый нами выше фонд основных мотивов

[50] Термин М.М. Бахтина, означающий «внешнюю выраженность, все без исключения экспрессивные моменты моего тела», переживаемые «мною изнутри» [Бахтин 2003: 108].

вербализуемых снов. Об этом, в частности, свидетельствует краткость и, так сказать, одноэпизодность данных текстов: их пуант сосредоточен на сообщении о самом факте трансформации привычного облика сновидца. Этим, в принципе, исчерпывается нарративный потенциал указанных рассказов.

Подобная одноэпизодность наблюдается и в рассказах о снах, в которых описываются необычные способности сновидца, отсутствующие у него в реальности (визионер может летать, проходить сквозь стены и т.п.).

Кратко остановимся на таком критерии, как этиологический финал. Последний связывает «события рассказа с настоящим положением вещей». В мифе он объясняет особенности «состояния природы и культуры в целом», в преданиях – «отдельных элементов ландшафта, конкретного рода», в быличках это «вывод морального толка, либо объяснение удач или неудач, ставших “с тех пор” уделом рассказчика или его близких» [см.: Новик 1986; Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994].

В легендах заметную роль играет «нравоучительная тенденция» всего рассказа [Пропп 1998: 284], а также – объяснение происхождения чего-либо (например, особенностей встречи некоторых религиозных праздников – ср. сюжет известной легенды о Касьяне и Миколе [см. там же: 295; ср.: Белова 2004]).

Анализ рассказов о снах позволяет утверждать, что характер этиологического финала сновидений во многом зависит от их принадлежности к определенному типу текстов о снах. Например, для финалов некоторых текстов, относящихся к группе «собственно вещих» сновидений, характерна интенция на подтверждение «свойства снов “сбываться”» [Лурье, Черешня 2000: 278]. В некоторых рассказах об иномирных сновидениях наблюдается стремление «освидетельствовать» инобытие, подтвердить его существование и т.д.

Дальнейшее рассмотрение типов текстов о снах позволит уточнить характер возможных этиологических финалов, свойственных изучаемым рассказам.

2.4. Признаки, соответствующие прагматике текста о сне

Другая группа жанровых «разграничителей», которые были использованы Е.М. Мелетинским в качестве «оптимального набора дифференциальных признаков», позволяющего наиболее четко разграничить миф (т.е. достоверное сообщение) от сказки (недостоверного сообщения) – это сакральность / несакральность, ритуальность / неритуальность, наличие связи с конкретно-этнографическим контекстом / ее отсутствие [см.: Мелетинский 1970].

Положительные дифференциальные признаки в указанных оппозитах (те, которые присущи достоверным жанрам) в наибольшей степени свойственны текстам, составляющим основную часть фольклорных сновидений, т.е., прежде всего, иномирным снам.

Так, Е.С. Новик пишет о том, что сакральность «может быть понята как придание сюжетному тексту статуса сообщения, отправленного предками или божествами своим потомкам», т.е. восприятие текста как сакрального превращает рассказ «в акт общения» [Новик 1986]. При этом основная функция подобного сообщения – указать, «как именно следует вести себя в той или иной ситуации» [там же].

Следовательно, сны, связанные с темой «инобытия», могут расцениваться как сакральные (в указанном выше смысле), поскольку эти рассказы воспринимаются не только в качестве акта коммуникации с иным миром, но и во многом – как экспликация правил такого контакта, способ управления поведением адресатов (т.е. сновидца и его окружения)[51].

Ритуальность также придает тексту коммуникативный характер. Однако в отличие от сакральности текст в этом случае адресуется не человеку (сновидцу), а «духам, божествам и т.п.» [там же]. В определенном смысле о ритуальности в отношении сновидений можно говорить, например, в связи с практикой провоцирования «вещих» снов (гаданиями, вызываниями и т.п.)[52]. Как и в случае с рассказами сакрального характера, мы имеем дело здесь с каузальной цепочкой: поступок – ответный поступок, реплика – ответная реплика и т.п. При этом, если, например, иномирный сон может присниться как бы в от-

[51] Подробнее о функции контроля представителей «того света» за соблюдением определенных законов коммуникации между мирами см. далее в параграфе об акциях указания на нарушение.

[52] См. об этом, напр.: [Виноградова 1995: 483–484; Чичеров 1957: 87, прим. 87; Зиновьев 1987а: 294–298, тексты №№ 425–431] и др.

вет на нарушение неких правил, то «вещее» сновидение может служить ответной реакцией на провоцирующий его мантический ритуал.

Ср., напр.:

а) [сон с указанием на определенное нарушение] «Мы вот схоронили свёкра, и я забыла подать чашку или тарелку, и чашку с ложкой. <…> И ей [свекрови информантки – Е.С.], значит, снится сон: пришел он, сел на свое место, сел и сидит. Я, говорит, подала булки, подала там хлеб. Говорю, – говорит (а это она рассказывала сама): “Ну, ты что не ешь?”. А он будто мне отвечает: “А мне есть-то не в чем: у меня нет ни чашки, ни ложки, вот – есть-то нечем”» (*ВЕМ*).

б) [сон – ответ на мантический ритуал] «На Рождество я гадала с подругами на суженого. Ночью мне приснился сон, что я стою у реки и достаю камни из нее. Я достала острый черный большой камень, я камень взяла, он мне не понравился, [я] его выбросила и взяла другой. Рассказала сон своей тетке. Она мне сказала, что замуж я выйду два раза. На самом деле это сбылось»[53] (*ТНМ*).

Таким образом, несмотря на то, что в отношении сновидений признаки *ритуальность* и *сакральность* оказываются сопряженными, доминирует последний критерий. Трудно представить ситуацию, в которой рассказывание сна и сам сон были бы адресованы представителям инобытия (программировали их поведение – см.: [Новик 1986]): сновидение, скорее, расценивается как сообщение «оттуда», адресатами которого выступают сновидец и его окружение.

Связь с «конкретно-этнографическим контекстом» также отграничивает большинство фольклорных снов от недостоверных сообщений (разновидностей сказки). Данный критерий подразумевает, в частности, достаточную степень близости героев текста с «генеалогией» рассказчика и его аудитории, т.е. наличие не нейтрального отношения к персонажам нарратива [см. там же].

Тексты о снах, «интересные» рассказчику и его слушателям, через основных персонажей и сновидческий хронотоп обычно связаны с социально-бытовым, коммуникативным и конкретно-этнографическим контекстом, близким для сновидца. Отрицательные признаки названных оппозиционных пар (в основном, – несакральность и отсутствие конкретно-этнографических контекстуальных связей) маркируют, главным образом, нефольклорные сны или сны, находящиеся на периферии фольклорных / нефольклорных текстов.

[53] Данный текст любопытен буквальным воспроизведением во сне известного в Ульяновской области способа гадания по камням, доставаемым из воды.

Подчеркнем при этом, что данная корреляция[54] (в связи с трудностью разграничения снов по критерию достоверность / недостоверность) не является строгой или определяющей: можно говорить только о доминировании той или иной интенции. Как отмечают исследователи, многое здесь зависит от конкретного отношения к тексту говорящего и его аудитории: «Один и тот же текст в одной ситуации воспринимается как сообщение, а в другой – как повествование» и т.д. [там же], ср.: [Пропп 1984: 46].

§ 3. Языковые особенности рассказов о снах

В связи с рассмотрением значимых в жанровом отношении признаков необходимо отдельно остановиться на тех специфических чертах рассказов о сновидениях, которые маркируют тексты этого жанра на формально-языковом уровне. Указанный уровень непосредственно связан с коммуникативным и событийным контекстами, сопровождающими dream-telling.

Анализ современной практики рассказывания сновидений показывает, что сон обычно передается как свидетельское показание, как описание «здесь и сейчас». Особое значение имеет то, что, рассказывая сновидение, информант нередко ориентируется не столько на слушание, сколько на «совидение» (точнее – со-восприятие, особого рода со-чувствие) со стороны аудитории. Сон сообщается таким образом, что воспринимается не как отражение или уподобление некой реальности (ирреальности), но как – в какой-то степени – ее манифестация (в этом смысле практика dream-telling близка некоторым особенностям репродуцирования архаических текстов[55]).

В процессе в*и*дения сна задействованы все привычные для человека в обычной жизни каналы восприятия[56]. Именно поэтому сновидение переживается как реальный опыт, ибо нет возможности идентифицировать себя с иным пребыванием. Эта невозможность верификации сна слушателем, а также некая объемность (многомерность) сновиде-

[54] Критерий достоверности связан с названными положительными дифференциальными признаками, недостоверности – с отрицательными.

[55] Сравните, напр., замечания С.Ю. Неклюдова о так называемой «репроективности» повествования в архаических традициях [Неклюдов 2005].

[56] Сон «погружает нас не в зрительные, словесные, музыкальные и прочие пространства, а в их слитность, аналогичную реальной» [Лотман 2000: 125].

ния по сравнению с его вербализацией[57] – одна из вероятных причин упомянутой установки рассказчика на совосприятие. Выражается данная установка, во-первых, в частотном употреблении глаголов в форме настоящего времени и местоимений 1–го лица. При этом рассказчик выступает в роли «синхронного наблюдателя», обеспечивающего своего рода «синхронный репортаж»[58].

Сравните, например:

«[Снится сон] я на горе *стою*, посреди пустыни. *Летит* самолет, в нем Настя (подруга), она мне *машет*, и вдруг самолет *взрывается*, *разваливается* в прямом смысле. Мне кажется, [что] я *просыпаюсь, плачу, кричу*, но не могу пошевелить руками, потом *просыпаюсь* действительно в слезах…» (*АЛГ*);

«Приснилось, что я *прихожу* домой, а шторы *задернуты*, темно, и мне говорят: “Люба, отец твой умер”, – я *прохожу* в комнату, *вижу* гроб, в нем покойник *поднимается, садится* и *говорит:* “А я хотел посмотреть, будете вы по мне плакать или нет”» (*ГЛА*).

Использование 1–ого лица в приведенных примерах может быть объяснено, в частности, тем, что пересказывающий сон является одновременно и рассказчиком и «персонажем-воспринимателем»[59]. Однако 1–ое лицо и настоящее время глагольных форм характерно и для текстов, записанных не от самого сновидца. В таких рассказах происходит своеобразное чередование форм 1 и 3–его лица.

Ср., напр.: «Ну рассказывал [муж информантки – Е.С.]: отца своего, отец у него когда умер-то <…> Да, говорит, мой отец, мой отец в доме, говорит, в новом, меня зовет: “Иди сюда, сынок!”. Захожу я вроде как еще мальчишка маленький. Подхожу к нему, а он: “Вот я дом тебе построил, приходи”. Вот. Я говорю: “Отец, да мне, мол, рано еще”. У него, говорит, еще плотники были. “Нет, говорит, пора” <…>. И он сказал, что “я умру”. И в тот день он на самом деле умер» (*НОФ*).

Как видно из примера, 3–е лицо и прошедшее время в таких рассказах употребляется, в основном, в инициальных и финальных частях текста. Основную часть передают от 1–го лица и в настоящем времени,

[57] В связи с этим, напр., Ю.М. Лотман говорит о «непересказуемости» сна: «Пересказать сон так же трудно, как, скажем, пересказать словами музыкальное произведение» [там же: 126].

[58] Ср. использование данных терминов Е.В. Падучевой в статье, посвященной анализу так называемой «несобственной прямой речи» [см.: Падучева 1995: 650].

[59] Ср. использование этого термина в указанной статье Е.В. Падучевой [Падучева 1995: 649–650].

что придает тексту упомянутый характер свидетельского показания, определенной манифестации сновидческой реальности. Отметим, что данные языковые особенности характерны не только для рассказов о сновидениях и встречаются, например, в таком фольклорном жанре, как быличка [см. примеры текстов: Зиновьев 1987а: 10–13].

Кроме того, упомянутая установка рассказывающего на совосприятие (по отношению к слушателю) может проявляться в том, что говорящий организует свое высказывание как развертывание некоей визуальной картины, в равной степени доступной и ему и его аудитории.

Ср., напр.: «Вот мне сон приснился, девчонкой еще была. Вот где часовня, там у нас жили все родные... И вот я будто пошла к этой тетке через овраг… И оттудова я иду обратно и вот на гору вылазию. Вот не вылезу никак на равнину-то… Откуда ни возьмись уж мне ноги опутал. И вот я это – стала ногами дрягать-то, *а мне женщина из оврагу кричит*: “Манькя, ни дрягай ногами-ти, – он не тронет, опутат ноги и уйдет!” – вот мне это и сбылось. Соб: “Как сбылось?”. Инф.: “Ну вот я вышла замуж (греха таить нечава!), – вышла замуж, шесть месяцев прожила, дитя нажила – и разошлись. Вот и опутал ноги – и ушел!”» (*КМН*).

В данном тексте обращает на себя внимание указание на действие персонажа (женщины, кричащей совет), никакого упоминания о котором до этого момента не было. По нашим наблюдениям, такое немотивированное введение в рассказ персонажа встречается в этих текстах регулярно, и, по всей видимости, одна из причин этого – упомянутая установка на совосприятие, позволяющая рассказчику сна «забыть», что слушатель знает только то, что ему сообщается. Кроме того, показателен в приведенном тексте и вопрос собирателя-слушателя, для которого соотнесение данного сна с реальностью вовсе не столь очевидно, как для рассказчика.

Приведем еще один характерный пример:

«Горшки здесь [в селе Сухой Карсун Ульяновской обл. – Е.С.] делали, и вот её [знакомой информантки] муж возил нам горшки в Тольятти. А мы едем, когда мы на дороге встали отдохнуть, а ремни вот так вот они были соединены, – видимо, тут дуло, и у меня отмерзла пятка совсем. А я заснула, а он [некий “старичок” – Е.С.] мне говорит: “Раба, очнись, ты пятку отморозила!”. Соб: “То есть кто-то явился вам во сне?”. Инф.: “Ну, я яво вижу... старичка, – отморозила пятку, и я яво видела…”» (*АМФ*).

Следовательно, можно утверждать, что в приведенных текстах нарушаются определенные правила интродукции. В лингвистике этим

термином обозначается речевой акт, впервые представляющий аудитории тот объект, о котором будет идти речь далее. Очевидно, что в наших примерах этот акт реализуется не совсем обычным образом. «Женщина из оврагу» и загадочный «он» (в последнем примере) представляются рассказчиком так, словно слушатели изначально обладают одинаковым с ним объемом знаний о ситуации.

Любопытно, что близкие к этому особенности отмечаются исследователями и в отношении быличек. Е.Е. Левкиевская предлагает объяснять специфику интродуктивного акта в быличках определенными жанровыми особенностями данных текстов. Быличка «адресована "кругу посвященных"» и рассказывается в рамках беседы, подразумевающей «равенство статусов участников коммуникации» [Левкиевская 2006: 203]. Рассказчик этих текстов «ориентируется на лиц, которым хорошо известны описываемые реалии» [там же]. Именно поэтому «объекты говорения» могут вводиться через местоимения и так называемые актуальные имена (ср.: «женщина из оврагу»).

Рассказы о снах по условиям воспроизведения и бытования сходны с быличками (в первую очередь, из-за близости обеих групп текстов к сфере бытовой коммуникации). По этой причине объяснение, предложенное Е.Е. Левкиевской, в принципе, применимо и к сновидениям. Однако здесь есть свои сложности. Парадокс в том, что рассказчик сна и его слушатель никогда не могут быть представлены как равностатусные лица, «которым хорошо известны описываемые реалии». Вряд ли ошибочным будет предположение о том, что рассказчик сна a priori информирован лучше своей аудитории (прежде всего, в силу упомянутой нами выше неверифицируемости и недоступности для других опыта сновидца).

Даже если учесть возможную близость и взаимовлияние нарративных моделей, по которым воспроизводятся тексты быличек и сновидений, вряд ли названные выше особенности интродукции в рассказах о снах могут объяснятся только установкой на равностатусность (равный объем знаний о ситуации) собеседников. Видимо, определенное значение здесь имеет то, что мы выше назвали ориентацией рассказчика на совосприятие. Это подтверждается, в частности, и анализом текстов другого визионерского жанра – видений. Как отмечают исследователи, рассказчик видения как бы «заставляет слушателей "совидеть" событие», что является важной составляющей их «поэтики» [см.: Тарабукина 2002: 264–265]. Функция совидения в текстах видений заключается в том, что «слушатель оказывается эмоционально

вовлеченным в действие», благодаря чему «снимаются границы между текстом и действительностью» [там же: 265]. Таким образом, сновидец (подобно визионеру) через dream-telling пытается так или иначе приобщить слушателя к «действительности» сна, а не только описать ее (что поддерживается, в частности, и на языковом уровне).

Еще одной заметной особенностью рассказов о снах является жанровая маркированность этих текстов для самих информантов. Мы имеем в виду присутствие в тексте о сне формальных языковых показателей, определенным образом сигнализирующих слушателю о том, что речь идет о сновидении. С. Небжеговская называет подобные конструкции формулами, информирующими «о том, что мир, о котором идет речь, принадлежит сфере сна» [Niebrzegowska 1996: 119]. К ним можно отнести почти все лексемы, однокоренные слову «сон», а также связанные с упомянутыми лексемами модальные «знаки кажимости» [Гатинская 2001] – союзы *как будто*, *словно*, *будто* и т.п.

Ср.: «В общем, этот сон меня, значит, поразил: *снится* мне, *как будто* я еду на автобусе…» (*БОВ*); «вот *снился сон* в детстве, *как будто* через залив протянут мост…» (*КИВ*); «тете Насте *приснился сон*, что *как будто* ее покойный муж пришел под окно…» (*ШЕМ*).

Заметим, что сложно согласиться с Н.С. Валгиной, считающей, что в данном контексте упомянутые союзы «вносят в придаточную часть оттенок предположительности, неуверенности в сообщаемом факте». При этом исследовательница приводит следующий пример из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «Ей [Татьяне] снится, будто бы она идет по снеговой поляне…» [Валгина 1971: 456].

Скорее, здесь можно говорить об оттенке ирреальности ситуации, о которой сообщается в тексте: эти союзы (как и лексемы, связанные со словом «сон») выступают в функции формальных маркеров жанра рассказов о снах. Основная цель их употребления – сигнализировать аудитории о том, что к описываемой далее ситуации критерий достоверность / недостоверность не применимы. «Будто» означает, что рассказчик ставит себя вне парадигмы «истина / ложь» и говорит о возможном мире сна.

Надо отметить, что, в отличие от сновидений, жанровое своеобразие, например, быличек редко осознается их рассказчиками [см. об этом: Штырков 1998]. Факт, что рассказы о снах в современной культуре почти повсеместно осознаются в качестве таковых самими информантами (что подразумевает присутствие в текстах соответствующих терминов – маркеров жанра), в какой-то степени подключает упоминавшийся нами выше «эмный» критерий в определении жанровой приро-

ды исследуемых текстов [см. там же]. Из этого, однако, не следует, что рассказы о снах можно считать отдельным фольклорным жанром (хотя отдельным речевым жанровым образованием – видимо, можно[60]).

С другой стороны, совсем не учитывать наличие в текстах о снах упомянутых формальных показателей, вероятно, также будет не корректно.

§ 4. Структурно-семантические особенности рассказов об иномирных сновидениях

4.1. Общие проблемы методологии

Учитывая общие выводы, сделанные в предыдущих параграфах, далее мы дополним и конкретизируем их на материале, являющимся непосредственным предметом нашего анализа – рассказах об иномирных сновидениях. Как мы указывали, под рассказами об иномирных снах понимаются тексты, сюжетообразующим мотивом которых является мотив контакта с представителем инобытия. Критерий, на котором основывается данное определение, относится к наиболее общим и наименее структурным. Его следует учитывать только в совокупности с остальными критериями, которые будут рассмотрены в данном параграфе.

Определенным итогом уже представленного нами анализа нарративов о снах является указание на возможность применения к изучаемым текстам некоторых методик описания и типологизации, используемых при анализе сказочной и несказочной прозы[61]. Одной из наиболее важных структурно-семантических особенностей фольклор-

[60] Значимые замечания об этом см. в классической работе М.М. Бахтина [Бахтин 1997]. Ср. также некоторые положения о критериях фольклорности / нефольклорности рассказов о сне во второй главе данного исследования.

[61] См., напр., работы, основанные на балто-славянском материале: [Пропп 2003; Пропп 1984; Структура волшебной сказки 2001; Чистов 2005: 44–51; Лурье, Разумова; Волков 1992; Гордеева 1991; Айвазян, Якимова 1975; Зиновьев 1987с; Кербелите; Козлова 2000; Козлова, Назырова; Козлова, Степахина; Шумов, Преженцева 1993] и др. Общий обзор существующих в фольклористике подходов к классификации жанров несказочной прозы см. в упомянутой выше ст. С.В. Штыркова [Штырков 1998].

ного текста является повтор[62]. То, как соотносятся постоянные (повторяющиеся) и переменные «величины» текста служит основой для выявления его структуры и отнесения к определенному классу [см: Пропп 2003: 20–21].

При типологизации быличек («демонологических рассказов»), как считают М.Л. Лурье и И.А. Разумова, «в силу высокой степени функционально-семантической определенности, ограниченности словесного пространства и собственно фабульных ходов» следует «отказаться от существующей, в частности, в сказковедении традиции придавать устойчивым совокупностям постоянных и варьирующих элементов статус конкретных сюжетных модификаций, фиксируя их в формулировках и описаниях» [Лурье, Разумова]. Вместо этого «демонологические рассказы» предлагается классифицировать, опираясь на построение «комплекса схем как суммы разнонаправленных возможностей, на основе которых выстраиваются конкретные тексты» [там же].

Согласно М.Л. Лурье и И.А. Разумовой, центральными элементами, формирующими сюжетную структуру рассказа, является Акция и Реакция основных персонажей [см. там же]. К такому подходу близка типология, предложенная Б. Кербелите. Понятие элементарного сюжета (ЭС), на котором основывается ее классификация литовских «народных сказаний», определяется как «такие самостоятельные сюжеты или фрагменты сложных сюжетов, в которых изображается одно столкновение двух персонажей или двух групп персонажей при достижении героем одной цели»[63] [Кербелите]. По Б. Кербелите, «в любом ЭС обязательна акция героя», которую «образуют действия героя и антипода»: именно от них зависит результат ЭС, определяющий, в свою очередь, цель героя [см. Кербелите; также – Кербелите 2005: 11–12 и сл.].

Названные выше исследователи указывают также на важность построения сюжетных схем различного уровня абстракции (ср., напр., типы и версии ЭС Б. Кербелите): в зависимости от этого выделяются те или иные общности текстов.

Эти идеи – с определенной корректировкой – представляются нам наиболее релевантными рассматриваемому материалу.

---

[62] См., напр., монографическое исследование (на материале славянских сказочных и заговорных текстов), специально посвященное этому особому приему «организации фольклорного произведения» [Амроян 2005].

[63] Ср. также, напр., подход, представленный в указателе Н.К. Козловой и А.С. Степахиной: «Основу конфликта былички составляют отношения между человеком и мифическим существом…» [Козлова, Степахина].

4.2. Композиционные особенности рассказов о снах: текст 1 и текст 2

Подчеркнем, что ряд важнейших признаков, имманентных рассказам об иномирных сновидениях, свойствен и снам вообще.

Так, одной из общих характерных черт рассказов о сновидениях является их особая композиция, основанная на соотнесении двух основных частей – *текста 1* и *текста 2* (определенные особенности данного соотнесения мы уже анализировали ранее, не маркируя указанные композиционные части конкретными номинациями).

Термином текст 1 (далее – **Т1**) мы предлагаем обозначать часть рассказа, включающую пересказ самого сна.

Термином текст 2 (далее – **Т2**) – часть рассказа, описывающую так или иначе соотносимые со сновидением события реальности. Иногда в Т2 выражается также общая эмоциональная оценка сновидения, обозначается его тема, маркируется начало и окончание сна и т.д.

Это разграничение позволяет учитывать семантически и прагматически значимую оппозицию реальность / ирреальность. В основном, в современной культуре данная оппозиция значима как для рассказывающего, так и для его аудитории. Отсутствие разграничения «сна / яви» со стороны говорящего трансформирует культурный, а со стороны слушающего – коммуникативный контексты. В любом случае при недифференциации этих оппозитов мы сталкиваемся с ситуацией, отличной от dream-telling.

Введение указанного разграничения оправданно и тем, что для каждой из указанных частей характерен свой блок мотивов[64]. Т2 представляет собой своеобразную рамку, маркирующую начало (**In**) и конец (**E**)[65] рассказа о сновидении, обычно выделяющие этот рассказ из общего потока речи. Исходя из этого можно говорить о делимитирующей и текстообразующей функции Т2[66].

---

[64] Под термином «блок мотивов» мы, – вслед за Б.Н. Путиловым, – имеем в виду совокупность мотивов, функционирующих в тексте как целое, общая семантика которого не тождественна сумме значений входящих в блок мотивов [см.: Путилов 2003: 183–195].

[65] От англ. «introduction» (**In**) – «введение», «ending» (**E**) – окончание. Данные буквенные обозначения имеют исключительно вспомогательный характер, их цель – маркировать указанные части рассказа при цитировании примеров.

[66] Ср. замечания Ю.М. Лотмана о значимости рамки для функционирования текста и его осознания именно как текста [Лотман 1998: 203 и сл.].

Отметим, что части T1 и T2 в реальном бытовании представляют собой весьма динамичные структуры: разные их составляющие легко редуцируются и могут вообще не вербализовываться. Рамка в некоторых рассказах доминирует, при этом часть T1 иногда сводится до образа-мотива. Ср., напр.:

[T2, In →] «А потом <…> сон тоже вот про себя, вот эта же соседка со снохой [обозначается тема сна, называются основные участники сюжета – Е.С.]… Вот щас [т.е. в момент беседы с собирателем – Е.С.] оне в лес пошли, вот мне сон снится:

[T1 →] кричит она меня во сне: “Файя, дай-ка, грит, ты мне бак-то двухведёрный” – поминки делать, – компот там, окрошку делать, а я выскочила, говорю: “Валь!” – хм, – нет ничаво….

[T2, E →] <…> И мы поехали в лес [в реальности – Е.С.] сено косить, у меня муж работал на трулёвошном тракторе <…> Мужики идут пешком, а у него, у трулёвошного трактора, как полочка железна была <…>. Мы с этой с напарницей сели на неё, вот он нас привёз на поляну и хотел… <…> или ногой задел или чаво <…>, как он его – ка-ак брякнет на землю-ту <…>. Мне штырём-то отросток позвоночника сломало, а той – другем штырём-то, – там, может, какой другой [штырь] – ей вот тут вот руку… Вот она [напарница] грит [говорила после сна, до того, как случилось несчастье – Е.С]: “Не к добру”. Ну, вот только вёсной [сон приснился – Е.С.], а в сенокос, – вот через три месяца [сбылось]» (*ХФИ*).

Одна из главных задач преамбулы (In) – создать у слушателя соответствующее ожидание последующего рассказа[67]. Как в «превосходной драме» [Флоренский 2001: 525], в преамбуле сновидения почти всегда говорится о том, что будет иметь значение для T1 и окончания (E). В этом отношении композиция рассказа о сне, как и утверждал П.А. Флоренский, действительно телеологична [см. там же].

Упомянутое ожидание слушателя программируется рассказчиком через соотнесение образов-мотивов сна с определенными событиями, описанными в преамбуле, предварительной эмоциональной оценкой, представленной в In (сон запомнился, поразил и т.п.), кратким формульным пересказом последующего текста, обозначением темы рассказываемого сновидения и др.

[67] В несколько иной терминологии – создать ожидаемый «сценарий» (script), «модель ситуации» и т.п. последующего развертывания сюжета (ср., например: [Шенк и др. 1989: 40–46; ван Дейк 1989: 68–110, 140–145 и сл.] и др.).

Приведем несколько конкретных примеров преамбул сновидений:

– [In→] «Тоже про свою семью [обозначение темы (о чем)]: у меня дочь была замужем с одним, и вот она беременна была, и ей захотелось аборт сделать, мать не велела, – свекровь, – а уж у него [ребенка – Е.С.] много – пять месяцев, а их не делают так. Ну и вот мне сон снится <…> [далее сообщается сон, сюжетно связанный с рассказанной ситуацией – Е.С.]» (*ХФИ*).

– [In→] «Вот сон этот я не забуду [эмоциональная оценка]: вот видала я моего больно уж в цветах мужа <…> [обозначение темы]» (*ЗМД*);

– [In→] «Был такой чудный сон, я сама была очень удивлена этому <…> [эмоциональная оценка]» (*ИРП*);

– [In→] «Это сон про кладбище, про заброшенное кладбище, про затопленное кладбище <…> [обозначение темы]» (*ГЯ*) и т.п.

Особенно наглядно тенденция обозначить тему проявляется в текстах, выполняющих функцию иллюстрации некоего представления (поверья, приметы, запрета и т.п.), о котором говорится в In.

Ср.:

– [In→] «Покойники обычно чего снятся: они когда снятся, тебя с собой зовут и забирают, – значит, умрешь <…>» (*НОФ*);

– [In→] «Без двери нельзя делать оградку [на могиле – Е.С.], надо дверку <…>» (*ПВП*).

Если рассказчик и сновидец не являются одним и тем же индивидом, в экспозиции (помимо уже названных мотивов) обычно указывается принадлежность сна и степень близости (родства) рассказчика к тому, кто видел сон.

Например:

– [In→] «Ну, рассказывал [муж информантки – Е.С.], отца своего [видел во сне], отец у него когда умер <…> ну он [отец] болел. Так, вроде, легче ему становится вроде стало. Он вышел: “Ну всё, сегодня я умирать буду…” <…>» (*НОФ*);

– [In→] «Вот у меня сынонька тоже видал во сне <…>» (*ЕАН*).

В снах, рассказанных самим сновидцем, обычно также присутствует знак принадлежности (ср.: «мне приснилось», «вижу во сне» и т.п.), однако он менее маркирован, нежели показатель принадлежности сна другому. Заметим, что предлагаемое Е.Ю. Живицей описательное наименование для подобных маркеров («обозначение адресатов сообщения») не может быть универсальным, поскольку сон не всегда осознается как сообщение [см.: Живица 2004: 35].

Нередко рамочная функция части Т2 поддерживается кольцевой композицией, когда то, что являлось основным мотивом преамбулы, модифицируясь, повторяется в окончании рассказа. Напр., в приведенном ниже рассказе то, что в *In* являлось констатацией события, в *E* подается как нарушенное правило и как экспликация этого правила.

Ср.: [**In**→] «Её [знакомую женщину информантки – Е.С.] похоронили, как обычно, во всём такем нарядном, – ну, когда вон венчаются, – в такем платье, уваль и всё там. И надели на неё белы туфли на каблуке. И вот прошло сколько, и её мать видит во сне:

[**T1**→]: "Эх, мам, как я устала, у меня как ноги болят! Купи тапочки". Да говорит: "Вот подай вот этому человеку, – там назвала, – как, говрит, у меня только ноги болят!".

[**E**→] Я говорю [т.е. информантка в реальности говорит сновидице – Е.С.]: "А ты уж, Зин, додумала! Туфли да на каблуке ещё, – зачем? Пускай какая бы она ни была, молодая она, всё равно надо коронить – класть в тапочках, обязательно в тапочках…"» (*АВИ*).

Кроме того, в инициальной части нередко описание неких экстраординарных обстоятельств, непосредственно предшествующих засыпанию (смерть, угроза смерти, болезнь, операция, переходные ситуации – свадьба, рождение, крещение и т.д.), которые затем в dream-telling так или иначе соотносятся с частью Т1.

Иногда преамбула может состоять из простейшего «мне приснилось, что…». Однако, как показывает наш опыт полевой работы, для фольклорных сновидений такие преамбулы не очень характерны и в некоторых случаях представляют собой не столько реально произнесенный текст, сколько методику записи самого собирателя, сосредоточивающегося более на части Т1 и не учитывающего значимости Т2 (особенно – экспозиции).

Финальные части (Е) менее обязательны: рассказ может заканчиваться непосредственно Т1. Ср., напр.: «[Рассказывается о приходе во сне умершей дочери] Отворила дверь, грю: "Ну, Господи, выходи, тебя мне врага не надо"» (*ЕАН*).

Однако обычно часть **Е** – в той или иной форме – эксплицируется. Многое здесь зависит от событийного и коммуникативного контекста: напр., в приведенном выше примере типичное окончание (Е) отсутствует, вероятно, потому, что рассказчица почти сразу вспомнила другой сон, т.е. воспроизвела серию нарративов, близких по сюжетной ситуации. Окончания рассказов о снах в значительной мере варьируются и, по всей видимости, их конкретные разновидности выделить сложно. Обозначим основные тенденции и повторяющиеся мотивы.

В текстах о так называемых вещих сновидениях в финальную часть включаются рассказ об обращении к «знающим», сонникам, упоминание о «нехороших» предчувствиях, описание соотносимых событий реальности, резюме о необходимости веры в вещие сны и т.п.

Напр.: «[Информантке приснился сон, в котором она видела свою сестру обнаженной] На следующий день [в реальности] приходит телеграмма, что моя сестра умерла. Она сильно болела гриппом, но не легла в больницу – боялась оставить дом, хозяйство. Моя мама (то есть наша) чувствовала что-то неладное. Вечером она пошла к Нине, но дом был заперт, свет не горел. Мама подумала, что Нина просто уснула, и будить ее не захотела, а утром она умерла. Хочешь верь, хочешь – нет, но я не знала, что сестра болела, – и вдруг такой сон-"вещун" приснился…» (*АВА*).

В иномирных снах в окончании нередко описывается реакция сновидца на определенную акцию инобытийного персонажа (например, исполнение просьбы умершего и т.п.). Иногда встречаются простейшие резюмирующие формулы (с возможным повторением основного мотива в части Т1): «Вот таким был сон у меня» (*ИРП*); «…и вот этот сон, – я его никогда не забуду, потому что такой красоты на земле я нигде не видела…» (*ИРП*); «…и я на этом месте проснулась» (*ГЕВ*) и т.п.

Часть Т1 (пересказ самого сна) может иметь в разных типах рассказов о снах свое мотивное наполнение и достаточно четко – на содержательном, композиционном, функционально-прагматическом уровнях – отграничиваться от части Т2. При этом необходимо подчеркнуть, что выделяемые части представляют собой единое целое, один целостный текст: их отдельное репродуцирование в реальном бытовании встречается крайне редко и обусловлено конкретными особенностями социально-коммуникативного контекста.

В нашей коллекции есть несколько записей текстов «для себя»: сновидица в определенный период жизни вела дневник сновидений, фиксируя тексты и их возможное соотнесение с реальностью. Однако даже эта ситуация «автокоммуникации»[68] не редуцирует основные

[68] По Ю.М. Лотману, – тип коммуникации «Я-Я» (в отличие от типа «Я-Он») перестраивает самого говорящего в результате «сдвига контекста», перекодировки и повышения ранга сообщения: «Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего» [см.: Лотман 2000b: 163–164 и сл.].

составляющие части Т2 (казалось бы, во многом обусловленные именно аудиторией, взаимодействием и степенью ее близости с рассказчиком и т.п.). Ср. пример такой записи[69]:

[In→] «Снилась мне моя "малая" родина, поселок Чурбановка в Казахстане. В пору моего детства на взгорье у края поселка стоял полуразрушенный финский домик – бывший магазин. Снится мне, что я в этом магазине <…>

[Следует пересказ сна – Т1] <…>.

[E→] В жизни я такого не видела. Общее ощущение от сна – тревожный, неприятный, но не страшный [общая эмоциональная оценка сна]» (*БОП*).

Разграничение частей Т1 и Т2 мы считаем необходимым вспомогательным элементом анализа исследуемых текстов: при дальнейшем описании структурно-семантических особенностей рассказов о снах данная дифференциация будет уточняться и корректироваться.

4.3. Терминология

Разграничение и описание основных композиционных частей рассказов о снах, представленное в предыдущем параграфе, позволяет более четко определить необходимые для дальнейшего анализа термины.

Ключевыми терминами последующего описания являются: акция / реакция, центральная акция (ЦА), позиция (точка зрения) и мотив.

Под *акцией* мы понимаем поступок (действие) dramatis personae, который: а) значим для развития сюжета рассказа в целом[70]; б) подразумевает наличие некоего результата (цели) и взаимоответную реакцию другого персонажа.

В силу специфики материала мы, в отличие от Б. Кербелите[71], будем учитывать, в основном, *цель (общий смысл)* акции иномирного персонажа (т.е. антипода, в терминологии исследовательницы), поскольку для «героя» (сновидца, воспринимателя) характерны, скорее, не акции, а реакции, т.е. действия, направленные на содействие (провоцирование действия) либо несодействие представителю инобытия.

---

[69] Необходимо учитывать специфику данного текста и на языковом уровне: его во многом письменный характер.

[70] Ср. с пониманием функции у В.Я. Проппа [Пропп 2003: 22], мотифемы у А. Дандеса [Дандеса 2003: 24 и сл.].

[71] См.: [Кербелите], [Кербелите 2005].

Мы разграничиваем центральную и зависимые акции.

Центральная акция (ЦА) является основой сюжета иномирных сновидений, вокруг которой организуются все остальные акции / реакции рассказа. ЦА почти всегда совершается иномирным персонажем и всегда реализуется в пределах части Т1. Описание центральной акции обычно есть главная причина вербализации рассказа о сне, пуант текста.

Зависимыми называются акции и реакции персонажей нашего мира (**НМ**) либо вспомогательные акции персонажей инобытия, которые имеют сопроводительный характер по отношению к ЦА, так или иначе зависят от последней.

Реакция – это взаимоответный поступок персонажа на акцию другого персонажа (с учетом условий, оговоренных для акции).

Позиция – условное понимание общего смысла (цели) действия или ситуации с точки зрения определенного персонажа (используется близко к трактовке данного термина В.А. Лефевром[72]).

Вместе с тем пониманием мотива, о котором мы писали в первой главе данного исследования, здесь следует учитывать также важные замечания Е.М. Мелетинского, который уподоблял структуру мотива структуре предложения или суждения и рассматривал их «как некий микросюжет, организованный вокруг действия предиката, от которого зависят в качестве естественных аргументов определенные “роли”» [Мелетинский 1986: 46][73].

С нашей точки зрения, данный терминологический минимум позволяет адекватно описать важнейшие структурно-семантические особенности исследуемых текстов.

Итак, далее мы сосредоточимся, главным образом, на двух уровнях анализа: логико-семантическом, т.е. уровне взаимодействий акций / реакций текста (основной термин здесь – центральная акция), и мотивно-образном (основной термин здесь – мотив). Такое рассмотрение, как нам представляется, позволит добиться относительной четкости и непротиворечивости таксономии исследуемых текстов.

---

[72] См.: [Лефевр 1973: 12–17 и сл.].

[73] См. также: [Силантьев 1999, 2004; Неклюдов 1984; Дандес 2003; Путилов 2003 и др.].

4.4. Центральная акция (ЦА) как основа сюжета рассказов об иномирных сновидениях

Как мы указывали выше, центральная акция является основой сюжета иномирных сновидений. Ее выявление, а также рассмотрение системы отношений, в которые она входит (в пределах конкретного текста и на метатекстовом уровне) позволит описать структуру иномирных снов и провести внутренние границы в совокупности анализируемых рассказов.

Необходимо ответить на важный для дальнейшего анализа вопрос: какую из акций представителей **ИМ** (иного мира) можно считать центральной? Решение этой проблемы возможно только при учете синтактических и контекстуальных связей[74] конкретного рассказа.

Обратимся, например, к следующему тексту:

«Когда я сильно много плакала, я не могла это пережить [смерть сына – Е.С.] <…>. И я словно в забытьи, я заснула. И вдруг ко мне подходит мужчина, говорит: “Пойдем со мной!”. Я не знаю, почему я согласилась, вот пошла, пошла, сначала было типа земли, типа воздуха, а потом словно лед… [далее описывается долгий путь по ледяной дороге вместе с мужчиной] <…> Я устала идти, и вдруг – много-много льду, типа берег такой, – я смотрю вниз, а он [мужчина] говорит: “Смотри, – ты плачешь, – смотри!”, – сам куда-то делся. <…> И вдруг я вижу: вода, столько много воды, и словно запружено, как озеро, бассейн, водоём. И дети в одеждах: шляпах, пальто, – они вот тонут, выныривают, тонут, выныривают, их столько много, что нельзя спасти их… Вот они тонут, плачут, тонут, выныривают, и вдруг я смотрю: мой сын! – опять не мой сын, – мой сын, опять не мой сын! Тонет-выплывает, тонет-выплывает. И я могу сказать – или он мне сказал, [что] я его топлю, по-моему, он сказал: “Мама, ты меня топишь…”, – то ли: “Я тону в твоих слезах!” – что-то такое, в общем. С этого дня я стала стараться не плакать» (*ВВН*).

Первоначально можно отметить следующее:

1. В сюжете рассказа задействованы 4 dramatis personae: «я» сновидицы, мужчина, умерший сын и – группа детей (последних можно условно считать одним персонажем);

[74] Термин «синтактический» понимается здесь в установившемся семиотическом значении [см., напр.: Моррис 1983]; о значении учета контекстуальных связей в изучении фольклорного текста см., напр.: [Путилов 2003: 119–129 и др.; Неклюдов 2005] и др.

2. Каждый из них так или иначе включен в динамику взаимоответных действий, т.е. выполняет определенную роль в сюжете текста.

Представим конкретные действия всех названных персонажей в следующей таблице[75]:

<table>
<tr><th>сновидица</th><th>мужчина</th><th>умерший сын</th><th>другие дети</th></tr>
<tr><td>много плачет</td><td>подходит к сновидице</td><td>тонет-выплывает</td><td rowspan="9">тонут, выныривают, плачут</td></tr>
<tr><td>засыпает</td><td>приглашает следовать за собой</td><td rowspan="8">говорит: «Мама, ты меня топишь…»</td></tr>
<tr><td>идет за мужчиной</td><td>ведет сновидицу</td></tr>
<tr><td>[замечает исчезновение мужчины]</td><td>указывает сновидице на озеро со словами: “Смотри, - ты плачешь, - смотри”</td></tr>
<tr><td>смотрит на озеро с детьми</td><td rowspan="4">исчезает</td></tr>
<tr><td>[имплиц. – пытается спасти детей]</td></tr>
<tr><td>[слышит, что говорит сын]</td></tr>
<tr><td>старается не плакать</td></tr>
</table>

Таблица показывает относительное разнообразие действий сновидческих персонажей, а также соотнесенность некоторых из них в определенных микроэпизодах: например, мужчина ведет сновидицу – сновидица идет за мужчиной; мужчина показывает на озеро – сновидица смотрит на озеро и др.

[75] На данном этапе анализа для называния действий мы, в основном, пользуемся лексемами, употребленными рассказчиком (соответствующие глаголы приводим в форме настоящего времени 3–его лица). В квадратные скобки мы заключаем подразумеваемые, но не вербализованные действия.

Подчеркнем, что на данном уровне анализа нельзя говорить об акциях / реакциях персонажей: как указано выше, мы имеем здесь дело с конкретными действиями, последовательно развертывающимися в сюжете рассказа. На наш взгляд, для того, чтобы перейти на следующий уровень анализа (собственно уровень структурно-семантических обобщений) необходимо учесть:

1. контекстные связи (сфера общих знаний, социально-бытовые и коммуникативные условия, прагматические особенности и т.д.):

1.1. наличие известного в традиционной культуре запрета на чрезмерную тоску по покойнику (и соответствующих представлений и поверий, связанных с этим[76]);

1.2. необходимо также иметь в виду следующие значимые биографические особенности: информантка потеряла двоих сыновей, которых часто видит во сне и наяву. Приведенный текст – один из серии нарративов на данную тему. В частности, от нее записаны рассказы о снах, основанные на следующих распространенных мотивах: умерший сын приходит в виде голубя; умерший сын корит за неправильно проведенные поминки; умерший сын сообщает, что до 40 дней он не может получить квартиру на «том» свете и др.

Смерть сыновей – главный, поворотный момент в жизни этой рассказчицы[77]. Анализируемый рассказ как бы встроен в общее повествование о трансформации неверующего в знающего (информантка в настоящее время считается в своем селе знахаркой).

Ср., например, следующее высказывание рассказчицы: «[Раньше] я была красивая, деловая вся такая, я ничего не признавала <…> [Затем – после случившихся несчастий и явлений умерших во сне] я стала к бабкам ходить: кто такие черти, домовые, дворовые, – все это есть…<…> Меня потянуло к молитвеннику, я открыла, я стала читать, я стала почему-то понимать…» (*ВВН*)

Кроме того, информантка пережила так называемое обмирание, о чем также сохранила весьма яркие воспоминания. Данный контекст позволяет говорить о разбираемом тексте как экспликации определенной части общей системы взглядов на «тот» свет.

---

[76] Ср., например: «Вот плакать нельзя много: говорють, что тода ето слёзы… у воды ляжить» (*ФПЗ*).

[77] Ср.: «Я считала [до смерти сыновей – Е.С.], что нужно работать, нужно получать, я считала, что все в моей жизни достаточно, а оказывается, это ничто не главное <…>» (*ВВН*).

1.3. Учитываются также рассказы о снах других информантов, близкие по мотивно-сюжетной структуре и динамике взаимоотношений акций / реакций основных персонажей, т.е. учитывается повторяемость на межиндивидуальном уровне (вариативность).

Ср., напр.: «Няня Панка, моя [двоюродная] сестра, – вот мать у неё умерла, – вот, говорит, плачу. <…> [засыпает, снится сон]. Вдруг я, говорит, это… иду, а она [умершая мать – Е.С.] в этой в речке: “Панка, давай руку, вытаскивай меня, я уж совсем утонула в этой речке-те!”. Ну вот ей ктой-то подсказал, что, мол, вроде ты плачешь, плачешь, – значит, она в слезах тонет…» (*АМИ*).

2. Таким образом, конкретные действия персонажей, обозначенные выше в таблице, обобщаются нами по следующим правилам:

2.1. в соответствии с замечаниями, приведенными в пункте 1, центральной акцией рассказа считается действие представителя ИМ, значимое для сюжета в целом и коррелирующее со всеми основными акциями / реакциями других персонажей текста;

2.2. название той или иной акции / реакции формулируется в соотнесении с общей конфигурацией действий в конкретном тексте и типами действий, характерных для того или иного персонажа.

Дифференцируем те из них, которые важны для анализируемого рассказа. Тот или иной персонаж (основной участник значимого для сюжета контакта):

а) нарушает определенное правило;

б) указывает на нарушение;

в) переводит в ИМ;

г) следует за иномирным персонажем;

д) воспринимает результаты нарушения (в ином мире);

е) ликвидирует нарушение.

В кратком комментарии нуждается, на наш взгляд, только формулировка *б)*: эта акция означает, что определенный персонаж сообщает в какой-либо форме (вербальной, визуальной, акциональной и т.п.) о нарушении. Действие *г)* представляет собой типичную реакцию содействия персонажу-проводнику.

2.3. в обобщающих формулировках мы редуцируем малозначащие для сюжета либо подразумеваемые (тривиальные, часто понятные без проговаривания и потому редуцируемые) действия персонажей, т.е. не признаем за данными действиями статуса акций / реакций. В разбираемом тексте к таковым относятся, например, действия сновидицы – засыпает, замечает исчезновение мужчины; действия мужчины – подходит к сновидице, исчезает.

В результате таблица принимает следующий вид[78]:

<table>
<tr><th>П1</th><th>П2</th><th>П3</th><th>П4</th></tr>
<tr><td>нарушает опр. правило</td><td>переводит П1 в ИМ</td><td rowspan="4">указывает на нарушение</td><td rowspan="4">указывает на нарушение</td></tr>
<tr><td>следует за П2</td><td rowspan="3">указывает на нарушение</td></tr>
<tr><td>воспринимает последствия нарушения</td></tr>
<tr><td>ликвидирует нарушение</td></tr>
</table>

На этом уровне анализа отчетливо видна синонимия основных акций иномирных персонажей.

Рассмотрение в соответствии с названными выше принципами известных нам рассказов об иномирных снах показало, что полученный результат не случаен. Закономерность, имманентную большинству текстов об иномирных снах, можно сформулировать следующим образом: контакт сновидца всегда происходит с одним персонажем (или – группой персонажей, выполняющих синонимичные друг другу акции), основное действие которого и будет являться центральной акцией текста.

Основным мы будем считать такое действие, которое объясняет цель контакта (общий смысл действия) и / или его результат.

В сюжетах, в которых участвуют несколько персонажей, выполняющих несинонимичные друг другу действия, контакт также происходит всегда с одним, как бы выделенным представителем ИМ.

Центральную акцию рассматриваемого текста (как следует из проделанного анализа) можно сформулировать так: иномирный персонаж *указывает на нарушение*. На данном уровне мы объединяем все синонимичные акции в одну и условно считаем их выполнение действием одного персонажа. Соответственно, основная акция сновидца (провоцирующее действие) – нарушение определенного правила. Между основными акциями и реакциями анализируемого рассказа устанавливаются следующие корреляции:

[78] В этом варианте таблицы мы обозначаем всех персонажей как Пn, где n – числовой индекс, соответствующий порядку перечисления персонажей в первом варианте указанной таблицы.

1. акция [перевод в ИМ] – ответная акция (реакция) [следование за проводником (реакция содействия)];

2. акция [нарушение определенного правила] – ответная акция (в данном случае одновременно являющаяся и ЦА) [указание на нарушение].

3. акция [указание на нарушение] – реакция 1 [восприятие указания] – реакция 2 [ликвидация нарушения].

Следовательно, главную корреляцию данного текста можно представить следующим образом:

акция [нарушение определенного правила] – ЦА [указание на нарушение] – реакция на ЦА [ликвидация нарушения].

Другие акции / реакции (например, перевод в ИМ, восприятие указания на нарушение) можно считать зависимыми.

Нетрудно заметить, что в этом рассказе действия персонажей могут выступать как акции по отношению к одним действиям и как реакции – по отношению к другим (ЦА иномирного персонажа может и не сопровождаться эксплицитно выраженной реакцией сновидца, но тем не менее подразумеваться рассказчиком). Данная черта присуща многим рассказам о снах. Именно она организует динамику взаимоотношений между ЦА и остальными акциями / реакциями и выстраивает сюжет текста.

О полученной нами формуле (по аналогии с известным положением В.Я. Проппа[79]) можно утверждать, что в соответствии с ней структурируется определенная группа текстов сновидений. При этом нельзя забывать, что данная формула – всего лишь логико-семантический остов, позволяющий получить достаточно непротиворечивую таксономию текстов. При анализе необходимо учитывать контекстные связи, о которых мы говорили выше. В первую очередь это означает необходимость (при полевой записи текста) обязательной фиксации той части рассказа о сне, которую мы обозначили как текст 2 (Т2).

Таким образом, описание и создание адекватной классификации исследуемых рассказов предполагает обязательный учет названных нами главных составляющих сюжета, а именно: центральной акции (иногда, как мы показали выше, ЦА может реализовываться как ряд синонимических действий нескольких персонажей) и реакции на ЦА. Реакция на ЦА (как и зависимые от ЦА другие акции) также может представлять собой ряд взаимосвязанных действий определенного персонажа.

[79] Ср.: [Пропп 2003: 97].

Подчеркнем, что анализ, образец которого мы привели выше, может быть экстраполирован на все рассказы об иномирных сновидениях. В результате такого рассмотрения мы выделили несколько основных типов центральных акций рассказов об иномирных сновидениях – в их взаимозависимости с типичными реакциями и событиями-коррелятами, обычно описываемыми в части Т2.

§ 5. Основные центральные акции рассказов об иномирных сновидениях

Необходимо заметить, что в данной части мы анализируем не столько совокупность определенных представлений (культурно-традиционные, социальные, индивидуальные и т.п. «ментефакты»[80]), реализующихся в рассказах о сновидениях, сколько пытаемся проследить логико-семантические законы, по которым взаимодействуют основные элементы текста – акции / реакции его персонажей. Это нужно учитывать особенно в тех случаях, когда мы будем говорить об общем смысле акции и возможности его *понимать*. Последний термин – условность: мы не связываем его с проблемами герменевтики, майевтики и т.п.[81] Под «пониманием» мы имеем в виду, прежде всего, смысл акции с позиции того или иного персонажа.

Заметим, что само соотношение *текст 1 – текст 2* в рассказе о сне реализуется, прежде всего, благодаря позиции сновидца. Термин «позиция», как мы указывали выше, используется в значении, близком к трактовке В.А. Лефевра, который применил его в исследовании так называемых рефлексивных систем: он означает условное осознание (понимание) неким персонажем общего смысла (цели) ситуации[82]. В определенной степени такая трактовка коррелирует с подходом к анализу «поэтики композиции» Б.А. Успенского. В центре этого анализа – проблема «точки зрения» [см.: Успенский 2000: 10 и сл.].

В соответствии с указанными подходами (а также учитывая предложенное нами разграничение в рассказе о сне основных композиционных частей – Т1 и Т2) мы дифференцируем центральные акции иномирных сновидений. Таким образом, типология ЦА исследуемых текстов определяется: 1. целью акции иномирного персонажа;

[80] Термин Б.Н. Путилова – [Путилов 2003: 35].

[81] См. об этих подходах, напр.: [Гадамер 1988; Шатин 2001; Дильтей 1996; Бакеева 2005] и др.

[82] [Лефевр 1973: 12–17 и сл.].

2. пониманием цели указанной акции (с позиций персонажа-сновидца и персонажа инобытия). Первый критерий показывает зависимость действия от результата, на который оно направлено[83]. В соответствии с этим в исследуемых текстах выделяются такие центральные акции, как *информирование, приобщение, указание на нарушение* и др.

Второй критерий позволяет определить способ реализации центральной акции в тексте (эксплицитный / имплицитный).

Цель действия инобытийного персонажа не всегда сразу становится понятна сновидцу (в пределах описания собственно сна, т.е. в части Т1). В достаточно большой части рассказов об иномирных снах для того, чтобы полностью «осознать» цель ЦА, персонажу-воспринимателю необходимо соотнести данное действие с определенными событиями реальности (т.е. с частью Т2). В результате происходит, так сказать, дешифровка общего смысла акции представителя инобытия.

ЦА, нуждающиеся в такой дешифровке, мы обозначили как *имплицитные* акции. Центральные акции, для понимания цели которых нет необходимости соотносить их с событиями или акциями / реакциями сновидца и его окружения (описываемыми, прежде всего, в части Т2), мы будем называть *эксплицитными*.

В соответствии с этим наиболее распространенные (в пределах известного нам материала) центральные акции представителей ИМ можно дифференцировать следующим образом:

эксплицитные акции	**имплицитные акции**
информирование	приобщение
эксплицитное указание на нарушение	имплицитное указание на нарушение
эксплицитные символические акции	имплицитные символические акции
эксплицитные акции предупреждения	имплицитные акции предупреждения

Акции, горизонтально соотнесенные в таблице, оппозиционны друг другу. При этом надо иметь в виду, что в некоторых случаях их достаточно сложно разграничить и они могут соприсутствовать в одном рассказе.

[83] Ср.: [Кербелите 2005: 13 и сл.].

Представленная дифференциация достаточно важна, поскольку это разграничение непосредственно связано со спецификой рассказа о сне как повествования особого рода. Наличие системы взаимоотношений между акциями / реакциями частей Т1 и Т2, возможные корреляционные закономерности внутри и между указанными частями текста о сне – существенная составляющая упомянутой специфики.

Далее мы последовательно рассмотрим указанные в таблице оппозиционные пары основных ЦА.

5.1. Акции информирования об ИМ / приобщения к ИМ

Акции информирования / приобщения, как мы уже указывали, названы так в соответствии с характером цели (общего смысла) действия. Их разграничение и конкретизация связаны с выделением особого блока акций, который мы обозначили как блок проводничества.

К этому блоку мы относим, прежде всего, акции показа / описания ИМ, представляющие инобытие как локус с определенными признаками и характерными условиями существования его обитателей. Термины *показ / описание* обозначают различные акции. Их разграничение представляется значимым, поскольку, несмотря на разноуровневую близость, они имеют несколько отличающуюся валентность: обычно описание (т.е. рассказ инобытийного персонажа об ином мире), в отличие от показа ИМ, не коррелирует с акциями перевода и выпроваживания. Таким образом, акции перевода в ИМ и выпроваживания из ИМ также относятся к блоку проводничества, иногда сопрягаясь с акциями показа / описания ИМ в одном рассказе.

Данные акции в конкретных рассказах могут оформляться как приглашение следовать за собой (в инобытие), запрет переходить границу между мирами (с сопутствующим стереотипным высказыванием иномирного персонажа: «Тебе еще рано сюда…» и др.), некое сопровождение при переходе в ИМ и т.п.

Ср., напр.: «[Знакомой информантки является во сне умершая сестра] и говорит: “Хочешь, я тебе покажу, где я сейчас нахожусь?” – и, значит, она [сновидица – Е.С.] видит яркую Луну, лунную дорожку, и вот по этой, видно, дорожке она [умершая сестра – Е.С.] ведет ее за руку [←**акция перевода в ИМ**]. <…>

Она [сновидица] оказалась на Луне… И там видит, – и вот она, значит, наблюдает, что там ходят все в белых светлых одеждах… [←**акция показа ИМ**].

Потом… там двери стали закрываться, и сестра говорит: “Ну, все пора, быстрей, – говорит, – пора возвращаться, тебе здесь нельзя оставаться!” <…>. И, чтобы успеть, она [умершая сестра – Е.С.] ее толкнула [←**акция выпроваживания из ИМ**] <…>» (*ЛГВ*).

Однако соприсутствие в блоке проводничества всех названных выше акций достаточно редкое явление. Более часто встречаются тексты, построенные по условным формулам: перевод + показ / описание; показ / описание ИМ; перевод в ИМ; показ / описание ИМ + выпроваживание из ИМ; перевод в ИМ + выпроваживание из ИМ.

Приведем некоторые примеры:

1. «[Видит погибшую сестру в саду на кладбище: «кладбище, и сад одновременно, – кругом там цветы росли…»]… Она [умершая сестра – Е.С.] не разрешила мне подойти к ней, сказала: “Здесь тебе находиться нельзя, а то тебя поругают”. И она меня даже пыталась вытолкнуть, чтобы: “Уходи, уходи!..” – со словами она меня даже выталкивала <…>» (*СЛП*) (формула: показ ИМ + выпроваживание).

2. [Сновидица видит умершую мать на центральной улице села, в котором проживает информантка; сновидица ее спрашивает:] “Мам, ну как вы там? Чаво делаете?” – “Ой, мы в саду живём, яблоков у нас много уродилось, яблоки собирам”. <…> “И много яблоков?” – я её спрашиваю. “Ой, много, аж девать некуда, прям кучи лежат в саду-ту у нас”» (*ММС*) (формула: описание ИМ) и др.

Названные выше акции блока проводничества относятся нами к ЦА информирования. Основная сложность выделения акций информирования в том, что фактически любая акция, о которой рассказывается в иномирном сне, так или иначе *информирует* об инобытии (его законах, правилах контакта и т.п.). Однако только у типичных акций блока проводничества, не осложненных другими акциями / реакциями, информирование является главной целью, своеобразной внутренней формой действия.

Б. Кербелите во Введении к своему указателю «Типы народных сказаний» писала о том, что «в мифологических сказаниях человек бывает и случайным наблюдателем странных явлений. В этих сказаниях поведение человека нейтрально, а результат – подтверждение или пополнение информации, накопленной коллективным опытом» [Кербелите]. Рассказы о снах, в центре которых – ЦА информирования об ином мире, на наш взгляд, в определенной степени соотносятся именно с этим типом «мифологических сказаний».

Обращаясь к дифференциации центральных акций по характеру понимания цели действия, можно заметить, что общий смысл акций информирования (с позиции его адресата – воспринимателя, сновидца) тождествен самому себе на протяжении всего рассказа: перевод / выпроваживание и показ / описание ИМ означают для персонажа-сновидца одно и то же в разных частях текста – как в Т1, так и в Т2.

Другими словами, увиденное во сне не нуждается в какой-либо дешифровке: общий смысл центральной акции иномирного персонажа носит вполне эксплицитный характер, и для понимания цели ЦА нет необходимости соотносить ее с другими акциями / реакциями текста.

Ср. в этом отношении еще один текст, в котором представлена типичная ЦА информирования: «[Т1→]: [Сновидица идет с некоей женщиной, выполняющей в рассказе функции персонажа-проводника] Идём куда-то с ней, и вдруг перед нами открывается совершенно другой, удивительно красивый мир, сказочный мир <…> ручей течёт, так он течет, так он журчит, как будто кто сказку рассказывает, – слушал, слушал бы… Птицы. Птицы там поют чудесные песни, сказочные песни – заслушаешься, деревца экзотические, – всякие. <…> [Т2, Е→] И вот этот сон, – я его никогда не забуду, потому что такой красоты на земле я нигде не видела…» (*ИРП*).

Общий смысл ЦА последнего примера – информирование об ИМ, представленное как показ инобытия. Не случайно, что часть Т2 в данном тексте почти редуцирована, играет вспомогательную роль: пуант текста состоит здесь не в соотнесении с реальностью, а в пересказе самого сна (в части Т2 в процитированном примере выражается эмоциональная оценка сновидения).

В противоположность этому в рассказах о снах с ЦА *приобщения* общий смысл непосредственно связан с корреляцией частей Т1 и Т2. Более того, цель центральной акции приобщения может быть понята только при условии соотнесения указанных частей.

Акции приобщения к ИМ могут конкретизироваться через различные действия-мотивы: помимо типичного увода визионера в ИМ, иномирные персонажи могут, например, «заколачивать сновидца в гроб», «увозить на коне», «тащить в пропасть» и т.д. В любом случае их общий смысл связан с переменой (попыткой перемены) бытийного статуса приобщаемого. Вместе с тем (и это важно для дальнейшего изложения), акции приобщения нередко реализуются на основе тех же акций / реакций, которые выше мы отнесли к блоку проводничества – например, перевода в ИМ, показа ИМ.

Поясним сказанное следующими примерами:

1. «[Знакомой рассказчицы снится], как будто она с ней [умершей матерью сновидицы – Е.С.] идет по какому-то полю, земля черная[84]. Мы, грит, с ней встретились, и я с ней иду, а потом думаю: “Куда я иду-то?!” – вроде ей надо куда-то в другую сторону, и я, грит, свернула в другую сторону и куда-то пошла от нее. <…> И буквально, значит, через несколько дней [в реальности – Е.С.] я узнаю, что она [сновидица] попала в больницу с инфарктом…» (*ГЕВ*).

2. «[Отец рассказчицы видит во сне своего умершего отца] <Во сне> мой отец в доме, говорит, в новом, меня зовет: “Иди сюда, сынок”. <…> Подхожу к нему, а он: “Вот я дом тебе построил, приходи”. Вот. Я говорю: “Отец, да мне, мол, рано еще”. <…> “Нет, – говорит, – пора. Дом зато свой есть. Пойдем, пойдем”. Я, говорит, вхожу с ним вместе в дом [описывается дом; сновидец остается – ему уютно, хорошо в доме]. <…> И он [отец рассказчицы, сновидец, после сна] сказал, что “я умру”. И в тот день он на самом деле умер» (*НОФ*).

Примеры показывают, что акции блока проводничества – перевод в ИМ (здесь эксплицированный как сопровождение и приглашение следовать за собой), показ ИМ (особенно в примере № 2) сопровождаются особыми акциями / реакциями иномирного персонажа и воспринимателя. Важное значение имеют здесь также события-корреляты, реализующиеся в части Т2.

Типичные в этих текстах акции иномирного персонажа связаны с попыткой оставить сновидца в ИМ (ср. выше, например, текст № 2). Типичные реакции сновидца здесь – отказ, попытка отказаться (т.е. несодействие) + своеобразное содействие иномирному персонажу (сновидец так или иначе способствует намерению инобытийного персонажа).

Любопытно, что в примере № 2 указание на то, что переход – преждевременен (обычно являющееся прерогативой представителя ИМ[85]), делает сам восприниматель: «Я говорю: “Отец, да мне, мол, рано еще”». Такое самовыпроваживание (противостоящее переводу-приобщению к ИМ) указывает на оппозиционность этих акций.

---

[84] Образ черной земли значим как традиционная сновидческая примета, предвещающая смерть, ср., напр.: «Вот, как моему брату умереть, соседка говорит: “Я вот видела сон: у вас с матерью *черная земля* – огород был…”» (*ЛВК*).

[85] Ср., напр.: «[Сновидец видит картины инобытия и пытается перешагнуть через реку, его останавливает женщина, говорящая:] “Тебе еще рано сюда. Тебе еще очень долго жить и еще много всего надо сделать” <…>» (*НСК*), см. также примеры выше.

Выпроваживание из ИМ и приобщение к ИМ очень редко сопри-сутствуют в пределах одного текста. Если эти акции сопрягаются, то обычно их авторы – разные персонажи.

Ср., напр., следующий текст, в котором представлены обе упомянутые нами акции, реализованные через типичные действия-мотивы – приглашение в инобытие и стереотипную формулу выпроваживания: «Ей еще рано»: «[Умирающей матери информантки снится покойный отец] Как будто он ей говорит: “Мария, ты что-то к нам не идёшь, мы тебя давно ждем?”, а *другой* голос говорит как будто: “Ей еще рано”» (*СЛП*).

События-корреляты подобных рассказов, представленные в части Т2, – смерть (угроза смерти) сновидца / его окружения, что является одним из самых распространенных соотнесений ЦА приобщения. Соответственно, при другом развитии сюжета – реакции несодействия со стороны сновидца (отказ идти и т.п.) – в части Т2 описывается иная корреляция: угроза смерти снимается либо реализуется ее ослабленный вариант (болезнь, авария и др.).

В любом случае наличие названных событий-коррелятов (в части Т2) в текстах с ЦА приобщения является обязательным, а их иногда встречающееся отсутствие – значимым. Ср.: «После смерти родственника, мне снится, что я его провожаю куда-то по дороге, на полпути останавливаюсь и отпускаю его одного в путь. *Это значит, мне еще жить, а он уже уходит*» (*АЗШ*).

Понятно, что корреляционная модель «зовущий / уводящий покойник – к смерти» функционирует в традиции самостоятельно, – прежде всего, по причине бытования соответствующих примет, поверий и запретов (например, нельзя идти за зовущим во сне покойником) и т.п. Благодаря рассказам о снах данные представления лишь актуализируются или подтверждаются. Однако на уровне взаимодействия акций / реакций конкретного текста указанная модель репрезентируется как своеобразное откровение, актуальное новое знание (рема), обусловленное соотнесением в dream-telling основных образов-мотивов частей Т1 и Т2.

Таким образом, рассказы о снах, в которых акции блока проводничества реализуются, так сказать, в «чистом» виде, следует отграничивать от текстов, где эти акции амплифицируются рядом дополнительных акций / реакций и событий-коррелятов, связанных с приобщением к ИМ. Обобщим сказанное в следующей таблице:

цель (общий смысл) акции	*наличие амплификации блока проводничества доп. акциями*	*характер цели акции*	*совпадение оценок общего смысла ЦА в Т1 и Т2*	*обязательность события-коррелята в части Т2*
информирование	—	эксплицитный	+	—
приобщение	+	имплицитный	—	+

Приведенная схема релевантна для большинства рассказов с анализируемыми ЦА. Однако это не означает, что в конкретных текстах не могут встречаться те или иные отклонения от нее: рассказы о снах представляют собой совокупность динамических структур, в центре которых – главная корреляция: ЦА – (ре)акция сновидца (последняя может только подразумеваться). Поэтому речь здесь идет исключительно о тенденциях, а не о жестких закономерностях.

Обозначенные выше признаки в реальном бытовании могут редуцироваться, так или иначе трансформироваться, специально не проговариваться и т.п. В связи с этим сопоставим еще несколько примеров.

1. «[Во время операции рассказчице снится следующее:] <…> Лечу, прям тоннель такой длинный-длинный, и как будто я на какой-то планете необитаемой… [следует описание планеты] <…> И вот меня заколачивают в гроб, – положили и заколачивают, а я говорю: “Да вы меня не заколачивайте, я еще живая!” – “Ага, ты живая, ну, тогда скажи свою фамилию и имя!” – а я не могу вспомнить: тужусь, тужусь, – кто я такая? Потом слышу меня [врачи] зовут, – я тогда еще Дёмина [по фамилии бывшего мужа – Е.С.]: “Дёмина!” – думаю: “Боже, меня ведь зовут!” – и как бы я добавила: “Вот меня как зовут!” – и перестали меня заколачивать, и тогда я очнулась…» (*ИТД*).

2. [Сновидица летит «каким-то образом через балкон»; видит красивый мир, – следует его подробное описание; встречает там умерших в реальности коллег по работе] Мне начальник планового отдела говорит: “Оставайся, дадут тебе квартиру однокомнатную” <…>. Чтó мне помешало там остаться – я не знаю, и вдруг я просыпаюсь в своей квартире…» (*КЗИ*).

В приведенных примерах акции перевода в иной мир и показа ИМ осложнены дополнительными акциями оставления в ИМ

(перевод в ИМ, приглашение / зов и т.п.), реакциями несодействия / содействия и событиями-коррелятами (угрозой смерти во время операции в примере № 1).

Второй текст любопытен отсутствием типичной для подобных рассказов реакции содействия / несодействия и вероятного здесь события-коррелята, обычно описываемого в части Т2. Надо сказать, что сновидица в примере № 2 имплицитно хочет остаться, что поддерживается описанием «хорошего» мира[86], в котором она оказывается во сне. Это свидетельствует, в частности, о некорректности выделения еще одного критерия разграничения рассказов, основанных на ЦА информирования и приобщения, – общей эмоциональной оценки сна со стороны рассказчика / сновидца (хотя ее важность вообще для группы иномирных сновидений – несомненна). Логично было бы предположить, что тексты, в центре сюжета которых – информирование, расцениваются рассказчиком / его аудиторией более положительно (во всяком случае – менее негативно) или нейтрально, нежели сны о приобщении. Однако, как показывает анализ, однозначная связь рассматриваемых ЦА с той или иной общей эмоциональной оценкой рассказчика не наблюдается: многое здесь зависит от конкретного коммуникативного и социально-бытового контекстов.

Напр., в одном из уже цитировавшихся текстов (о голосе, произносящем фразу: «Ей еще рано») сновидица стремится уйти в инобытие, оценка этого вполне положительная: «А мама-то [т.е. сновидица – Е.С.] говорит: “Почему рано? Я, – говорит, – хочу к вам” <…> “Я, – говорит, – проснулась, а там так, говорит, хорошо было, около папы: такой покой, а [тут, в реальности] гляжу опять – эта печка, эти стены, так, – говорит, – мне плохо стало”» (*СЛП*).

Положительная оценка приобщающего перевода может связываться также с особым статусом уводящего. Ср.: «[Перед смертью сына сновидицы] Прихожу, а тот [сын] плачет: “Что ты, Павлик, плачешь?” – “Сейчас был [на грани сна/яви] на кладбище и видел Иисус Христа <…>, сказал: “Приходи, мы тебя ждем…” – “Так это ж хорошо, так что ж плачешь?” – “А я от радости плачу”» (*ЧМП*).

Несмотря на отмеченную неоднозначность конкретного отношения рассказчика / слушателя к текстам с анализируемыми ЦА, следует подчеркнуть определенную оппозиционность этих рассказов именно на прагматическом уровне. Функции рассказов с ЦА информирования

[86] Замечания о типологии описываемых в инобытийных снах миров см. в четвертой главе данного исследования.

в повседневной речевой практике обусловлены в первую очередь необходимостью пережить эмоционально значимый контакт с умершим близким человеком (поделиться этим переживанием с аудиторией и пережить его самому в процессе dream-telling); пополнить информацию об условиях «бытия» иномирных персонажей (показателен, например, встречающийся в подобных текстах стереотипный вопрос сновидца: «Как ты там?») и т.п.

Ср., напр.: 1. «Когда умерла моя мама, мне очень часто стали снится сны про «тот» свет. <…> Когда было сорок дней: вижу необычный мир, – светло, солнечно, на деревьях – цветы, краски яркие, сочные. Увидела маму – она плыла по голубой-голубой речке (цвет даже неестественный какой-то) на лодке, – в белой рубахе… Ростом она была раза в два выше [чем в реальности – Е.С.], плыла и пела песни» (*ЗИН*).

2. «…В одном из этих снов я разговариваю с ним [погибшим близким человеком – Е.С.] по телефону. Сначала так, – о наших бывших отношениях, а потом я стала его спрашивать, как он "там". Он ответил, что "там" очень красочно и есть люди, и что он с кем-то недавно познакомился. Но больше он не говорил ничего, потому что "тебе этого знать нельзя", – это он сказал» (*ЮОА*).

Красочные, эмоциональные картины инобытия в этих текстах самодостаточны. Их центральные акции не направлены на какую-либо конкретную реакцию со стороны воспринимателя – например, не формируют у него ожидания событий-коррелятов в части Т2, не побуждают его к какому-либо ответному (активному или пассивному) действию в Т1 или в Т2 и т.д. Функция воспринимателя здесь в полной мере соответствует его наименованию: он наблюдает (воспринимает) ИМ как локус с характерными для инобытия признаками.

Функции рассказов с центральной акцией приобщения в некоторой степени близки к названным. Однако dream-telling в этом случае сопровождается дополнительными коннотациями, влекущими несколько иные цели их воспроизводства в повседневной коммуникации. Рассказы с ЦА приобщения актуализируют и подтверждают традиционную модель, связанную с ожиданием определенных событий-коррелятов, соотносимых со сном. Другими словами, они часто расцениваются как вещие сновидения, побуждающие сновидца к определенной ответной реакции в части Т2.

Можно условно дифференцировать два типа ответных реакций (в части Т2), возможных в текстах с ЦА приобщения: пассивный и активный. К пассивному типу мы относим упоминавшиеся выше

события-корреляты – смерть и угрозу смерти сновидца (болезнь, травма и т.п.). К активному – ответные превентивные действия воспринимателя, направленные на предотвращение вероятных негативных событий (т.е. предполагается знание указанной модели, согласно которой ЦА иномирного персонажа имплицирует опасные события-корреляты в части Т2). К последним можно отнести, например, запрет (или наоборот – побуждение) рассказывать тот или иной сон, чтобы он сбылся / не сбылся.

Сравните, например, следующие достаточно распространенные представления, относящиеся к нейтрализации последствий «неприятных» снов:

– «Снов вот три дня не надо рассказывать, – ничаво чтобы это вот не сбывалось. А если, говорит, расскажешь, то всё равно, говорит, сбудется… Надо, говорит, таить это всё, да» (*ПМА*);

– «Если, по моему ощущению, сон недобрый, его следует рассказать текущей воде, с которой уносится все недоброе» (*ТКП*);

– «В этих случаях, когда плохой сон, я всегда стараюсь <…>, это поверье, так что его надо обязательно трём, четырём человекам рассказать. Я тут же его разболтаю. Что мне приснилось вот чего, вот чтоб он не сбылся» (*ИРП*).

Вообще, возможно предположить функционирование в современной практике dream-telling по крайней мере двух моделей, по которым организуется соотнесение ЦА и событий-коррелятов в рассказах с центральной акцией приобщения. Данные модели не исключают друг друга: скорее, можно говорить об их соприсутствии в том или ином конкретном тексте (при вероятном доминировании одной из них).

Первая модель – символическая, согласно которой акция приобщения в Т1 есть предзнаменование определенных событий в Т2. Так, в следующем тексте (как и во многих примерах, приведенных выше), по всей видимости, можно утверждать доминирование именно символической экзегезы:

«Во сне [к информантке] приходит покойный муж, говорит: “Собаку заберу”, – совершенно здоровая собака перестает есть и умирает через три дня. *Когда покойники приходят, это всегда что-то значит…*» (*ИЛИ*).

Вторую модель можно назвать каузальной. Согласно данной модели, акции иномирного персонажа не столько символизируют смерть, сколько ее приносят (являются причиной негативных событий, описываемых в Т2). Наиболее явно каузальная модель реализуется в тех текстах, в которых явившийся инобытийный персонаж оставляет опреде-

ленный след своего посещения, не исчезающий после пробуждения. Мотив оставления следа способствует актуализации каузальной модели по той причине, что рассказчику сна и его аудитории трудно в этом случае расценивать приснившееся только в качестве знака будущих событий. Напротив – в этих текстах акция персонажа ИМ понимается как непосредственная причина событий-коррелятов части Т2.

Ср., напр.: 1. «[Снится умерший муж] Муж просил отпустить с ним одного из детей, якобы на "тот свет". А мать [сновидица] сказала: "Ну, ты любил больше всех Свету, забирай ее с собой <…>". Он взял ее на руки и понес. Мать так сильно испугалась, что она дочь больше никогда не увидит, и крикнула: "Брось, брось ее, оставь ее, не забирай!". Муж отпустил руки, и дочь упала. И когда мама проснулась утром <…>, она увидела, что *дочь лежит в том же положении, в котором ее видела во сне, когда дочь упала на пол…*» (*ВМФ*).

Сравните в качестве любопытной параллели пример из книги детского врача-психиатра А.В. Гольбина, в которой приводится пересказ сновидения восьмилетнего мальчика. Во сне умерший дед пытался увести ребенка-сновидца с собой и схватил его за волосы. После пробуждения волосы мальчика остались лежать на подушке «как шапка» [Гольбин 1979: 201–202].

Таким образом, можно констатировать сосуществование в традиции разных моделей, по которым выстраиваются отношения между основными акциями / реакциями и – между частями Т1 и Т2 в целом. Не всегда эта модель ограничивается только символическими связями.

Об этом же, в частности, свидетельствует предусмотренная каузальной моделью возможность отказаться от приобщения в пределах части Т1 (ср. соответствующий запрет идти вместе с зовущим покойником[87]). От поведения воспринимателя (его окружения) в части Т1 зависит характер событий-коррелятов в части Т2. Это позволяет констатировать организацию соотнесения центральной акции и событий-коррелятов на основе причинно-следственной модели, но в то же время не исключает актуальности символических отношений.

Сравните в связи с этим обобщенные формулировки распространенных примет, следующих явно символической модели: «если идешь за зовущим покойником, то – смерть», «не идешь за умершим – не смерть (болезнь, авария, отсутствие описания каких-либо негативных событий в части Т2 и т.п.)».

[87] «Значит, когда во сне покойник позовет с собой, ну, куда-то там пойти, то нельзя с ним ходить…» (*ЛГВ*).

Подведем некоторые итоги по рассмотрению первой пары основных ЦА рассказов об иномирных снах.

а) С одной стороны, акции информирования / приобщения соотносятся по принципу *дополнительности*: присутствие одного подразумевает исключение другого. С другой – они могут использовать один и тот же материал – по существу оформляться через схожие действия (ср. перевод в ИМ с целью информирования и перевод в инобытие с целью приобщения). При этом приобщение выступает как более маркированный элемент оппозиции, поскольку наличие / отсутствие амплификации имеет смыслоразличительный характер.

б) Имплицитность ЦА подразумевает восполнение ее общего смысла другими акциями / реакциями. Для эксплицитных центральных акций в этом нет необходимости.

в) Центральные акции включены в систему отношений, складывающихся между основными акциями / реакциями частей T1 и T2. Корреляция элементов, относимых к T1 и T2, создает, на наш взгляд, продуктивные семиотические отношения. Именно эти связи (а не сами элементы) составляют то, что мы выше обозначили как общий смысл действия. Точнее в некоторых случаях говорить не столько о корреляции между элементами (акциями / реакциями), сколько о наличии / отсутствии значимой трансформации общего смысла действия в разных частях текста – T1 и T2 (с позиции персонажа-воспринимателя).

г) В реальном бытовании рассказы о снах всегда богаче накладываемых на них схем: в действительности тексты о снах представляют собой сложное взаимодействие повторяющихся, относительно устойчивых для многих рассказов структурных элементов и окказиональных, индивидуальных, уникальных образований[88], которые значительно разнообразят возможные способы их описания и таксономии.

5.2. Эксплицитные и имплицитные акции указания на нарушение

Один из важнейших элементов текстов с данными ЦА – акция нарушения (далее – N) со стороны сновидца либо его окружения. Это означает, что центральные акции иномирных персонажей в указанных

[88] Мы здесь, конечно, не имеем в виду тривиальную идею разнообразия на уровне описания конкретных реалий в рассказе о сне, но, скорее, отличие, если пользоваться терминологией А. Дандеса, на мотифемном и алломотивном уровнях [см.: Дандес 2003].

текстах оформляются как реакция на вербализованное или подразумеваемое провоцирующее действие (нарушение) представителей НМ (нашего мира).

Нарушение определенного правила – одна из самых распространенных мотиваций контакта между представителями ИМ и НМ. Симптоматичен в этом отношении предлагаемый М.В. Рейли вариант классификации быличек[89] (текстов, близких в жанровом отношении к рассказам об иномирных снах). Данная классификация основана на анализе «глубинной композиционной структуры текста в свете отраженных в нем запретов и предписаний» [Рейли 2004: 204]. Фактически автором выстраивается «идеальная схема» рассказа, описывающая соотнесение запрета / предписания и их нарушения / соблюдения [см. там же: 205].

Акцией нарушения могут мотивироваться и разобранные нами выше акции блока проводничества (показ / описание ИМ; перевод в ИМ / выпроваживание из инобытия). Такие случаи мы также рассматриваем как разновидности амплификации указанного блока акций.

Приведем примеры:

1. «[Рассказчица после смерти сестры тоскует по умершей] <…> Очень плакали, потому что, конечно, были в таком шоке [после смерти – Е.С.]. И вот мне приснился сон <…> вот как сестра, она мне показывала: “Ну, ты посмотри, ты что так плачешь, здесь тут, в общем-то, неплохо, здесь тоже интересно, что у меня здесь очень много работы…” [далее следует показ ИМ, умершая сестра «водит» сновидицу по инобытию] <…> То есть как-то вот она [сестра] на меня действовала упокаивающе…» (*ТЛЛ*).

2. «У одной тетки умерла дочка, та <…> по дочке с ума сходила, плакала. Говорит, она ей приснилась, это было в городе, говорит, назначила ей встречу: что на каком-то перекрестке или что жди меня во столько-то. А та проснулась – всё это помнит, взяла по правде купила цветы и пошла. И вот на том месте ее машина сбила…» (*БИН*).

В первом примере амплификация блока проводничества акциями нарушения / указания на нарушение переводит показ инобытия в разряд зависимых акций. В этом рассказе доминирующей акцией (т.е. ЦА) является указание на N, оформленное в данном тексте как утешение, просьба не плакать и т.п.

Во втором примере типичные акции / реакции приобщения: приглашение («назначила ей встречу» = переводу в ИМ), реакция содей-

[89] См.: [Рейли 2004: 203–222].

ствия («взяла по правде купила цветы и пошла») и событие-коррелят (смерть сновидицы) – также амплифицируются дополнительной акцией нарушения (ср.: «…по дочке с ума сходила, плакала»). Данный текст любопытен описанием реакции содействия воспринимателя в пределах части Т2 (для рассказов с ЦА приобщения, как было показано выше, данная реакция обычно оформляется в части Т1). Вероятно, это обусловлено близостью анализируемого рассказа к жанру былички: сон выполняет здесь функцию сюжетообразующего мотива.

В результате этой двойной амплификации блока проводничества (акциями приобщения и нарушения) акция приобщения во втором примере приобретает иной смысл: общий смысл центральной акции иномирного персонажа в данном тексте – указание на нарушение, выраженное в усиленной форме *наказания* (приобщения к ИМ)[90].

Таким образом, акции приобщения, информирования и указания на нарушение в отдельных случаях можно рассматривать как систему амплифицирующих друг друга структурных элементов, некоторый «язык» сна, по отношению к которому конкретные тексты выступают как феномены «речи».

Обратимся к более подробному рассмотрению ЦА указания на нарушение.

В отличие от разобранных нами выше текстов (с ЦА информирования / приобщения) в анализируемых рассказах понимание цели ЦА зависит не от соотношения оценок действия иномирного персонажа в различных частях текста (с позиции воспринимателя), но от соотношения оценок провоцирующего действия [нарушения] самого сновидца / его окружения (с позиций персонажей иного и нашего миров). Другими словами, большое значение имеет здесь то, какой способ представления нарушения использован в рассказе.

В данном случае наше понимание смысла действия в определенной степени коррелирует с тем, как интерпретируется смысл знака в логической семантике. Так, согласно Г. Фреге, под смыслом знака следует понимать способ представления обозначаемого данным знаком («способ задания обозначаемого») [см.: Фреге 2000: 231]. В роли обозначаемого в анализируемых текстах выступает нарушение.

[90] Ср. распространенные сюжеты быличек, в которых к потерявшим своих близких и чрезмерно тоскующим представителям нашего мира являются персонажи (часто инфернальные) инобытия, стремящиеся погубить (=приобщить) и т.п., см., напр.: [Зиновьев 1987а: тексты №№ 390, 391, 392, 396 и др.; Власова 2001: 128; здесь же библиография вопроса – 128, прим. 47].

Способы представления N в разных рассказах о снах не одинаковы, что позволяет дифференцировать разбираемые ЦА (а вместе с ними – и тексты, в которых они представлены).

Обратимся к следующим примерам:

1. «Одна женщина, по кем делала [поминки] – по брату, по чему ли – и говорит, – как ведь у нас обычай, грит: вот садятся, певчие вылезли, и лезут ребятишки, *а ребятишкам говорят: "Ребятишки, вы выдте маненько: щас вот эти-те вот бабы, мол, женщины поедят – потом вы*". И вот, грит, снится сон-то: "Вы, грит, этих… чертей-то накормили, а голубят-то выгнали! – детей надо была сначала, а вы, грит, чертей-то накормили, – бесьёв, бесьёв-то, а ангелов-то, грит, выгнали!" – надо было в первую очередь их накормить-то…» (*ХФИ*).

2. «[Информантка *тоскует по умершей внучке*; видит ее во сне стоящей по колено в реке] Подошла к ней, она [внучка – Е.С.] и говорит: "Вот пощупай-ка, пощупай вот эта место, больше уже, – говорит, – некуды!..". А у ней там [на ногах] как рубец: вот стоит вода-та, настаивается, – и вот это место прям как будто… Я вот как просну-у-сь, аж напугалась: "Я видь её, – сама себе говорю, – я видь её в слязах утопила!.."» (*ЯМС*).

Общий смысл центральных акций процитированных текстов непосредственно связан с указанием на нарушение (в конечном итоге – с ликвидацией N). Само нарушение описывается в части Т2 и совершается персонажами нашего мира – сновидцем либо его окружением (в представленных текстах акция N выделена курсивом).

Обратим внимание на то, как осуществляется указание на нарушение (в части Т1). Акции иномирных персонажей представляют собой особого рода сообщения воспринимателю (его окружению). Эти сообщения несколько необычны, поскольку, несмотря на свой явно ответный характер, нельзя сказать, что ответ напрямую связан с провоцирующим действием. Суть ЦА этих текстов в том, что нарушения персонажей нашего мира в иномирном сообщении представляются таким образом, что воспринимать и его окружение вынуждены изменить свою позицию по отношению к собственному действию (нарушению).

Отличие позиций к N у основных персонажей текста можно достаточно наглядно продемонстрировать на основе следующей таблицы, в которой соотнесены нарушения с позиции персонажей НМ и с позиции персонажей инобытия (соответствующие позиции реализуются обычно в разных композиционных частях рассказа – Т1 и Т2):

N с позиции НМ	N с позиции ИМ
выгоняют детей из-за поминального стола, сажают певчих	выгоняют ангелов, голубят, садят «бесьёв»
тоскует, много плачет по умершей	топит в реке умершую

Отметим, что в таблице соотносятся именно *позиции* к одному и тому же действию, но не сами действия основных персонажей текста.

Изменение позиции персонажей нашего мира к своему нарушению позволяют реализовать конечную цель ЦА – ликвидировать N.

Подчеркнем, что в рассказах о снах далеко не всегда встречается конкретное указание на то, что нарушение ликвидировано (например, как в схожем по сюжету рассказе, который мы приводили выше, – о тоскующей по умершему сыну матери: “С этого дня [в реальности] я стала стараться не плакать”). Однако общий смысл ЦА этих текстов несомненно связан именно с этой интенцией – исправить N. Выше мы обратили внимание на то, что ответ иномирного персонажа имеет непрямой, опосредованный характер. Можно сказать, что действие N в разных частях текста (Т1 и Т2) не совпадает само с собой: воспринимателю сообщается об известном ему событии (N), но при этом само событие подвергается своеобразной иномирной аберрации. Эта особенность позволяет говорить об *имплицитности* ЦА приведенных примеров.

Таким образом, к имплицитным ЦА указания на N мы относим акции, реализующие такой способ сообщения о провоцирующем действии, при котором нарушение закодировано (с позиции персонажей нашего мира) в указании на это действие, выражено обиняком, т.е. позиции персонажей НМ и ИМ по отношению к N не совпадают.

Рассмотрим еще ряд примеров текстов с имплицитными ЦА:

1. «Умерла то ли бабушка, то ли дедушка умер, и положили, – *одели туфли большие, большого размера*, – то есть снится сон, что идет вот он и хлопает этими пятками, там чуть ли не по затылку себе. Вот такой вот сон снится» (*ПНИ*).

2. «У нас история была у соседа. Тогда голодный год был, – умер сын соседа. *Ни жена не помянула, ни мать не помянула.* Его матери снится сон: вот овраг большой, большой, <сын> везёт на салазках дров, тощóй, тощóй. Она говорит: “Ба, Петь, не знай, вас не кормят? Почему такой тощóй?” – “Кормят, – говорит, – мам, да не всех: как я здесь, мне еще никто куска не подал”. Тут старушки [после сна – Е.С.]

и говорят ей: “Повари картошки, капусты – помяни, – тогда лебеда была, – испеки”. Она так собрала, и ей снится: “Вот тяперича, мам, спасибо, накормила”» (*ФРН*).

3. «[Снится умершая соседка]… я [сновидица – Е.С.] говорю: “Расскажи, как вы там живете?”. Она говорит: “Хорошо, очень хорошо: все у нас есть, это как продолжение жизни” – <…> “Кормят вас нормально?” – “Все нормально, мне не хватает только воды”, – “не нам”, а “мне”, – а *у нее отец не пускал людей в колодец воды брать*…» (*КЗИ*).

В процитированных примерах курсивом выделены формулировки нарушений, подчеркнуты – ЦА иномирных персонажей.

Указание на нарушение в подобных рассказах представлено как атрибут[91] (или действие), характеризующий состояние недостачи (результата нарушения) + реплика, комментирующая / описывающая упомянутое состояние; либо – только как атрибут (действие); либо – только как реплика (имеющая статус основного действия).

Так, в примере № 1 конкретным действием иномирного персонажа является то, что он идет, «хлопая пятками»; в тексте № 2 – значимы его внешний вид («тощóй») и действие («везёт на салазках дров»). Полевая работа в местности, где был записан текст № 2 (Барышский район Ульяновской обл.) показала актуальность для данного региона достаточно распространенного восточнославянского поверья о том, что на «том» свете грешники (варианты – самоубийцы, опойцы и т.д.) возят / будут возить на себе воду, песок, дрова и т.д.[92]

В представленном тексте присутствует только описание самого действия (умерший возит салазки с дровами), – без его возможных типичных мотивировок, связанных с особым характером смерти являющегося во сне покойника. Поскольку в рассказах об иномирных сновидениях частотны мотивы, эксплицирующие зависимость условий существования персонажей ИМ от действий представителей нашего мира (в частности, от нарушений), можно предположить соотнесен-

[91] Термин «атрибут» используется нами в той распространенной интерпретации, в которой употреблял его, например, В.Я. Пропп («совокупность всех внешних качеств персонажей: их возраст, пол, положение, внешний облик, особенности этого облика и т. д.» [Пропп 2003: 80]; ср. также: [Новик 2001: 124–130 и сл.]). Обратим внимание, что в данных текстах значимо не столько само наличие того или иного атрибута у определенного персонажа, сколько его экспликация как ЦА указания на нарушение.

[92] См. подробнее об этих представлениях, напр.: [Власова 2001: 130; Зеленин 1995: 54–56 (здесь же – сведения, записанные в Симбирской губ.)].

ность атрибута («тощóй») и упомянутого действия, также выполняющего функцию атрибута, демонстрируемого воспринимателю.

Во втором примере атрибуты дополнены характерной репликой (комментарием: «Кормят, – говорит, – мам, да не всех: как я здесь, мне еще никто куска не подал»). Пуант третьего текста – также в реплике иномирного персонажа, в данном рассказе оформленной как клишированный диалог с воспринимателем.

Всё это – различные конкретные формы реализации одной и той же разновидности ЦА – имплицитного указания на нарушение (как мы уже указывали, имплицитность акции указания создается благодаря несовпадению позиций персонажей НМ и ИМ по отношению к нарушению).

Заметим, что элементы блока проводничества присутствуют во всех трех процитированных выше примерах: указанные атрибуты и действия персонажей, а также дополнительные образы-мотивы (например, образ оврага во втором тексте, дополнительное описание иного мира в третьем тексте: «Хорошо, очень хорошо: все у нас есть, это как продолжение жизни» и т.п.) можно считать осложненной акцией показа / описания инобытия, имеющей зависимый, сопроводительный характер по отношению к центральной акции – указанию на нарушение.

В отличие от текстов с акциями информирования в рассказах с ЦА указания на N акции блока проводничества редко представляются как подробное описание или показ ИМ (см. примеры выше). Чаще всего показываются или описываются такие характерные черты инобытия, которые непосредственно связаны с нарушением (в основном, – атрибуты персонажей и условия их существования).

Обращаясь к теории рефлексивного управления В.А. Лефевра, можно сблизить данную особенность текстов с таким способом контакта с партнером по коммуникации, при котором персонаж нашего мира получает информацию о персонаже ИМ, «поскольку он сам ее в него заложил» [Лефевр 1973: 44]. Другими словами, персонаж нашего мира совершает действие N (или – в иных терминах – передает сообщение N, закладывает информацию N) и получает от персонажа инобытия то же сообщение, *но подвергшееся иномирной аберрации.*

Не случайным также является нередкий в этих текстах мотив обращения к «знающим», толкователям, который может реализовываться, например, как акция по указанию способа исправления нарушения (эти акции близки по общему смыслу к акциям просьбы).

Ср., напр., финал приведенного выше примера № 2 («Говорят ей: “Повари картошки, капусты – помяни, – тогда лебеда была, – испеки”») со следующим: «[Сновидица тоскует по умершей матери; видит

ее во сне тонущей в слезах] <…> Ну вот ей ктой-то подсказал, что, мол, вроде ты плачешь, плачешь, – значит, она в слезах тонет» (*АМИ*).

В последнем фрагменте «знающие» в пределах части Т2 совершают действие, декодирующее имплицитный характер центральной акции (аналогичную функцию могут выполнять иномирные персонажи в текстах с эксплицитными ЦА указания на нарушение). В то же время данная акция подразумевает запрет (=усиленной просьбе) дальнейшего нарушения (излишней тоски по умершему).

Надо сказать, что, в отличие от текстов с ЦА приобщения, для рассказов с разбираемыми акциями последующая реакция и возможное последующее (после ЦА) соотносимое событие, описываемое в части Т2, не обязательны. Обязательный статус имеют провоцирующее действие представителей нашего мира и – ответная реакция (ЦА) иномирного персонажа, – если они не проговариваются, то так или иначе подразумеваются.

Говоря об акциях / реакциях, имеющих сопроводительный и необязательный характер, обратим внимание на относительно редкий, но наиболее целостный и логичный с точки зрения общей системы взаимоотношений акций / реакций текст, уже цитированный нами ранее (см. выше пример № 2 о видении во сне умершего сына, везущего салазки с дровами). Помимо типичных элементов структуры подобных рассказов: *N – ЦА – реакция содействия / несодействия + акция интерпретации действия «знающими»*, – в данном тексте присутствует еще одна зависимая акция иномирного персонажа, подтверждающая правильность выполнения действия по ликвидации нарушения: «…И ей снится: “Вот тяперича, мам, спасибо, накормила”».

Этот последний «ход»[93] во взаимодействии персонажей нашего мира и инобытия свидетельствует о том, что недостача, вызванная нарушением, устранена и соответствующие правила контакта между мирами восстановлены. В данном случае любопытно и выстраивающееся общее соотнесение частей рассказа: в тексте как бы две части Т1 (описание серии из двух сновидений), которые сложно взаимодействуют с описаниями части Т2. Предваряющая часть In, содержащая акцию нарушения, соотносится с первым сном, в котором рассказывается о видении сына, везущего салазки. Финальная часть Е, описывающая интерпретацию сна «знающими», соотносится со вторым сновидением, в котором умерший сын благодарит мать за совершённый помин.

[93] Термин В.А. Лефевра, см.: [Лефевр 1973: 123].

Обратимся к рассмотрению эксплицитных акций указания на нарушение. *Эксплицитными* мы предлагаем называть акции иномирных персонажей, реализующие такой способ сообщения о провоцирующем действии, при котором позиции персонажей нашего мира и ИМ по отношению к нарушению совпадают в разных частях рассказа – Т1 и Т2.

К акциям эксплицитного указания на нарушение мы относим, например, такие конкретные действия, как: иномирный персонаж (в связи с нарушением) ругает, упрекает, гневается, запрещает дальнейшее нарушение либо указывает способ его исправления (=просьбе), непосредственно вербально указывает на нарушение (как бы называет его, подает реплику о нарушении) и т.п.

Приведем некоторые примеры:

1. «[Информантка не смогла приехать на похороны своей бабушки] <…> Мне в ночь, вот в эту же, снится сон, как будто она ходит привидением по дому и говорит мне: “Ир, я умерла, а ты ко мне не приехала”<…>» (*КИВ*).

2. «Жена рассказывала, приснилась теща умершая <мать для сновидицы – Е.С.> <…>, ругала и упрекала ее за то, как она живет» (*МОА*).

3. «Мне снился мой ангел-хранитель: мы сидели и разговаривали. <…> Я до этого поссорилась с мамой, и он говорил, что нужно мириться» (*ЮОА*).

Как и в текстах с имплицитными ЦА, эксплицитные акции реализуются через конкретные действия, атрибуты, реплики-действия. Для понимания цели этих акций нет необходимости в дешифровщике (толкователе, «знающем»): действие представляет собой в полном смысле реакцию – прямой ответ на провоцирующее воздействие.

Отличие позиций основных персонажей по отношению к N в некоторых подобных текстах стремится к нулю и иногда не подразумевает реакции содействия / несодействия. Ср., напр., текст № 1, в котором указание на нарушение сводится к укору («Ир, я умерла, а ты ко мне не приехала»), – в общем, не требующему какого-либо конкретного действия по ликвидации нарушения.

Пример № 3 любопытен тем, что его ЦА является не столько указанием на нарушение, сколько указанием на способ его исправления (ликвидации): «Говорил, что нужно мириться». К последней разновидности ЦА мы относим также акции *просьбы* персонажа ИМ, обращенные к сновидцу либо (через сновидца) – к его окружению.

Ср., напр.: а) [Рассказчице снится умершая подруга, которая говорит:] “Ты мне, пожалуйста, пришли чулки в резиночку: у меня что-

то ноги мёрзнут, вот: меня положили в капроне" – "Ладно!" [сновидица кладет чулки в гроб другому умершему]» (*ИРП*);

б) «Вот с моим дедом, он помер, а у одной, ну здешня она была, жила здеся, [у ней] утонул сын, а он ходил в очках, а очки дома остались. Ну вот он приснился: "Мам, пришли". Ну вот, яво хоронили, подошли тут к нам: "Можно переслать?" – "Клади". – Сбоку [в гроб] положили тут <…>» (*ТЕС*).

В примере *а)* не просто называется нарушение («меня положили в капроне»), но одновременно предлагается способ его исправления («пришли чулки в резиночку»). В тексте *б)* представлено более распространенное оформление данной акции, при котором упоминание о нарушении – в пределах части Т1 – редуцируется и вербализуется только просьба, непосредственно обращенная к нарушению.

Существуют тексты (в нашем материале их немного), в которых нарушение редуцируется как в Т1, так и в Т2. В этих рассказах обращение к воспринимателю (имеется в виду именно акция просьбы) мотивируется как бы внутренними целями самих представителей ИМ, не связанными непосредственно с действиями сновидца или его окружения (подобная особенность в отдельных случаях может быть объяснена спецификой фиксации [записи] текста). К таким рассказам можно отнести, например, варианты текстов (близких к быличкам), основанных на распространенном сюжете об умерших дочери / сыне, которые просят во сне своих родителей купить свадебное платье (или костюм) и положить в гроб к другому умершему (умершей) либо в проезжающую машину, где оказывается гроб с убитым солдатом и т.п. Однако в большинстве рассказов об иномирных снах акция просьбы детерминирована конкретными нарушениями представителей нашего мира.

Акцию просьбы мы относим к эксплицитным, поскольку совпадение позиций персонажей нашего и иного миров к нарушению здесь также соблюдается.

Для прояснения данного вопроса обратимся не к нарушению (определенного правила), а к самому понятию «правило». Дж. Серль в своей известной работе[94] предложил выделять две разновидности правил: регулятивные и конститутивные. Первые «регулируют деятельность, существовавшую до них, – деятельность, существование которой логически независимо от существования правил», и «имеют форму императива или имеют императивную перифразу» [Серль 1986]. Они строятся по формуле: "Делай X" или "Если Y, то делай X"» [там же].

[94] См. [Серль 1986].

Вторые «создают (а также регулируют) деятельность, существование которой логически зависимо от этих правил». Конститутивные правила могут строиться по тем же формулам, что и регулятивные, но также имеют и специфическую схему: «X считается Y-ом» [там же].

Дополняя наблюдения Дж. Серля, можно говорить и об еще одной возможной формуле для регулятивных правил: «Не делай X» или «Если Y, то не делай X». Таким образом, правила существуют либо в форме рекомендаций (предписаний, императивов), либо – запретов.

Просьба «пришли чулки в резиночку», «пришли очки» означает «сделай X». Или – в более общей формулировке – «Если некто умер, нужно положить ему в гроб его «любимые» [необходимые ему] вещи»[95], т.е. «если Y, то делай X». Другой пример: «Если некто умер, нельзя по нему чрезмерно тосковать» [«Если некто умер, не плачь по нему»], т.е. «если Y, то не делай X»[96].

Как показала О.Б. Христофорова[97], правила обычно состоят из двух частей – мотивируемой и мотивирующей, например: «Нельзя вносить полено комелем вперед, ребенок родится с опозданием» [Христофорова 1998]. Левая часть (мотивируемая) содержит собственно правило, правая – его мотивировку. Мотивировка достаточно часто редуцируется [см. там же]. Обращаясь к нашему материалу, не трудно заметить, что рассказ о сне с ЦА указания на нарушение включает в себя своеобразное развертывание того, что в паремийной форме заключается в правило. При этом то, что О.Б. Христофорова называет мотивируемой частью, обычно описывается в Т2 [в виде нарушения правила], а мотивировка – в части Т1 (показ и описание того, как отражается действие N в ИМ, т.е. нарушение с позиции ИМ).

Итак, можно утверждать, что нарушаемые правила, актуальные для снов с ЦА указания на N, относятся к регулятивным. Это означает, что если центральная акция иномирного персонажа оформлена как просьба (vs рекомендация, императив и т.п.) или запрет, то в тексте представлена одна из возможных формулировок правила, которое было нарушено. Соответственно, мы имеем дело с эксплицитной акцией.

---

[95] См. примеры текстов на это правило: [Толстая 2001: 158].

[96] Ср. реальную вербализацию этой рекомендации в форме правила: «Я слыхала, что не надо плакать, иначе оне [умершие – Е.С.] будут – всё время в воде будут» (*ММС*).

[97] Правила (запреты и предписания) в народной культуре как модель (способ моделирования) рефлексивного поведения были исследованы О.Б. Христофоровой в монографии «Логика толкований» [см. Христофорова 1998].

Обращение к вопросу о разграничении правил позволило установить дополнительный критерий дифференциации эксплицитных и имплицитных актов указания на нарушение. Действительно, большинство правил, нарушение (и потенциальная реакция на него) которых описывается в исследуемых текстах, относятся к регулятивным. Указанные правила можно, условно говоря, «реконструировать» в текстах с обеими разновидностями ЦА. Однако в рассказах, сюжет которых основан на имплицитных актах, присутствует и вторая разновидность правил, – те, что Дж. Серль назвал конститутивными. Сущностную формулу последних («X считается Y-ом») по отношению к нашему материалу можно представить так: **N с позиции НМ считается N с позиции ИМ**. Выше мы приводили пример, в котором чрезмерная тоска («слезы») [N с позиции НМ] считается «утоплением в реке» [N с позиции инобытия].

Сказанное позволяет несколько разграничить прагматическую функцию указанных правил (указать на акценты в них): если регулятивные правила имеют дидактическую направленность, то конститутивные соединяют дидактическую интенцию с конвенциональной и гносеологической функциями. Иначе говоря, если регулятивные правила регулируют отношения между персонажами, то конститутивные – устанавливают эти правила, объясняют и мотивируют их выполнение, генерируют знание того, как действие N отражается в ИМ, а значит предотвращают дальнейшее нарушение (устанавливают конвенцию между обеими сторонами на основе полученного воспринимателем / его окружением знания).

Понятно (на что мы указывали выше), что в большинстве случаев это знание уже бытует в традиции, – например, в паремийной форме упомянутых выше правил: благодаря сну они только подтверждаются или актуализируются. Однако в пределах конкретного текстового варианта актуализация этого знания всегда оформляется как его получение. Не случайно в текстах так называемых видений и обмираний изменение позиции воспринимателя (в результате полученного во сне сообщения) оформляется как *откровение*. Правда, в отличие от разбираемых рассказов, в видениях / обмираниях N с позиции ИМ и N с позиции нашего мира редко напрямую соотносятся с нарушением воспринимателя / его окружения, но подаются как последствия нарушений («грехов») самих умерших, соотносимые с будущими последствиями нарушений визионера. Таким образом, откровение (получение знания) и дидактика (картины мучений умерших) равноправно соединяются

в видениях / обмираниях, объединяя регулятивную и конститутивную функцию правил [ср.: Грибанов 1989: 73; Ярхо 1989][98].

Здесь следует также упомянуть особую группу рассказов об иномирных снах, которые, начиная с А.В. Балова, привлекали повышенное внимание отечественных фольклористов. Мы имеем в виду тексты, называемые А.В. Баловым «религиозными» снами, а также «сны, в которых человеку являются клады» [см. Балов 1891; Панченко 2001: 120][99].

По причине относительно подробного рассмотрения данных рассказов в исследовательской литературе мы привлечем их здесь только в качестве наиболее показательной иллюстрации взаимодействия регулятивных и конститутивных правил.

А.В. Балов приводит в своей работе несколько – в его терминологии – «рассказов-легенд», повествующих о строительстве храма, о происхождении местной святыни («камня св. Феодоры») и т.п. В центре этих текстов – описание сна, в котором сакральный персонаж сообщает свое требование (перенести постройку храма в другое место, построить часовню) [см. Балов 1891: 212]. А.А. Панченко в своих работах также приводит подобные примеры текстов (в том числе – современные записи), в которых инобытийный персонаж через сон указывает представителям нашего мира место нахождения иконы, клада, требует «завета»[100] и т.п.

Любопытно, что в этих рассказах нередок мотив наказываемого нарушения: например, богомолка не выполняет приказания Богородицы, велевшей ей во сне вырыть икону, – в ответ заболевает; семья находит клад, но не выполняет (пытаются выполнить, но не могут) требование, которое они слышат во сне, положить на место клада человеческую голову, – в ответ члены семьи слепнут и т.д. [см.: Панченко 2002b: 83, 90].

Для нас важно отметить следующее: указание на нарушение относится к конститутивному правилу, которое устанавливается в результате происходимого во сне контакта. Например, «св. Георгий Победоносец», объявляющий во сне необходимость переноса «закладки» храма (в примере А.В. Балова), тем самым одновременно указывает на то, что многочисленные попытки строительства церкви на прежнем месте – горе Софонихе – были нарушением [см.: Балов 1891: 212].

Другими словами, в этих текстах регулятивная и конститутивная функция правил также сопряжены в единое целое.

[98] Подробнее об этом см. четвертую главу настоящего исследования.

[99] См. также, например: [Панченко 2002a; Панченко 2002b].

[100] См., напр.: [Панченко 2001: 117, 121; Панченко 2002b: 82–91].

Добавим, что рассказы, в которых нет вербализованной акции нарушения, но есть определенное сообщение персонажа ИМ о реальной ситуации настоящего[101] (например, о кладе, иконе, необходимости построить часовню, завете, месте нахождения тела умершего [утопленника], причинах смерти явившегося покойника и т.д.), – весьма редко оформляются как нейтральная информация. Это почти всегда императив[102], предупреждение, совет, скрытая просьба, указание на нарушение и т.п., т.е. это всегда конвенция, программирующая сновидца на реакцию. Реакция, сообразующаяся с данной конвенцией, оценивается как действие по установленному правилу, в ином случае – это нарушение.

Конечно, здесь имеются исключения, связанные, например, с текстами, в которых инобытийный персонаж просто является, приходит и т.д. (действия как такового не происходит). Однако в этих случаях обычно актуализируется значимость атрибутики, важным становится, например, само отсутствие некоторого типичного действия (явившийся *молчит* и т.п.). «Статичное» поведение иномирного персонажа воспринимается здесь как далеко не нейтральное сообщение, имеющее имплицитный характер. В некоторых подобных текстах общий смысл действия (реплики) иномирного персонажа как указания на нарушение фактически редуцирован, однако эти коннотации все-таки прочитываются. Ср., напр.: 1. «[Знакомой информантки] приснился умерший муж, и он пришел тогда к ней и говорит: “*Как жить-то будешь, у тебя в кошельке три рубля!*”. И когда она утром проснулась, действительно – у нее в кошельке три рубля…» (*ПНИ*).

2. «У меня у подруги умер отец, и однажды они пришли откуда-то, легли спать, и снится ей сон, как будто сидит на диване ее покойный отец и говорит: “*Спите, а дверь-то не заперта*!” – и вот она проснулась, и смотрит, а действительно – дверь-то открыта, то есть она на замок не закрыта» (*ПНИ*).

3. «Юрка [знакомый информантки – Е.С.] умер, – его разрезали [в морге]. А он [во сне] говорит: “*У меня лёгких-те нету ведь*”, – он матери приснился, – сын… А как разрезали и *забыли ему в живот [легкие] положить*, зашить-то…» (*ХФИ*).

---

[101] Сообщение иномирного персонажа о событиях-коррелятах будущего соотносится обычно с ЦА несколько другого плана – символическими акциями.

[102] Ср., напр., в снах о кладах: «Копай, говорит, у деревни Верхние Слуды, найдешь кости человеческие, а потом клад» [Панченко 2002b: 89]. Ср. также другой текст, связанный с этой же темой: «“Иди, бери [клад]! – понимаешь аль не? – Бери!”» [Лурье, Черешня 2000: 298, № 84].

В первых двух примерах наряду с указанием на нарушение можно, вероятно, говорить об актуализации семантики предупреждения, защиты, ограждения от опасности и т.д.

Возвращаясь к рассмотрению акций просьбы, следует упомянуть о существовании весьма интересных текстовых вариантов, в которых воспринимать выступает в несколько необычной для исследуемых рассказов роли медиатора, – посредника между персонажем ИМ (адресантом сообщения) и конечным адресатом, исполнителем просьбы («ликвидатором» нарушения).

Приведем примеры:

1. «[Сновидице является незнакомая девушка «в белом» и говорит:] “Позвони моей маме и скажи, чтобы она мне вот с этой бабушкой [в реальности вскоре умершей – Е.С.] передала виноград”. Я говорю: “Я же не знаю номера вашего телефона!”. Она мне его говорит, я его запоминаю ясно, точно…» [далее рассказчица сомневается – звонить или нет; сон повторяется; рассказчица сообщает родственникам; те не выполняют просьбу (сомневаются); сон повторяется и информантка еще раз передает просьбу; возможное исполнение просьбы и мотивирующее нарушение в тексте не вербализованы] (*КЗИ*).

2. «[После смерти сына рассказчицы – «Сережи»] Вот плачу, плачу… Вот чужим людям приходит, приснится: “Идите, скажите маме, чтобы не плакала: мне здесь плохо, когда она плачет…”. <…> Один раз в Барыше – совершенно чужая женщина (ну Таню-то [дочь информантки – Е.С.] она знает, а Серёжу не знает). И как будто ей приснился Серёжа: <…> “Ты вот скажи ей [сестре Тане], чтобы она [мать, рассказчица] не плакала обо мне, мне больно плохо” – “Ты сам сходи!” – “А меня, – говорит, – Бог не пускат”. Она, Таня-то, приезжат, говорит: “Мам, не плачь ты, вот чужим людям снится”. Я говорю: “Пожалуй, – не плачь!..”» (*КЛИ*).

В приведенных примерах центральная акция, обычно выполняемая персонажем ИМ (просьба и указание на нарушение), дублируется воспринимателем, совершающим эту же акцию в пределах части Т2 в отношении другого персонажа (конечного адресата).

Отметим некоторые специфические отклонения процитированных выше текстов (с воспринимателем в роли медиатора) от обычной схемы рассказов о снах с анализируемыми ЦА. В первом рассказе не вербализовано нарушение и конкретное исполнение просьбы (реакция содействия), однако присутствует реакция несодействия, – причем как со стороны воспринимателя, так и конечного адресата.

Во втором тексте выстраивается своеобразная цепочка упомянутых и подразумеваемых медиаторов: помимо того, что сон снится нескольким воспринимателям, тот из них, который передает просьбу («чужая женщина»), делает это не напрямую, используя помощь еще одного посредника – дочери рассказчицы. Соответственно, схема взаимодействия акций / реакций текста еще более усложняется, хотя такое дублирование достаточно однотипно и может быть сведено к простому индексу перед ЦА (например, n•ЦА, где n – число таких «передач»), который практически не влияет на общий смысл центральной акции.

Отметим еще некоторые любопытные детали: в примере № 2 невозможность передать просьбу (указать на нарушение) напрямую ее потенциальному исполнителю получает определенную мотивацию («А меня, – говорит, – Бог не пускат»). В других рассказах посредничество может объясняться особой склонностью воспринимателей к медиации (возможно, наличием каких-то способностей к ней).

Ср.: «…Мне один раз приснилось... У тети Ани, у маминой сестры, муж приснился [т.е. умерший муж «тети Ани» приснился рассказчице – Е.С.] и спрашивал у меня вишневого варенья… Я тогда сказала его жене, она на работу отнесла – вот вишневого варенья [чтобы помянули]. Я тогда еще (бабушка когда моя еще была жива), я ее спрашивала: “Бабуль, почему мне всегда вот снятся люди... кто-то, и вот мне говорят, чё они хотят?”. Она мне всегда говорила, что снятся люди умершие тем людям, которые передают их просьбу, потому что они знают, что их просьбу передадут, поэтому они и снятся» (*ГЕВ*).

Реакция несодействия в этих текстах (воплощающаяся в конкретных рассказах, например, как мотив сомнения в полученной информации и т.п.) коррелирует с определенными мотивами упомянутого выше жанра рукописно-книжных видений: так, например, А.Б. Грибанов пишет о том, что «недоверие профанов к пророку и к тому знанию, которое он вынес из видения» мотив «крайне популярный» [Грибанов 1989: 71].

На наш взгляд, мотивы, связанные с посредничеством, в какой-то степени ставят эти тексты в лиминальное в жанровом отношении положение: здесь мы вплотную подходим к разговору о близости жанровых систем рассказов о снах и других форм визионерского опыта (ср. в связи с этим мотив «проповеди» в видениях, в которых визионер также выступает в роли медиатора[103]).

[103] Подробнее о мотиве «проповеди» в рукописно-книжных видениях см. – [Прокофьев 1964: 40; Пигин 2006: 202–203]).

В завершение данного параграфа рассмотрим подробнее те конкретные действия, благодаря которым в рассказах о снах эксплицируются возможные нарушения. Такое рассмотрение позволит выделить основные типы N и уточнит некоторые особенности взаимодействия нарушений и ответной акции иномирного персонажа (ЦА).

Предлагаемая общая дифференциация N основана на двух взаимозависимых критериях: первый – дихотомический – позволяет «разбить» всю совокупность нарушений на две группы. Внутри каждой из них представлена более дробная классификация, непосредственно приближенная к конкретным текстам.

Основа первого критерия (назовем его внутритекстовым) – учет конечного адресата ЦА. Центральные акции иномирных персонажей, по нашим наблюдениям, могут иметь два конечных вектора: либо они направлены на сновидца vs его окружение, либо – на самих персонажей инобытия. В соответствии с этим классифицируются и провоцирующие действия, поскольку характер того или иного нарушения обусловливает определенный вектор ЦА.

Поясним сказанное следующими примерами:

1. «[Умершая мать приходит к дочери во сне и говорит:] “Почему ты так живешь, надо жить по-другому!” <…>» (*ПЕВ*).

2. «[Родственники умершего дедушки информантки не смогли сделать “большие” поминки; он ей снится] <…> Он красивый, подтянутый, с дипломатом в руке, и я подбегаю к нему: “Дедушка, ты пришел!” – [я] радостная, веселая. А он отворачивается от меня, – не хочет разговаривать: сразу видно, что он обижен, – и уходит от меня. Я бегу за ним: “Подожди, мы так давно не виделись с тобой!” – а он уходит – то есть видно, что он расстроен, обижен на всю мою семью. Когда я проснулась, я рассказала этот сон маме, – она тут же раздала детям угощение, взрослым тоже и пообещала, что на следующий год, когда будет одиннадцать лет [со дня смерти дедушки – Е.С.], она сделает большие поминки <…>» (*РМА*).

И в том и в другом тексте адресатом является воспринимать и его окружение. Однако можно заметить, что если в первом рассказе целью акции персонажа ИМ является изменение состояния (в широком смысле) сновидца, то во втором – конечным адресатом имплицитного указания на нарушение (и подразумеваемой просьбы) является сам умерший.

Учет конечного адресата позволяет разграничивать нарушения, связанные с правилами взаимодействия между ИМ и НМ, и нарушения определенных внутренних правил нашего мира. Первые можно

обозначить как ритуально-традиционные, вторые – как социально-этические. Подключая к этому разграничению второй критерий (основанный на соотнесении с внеположными тексту системами), мы получаем следующее распределение провоцирующих действий[104]:

ритуально-традиционные	**социально-этические**
(связанные с похоронно-поминальными, мантическими, религиозными, магическими и т.п. обрядами, праздниками, обычаями, представлениями)	*(связанные с социально-бытовыми, социально-коммуникативными и т.п. ситуациями)*
Некоторые конкретные примеры нарушений	
не приезжает на похороны	не пускает брать воду из колодца
засыпает на кладбище	ссорится с родственниками, знакомыми
забывает о празднике святого или – поминках (дне рождения) умершего	забывает сделать нечто, связанное с типичными бытовыми ситуациями (не поливает вовремя огород, не ремонтирует крыльцо и т.п.)
тоскует по умершему	
занимается колдовством	
забывают положить нечто в гроб (кладут нечто не соответствующее) либо хоронят не в той одежде и т.п.	
забывают исповедовать перед смертью (либо не могут пригласить священника)	
участвует в сносе церкви	
гадает, забывая выполнить некоторое важное условие обряда (напр., вовремя перевернуть зеркало) и др.	

Как видно из таблицы – ритуально-традиционные нарушения преобладают (список и тех и других всегда может быть дополнен), что

[104] Для удобства сопоставления мы унифицируем формулировки нарушений в языковом отношении, ориентируясь, в основном, на глаголы, которые приводятся в 3 лице, ед. ч. / мн. ч., наст. времени.

объяснимо самим характером рассматриваемых рассказов и тем культурно-традиционным контекстом, который актуализирует и поддерживает их основные мотивные составляющие.

Подчеркнем, что, как и всякое дихотомическое деление, данное разграничение весьма условно: необходимо обязательно учитывать контекстные связи. Например, аборт (типичное нарушение) может быть симультанно отнесен как в левую, так и в правую колонку представленной выше таблицы: основной критерий дифференциации здесь – учет того, как рассказчик / слушатели расценивают данное нарушение (в терминах религиозных или социально-бытовых правил)[105].

Подведем некоторые итоги:

1. Рассмотрение ЦА указания на нарушение показало, что данные акции достаточно отчетливо дифференцируются (в соответствии с общим делением ЦА по характеру понимания цели акции) на имплицитные и эксплицитные.

В основе этого разграничения – различие способов представления N в разных частях текста – T1 и T2. Общий смысл ЦА данных рассказов выстраивается в соотнесении со всеми основными акциями / реакциями текста. Нам представляется возможным говорить об отличии описанных выше отношений между позициями основных персонажей к N от символических и причинно-следственных (каузальных).

2. В исследуемых текстах реализуется достаточно сложная система взаимоотношений между эксплицируемыми (или только подразумеваемыми) правилами и их нарушениями.

Можно говорить о наличии в рассказах о снах как регулятивных, так и конститутивных правил, которые нередко соприсутствуют в одном тексте (однако последняя их разновидность более характерна для рассказов с имплицитными ЦА). При этом конкретные типы нарушений непосредственно связаны с культурно-социальными системами, внеположными тексту.

Обратим внимание, что все перечисленные выше типы N можно отнести к нарушениям регулятивных правил. Однако, как мы показали выше, считать, что данные правила (акции нарушения правил и указания на эти нарушения) и составляют пуант исследуемых текстов, было бы существенным упрощением.

Основа рассказа об иномирных сновидениях – контакт двух главных персонажей – персонажей нашего и иного миров. Его цель – не

[105] Подробнее о текстах сновидений, в центре сюжета которых – мотив аборта, см., напр.: [Листова 2001: 43–44; Листова 2002: 120–123; Сафронов 2006с].

просто подтвердить или напомнить о существующих правилах (хотя это, безусловно, присутствует и является важным для сюжета в целом), но организовать отношения между НМ и ИМ таким образом, что подтверждение или установление правил было бы симультанно подтверждением и установлением новой позиции персонажей нашего мира по отношению к собственным нарушениям.

5.3. Символические акции и ЦА предупреждения

Символические акции по способу соотнесения с событиями-коррелятами части Т2 близки к акциям приобщения. То есть тексты, в центре сюжета которых – символические ЦА, обычно также расцениваются как «вещие»: определенное действие иномирного персонажа соотносится с конкретными событиями части Т2 (по принципу: приснилось – сбылось).

Акции приобщения, как мы указывали выше, в отдельную (самостоятельную) группу выделяются нами, прежде всего, по причине достаточно ограниченного блока мотивов, благодаря которым данные акции реализуются: в части Т1 (пересказе собственно сновидения) эти ЦА нередко связываются с действиями, относящимися к блоку проводничества (уводом, переводом в ИМ, показом ИМ и т.п.); в части Т2 – со смертью / угрозой смерти сновидца и его окружения.

Символические акции в этом смысле гораздо более разнообразны. Корреляция Т1 и Т2 в рассказах с указанными ЦА наиболее близка к так называемым «собственно вещим» сновидениям (термин М.Л. Лурье[106]), т.е. обычно расценивается рассказчиками и слушателями по достаточно примитивной семиотической модели приметы: А предзнаменование [знак] Б.

Сопоставим в связи с этим следующие два текста, в которых представлены типичные символические акции:

1. «[Матери информантки снится ее умершая мать («бабуля»)] В белом платке, вся чистая, опрятная, а в руках у нее [у умершей] лежит деревянная кассета для хлеба (с которыми в магазин хлеб развозят), а на этой кассете положено немного соломы, совсем чуть-чуть, и лежит на ней маленький барашек, – белый-белый и кудрявый. И эта бабуля мне говорит, что вот, мол, это твое деревенское богатство, береги его

[106] См.: [Лурье 2002: 28–29].

и никогда не отчаивайся [затем в реальности случается пожар] <…>. Сгорело не все, и ущерб был небольшой – сгорели сени и баня с кухней, и только потом она [сновидица] догадалась, что же значил этот сон <…> Все, что было у нее на руках, значило, что самое ценное, то есть домашнее хозяйство, не пострадает, и дом, в принципе, останется цел. Так и произошло» (*PPP*).

2. «[После смерти сына информантке снится, что некто ей говорит:] Мне сказали во сне: “У тебя будет еще сын, ты его береги, скоро у тебя еще будет сын”. <…> Ну кто это может знать, что у меня еще будет сын, кто это еще может знать?! Проходит год с чем-то, и у меня рождается второй сын» (*ВВН*).

Как и в текстах с ЦА указания на нарушение, общий смысл ЦА процитированных рассказов зависит, главным образом, от способа представления (способа сообщения) некоего действия / события, обращенного в будущее (условно обозначим данное действие или событие знаком S).

В первом тексте центральная акция, подобно другим ЦА рассказов об иномирных снах, представлена как определенное действие персонажа ИМ, осложненное характерными атрибутами и образами (ср., например, «в белом платке, вся чистая, опрятная», «а в руках <…> кассета для хлеба» и т.д.). Следует отметить, что атрибутика и конкретные детали в текстах с символическими ЦА, имеют в этих текстах особое значение, поскольку во многом благодаря им устанавливается последующая корреляция с событием реальности.

Ср., напр., образ «катушки белых ниток» в следующем примере, соотносимый с образом «барашка» на кассете из-под хлеба в примере № 1: «[Прабабушке информантки во время болезни снится сон] Какой-то маленький старичок пришел к ней и дал ей целую катушку белых ниток. А когда бабушка [прабабушка] проснулась, ей сказали, что это приходил к ней Николай Угодник и дал ей долгую-долгую жизнь. И моя бабушка рассказывала, что прабабушка умерла, когда ей было восемьдесят восемь-восемьдесят девять лет» (*ВМФ*).

Не трудно заметить, что в примере № 1 акция иномирного персонажа по представлению S (т.е. сообщение об S с позиции ИМ – приход умершей бабушки с кассетой из-под хлеба) не совпадает со своим коррелятом, описанном в части T2 (т.е. событием S с позиции нашего мира – пожаром). Не случайна в этом тексте и следующая фраза, свидетельствующая о необходимости дешифровки: «И только потом она догадалась…». Подобные символические акции мы будем называть *имплицитными*.

В примере № 2 представлена близкая по общему смыслу акция иномирного персонажа. Основное отличие этих акций (на том семантическом уровне, на котором мы их анализируем) – в совпадении сообщения воспринимателю о событии S с позиции иномирного персонажа (в тексте – реплика-предсказание о рождении ребенка) с оценкой этого события с позиции персонажа нашего мира в части T2 (рождение ребенка в реальности).

Заметим, что в терминах известной «трихотомии» Ч.С. Пирса, взаимодействие имплицитных ЦА с событием-коррелятом в данных рассказах можно считать собственно символическим, а отношение эксплицитных акций – иконическим [см. Пирс 2000: 185–186, 201–204, 212–219].

К символическим акциям весьма близки действия иномирных персонажей, обращенные к событиям-коррелятам будущего, однако амплифицированные несколько иными коннотациями, позволяющими говорить о различных целях данных ЦА. Упомянутые коннотации связаны с акциями предупреждения, защиты, ограждения сновидца от возможных ситуаций будущего. Благодаря этим новым семантическим оттенкам меняется общий смысл акции: действия иномирных персонажей направлены в этих текстах не столько на сообщение о будущем событии, сколько на его «обнуление», предотвращение.

Приведем некоторые примеры:

1. [Снится умершая прабабушка] <…> Она вот на черном фоне говорит: “Не спи!” – то есть она вообще не давала спать, и именно вот через секунд тридцать, наверно, было [в реальности] очень сильное землетрясение, очень сильное, то есть она меня разбудила вот буквально <…>. Выбежали все люди на улицу тогда <…>, она меня разбудила, “предупредила”…» (*ПЕВ*).

2. «У одной женщины… Собиралась она ехать на юг, а дочке этой женщины снится [умершая] бабушка и говорит. <…> Говорит, что точно <…> разобьется самолет. Если ты полетишь… И именно сказала на сентябрь месяц. А они [в реальности – Е.С.] собирались в июне в Сочи, прилетели сюда. Через какое-то время ее муж предлагает: “У меня вот есть возможность в сентябре ехать в Сочи”. А бабушка сказала [во сне]: “Ни в коем случае – разобьется самолет!”. Представляете? А в сентябре они вообще даже не планировали, не знали и ничего. <…> Но сентября еще не было. Ну теперь какой-то поезд, говорят, идет: «Санкт-Петербург – Москва – Сочи». Такой вот скоростной. На поезде поедут…» (*КТЕ*).

Любопытно, что акции в этих текстах не всегда направлены на события будущего, что подтверждает необходимость их отграничения от символических ЦА.

Ср.: «Горшки здесь [в с. Сухой Карсун Ульяновской области] делали, и вот её [знакомой информантки] муж возил нам горшки в Тольятти. А мы едем, когда мы на дороге встали отдохнуть, а ремни – вот так вот они были соединены, видимо, тут дуло, и у меня отмерзла пятка совсем. А я заснула, а он [некий «старичок»] мне говорит: “Раба, очнись, ты пятку отморозила!”<…>» (*АМФ*)[107].

Отметим, что акции с общим смыслом предупреждения так же, как и ЦА, рассмотренные нами выше, можно условно дифференцировать на эксплицитные и имплицитные. Так, в только что процитированном примере № 1 сообщение о событии в пределах части Т1 подается в опосредованной форме (действие персонажа ИМ – «вообще не давала спать») непосредственно не соотносится со своим событием-коррелятом (землетрясением). Это позволяет говорить об имплицитности представленной в этом рассказе центральной акции.

Соответственно, в примерах №№ 2 и 3 представлены, скорее, эксплицитные ЦА. Подчеркнем, что четких границ между символическими акциями и акциями предупреждения провести нельзя, – вероятно, в этом и нет особой необходимости. Как мы показали выше (при описании так называемых религиозных снов), ЦА предупреждения могут дополнительно осложняться коннотациями нарушения, и, соответственно, мы, как и в случае с акциями блока проводничества, имеем здесь ряд амплифицирующих друг друга акций / реакций, не обязательно жестко связанных с однозначной целью ЦА.

Как уже отмечалось выше, для большинства символических ЦА весьма значимы конкретные детали (образы-мотивы, атрибуты, действия и т.п.), оформляющие пуант текста – соотнесение с событием-коррелятом. Эта особенность данных рассказов сближает их с теми текстами, которые обычно именуются «вещими» или «сбывшимися» сновидениями. Сюжет последних также основан на соотнесении некоего образа-мотива сна и события реальности с нередкой апелляцией к традиционным либо окказиональным сновидческим приметам[108].

[107] Выше мы приводили рассказ об умершем отце, указавшем на то, что дверь квартиры не заперта (в нашей коллекции есть несколько вариантов текстов на подобный сюжет).

[108] Подробнее о разных аспектах изучения рассказов о снах данного типа см., напр.: [Лурье 2002; Лурье, Черешня 2000; Разумова 2001: 85–105; Разумова 2002; Разумова 2003; Сафронов 2004] и др.

Вообще, «вещие» сны и рассказы об иномирных сновидениях близки по целому ряду критериев: в частности, тексты иномирных снов с любой из рассмотренных нами ЦА могут симультанно расцениваться и как сбывшиеся[109]. Грани между этими двумя группами текстов весьма зыбки: вполне закономерен вопрос о том, являются ли эти два множества пересекающимися или же они связаны отношениями включения / объединения[110].

Вслед за некоторыми исследователями можно высказать гипотезу о существовании особой группы рассказов о «собственно вещих снах» [см.: Лурье, Черешня 2000: 277; Лурье 2002: 28–29]

В связи с этим мы предлагаем разграничивать термины «вещие» и «сбывшиеся» сновидения. К последним мы относим широкую, недифференцированную совокупность текстов, объединенных только по одному критерию – наличию скоррелированного со сновидением события, расцениваемого информантами как сбывшееся. К этой группе рассказов может быть отнесен, по нашим наблюдениям, практически любой тип рассказа о сне, – порой с достаточно сложными и неожиданными корреляциями (например, имеющими личный, окказиональный характер, о чем мы писали в главе о критериях фольклорности)[111].

Таким образом, выделение рассказов о сбывшихся снах нельзя считать, по нашему мнению, имеющим классификационное значение: скорее, оно сигнализирует об одной из важных особенностей данных текстов, не позволяющей на ее основе создать непротиворечивую таксономию.

Термин «вещие сны» («собственно вещие сновидения») мы предлагаем закрепить за отдельной группой рассказов, только частично пересекающихся с текстами, подпадающими под определение «сбывшиеся сновидения».

С частью критериев, на основе которых исследователи выделяют тексты о «собственно вещих» снах, мы согласны, другие нуждаются в корректировке в свете предыдущего анализа. Так, М.Л. Лурье пишет: «Во-первых, именно для этих [«собственно вещих»] сновидений

[109] В этом отношении показательна, например, публикация рассказов о снах, подготовленная М.Л. Лурье и А.В. Черешней: в данной работе в ряду «сбывшихся» снов представлены фактически все тексты с разобранными нами ЦА, см.: [Лурье, Черешня 2000].

[110] О терминах *объединение*, *пересечение*, *включение*, используемых в теории множеств, см., напр.: [Ивин, Никифоров 1998: 202–205].

[111] Ср. также замечания об этом: [Лурье 2002; Лурье, Черешня 2000; Сафронов 2004].

в сознании самих носителей традиции прогностическая функция является стержневой, тогда как для других может быть периферийной и факультативной; во-вторых, актуальная информация выражена здесь не вербально, а на языке зрительных образов, причем требующих обязательной дешифровки. С этим последним фактором связана принципиальная двучастность повествования: оно включает содержание сна и его толкование» [Лурье 2002: 28–29].

Первый пункт, на наш взгляд, действительно бесспорен: анализ ЦА, предложенный нами выше, показал, что для каждой из разобранных нами центральных акций свойствен свой общий смысл, специфические цели действия, не совпадающие с названной М.Л. Лурье функцией. Исключение здесь составляют только тексты, в центре сюжета которых – символические акции, непосредственно связанные с прогностическим характером действия, что осложняет их дифференциацию с «вещими» сновидениями.

Второй пункт вызывает вопросы.

Зафиксировать рассказ о сне, в котором актуальная (как пишет М.Л. Лурье) «вещая» информация подавалась бы в вербальной форме, относительно нетрудно. Ср., напр.: «Моей маме снился сон, что внук, – взрослый, женатый, – говорит: “*Бабушка, натопи баню и сделай там в тазу теплую воду – будем ребенка купать*”. В этот день [в реальности] родился у нее правнук» (*МНФ*).

Очевидно, что дело не совсем в том, вербально или «на языке зрительных образов» оформляется «вещее» сновидение: нам представляется, что в рассказе о сне вообще достаточно трудно разграничить эти формы. Вместе с тем, отмеченная исследователем «принципиальная двучастность», как мы показали выше, – особенность, в принципе, всех рассказов о снах (ср. то, что мы обозначили выше, как Т1 и Т2).

Другое дело, что далеко не все сны обязательно толкуются: для многих текстов с эксплицитными ЦА в этом нет особой необходимости: требуется не столько интерпретация, сколько конкретная реакция сновидца / его окружения (например, ликвидация нарушения).

Несмотря на это, замечания М.Л. Лурье во многом справедливы: при определенной корректировке названных критериев можно добиться некоторой (весьма относительной) четкости при разграничении «собственно вещих» и остальных рассказов о снах (в том числе – иномирных). Наметим возможные здесь критерии дифференциации.

1. Действительно, основная цель вербализации рассказов о «собственно вещих» сновидениях – в соотнесении с событием реальности,

которое не совпадает во временном отношении с самим сном и подается рассказчиком как *будущая* (по отношению к сновидению) ситуация. При этом в зависимости от коммуникативной ситуации dream-telling – часть T1 может быть свернута до простого упоминания образа-коррелята. Например:

«Сбылся сон, когда у меня печка летела [т.е. падала, рушилась – *коммент. сост.*], ну, печка летела. У меня муж умер» [Лурье, Черешня 2000: 284, № 30]; или: «В девятом классе перед экзаменом мне приснился номер билета, который мне достался» (*ВКС*).

В дальнейшем подобные тексты могут функционировать как exemplum приметы – личной или известной из сонников. Например: «Каждый раз, когда мне снится белая лошадь, бегущая по облакам, умирает кто-нибудь из родственников или друзей…» (*АЗШ*)[112].

В связи с этим сделаем одно принципиальное замечание: приведенные примеры, с нашей точки зрения, являются, скорее, не рассказами (нарративами), но фабульными представлениями этих рассказов.

2. Описываемые в текстах о «вещих» снах действия, атрибуты, образы-мотивы нередко функционируют как своеобразные «кадры», приобретающие смысл («синтез», по Ю.М. Лотману[113]) только в соединении с событием-коррелятом.

Ср.: «Сон видела, *что я картошку копала.* Картошку копала, потом через четыре дня прислали телеграмму: *брат умер*» [Лурье, Черешня 2000: 280, текст № 1].

Мы уже писали о том, что сон, переходя с «предвещей» стадии в «вещую», претерпевает ряд значимых трансформаций[114]. Возможно предположить, что рассказчица только что приведенного текста, условно говоря, помнит сон несколько подробнее, нежели это представлено в примере. Однако жанровая модель продуцирования подобных текстов позволяет свернуть часть T1 до соотносимого с реальностью образа-«кадра».

Для нас важно подчеркнуть даже не столько потенциальную возможность свернуть текст до приметы[115] (например, копать картошку

[112] Ср. с текстом, приведенным в книге И.А. Разумовой [Разумова 2001: 91].

[113] Ср. замечания Ю.М. Лотмана, соотносившего принцип «повествования живописными средствами» в иконах работы Дионисия с «кадровой» организацией кинематографа [Лотман 1973: 13–15].

[114] См. вторую главу настоящего исследования о критериях фольклорности / нефольклорности рассказов о снах.

[115] Характерные в этом отношении наблюдения, связанные с взаимодействием сновидческих примет и нарративов о снах, см.: [Садова 2003: 171–189].

– к смерти близкого), сколько сам «кадровый» принцип построения таких текстов: рассказчик фиксирует (выбирает) определенный образ-мотив части Т1 и соотносит его с также фиксированным событием реальности (в части Т2).

Вне зависимости от конкретного содержательного наполнения части Т1 «вещих» снов их текст всегда оформляется таким образом, что все, о чем рассказывается в Т1, прагматически стремится к основному событию-корреляту части Т2. Соотносится могут атрибуты, образы-мотивы, сюжеты в целом – вплоть до повторения ситуации во сне и наяву[116]. Особенно наглядно данная тенденция проявляется в тех случаях, когда сам сон и его корреляция приходятся на относительно недавний – по отношению к моменту фиксации текста – период времени, т.е. когда рассказ о «вещем» сне еще не «отвердел», не «отлился», по выражению М.М. Бахтина, в «определенные жанровые формы» [Бахтин 1997: 180–181]. Запись таких текстов позволяет отчетливо наблюдать выделенность и выбранность соотносимых элементов частей Т1 и Т2.

4. Одна из важнейших тенденций, наблюдаемых в «собственно вещих» сновидениях, заключается в том, что героем, основным персонажем данных текстов можно считать самого воспринимателя, сновидца. Именно он совершает некое действие или с ним нечто совершается и т.д., – и все это почти никогда нельзя расценить как определенную реакцию на действие другого персонажа: *сюжет «вещего» сна всегда организован как кадр, взятый с одного и того же ракурса (позиции) – ракурса воспринимателя.*

В отличие от этого, в иномирных сновидениях центральная роль (совершение ЦА) почти всегда принадлежит персонажу инобытия. Принципиально здесь также то, что в сюжетах иномирных сновидений присутствует непрерывное столкновение и взаимодействие двух основных позиций – персонажей иного и нашего миров. Поле напряжения, возникающее в результате этого взаимодействия, и есть стержень, основа сюжета иномирного сна.

Именно поэтому скоррелированные элементы частей Т1 и Т2 «вещих» снов всегда опознаются как символы, знаки предсказанного события, но фактически никогда не детерминируются каузальными либо позиционными (позиции ИМ и НМ) отношениями между указанными элементами.

[116] Ср. некоторые примеры в монографии И.А. Разумовой [Разумова 2001: 92], а также – [Лурье, Черешня 2000: 291–293, №№ 54–65]).

5. Отметим, что из сказанного не следует, что в рассказах о «вещих» снах отсутствует взаимодействие между dramatis personae (имеется в виду часть T1) или что эти тексты во всех случаях стремятся к свернутости сюжета. Ср., напр., достаточно динамичные и драматические рассказы, представленные в публикации М.Л. Лурье и А.В. Черешни – тексты №№ 33, 37, 44, 46 [Лурье, Черешня 2000: 285–288].

Главное в том, что, в отличие от «собственно вещих» сновидений, пуант которых неразрывно связан с корреляцией, с установлением связи с событиями T2, в инобытийных снах и рассказчику и его аудитории интересно само содержание части T1. Такие тексты весьма редко свертываются до фабульных представлений рассказов, столь частых для «вещих» снов.

В иномирных сновидениях рассказывается о контакте с близким умершим или сакральным / инфернальным представителями инобытия: очевидно, что, несмотря на возможное соотнесение с реальностью, всегда остается самодостаточный интерес к описанию этого контакта. Подчеркнем, что все это только тенденции, однако они позволяют, как нам представляется, говорить о несколько различном характере жанровых моделей, по которым строятся разграничиваемые нами тексты.

Как мы указывали выше, рассказы с символическими ЦА наименее прозрачны в отношении предложенных выше критериев. В некотором смысле можно, на наш взгляд, говорить об объединении этих множеств (иномирных снов с символическими ЦА и «собственно вещих» сновидений), при котором отдельный элемент (конкретный рассказ) симультанно принадлежит обеим группам, даже в том случае, если формально он относится к одной[117].

Подведем определенные итоги по данному параграфу:

1. Мы рассмотрели еще две пары центральных акций, весьма тесно – впрочем, как и все разобранные ЦА – взаимодействующие друг с другом и нередко в пределах одного рассказа входящие в единый амплифицированный блок акций (с доминированием одной какой-либо смысловой интенции): символические акции и ЦА предупреждения. Указанные ЦА разграничиваются не только по основной цели, но и по характеру возможного события-коррелята: для акций предупреждения отнесение описываемых в T2 событий в будущее не обязательно.

[117] Подробнее о термине «объединение множеств» см., например: [Ивин, Никифоров 1998: 202].

2. Символические акции и ЦА предупреждения, подобно остальным центральным акциям иномирных сновидений, дифференцируются на имплицитные и эксплицитные. Последние представляют собой прямое сообщение об S.

3. В пределах данного параграфа мы выделили группу «собственно вещих» сновидений, по ряду признаков отграничив эти тексты от рассказов об иномирных снах. Эти две группы нарративов и составляют, на наш взгляд, основу большинства текстов фольклорного (или близкого к фольклорному) характера.

Внутри каждой из этих групп наблюдается своя таксономия. Возможная типология иномирных сновидений описана нами выше: она выстраивается на основе общей композиционной структуры текстов, организованной как сложное взаимодействие между акциями / реакциями основных персонажей рассказа.

Рассмотрение типологии «собственно вещих» снов не входит в наши задачи. Однако, судя по характеру текстов и уже имеющимся разработкам в этой области[118], наиболее релевантные классификации данных рассказов также связаны с анализом способов соотнесения образов-мотивов части T1 и событий-коррелятов части T2.

Общие выводы по главе 3 таковы:

1. Рассказы о снах по критериям, на основе которых исследователи дифференцируют прозаические фольклорные жанры, занимают свою, достаточно специфическую, нишу. Их отличие, однако, в большинстве случаев имеет не позитивный (т.е. подразумевающий наличие ряда характерных признаков), а неопределенный характер: отдельные жанровые критерии, применяемые к фольклорной прозе, для этих текстов вообще не релевантны (например, критерий *достоверность / недостоверность*).

Подобная специфичность не является особенностью только анализируемых рассказов, а, скорее, сигнализирует о сложности и неоднозначности тех критериев, на основе которых континуум слабо поддающихся дифференциации текстов фольклорной прозы делится на определенное [исчислимое] количество жанров и жанровых образований (в этом отношении показателен, например, жанр быличек, к некоторым текстам которых также проблематично применение названных критериев).

[118] См., напр.: [Толстой 1994a, 1994b; Небжеговская 1994; Разумова 2001, 2002, 2003; Веселова 2002; Лурье 2002 и др.]

2. Главным критерием, позволяющим достаточно четко отграничить рассказы о снах от остальных прозаических фольклорных жанров, является характерная для анализируемых текстов организация повествования, формирующаяся на основе соотнесенности двух значимых (в логико- и структурно-семантическом смысле) композиционных частей – Т1 и Т2. Как мы указывали выше, выделение этих частей в целом также соответствует культурно и прагматически значимой оппозиции реальность / ирреальность («явь / сон» и т.п.).

3. Основу нарративного фонда фольклорных рассказов о сновидениях составляют иномирные сны. Рассмотрение логико-семантических особенностей этих текстов позволило существенно уточнить специфику упомянутой организации повествования.

Взаимодействие частей Т1 и Т2 в текстах об иномирных сновидениях реализуется через сложный рисунок взаимоотношений между акциями и реакциями основных персонажей рассказа – представителей ИМ и НМ, а также – через наличие / отсутствие значимой трансформации цели (общего смысла) действия в указанных композиционных частях текста (с позиции персонажа-воспринимателя).

4. Сопоставление рассказов с различными типами ЦА показало, с одной стороны, высокую степень их близости и – тем самым – релевантность объединения рассказов об иномирных сновидениях в единую группу. С другой – их значимые отличия, позволяющие говорить о возможности внутренней таксономии данных текстов.

5. Описанные нами структурно-семантические особенности ЦА анализируемых рассказов не всегда соответствуют прагматическим особенностям реального бытования рассказов о снах. Мы настаиваем на том, что по-настоящему рабочей предложенная теоретическая схема анализа станет только в том случае, если будут учтены все те (по возможности, конечно) тонкие, разнообразные и сложные контекстные связи, которые действительно присущи рассматриваемым текстам. Именно они позволяют рассказам о сновидении занимать свою весьма специфическую и важную нишу в общекультурной коммуникации[119], частью которой является фольклор (в первую очередь – в его вербальной экспликации).

6. Проведенный анализ рассказов об иномирных снах позволил отграничить данные тексты от так называемых «собственно вещих» сновидений, также во многом соответствующих основным критериям

[119] Подробнее об этом см., напр., монографию: [O'Nell 1976].

фольклорности. Сопоставление этих типов рассказов дало возможность указать на наиболее существенные особенности жанровых моделей, по которым организуются данные тексты.

7. Подчеркнем, что сказанное выше *не означает*, что:

7.1 нами были названы и проанализированы все возможные в рассказах об иномирных снах типы центральных акций. Мы предполагаем, что анализ более широкого (не столько в количественном, сколько в региональном и культурном отношении) фольклорного материала способен увеличить список акций, относимых к ЦА. Однако, на наш взгляд, можно утверждать, что в представленной главе рассмотрены важнейшие для текстов данного жанра центральные акции (и соотносимые с ними зависимые акции / реакции), составляющие основу имманентной для снов организации повествования;

7.2 это также не означает, что рассказы о снах, не относящиеся к иномирным и «собственно вещим», не могут быть отнесены к фольклору. Такое утверждение неприемлемо не только в силу огромного разнообразия рассказываемых сновидений, но и существования массы текстов переходного характера (как по критерию фольклорность / нефольклорность, так и по признаку принадлежности к иномирным и «собственно вещим» снам).

Это, однако, не отрицает важности выделения указанных типов рассказов: судя по известным нам текстам, основные признаки фольклорности, на которые мы указывали во второй главе данного исследования, присущи именно этим группам. «Неиномирные» и «невещие» рассказы о снах, несмотря на все оговорки, наиболее близки к семиотическим типам разовых текстов и текстов-молвы.

8. Организация повествования, описанная нами выше как имманентная именно текстам об иномирных снах, в действительности имеет несколько более широкий характер: многие ее черты свойственны и рассказам о так называемом «индивидуальном визионерском опыте» (обмираниям / видениям). Сопоставлению этих групп текстов с рассказами об иномирных сновидениях (в основном, на логико-семантическом и мотивно-образном уровнях) и посвящена следующая глава нашего исследования.

Глава 4
Жанровая специфика рассказов об индивидуальном визионерском опыте

*О*бъектом исследования данной главы являются тексты, репрезентирующие так называемый «индивидуальный визионерский опыт»[120].

Цель этой части нашей работы – анализ жанровой специфики рассказов об иномирных сновидениях в синхронном сопоставлении с родственными для изучаемых текстов жанрами обмираний и видений. Учитывая выводы предыдущих глав, основное внимание мы сосредоточим на рассмотрении логико-семантического и мотивно-образного уровней анализа указанных групп текстов.

§ 1. Психофизиологические корреляты визионерских жанров: «“в теле” и “вне тела”»

Под обмираниями обычно понимается совокупность рассказов «о случаях летаргического сна, во время которого спящий общается со своими умершими родственниками на “их территории”, т.е. посещает “тот” свет» [Толстая 2002: 211]. Это определение С.М. Толстой, сформулированное исследовательницей в работе «Иномирное пространство сна», несколько скорректировано в ее более поздней статье «Обмирание»: «Обмирание, замирание – народное название *летаргического сна* (или *глубокого обморока*, иногда *обычного сна*), понимаемого как временная смерть, когда спящий (или его душа) перемещается на «тот свет», общается с обитателями загробного мира, а по пробуждении возвращается в реальную действительность»[121].

Обратим внимание на то, что второе определение отличается от первого, в основном, своеобразным расширением списка тех вероятных психофизиологических состояний, с которыми коррелируют в рассказах об обмираниях типичные мотивы анализируемых текстов (не только летаргия, но и обморок, обычный сон). Конкретизация этих состояний происходит обычно в той части рассказа, которую мы обозначили как Т2. Типичные мотивы, которые упоминаются С.М. Толстой в определениях данного жанра, эксплицируются в части Т1.

---

[120] См.: [Неклюдов, Христофорова 2002: 5].

[121] [Толстая 2004а: 462; курсив наш – Е.С.].

Включение С.М. Толстой в список психофизиологических коррелятов обмираний обычного сна далеко не случайно: как мы уже писали в первой главе, обмирания и рассказы об иномирных снах достаточно близки по своим основным мотивным составляющим. В текстах об обычных снах также может описываться и переход в инобытие, и общение с «обитателями загробного мира», и возвращение в «реальную действительность» и т.п.

Сопоставим в связи с этим еще несколько определений:

1. Обмирания – это рассказы «о посещении человеком или его душой того света в состоянии летаргического сна или обморока» [Лурье, Тарабукина 1994: 22].

2. Обмирание – «рассказ о том, как в состоянии *комы*, сновидения или необыкновенно глубокого сна человек посещает тот свет» [Уигзелл 2005: 349].

3. «Рассказы об обмирании включают в себя как традиционную версию о летаргическом сне, так и современный чисто городской вариант *о клинической смерти*[122], например, во время операции в больнице. Обязательный элемент обмирания – хождение души, временно попавшей на "тот" свет, по мукам <…> Другой обязательный элемент городских рассказов об обмирании – описание перехода души в иной мир <…>» [Левкиевская 1997: 810].

Таким образом, к списку психофизиологических коррелятов прибавляется еще два пункта – клиническая смерть и кома[123].

Названный список – следуя логике дефиниций, приведенных выше – может быть продолжен. Так, в нашем архиве есть записи текстов, в основе сюжета которых близкие уже названным мотивы посещения иного мира, контакта с его представителями и т.д. При этом в качестве упомянутых коррелятов этих рассказов информанты называют алкогольное или наркотическое опьянение[124], определенные техники

[122] Е.Е. Левкиевская анализирует в своей статье «московский православный текст», акцентируя внимание именно на городских рассказах.

[123] Заметим, что отождествление состояний комы и летаргического сна, которое присутствует в статье Ф. Уигзелл, не совсем корректно с физиологической и медицинской точек зрения [см.: Уигзелл 2005: 348], ср., напр.: [Медицинский словарь 1998: 440, 491].

[124] Ср., напр., рассказы, связанные с описанием действия кетамина (калипсола, кеталара) и «путешествиями» («trips»), вызываемыми данным веществом. В нашей коллекции есть несколько подобных текстов, записанных от так называемых «космонавтов» (т.е. людей, опытных в такого рода «путешествиях»). Эти тексты достаточно распространены в Интернете – см., напр.: http://www.narkotrip.ru, http://www.lycaeum.org/highru/drugs/trips/index.html.

аутотренинга, медитации, методики дыхания (ср., напр., известное в настоящее время «холотропное дыхание»[125]) и др. На сходство «потусторонних видений» и галлюцинаций, вызванных наркотиками, указывает, например, известный врач-реаниматолог В.А. Неговский [Неговский 1986: 188][126].

Близки в этом отношении к обмираниям и тексты рукописно-книжных видений. Показательно следующее замечание М.Л. Лурье и А.В. Тарабукиной: «Рассказы об обмираниях суть устно бытующие видения – жанр, известный еще древнейшим культурам и достигший своего апогея в средневековой Европе» [Лурье, Тарабукина 1994: 25].

Подобным образом характеризуются эти тексты и в монографии А.В. Пигина, посвященной жанру видений в русской рукописной книжности. Автор указывает, что «устные рассказы об “обмирании” лежат в основе многих книжных видений» [Пигин 2006: 7].

Материалы, на которых основывается А.В. Пигин в своем исследовании, также расширяют список состояний, коррелирующих с типичными иномирными мотивами. Кроме уже названных, видение может происходить, когда визионер находится «во иступлении»[127], особой разновидности сна – «тонком сне» – [Видение Акилины 2006: 264], а также – наяву, «*въяве*», когда визионер пребывает «одновременно в двух мирах, земном и потустороннем. Он видит домашних своих, окруживших его кровать, и в то же время претерпевает страшные муки в аду (Видение Ланшакова)» [Пигин 2006: 173–174].

Максимальное расширение круга текстов, в центре которых – блок мотивов о посещении иного мира, будет наблюдаться в том случае, если мы учтем рассказы о подобном визите в инобытие «живого человека во плоти» [там же: 4]. Нивелируя «фигуру достоверности»[128] / недостоверности, а также различие в отношении устной и книжно-письменной принадлежности, к указанному кругу текстов можно отнести, например, такие жанры и жанровые образования, как сказки, легенды,

[125] Активная поддержка этим рассказам осуществляется за счет массовых публикаций соответствующей литературы – [см., напр.: Гроф 2001a; Гроф 2001b; Гроф 2003] и мн. др.

[126] Ср. также [Хаксли 2006].

[127] Как отмечает А.В. Пигин, «”бысть во иступлении ума” – этикетная формула древнерусских текстов» и «является славянским эквивалентом греческого слова “экстаз”, обозначающим «выход за пределы разума и телесных ощущений» [Пигин 2006: 173], ср. также: [Ярхо 1989: 22].

[128] Данный термин по отношению к обмираниям используется Н.И. и С.М. Толстыми, см.: [Толстые 1995: 460].

былички (например, о похищении инопланетянами[129]), апокрифы[130] и различные «чудесные путешествия»[131] (в частности, известные в древнерусской литературе «Хождение Зосимы к рахманам», «Сказание отца нашего Агапия», рассказ о новгородцах в «Послании…» Василия Калики, Житие Макария Римского и др.[132]).

Такое расширение оправдывается, например, характерным для некоторых рассказов отсутствием различия «между странствием на небеса “в теле” и “вне тела” <…>» [Аверинцев 1997: 113].

Заметим, однако, что такой подход представляется достаточно общим и мало соответствует задачам исследования специфически жанровых черт анализируемых текстов[133].

Несомненно, что тексты разных жанров, связанных с тематикой инобытия, так или иначе соотносятся друг с другом: определенные мотивы становятся ясны только с учетом знания других (не обязательно выраженных в вербальной форме: например, большое значение имеет здесь иконография, иллюстрации рукописных сборников, лубок на сюжеты Страшного Суда[134]). В связи с поставленными задачами данный контекст будет привлекаться нами как дополнительный, – в основном, в тех случаях, если это будет способствовать анализу рассказов о визионерском опыте.

Подчеркнем, что целью этой части нашей работы не является реконструкция картины загробного мира (как она представлена в рассказах об иномирных снах). Иномирные мотивы будут анализироваться нами в той мере, в какой они проясняют жанровую природу изучаемых текстов и позволяют выявить их своеобразие по сравнению с ближайшими к ним (так сказать – родственными) визионерскими жанрами.

Таким образом, названные выше тексты, относящиеся к индивидуальному визионерскому опыту, возможно, с нашей точки зрения, представить как определенное метажанровое образование, объединен-

[129] См.: [Санаров 2005: 163–164 и сл.].

[130] См, например, главу «Иной мир апокрифической литературы» фундаментального исследования В.В. Милькова [Мильков 1999: 189–215], также – [Демин 1998: 703–729; Витковская, Витковский 2000].

[131] [Ярхо 1989: 21].

[132] См.: [Хождение Агапия в рай 1999; Успенский сб. 1971: 466–473; Успенский 2002; Житие Макария Римского; Шилов 1999; Салмина 1987; Панченко 1987; Рождественская 1987b; Ванеева 1989; Демин 1998: 729–731] и др.

[133] В качестве определенного результата подобного подхода можно указать на одну из глав монографии Н.А. Криничной, см.: [Криничная 2004: 920–998].

[134] См. об этом, напр.: [Цодикович 1995] (там же – библиография вопроса).

ное, с одной стороны, описанием синонимичных друг другу психофизиологических состояний, упоминаемых обычно в Т2, с другой – набором схожих мотивов, о которых рассказывается в Т1.

Это, в частности, означает что в дефинициях жанра обмирания не должно присутствовать однозначное соотнесение собственно «видения» (рассказываемого в части Т1) с тем упоминаемым обычно в части Т2 «патологическим состоянием», характеризующимся «более или менее выраженным ослаблением физических проявлений жизни, с обездвиженностью, значительным понижением обмена»[135], которое в медицине называется летаргией (летаргическим сном).

Скорее, данное состояние, с до сих пор четко не установленной этиологией[136], может коррелировать с рассказами «о самих событиях обмирания» (необычном сне – продолжительном, без внешних признаков жизни), которые, по мнению С.М. Толстой, следует отличать от рассказов о посещении «того» света во время этого состояния [см.: Толстая 1999а: 22].

Народный термин «обмирание» («замирание») однозначно соотносится с летаргией только при наличии в рассказе конкретных указаний на упомянутое состояние. Из этого следует, что для адекватного определения жанров обмирания / видения достаточно, на наш взгляд, указания на определенный (чаще – необычный) характер психофизиологического состояния визионера в момент получения «иномирной» информации (и в некоторых случаях – после этого получения[137]): не имеет значения какую конкретно – в физиологическом и медицинском смысле – природу и этиологию имеет данное состояние: связано ли оно с клинической смертью, летаргией, обмороком, расстройствами восприятия (галлюцинациями) и т.п.

Заметим, что термин «видение» («повиденье») используется иногда рассказчиками снов. Чаще всего он обозначает необычное, реалистичное («как наяву») сновидение, в котором может происходить контакт с умершими либо с сакральными / инфернальными персонажами. Нередко в таких текстах в пределах части Т2 описывается то или иное соотнесение сна с реальностью (выздоровление, болезнь, смерть визионера / его окружения, след, остающийся наяву после пробуждения).

---

[135] См.: [Петровский 1980: 65].

[136] См.: [там же].

[137] Ср., напр., присутствующий в некоторых текстах «мотив физической немощи» после видения [Пигин 2006: 176].

Ср., напр.: 1. «[Внучка сновидицы оказалась в реанимации] <…> Просили Бога, чтобы все обошлось, и на третий день, <…> сплю я и сплю, и снится как *видение*: черное-черное небо, огромное в тучах, да, и вот небо вот так раздвигается, и в этом черном небе появляется просвет, просвет, и оттуда как бы солнце светит <…> [последующее выздоровление внучки сновидица соотносит с увиденным]» (*ИТД*).

2. «И вот еще момент я вспомнила: незадолго [до смерти матери – Е.С.] мне приснился [сон], и склонилась женщина вот белая, причем у меня даже такое чувство, что [я] прикоснулась к ней рукой, белое забинтованное лицо я помню, забинтованное, белое, – какое-то вот такое *видение* <…>» (ТЛЛ).

Наблюдения над известными нам текстами показывает, что употребление информантами термина «видение», в принципе, не прикреплено к какой-либо конкретной группе текстов: весьма сходные по структурно-содержательным и прагматическим особенностям рассказы могут быть названы и видениями, и сновидениями[138].

В этом отношении термин «обмирание» более регламентирован. Но и здесь возможны вариации: важно то, что обмирание осознается «как временная смерть» [Толстая 2004а: 462], необычное психофизиологическое состояние человека (клиническая смерть, «английский», «крэпкий» сон[139] и т.п.), которое можно достаточно четко дифференцировать от сна обычного.

Подчеркнем, однако, что в любом случае указание в части Т2 на тот или иной психофизиологический коррелят нельзя считать жанрово определяющим: специфика жанра становится ясна в результате анализа различных уровней текста.

[138] Ср. замечание Ж. Ле Гоффа о «зыбкости границ» между visio и somnium (первое связывается с состоянием бодрствования, второе – сна) [Ле Гофф 2001: 324–325].

[139] См.: [Толстая 1999а: 22–23, тексты №№ 1, 6].

§ 2. Замечания о критерии «устный / письменный» при разграничении текстов видений и обмираний

Учитывая сказанное в предыдущем параграфе, можно, на наш взгляд, условно выделить три группы текстов, сопоставительному анализу которых и посвящена данная глава: *рассказы об иномирных снах, обмирания и видения.* Предваряя этот анализ, остановимся подробнее на одном из возможных критериев дифференциации двух последних из названных выше жанровых образований. Как мы уже упоминали, некоторые исследователи предлагают считать обмирания устной формой бытования рукописно-книжных видений. В то же время указывается на то, что устные рассказы об обмираниях «лежат в основе многих книжных видений»[140].

В целом соглашаясь с этим наблюдением, следует отметить следующее.

1. В текстах рукописного и рукописно-книжного характера в Т2 нередко содержатся описания необычного или болезненного сна[141], иногда маркируемого рассказчиками термином «обмирание». В этом отношении характерны указания исследователей на существование письменной традиции обмираний [Лурье, Тарабукина 1994: 25; Чередникова 2002].

2. Как уже упоминалось, термин «видение» может использоваться и применительно к устным рассказам о снах, галлюцинациях и т.п.

3. В части Т2 текстов, которые исследователи относят к снам-обмираниям или видениям, может манифестироваться описание обычного состояния сна. Ср., напр., в «Видении Пелагеи»: «Въ Чистый понедѣльник легла я спать. Уснувши, учутилась на мести незнакомъ…» [Видение Пелагеи 2006: 351], а также текст «сна-обмирания»: «Вижу во сне, что я на том свете…» [Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 4, ср.: там же, текст № 5] и т.д.

В дискурсе исследователей термины «видение» и «обмирание» иногда используются как синонимы[142]. Заметим также, что в текстах и обмираний и видений, могут присутствовать описания как состояния необычного сна, так и созерцания загробного мира. По этой причине

[140] См.: [Лурье, Тарабукина 1994: 25; Пигин 2006: 8], ср. также: [Гуревич А. 1990: 161–177].

[141] См., напр.: [Чередникова 2002; Видение девицы 2006; Видение Акилины в Казани 2006; Видение Клавдии Устюжаниной 2006].

[142] См., напр.: [Чередникова 2002: 230–231 и сл.; Пигин 2006: 8–10].

нельзя согласиться с мнением о том, что в обмираниях «акцент делается на переживании визионером состояния временной смерти», тогда как в текстах видений – «на созерцании им картин загробного мира»[143]. Данные акценты обычно приходятся на различные композиционные части рассказов (Т1 и Т2), и о доминировании в конкретных текстах какого-либо одного из этих описаний говорить достаточно сложно.

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о проблематичности разграничения этих групп текстов не только на различных уровнях анализа, но и в терминологическом плане.

Сложность дифференциации по критерию *устный / письменный* заключается в том, что данная оппозиция является «категорией не только языковой, но и культурной» [Бартминьский 2005: 383]. На обмирания и видения существенное влияние оказали как устная (фольклорная), так и письменная (рукописно-книжная, «ученая») традиции. Не случайно, что А.Я. Гуревич, рассматривая особенности соотнесения «устной и письменной культур» в западноевропейских видениях Средневековья, писал о том, что жесткое разграничение этих традиций «было бы нелепо и невозможно»: «Они находятся в постоянном взаимодействии и выступают в видениях в качестве целостного сплава» [Гуревич А. 1990: 175].

В этом отношении видения / обмирания в определенной степени сопоставимы с духовными стихами, которые также, будучи своеобразными медиаторами «между двумя мирами – миром христианского учения и миром традиционной народной культуры»[144], существуют как бы на пограничье этих двух традиций, бытуя и в устной и в письменной форме[145].

Кроме того, следует учитывать, что письменная форма текста совсем не означает обязательного доминирования интенции на религиозно-книжную культуру: ср., напр., «Феклушино виденье» [Чередникова 2002: 239–241]. Указанный рассказ, с нашей точки зрения, можно отнести к «переходным» текстам, ориентированным симультанно на устную и книжную традиции [ср.: Никитина 1982а: 426–427]. Об этом свидетельствует не только язык рукописи данного текста (принадлежащий явно малограмотному человеку), но и разноуровневые корре-

[143] Ср.: [Криничная 2005: 114].

[144] [Никитина 1993: 47].

[145] Подробнее об этом см.: [Никитина 1982а: 427]. Об особенностях соотнесения устного и письменного репертуаров духовных стихов на примере конкретных локальных традиций см.: [Никитина 1993: 45–56].

ляции, с одной стороны, с пересказом видения книжного характера[146], с другой – с вариантом устного обмирания, ориентированного на традиционно-фольклорную культуру[147].

Существование «переходных»[148] – по отношению к оппозиции устный / письменный – текстов осложняет разграничение обмираний и видений на основе этого критерия.

Отметим также, что цитируемые нами далее тексты рукописно-книжных видений далеко не едины в социальном, культурно-религиозном, региональном, историческом и др. планах[149]. Достаточно указать на то, что визионерами, рассказчиками и переписчиками данных рассказов являются священники, «старообрядцы разных согласий», крестьяне, жители городов и т.д.[150] Вместе с тем, приводимые рукописно-книжные рассказы о видениях потустороннего мира относятся к разным культурно-историческим эпохам (от XV до XX века), что также в значительной мере осложняет возможность рассматривать их как единую группу текстов, которую можно однозначно противопоставить устным обмираниям и сновидениям. Рассматривать эти тексты в общем ряду позволяет их единая «топика жанра» [Пигин 2006: 20] и, несмотря на значимые отличия, – единая религиозно-этическая основа.

В этом отношении известные нам рассказы об устных обмираниях и иномирных сновидениях более единообразны. Используемые в диссертации записи обмираний приходятся, в основном, на вторую половину XX века. Их рассказчики и визионеры соотносят себя большей частью с сельской культурой. Региональная приуроченность данных текстов также различна: Полесье, центральная часть России, Сибирь и т.д.[151]

---

[146] См.: [Успенский 1990: 31; Чередникова 2002: 229].

[147] См.: [Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 1; Чередникова 2002: 229].

[148] Переходных не в «субстанциональном» (т.е. апеллирующем к звуковой и графической «материи» текста), а в *культурном* смысле, – ср.: [Бартминьский 2005: 384; Никитина 1982а: 426], также – [Гаспаров 1978].

[149] В основном, мы опираемся на публикации текстов русских рукописно-книжных видений А.В. Пигина и Н.Н. Покровского [Пигин 2006: 238–367; Пигин 2003; Покровский 1999; Покровский 1997].

[150] См., напр.: [Пигин 2006: 161].

[151] Мы учитываем как опубликованные тексты устных обмираний, так и записи из архива автора. Из публикаций см., напр.: [Толстая 1999а; Лурье, Тарабукина 1994; Добровольская 1999; Тодорова-Пиргова 1999; ПЭС 1983: 70–71; Азбелев 1992: 341–355; Науменко 1998: 119–120; Никитина 2002; Паунова 2002].

Значительная часть (около 90%) рассказов о сновидениях, цитируемых в данном исследовании, записаны, как мы упоминали выше, на территории конкретного региона – Ульяновской области (от сельских и городских респондентов). Во временном плане данные рассказы соотносятся с периодом с 1993 по 2015 гг.

Все это, безусловно, необходимо иметь в виду при сопоставлении указанных текстов.

Обратим внимание, что в следующих параграфах мы описываем эти тексты *в синхронном ряду* и на достаточно конкретных – в основном, внутритекстовых – уровнях анализа. Это позволит, с одной стороны, рассмотреть данные группы рассказов, используя единую терминологию и ряд сопоставимых релевантных критериев, с другой – наглядно показать, как названные выше отличия (и схождения) реализуются в отдельных текстах (на разных уровнях).

Таким образом, перед нами не стоит задача исследования того, как происходит сложное диахроническое взаимодействие «устного / письменного» в трех анализируемых группах рассказов[152]. Однако следует учитывать, что многие дифференциальные признаки, по которым мы далее разграничиваем эти тексты, обусловлены именно этим взаимодействием: преимущественная ориентация на устную и / или книжно-религиозную культурные традиции накладывает свой отпечаток на языковой, структурно-содержательный и др. уровни текста, влияет на возможности филиации сюжетов и т.д.[153]

Анализу этих особенностей (в основном, на логико-семантическом и мотивно-образном уровнях) и будут посвящены следующие параграфы данной главы нашего исследования.

[152] Общие замечания о соотношении категорий «устное / письменное» на фольклорном и нефольклорном материале – см., напр.: [Гаспаров 1978; Бартминьский 2005: 382–392; Толстая 1989; Никитина 1993, 1982a, 1982b; Неклюдов 1994b, 1997, 1999] и др.

[153] См. подробнее об этом: [Пигин 2006: 8–10 и сл.; Ярхо 1989; Чередникова 2002: 238–239; Лурье, Тарабукина 1994: 25] и др.

§ 3. Специфика жанров: логико-семантический уровень анализа

Вероятное разграничение жанров рассказов об иномирных снах и обмираний / видений связано в первую очередь с доминированием тех или иных структурно-семантических составляющих в этих текстах, со спецификацией на уровне отдельных мотивов и логико-семантических отношений основных частей.

В этом параграфе мы сосредоточимся на последнем из названных уровней анализа (уровне взаимодействия акций / реакций основных персонажей).

С.М. Толстая, разграничивая рассказы о снах и обмирания, отмечает «назидательность» сцен загробной жизни, присущую текстам последней из названных жанровых групп. Дидактизм в обмираниях выражается через демонстрацию «посмертных мучений разных категорий грешников» [Толстая 2002: 212].

Данный признак действительно характерен для текстов рассматриваемых жанров[154]. Не случайно, что видения / обмирания (впрочем, как и рассказы об «обычных» снах о контакте с представителями ИМ) нередко присутствуют в текстах жанра exemplum – короткого повествования, выдаваемого «за правду» и предназначенного «для включения в речь (преимущественно в проповедь) с целью преподать слушателям душеспасительный урок» [Ле Гофф 2001: 130–133; 364].

А.Я. Гуревич указывает на некоторые мотивные отличия visiones и exempla: последние описывают контакт между мирами более «индивидуализированно» и «буднично», что, впрочем, не мешает этим группам текстов тесно взаимодействовать [см.: Гуревич 1989: 82–83 и сл.]. Очевидны отличия этих групп текстов и на прагматическом уровне, поскольку включение видений в проповедь меняет функциональные связи текста с внеположными ему системами [Гуревич 1989: 7 и др.]. Для нас, однако, важна сама *возможность* этого включения, свидетельствующего о близости основных смысловых интенций текстов типа visiones и exempla.

Exempla получили распространение преимущественно в Западной Европе [см.: Гуревич 1989]. В русской культуре подобные тексты

[154] Показательно в этом отношении и замечание Б.И. Ярхо о текстах рукописно-книжных видений: «Поучительная часть присуща видениям с самого раннего времени, она для средневекового человека *определяет весь смысл существования жанра*» [Ярхо 1989: 38; курсив наш – Е.С.].

также были хорошо известны. В этом отношении показательно, например, исследование О.А. Державиной, посвященное переводному сборнику “примеров” «Великое зерцало» и его «судьбам на русской почве» [Державина 1965]).

Тексты с похожими сюжетами и функциями часто встречаются в древнерусских рукописных нравоучительных сборниках и Синодиках – «сборниках кратких повестей о смерти и посмертном существовании души», являющихся «квинтэссенцией эсхатологических представлений древнерусских книжников о <…> потустороннем мире» [Дергачева 2004: 147 и сл.][155].

Как мы указывали ранее, определенный дидактизм нередок и в рассказах о снах: ср., например, рассмотренные нами выше тексты снов с ЦА указания на нарушение. На наш взгляд, основное отличие обмираний / видений от рассказов об иномирных сновидениях заключается не в наличии / отсутствии дидактизма, а в том, как именно реализуется эта интенция в текстах данных жанров.

Сопоставим, например, следующие два рассказа:

1. [**рассказ о сне]** Инф.: «Я была, видала сон: хожу, хожу как по кладбищам <…>, и везде всё загорожено, и сидят все мертвецы, все сидят вот в этих своих загородках. [Встречает умершего соседа]. <…> А он [сосед] говорит: “Нагородили еще клетков здеся, зачем, грит, этих вот клетков нагородили, мы сами сидим вот все в клетках”. Соб.: “Это вот на кладбище оградки?” Инф.: “Да-да-да, здесь же ограды делают щас все, – бывало, не было <...> никаких оград, а щас всё – на какую красоту или чаво ли – не знай”…» (*ЕАН*).

2. [**рассказ об обмирании**] – [Обмирает некая женщина по имени Фекла; во сне ее переводит по «ниточке» через реку «Ягорий»] Перешла через реку и спрашивает: “А что это тута барыхмаются?” – “А это, – говорит, – которые грешные люди, – говорит, – тута барыхмаются они в воде”. Потом идет этакая Фекла мимо – качаются так. “А чего ж это-то качается?” – “А это, – говорит, – собирашки”, – Ягорий говорит. Потом <…> обвивши кругом змии. И в груди сосуть, две змеи. “Это за что?” – “А это блудницы”, – говорит <…>» [Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 2].

Назидательность приведенных рассказов обусловлена фактом нарушения (N): центральная акция иномирного персонажа направлена на то, чтобы тем или иным способом указать на данное нарушение и в итоге его исправить. Однако нельзя не заметить, что способы пред-

[155] См. также: [Пигин 2006: 16; Державина 1965: 122–123].

ставления этого указания *различны*. В тексте № 1 сновидцу демонстрируют то, как в инобытии отражается действие N, произведенное либо самим визионером, либо его окружением. В этом примере актуально именно последнее, поскольку ограды на могилах ставят односельчане рассказчика. Более часто в рассказах о снах говорится о нарушении самого сновидца. Типичная реакция сновидца в текстах с данной ЦА – исправление нарушения[156].

Напр., ср. окончание текста № 1: «… У меня у Геноньки [погибшего сына информантки – Е.С.] нет ограды, и [я] не стану ставить. Он мне сказал: "Мама, если чё – никогда ограды [мне] не ставь", а я говорю: "Умру, Генка, мне никакой ограды мне не надо…"» (*ЕАН*).

В результате этого своеобразного взаимодействия приснившегося и реальной ситуации, устанавливается регулятивное правило: «Нельзя ставить ограду на могиле» (ср. формулировку, которую мы уже приводили выше, – «Не делай N»). При этом данное регулятивное правило сопрягается с конститутивным: N с позиции НМ считается N с позиции ИМ (постановка ограды считается заключением покойника на «том» свете в некую клетку)[157].

Упомянутое сопряжение правил рождает особый дидактизм рассказов о снах, основанный на непосредственной зависимости условий экзистенции персонажей ИМ от поступков представителей нашего мира (чаще всего – нарушений различных правил) и возможности изменить (resp. улучшить) эти условия путем ликвидации нарушения либо благодаря другим действиям визионера / его окружения.

В тексте № 2 – рассказе об обмирании (типичном по набору мотивов для этого жанра) – дидактическая интенция проявляется несколько иначе. Авторы нарушения в этом тексте – сами обитатели инобытия, которое было совершено ими, когда они, условно говоря, пребывали в другом «бытийном статусе», т.е. являлись представителями нашего мира. Принципиально важно здесь то, что показываемая иномирная ситуация напрямую не обусловлена провоцирующими действиями обмершего или его окружения. Иначе говоря, в обмираниях условия существования (блаженство / мучения и т.п.) и сама экзистенция персонажей ИМ обычно не зависят от того или иного действия / совокупности действий (N и ликвидации N) визионера и его окружения. Из этого следует, что демонстрация картин ИМ визионеру не подразумевает ликвидации того провоцирующего действия, которое детерминирует показываемую ситуацию (конкретного нарушения мучающихся).

[156] В предыдущей главе мы подробно анализировали тексты с указанными ЦА.

[157] Ср.: [Серль 1986].

Заметим, однако, что последнее утверждение релевантно не для всех текстов видений / обмираний. Например, в отдельных рассказах описывается попытка визионера избавить персонажей ИМ от «мук» в пределах части Т1 (см., напр.: [Видение Веры 2006: 359]), что, как правило, ему не удается сделать[158]. Кроме того, в некоторых видениях / обмираниях эксплицируются представления о возможности улучшить загробную участь обитателей ИМ определенными действиями, описываемыми в Т2. В рукописно-книжных видениях / обмираниях чаще всего говорится о пользе молитвы и правильного поминовения (неправильное – например, поминовение водкой, расценивается как нарушение [Видение Веры 2006]).

В устных обмираниях могут описываться своеобразные алгоритмы улучшения загробной участи обитателей ИМ. Так, для того, чтобы «приспанные детки» могли быть вместе с остальными детьми, «надо, штоб атец три кладки паклал на быстрай речки, дак яно буде пэрэхадить к этим деткам и будуть ўместе» [Толстая 1999а: 23, текст № 7].

Подчеркнем, что подобные мотивы актуализируются, в основном, в тех случаях, когда улучшение условий экзистенции персонажей ИМ так или иначе связано с нарушениями представителей нашего мира (ср. «приспанные» дети, неправильное поминовение и т.п.).

Такие тексты наиболее близки к рассказам об иномирных снах с ЦА указания на N. Экспликация пользы молитвы, «облегчающей» участь покойников и прямо не связанной с самим визионером и его окружением, – специфическая черта рукописно-книжных видений / обмираний, в меньшей степени характерная для устных обмираний и иномирных снов[159].

Вообще, как отмечают исследователи, идея «заступничества живых за мертвых» оформлялась постепенно, отталкиваясь от «традиции языческой» [Арьес 1992: 153]. В Западной Европе эти представления во многом благодаря Григорию Великому оказались прочно связаны с концептом purgatorium (чистилища) [там же: 157]. В православной

[158] См., напр., текст обмирания: [Лурье, Тарабукина 1994: 24]. Ср. аналогичное наблюдение в отношении рассказов о снах – [Разумова 2001: 101]. Ср. также известный легендарно-сказочный сюжет о луковке, которую визионер пытается использовать для спасения мучающегося [СУС 1979, 804; Азбелев 1992: 354] и соответствующие апокрифические сюжеты: [Хождение Богородицы по мукам 1999; Слово о видении апостола Павла 1999].

[159] См., напр.: [Видение Макария 2006; Видение Акилины в Казани 2006; Видение Веры 2006; Чередникова 2002: 232].

догматике при отрицании самой идеи чистилища, акцентируется внимание на ходатайство «земной и небесной церкви» [Пигин 2006: 199].

Видения, предоставляющие возможность полноценной коммуникации (с обратной связью между мирами), сообщают о значимости «обоюдных» молитв: «Всѣ отшедшие въ жизнь вѣчную единогласно просили, чтобы, живущие на землѣ, молились за нихъ, говоря: “Ваша молитва намъ помогает, а наша – вамъ”» [Видение Акилины в Казани 2006: 351].

Несмотря на названные выше исключения, большинство текстов видений и обмираний ограничиваются демонстрацией последствий нарушений самих умерших (их наказаний), а также – «блаженства» праведников[160]. Конкретизация в описании «блаженств» более характерна для рукописно-книжных текстов, подробный перечень «мучений» – для рассказов, ориентированных как на устную, так и религиозно-книжную традиции.

Таким образом, в отличие от иномирных сновидений дидактическая интенция большинства видений / обмираний имеет опосредованный характер: регулятивное правило «не делай N» устанавливается не благодаря конститутивному соотношению «N с позиции НМ считается N с позиции ИМ», а путем достаточно тривиальной каузальной корреляции: «H[161] вследствие N». Наиболее дифференцированно это проявляется при описании ада: за определенный грех (N) следует конкретное наказание (H): например, блудницы караются присосавшимися змеями, женщины, сделавшие аборт, вынуждены месить кровавое мясо и т.п. [см.: Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 2; Толстая 2004а: 463]) и мн. др.

Выстраивается следующая цепочка «высказываний», основанная на простейшем законе логического следования:

«H вследствие N» – «Не делай N» → «Не будет H» или: «Будет не-H».

Другими словами, как и в рассказах об иномирных сновидениях с ЦА указания на нарушение, общий смысл центральных акций обмираний и видений потустороннего мира связан с ликвидацией на-

[160] См., напр., тексты видений и обмираний, опубликованные в кн. А.В. Пигина: [Пигин 2006: 239–367], работах: Б.И. Ярхо – [Ярхо 1989], А. Шашкова [Шашков 2002], С.М. Толстой [Толстая 1999а; 2004а], В.Е. Добровольской [Добровольская 1999] и др.

[161] Символом **H** мы обозначаем здесь наказание, различные типы показываемых визионеру мучений.

рушений визионера (vs его окружения). Однако указание на эти нарушения, которые могут носить и потенциальный характер (отнесены в вероятное будущее), происходит через демонстрацию наказаний (плохих условий экзистенции) персонажей инобытия, т.е. *опосредованно*.

Ликвидация нарушений в результате увиденного в ИМ может описываться как общее изменение позиции визионера к собственным действиям (шире – образу жизни, поведению и т.п.), а также к поступкам своего окружения[162].

Ср., например, следующие тексты:

1. «[Во время обмирания мужчина видит своих умерших отца и мать. Отец при жизни был «пьянь и рвань», мать – «набожена»] Мамонька <…> вся в цветочках, в птичках райских, а папаня весь в грязи да в жиже навозной <…>. Ну, мы все посмеялися, что он там [в «необычном сне»] видал, а его [обмиравшего] *как подменило – пить бросил, как больной. И все в церкву бегат, свечки ставит* <…>» [Добровольская 1999: 24; курсив наш – Е.С.].

2. «[Обмирающую женщину на «том свете» водила «за руку» ее умершая мать, «всё казала везде»] А вот *шибко оне [после обмирания] молилися, все праздники признавали оне*» [там же; курсив наш – Е.С.].

Ср. также характерное окончание одного из видений, относящегося к рукописно-книжной традиции: визионер и его окружение после видения меняют не только общий характер своего поведения, но и «веру»: «[Обмиравшая] стала просить свою матушку, чтобы вскоре принять веру христианскую[163] <…> Потом, прошедши полтора года, [матушка] посхимилась, а я [т.е. визионер] постриглась <…>. И через сие видение многия покрещеванцы городовые и окрестныя и прочия познали и взошли с радостию в веру христианскую» [Видение девицы 2006: 286–287].

Таким образом, в приведенных рассказах значимы не столько сами картины мучений / блаженств, демонстрируемые сновидцу, сколько то, что стоит за ними и связано с ними каузальной связью (т.е. вероятные нарушения / их отсутствие). Не случайно, как указывают исследователи, одним из «совершенно обязательных» признаков текстов видений

[162] Ср., напр., замечание А.Я. Гуревича, основанное на исследовании западноевропейских видений: «Реанимация сопровождается коренным переломом в жизни человека, он обращается на путь истины, уходит в монахи, раздает имущество бедным…» [Гуревич 1981: 230].

[163] Обмиравшая «девица» и ее мать до видения относились к староверам, так что речь в тексте идет о принятии официального православия.

является «вопросно-ответная форма организации повествования»: визионер «вопрошает – “вож” (проводник) дает разъяснения»[164], тем самым устанавливая упомянутую каузальную связь: «грех→наказание» или – «отсутствие греха (соблюдение определенных правил)→ ненаказание [«блаженство»]» (т.е. N→H или не-N→ не-H).

Вопросно-ответный принцип («Кому який грих за шчо…») соблюдается и в большинстве известных нам устных рассказов об обмираниях[165]. Одна из возможных параллелей указанной повествовательной организации – тексты переводных древнерусских апокрифов, сюжет которых в значительной мере основан на том же принципе[166].

Функцию объяснения увиденного не всегда выполняет проводник: иногда это делают сами «мучающиеся» или «блаженствующие»[167], однако эта синонимия функций существенно не влияет на общий смысл ЦА. Момент установления визионером каузальной связи между нарушением и наказанием (а также – между их коррелятами с обратными знаками) есть пуант текста, откровение, которое воспринимать получает в видении (в пределах части T1).

Некоторые тексты обмираний / видений ограничиваются только указанием на полученное откровение. Ср., например: «<…> *Тольки праведный можэ обмирать*[168]. Водна жонка обмёрла, так три дня спала. Вона рассказывала, што её святые водили по раю и по пэклу. И она бачила, як кого наказывают. И самый великий грех – за колдунство, а потом жонкам за аборты» [Толстая 1999а: 23, текст № 8; курсив наш – Е.С.].

В приведенном примере нет интенции «обнулить» нарушения самого визионера, о чем, в частности, свидетельствует фраза, выделенная нами курсивом (праведность визионера), т.е., на первый взгляд, можно считать, что в данном тексте сделан акцент на *информировании* об инобытии (подобно тому, как это наблюдается в рассказах о снах с ЦА информирования). Именно к таким текстам применимо

[164] [Грибанов 1989: 73], также – [Пигин 2006: 177].

[165] См., напр.: [Толстая 1999а: 22–23, тексты №№ 3, 4, 6, 7, 8; Лурье, Тарабукина 1994: 25–26, тексты №№ 1–4; Добровольская 1999: 24; ПЭС 1983: 70–71; Азбелев 1992: 341–355] и др.

[166] Наиболее известные из них: [Хождение Богородицы по мукам 1999; Слово о видении апостола Павла 1999], ср. также: [Откровение Варуха 1999; Видение Исайи 1999] и др.

[167] См., напр., текст, приведенный в ст. С.М. Толстой [Толстая 2002: 213–215].

[168] Сопоставьте с противоположной по смыслу экспозицией одного из обмираний: «Жинка была *грешная* <…> [Она] обмэрла…» [Толстая 1999а: 22, текст № 3; курсив наш – Е.С.].

следующее замечание Н.И. Прокофьева: рассказчик, «удостоившийся якобы воочию созерцать» видение, «должен отличаться от обычных людей своей “праведностью” и способностью “прозрения”»[169]. Однако процитированные нами ранее примеры показывают, что это наблюдение релевантно далеко не для всех текстов[170].

Вместе с тем, утверждаемая в некоторых рассказах праведность визионера не означает отсутствия в тексте интенции ликвидировать нарушения персонажей нашего мира: данная интенция в таких случаях может быть адресована окружению визионера. Показательно, что Н.И. Прокофьев, анализируя тексты подобного типа, относит к числу «постоянных» и «довольно устойчивых структурных частей» видений «приказание о проповеди среди народа» полученного откровения [см.: Прокофьев 1964: 40].

Типичные примеры таких рассказов приводит в своей статье А. Шашков. Ср. окончание одного из этих видений: «[Явившаяся визионеру Богородица велела передать людям] чтоб православные крестьяне в вере Христове бы матерною лаею не бранились» [Шашков 2002: 101][171]. Однако, как справедливо отмечает А.В. Пигин, «во многих текстах <…> не только нет никакого “приказания о проповеди”, но более того – полное разглашение увиденного запрещено[172] <…>, а визионер стремится порой уклониться от общения с миром, остаться наедине с собой» [Пигин 2006: 202–203].

Как мы указывали выше, это изменение «тайнозрителя» после видения также подтверждает доминирование в данных рассказах интенции на ликвидацию N: сама перемена визионера во многом детерминирована упомянутым откровением. Из сказанного следует, что о преобладании в текстах обмираний / видений интенции на инфор-

[169] [Прокофьев 1967: 37], см. также: [Прокофьев 1964: 40]

[170] См., напр.: [Видения Ланшакова 2006; Видение Пелагеи 2006], видения из Повести Никодима [Повесть Никодима 2006] и др., в которых визионер совсем «не праведен», «не благочестив» [ср. Прокофьев 1964: 40]. Более того, тайнозритель сам может подвергнуться в видении «страшным мукам» ада: [Видения Ланшакова 2006: 309–314].

[171] Ср. также [Видения Ланшакова 2006: 315].

[172] Данный мотив весьма характерен и для текстов обмираний – см.: [Толстые 1995: 458–459; Толстая 1999а: тексты №№ 1, 2, 4, 5; Лурье, Тарабукина 1994: 24] и др. Присутствует этот мотив и в апокрифах: [Сказание отца нашего Агапия 1971: 471]; заметим, что Л.Н. Смольникова в своем переводе «Хождения Агапия…» (по другому списку) предлагает трактовать строки с этим мотивом несколько иначе, – см.: [Мильков 1999: 644].

мирование об ИМ можно говорить, в основном, только в том случае, если, во-первых, модель откровения рассказа построена не на каузальных отношениях: N→H (не-N→не-H), во-вторых, в тексте не делается акцента на нарушениях визионера либо утверждается, что воспринимать – праведник.

Рассказы об обмираниях, для которых названные условия были бы релевантны, встречаются редко. Обычно в таких текстах описывается «рай», условия экзистенции в котором никак не мотивированы. При этом данное описание имеет самый общий характер (например: «…как там красиво, хорошо»[173]), а религиозно-этическая оценка визионера отсутствует.

Рукописно-книжные видения загробного мира в этом отношении несколько более разнообразны. Но и среди них тексты, в которых демонстрируемые (описываемые) «тайнозрителю» картины ИМ так или иначе не были бы связаны с нарушениями / наказаниями (и / или с их обратными коррелятами), а сам визионер при этом никак бы с N не соотносился, – также редки. Более того: по нашим наблюдениям, видения, подчиняющиеся названным условиям, обычно не самостоятельны и входят в топику текстов других жанров – агиографического или апокрифического характера[174]. Отметим, что, например, для агиографических текстов манифестация святого или монаха как праведника, «ангелоподобного» («imitatio angeli») является «общим местом» – ср.: [Руди 2003; Ле Гофф 2001: 146]. Не случайно, что показ / описание рая в самостоятельных видениях почти всегда сопровождается демонстрацией ада, но не наоборот: рассказы, в которых манифестируются только мучения ада, не являются чем-то необычным[175].

Это означает, что манифестация хорошего мира в видениях / обмираниях, в основном, также коррелирует с указанной моделью откровения – с прибавлением к последней обратной направленности. Таким образом, в этой парадигме пребывание в раю осмысливается как логическое следствие соблюдения определенных религиозно-этических правил (негреха, ненарушения). Учитывая сказанное, можно утвер-

[173] [Толстая 1999а: 22, текст № 2].

[174] См., напр.: [Житие Антония Печерского 2004: 83; Житие Феодосия Печерского 2004: 149; Житие Варлаама Хутынского 2004: 219; Демин 1998: 695–728; Мильков 1999: 189–215; Рождественская 2004; Житие Андрея Юродивого; Творогов 1987; Рыжова 2005].

[175] Ср., напр.: обмирания – [Добровольская 1999: 24; Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 2]; видения – [Видение инока 2006; Видение некоей женщины 2006] и др.

ждать, что доминирование интенции информирования об ИМ (имманентной определенной группе текстов о снах с ЦА информирования) для обмираний / видений, в целом, не свойственно[176].

Кроме того, как мы уже писали выше, большое значение для текстов обмираний / видений имеет мотив изменения судьбы, морального облика, образа жизни и т.п. визионера после откровения. Важность указанного мотива подтверждается, например, сопоставлением текстовых вариантов одного сюжета. Так, широко известное и до сих пор активно функционирующее (в том числе – в Интернете) «Видение Клавдии Устюжаниной» в разных текстовых вариантах неодинаково описывает тот образ жизни или моральные качества визионера, которые были присущи Клавдии до видения.

В варианте, опубликованном А.В. Пигиным, заметный акцент делается на самом видении, на том откровении, которого «удостаивается» визионер во время клинической смерти. В то же время в рассказе описывается и определенное изменение самой тайнозрительницы – усилившейся веры в Бога («Я приведу факты, свидетельствующие, что Бог есть…» [Видение Клавдии 2006: 366]. В заключительной части рассказа эксплицируется типичный мотив проповеди: «Хотелось бы спросить безбожников…» и т.д. [там же]). При этом упоминание о возможных нарушениях самой рассказчицы находятся на периферии сюжета текста, в той или иной степени редуцированы (ср.: «Меня волнует лишь одно, что я, имея разум, могла жить неразумно и не верить в бытие Бога» [там же: 365]).

В других вариантах мотив изменения морального облика визионера занимает одно из центральных мест: нарушения «тайнозрительницы» нарочито выделяются – с тем, чтобы подчеркнуть их «обнуление» после видения. Показательно то, что рассказчики и переписчики данного текста акцентируют на упомянутом мотиве особое внимание. Иногда это даже служит предметом заочного спора различных интерпретаторов сюжета. Так, если в одном варианте Клавдия (до видения) предстает как «безбожница», «страшно хулившая Бога», «мертвая в

[176]Показательно, например, что в одной из самых репрезентативных публикаций рукописно-книжных видений потустороннего мира, представленной в монографии А.В. Пигина, сюжеты всех текстов так или иначе соотносятся с моделью N→H. [см.: Пигин 2006: 238–367]. То же – за редкими исключениями – можно сказать и об известных нам публикациях устных обмираний, ссылки на которые приведены выше.

духе» и «омраченная дьявольскою прелестью»[177], то в другом о ней сообщается следующее: «Родилась раба Божия Клавдия в семье благочестивых родителей[178] в селе Ярки Новосибирской области в 1919 году <…> Хотя Клавдия в Бога не верила, но *не была Его непримиримой противницей*. Иногда она заходила в церковь, ставила свечи за упокой. Поначалу путалась, записывала на панихиду имена живых и мертвых. Также иногда молилась за упокой ближних и в домашней молитве <…> *Ложью является и то, что она без конца пьянствовала и вообще вела разгульный образ жизни*...» [Воскрешение Клавдии; курсив наш – Е.С.].

Подчеркнем, что, несмотря на различную степень эксплицитности анализируемого мотива, в любом случае важнейшей смысловой доминантой рассказов об обмираниях и «загробных» видениях является откровение по модели: N→H (не-N→не-H), так или иначе связанное с общей целью – ликвидировать N.

Итак, основное отличие этих групп рассказов (на анализируемом нами уровне) связано с тем, как именно оформляется указание на N в рассматриваемых повествованиях. Следует отметить, что критерий имплицитности / эксплицитности (в том смысле, в каком мы использовали его при анализе ЦА рассказов о снах) к центральным акциям обмираний и видений применим в меньшей степени. Увиденное в инобытии обычно «декодируется» не путем соотнесения с частью T2, а оформляется благодаря типичной для данных текстов вопросно-ответной организации сюжета: визионер спрашивает, персонаж-проводник отвечает (в пределах части T1).

Изредка в рассматриваемых текстах встречаются картины, которые остаются не объясненными визионеру.

Например: «… И подвели меня к самому рву, по краям которого обвешенна была цепь. На ней множество народа висело. Руки их заклепанны замками, а лица так почернели, что едва можно было рассмотреть. *Надобно было спросить об них, да мне не до того было…*» [Видение Пелагеи 1993: 60–61; курсив наш – Е.С.].

Такое отсутствие интерпретации (привычного вопроса визионера к проводнику: «Что ето такое?»[179] и – соответствующего комментария

[177] [Чудо воскрешения Клавдии Устюжаниной].

[178] Данный мотив несомненно апеллирует к агиографическим повествовательным стереотипам, ср., напр.: «Преподобный отец наш Варлаам родился в Великом Новгороде от благочестивых и богатых родителей…» [Житие Варлаама Хутынского 2004: 211].

[179] [Видение Пелагеи 1993: 59].

«вожа») выглядит тем более заметно, что в отношении других мук и блаженств визионер объяснение получает. Однако в этом случае об имплицитном характере указания на нарушение говорить, на наш взгляд, нельзя, поскольку, в отличие от рассказов об иномирных снах, такое указание не направлено на раскрытие («осознание») скрытого смысла в части T2. Это означает, что не объясненное указание имеет не имплицитный, а неопределенный характер: функция этой детали – в своеобразном «оживлении» текста, наделении его большей достоверностью. Существенного влияния на общий смысл ЦА этот мотив не оказывает.

Обратим внимание, что мы описываем здесь только доминирующие тенденции, наблюдаемые в исследуемых текстах, а не жесткие закономерности. Так, С.М. Толстая в одной из своих работ приводит замечательный полесский вариант обмирания, в котором объединяются обе смысловые интенции, характерные как для иномирных сновидений, так и для рассказов об обмираниях / видениях. Данный текст, несмотря на свою некоторую исключительность[180], подтверждает мысль о прозрачности межжанровых границ разбираемых групп текстов.

Ср.: «Обмирала, трое суток спала, не вставала. Отец [умерший] ее водил по тому свету через 12 дверей. Отворяет двери, а там женщины стоят раком и блюют молоком – это те ведьмы, что молоко тянули; в других дверях женщины солому крутят – те, что завитки [пучок скрученных или сломленных с целью наведения порчи колосьев] робили. <…> Дальше – женщины мясо месят, все в крови. Так это тые, что детей поскидывали. <…> Дальше – все вечерают. *А Вася [убитый на фронте] не вечерает. Он говорит: “Мне вечерать не дали”. Дак я ему дала* [т.е., вероятно, помянула – Е.С.], *и больше он мне не снился* <…>» [Толстая 1999а: 23, текст № 7; курсив наш – Е.С.].

В приведенном рассказе типичная для обмираний / видений вопросно-ответная организация текста, связанная с перечнем наказаний / нарушений (N→H), сопрягается со свойственной иномирным снам акцией указания на N, имеющей имплицитный характер («Мне вечерать не дали»). Существование таких текстов показывает, что установленные нами отличия между визионерскими текстами (на логико-семантическом уровне) не всегда позволяют использовать их в качестве однозначных критериев жанровой дифференциации: возможны случаи пересечения, редукции и т.п.

[180] Отсутствие «репрезентативных подборок текстов» об обмираниях [Толстая 2003: 464] не позволяет говорить о каких-либо статистических данных в отношении частотности подобных текстов. Однако в учитываемых нами текстах соединение указанных смысловых интенций встречается весьма редко.

Таким образом, можно утверждать, что доминирование в рассказах об обмираниях и видениях основной смысловой интенции, связанной с каузальной парой нарушение / наказание, в общем, объясняет особый дидактизм этих рассказов.

Однако констатация в данных текстах *только этой* смысловой интенции значительно обедняет их реальное содержание. Откровение N→H (или: не-N→не-H) при его несомненном доминировании в логико-семантических отношениях текста – лишь часть того знания, которое может получить тайнозритель в видении / обмирании.

Конечно, существуют рассказы, целиком основанные на этой модели[181]. Но для большинства текстов важным является и само описание ИМ как локуса с особыми признаками, топографией и т.д. Благодаря откровению не только подтверждаются и устанавливаются определенные правила (регулятивные и конститутивные), но и эксплицируется некая совокупность сведений об инобытии, жестко не связанная с нарушениями или не-нарушениями представителей НМ и ИМ. Это означает присутствие в большинстве текстов обмираний / видений, наряду с доминирующей дидактической, зависимой гносеологической интенции (их разделение – в общем, условность, оправданная необходимостью описать организацию смысловых отношений в этих текстах)[182].

То, как эксплицируется гносеологическая интенция в том или ином тексте, на уровне принятых нами логико-семантических конвенций описать достаточно сложно. Для того чтобы устранить этот пробел, необходимо обратиться к уровню анализа основных образов-мотивов исследуемых рассказов. Сопоставление текстов исследуемых жанров на указанном уровне позволит более целостно представить их жанровую специфику, учесть те нюансы, которыми можно было пренебречь при рассмотрении уровня взаимодействия акций / реакций основных персонажей рассказа.

Добавим, что доминирование дидактики (интенции «обнулить» возможные нарушения визионера и его окружения) не означает обязательного отсутствия в текстах обмираний / видений других возможных интенций, которые были рассмотрены нами в 3–ей главе этой работы

[181] Ср., напр., тексты обмираний [Лурье, Тарабукина 1994: 26, тексты №№ 2, 3; Толстая 1999а: 22–23, тексты № 3, 8] и видений - [Видение инока 2006; Видение некоего выговца 2006; Видение некоей женщины 2006] и др.

[182] Наше понимание соотнесения названных интенций коррелирует с выводами А.Б. Грибанова относительно этического и космогонического «планов» в текстах западноевропейских и арабских видений, см.: [Грибанов 1989: 73].

(на материале иномирных сновидений): информирования, предупреждения, просьбы и т.д. Так, например, в «Видении Евдокии»[183], помимо типичного показа «мучений грешников» и приказа о проповеди, визионер также получает информацию о ближайшем будущем: «Было рѣшено, дабы гладъ опустошал землю…» [Видение Евдокии 2006: 291]. В этом же тексте восприниматель выступает в роли медиатора, передавая повеление (=усиленной просьбе) о необходимости построить церковь «во имя св. Макария». Однако оба этих мотива подчинены интенции ликвидировать нарушение, поскольку реализуются как часть мотива «проповеди среди народа». Ср.: «Сия казнь [т.е. упомянутый выше «гладъ» – Е.С.] будетъ послана для наказания сия страны за забытия моих [«Господа»] законов» [там же: 291]. «Повеление» построить церковь, передаваемое визионером, также сопровождается комментарием, апеллирующем к N: «Ты разрушилъ древний Алексѣевский монастырь, чтобы намѣсто его выстроить новую церковь, и тогда не посоветовался съ Господомъ» [там же: 293].

Итак, как мы указывали выше, дифференциация рассмотренных групп текстов на логико-семантическом уровне поддерживается и на уровне мотивно-образном, к рассмотрению которого мы приступим в следующем параграфе.

§ 4. Манифестация образов-мотивов хорошего и плохого миров в текстах визионерских жанров

Мы уже писали о том, что в текстах об иномирных снах основные акции блока проводничества могут быть представлены в двух формах – как показ и/или как описание инобытия. При этом мы указывали на то, что эти две формы имеют разную валентность: обычно описание (т.е. рассказ инобытийного персонажа об ИМ), в отличие от показа ИМ, не коррелирует с акциями перевода и выпроваживания.

Исследователи, изучавшие обмирания / видения, также пишут о необходимости различать видения потустороннего мира, в которых визионер созерцает инобытие сам (в «чувственных образах»[184]), от тех рассказов, в которых ИМ «описывается ему [визионеру] другим лицом»[185] [Пигин 2006: 4; Ярхо 1989: 21–22].

[183] См.: [Видение Евдокии 2006].

[184] [Ярхо 1989: 21].

[185] Ср. замечания С.М. Толстой, основанные, в частности, на анализе устных обмираний, о «*двояком способе*» контакта живых и мертвых [Толстая 2000: 18].

Признавая это отличие важным, необходимо заметить, что жестко разграничивать тексты по данному признаку, с нашей точки зрения, не следует, поскольку на мотивном уровне и уровне акций / реакций эти рассказы, в целом, весьма близки.

При сопоставлении, однако, мы в первую очередь будем учитывать те тексты о снах, в которых явно выражен мотив посещения инобытия. Рассказы, в которых ИМ описывается визионеру неким персонажем, будут учитываться нами в качестве дополнительного материала, – с указанием на присущие этим текстам типичные особенности (например, организации повествования на основе вопросно-ответной структуры).

Подчеркнем, что сопоставляемые группы текстов есть тексты инобытийные. Их рассмотрение на уровне образно-мотивном предполагает в первую очередь анализ того, как в этих рассказах манифестируется инобытие. По нашим наблюдениям, картины иного мира в текстах рассказов о снах и обмираний / видений, безусловно, близки. Однако существуют и значимые отличия, позволяющие говорить о жанровой специфике показываемых / описываемых картин ИМ. В рассматриваемых группах рассказов можно условно выделить показ / описание картин хорошего (хрИМ) и плохого (плИМ) миров. Иногда оба мира описываются в пределах одного рассказа.

Заметим, что дуальная классификация миров не охватывает все возможные способы манифестации ИМ – как в рассказах об иномирных сновидениях, так и в обмираниях / видениях. Существуют переходные и нейтральные по отношению к дуальной типологии миров способы описания / показа инобытия.

4.1. Описание хорошего иного мира: основные образы-мотивы

Одним из важнейших критериев, позволяющих дифференцировать образы-мотивы хрИМ и плИМ, является растительный код. Так, в рассказах о сновидениях описание хрИМ обычно эксплицируется как яркий, насыщенный красками пейзаж. Изображаемый в сновидениях локус в этом случае может получать такие номинации, как *поле, поляна, сад, огород, луг («лужок»), пастбище, долина, стадион, клумбы, также – лес, роща* и некот. др.

Заметим, что лексические значения этих слов так или иначе связаны с представлением об определенном участке земли, на котором

растут трава, деревья, цветы и т.д.[186] Это позволяет рассматривать упомянутые лексемы как своего рода синонимы, – тем более что описания данных локусов часто сопровождаются весьма схожими образами-мотивами яркого солнечного света; водоема (озера, ручья, реки, моря и т.д.); поющих птиц; оврага или горы (пещеры, холма и др.); некоего жилища и т.п.

Приведем ряд показательных фрагментов текстов сновидений: 1. «[После смерти своих сыновей рассказчица видит сон] Иду я по лугу и гляжу: вот как канавка какая, ну овражек, и ручеёк свежий-свежий бежит, течёт <…>» (*ЛМП*);

2. «[Рассказывает сон, в котором видит своего умершего отчима – Е.С.] Вот будто бы сколько народу среди цветов было, <…> а я вот стою на этих клумбах, а у них [умерших – Е.С.] как собрание какое <…>» (*РКБ*).

3. «Вот один из снов, который приснился мне лично, когда умер мой дедушка: я видела очень незнакомое место. Это была зеленая поляна, она была насыщена цветом. Трава, была будка, за этой будкой были деревья, и протекал ручей. <…> Я помню завалинку, на которой сидел мой дедушка. Он был в своей любимой рубашке и что-то, по-моему, шил. Сапоги, по-моему. Очень ярко светило солнце…» (*СКВ*).

В отдельных текстах обобщенные номинации, использующиеся при описании хорошего инобытия, могут конкретизироваться, – например, благодаря упоминанию наименований родов растений. Так, в известных нам рассказах в качестве составляющих иномирного пейзажа называются яблони, маки, щавель, розы, тюльпаны, васильки, виктория и др. Ср., напр.: 1. «И вот вижу во сне: она [“Варя”, умершая соседка – Е.С.] несет ведра и в землянку. “Варя, – я ей говорю, – да я как хочу тебя видеть, как я давно... Как ты тут живешь?” – “Чего, – говорит, – я живу, вот... Я только заслужила дитям воду носить”. А у этой землянки вот так... другой выход, а там цветы – маки и зеленый лужок» [Трушкина 2002: 155].

2. «[Сновидец летает во сне над «раем»] <…> И полетел дальше по горам, – горы, долины… цветы, розы <…> В раю, я говорю, – розы, тюльпаны, – всё, – яблони цветут, – всё как жар горит…» (*ТВВ*).

Однако в большинстве известных нам рассказов об иномирных сновидениях манифестация хрИМ реализуется в обобщенных формулировках растительного кода, т.е. конкретные разновидности растений не называются. Важно также указание на яркость, насыщен-

[186] Ср. толкование этих лексем, напр.: [Ожегов, Шведова 1998; Даль 1998].

ность цветовой гаммы описываемого мира (чаще всего упоминаются зеленый и голубой, реже – светло-желтый цвета[187]). Именно этот признак – наряду с сюжетообразующим мотивом встречи с персонажем ИМ – придает особую эмоциональность наблюдаемой картине инобытия, оставляет у сновидца интенсивное впечатление от увиденного, что, по всей видимости, является одной из возможных причин самой вербализации сна.

В некоторых случаях рассказчик определяет эту интенсивность как не совсем естественную, не свойственную нашему миру. Это заставляет информантов производить своеобразную селекцию употребляемых лексем (особенно – качественных прилагательных), выбирая наиболее эмоциональные из них, способные приобщить слушателя к инобытию, заставить его «совидеть» сновидцу[188].

Ср.: 1. «…Сон приснился, когда было сорок дней [после смерти матери рассказчицы – Е.С.]: вижу необычный мир, – светло, солнечно, на деревьях – цветы, краски яркие, сочные. Увидела маму: она плыла по голубой-голубой речке (цвет даже *неестественный* какой-то) на лодке, – в белой рубахе… Ростом она была раза в два выше [чем в реальности – Е.С.], плыла и пела песни <…>» (*ЗИН*);

2. «[Рассказчица идет куда-то с некоей женщиной, выполняющей в данном тексте функцию проводника] Много лет прожито, но я такой неземной красоты не видела: во-первых, ручей течёт, так он течет, так он журчит, как будто кто сказку рассказывает, – слушал, слушал бы... Птицы там поют чудесные песни, сказочные песни – заслушаешься, деревца экзотические, – всякие. И цветовая гамма, такая цветовая гамма: золотисто-оранжевая, яркая, – зелень, *что в жизни, в природе такого нет*. И мы идём <…> вдоль этой… этого ручья в этой прекрасной природе» (*ИРП*).

Отметим, что хрИМ может описываться в рассказах о снах и без использования растительного кода. Например, в одном из текстов сновидец встречается с прогоняющим его из инобытия «дедушкой с ватной бородой»; при этом спящий оказывается «среди облаков <…>, были сплошные облака, воздушные и легкие…» (*РРР*).

[187] Любопытно, что основные из этих цветов актуальны для народной иконографии Страшного суда, см.: [Бернштам 2000: 185; Цодикович 1995: 71, 74].

[188] Подробнее о феномене «совидения» при рассказывании сновидений см. выше параграф о языковых особенностях нарративов о снах. Некоторые замечания об этом на материале другого визионерского жанра – видений – см. в работе А.В. Тарабукиной: [Тарабукина 2002: 264–265].

В отдельных текстах сновидений хороший ИМ представляет собой некое помещение (например, светлая комната, уютная изба, землянка), транспортное средство (например, корабль) или – очень редко – поселение (город, село).

В рассказах о снах может присутствовать также описание не только увиденного локуса, но и определенных внешних атрибутов персонажей инобытия. Это описание обитателей ИМ достаточно стереотипно: наиболее часто встречается упоминание о том, что представители инобытия одеты в одинаковую одежду (в наших текстах – белого, черного или серого цвета). В некоторых текстах говорится о необычном росте приснившегося персонажа ИМ[189], другой одежде (т.е. либо такой одежды покойник не носил, либо похоронили в другой), молодости увиденного во сне покойника (хотя похоронили в пожилом возрасте).

Иногда манифестация ИМ в рассказе сводится только к описанию внешнего вида персонажей: в этом случае однозначно отнести приснившийся ИМ к хорошему или плохому не всегда возможно.

Ср., напр.: 1.«[Умершая сестра ведет сновидицу за руку «на Луну»] И там видит, – и вот она, значит, наблюдает, что там ходят все *в белых светлых одеждах*… [далее следует рассказ о том, как сестра выпроваживает сновидицу из ИМ]» (*ЛГВ*);

2. «…Увидела [умершего] сына во сне: типа корабля, корабль, палуба, много детей, все они *в белых платьишках, рубашечках*» (*ВВН*);

3. «[Снится умерший дед] Он *в сером плаще*, – у него никогда такого не было, – серый плащ нараспашку, ремень сзади такой висит с пряжкой пластмассовый, в шляпе он *серой* (шляпу [он] носил, но не серую, – он черную носил)» (*ЛЕС*).

Несмотря на эти исключения, можно констатировать, что в исследуемых текстах растительный код при моделировании описания хрИМ доминирует.

Наблюдения над аналогичными описаниями рассказов об обмираниях / видениях показывают, в целом, близость того набора мотивов, которые разрабатывают тексты рассматриваемых жанров. Так, ср., напр., следующие фрагменты устных обмираний, в которых так или

[189] Ср. этот же мотив в опубликованном тексте: «[Встреченная во сне незнакомая женщина была] …вообще таких *неестественных размеров*, она очень *большая* такая, вся в белом…» [Трушкина 2002: 164; курсив наш – Е.С.]. Иногда подобными атрибутами наделяется образ пришедшей за сновидцем Смерти: «Але така высока здорова баба» [Валенцова 2002: 49].

иначе упоминается (resp. описывается) рай[190], – при этом также актуализируются основные составляющие растительного кода: «цветы цветут в садах» [Толстая 2002: 214], «как там красиво, хорошо» [Толстая 1999: 22, текст № 2], «детки, кажэ, гуляють и яблочки у руках» [там же: 23, текст № 6], «дальше молодежь танцует, гуляет, кветочки красивые» [там же: 23, текст №7], «мамонька моя <…> она вся в цветочках, в птичках райских…» [Добровольская 1999: 24], «луг большой» [Никитина 2002: 224] и др.

Рай в устных обмираниях может быть также манифестирован как некое жилище / помещение (комната, изба, дом с коридором или столами с едой, монастырь, «пустынь»), город (например, Иерусалим) и некот. др.[191] В основном, это некие номинации – обозначение увиденного без дальнейшей детализации, – вплоть до простейшего «водили по раю…» [Толстая 1999а: текст № 8].

Однако существуют и весьма разработанные, прописанные до мельчайших деталей описания.

Ср.: [Во время клинической смерти информантка видит «ад» и «рай»] «Там [в раю – Е.С.] кругом много, много яблонь, – там нет других деревьев, там только яблони и там яблочки – их много-много, даже листьев не видно: они такие красные, розовые, – на свете нет таких. И люди… кто-то движется медленно… И поют, самое главное я запомнила – много яблонь, и целые кучи яблок без деревьев, и *всё это как-то огорожено, а непонятно чем…*» (*ВВН*).

В соответствии с одной из версий этимологии слова «рай»[192] в текстах обмираний хрИМ иногда описывается как некое «огражденное место» (ср. выделенную фразу в последнем из процитированных примеров). Приведем любопытный вариант, в котором эта огражденность вызвала у информанта ассоциацию с концлагерем:

---

[190] При обращении к проблеме возможной экзегезы рассмотренных нами моделей описания иного мира очевидной является апелляция к культурным концептам «рая» и «ада» (обусловленным, прежде всего, фольклорно-мифологической и религиозной традициями). Литература, посвященная этому вопросу, весьма обширна. См., напр.: [Аверинцев 2000; Ад 2000; Шахнович 2003; Морозов, Толстой 1995; Рождественская 2004; Соболев 2000; Сергеева 1995; Криничная 2004: 920–993; Успенский 1982: 55–79; Демин 1998: 703–738; Мильков 1999: 189–215] и мн. др.

[191] См., напр., [Лурье, Тарабукина 1994: 24; 25, текст № 1; Паунова 2002: 192].

[192] См., напр.: [Аверинцев 2000а: 363–364; Криничная 2004: 922] и др.

«[Друг рассказчика попал в аварию, после комы рассказывал, что он видел «тот свет»] Видел [умерших] мать, отца, брата видел, знакомых видел… Ворота такие красивые – как вот раньше в старинных церквях были, – такие все окованные. Я, говорит, туда рвуся, мене, говорит, скрутили и проводили и проводили в какой-то лес[193]. А так, говорит, краси-иво – сады, грит, цветут – всё так – там, грит, все разнаряженные ходят… Как вот в концлагере – через *забор* видит, но там [т.е. в концлагере – Е.С.] неразнаряженные, а там [в раю], говорит, все разнаряженные <…>» (*АСА*).

Рукописно-книжные видения / обмирания актуализируют те же образы-мотивы, конкретизируя описание хрИМ некоторыми апеллирующими к фольклорно-книжной традиции[194] деталями: «Подошли мы к раю. Решетка вокруг него как будто из золота <…> Ворота из хрусталя, красоты неописанной…» [Шевченко 1999: 28][195].

Огражденность и недоступность рая (как и в целом – «того света») отмечается также в апокрифах[196], духовных стихах[197], причитаниях[198], древнерусских «посланиях»[199] и др. Вообще, для многих текстов книжно-рукописных видений свойствен тот же репертуар основных образов-мотивов, перечисленных выше, – с некоторыми отличиями в степени детализации и акцентом на ряде специфических мотивов.

Ср.: «И паки приведе мя в прекрасное и злачное мѣсъто и показа ми полаты великия и прекрасныя. Туже и садове предивнии, на нихже цвѣты и овощие благовонныя и птицы, прекърасно поющая неизречеными и многоразличными гласы» [Видение Михаила 2006: 259].

«И зрит себе на нѣкоем полѣ велицѣ и свѣтлѣ, еже имѣяше на сѣбе садъ многими различными древесы украшенъ. Посредѣ же тоя породы прѣсветлыи во здании прекрасных полат домъ зряшеся, к нимъже приближився, желаше нутренняя его созерцати…» [Видение Димитрия 2006: 262].

---

[193] См. об образе-мотиве леса в обмираниях: [Криничная 2004: 925; Агапкина 2004: 97].

[194] Подробнее см., напр.: [Криничная 2004: 922–923].

[195] Ср.: [Азбелев 1992: 343].

[196] Ср., напр.: [Хождение отца Агапия 1999; Житие Макария Римского; Хождение Зосимы к рахманам; Книга Еноха] и др., см. также: [Демин 1998: 707; Мильков 1999: 192, 644, 649, прим. 20, 22 и сл.]

[197] Рай «распечатан» только для праведников, [Голубиная книга 1991: 248].

[198] Ср.: «Нет оттуда [с «того» света] ни выездцов, ни выходцев…» [Причитания 1960: 299].

[199] Имеется в виду, прежде всего, «Послание архиепископа Новгородского Василия…» (14 в.) см.: [Успенский 2002: 286 и сл.; Демин 1998: 729–731].

«Послѣ сего учутилась я въ прекрасных лугахъ, по которымъ я искала себе дороги и любовалась разными цветами. <…> В нихъ дерева такия, что нелзя сравнить съ здѣшними, – они ненаглядной красоты» [Видение Пелагеи 2006: 352].

Специфически подробную разработку в рукописно-книжных видениях получает образ небесного рая, рая-церкви, рая-дома, этимасии (небесного престола) с «лицезрением» святых, ангелов, Бога, Богородицы и др[200]. В некоторых текстах (коррелирующих с популярными древнерусскими переводными апокрифами и житиями – Словом о видении апостола Павла, Книгой Еноха, Житием Василия Нового, Беседой трех святителей[201] и др.) «Царствие Небесное» имеет несколько уровней[202], и разные категории его обитателей могут удостаиваются различной степени блаженства. Ср.: «Видѣ себе ведому двоими нѣкоими свѣтовидными на нѣкое поле зѣло добровидное и многи сады и древие имуща с плодомъ многа, и приведше ю на оное поле. <…> И видѣ ту другое поле, *краснѣйше перваго и лучше,* и на томъ полѣ градъ зѣло пречуденъ и великъ. <…> И полѣ оное богатѣйше садами и древесы и плодами и мѣстъ устроениемъ и жилищъ предобрыхъ умножениемъ» [Видение старухи 2006: 270–271; курсив наш – Е.С.].

Такая иерархия мест блаженства иногда получает совершенно конкретную экзегезу – комментарий «вожа»: «И паки показаша ей ино мѣсто и поле добро, но ниже и перваго поля и мѣста красотою. <…> И сказаша ей водящий ю: “Того ради имъ[203] мѣсто *похуже дано*, понеже подкупили тѣхъ, кои ихъ сожгли, чтоб сожгли ихъ. А хорошое мѣсто за то имъ дано, что указомъ посланы салдаты к нимъ”» [там же].

Предварительные выводы, связанные с манифестацией в текстах сопоставляемых жанров образа-мотива хрИМ, таковы:

1. На наш взгляд, существенных отличий на мотивно-образном уровне (при описании / показе хорошего инобытия) между текстами трех сопоставляемых жанров не наблюдается.

---

[200] Ср., например, тексты в следующих публикациях: [Шевченко 1999: 28; Азбелев 1992: 343; Пигин 2006: 259, 262, 352; 350; 352, 354; Покровский 1999: 148–149] и др.

[201] [Житие Василия Нового 2004; Слово о видении апостола Павла 1999; Беседа трех святителей 1980; Книга Еноха].

[202] Ср, напр.: [Повесть Никодима 2006: 244; Вера-мученица 2002: 243], ср. также - [Ле Гофф 2001: 140–141].

[203] Имеются в виду Пимин и Филипп – проповедники «древлего благочестия», возглавившие самосожжение около 1300 человек в конце XVII в. [Пигин 2006: 390].

На рассказы об обмираниях и – особенно – на тексты рукописно-книжных видений заметное влияние оказали (помимо фольклорной) книжно-церковная и соответствующая иконописная традиции[204]. Основные отличия в описании хрИМ: большая детализация, сакрализация, специфические мотивы (например, мотив этимасии[205], градация локусов блаженства и др.) – связаны, главным образом, именно с этим влиянием, которое в снах не столь эксплицитно. Уместно здесь привести следующее замечание Б.И. Ярхо: «О райских селениях издавна существовало два представления: одно, восходящее к языческой древности и усвоенное апокрифами – луг блаженных <…>, другое, иудейско-христианское – истинное Царствие Божие, Небесный Иерусалим»[206] [Ярхо 1989: 35].

Первое из указанных исследователем представлений доминирует в рассказах об иномирных снах и определенной части устных обмираний. Второе более свойственно видениям и обмираниям, ориентированным на книжно-религиозную культурную традицию, хотя не исключает присутствия в этих текстах и образа-мотива «луга блаженных». Любопытны в этом отношении также выводы Г.П. Федотова, в некоторой степени коррелирующие с наблюдениями, основанными на рассмотрении визионерских жанров. Исследователь, опираясь на анализ духовных стихов, пишет о том, что «из двух символов рая в христианской литературе и искусстве – сада и града – народ предпочитает решительно первый, перенося на него свою “сублимированную” любовь к матери-земле» [Федотов 1991: 109].

2. В рассказах об обмираниях и видениях (по сравнению с иномирными снами) описываемые картины хрИМ чаще маркируются тер-

[204] Подробнее об этом см., напр.: [Пигин 2006: 3–13 и др.; Прокофьев 1964, 1967; Успенский 1982: 26–27; Чередникова 2002; Рождественская 2004; Аверинцев 2000а; Шахнович 2003; Бернштам 2000: 189–190 и сл; Цодикович 1995], см. также исследования, основывающиеся на западноевропейском материале – [Ярхо 1989; Гуревич 1981: 176–239].

[205] Примеры текстов на данный мотив мы приводили выше [см.: Видение Пелагеи 2006; Слово о Тимофее 2006]. Отметим его связь с соответствующим мотивом иконописи на сюжет Страшного Суда [см.: Цодикович 1995: 5, 34 и др.].

[206] По мнению С.С. Аверинцева следует говорить о «трех линиях» «мифологизирующей, наглядно опредмечивающей разработки образов рая в христианской литературной, иконографической и фольклорной традиции: рай как сад; рай как город; рай как небеса» [Аверинцев 2000а: 364]. См. об этом также: [Соболев 2000: 162–163; Криничная 2004: 921 и сл.; Мильков 1999: 208–210; Рождественская 2004; Шахнович 2003] и др.

мином «рай». В текстах о снах увиденный хороший локус почти всегда расценивается как место пребывания умершего, «тот» свет, – без отчетливого соотнесения этого образа-мотива с известными представлениями религиозно-мифологического характера.

3. Добавим, что описание в сновидениях хрИМ (с типичными для этого образа-мотива признаками, о которых мы писали выше) нельзя считать обусловленным исключительно влиянием культурно-традиционных стереотипов. Проанализированные нами материалы позволяют говорить о том, что видение во сне прекрасных картин и пейзажей имеет и определенную психологическую подоплеку.

Об этом, в частности, свидетельствуют материалы статьи Н.Е. Ливановой (близкие в региональном отношении к нашим полевым записям). Н.Е. Ливанова в своей работе, посвященной тематической группе сновидений о полетах, опирается на тексты, записанные, в основном, от молодых респондентов-горожан (некоторые из них в реальности занимаются парашютным спортом) [см.: Ливанова 2002].

Любопытно, что, в отличие от приведенных нами выше примеров, рассказы, которые цитируются ниже, не расцениваются информантами как экспликация некоего иного мира. Для рассказчиков этих сновидений описываемые ими картины представляют собой яркое, надолго запомнившееся и большей частью приятное, радостное переживание. Данный опыт не маркируется ими в терминах таких культурно-традиционных оппозиций, как *ад / рай* и т.п.

Ср., напр.: «Я просто летала, вернее, себя во сне не видела. Это были необычайно яркие, солнечные, красочные пейзажи, которые преподносились моими глазами. По ощущению необычайной легкости я могла понять, что лечу, парю где-то в чистом, голубом небе <…>»;

«Я летала над чистой-чистой водой, вокруг были прекрасные птицы, ярко-зеленая зелень. Когда я проснулась, было чувство необъяснимой радости и душевного спокойствия»;

«Я нахожусь на солнечной, зеленой лесной поляне. Вокруг невысокие деревья. У меня радостное настроение, ощущение счастья. Я набираю букет цветов и с ними поднимаюсь в небо»;

«[Во сне] парашют не раскрывается, а ты летишь, падаешь, у тебя перед глазами цветы и все такое, затем ты приземляешься и почему-то остаешься живым» [см.: Ливанова 2002: 134, 137–138].

Н.Е. Ливанова объясняет экзегезу подобных описаний в рассказах о сновидениях следующим образом: «Зелень, солнечность, чистота неба и воды выражают эмоциональное содержание полета и, возмож-

но, связаны с возвращением во сне первоначального, детского восприятия мира; не случайно один из опрашиваемых написал в анкете, что сны о полетах у его связаны с «чувством возвращения в детство» [там же: 121]. Не оспаривая данного утверждения, можно предположить, что культурологическое и психологическое (в частности, основанное на особенностях апперцепции) объяснения не противоречат друг другу, а, скорее, сопрягаются.

Таким образом, увиденное в рассказах об иномирных снах маркируется как инобытие благодаря традиционной модели объяснения, когнитивно-культурному трафарету, накладываемому на визуально-аудиальный ряд, который в свою очередь может объясняться и определенными особенностями апперцепции реальности. Кроме того, не следует забывать о динамике таких объяснений: один и тот же сон, пересказанный в разное время одним и тем же информантом, может иметь различные трактовки – многое зависит здесь от событийного и коммуникативно-культурного контекстов.

4.2. Описание плохого иного мира: основные образы-мотивы

Более заметные отличия рассматриваемых жанров сосредоточены в описаниях плохого инобытия (плИМ) и способов перехода в иной мир (vs выхода из инобытия). Мотивы перехода в ИМ в отдельных текстах являются основой сюжета.

Для нарративов о сновидениях, в которых эксплицируется образ-мотив плохого инобытия, растительный код также актуален. Однако в данных текстах он реализуется как бы с обратным знаком: плИМ описывается либо как локус, лишенный растительности, либо как место, где произрастают растения, обычно связанные с негативными коннотациями (ср., например, образ-мотив тины в приводимом ниже примере[207]).

Ср.: 1. «[Рассказчица после тяжелой операции видит сон, в котором некто пытается «заколотить» ее в гроб; место, в котором разыгрывается сюжет сна, описывается так:] Планета такая круглая и такие рытвины, там – кратеры, но она необитаемая: показывают иногда Марс – вот такой, *на ней нет ни деревьев, – ничё,* – просто пустыня и

[207] В связи с этим можно указать на зафиксированное у восточных славян представление об аде-болоте, находящемся под землей [см.: Морозов, Толстой 1995: 94].

какие-то кратеры, и я прям чувствую, что она необитаема, потому что на ней я плохо себя чувствую, задыхаюсь…» (*ИТД*).

2. «Видела [во сне] детей [неродившихся вследствие аборта – Е.С.] вот в этим вот – *в тине*, иду будто, а они – в тине, в тине, все в тине, вот какое-то озеро и грязь, и они будто там вымыривают…» (*ЗМД*)[208].

Для описаний плИМ характерны также картины замкнутых пространств: различного рода пещер, «дыр», темных зданий и т.п. Устойчив, например, образ-мотив темного, неблагоустроенного барака, в котором его обитатели пребывают на неких полках или поставленных рядами кроватях, не общаясь друг с другом.

Ср. следующий ряд фрагментов текстов о снах:

1. «Вот недавно я видела его [умершего отца] во сне. Он мне приснился в каком-то бараке, в котором стояли кровати вот рядами. Почему он там был, я не знаю, и я с ним, – очень долго-то я не говорила, но как будто якобы он находился в этом здании…» (*ЖВВ*).

2. «Снился сон, что я была в гостях у покойных родителей и у тетки. Видела, где они живут, то есть барак подземный, неблагоустроенный, – полки, на которых они живут. Там много людей, но между собой они не общаются, хотя живут рядом. Полумрак, сумрак, освещения нет…[209]» (*ТНП*).

3. «[Видит во сне умершего отца, погибшего в Эстонии] <…> Вот иду как будто в бараке, кругом двери, и я до последней двери дошла – дверь открытая. Я вот так встала в дверь, посмотрела: койка стоит <…> Я, значит, вот так встала в дверь и говорю <…>: “Тятя, а мама с тобой?”. (Она в Москве умерла, а он в Эстонии). А он так зло на меня: “Нет матери здесь!” <…>» [Запорожец, 2002: 98, текст № 8].

Подобные описания не всегда релевантно соотносить с растительным кодом: в этом случае актуализируются несколько иные семантические составляющие образа-мотива ИМ (например, основанные на оппозициях светлый / темный, высокий / низкий [глубокий]).

Невозможность общения, о которой говорится, например, в тексте № 3, вероятно, в определенной степени коррелирует с представлением о том, что похороненные в разных местах люди (ср.: «Она в Москве умерла, а он в Эстонии») не могут встретиться друг с другом на «том» свете (пребывают раздельно).

---

[208] Ср. подборку текстов снов, в которых эксплицируются «плохие» условия пребывания в ИМ неродившихся или умерших некрещеными детей: [Листова 2001: 42–44; Листова 2002: 122–123; Лурье, Черешня 2000: 298, текст № 82].

[209] Ср. фрагмент другого рассказа о сне: «…Ну, вот там [в плохом мире] пропасть, *темнота-темнота*…» (*ТВВ*).

Ср. характерный рассказ о сне:

«[Снится умершая соседка] я [сновидица – Е.С.] говорю: “Женя, как вы там живете?”. А она говорит: “Да как мы живем: ну ежели родня там, хоронят так [т.е. в одном месте, рядом – Е.С.], – большими семьями и живут, а ежели одна, так одна и живет”» (*ВРС*).

Барак в некоторых текстах синонимичен образам-мотивам больничной палаты, «старой избушки» с расположенными рядами кроватями, на которых спят умершие [ср., напр.: Запорожец 2002: 98, текст № 8]. Идея рядоположенности мест пребывания умерших (полки, кровати и т.п.), а также встречающиеся в отдельных рассказах мотивы некоей отгороженности покойников, их невозможности общаться друг с другом соотносятся, на наш взгляд, с представлением о загробном мире как могиле (ряде могил) или кладбище, на котором похоронен умерший[210].

Возможность такой экзегезы подтверждается, например, текстами снов, в которых покойники пребывают в ИМ каждый в своей клетке, которая в нашем мире соответствует ограде на могиле: «Инф.: Я была, видала сон: хожу, хожу как по кладбищам, <…> а оне будто вот таке-еи большие кладбища, и везде всё *загорожено* и сидят все мертвецы, все сидят вот в этих своих *загородках* <…> Соб: Это вот на кладбище оградки? Инф.: Да-да-да, здесь же ограды делают…» (*ЕАН*).

В другом варианте описываемые во сне жилища покойников сопоставляются с камерами хранения на вокзалах. Такое сравнение также актуализирует упоминавшийся выше мотив некоей рядоположенности (и отгороженности) мест пребывания умерших на «том» свете. Ср.: «[Сновидец спрашивает приснившегося покойника, описывающего “тот” свет:] “А что за комнатки?” – “Ну, вот как камеры хранения на вокзалах: у каждого своя дверка…” (*ВЕМ*).

Ряд «клеток-могил» в одном из последних примеров весьма близок описаниям, которые встречаются в некоторых современных быличках: ад в них предстает как «бескрайнее “поле могилок” вдоль дороги» [Власова 2001: 123]. В отдельных рассказах о снах образ-мотив кровати и спящего на ней покойника напрямую связывается с кладбищем: «[Снится сестра, погибшая в автокатастрофе вместе с сыном] А увидела я ее, будто это наше старое кладбище <…>, моя сестра спала на кровати, сын не проснулся у нее, она встала еле-еле…» (*СЛП*).

[210] См. об этом подробнее, напр.: [Соболев 2000: 128–132; Плотникова 1999: 504].

Вполне эксплицитно здесь проявлена и широко известная культурная универсалия «сон-смерть»[211].

Упомянутая отгороженность покойников друг от друга иногда выражается в образах отдельных для каждого умершего столов, также расположенных рядами: «[Видит во сне могилу отца. Она открывается, туда ведут ступени. Сновидица спускается и видит там большую комнату] Вот, знаете, комната кака большая, вот комната большая, и *стоят рядами столики*, – столики небольшия, небольшия. И – за каждым столиком сидит *один* [покойник] – чьи сидят тут, я уж не знаю, я только увидала [отца], говорю: “Вон папаня-то где!..” <…>» (*КЕВ*)[212].

Заметим, что некая отгороженность умерших друг от друга в текстах о снах не всегда маркирует описываемое инобытие как плИМ: нередко данный мотив расценивается рассказчиком как характерный признак местопребывания умершего, – без каких-либо оценочных характеристик, в частности, основанных на религиозно-этических принципах (к текстам подобного рода относится, например, последний из приведенных выше рассказов).

В качестве определенной параллели мотиву отгороженности в снах можно привести тексты древнерусских апокрифов: так, в «Слове о видении апостола Павла» «каждый грешник в аду страдал от одиночества»: «Кождо сетуя, долу поникъ, *уединенъ от другъ*» [см.: Демин 1998: 711; курсив наш – Е.С.].

В рассказах о снах, описывающих плохое инобытие, плИМ может манифестироваться также через описание внешнего вида умершего, его особого поведения или непосредственные жалобы покойника на условия своего существования (особенно – в текстах, в которых инобытие не показывается, а описывается сновидцу представителем ИМ).

Ср.: 1. «[Рассказчица видит во сне умершего сына]… Шла, шла, и какая-то избёнка. <…> Он сидит [там] на карачках, вот эдак вроде сидит, я говорю: “Саш, ты что сидишь, иди ко мне!”. А я туды – мне вроде нельзя к няму. А он говорит: “У меня ноги болят”, – вот эдак сказал мне. Вот видела так…» (*СЕВ*).

---

[211] См. об этом, напр.: [Толстая 2002: 198; Толстая 2000: 18; Толстой 1994а: 91; Соболев 2000: 36–39], ср. также этот мотив в причитаниях – [Причитания 1960: 320, 334 и сл.] и др.

[212] Мотив «столиков», за которыми обедают на «том» свете умершие, встречается также в похоронных причитаниях, – см.: [Соболев 2000: 132], ср. этот мотив в другом рассказе о сне: [Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 4].

2. «[Видит во сне умершего соседа] <…> Стоит в старой фуфайке, в старой шапке, – это нехорошо[213], конечно: в старом во всем. “Ой, – грит, – Валентина, как, грит, мне там плохо!” – “А что, мол, тебе там плохо?” – “Не принимают, грит, меня нигде”. Вот. А почему не принимают – он жил раньше с сестрой со своей, он грешный, – вот поэтому, поэтому ему и плохо…» (*АВИ*).

3. «Вот теть Таня Носкова, вот Васю когда убили, вот он снился ей, снился ей и рассказывал ей, что: “Мам, холодно мне здесь и жестко, – домой хочу, на кровать”» (*ПНИ*).

Заметим, что все представленные способы экспликации плИМ в рассказах о снах не содержат мотива «мучений», перечня конкретных наказаний за определенные нарушения (N→H).

Безусловно, идея загробного воздаяния, так сказать, рефлексы частной эсхатологии[214] в текстах об иномирных снах присутствуют. Ср., напр., текст № 2 из последней серии примеров, в котором соответствующее наказание («Мне там плохо!») связано с вполне конкретным нарушением («Он жил раньше с сестрой со своей»).

Однако для рассказов о сновидениях более свойственна несколько иная интенция: в снах воспринимателю демонстрируются не посмертные мучения грешников, а либо (1) определенные условия экзистенции иномирного персонажа (ни от чего не зависящие и принимаемые как данность), либо (2) условия, мотивированные поступками обитателей нашего мира (их нарушениями).

Ср., напр., сны о плохих условиях пребывания в ИМ неродившихся детей (после аборта) со следующим примером:: «[Видит во сне умершего мужа, ведущего сновидицу по ИМ] Сидят старушечки, как будто на пенечках, и *все в черном, и все вот согнуты*. Я говорю <…>: “Сережа, а это кто?”. Он говорит: “А этих никто не поминает” <…>» [Запорожец 2002: 96, текст № 8].

В последнем тексте наблюдается прямая зависимость условий экзистенции на «том» свете от действий представителей нашего мира.

Существуют, – что естественно, – и определенные исключения из этого правила. См., напр., рассказ о сне, опубликованный в статье М.Л. Лурье и А.В. Тарабукиной, в котором правило N→H (не-N→-не-H), в общем-то, выполняется, что сближает данный текст с обми-

[213] О славянских представлениях, связанных с одеждой см.: [Толстая 2004b: 523–533]. О негативности маркера «старый» по отношению к одежде см.: [там же: 524].

[214] См.: [Гуревич 1989: 94–110; Ле Гофф 2001: 115–134; Арьес 1992: 111–132].

раниями / видениями: «Вижу во сне, что я на том свете. [Встречает умерших отца и соседку] У них нет ничего накрыто на столе <…> Я и говорю: “Господи, чево ето у моего отца ничево на свете нету?”. А он говорит: “Он не заслужил <…> Он, – говорит, – жадный был, собирашкам ничего не давал”. [Далее видит котел с кипящими портянками; спрашивает проводника: “А что ето тут…”] “Ето, говорит, портянки солдатские. Вот они теперь и кипятят, чтобы они чистые были” <…>» [Лурье, Тарабукина 1994: 26, текст № 4].

В отличие от иномирных сновидений, основу большинства устных обмираний составляет упомянутый перечень «мук»[215]. Конкретное содержание списка мучений варьируется от текста к тексту, однако, как мы уже указывали, главный принцип организации повествования один и тот же: визионер перемещается от одной картины «мук» к другой и тем или иным образом получает объяснение[216] по модели N→H (не-N→не-H).

Типичный перечень мучений обмираний / видений (наряду с влиянием различных книжно-рукописных и фольклорных источников[217]), по-видимому, в определенной степени обусловлен иконописными и лубочными клеймами ада, изображаемыми обычно как некии отсеки (круглой, овальной или прямоугольной формы), в каждом из которых эксплицируется картина вполне конкретного мучения[218].

Уместно, на наш взгляд, напомнить здесь о том, что в описаниях, представленных в текстах видений и обмираний, как и в описаниях реальности (основанных на апперцепции реальных событий), доминирует именно зрительный канал восприятия информации. Следовательно,

---

[215] Ср. тексты, опубликованные в статьях: [Лурье, Тарабукина 1994: 25–26, тексты №№ 1–4; Толстая 1999а: 22–23, тексты №№ 4–8; Никитина 2002: 225–226; Толстая 2002: 213–216; Толстая 2004а; ПЭС 1983: 70–72] и др.

[216] М.П. Чередникова в своей статье о письменной традиции обмираний предложила называть подобную организацию «кумулятивной композицией», см.: [Чередникова 2002: 233].

[217] Напр., духовных стихов [Голубиная книга 1991: 175, 243–268 и др.; Федотов 1991: 105–116; Сергеева 1995], сказок и легенд [СУС 1979: №№ 800–809], апокрифов – [Хождение Богородицы по мукам 1999; Слово о видении апостола Павла 1999], древнерусских нравоучительных повестей, Синодиков и т.д., см., напр.: [Дергачева 2004: 146–202, особенно – 175; Демин 1998: 695–728] и др.

[218] См., напр.: [Цодикович 1995]; ср. также замечания Т.А. Бернштам о влиянии на эти представления Лицевых Апокалипсисов XVI-XIX вв.: [Бернштам 2000: 233–235].

учет влияния упомянутых изображений типичных мучений вполне релевантен при анализе текстов данного жанра[219]. В отношении рассказов об иномирных снах это также справедливо: напр., П.Г. Богатырев, основываясь на севернорусском материале начала XX века, писал о вероятном влиянии на сны о «загробной жизни» народной иконографии Страшного Суда [Богатырев 2006: 99–100].

Видения (в сравнении с устными обмираниями и сновидениями) дают более развернутую картину ИМ, что обусловлено самой формой экзистенции этих текстов – рукописно-книжной, предоставляющей большие возможности для контаминации, рецитации и т.п[220]. Кроме того, необходимо учитывать то, что визионер весьма редко является одновременно и повествователем своего видения: в большинстве случаев «рассказ ясновидца прошел через обработку одного или двух, а то и более <…> редакторов» [Ярхо 1989: 23][221].

Как указывает Б.И. Ярхо, данный фактор во многом обусловливает «дальнейшее развитие» формы видений, ее усложнение и филиацию [там же: 23–25].

Существенное влияние оказывает и специфика общей организации повествования о «том» свете в данных текстах. Заметим, что в отличие от снов, в рассказах об обмираниях и видениях присутствует тенденция манифестировать оба мира в едином тексте. Так, многие рукописно-книжные видения, по наблюдениям Б.И. Ярхо, строятся по следующей достаточно устойчивой схеме:

1. Вступительная часть;
2. Видение: а) места пыток; б) места блаженства; в) места пыток;
3. Поучительная часть [Ярхо 1989: 35]

Тексты с такой сложной структурой ученый предлагает называть «многовершинными» [там же]. Сам порядок и соотношение частей могут меняться. Кроме того, не всегда соблюдается закономерность, которая была сформулирована Б.И. Ярхо следующим образом: «Всегда описание ада (или чистилища) предшествует описанию рая» [там же]. Исключения из этого правила (в русских текстах) достаточно показа-

[219] Ср. мнение А.Я. Гуревича о вероятном воздействии сюжетов церковных икон на содержание рассказываемых прихожанами видений и снов, см.: [Гуревич 1981: 236], см. также любопытное в этом отношении сравнение средневекового собора с телевизором у У. Эко: [Эко].

[220] См. об этом подробнее: [Чередникова 2002: 238–239; Пигин 2006: 8 и сл.; Ле Гофф 2001: 144–145]. Об общих вопросах соотнесения устного и письменного текстов см.: [Чистов 2005: 68–74].

[221] Ср.: [Лучинский 1998].

тельны. См., напр.: [Видение Димитрия 2006; Видение старухи 2006], и др., в которых первоначально описывается рай.

Для дальнейшего анализа важно то, что приведенная схема отражает имманентную определенной группе видений организацию повествования, предполагающую манифестацию нескольких (не обязательно двух) соотносимых локусов, которые дифференцируются не только по шкале «хороший / плохой», но и – «постоянный / временный». Например, И.М. Грицевская и А.В. Пигин в рукописном рассказе «Видение девицы Пелагеи» разграничивают:

«А. Места временного пребывания душ: а) места временных мук, б) места временного блаженства; Б. Места постоянного пребывания душ: а) рай, б) пространство между раем и адом, в) ад» [Грицевская, Пигин 1993: 51].

Такая структура объясняется авторами, с одной стороны, тенденцией «примирить» “малую” и “большую” эсхатологию, с другой – «влиянием двух разных традиций: народно-легендарной [в схеме – часть А] и книжно-апокрифической (Б)» [там же][222].

Обратим внимание на специфический, в основном, для рукописно-книжных видений и обмираний образ-мотив промежуточного пространства (между хрИМ и плИМ), который отражен в схеме И.М. Грицевской и А.В. Пигина. В этом локусе пребывают «нерешенные» души («обоюдные и безразличные»[223]), которым «нѣт муки, нѣт и свѣта» [Видение Семиона 2006: 279].

Как указывает Т.А. Бернштам, «представления о некоем “среднем месте” <…> между раем и адом под названием *пустошь, райские поля*, где души не испытывают ни наслаждений, ни мучений» зафиксированы в Поволжье и на Русском Севере [Бернштам 2000: 189; курсив авт.]. Говоря об этом, исследовательница апеллирует к тексту устного обмирания, в котором «обители описываются в виде крестьянских поселений или домов (“квартир”), различающихся “по греху” обитателей; обычно в них *неправильные* церкви или часовни: лицом на запад, без икон, с тусклыми иконами» [там же; курсив авт.].

Однако, судя по известным нам текстам, в большей мере описание таких промежуточных локусов пребывания умерших характерно именно для рукописно-книжных текстов (ср., напр.: [Видение Акилины в

[222] Ср. также другую схему Б.И. Ярхо, которую он предлагает, основываясь на текстах, приведенных у Беды Достопочтенного [Ярхо 1989: 36].

[223] См.: [Веселовский 1889; Пигин 2006: 194–198].

Казани 2006; Видение Семиона 2006; Видение инокини 2006])[224]. Для устных обмираний и видений подобная организация повествования не типична: для них имманентно, скорее, описание / показ двух миров, без их возможной дальнейшей градации (по упомянутым выше шкалам). Это позволяет утверждать близость устных обмираний к тем видениям, которые Б.И. Ярхо предложил называть «одновершинными» [Ярхо 1989: 34]. К последним, по мнению исследователя, относятся тексты, в которых «все действие сосредоточено вокруг одного доминирующего момента» и само описание увиденного «не допускает большого развития», т.е. упомянутой градации в манифестации ИМ [см. там же: 34–35], ср. также: [Гуревич 1981: 217–219].

Подчеркнем, что расположение разных локусов «того» света по отношению друг другу (т.е. некая топография инобытия) определяется в видениях / обмираниях «лишь в самом общем виде» [Пигин 2006: 183]. Соотнесение миров обычно осмысляется в оппозициях выше / ниже, запад / восток, справа / слева и т.п. Однако нередко «визионер встречает на своем пути поочередно то праведников, то грешников, что вообще лишает загробное устройство какой-либо ясной композиции» [см. там же].

В рассказах об иномирных сновидениях в пределах одного текста чаще всего описывается только один локус – с типичными для него чертами. Гораздо реже встречается соприсутствие описаний: в этом случае также можно говорить об определенной топографии сновидческого инобытия. В известных нам текстах соотнесение миров, в основном, имеет вертикальную или – «ярусную» интенцию. Пользуясь термином одного из информантов, миры в этом случае соотносятся друг с другом как этажи некоего здания.

Ср. следующие рассказы о сновидениях:

1. «… И она [умершая сестра – Е.С.] мне всё показывала… Там [в ином мире – Е.С.] как бы странные какие-то вот ярусы. <…> На каждом ярусе шла определенная работа и жили определенные люди. Вот я помню, что тот ярус [идет описание «плохого» яруса – Е.С.],

[224] Ср. также описание промежуточного пространства («ни рай – ни мука»), напр., в следующем обмирании: [Азбелев 1992: 344–345]. Несмотря на то, что в указанном сборнике данный текст репрезентируется как запись устного рассказа, многие его признаки говорят против этого предположения: взятый из книги И.И. Железнова, этот текст представляет собой литературную обработку вероятной устной записи информанта, т.е. относится, скорее, к рукописно-книжным источникам [там же: 349]).

где были типа какие-то камешки, где больно ходить, – там мне можно было посмотреть что-то издали, потому что туда не все допускаются… Потом он [«плохой» ярус – Е.С.] какой-то *тёмный, чёрный* какой-то… там что-то издали что-то добывается, что-то делается: какая-то была ярусность… И лица были разные… Там другой ярус [идет описание «хорошего» яруса – Е.С.], – там что-то было светлое, там была *какая-то трава, какие-то растения были*, вот…<…>» (*ТЛЛ*).

2. «[Сновидица спрашивает во сне умершую бабушку о своем брате-покойнике] “А Коля, Коля от тебя далеко?” (младший сын её, мой брат, он умер) – “Нет, он маленько повыше меня живёт…” – как вроде где-то, вроде на *этаже* на каком ли, как вроде в здании, а какой-то этаж, видно…» (*ММС*).

Соотнесение двух локусов в первом тексте достаточно наглядно демонстрирует актуальность растительного кода при определении статуса описываемых миров. Другими словами, растительный код (и сопутствующие ему мотивы – например, представленные через семантическую оппозицию «темный / светлый») в процитированном примере выполняет функцию своеобразного маркера, позволяющего рассказчику и его аудитории дифференцировать («опознавать») плИМ и хрИМ. Пример № 2 любопытным образом коррелирует со следующим сообщением М.Н. Власовой: «Согласно записям [несказочной прозы – Е.С.] конца XIX в., <…> рай и ад – огромный дом, где праведные живут выше, а грешные – ниже; ад помещается в земле, “ниже первого этажа рая”» [Власова 2001: 123].

В некоторых рассказах об иномирных снах указанная вертикальная ориентация в расположении миров несколько редуцируется и описывается структура, которую можно назвать вертикально-горизонтальной: соотносимые друг с другом миры расположены как бы в одной плоскости, т.е. от одного локуса до другого можно буквально дойти пешком[225]. Однако при этом сохраняются рефлексы вертикальной ориентации, выраженные в образах-мотивах ямы-пещеры и горы.

Ср.: «Вот сон этот я не забуду: вот видала я яво больно уж в цветах, [умершего] мужа: вот что ни иду – цвяты, что ни иду – *во всё цвяты – вот уж всякыми, всякыми цвятами*. А я будто иду, а мне навстречу идут вроде как женщины. И я говрю... “Ты далеко ли идёшь?” – вроде меня спрашивают. Я говрю: “Да иду, мол, вот сюды – к мужику” – “О-ой, ты,

[225] Ср. сходные наблюдения, основанные на рассмотрении эсхатологических рассказов, входящих в состав известного Волоколамского Патерика: [Ольшевская 2003: 40].

грит, к няму не дойдёшь: туды, грит, что ни пойдёшь, то ещё больше цвятов, да". И вярнули будто меня две женщины в чёрном, вярнули, меня: "Айда-ка, грит, мы тебе ещё чаво покажем!" – "Чаво, мол, покажете вы?" – "Вот где, грит, упокойники ещё", – вот стары-то, стары-те. "Где, мол?". Вот будто в гору, в гору пришли, и туда будто вдолблённа вот как яма какая-то туды, и мы туды меня завяли, *окошков нигде нет, а святло.* "Вот, грит, мы здесь находимся" – "А как же вы, мол, здеся?" – "Мы, грит, всё здесь видим", – вот в такую в тёмну вещу меня ввели, вот там как в горе врыто в какое, в яму, вот мне показали…» (*ЗМД*).

Последний пример также показывает значимость для исследуемых текстов оппозиции хрИМ / плИМ, которая эксплицируется как ряд характерных, противопоставляемых друг другу признаков. Данные признаки в большинстве случаев базируются на тех или иных составляющих растительного кода (ср. образ-мотив цветов в последнем примере). Не трудно заметить, однако, что в последнем тексте отсутствует жесткая противопоставленность в описании миров (по шкале хороший / плохой). Репрезентируемые в рассказе миры не столько противопоставляются, сколько описываются, т.е. рассказчику сна (как и его аудитории) нередко интересна не оценка ИМ (по шкале: хороший / плохой), но сам иной мир.

Эта интенция особенно показательна в группе текстов о снах, в которых «тот» свет описывается как локус, в общем, почти полностью совпадающий с нашим миром. Переход в иной бытийный статус в таких рассказах как бы ничего не меняет: умершие продолжают заниматься тем же, что делали при жизни, их условия экзистенции почти ничем не отличаются от «земных».

Любопытно, что указанные мотивы реализуются, главным образом, в тех текстах, в которых образ ИМ эксплицируется благодаря рассказу о нем персонажа инобытия. В основе нарративной организации большинства данных текстов – вопросно-ответная структура. Она несколько напоминает структуру обмираний / видений, в которых визионер обращается к персонажу-проводнику с просьбой объяснить нечто увиденное в инобытии. Основное отличие в том, что вопрос сновидца («Как ты там?», «Что ты там делаешь?» и т.п.) направлен на конкретизацию самого образа ИМ, т.е. на то или иное его описание. Вопрос визионера (в обмираниях / видениях): «Что это такое?» и т.п. – на самом деле имплицирует вопрос: «Почему это так?», т.е. требует несколько другого «жанра» ответа – *объяснения*, а не описания.

Ср. следующие примеры рассказов о снах:

1. «[Снится разговор по телефону с погибшим «любимым человеком»:] Сначала так, – о наших бывших отношениях, а потом я стала его спрашивать, как он "там". Он ответил, что "там" очень красочно и есть люди, и что он с кем-то недавно познакомился. Но больше он не говорил ничего, потому что "тебе этого знать нельзя" <…>» (*ЮОА*).

2. «…Я [сновидица – Е.С.] говорю: "Расскажи, как вы там живете?"… "Да, каждый *занят своим делом…*" (*КЗИ*)[226].

3. «Я говорю: "Мне вот Салай [умерший знакомый – Е.С.] приснился". Я ему: "Ты что там делаш?" – "Да все это ж. *Из кирпича печки кладу* [умерший при жизни был печником – Е.С.]"» (*ШВИ*).

4. «<…> "Ну а чем вы там заняты?"… Он [умерший дядя – Е.С.] говорит: "Я сапожник там" – "А бабушка?" – "А бабушка с детьми сидит", – она здесь [т.е. в нашем мире, при жизни – Е.С.] *была заведующим яслями*» (*КЗИ*) .

О релевантности критериев «хороший / плохой» можно условно говорить только в отношении первого из приведенных рассказов. Остальные примеры выходят за узкие рамки данной оппозиции.

Выводы, которые можно сделать из рассмотрения мотивно-образного уровня текстов сопоставляемых жанров (на основе манифестации в них образов плИМ и хрИМ), таковы:

1. Несмотря на многоуровневые и сложные связи между образами-мотивами хрИМ и плИМ, которые наблюдаются в текстах сопоставляемых жанров, каждая из групп текстов выстраивает эти образы в соответствии со спецификой своей жанровой модели и интенцией на определенную культурную традицию (устную и/или рукописно-книжную). Общая мировоззренческая основа всех анализируемых групп текстов связана, прежде всего, с распространенными представлениями религиозно-этического и фольклорно-мифологического характера.

2. В рассказах о снах образы-мотивы хрИМ и плИМ эксплицируются, в основном, как описание / показ места, в котором пребывает персонаж инобытия. Маркированность определенного локуса теми или иными характерными признаками далеко не всегда соотносится в снах с идеями загробного воздаяния. В этих текстах более актуальны идеи взаимозависимости ИМ и НМ, возможности изменить и повлиять на условия экзистенции друг друга. В связи с этим дидактизм рассказов о снах (особенно с ЦА информирования) носит чрезвычайно ослабленный характер: часто это контакт ради контакта.

[226] Ср. также следующие тексты: [Бобылева, Миргородская 2000: 260, № 16; Запорожец 2002: 99, текст № 10].

Для большинства обмираний и видений принцип загробного воздаяния – основной. Это является главной причиной подробной разработки описания плИМ и перечня наказаний, образующего пуант данных рассказов (экспликация плИМ почти всегда более подробна, нежели описание хрИМ[227]).

Для визионера нередко важно даже не столько то, что он увидел в ИМ (хотя, конечно, не всегда так), сколько то, что за этим стоит. Его цель – узнать причину (N), чтобы избежать следствия (H), – в этом основной смысл вопросно-ответной организации указанных нарративов. В данном отношении обмирания / видения близки к «собственно вещим» снам, для которых также значимо не столько содержание сна, сколько его толкование, т.е. соотнесение с действительностью, событиями нашего мира.

3. Тексты сопоставляемых жанров дифференцируются благодаря наличию / отсутствию определенных мотивов или их большей разработанности, а также – доминированию в общежанровой модели описания / показа инобытия той или иной смысловой интенции.

Так, видения, в отличие от большинства устных обмираний и рассказов об иномирных снах, могут обладать сложной «многовершинной» структурой, детерминированной, в частности, воздействием рукописно-книжной религиозной традиции.

Некоторые мотивы указанных текстов, в основном, характерны именно для письменной традиции обмираний / видений: например, подробно разработанные образы-мотивы этимасии, «Небесного Иерусалима», Страшного Суда, иерархически организованных (иногда – по шкале «постоянный / временный») райских и адовых обителей, «прения за душу» визионера и др.

Устные обмирания чаще всего эксплицируют картины двух миров – с заметным акцентом на образе-мотиве плИМ. В свою очередь, рассказы об иномирных снах моделируют инобытие благодаря достаточно ограниченному набору мотивов, в котором хрИМ и плИМ манифестируются в терминах простейших оппозиций: светлый / темный, красочный / серый (сумрачный), уютный / дискомфортный, просторный / замкнутый, сад / яма (пещера) и т.п.

[227] Ср. аналогичные наблюдения исследователей, основанных на анализе текстов видений / обмираний: [Пигин 2006: 183; Чередникова 2002: 235; Гуревич 1981: 182, 193 и сл.; Ярхо 1989: 41]. Это типично и для духовных стихов – [Федотов 1991: 109–110], апокрифов и др. [см., напр.: Рождественская 2004: 31; Алексеев 2003].

В ряде устных обмираний и иномирных сновидений манифестируемый образ инобытия однозначно отнести к хрИМ или плИМ невозможно. В конкретных рассказах обозначенные интенции могут реализовываться по-разному: как мы показали выше, встречаются переходные случаи, иллюстрирующие прозрачность межжанровых границ, тесную близость сопоставляемых текстов на мотивном уровне.

§ 5. Мотив «мытарств» в текстах визионерских жанров

Возвращаясь к приведенным выше схемам многовершинных видений, заметим, что шкала «постоянный / временный» (по отношению к локусам пребывания обитателей ИМ) апеллирует к сложному комплексу представлений, связанных с так называемыми частным и общим («Страшным») Судами[228].

Вообще, как указывают некоторые исследователи, соотнесение рассказов «о видениях загробного мира и путешествиях на тот свет» со «сферой эсхатологических легенд» в определенной степени не корректно, поскольку указанные группы текстов «имеют совершенно разную структуру и прагматику» [Ахметова 2004]. Соглашаясь с данным тезисом, необходимо отметить, что наблюдаемое отличие этих текстов на структурном и прагматическом уровнях не отрицает их тесной близости на уровне мотивно-образном, обусловленной, в частности, сходством представлений («ментефактов»), лежащих в основе указанных рассказов.

Эсхатологические ожидания в рукописно-книжных видениях / обмираниях предстают уже реализованными и эксплицируются в предельно конкретных картинах «Страшного Суда»[229]. Дифференциация на «малую» и «большую» эсхатологию в некоторых текстах оказывается не релевантной: ожидаемый «в конце времен» Суд происходит hic et nunc[230]. Ср., напр., следующий текст:

«[Визионер видит сидящего на престоле Господа, судящего умерших] У самаго престола видѣлъ я предстоявшихъ двухъ младенцевъ

[228] См.: [Гуревич 1989: 94–110; Аверинцев 2000b; Аверинцев 2000c].

[229] См. подробнее об этом: [Гуревич 1989: 104–105 и сл.; Гуревич 1981: 237].

[230] См.: [Гуревич 1989: 107–109; Гуревич 2005: 223–226]; ср. также: [Федотов 1991: 105–116].

чудной красоты, имѣвшихъ на себѣ одежду цвѣтомъ подобную розе, только что распускающейся. Далѣе ихъ стояло множество народа, которыхъ поодиночкѣ подводили они къ престолу. И Сидящий на немъ записывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ виденную мною сияющую книгу <…> Люди, въ руки ихъ [«младенцев» – Е.С.] переданные и въ книгу записанные, измѣнились по виду и дѣлались такими же свѣтлыми, какъ и самыя горния силы <…> [Люди], которые не были вписаны въ книгу, оставались безъ <…> измѣнения…» [Видения Ланшакова 2006: 325][231].

Как мы уже указывали, подробная разработка описания посмертного Суда с типичными образами-мотивами «книги жизни», весов, на которых взвешиваются грехи умерших, и т.п. – специфичны, в основном, именно для жанра рукописно-книжных видений и обмираний, что также обусловлено тесным взаимодействием этих групп текстов с книжно-церковной, апокрифической и иконописной традициями[232].

Особое место в этом ряду занимает описание посмертных мытарств, составляющих определенную часть сюжета некоторых видений[233]. Исследователи отмечают, что «учение о мытарствах является каноническим: оно содержится в произведениях церковных писателей IV-V вв. – Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Макария Великого, Кирилла Александрийского и др.» [Пигин 2006: 184]. Наиболее подробно оно представлено в таких древнерусских памятниках, как «Житие Василия Нового», «Слово об исходе души» («Слово на исход души») Кирилла Александрийского, «Извещение ангелу Макарию Римскому»[234] и др. Из более современных сочинений, обосновывающих указанное учение с точки зрения православия, можно указать известную книгу иеромонаха Серафима (Роуза)[235].

---

[231] Ср. также описание Страшного Суда в: [Видение Тимофея 2006: 251; Видение Агнии 1999: 148]. ср. важный для данного описания мотив «книги жизни» – [Вера-мученица 2002: 244].

[232] См., напр.: [Слово о видении апостола Павла 1999; Хождение Богородицы по мукам 1999; Цодикович 1995; Арьес 1992: 118–119 и сл.; Пигин 2006: 184–185].

[233] См., напр.: [Видение Семиона 2006; Видение Андрея 2006; Повесть о видении Антония Галичанина 2006; Вера-мученица 2002]. Любопытные примеры видений с описанием мытарств (в том числе – относящихся к XX веку) приводит иеромонах Серафим (Роуз) – [Серафим (Роуз): 2006: 115–116, 119–130 и сл.]; см. также, напр.: [Икскуль 2006].

[234] См.: [Житие Василия Нового 2004; Шилов 2003].

[235] См.: [Серафим (Роуз): 2006], там же подробная библиография богословских сочинений на эту тему.

Типичными составляющими описания мытарств являются «прение» о душе между ангелами и бесами, происходящее после смерти человека, и – прохождение собственно мытарств, представляющих собой своеобразные отделения, на которых испытываются души на наличие того или иного греха[236]. Концентрированное изложение этого учения с канонической точки зрения дает в своих сочинениях еп. Игнатий (Брянчанинов): «По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в отеческих писаниях мытарствами, а духи, служащие в них, – мытарями» [Брянчанинов 2006: 4].

В народно-православной традиции в определенной степени близкое к описанной трактовке представление о мытарствах присутствует, например, в духовных стихах и легендах, т.е. жанрах, возникших на стыке народной и книжной традиций[237], а также – в иконографии [см., напр.: Цодикович 1995: 10–11, 48–58 и сл.].

Однако термин «мытарства» имеет и ряд других коннотаций, расходящихся с названным выше каноническим учением. Во-первых, «мытарствами» могут называть собственно мучения в аду грешников: в этом смысле, например, данный термин применяют иногда к одному из «наиболее поэтических и популярных на Руси апокрифов»[238] – «Хождению Богородицы по мукам». Это объясняется тем, что указанный «апокриф в деталях воспроизводит <…> “малую” эсхатологию, основанную на принципе двойного Суда, предполагавшего наказание душам грешников *еще до* Страшного Суда. Муки, которые грешники претерпевают сразу после смерти <…>, делают “малую” эсхатологию неотъемлемой частью “большой”, тем самым как бы смещая ожидаемое <…> воздаяние *в текущее настоящее*»[239] [Мильков 1999: 584; курсив наш – Е.С.].

В указанном значении термин «мытарства» употребляют, например, Н.И. и С.М. Толстые, сравнивая два текста устных обмираний,

[236] Подробнее об этом см., напр.: [Бернштам 2000: 171–173; Аверинцев 2000b; Гуревич 1981: 200–201].

[237] См., напр.: [Голубиная книга 1991: 232; Соболев 2000: 183, 186; Фетодов 1991: 105–116; Белова 2004: 97].

[238] [Мильков 1999: 583].

[239] Как считает Г.П. Федотов, данный апокриф является одним из вероятных источников происхождения духовных стихов о Страшном Суде [Федотов 1991: 105–106].

записанных в Полесье: «Первый рассказ представляет собой своеобразную рамку <…>, второй восполняет опущенное в первом описание мытарств, хождения по тому свету…» (имеется в виду типичное для этих рассказов описание мучений на “том” свете) [см.: Толстые 1995: 459].

Исходя из сказанного, термин «мытарства» к устным обмираниям, на наш взгляд, следует применять с определенными оговорками: дело в том, что прохождение мытарств, например, в рукописно-книжных видениях и описание «мук» в устных обмираниях не совпадают по своей семантике и прагматике. Рассказчик обмирания, описывая наказания грешников, вряд ли подразумевает при этом их временный характер, имея в виду предстоящий Страшный Суд. В обмираниях обычно описываются локусы пребывания умерших, испытывающих наказания в соответствии с той каузальной моделью, о которой мы говорили выше. Идея прохождения (преодоления) этих мук (подобно тому, как она, например, эксплицирована в «Житии Василия Нового» или «Видении Андрея»[240]) в данных текстах отсутствует.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо говорить не только о специфике реализации этого мотива в разных жанрах (обмираниях / видениях), но и об особом употреблении самого термина «мытарства» по отношению к жанру обмирания (в дискурсе исследователей и в рассказах информантов[241]).

Во-вторых, термин «мытарства» – в соответствии с его традиционно-фольклорным толкованием – может использоваться в значении «хождения» души после смерти по местам, в которых человек за время своей жизни «грешил» (вариант: в которых человек смог «побывать» за время жизни)[242]. Любопытно, что в традиционной культуре трактуемые таким образом мытарства понимаются предельно конкретно, так сказать, конкретно-воплощенно. Обращает на себя внимание то, что сама экспликация данного представления принимает клишированные

[240] См.: [Житие Василия Нового 2004; Видение Андрея 2006: 275].

[241] См., напр., текст обмирания: [Лурье, Тарабукина 1994: 25, текст №1].

[242] О подобных представлениях о мытарствах пишет, напр., А.Н. Соболев (без указания на конкретный регион фиксации данного поверья) [см.: Соболев 2000: 183]. Ср. приводимое Н.И. Толстым македонское поверье о том, что ангел «берет душу человека и водит по местам, где тот жил» [Толстой 1995b: 108], ср. также: [Власова 2001: 127]. Ближайшая параллель к этим представлениям в церковно-книжной литературе – «Слово» св. Макария Александрийского см.: [Бернштам 2000: 171]. О типологически сходных представлениях см.: [Новик 1984: 178].

формы: информант удивляется, что ему придется «побывать» во всех локусах, где он был прежде, и выражение этого удивления носит, на наш взгляд, стереотипный характер.

Ср.: 1. «Вот также от старых людей слышала, что, мол, вот помрёшь, вот сорок дней будет твоя душа ходить по мытарству: где бы ты ни была, куда ты ездила, все эти мяста тебе будут показывать, – вот такое я слышала, а сама себе думаю: "*Ба! Я ведь где была? Я и в Сибири была, – это меня туда повядут*!" (*СМЯ*).

2. «…Говорят, вот сорок дней, где человек был, и везде яво – покажут, где он был, что творил, что творил – да, говорят… А вот эдак вот – где в разговоре или где говорю: "*Батюшки, меня в Одессу повядут, меня и в Ленинград, и в Челябинск – я, чай, где [только] не была*!"» (*САФ*)[243].

Именно такое представление о мытарствах реализуется в некоторых рассказах об иномирных сновидениях:

«[После гибели дочери (и ее мужа) информантки родные не смогли их должным образом помянуть. Погибшие (дочь и ее муж) снятся сыну рассказчицы («Генке») и просят их «свести с горы». Сновидец помогает им сойти с горы, те просят налить им «компоту»] Слазил, грит, я [т.е сновидец – Е.С.] компот достал банку. "Ты, грит, дай нам стакан, мы вроде на дорогу, – ты знаешь, мы уже сколь прошли, сколь исходили? И как дойдём – еле-еле ходим, ведь у Наташки [погибшей дочери] нога-то не ходит, я [муж дочери информантки] её еле таскаю".

Вот по мытарствам Господь водит все дни, все сорок дней всё пройдёт, где были, где чаво брали, где чаво неправильно делали, – всё везде исходили… "Мы, – грит, – пойдём, Генка, а то нам ещё далеко-о идти-то, нам ещё много исходить надо". И я, грит, проснулся: "Эх, мамыньки, – видно, грит, правда…"» (*ЕАН*).

Рассказ о сне выполняет здесь функцию своеобразной экземплы – конкретной иллюстрации некоторого поверья. При этом вербализация представления о мытарствах (выделено в тексте курсивом) функционально близка к толкованию сна, его интерпретации согласно традиционной «герменевтике»[244]. Благодаря успешной реализации указанной функции сновидец и его окружение убеждаются в правильности определенного представления (ср.: «*Эх, мамыньки, – видно,*

[243] Оба текста относятся к одному локусу – с. Потьма Ульяновской области.

[244] Как и в «собственно вещих» снах, dream-telling происходит здесь с учетом определенной «установки интерпретатора», ср.: [Разумова 2001: 93].

грит, правда…»)[245]. Особое значение это приобретает в связи с тем, что сновидец – молодой мужчина, т.е. индивид, относящийся к той части «крестьянского общества», в которой «нередкими были взгляды, что называется, атеистического толка» [Бернштам 2000: 235].

Необходимо отметить и весьма вероятный региональный контекст последних трех примеров, поскольку тексты поверий о мытарствах и рассказ о сне, приведенные нами выше, записаны в одном селе (от трех различных информантов в самостоятельных беседах).

Иногда в текстах о снах описание мытарств эксплицируется через номинацию – без детализации этого мотива. Реализация этого описания происходит в упоминавшейся нами выше вопросно-ответной форме, характерной для текстов, в которых иномирный персонаж рассказывает сновидцу об инобытии.

Ср: «Сестра у меня в Сызрани живет, у нее дядя умер. Он ей приснился. Она его спрашивает: “Дядя Ваня, как ты там?”. А он ей: “По мытарству хожу”» (*ТСФ*).

Полевые наблюдения показывают, что один из возможных путей ретрансляции описанной выше совокупности представлений о мытарствах (в современном селе) – духовные стихи. Они же могут воспроизводится при экспликации представлений о рае / аде[246].

Ср.: 1. «Ну вот её [душу] водят везде, – там читают стих, – ну когда их это – поминают, что она, говорит, “все приступочки прошла” – везде её водят эту душу, а потом уж определяют, куда ей положено – в рай ли, куда ли, – это у кого есть такие книжки – библии – вот там-то всё написано…» (*АнМФ*).

2. «Там рай есть… Есть стих такой: “Повядут мяня в праву сторону, где котлы кипят и там… душа ваша будет гореть. Повядут мяня в леву сторону, где сады цвятут, райски птицы поют”, – вот это кто заслужил. А кто не заслужил… Вот не велят воровать, обманывать, хулюганить – это *грех непрощёный, да, грех непрощёный – аборты делают, детей губят – это самый… только в котле, грит, будешь кипеть*» (*САФ*).

[245] Ср. выше анализ рассказа о сне, также подтверждающего представление о том, что установление оград на могилах является нарушением по отношению к обитателям инобытия.

[246] Сходные наблюдения содержатся в статье А.М. Карвалейру, основывающей свои выводы на близком (в региональном отношении) к нашему материале. А.М. Карвалейру, анализируя «прагматику духовного стиха в повседневности», дифференцирует несколько типичных ситуаций цитирования текстов этого жанра в повседневном дискурсе. Среди них она выделяет ситуацию, связанную «с представлениями о душе» [Карвалейру 2006: 108].

В последнем примере описывается типичный перечень нарушений / наказаний, упоминаемый в обмираниях, который варьируется от текста к тексту. Ср., напр:

«[Информантка рассказывает о женщине-«обмерушке», о которой слышала от своей бабушки. Во время обмирания визионер видит следующее] <…> Такая кипучая-кипучая речка, и вот в этой речке как будто варятся люди: “Они чё тут делают?” – “А это, – говорит, – грешники” – “За какие же они тут грехи варятся?” – “Ну, за разные, – там она [бабушка – Е.С.] говорила, – кто матерится в жизни, вот их такая ждёт кара, а вот, – говорит, – те, кто злословят…”. А потом дальше проходим: “Вот это непростительный грех: женщины, которые делают аборт, умерщвляют детей, – это грех непростительный <…>”» (*ИТД*).

Единство представлений, организующих топику последних двух примеров, достаточно показательно: иногда это проявляется и на уровне конкретных лексем (аборты – «грех непрощёный», «грех непростительный»). Ср. также нередкое в обмираниях описание наказания за колдовство: «Там [на «том» свете] женщины стоят раком и блюют молоком – это те ведьмы, что молоко тянули» [Толстая 2003: 463] – с текстом следующего духовного стиха «О душе грешной»: «Что которая душа Христу согрешила <…> У соседушки корову подоила» [Голубиная книга 1991: 233]. Данные примеры можно было бы умножить[247].

Подведем некоторые итоги по анализируемому мотиву:

1. Мытарства, понимаемые в каноническом смысле (с апелляцией к известным апокрифическим и богословским памятникам), – характерны, прежде всего, для рукописно-книжных видений. Подчеркнем, однако, что «прохождение истязаний» встречается далеко не во всех видениях: их описание присутствует лишь в некоторых текстах [ср.: Пигин 2006: 184].

2. В устных рассказах об обмираниях описания посмертных мытарств (в каноническом смысле) встречается крайне редко: показательно, что в известных нам опубликованных записях этот мотив отсутствует. Если термин «мытарства» понимать в значении «хождения по мукам» (т.е. в рассказе описываются наблюдаемые визионером мучения грешников), то данный мотив – наиболее типичная черта как обмираний, так и видений и составляет основу описанной нами выше каузальной модели откровения. По нашему мнению, такое двойное использование указанного термина несколько размывает его понятий-

[247] Ср., напр., ряд показательных сопоставлений в кн.: [Соболев 2000: 160–186].

ные границы. Видимо, для целей исследовательского дискурса стоит установить какое-то единое его употребление.

3. Еще одно использование данного термина связано с представлениями о посмертном «хождении» души – обычно до 40 дней после смерти – по местам, где она была или «грешила» (что актуально, прежде всего, для сельской местности). Это представление эксплицируется, в частности, в рассказах о снах, быличках, поверьях, легендах и духовных стихах.

Выше уже упоминалось о том, что с описанием мытарств связан мотив своеобразного спора ангелов и бесов за душу умершего (vs умирающего и пребывающего в «тонком сне») человека. Данный мотив иногда коррелирует с описанием встречи с теми персонажами, которые переводят визионера в ИМ (персонажами-проводниками).

Наиболее вероятный генезис этих мотивов в анализируемых визионерских жанрах связан с апокрифическими, агиографическими и богословскими древнерусскими произведениями[248], а также с соответствующей фольклорной[249], иконописной, лубочной традицией (в том числе – с традицией рукописных миниатюр и лицевых апокалипсисов)[250].

Так, св. Феодора в упоминавшемся «Житии Василия Нового», наиболее подробно повествующем о «воздушных мытарствах», «егда же оубо разлоучахсе от тѣлесе» увидела «множество эфиопов», «wколо wдра моего мльвы твореще и метежь» [Житие Василия Нового 2004: 217]. Затем ей являются «нѣкаа два юноша красна <…> яко и снѣгъ и златии власи на главых имоущи», которые начинают «прение» за душу умирающей [см. там же].

[248] Данные мотивы присутствуют, напр.: [Откровение Варуха 1999; Видение Исайи 1999; Слово о видении апостола Павла 1999; Житие Варлаама Хутынского 2004: 219; Житие Андрея Юродивого; св. Григорий 1996], «Слове о терпении и о благопохвалении…» Иоанна Златоуста (в древнейшем Успенском сборнике – [Успенский сборник 1971: 440–452] и др. См. анализ этого мотива с канонической точки зрения у иеромонаха Серафима [Серафим (Роуз) 2006: 101–130], ср. также замечания Ф. Арьеса и А.Я. Гуревича: [Арьес 1992: 123–125 и сл.; Гуревич 1989].

[249] Указанный мотив встречается, напр., в духовных стихах – [Голубиная книга 1991: 231; Федотов 1991: 105–106 и сл.], а также отмечается в сказочных и легендарных сюжетах (см. по указателю СУС – 808=АА 808*).

[250] Некоторые примеры иллюстраций на эту тему из различных рукописных сборников, собраний лубочных картин, лицевых Апокалипсисов, гравюр, икон и храмовых фресок и т.д. см., напр., в кн.: [Соболев 2000; Пигин 2006; Белова 2004; Мильков 1999; Гуревич 1989; Цодикович 1995].

Этот же мотив воспроизводится в некоторых рукописно-книжных видениях. Например, кущу Андрею Иконникову, в видении идущему «по воздуху» с «нѣким отроком», являются «множество ефиопов, которые крайне начали нападати <…> Отрокъ же противъ техъ ефипов, елико можаше, показоваше имъ от добрыхъ дѣл Андреевыхъ» [Видение Андрея 2006: 275][251]. В последнем примере имеет место буквальное совпадение из цитированного выше «Жития Василия Нового», в котором «светли юноша» также пытаются спасти Феодору от «проклетаи» «ефиопов» демонстрацией ее «благых дѣль» [см. Житие Василия Нового 2004: 216–217].

Как указывалось выше, наряду с описанием мытарств в рукописно-книжных видениях нередко встречается образ-мотив «вожа», который может коррелировать с мотивом «истязания души» (как в приведенном выше «Видении Андрея»[252]), но чаще имеет самостоятельное значение. В роли персонажа-проводника, встречающего визионера и комментирующего увиденное в ИМ, могут выступать святые [Видения Ланшакова 2006; Видение девицы 2006], ангелы, «пресвѣтлый юноша» [Сказание о Михаиле 2006: 256], «пѣвчие в белыхъ стихаряхъ» [Видение Пелагеи 2006: 352], «старь мужъ» [Видение Тимофея 2006: 250], «нѣкие свѣтовидные» [Видение старухи 2006: 270], «двое черных на черной лошади» [Видение Агнии 1999: 148] и др.

В устных обмираниях мотив встречи с «вожем» преобладает (по сравнению с мотивом «прохождения истязаний»): проводник «является во сне и “уводит” спящего», а затем сопровождает по “тому” свету. Данную функцию в устных обмираниях могут выполнять Бог, “сивенький старичок”, ангел, Божья Матерь, Егорий, Никола-путеводитель, монашка, умершие родственники, маленький мальчик[253] и т.д. Близость этого образного ряда с его аналогами в рукописно-книжных текстах очевидна. Мотив «прения за душу» для устных обмираний также не типичен (характерно, например, что он отсутствует в известных нам публикациях записей данных текстов).

Рассказы об иномирных снах в данном отношении близки к устным обмираниям: при нередком присутствии в этих текстах образа-мо-

[251] Ср.: [Повесть Никодима 2006: 241].

[252] Ср. также в «Сказании о Михаиле»: [«пресвѣтлый юноша» приглашает визионера идти за собой] И взятъ мя от тѣла моего и поведе мя по пути <…>, и *показа ми вся мытарства воздушная*» [Сказание о Михаиле 2006: 257; курсив наш – Е.С.].

[253] См.: [Лурье, Тарабукина 1994: 23; Толстая 2004а: 462].

тива приходящего за сновидцем проводника[254] описание «прения» за душу практически не встречается. Определенными рефлексами описания «борьбы за душу» можно считать, по всей видимости, образы «чёрных мужиков», являющихся предвестием возможной смерти сновидца и в некоторой степени соотносящихся с «ефиопами» видений и житий (с несомненными реминисценциями из несказочной прозы[255]).

Приводимый далее пример представляет собой результат некоего лиминального состояния между сном и галлюцинацией:

«[Перед самоубийством мужу рассказчицы снились кошмары] <…> Он по ночам у меня кричал, спит и кричит: “Вона, вона, вон они! Выду я, выду!”. Я говорю: “Да кого ты кричишь: нет никого!” – “Не видишь они – в окошко глядят, – вон двое, двое – в окошко глядят, чёрны, они меня зовут, а ты не видишь и не слышишь!”. Я: “Да нет никого, нет никого!” – я к окошку подойду: “Да нет никого!” – “Ты не видишь, а я вижу, – вон они меня зовут!”. Ну, наверно, через месяц он удавился <…>, *это ему представлялось, чёрны мужики, мужики чёрны…*» (*АЕФ*)[256].

В связи с этим мотивом особый интерес представляет еще один вариант рассказа о сне, который, на наш взгляд, имеет гораздо более близкую связь с уже цитировавшимися древнерусскими источниками.

В народно-православной культуре рассказ о так называемых «Мытарствах Феодоры» (трансформированный и сокращенный вариант «Жития Василия Нового») хорошо известен и продолжает бытовать в рукописно-книжной традиции и по сей день[257]. Последняя наша фиксация тетради с этим текстом относится к 2006 году (с. Сара Сурский район Ульяновская обл.).

Указанная тетрадь принадлежит местной учительнице-пенсионерке – М.И. Фадеевой (1933 г.р., высш. образ.). Марья Игнатьевна – один из тех информантов, у которых «традиционное и сельское» весьма динамично взаимодействует с интересом к чудесному, почерпнутому из журналов типа «Чудеса и приключения». Она заговаривает

[254] Анализ рассказов о сновидениях с указанным образом-мотивом см., напр., в параграфе о снах с ЦА информирования / приобщения.

[255] См. [Померанцева 1975: 141; Азбелева 1992: 439–440, текст № 300; 503–504, текст № 365; Белова 1995: 164–166; Левкиевская 1999: 52–53].

[256] Ср.: [Видение Агнии 1999: 147].

[257] Отдельные мотивы этого произведения известны в сельской традиционной культуре, в основном, благодаря духовным стихам [см. Никитина 1993: 120–123; Федотов 1991: 105–116].

зубы, знает традиционные былички о приходящих покойниках и легенды, при этом – несколько раз видела НЛО, увлекается хиромантией и астрологией и т.д.

О мытарствах Феодоры Марья Игнатьевна рассказала нам в соответствии с рукописным текстом, хранящимся у нее (М.И. Фадеева переписала его от односельчанки): «И по всем грехам, грит, мытарства – и блудство, и воровство, и убийство, и, значит, – славословие личное там, – ну, в общем, всё-всё-всё – по двадцати гряхам. И вот душа поднимается и идёт по этим мытарствам. Если, значит, перетягивает добро – она поднимается выше. На следующем – опять по следующему греху, если перетягивает добро – идёт выше-выше-выше, [если] нет, – остаётся, зависает <…>» (*ФМИ*).

Упомянутый рукописный текст начинается следующим образом[258]: «Она [Феодора] покинув на земле своё бездыханное тело, руководимая двумя святыми Ангелами начала шествие своё по воздуху к востоку. Встретили ее Темные духи [далее описываются 20 мытарств]».

Сказанное помещает приведенный ниже рассказ о сне, записанный от М.И. Фадеевой, в достаточно конкретный культурный контекст и помогает понять истоки этого текста, так сказать, механизм его создания: «[Рассказчица, основываясь на определенных «знаниях из хиромантии», подсчитала, что она должна умереть в пятьдесят пять лет] <…> Ну там в книгах написано, там как-то подсчитывают – пятьдесят пять лет… И вот я очень расстраивалась, переживала: чё – пятьдесят пять лет, и вот мне снится сон. И вот будто я лежу на кровати в комнате, а напротив дверь открыта, и в проёме двери *стоят два мужчины, – здоровых, в чёрном*[259]. Один другому говорит, показывает на меня, говорит: “Эта?” – “Да”. Я говорю [имитирует плачущий, умоляющий голос – Е.С.]: “Миленькие мои, хорошенькие, не надо, не трогайте меня, мне ещё охота пожить, мне надо пожить!” – плачу их, прошу, – [и] они исчезли. И через малое время я посмотрела [в реальности] – у меня появилась [на руке] другая жизненная линия… Вот это тоже чудеса – появилась вторая жизненная линия, – не тронули они меня, ушли» (*ФМИ*).

[258] Сохраняем орфографию и пунктуацию оригинала.

[259] Ср. описание противоположных по своим атрибутам персонажей ИМ, явившихся в видении тяжело травмированному Семиону: «Въ головахъ у себя [увидел] двухъ юношей, ростомъ съ семилѣтних дѣтей, въ длинныхъ платьяхъ, такъ сияющихъ, как лучъ солнечный» [Видение Семиона 2006: 277].

Мотив типичного «прения за душу» в приведенном рассказе о сновидении отсутствует. Однако мужчины в черном, пришедшие за визионером, разительно напоминают соответствующих персонажей из хорошо известного информантке рукописного текста о Феодоре.

Мы не утверждаем здесь прямого влияния рукописного рассказа на процитированный текст о сне: отношения здесь, безусловно, сложнее. Необходимо учитывать и то, что представления о встрече и сопровождении души после смерти ангелами и / или бесами, в настоящее время активно бытуют в виде поверий[260] и т.п., т.е. самостоятельно, – без вероятного прямого воздействия каких-либо конкретных рукописно-книжных источников.

Однако сама возможность сближения рассказов об иномирных снах и рукописно-книжных видений на основе одинакового или подобного набора образов-мотивов (и соответствующих им представлений), свидетельствует, с нашей точки зрения, о близости их жанровой природы, а также – о сходстве на уровне определенных структурно-семантических и прагматических особенностей.

Вместе с тем, исследуемые тексты имеют и весьма существенные отличия на всех указанных выше уровнях, позволяющих говорить об их жанровой специфике и необходимости дифференциации.

§ 6. Мотивы перехода в ИМ / выхода из ИМ

Описание мытарств и связанных с ними мотивов, которые мы рассмотрели в предыдущем параграфе, непосредственно связано в анализируемых текстах с экспликацией перехода в ИМ. Переход в инобытие в рассказах о снах оформляется благодаря набору пограничных образов-мотивов, типичных для многих традиционных фольклорных жанров (духовных стихов, сказок, причитаний, быличек и др.). В частности, чтобы оказаться в ином мире, сновидец должен преодолеть овраг, яму, пропасть, реку, море, ручей (по мосту, «нитке», «жерди» и т.п.), подняться на гору, спуститься по лестнице в яму или могилу, лететь «по воздуху» либо – через тоннель, «трубу», пещеру, гору и т.п.[261]

Приведем некоторые примеры:

---

[260] Ср.: [Толстая 1999b: 164; Толстой 1995b: 108].

[261] Ср. значимость некоторых из этих образов-мотивов в «собственно вещих» снах: [Разумова 2001: 100–101; Виноградова 2004: 305].

1. «…Я [сновидец – Е.С.] приземляюсь на маленькую полянку, но там оказываюсь один. Меня от всех них отделяет *маленькая речка.* Я подхожу к речке, пытаюсь ее переступить… [некая женщина запрещает ему переходить реку, говорит, что «еще рано»] (*НСК*).

2. «Вот недавно видела сон <…> но всё говорят – може, ад или чаво ли?.. Вот <…> *в овраге есть [прогал],* – я вроде этим *прогалом* иду и иду. И зачерпнула воды, а уж оттуда взяла ведра на коромысл и говорю: “А где тропа-то, а как идти-то, а кудай-то тропа делась?” <…>» (*ХФИ*).

3. «[Во сне рассказчица со своей матерью идет к могиле отца] <…> Подходим будто *к могиле, могила раскрывается, и ступеньки туда.* Спустились мы <…> [видит большую светлую комнату, в которой за столом сидит умерший отец]» (*КЕВ*).

В некоторых нарративах описание перехода является основой сюжета рассказа, представляя собой целостную картину «пограничного» мира. Обычно в этих случаях используются образы-мотивы комнаты или дома (вариант: церкви) с длинным коридором, по которому сновидец ходит, поочередно открывая двери и как бы «заглядывая» в инобытие. Ср. два репрезентативных текста:

1. «[Во сне рассказчик видит церковь] В двери [церкви] захожу, – <…> и вот четыре двери. Дверь открываю: сидит черт, мужчина, с рогами, с усами, с бородой сидит, чинит хомут: “Тебе, – говорит, – здесь делать нечего, сюда добираться”. Я эту дверь закрыл. Вторую открываю дверь, открываю – конюшня стоит с лошадьми, – тоже черти говорят: “Тебе делать нечего”. В третью дверь меня не пустили. В четвертую дверь зашел – там женщины, девчонки, – все в белых халатах, и я туда зашел…» (*ТВВ*);

2. «<…> Вижу я во сне... У меня был знакомый, он умер. И я куда-то попала – во сне это – в какой-то дом. <…> И я иду по этому колидору, колидор длинный, длинный, длинный такой колидор. И сюда дверь, и сюда дверь, и сюда дверь, а я и думаю: в какую ж мне дверь, интересно, заходить сюда? Ну, не понимаю! Так иду – на, раз – на этой двери стоит вот этот самый знакомый, в шинели военной, и говорит на меня: “А ты как сюда попала?”. Я говорю: “Как ты попал, так и я попала”, – от так отвечаю ему. Он мне и говорит: “Тебе вот сюда надо заходить, в эту дверь” <…>» [Лурье, Черешня 2000: 297].

Любопытно, что этот же образ-мотив актуален для «собственно вещих» сновидений: в данных рассказах он выступает как предзнаменование смерти (=переходу в инобытие). Ср.: «На работе у нас сильно заболел начальник… Однажды мне приснился сон, что он идет по

длинному черному коридору, пробует открыть двери, но ни одна не поддается, – он посмотрел на меня и исчез. Проснулась [я] с неприятным ощущением, почувствовала, что с ним что-то случилось. В этот день нам сообщили, что он умер» (*ЗИН*).

К переходным образам-мотивам относятся также «загородка до самого нёбушка», за которой сновидец видит обитателей «того света»; радуга, куда уходит неродившийся ребенок после сделанного аборта, и некот. др.

Сопоставляя названные образы-мотивы иномирных сновидений с их аналогами в рассказах об обмираниях, не трудно заметить их весьма тесную близость. Так, М.Л. Лурье и А.В. Тарабукина в своей работе, посвященной устным обмираниям, пишут, что обмерший может переходить «через реку (иногда огненную или с кипящей смолой) по “мостинкам”, “кладочке”, шнуру, нити», залезать “на крутую гору”, спускаться в могилу, подняться «по “лесенке” вверх» [Лурье, Тарабукина 1994: 23]. Встречается и образ-мотив «дома с коридором» [см. там же; Толстая 1999а: 22–23, текст № 7].

Подчеркнем, что как в сновидениях, так и в устных обмираниях описание перехода в ИМ – не обязательный элемент текста[262].

В известных нам текстах рукописно-книжных видений потустороннего мира наиболее типичной манифестацией мотива перехода является описание некоего движения с проводником – без конкретизации деталей этого пути. Для видений (как и для некоторых снов и обмираний) часто важнее оказывается образ самого персонажа-проводника, нежели описание пути в ИМ[263]. В отдельных текстах этот мотив фактически редуцирован и описание перехода отсутствует, например: «В тонокъ сонъ сведенъ, видѣ себе пришедша на нѣкое полѣ» [Видение инока 2006: 272].

Однако рукописно-книжные видения эксплицируют в пределах данного описания и ряд специфических деталей, в большей степени типичных именно для этого жанра. Среди них особо следует выделить мотив «отделения души от тела», а также нередко коррелирующий с ним мотив «видения своего тела “со стороны”».

[262] В отношении к обмираниям см. об этом, напр.: [Толстая 2004а: 462].

[263] Ср., например, следующие тексты видений, опубликованные в монографии А.В. Пигина: [Видение Тимофея 2006: 250; Сказание о Михаиле 2006: 257; Видение Филиппа 2006: 268; Видение старухи 2006: 270; Видение Семиона 2006: 277–278; Видение Акилины в Казани 2006: 349].

Ср.: 1. «[Визионер «бывшу яко во иступлении» во время тяжелой болезни] И внезаапу яко врата разтворишася, и мене яко за руку ятъ нѣкто и исторгнувъ из вратъ внѣ, и паки врата затворишася. И обрѣтохся нѣгдѣ, яко на зеленѣ травѣ стою, а тѣло свое зрю на земли лежащее пред собою. И прежде удивихся сему и размышляя в себѣ: како единаго себе положена сугуба суща зрю и раздѣлѣна? И в недоумѣнии о семъ бысть» [Повесть Никодима 2006: 243].

2. «В ето время я почувствовала, как душа моя отделилась от тела. И я обнаружила двойственность своего положения, т.е. я смотрю на себя, на свое окроваленно тѣло, как на свою одежду, и поняла, что умерла. Убедившись в том, что душа моя вышла из тѣла, мне было жаль оставлять этот мир…» [Видение Клавдии Устюжаниной 2006: 361–362].

Заметим, что мотив этот весьма устойчив: достаточно сказать, что по времени создания два приведенных выше текста отстоят друг от друга более чем на 300 лет («Повесть Никодима» написана около 1640–1650 гг., запись процитированной редакции «Видения Клавдии» датируется 1966 г. [см. Пигин 2006: 370, 409; Пигин 2003]).

Мотив «отделения души от тела» «присутствует во многих памятниках древнерусской литературы и духовной поэзии» [Пигин 2006: 174–175], а также – в фольклоре (напр., поверьях, духовных стихах, причитаниях, сказках, легендах[264]) и достаточно подробно исследован в книге Ф. Батюшкова [см.: Батюшков 1891]. Есть он и в упоминавшемся нами выше «Житии Василия Нового» (также в сочетании с мотивом видения тела со стороны): «[Пришедшая в видении к Феодоре Смерть «отсѣче» ей «выю» и дает нечто выпить; душа Феодоры «изскочи от тѣла»] и оузрѣхъ тѣло мое мрьтво лежеще недвижимо и не чювьствьно. Яко же се нѣкто свлькь ризоу свою и положить ю, и стоить зре на ню» [Житие Василия Нового 2004: 219].

Как предполагают исследователи, из «Жития Василия Нового» данные мотивы были заимствованы, например, некоторыми редакциями популярных на Руси «Прения живота и смерти» [Дмитриева 1964: 28, 52–55 и сл.], «Извещения от ангела Макарию Египетскому» [Шилов 2003] и др. Любопытно, что подобные описания спорадически встречаются и в устных обмираниях, а также – в рассказах о сновидениях (нам известно всего несколько примеров с этим мотивом в данных жанрах).

[264] См., напр.: [Толстая 1999b: 164; Соболев 2000: 56–64; Голубиная книга 1991: 231–232; Причитания 1960: 293, 311; Никитина 1993: 123–131; СУС 1979: № 808=АА 808*; Федотов 1991: 79–104], ср. также: [Байбурин 1993: 105–106].

Ср.: 1. [**рассказ об обмирании**] «Сверху он [обмерший] видел, <…> как уложили его в гроб и жена оплакивала его…» [Тодорова-Пиргова 1999: 25][265].

2. [**рассказ о сне**] «[Во сне] я видела как бы себя со стороны. Как будто это была там я, но я наблюдала за собой, то есть как будто... как будто я сплю, и я себя видела сверху, как будто у меня душа оторвалась, и я себя наблюдаю сверху» (*ПЕА*).

Активизировавшийся в последние несколько десятилетий научный и – в основном – околонаучный интерес к рассказам о «переживаниях» во время клинической смерти сделал разбираемый мотив достаточно известным[266]. Как предполагает Е.Е. Левкиевская, «явно под влиянием» этого же интереса перемещение в ИМ в упомянутых рассказах «описывается не в архаических образах перехода по мосту или влезания на высокую гору, что до сих пор характерно для деревенской традиции, а в виде полета души по длинному темному тоннелю, в конце которого виден свет» [Левкиевская 1997: 810].

С нашей точки зрения, такое прямое влияние вряд ли имеет место во всех рассказах подобного рода, тем более что авторитетные реаниматологи указывают на существование возможных психофизиологических коррелятов, связанных с мотивами «нахождения вне тела» и «полета по тоннелю»[267].

Кроме того, данные описания могут органично соединяться в текстах с рядом других – характерных для традиционной культуры (в том числе – для рассказов об обмираниях) – образов-мотивов леса, окна, трубы[268] и др.

Ср., например, следующий рассказ о «переживаниях» во время операции (при кратковременной остановке сердца), в котором так или иначе актуализируются все перечисленные выше образы-мотивы:

«Мне должны были делать операцию на ногу, но анестезиолог поставил неудачно укол, и у меня пошло в верхнюю часть тела [происходит остановка сердца]. <…> Помню – подумала: “Вот так и уми-

[265] Ср. также, напр.: [Никитина 2002: 224].

[266] См., напр.: [Моуди 1998a; Моуди 1998b; Гуревич П. 1990], библиографию на эту тему см. в кн.: [Серафим (Роуз) 2006], также: [Милеант 1997].

[267] Имеются в виду феномены так называемого «трубчатого зрения», «деперсонализации» и т.п. [Неговский 1978: 72–73; Неговский 1991; Неговский 1986].

[268] Ср.: «В обмираниях иной мир часто предстает как лес, по которому ходит спящий» [Агапкина 2004: 97]. Ср. также: [Виноградова, Левкиевская 2004: 534; Толстая 1999b: 164].

рают", – меня как будто потянуло *в трубу*[269]*, я пролетела сквозь окно и понеслась в лес*. Хотя операцию делали днем, мне казалось все кромешной тьмой, – *я видела вдалеке красный огонек, звездочку и летела прямо на нее* <…>» (*АВА*).

Возможность такого соединения (в пределах одного рассказа) синонимичных друг другу образов-мотивов позволяет, на наш взгляд, говорить о некотором соответствии этих описаний общей модели осмысления того, что происходит в момент смерти человека. В ином случае трудно было бы объяснить ту относительную «легкость», с которой в данную модель были включены упомянутые мотивы.

Вместе с тем, оппозиция, о которой пишет Е.Е. Левкиевская (с одной стороны, переход по мосту, «влезание на гору» и т.п., а с другой – «полет по тоннелю»), в реальном бытовании может нейтрализовываться сопряжением разных элементов этой оппозиции: например, полет через пещеру в горе.

Ср. следующий рассказ об иномирном сновидении, в котором именно так оформляется переход в инобытие: «<..> Передо мной большая гора, а в ней маленькая черная дырочка. Я поднимаюсь туда, и она оказывается большой пещерой. Я иду туда, и меня начинает засасывать. Я лечу с очень большой скоростью <…> [далее сновидец встречает некую женщину, которая запрещает ему переходить «маленькую речку», делая это в стереотипной для таких текстов форме: "Тебе еще рано сюда. Тебе еще очень долго жить…"]» (*НСК*).

Анализируемые образы-мотивы, связанные с описанием перехода в ИМ, могут присутствовать и в текстах о «собственно вещих» снах. В приведенном ниже примере акцент делается не столько на переходе в ИМ, сколько на картине прохождения «тоннеля». При этом то, что в рассказах об «опыте» клинической смерти сопрягается в едином симультанном акте (описание перехода в видении подразумевает состояние временной смерти в реальности), в текстах о «вещих» снах оказывается разведенным во времени: картина перехода, описываемая в части Т1, имплицирует смерть в будущем, – в пределах части Т2.

Ср.: «Моей бабушке приснился сон (она [в реальности – Е.С.] заболела неизлечимой болезнью – раком) <…> Она говорит, будто нахожусь внизу, под самым домом, и не могу выбраться <…> "Будто я

[269] Ср. другой рассказ об аналогичных переживаниях (клинической смерти во время операции): «И я провалилась в облака, <…> я быстро улетела в трубу…» (*ВВН*).

ползу туда и вижу в конце тоннеля свет, я хочу к этому свету, просыпаюсь", – и так не смогла выбраться. Буквально через два месяца [в реальности] она умирает…» (*РМА*).

В последнем тексте реализуется традиционная модель, подтверждаемая и сновидческими приметами, в соответствии с которыми невозможность выйти из ИМ (преодолеть преграду, мост, выбраться из ямы, пещеры и т.п.) осмысляется как предвестие смерти, – ср.: «Идэш и в яму. Як выйдэш – то шэ жытымэш, а як нэ выйдэш – то вмрэш» [Гура 2002: 74], ср.: [Валенцова 2002: 49].

Следовательно, признавая влияние популярных околонаучных практик (особенно – в массовой городской культуре) на указанные выше мотивы, необходимо учитывать и определенное соответствие этих ментефактов системе традиционно-культурных представлений, готовность этой системы их «воспринять». Относительно описаний так называемого внетелесного опыта и «отделения души от тела» данный тезис не нуждается в особых доказательствах, поскольку эти мотивы встречаются во многих оригинальных и переводных памятниках древнерусской литературы, а также в фольклоре.

Рассматривая последний из примеров рассказов о снах, мы упомянули об описании выхода из ИМ. Как и мотив перехода в ИМ, это описание присутствует далеко не во всех текстах визионерских жанров. Наиболее часто говорится о том, что визионер / сновидец «ожил», «проснулся» и т.п. Например: «На меня заворчал муж, и я проснулась и оказалась в избе» [Видение Агнии 1999: 149].

Однако иногда выход из ИМ оформляется в анализируемых рассказах благодаря ряду специфических мотивов. Так, в устных обмираниях визионер может покидать ИМ следующим образом: его «бросают в падаль»; «толкают в собственное тело – холодный чулан с костями»; перед тем, как проснуться, «тайнозритель» переступает через змею и т.д. [см. Лурье, Тарабукина 1994: 23].

Мотив «выталкивания» из ИМ характерен и для некоторых сновидений: 1. «[Некие ворота в ИМ начинают «смыкаться»] <…> и, чтобы успеть, она [умершая сестра] ее [сновидицу] толкнула, ну во сне толкнула, чтобы она быстрее через эти двери прошла, и потом ворота сомкнулись, и она проснулась» (*ЛГВ*).

2. «[Во сне] она [умершая сестра] меня даже пыталась вытолкнуть, чтобы: "Уходи, уходи!.." – со словами она меня даже выталкивала, я стала уходить… я споткнулась об эти цветы и – вышла оттуда, из этого сада [в котором находилась увиденная умершая – Е.С.]» (*СЛП*).

Любопытно, что выпроваживаться из мира, по отношению к которому тот или иной персонаж является «чужим», могут как представители ИМ, так и нашего мира. Иногда это реализуется благодаря использованию одних и тех же образов-мотивов: например, в одном из рассказов о сновидении представитель инобытия, пришедший во сне в наш мир, изгоняется сновидцем при помощи палки:

«…Он [сновидец – Е.С.] понимает, что если она [умершая бабушка] сейчас уведет ее, его мать, то она уже не вернется. Он берет какую-то палку и начинает орать на эту бабушку: "Уйди отсюда! Оставь нас!" – и *прогоняет ее палкой*. Ну, она уходит…..»[270] (*КЮА*).

В свою очередь (как описывается в одном из рассказов об обмирании) сам визионер может выпроваживаться из ИМ аналогичным образом: «А потим, ка, бачу – дид *з киёчком* да йде да каже: "А чого ти [т.е. обмерший – Е.С.] сюда прийшов, не вмерший?". *Такий високий киёк у ёго*. Як даў по спини, так вин и проснувся…» [Толстая 1999а: 22, текст № 4].

В некоторых рукописно-книжных видениях, в отличие от устных обмираний[271] и – особенно – от сновидений, делается акцент на описании «возвращения в тело», при этом иногда упоминается о нежелании возвращаться со стороны визионера. Ср.: 1. «Наконец приведе его к тѣлу. Андрей же, не хотя лишитися пребывшей ему от гласа радости, не хотѣ в тѣло идти…» [Видение Андрея 2006: 276].

2. «Аггелы несли меня по воздуху, и я скоро очутился въ своей келии, гдѣ лежало бездыханное мое тѣло. Кто бы могъ представить, сколь гнусно, сколь отвратителною казалась тогда плоть моя! Нѣсколько раз отворачивался я от моего бреннаго праха и молилъ аггеловъ избавить меня от тѣла смерти сея…» [Видение Макария 2006: 302].

В упоминавшейся популярной книге Р. Моуди рассказам с указанным мотивом (нежелания возвращаться в тело) посвящен отдельный параграф [см. Моуди 1998: 272–273], что делает применимыми к данным описаниям выводы, предложенные нами ранее[272].

---

[270] Данный текст коррелирует с рассказами о явлении покойников наяву, в которых персонажи «нашего мира» пытаются избавиться от визитов умерших, – см., напр., сюжетные ситуации типа Б в Указателе Н.К. Козловой [Козлова 2000], а также следующие тексты: [Власова 2001: 134, текст № 1; Зиновьев 1987: 267–270 и др.]

[271] Нам известен только один текст устного обмирания (записанного в городе) с мотивом «нежелания» вернуться в свое тело.

[272] Ср.: [Гуревич 1981: 193].

Таким образом, проанализированные примеры позволяют говорить о близости мотивов, связанных с переходом в иной мир (а также – с выходом из ИМ), во всех рассмотренных нами группах текстов о визионерском опыте. Отмеченная нами специфика этих рассказов, в основном, обусловлена доминированием тех или иных мотивов, их более или менее подробным описанием, присутствием или отсутствием некоторых характерных деталей.

§ 7. Мотив обретения необычных способностей

Необходимо остановиться еще на одном достаточно устойчивом мотиве, встречающемся в текстах всех трех рассматриваемых визионерских жанров, – мотиве обретения необычных способностей визионером[273]. В основном, манифестация этого мотива происходит в части E T2, т.е. после описания собственно видения / сна.

Например, в одном из текстов у крестьянина Семиона после видения «внутреннии глаза <…> открылись: онъ видѣлъ грѣшныхъ людей черными, как смолъ, а на тѣхъ, кои лучшей жизни, – здоровый алый цвѣтъ» [Видение Семиона 2006].

Однако иногда о новых способностях сообщается и в пределах части T1: например, Пелагея «при всемъ безграмотствѣ» «ясно прочитала все <…> порочные дела» в книге, которую она видит перед «вратами», ведущими в хороший ИМ [см.: Видение Пелагеи 2006: 353].

Эти же тенденции характерны для снов и устных обмираний, однако в последних упомянутый мотив обычно связывается с несколько другими коннотациями, которые (как показывают наблюдения над известными нам текстами) для рукописно-книжных текстов не релевантны.

Приобретение «чудесного дара» в видениях кардинально не меняет визионера: оно носит либо временный характер (как, например, в упоминавшемся «Видении Семиона»), либо выполняет функцию свидетельства достоверности самого видения. Так, в «Видении Филиппа» визионер, предсказав будущее своим близким (благодаря приобретенной после видения способности предвидеть будущее) и призвав их к покаянию, «о себѣ же глаголаше: “Благодарю зѣло! И Бога молити о нихъ непрестанно буду, яко тѣми дана мнѣ бысть надежда спасения. И

[273] В отношении рукописно-книжных видений подробнее о мотиве обретения необычных способностей см.: [Пигин 2006: 202; Гуревич 1981: 231].

уготова ми ся жилище в селениихъ праведныхъ. И скоро иду от сего свѣта в будущую жизнь" <…> Яже вся по словеси сказания его збышеся» [Видение Филиппа 2006: 269].

Таким образом, знание о «надежде спасения» (детерминированное откровением по формуле: не-нарушение [соблюдение «правил»] →не-наказание) преобразует судьбу визионера, в то время как временный дар предсказания лишь подтверждает реальность (достоверность) самого видения.

Несколько иначе манифестируется разбираемый мотив в других визионерских жанрах. В устных обмираниях и рассказах об иномирных снах полученный воспринимателем «дар» в значительной мере влияет на его дальнейшую судьбу (в частности, изменяет его социальный статус – он становится «знающим») и имеет более-менее постоянный характер.

Получение необычных способностей – центральный мотив этих текстов. Основная функция описания увиденного в ИМ (в части Т1) – объяснить, санкционировать обладание полученным даром (последнее, т.е. описание самих способностей, обычно манифестируется, как и видениях, в части Т2). В этом отношении данные рассказы близки к этиологическим легендам, для которых также важно объяснить появление того или иного феномена / объекта и – тем самым – утвердить и санкционировать само его существование[274].

Не случайно, что тексты подобного рода нередко составляют часть обязательного нарративного фонда любого «знающего», в который включаются также рассказы о случаях исцеления, чудесах, передачи «знаний», былички об оборотничестве и т.п.[275]

Приведем некоторые примеры:

1. (**рассказ об обмирании**) [Дед рассказчицы умер; его положили в гроб и отпели] <…> В это время его душа отправилась на небо. Там было много света и маленькие дети в белых одеждах. Тогда к нему подошел Христос и велел ему вернуться на землю, потому что он даст ему талант лечить людей <…> [обмерший просыпается; с тех пор он лечит людей]» [Тодорова-Пиргова 1999: 25][276].

[274] Подробнее об особенностях жанра этиологических легенд см., напр.: [Белова 1999; Белова 2004].

[275] Ср. в связи с этим некоторые замечания Е.С. Новик, основанные на материале сибирских народов: [Новик 1984: 235 и сл.].

[276] Ср. близкие к процитированному тексты обмирания: [Тодорова-Пиргова 1999: 25, текст № 2, 3].

2. (**рассказ о сне**) «Видала я во сне Божью Матерь, – и я её брала за руку, из воды я её вроде вытащила, из колодца, и она мне говорит: “Я тебе должна, я тебе уплачу, мол…”. Я [говорю]: “Мне ничё не надо, мне только чего я хочу – я вот хочу помогать людям, мне охота, а я ничё не знаю” <…> [Богородица дарует сновидице силу исцелять; на селе она считается «знающей» – Е.С.] (*МАФ*).

На наш взгляд, последние примеры уместно рассматривать в одном типологическом ряду с текстами и представлениями, характерными для многих традиционных культур, в которых дар исцелять, камлать, предсказывать будущее, исполнять эпические произведения нередко связывается со сновидениями и рассказами о них[277].

Кроме того, следует обратить внимание на наличие в примере № 2 возможной корреляции со сказкой: в этом рассказе о сне, по нашему мнению, присутствует узнаваемый мотив «благодарного помощника» (Богородица наделяет сновидицу чудесными способностями на основе принципа обмена – воздаяния за услугу, ср.: «Я тебе уплачу»).

На связь пересказов сновидений и сказки указывал в свое время П.Г. Богатырев[278]. О неслучайности этого мотива в рассказах о снах свидетельствует, например, следующий текст, в котором также используется типичная сказочная формула испытания персонажа «благодарным помощником»: «[В реальности врачи запрещают рожать ребенка сновидице («тете Свете»)] И вот ночью ей [сновидице – Е.С.] приснился маленький ребенок, он протягивал к ней ручки, грустно смотрел на нее и произнес: “*Не убивай меня, я тебе пригожусь*”. Утром тетя Света не пошла на аборт <…>» [Разумова 2001: 105; курсив наш – Е.С.].

Отметим, что высокий статус способностей, приобретаемых во сне / обмирании, изначально определен сакральным характером персонажа, который наделяет сновидца даром лечить (ср. выше – Христос, Богородица). Однако этот статус необходимо периодически подтверждать, как бы напоминать о нем. Эту функцию (наряду, например, с рассказами об исцелениях), также могут выполнять сновидения.

Ср., напр., следующий текст, в котором соединяются «этиологическая» (мотив приобретения способностей) и «подтверждающая» интенции: «Вот женщина мне [во сне] показалась – Непалинáя Скупинá, в детстве ещо, что она до меня палочкой дотронулась – и я полетел, – летал. Это ясновидение она мне дала… Она с детями ехала на тройке

[277] См. подробнее: [Новик 1984: 191–203; Жирмунский 2004а: 358–370].

[278] См. [Богатырев 2006].

зимой. <…> Я летаю во сне, когда ко мне приезжают люди [на лечение – Е.С.], я летаю и вижу этого человека, кто ко мне придёт…» (*ТАМ*).

Примечательно, что, по словам информанта, он часто рассказывает о своих снах «клиенту», пришедшему к нему: такие рассказы, безусловно, влияют как на конкретный случай излечения, так и на общее отношение к целителю окружающих. Данные тексты, наряду с остальными рассказами из нарративного фонда того или иного «знающего», создают своеобразный личный миф целителя, позволяющий ему успешно осуществлять свою деятельность и занимать вполне конкретную позицию в определенном микросоциуме[279].

Отметим, что изредка встречаются тексты, в которых основное внимание рассказчика сосредоточено именно на получении визионером необычных способностей – например, ясновидения:

«Было, у нас, значит, такое <…> Баба одна обмерла, ни жива ни мертва. Проснулась и перво, что говорит: “Марья, беги домой скорее, у тебя младеня в люльке криком изошелся <…>”. Марья побегла и точно <…> младеня в люльке криком кричит. *И вот стала она так все говорить, предупреждать нас* <…> Что-то ей прямо можно говорить было, а что-то нет» [Добровольская 1999: 24; курсив наш – Е.С.].

В приведенном примере полностью редуцирована часть Т1 (пересказ самого видения), что в значительной мере, на наш взгляд, меняет не только смысловую доминанту текста, но и трансформирует его прагматику, – по сравнению с типичными рассказами этого жанра. Более того, с точки зрения характерной для визионерских жанров логико-семантической организации повествования, в центре которой – взаимодействие между акциями и реакциями основных персонажей, эксплицирующимися, соответственно, в частях Т1 и Т2, – данный текст нельзя отнести ни к одной из групп рассматриваемых жанров.

Другими словами, процитированный пример – не визионерский текст. Не случайно, что С.М. Толстая предлагала разграничивать рассказы о собственно обмираниях («посещении того света») от текстов о «самих *событиях* обмирания (летаргии)», причем вторые «могут существовать и независимо» от первых [см. Толстая 1999а: 22; выд. авт.]. Данный рассказ, скорее, ближе к быличкам о получении «знания», предсказаниях и т.п.[280]

---

[279] Ср. у С.Б. Адоньевой: «Индивидуальный фольклорный репертуар» является «одним из маркеров социального места человека» [Адоньева 2004: 17].

[280] См. об этих текстах подробнее, напр.: [Криничная 2002]; примеры данных рассказов см.: [Зиновьев 1987а:179, 220–221, 290–292, тексты №№ 257, 320, 418–420].

Такое взаимодействие и взаимопроникновение фольклорных прозаических жанров отчасти подтверждает мысль Л. Хонко о том, что носителя традиции в большей степени интересует сообщение, оформляемое в определенную жанровую форму, нежели сам жанр[281].

О трудностях разграничения рассказов о снах от традиционных жанров фольклорной прозы (быличек, преданий, легенд и т.д.) мы уже писали в третьей главе. Эти положения применимы и к анализируемым визионерским текстам. Выбор жанрового «регистра» во многом обусловлен конкретной социально-коммуникативной ситуацией[282], однако с вербализацией визионерского опыта мы будем иметь дело только в том случае, если в рассказе так или иначе присутствует манифестация части T1.

§ 8. Замечания об актуализации dream-telling

В завершение мы остановимся на важном вопросе актуализации рассматриваемых текстов, т.е. анализе тех потенциальных ситуаций, в которых может быть воспроизведен тот или иной рассказ.

К сожалению, имеющиеся публикации устных обмираний возможности такого анализа практически не предоставляют. Это обусловлено тем, что, во-первых, до сих пор отсутствуют «репрезентативные подборки» устных рассказов об обмираниях[283], во-вторых, существующие публикации этих текстов почти всегда лишены описания того контекстуального «поля», которое позволило бы говорить о конкретном отношении определенного рассказчика / слушателя к воспроизводимому тексту, а также – о том, в каких социокультурных и коммуникативных условиях функционирует зафиксированный рассказ.

Рукописно-книжные видения в этом отношении изучены несколько лучше, поскольку многие исследователи данных текстов обращают особое внимание на функциональные и социокультурные связи visiones с внеположными им системами[284]. Основываясь на некоторых выводах, представленных в указанных исследованиях, можно, напри-

[281] [Honko 1989: 15].

[282] См.: [Адоньева 2004: 5–17 и сл.; Honko 1989: 15].

[283] См.: [Толстая 2004а: 464].

[284] См., напр.: [Пигин 2006: 206–237; Ярхо 1989; Грибанов 1989; Гуревич 1981: 176–239 и др.] и др.

мер, утверждать, что видения (в частности, политические и связанные с религиозной полемикой) становятся особенно актуальны в переходные, переломные для определенного социума периоды (напр., Смутное время, восстания, религиозные преследования[285]).

Однако о конкретных ситуациях репродуцирования того или иного видения, отношении определенного рассказчика, «редактора», переписчика к конкретному тексту можно судить лишь косвенно (или – вообще невозможно), так как описание данного контекста обычно также отсутствует в существующих публикациях.

На наш взгляд, полноценное изучение указанных особенностей возможно только в том случае, если фиксация текстов основана на методе включенного наблюдения. Это означает учет того факта, что исследуемые рассказы «не существуют отдельно от социальных взаимодействий, и изучать их следует также вместе» [Христофорова 2004: 34][286]. При этом необходимо «совмещать» беседы «с информантами о том, что происходит здесь и сейчас» с обращением «к памяти людей» [там же].

Учитывая общую направленность нашей работы и специфику доступного материала, мы в пределах данного параграфа остановимся на актуализации dream-telling.

Выше уже указывалось на то, что рассказы о снах, как и любой жанр несказочной прозы, жестко не прикреплены к каким-либо конкретным обстоятельствам или временному периоду: пересказать эти тексты можно, в принципе, «где угодно» [см.: Virtanen 1989: 138–139]. Однако при этом релевантно, на наш взгляд, говорить о ситуациях, в которых репродуцирование рассказов о снах особенно актуально.

По нашим наблюдениям, воспроизводство текстов этого жанра (так же как и большей части видений и обмираний) приобретает специфическую значимость в опасные, переходные, судьбоносные для отдельного человека или определенной группы людей периоды (болезнь, смерть, война, экзамены, авария и т.п.). В традиционной культуре повышенное внимание на сновидения обращают и в ритуально

[285] См. об этом, напр.: [Прокофьев 1964; Прокофьев 1967; Ромодановская 1996; Ромодановская, Шашков 2000; Бахтина 2004; Покровский 1997; Покровский 1999] и др.

[286] Теоретическое обоснование прагматического подхода к фольклорным формам, понимаемым как речевые действия, «регулирующие определенную практическую деятельность», см.: [Адоньева 2004].

маркированных ситуациях[287], в особые – также значимые для той или иной традиции – периоды времени (календарные праздники, определенные дни недели или месяца и т.п.)[288].

Заметим, что мы не ставим здесь задачи описать – даже схематично – функционирование текстов о снах во всех указанных выше ситуациях, поскольку разработка данной проблематики – несомненно, предмет специальных исследований. В этом параграфе (в качестве своеобразной иллюстрации) мы подробнее остановимся на отдельном примере актуализации dream-telling, связанной с конкретным «фрагментом» похоронно-поминального ритуального комплекса – первых поминках по умершему (происходящих сразу после похорон).

Основной материал, на который мы будем опираться, записан на нескольких поминках в селах Сара и Проломиха Ульяновской области (с использованием метода включенного наблюдения). В качестве дополнительного контекста будут привлекаться некоторые аналогичные городские рассказы о снах, а также тексты, записанные методом обычного интервью (близкие, судя по описаниям части Т2, к указанным выше текстам).

Ниже мы представим описание того, как происходит сам процесс актуализации, опираясь на полевой дневник автора.

8 августа 2006 года в с. Сара проходили поминки по А.И. Прошкину, 1962 г.р. Рассказы о снах, которые были актуализированы на поминальном обеде и после него, встраивались говорящими в серию текстов особого рода, которые мы условно предлагаем называть «биографическими поминальными нарративами»[289].

Функция этих рассказов – напомнить (точнее – совместно вспомнить) собравшимся об умершем, его лучших качествах, ярких – иногда даже шуточного характера – ситуациях, в которых были задействованы говорящий и тот, которого поминают. Создается, говоря несколько отвлеченно, коллективный портрет умершего, в который любой из со-

[287] В основном, имеются в виду обряды «жизненного цикла» – рождение ребенка, свадебный и похоронно-поминальный обрядовые комплексы, см., напр.: [Листова 2001, 2002; Байбурин 1993] и др.

[288] См. об этом, напр.: [Виноградова 1995: 483–484; Чичеров 1957: 87, прим. 87; Душечкина 1995: 33, 36–37; Душечкина 1993: 52–54; Максимов 1995: 506, прим. 2; Зиновьев 1987а: 294–298, тексты №№ 425–431] и др.

[289] В этом отношении сновидения в определенной степени близки к некоторым рукописно-книжным видениям, нередко входящим «в состав более крупных – исторических и агиографических – произведений» [Пигин 2006: 219].

бравшихся может добавить нечто свое. Большую активность проявляют здесь не столько родственники, сколько друзья и соседи.

О снах начинают говорить тогда, когда описывают временной период, непосредственно предшествующий смерти или связанный с уже случившимся несчастьем. Так, соседка А.И. Прошкина, не знавшая, что он находится в больнице, накануне его смерти слышит во сне некий мучающий ее голос, терзается странными мыслями, не может заснуть и т.п. При этом манифестируется особое родство с умершим («ро́ждены в один день», тождественность группы крови), которое как бы объясняет экстрасенсорную связь с соседом. В Т2 (части Е) рассказа специально подчеркивается то, что известие о смерти стало известно после сна, тем самым текст соотносится с реальностью по принципу сбывшегося сновидения.

Ср: «Мне приснилось, – мы одной крови, вместе ро́ждены в один день, у нас одна кровь – вторая группа – просто люди понимают друг друга, – зависимость. И вот (я не знала, что он [А.И. Прошкин] в больницу попал), я вот вечером ложусь спать, час ночи, два, мне вот как вторая сила говорят, не знаю, – какие силы говорят: “Ты что спишь, – Прошкин-то умирает!”. Я: “Почему он умирает?”. Я встану – опять, – ты что, Господи, опять час прошёл, опять мне какие-то вторые силы: “Прошкин-то умирает!” – мой сосед любимый. <…> А я два часа ночи, – опять не сплю. И вот так перед иконой встала: “Господи, прости меня, пусть человек сто лет живёт, почему такие мысли мне лезут в голову! Ну я не понимаю, почему они лезут”. Я по́няла – потому что мы одна кровь, мы вместе ро́ждены в один день <…> И я ладно, всё это прошло, – я утром прихожу к Марьке, там девчонка моя работает, Андрюшкина эта, я звоню этой, – девчонке: “Марин…”, – там чё-то наказать ей. “Тёть Тань, а как Прошкин?” – я грю: “А чё Прошкин?” – видь не знала, что ему делают операцию, – это у меня уже вторые чувства…» (*ПТВ*).

Другая односельчанка, хорошо знавшая умершего, «поддерживает» соседку следующим рассказом о сне: «[Накануне смерти А.И. Прошкина снятся] разноцветные цыплята, – клушка вывела и вторая, и третья, а потом ей говорю, – Господи, там ещё разноцветный цыплёнок идёт. И говорю: “К чему этот сон?..” [сон связывается с произошедшим]» (*ЛА*).

«Коренной» друг А.И. Прошкина – И.Д. Умрик, говоря о нем, пересказывает сновидения самого умершего, приснившиеся ему накануне смерти (со слов его жены). Характерна установка говорящего:

«Фактически я хотел этого [чтобы рассказали о друге, как он умирал, что сопровождало его «уход» – Е.С.], потому что я знал, что должно что-то такое быть, – никого не спрашивал, но мне эту информацию сказали» (*УИД*).

О «вещих» сновидениях покойного знают некоторые его близкие, собравшиеся на поминках. Они пересказываются в разных вариациях. Центральный образ-мотив этих рассказов – умершие свояки, приглашающие сновидца с собой, т.е. данные тексты можно отнести к рассказам с ЦА приобщения.

Ср.: «Он [А.И. Прошкин] опять говорит, что у него свояки… там были, они умерли, – они привиделись, приснились. <…> Вот два свояка – они там умерли, допустим, в определенный срок, – одному сорок дней тут было… И, допустим, как – они стоят, и им какой-то там дедушка в белых одеждах, и они, свояки, говорят ему [умирающему]: “Александр Иванович <…>, приходи к нам, нам без тебя тяжело, у нас есть, как там – калым или шабашка, я не знаю, – мы будем строить маленькие домики”. Да, они сказали, мы будем маленькие домики строить, мы уж тебе работу там нашли <…>» (*УИД*).

Сон, пересказанный другом покойного, тут же подхватывается теми, кто находится рядом с говорящими: текст пересказывается, добавляются новые подробности, поскольку с женой покойного беседовали многие. Так, соседка А.И. Прошкина после рассказа И.Д. Умрика сообщает окружающим о том, что происходило далее «по сюжету»: «Только он [Прошкин, – проснувшись после приведенного выше сна – Е.С.] ответил, да, он говорит [своей жене – «Лене»]: “Чё ж, говорит, теперь: за мной смерть, что ль, приходила?”. А Лена говорит: “А ты думаешь, что в белом смерть приходила?” – А он и говорит: “А ты откуда знаешь, – смерть, говорит, и в чёрном, приходит, и в белом приходит, я, говорит, видел”. Ну, это были [умершие] родственники, – мужчина его звал в белом, в белом, говорит <…>» (*ЛА*).

От другой жительницы с. Сара зафиксирован следующий вариант приведенного выше текста: «Вообще, с этой семьёй [семьей умершего А.И. Прошкина] я очень давно дружу – с тех пор, как я приехала… И видишь – опять сон ему снится… Что вот перед этим умерли его там родственники, они ему говорят: “Сашк, айда быстрее, идём на эту сторону реки, быстрей-быстрей пошли, потому что там у нас калым, – быстро!” (*ПМА*).

Как мы указывали выше, приведенные тексты функционируют не как нечто самостоятельное, а сопрягаются с массой других «примеров», связанных и не связанных с биографией покойного: формулы

искренней благодарности (покойный многим в селе «провел газ») перемежаются с воспоминаниями о том, как А.И. Прошкин «буквально перед смертью» заходил к кому-либо – «по делу» или «так просто» (например, зашел «перед больницей и попросил пирога дать»), как перед самой смертью ему стало легче или как он сам «сцепил» руки на груди – крест-накрест – «будто он специально знал и подготовился [к смерти]» и т.д.

Создается своеобразная поминальная биография, в композиции которой сны (или – наоборот – рассказы о бессоннице накануне смерти), предчувствия, «голоса» и т.п. занимают свое вполне определенное место, – иногда весьма значительное. Актуализация dream-telling не всегда столь эксплицитно реализуется, но то, что описанная ситуация не является чем-то необычным, а наоборот, – вполне типична для похоронно-поминальной обрядности, доказывается и другими полевыми наблюдениями.

Так, во время поминок после похорон А.И. Мочнова, 1930 г.р. (также – в с. Сара) был записан сон от его дочери – Татьяны Александровны. Далее мы процитируем полевой дневник нашей коллеги – А.М. Карвалейру[290]: «Они [дочери покойного – Е.С.] разговаривали на кухне с сестрой, и сестра – Нина Александровна – говорит: "*Ну, что, Тань, снилось тебе что-нибудь?*". А она говорит: "Вот я так устала, и во время того как у папы-то сидела и пришла на кухню прикорнуть. И вот только прикорнула и вижу: папа, молодой такой, и говорит: "Прощайте, спасибо вам всем"».

Обратим внимание на характерный вопрос одной из беседующих: он предполагает, что покойный так или иначе должен проявить себя (не обязательно через сон), установить некий контакт, проститься и т.д.

В этом отношении не случайно и другое наше наблюдение: в указанном селе (а также в соседнем – с. Засарье и др. селах) в процессе беседы с информантами мы не раз сталкивались с описанием, которое, несколько перефразируя Ж. Ле Гоффа, можно назвать «*анти*-онирической биографией»[291]. Суть его в следующем: рассказывая о себе, информанты (в основном, женщины-вдовы) говорили о том, что «хотела, чтоб

[290] Примеры текстов, записанных на похоронах А. Трунина (с. Проломиха Ульяновской обл.), которые мы цитируем ниже, также взяты из упомянутого дневника. Выражаем искреннюю благодарность А.М. Карвалейру за возможность использовать ее материалы.

[291] См. [Ле Гофф 2001: 333].

[муж] приснился» или: «вот хочу, чтоб во сне [муж] пришел», «а – нет ничаво» или – «сколько схоронила – никто не снится» (АнМФ) и т.п.

Например: «У меня у самой вот три брата – один на войне, а два умерли. <…> И мать с отцом померли, и свёкр с свёкро́вью померли, и никогда не снятся. И муж помер, уж вот двадцать шесть лет, двадцать седьмой [прошло после смерти – Е.С.], – и никогда не снятся – я индо удивляюсь» (*ГЗС*).

Такие высказывания нередко сопровождаются информацией о том, что вот другим (соседям, родственникам и т.д.) «снится, а мне нет». Подобные сообщения свидетельствуют о наличии представления о том, как может быть, как должно быть, как бывает и т.д. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о присутствии в традиционной культуре определенного «слота» или определенной позиции в коммуникативной парадигме *умершие / живые*, которая должна быть так или иначе заполнена. Отсутствие этого заполнения (аналогично нулевому аффиксу в словообразовательной парадигме некоторых лексем) значимо, не случайно, требует какого-то осмысления и обязательно эксплицируется.

Например, рассказчик может упоминать о своем горячем желании увидеть во сне умершего, часто поминает его, обращается за помощью, т.е. так или иначе стремится компенсировать отсутствие упомянутого «заполнения» (контакта через сон). Однако контакт не происходит, в результате чего создается упомянутое «анти-онирическое» описание:

«Я вот, – у меня мама умерла, – девяносто ей три года. Я всё время ей: “Мам, ну, приснись ты хоть во сне мне!” – как я её – каждый день вспоминаю, каждый день я её поминаю. Вот давеча пошла в посадку за грибами, говорю: “Мам, помоги мне маненько хоть набрать грибов-то”, – я целое ведро набрала. Ну, и вот пришла, и говорю: “Мам, набрала ведь я грибов-то, ну что ты никогда мне не приснишься?” – нет, не снится никогда, а поминать – поминаю всягда» (*ВАА*).

Возвращаясь к актуализации dream-telling, отметим, что воспроизводимые на поминках сны могут иметь особую психотерапевтическую функцию: к поминальной биографии покойного иногда присоединяются рассказы о других умерших, описание судьбы (или обстоятельства смерти) которых так или иначе схожи с историей покойного. Благодаря этому дискурс собравшихся выстраивается таким образом, что заставляет родственников умершего воспринимать сложившуюся ситуацию на основе принципа, который можно сформулировать так: «не мы – первые, не мы – последние», «не только у нас это случилось» и т.п. Такое обращение к рассказам об аналогичных ситу-

ациях, случившихся с другими, безусловно, приносит успокоение, так или иначе гармонизирует тяжелую ситуацию утраты.

В качестве примера можно привести описание похорон четырнадцатилетнего мальчика – А. Трунина, проходивших в 2001 г. в с. Проломиха Ульяновской области. На поминках после похорон была воспроизведена серия нарративов о снах, среди которых особенно значимы рассказы матери умершего:

«Сын ей все время снился при жизни и снился очень плохо: то он упадет во сне в яму, то он приснится со всеми умершими родственниками и т.д. Все женщины на поминках начали говорить: "Это означает, что ранняя смерть – его судьба, она предписана Богом, ты не переживай" и т.п. Другая женщина, присутствовавшая на поминках, рассказала о том, что у нее умер племянник – также молодой парень. При этом она сообщила свой сон, в котором она увидела пришедшего к племяннику Бога. Бог сказал: "Ты не переживай, со всеми простись, с матерью простись, <…> я тебя призываю". В общем, этот сон она рассказала на поминках, и мама Трунина начала немного успокаиваться»[292].

Описанные ситуации актуализации dream-telling – особенность не только сельской культуры. На поминках, происходящих в городе, рассказы о снах также включаются в поминальную биографию: пересказываются «вещие» сны, приснившиеся родственникам накануне смерти, вспоминаются аналогичные сны о других умерших и т.д.[293] В связи с этим мы рассмотрим один любопытный фрагмент из описания городских поминок, несколько дополняющий общую картину.

Родственница покойной (Л.Л. Голубковой, около 60 лет, г. Ульяновск) рассказала на поминках несколько своих «вещих» сновидений, предсказавших, по ее мнению, смерть сестры. Основные образы-мотивы этих рассказов так или иначе связаны с разлукой (во сне) с сестрой, с невозможностью ей позвонить, встретиться и т.д.

Один из этих текстов привлек всеобщее внимание собравшихся и тут же получил коллективную интерпретацию.

Ср.: «Я была у сестры Лиды [умершей] в гостях [во сне], и она очень не хочет, чтобы к ней в гости приходили, она недовольна, что вот

[292] Материалы из «Полевого дневника» А.М. Карвалейру.

[293] Это не означает идентичность данных похоронно-поминальных комплексов, тем более что похороны, так сказать, «сельские» в разных локусах (селах, районах и т.п.) также имеют ряд значимых структурно-содержательных отличий. Для нас здесь важен сам факт упомянутой актуализации и в селе и в городе.

гости ее навещают. Я ее не видела саму, вот… она не хочет, чтобы к ней приходили в гости… И вроде я к ней и не попала, а просто смотрела, как там… И знаешь, как будто дом из зелени, – всё так красиво – цветы, зелень <…>. Она не хотела, чтобы мы с Леной [другой сестрой рассказчицы – Е.С.] приходили к ней в гости… Еще там присутствовал Санька – Маринки нашей [общей знакомой собравшихся] муж <…>» (*ТЛЛ*).

Интерпретация, предложенная собравшимися, состояла в следующем: накануне поминок к рассказчице приходил упомянутый в тексте «Санька», который, по словам сновидицы, «выпил полбутылки водки», предназначавшейся для поминального обеда. Именно этим, по общему решению, была недовольна умершая сестра, поскольку эта водка «не в помин пошла, а зря только».

В данном случае воспроизведен типичный рассказ с ЦА указания на нарушение (ср. цитированные нами выше тексты о неправильном поминовении). Контроль за правильностью похорон и поминок осуществляется умершими в процессе самого обряда: родственникам, судя по многочисленным примерам, достаточно ненадолго заснуть «от усталости», и умершие немедленно стараются воспользоваться открывшимся благодаря этому «каналу коммуникации» – чтобы проститься, указать на нарушение, успокоить и т.п.

Таким образом, рассказывание сновидений на поминках имеет ряд значимых социально-культурных функций. Важнейшая из них – своеобразная социализация смерти. В этом отношении dream-telling поддерживает общую направленность всех шагов похоронного ритуала: «Для того чтобы человек стал мертвым и в социальном плане, необходимо совершить специальное преобразование, что и является целью и смыслом погребального ритуала» [Байбурин 1993: 101].

Судя по рассказам о снах (записанным не только на поминках, но и путем обычного интервьюирования), переходящий границу между мирами, как бы меняющий свою бытийную принадлежность человек собирает вокруг себя всех родственников – и мертвых и живых. Он, его смерть – точка пересечения двух миров, необыкновенно тесного их сближения[294]. Ср., напр.: 1.«Незадолго до смерти мама видела сон, как будто к ней пришли все умершие наши родственники <…>» (*САВ*);

2.«…Мне за полгода до его [деда – Е.С.] смерти приснилось, что я вижу всех своих родственников, умерших и живых, и они говорят мне, что такого-то числа твой дед умрет…» (*АА*).

[294] О мотиве «собирания родственников» в так называемом «тексте смерти» см., напр.: [Разумова 2001: 106, 292 и след.]; также – [Байбурин 1993: 188)].

В то же время те, кто отсутствует, по какой-либо причине не принимает участия в этом «собирании» вокруг умершего, однозначно воспринимаются как нарушители, на которых обижаются и т.п. (здесь актуализируются сны, в центре которых – ЦА указания на нарушение). Ср., напр.: [Информантка не смогла приехать на похороны своей бабушки] <…> Мне в ночь, вот в эту же, снится сон, как будто она ходит привидением по дому и говорит мне: “Ир, я умерла, а ты ко мне не приехала”<…>» (*КИВ*).

В этом отношении любопытно другое наше наблюдение, сделанное на поминках в с. Потьма Ульяновской области: вдова и мать умершего вспоминали и называли всех родственников, которые по тем или иным причинам не смогли приехать, тем самым – путем номинации – создавалось их виртуальное присутствие – и, соответственно, соприсутствие. Таким образом осуществляется своеобразная компенсация произошедшего нарушения.

Учитывая приведенные описания, обобщим наши наблюдения:

1. Актуализация dream-telling на поминках и результаты этого процесса – рассказы о снах – выполняют ряд значимых социально-культурных функций, во многом синонимичных функциям текстов, включаемых в поминальные нарративы (как и функциям всего похоронно-поминального обряда): социализация смерти, психотерапевтическая, мемориальная (создание «поминальной биографии»), интегрирующая (объединение говорящих в едином ритуальном тексте смерти), контролирующая (контроль за правильным выполнением основных шагов обряда, осуществляемый с обеих сторон – ИМ и НМ), гносеологическая, дидактическая и др.

2. Поминки (как и весь комплекс похоронно-поминальных акций) относятся к ритуально, культурно и социально маркированным ситуациям. Актуализация dream-telling в этот период – лишь частное проявление той общей «переходности», повышенной проницаемости границ между мирами, созданной главной акцией умершего – собственно актом смерти. Акт смерти инициирует сложный ритуально-культурный механизм, во время которого «жизнь и смерть не просто соприкасаются и пересекаются, но, как ни в какой другой ситуации, проявляются во всей своей реальности и глубине смыслов» [Байбурин 1993: 101].

При этом, по нашему мнению, рассказывание сновидений (т.е. сам процесс) нельзя расценивать только как, например, «цитату повседневности», включение неритуальных явлений в сферу ритуала. Актуализация dream-telling, судя по всему, – одна из важнейших экс-

пликаций той вербальной «оркестровки», которая является неотъемлемой частью указанного ритуально-обрядового комплекса в целом (наряду с причитаниями, духовными стихами, быличками и т.п.).

Подведем общие итоги по 4–ой главе данного исследования:

1. Рассказы об индивидуальном визионерском опыте близки на всех рассмотренных нами уровнях. Основу текстов исследуемых жанров составляют различные конфигурации отношений между двумя основными композиционными частями – Т1 и Т2. Данные конфигурации анализируются нами с учетом взаимодействия между акциями и реакциями главных персонажей текстов.

2. Указание в части Т2 на тот или иной психофизиологический коррелят имеет несомненное значение для оформления того или иного рассказа. Однако этот признак нельзя считать решающим при описании жанровой природы исследуемых текстов: адекватное определение жанровой специфики может быть дано только при учете совокупности критериев, связанных с различными уровнями анализа визионерских рассказов.

3. Основные дифференциальные признаки рассказов об иномирных сновидениях и видений / обмираний связаны с отличиями на логико-семантическом и мотивно-образном уровнях, рассмотрению которых и посвящена данная глава нашего исследования.

4. Рассказы об иномирных сновидениях более близки к текстам обмираний, что во многом обусловлено ориентацией данных нарративов на устную культурную традицию. Во всех рассмотренных визионерских жанрах в основе сюжета – контакт (в широком смысле) с ИМ. Однако в каждом жанре этот контакт реализуется по-разному – и структурно, и содержательно. Наиболее детально (мы говорим об общих тенденциях) образ ИМ представлен в рукописно-книжных видениях и обмираниях, что эксплицируется в ряде специфических для данных текстов мотивах, а также – в большей степени разработанности общих для всех жанров описаний.

5. Вербализованный текст – это всегда текст, имеющий конкретных адресантов, адресатов, код, контекст и т.д., – в соответствии с известной схемой Р. Якобсона[295]. Рассказываемый сон так или иначе меняет и того, кто воспроизводит этот текст, и тех, кого можно считать аудиторией данного рассказчика. В некоторых случаях dream-telling может трансформировать и социальный статус рассказчика (см., на-

[295] [Якобсон 1975].

пример, параграф о получении во сне необычных способностей), его отношение к окружающим и к определенным событиям (например, в ситуации выбора суженого), – тем самым модифицируя и сам код, благодаря которому репродуцируется / воспринимается сон-сообщение.

Таким образом, это означает, что наиболее перспективные пути исследования рассказов о визионерском опыте связаны с их изучением в конкретной коммуникативной ситуации воспроизведения, актуализации и т.п., – с учетом тех социальных взаимодействий, в которые данные тексты включены[296].

Заключение

Главная проблема данной работы – выявление ряда релевантных признаков, формирующих жанровую и текстовую модели рассказов о сновидениях.

Малая изученность рассказов о снах в аспекте фольклористики обусловила необходимость предварительного исследования данных текстов по критериям фольклорности / нефольклорности. Нарративы о снах – тексты, наиболее приближенные к сфере бытовой коммуникации, что детерминирует сложность их дифференциации по упомянутым критериям.

В соответствии с общим делением устной речи на три семиотических типа текстов мы предложили разграничивать результаты dream-telling на разовые / фольклорные рассказы и тексты-молву. Переход из одного семиотического типа в другой сопровождается значимой трансформацией текста, сигнализирующей о возможной фольклоризации того или иного рассказа. Несмотря на условность указанной дифференциации, такое разграничение рассказываемых сновидений способствовало определению границ изучаемого материала, т.е. определению собственно объекта и предмета исследования.

[296] В качестве примера исследования подобного рода можно привести кн. С.Б. Адоньевой, посвященную прагматическому анализу фольклорных жанров Белозерского края [Адоньева 2004].

С учетом упомянутого разграничения жанровые особенности преимущественно фольклорных рассказов о сновидениях были проанализированы нами в сопоставлении с родственными им текстами других прозаических жанров фольклора, что позволило определить специфику нарративов о снах как отдельной жанровой группы. Это сопоставление показало, что наиболее релевантными уровнями анализа, с помощью которых можно достаточно четко отграничить исследуемые тексты от близких им жанровых образований, являются логико-семантический и мотивно-образный уровни (корректируемые и дополняемые апелляцией к прагматическому, событийному и коммуникативному контекстам).

Логико-семантический анализ исследуемых текстов подразумевает описание динамики взаимодействия акций / реакций основных персонажей. Благодаря этому описанию выявляется характерная для анализируемых текстов организация повествования. В ее основе – соотнесение двух значимых (в логико- и структурно-семантическом плане) композиционных частей – текста 1 и текста 2 (Т1 и Т2). Выделение этих частей в целом соответствует культурно и прагматически значимой оппозиции реальность / ирреальность («явь / сон» и т.п.).

В результате данного анализа были описаны основные типы текстов об иномирных сновидениях. Их дифференциация обусловлена целью центральной акции рассказа и пониманием этой цели (с позиции определенного персонажа).

Центральная акция (ЦА) – основа сюжета иномирного сновидения, которая совершается обычно персонажем инобытия. Ее описание (в пределах части Т1, т.е. в пересказе самого сновидения) есть главная причина вербализации сна. В зависимости от понимания цели ЦА в разных частях текста (с позиций персонажа-сновидца и / или персонажа инобытия) названные акции разграничиваются на имплицитные и эксплицитные.

В соответствии с указанными принципами выстраивается общая типология нарративов об иномирных снах. Так, нами были выделены и описаны рассказы с ЦА приобщения, информирования, имплицитного и эксплицитного указания на нарушение и др.

Используя полученные выводы логико-семантического анализа, мы отграничили рассказы об иномирных снах от «собственно вещих» сновидений, сопоставив основные особенности жанровых моделей этих групп текстов.

Помимо сопоставления рассказов о сновидениях с хорошо изученными прозаическими жанрами (сказками, легендами, быличками, преданиями, personal experience stories), был также осуществлен общий сравнительный анализ нарративов об индивидуальном визионерском опыте, к которым, наряду с иномирными снами, относятся обмирания и видения. Необходимость этого сопоставления обусловлена тесной близостью данных рассказов. Дифференциация указанных групп текстов способствовала более целостному представлению основных жанровых особенностей рассказов об иномирных сновидениях. Особое внимание при сопоставлении с текстами визионерских жанров сосредоточено на анализе образно-мотивного уровня исследуемых текстов, что позволило учесть детали, которыми можно было пренебречь при рассмотрении логико-семантических особенностей рассказов о снах.

Визионерские жанры анализируются в книге в широком контексте фольклорной и книжной традиций (в основном, – восточнославянской). Однако данный контекст привлекается нами не для реконструкции (семантической, генетической и т.п.) представлений об ином мире, лежащих в основе упомянутых групп текстов, а с целью анализа жанровой специфики этих рассказов.

Наиболее перспективные пути изучения текстов о сновидениях в аспекте фольклористики связаны с их анализом в коммуникативно-ситуационном и социокультурном контексте. Полноценное исследование подобного рода возможно только при особой методике фиксации (записи) текстов о снах, основанной на включенном наблюдении. Именно этот способ фиксации позволяет учитывать не только конкретное отношение рассказчика / слушателя к воспроизводимому тексту (а также названные виды контекстов), но и причины актуализации dream-telling.

Однако для того, чтобы иметь возможность приступить к такому исследованию, необходим предварительный анализ внутритекстовых законов организации повествования, жанровой модели изучаемых рассказов. Благодаря этому анализу рассказы о снах – материал мало изученный фольклористами – встраиваются в общежанровую систему устной прозы, занимая в ней свою нишу, связанную с жанровой, традиционно-культурной, прагматической спецификой. Именно этой проблематике, в основном, посвящено данное исследование.

Возможное сопряжение полученных результатов с рассмотрением коммуникативного, традиционно-культурного, событийного и др. контекстов, в которых актуализируется dream-telling, представлено

нами при анализе конкретной ритуальной ситуации, связанной с первыми поминками (происходящими обычно сразу после похорон).

Материалы включенного наблюдения показали, что в упомянутой ситуации рассказы о снах продуцируются совместно с текстами, которые мы предложили называть «биографическими поминальными нарративами». Как следует из представленного описания, dream-telling является неотъемлемой частью вербального сопровождения похоронно-поминального комплекса – наряду с духовными стихами, причитаниями etc.

Сновидения имеют огромное культурное и психологическое значение, поскольку благодаря им формируется, так сказать, «осязаемое» представление об иной реальности, другом опыте, другом возможном мире, о котором можно рассказать, не беря на себя ответственность за достоверность сообщаемого.

Рассказы об иномирных сновидениях наиболее эксплицитно реализуют данную тенденцию, оформляя ее в типичные для указанных текстов модели повествования. Основные особенности этих моделей и представлены в настоящем исследовании.

Рассказы о сновидениях
Тексты

Подразделы

Информирование 240
Приобщение 287
Указание на нарушение . . . 307
Символические ЦА 418
Предупреждение 451
Обмирания и видения 456
Собственно вещие 478

Тексты публикуются в соответствии с классификацией, предложенной в первой части данной книги. *Каждый рассказ предваряется резюме сюжета.* Тексты с акцией информирования распределены по некоторым группам, что обусловлено исключительно удобством восприятия. Выделение групп внутри ЦА информирования не имеет классификационного значения, поскольку используются разные основания для дифференциации.

Рассказы об иномирных сновидениях с ЦА информирования

Сообщение об ином мире без описания его как локуса

Основа сюжета этих рассказов – сообщение об ином мире (и/или – о персонажах инобытия, условиях и правилах их существования, других особенностях) без описания его как локуса. В основном, в таких текстах эксплицируются определенные правила или условия существования иномирных персонажей.

[Умершая односельчанка говорит, что ее заставили идти домой; сообщает сновидице: «Что во сне снится, и это всё правда»]

– Вот умрёт человек, водят яво до сороки дней, там, где он бывал, что он делал, и везде там водят. Тоньке нашей Марья Павловна приснилась: я, грит, иду, а она около дома ходит, грю: «Матушки, Марья Павловна, ты чаво?» – «Вот, Тонюшка, меня нынче заставили домой идти». И говорит ей: «Не слушай, грит, никого: вот что, грит, во сне снится, и там всё это есть, и это всё правда».

?: Это до сорока дней снится?

– Да, до сорока дней. Где вот ты бывашь, вот везде там те[б]я будут водить, слышь… (*ЦНС*)[1]

[1] Как и ранее, трехбуквенные сокращения обозначают инициалы информантов, список которых – в конце книги. В квадратных скобках далее везде даются комментарии и дополнения исследователя или собирателей. Начальными знаками «?:» маркируются вопросы собирателя.

[Умершая свекровь сообщает, что не видит пропавшего мужа сновидицы: «Он далёко»]

– У меня вот помер, пропал мужик, а мне сон видится – свякровь. Я ей говорю: «Мам, ты, мол, не видишь мужа моего?» – «Нет, Таленька, он далёко, он, грит, далёко, я яво не вижу». (*ЦНС*)

[Умерший брат приснился сестре, успокоил, что у него все хорошо]

– Моей бабушке приснился ее брат (незадолго до этого он умер). Он сказал ей, что у него всё хорошо, что переживать не стоит. В общем, успокоил ее. (*МИ)*

[Мать пообещала рассказать после смерти, как там – на том свете; во сне дочь ей напоминает об этом; она отказывается рассказывать]

– А потом ещё вот: говорю: «Мам!»… Они всё время сидели на крылечке, – вы прошли [к соб.], там дом, это вы были в этой улице, они сидели, старики, у меня на крылечке: щас там сын живёт – веранду сделал. И она мне говорит: «Вот что – вот оттуда никто не придёт и ничё не расскажет!».

Вот опять мне сон снится, говрю: «Мам, вот ты помнишь, сама-то говорила: вот сидели на крыльце, ты говоришь: “Вот никто оттуда не придёт”, – а теперь, говрю, ты там, расскажи, как там?». Она говорит: «Нет, не расскажу! Если, говорит, расскажу, меня больше никуда не отпустят!». Это лично мне. (*ТНИ*)

[Во сне видит мать: та наблюдает за дочкой и говорит, что она знает, что сновидица поступила в институт]

– А еще детям снится, – вот этой же матери детям снится… У нее старшая поступала в институт, и ей снится сон: мать сидит – «Мама, я поступила в институт». – «А я, дочка, знаю!» – «Откуда ты знаешь?» – «А я, – грит, – вот в кафе сижу, – там в пединституте кафе летнее, – и всё-всё вижу за тобой, наблюдаю, – вот я знаю…». (*ИТД*)

[Соседке приснились муж и сын, который умер маленьким; сновидица удивляется, что сын вырос]

– Ну вон Ольге Яшиной снится – сын умер. Приходит, грит (у ней муж умер тридцать три года [назад]), а вот Вовке было пять лет [после смерти] двадцать восьмого июля. Вот, грит, приходят. А у них мальчик умер, только родился и умер. Умер, и оне, грит, ко мне приходят все трое. Первый-то раз он мне приснился, сон-то, Вовку спрашиваю:

«Вовк, видишь, что ль, там свово сыночка?». Он говорит: «Погоди, я тебе яво привяду!». И пришли, грит, с Валькой, с мужем. Стоит, грит, у порога Валька во всём чёрном, лицо, грит, не видала я. А мальчишка, грит, сел вот в кресло и сидит. «Вовк! Какой, грит, большой сынто!» – «Чё: он растёт, грит! Мам, налей рюмочку, грит». Она говорит: «Опять!» – «Ну ладно не ругайся! Я пойду в ту избу на свой диван» – Вовка-то. И вот проснулась, и всё. (*НЗС*)

[Умершие приходят во сне красиво одетые, говорят, что живут как у Христа за пазухой]

– Если я ложусь спать, допустим, и сильно о ком-то я переживаю об умершем... Вот у меня сестра умерла – недавно ей год был, мама у меня, брат вот умер, – я всё время переживала через это и хотела бы увидеть – не то что как они там живут…

Вообще, жизнь после смерти – меня мучило, до сих пор меня мучает этот вопрос, я уверена, что она у меня есть, но всё равно у меня сомнения какие-то – не знаю. И мне во сне и мама, и брат, и вот Валентина – сестра, они приходили ко мне вот такие всё время нарядные, красивые, вот такие вот добрые. «Ну как, грит, видишь? – спрашивают меня. – Ну как видишь?». Я грю: «Ну хорошо выглядите, молодцы, говорю, вот я рада, грю, за вас – что вот так вот живёте, и одежда у вас есть, смотрю. И полные вы – значит, у вас питание какое-то!» – «Как у Христа за пазухой!». И всё на этом. (*МГВ*)

[Умершая сестра говорит, что ей надо возвращаться, так как ее может не пустить назад «дежурная» – недавно умершая родственница]

– Вот Юра Востоков рассказывал: [умершая] пришла [во сне] в гости к Вальке к сестре и говорит: «Пойду!..» – а моя свекровка последняя умерла, она говорит: «А то бабушка Вера, говрит, там дежурит, говрит, может не пустить! На воротах, говорит, дежурит». Ну вот это как считать? Это всё говорят: там дежурят сорок дней, ну вот, наверно, дежурят. Вот во сне она сестре-то говорит: «Побегу, а то уже поздно: может не пустить!». (*ОМС*)

[Умерший муж говорит: «Мне места нигде нет – ни в аду, ни в раю. Нигде мне места нет!»]

– Вот у меня супруг умер. Снится сыну сон – на второй день. Ну уже похороны прошли – всё. Снится: пришёл он на работу, а он ему говорит: «Ты зачем пришёл? Ты же умер!» – на его. А он говорит: «Да, умер,

умер. Мне места нигде нет – ни в аду, ни в раю. Нигде мне места нет! Вот сказали: “Иди куда хочешь! Вот я и пришёл”» [улыбается]. Пришёл. Мы вообще хохотали [т.е. сон расценивается как good story]. «Вот я и пришёл сюда». И сидит возле меня. «Я, грит, на другой день, – он тут же пересказывает. – Боже мой! Как мне отец-то приснился». (*БЕС*)

Описание результатов ненарушения (правильных действий)

По общему смыслу представленные в данных текстах акции противоположны ЦА, в которых персонажи иного мира указывают на нарушение (см. соответствующий подраздел ниже). Иными словами, в этих рассказах описываются такие условия существования умерших, которые непосредственно зависят от правильных действий живых.

[Внучке снится умерший брат, говорит, что у него все есть; снится веселый]

– А вот внучке, сестре-то яво, приснился он [т.е. внучке сновидицы приснился брат]: так, грит, пришёл весёлый. Я, грит, яму говрю: «На́, Эдик, вот это-это, на́». А он говорит: «Да зачем? Вы ведь у меня были только – принясли мне всяво», – он, грит, говорит. Все приходили [на поминки] не с пустыми руками-то. «Вы, – грит, – всяво мне принесли, зачем ты вроде того…». Вот, это вот приснилось внучке, сястре яво. (*АЕП*)

[Приснилась мать – у нее «полно всего» из еды на том свете]

– Вот моя мама (одна женщина видала [во сне]) – говорит: печёт блины, пышки. У ней, говрит, полно всего. Нарядна, и мне, грит, всего накладыват. Я, грит, у ней не беру, а она говорит, слышь: «У меня полно всего!». Вот. (*ЛЕИ*)

[Снится умерший внук, пьющий водку – как в столовой, когда его поминали]

– Мне вот после смерти внука один раз только приснилось: в чем положили, как в квартире стоял стол в зале. И он стоит вот в этим в месте впереди в чём положили: в костюме положили яво. Ну вот я не помню: они хотели галстук, а я сказала: «Ну-ка не смейте галстук одевать! Не надо», – говорю. Мы яво звали Эдиком, а он крещёный

Дьмитрий, – Солунский у него ангел. Яво отпевали как Дьмитрия – там в этим… в Ишеевских, на Ишеевских кладбищах хоронили. Там стоит часовня, там отпявают. В этой часовне привозишь покойника, отпявашь, потом – к могиле.

Вот он мне приснился: стоит, вот тут вот [в комнате, в которой происходит беседа с собирателем] так стоит, и здесь будто три мужика сидят и здесь [показывает рукой]. Я будто захожу в дверь, в зал-то, а он им наливат водку во сне-то. А я ёму говорю: «Эдик, зачем ты наливаешь водку-ту?». Он говорит: «Бабка, я же выпива-ал! – он говорит. – Я же выпивал». И наливат в большие стаканы вот полстакана. Как в столовой наливали, в столовой поминали – и он эдак наливат. (*АЕП*)

[Умершая сидит за столом, на котором много еды: дочь ее постоянно поминает]

?: Говорят, вот покойники просить могут во сне?

– Да, бывает так, могут просить. Вот там, например, чего подашь. Вот приснится: «У меня это есть». Вот, например, обычно они в хлебе нуждаются. Вот хлеба подашь, вот так. «У меня вот хлеб есть». Вот мне вот тоже так. Мне вот мама приснилась моя, лично моя. Я всегда, как она умерла, я подавала всегда. Вот. И мне приснилось: она сидит дома, дома за столом, мне кажется, так вот… И вот много-много у неё еды. Я говрю: «Мам, как ты здесь живёшь?» – спрашиваю. Она грит: «Доченька, я живу хорошо, у меня всё есть, ты мне всё даёшь. Посмотри-ка у меня сколько еды!». Вот. Это вот мне приснилось, это я хорошо запомнила. (*ПЛД*)

[Во сне привезла умершим родственникам большой пирог; они говорят, что у них много своих пирогов]

– И кому приснятся сны вот такие – и одёжу просют вот. Мне вот самой приснился: у меня и сестра и мать, – они давно уж умерли, – ну мать-то давно, сестра-то вот уже четыре года как умерла. Вот снится мне, как не очень... ну года два тому ещё назад приснился сон: вот как будто мы жили как в Кувае-те в доме. Приезжаю я в Кувай, и со мной – везу я большой-большой пирог. Прихожу, грит, и захожу в комнату, а у них койка так какая стоит. И, значит, и так койка стоит. Я, грит, нахожусь с пирогом, а они мне и говорят: «А у нас своих, грит, много пирогов!». Я говрю: «Ну и что: я и свой ещё привезла!». Положила будто к ихим пирогам свой пирог, положила. И всё: больше я уже спала, больше я уже не помню. Вот так вот. (*ЕСВ*)

[Собирает с умершим мужем ягоды; думает, что ему нечего есть; муж отвечает, что его поминают, а ягоды он собирает безымянным – детям, погибшим из-за аборта[2]]

– Мне вот приснился муж, будто мы ягоды собираем всё в горах вон. И это... собираем будто ягоды, такех крупных полведра набрал. Я говорю: «Есть-то нечего, видно, у тебя тама…» – «Да сам-то я всё время в церкви, и это… поминашь. А вот наши-те, – а я аборт делала, говорит. – А вот наши-те безымянны, это я им, слышь, нарвал», – вот чаво мне снилось…

?: Это как на том свете рвёт?

– Да, и я знаю, что он умер, всё, ага, ягоду вот нарвал… (*КАИ*)

[На Пасху снится умерший муж, говорит, что приходил несколько раз, но было заперто; сновидица отвечает: «А нынче Христос воскрес!»; пришел с полными сумками еды: это «надавали» дети, собирающие на Пасху]

– Ну вот, у меня вот муж умер, да, я расскажу этот сон: накануне Паски сестра ушла в церкву… А я говорю: «Марий, а ты не ходи нынче в церкву». Она говорит: «Ты что, Линька, чай, я это утром приду рано, рано пойдёт ведь на Паску-ту». Я говорю: «Ну, иди: чай, ничего со мной не случится», – я эдак вот перьживала. И вот значит: «А ты пораньше встанешь, часа в чатыре и этот… уделаешь всё до рассвета, до ребятишек-те».

И вот я, значит, себе вечером грю, ложусь спать и говорю: «Вот мне часа бы в чатыре проснуться, я бы, мол, всё приготовила». Вот мне снится сон: вот топлю будто я печь и в чулане всё будто делаю и пирожки, и всё на свете, ага, и стукаются в дверь. Я говорю: «Открыто в двери-те!» – нет, никто не взошёл. «Ну это, чай, кошки, може». Ещё раз постукали, ещё постукали, я громко закричала: «Идите, открыто!» – опять тишина. «Ну и Бог с вами – как хотите: хотите идти – идите». А думаю что: «Паска!». Ага. Когда уж в третий раз постукал он посильнее-ти, я говрю: «Ну, входите, что ль, кто там есть!». И всходит вот мой муж во всем в зимнем (как это всё накупили новое, не надевали ни разу) и вот, значит, всходит, и две сумки у него в руках. И я говорю: «На-адо только тебе, – столько времени уехал, и тебя всё нет!» – «А нынче, – грит, – вот я пришёл». И грит: «Вот я к тебе столько раз приходил, а у тебя кругом заперто, и знаешь, как заперто, я никак не добрался до тебя. А нынче у тебя открыто», – он говорит. А я буд-

[2] Помимо информирования, в этом тексте присутствует и возможное (ослабленное) указание на нарушение – необходимость поминать «безымянных».

то в чулане на коленки встала, вот эдак вот, грю: «А нынче Христос воскрес, поэтому открыто кругом!» – и сама себя разбудила, а на мне щетина [мурашки] вот и сейчас. Села на кровать и плачу, говорю: «Господи! Всё-таки ты поведал, где он там есть…». Я говрю [во сне]: «А это у тебя что в сумке-те?» – «Это, грит, ребятишки надавали столько, вот я принёс». Я всё, – села у кровати и до рассвета сидела у кровати и только, най, утирала [слезы]. Вот так, вот они и сны.

?: Это надавали ребятишкам на Пасху, на кладбище подают-то?

– Да, да, не только на кладбище, и здесь бегают.

?: Это как бы до него все дошло?

– И вот он все пришёл: вроде это яму Паска. Вот так вот. (*МЕМ*)

[Информантка поминала умершего мужа племянницы; во сне приезжает к нему, он встречает сновидицу хорошо одетый, приглашает ее в гости; толкование: значит – польза ему была от помина]

[ЕЛА] Вот Валерка умер в Сибири, и всё равно я Супониной [одинокой старой соседке] носила курицу.

?: Это получается до сорока дней курицу надо обязательно подать?

[ЕЛА] Как умрёт покойничек, вперёд выносят, курочку вперёд подавать надо. Вот, грит, курочка-то летит – вперёд покойничка. Покойника-то несут, а она вперё-ёд.

?: То есть подать до того, как вынесут?

[ЕЛА] Да, её надо по[й]мать, и вот подорожну выносят коребяшечку [хлеб] и вот курочку.

?: А курочку выносят живую или мертвую?

[ЕЛА] Живую, нет, мёртву не надо…

[МЕМ] Ей ноги связывают, в платок закручивают…

[ЕЛА] Крылышки…

[МЕМ] Крылышки закручивают платком и вот выносят. У ней только одна башка живая-то, а то она вся связанная, она никуда не убежит.

[ЕЛА] Вот пускай человек яичко ест от неё, и всё. Это большая милостынька, да... Вот тогда бабушке Кормишиной не по́дали. А я вот Валерке подавала – он мне и снился хорошо.

?: А как снился?

[ЕЛА] Ну как и… Он умер, я тогда сестре говорю: «Надо лампадку жечь здесь». Она: «Ну, чай, он там [в Сибири] умер!».

[МЕМ] Да, пусть там жгут! [смеётся; намекает на неправильное поведение сестры].

[ЕЛА] Душа у меня болит: у племянницы муж в Сибири – Мусолин. Я, мол, этот… и вот я сорок дней лампадочку жгла и сорок дней

канун читала. Как закончилось сорок дней, Линька [к собеседнице], вот Господи, завтра праздник Илья-пророк, – нисколь не вру я.

[МЕМ] Да, завтра пророк…

[ЕЛА] И мне снится сон: я приехала в Сибирь, я съездила туда к ним туды. Приехала, а дома-те вот казённы эдакие, только не подъезд, а вот крыльцы, вот крыльцы-крыльцы-крыльцы, эдакие вот – как отсель, как чуть ли не до вашего подвала [к собеседнице], лезешь-лезешь по крыльцам на второй этаж туды вот. Залезла будто я и – на звонок нажимаю. А ты видала: ведь он ходит в голубой рубашке. На базар в голубой, и всё время – у него волосы-то чёрны были, а рубашка голубая. И он мне открыват, и в этой голубой рубашке. «И-и-и! – увидал меня и говорит. – Ва-аля! Ва-аля! – а он никак не ругался. – Ёшкин корень! Погляди, кто к нам приехал!» – и меня вот так обнял, вот как щас помню, да сзади меня по лопаткам хлопат: «Давай проходи! Садись», – стол полированный, открытый, а Валя задом стоит там на кухне. И говорит: «Валя, давай накрывай стол!» – и я проснулась. Вот значит – польза ему была от этого.

[МЕМ] Конечно.

[ЕЛА] Нет, у меня душа болит, и я сорок дней читала и лампадку жгла, – он мне и приснился. А у них ведь там не молются ничё [в Сибири]: там пьяны… (*ЕЛА, МЕМ*)

[Поминки пришлись на постный день; покойный в реальности постного ничего не ел – поэтому поминали скоромным; во сне умерший благодарит сновидицу]

?: Вот не слышали, что, если в пост подадут на поминках скоромное, потом покойник снится и вроде как укоряет?

– Нет. Наоборот: это Ванюнькиной когда брата схоронили, дни постные, а он ничё постного не ел, ну как-то мало ел. И ему вместо постного делали как обычное – скоромное. И наоборот: спасибо говорил вроде ей во сне, что, в общем, он сыт, он не говорит, что спасибо, не так, а что вот я сыт, там пятое-десятое. Вот так вот...

Ну кто как, это значит: он не любил такое [скоромное], а этот любил – так он и рад до́ смерти, вы что – его накормили! Это смотря как. Ну Нинка мне снилась, но я тоже делала так – наоборот. Наоборот – всё хорошо. И снилось, что смеётся, – я вам говорила [рассказывала ранее], – смеётся, радуется. Вот правильно, хотя, может быть, и не это надо было – это постное, а это скоромное. Пусть не всё, а там часть – скоромное, это разрешено, чать, если батюшка разрешит. (*ДСЗ*)

[Умерший брат сообщает: «Сначала ягоды съем, а потом молоко буду пить!»; в реальности перед этим подала ягоды односельчанке]

– Брат вот старший, вот довоенный [родился до войны], умер – двадцать лет не снился, никогда не снился. И вот недавно сестре у меня девятого июля было пять лет. Ей бы вот надо приснится, а приснился братка Иван: в белой… в синей майке, вот спецовка была, он работал, вот такой полный, хороший. Я говорю: «Эх, говрю, братка…», – а он грит… да алюминиевая ложка, бокал и ягода. Вот у меня виктория уродилась, я первую ягоду не отдала, а старухе подала, он говорит: «Вот щас сначала ягоды съем, – вот прям так чётко сказал, – а потом молоко буду пить!». Ну а сестра молоко подаёт. И всё, вот так вот. Он грит: «Щас ягоды сначала съем, а потом…». (*ТНИ*)

[Мать за всех подавала в реальности; приснилась сестре в молодом возрасте, нарядная (близость к видениям)*]*

– Вот у меня сестра – она молилась, подавала. Ей вот мать, наша-то мать тоже снилась, приходила. Ну они уж там приходили не в таком возрасте, какие умрут, не в старости, а уже молодой приходит человек-то вот. Видела молодой тоже: приходит, говрит, такая нарядная, молодая. Вот. Всё такое. Надо вот всё верить, надо молиться, надо подавать, – всё это вот очень. (*ЕСВ*)

[Старушка по случайности проводила умершую собаку со свечкой; после ее смерти снится, что на том свете ее встретила собака]

– А вот про одну: у нас там старушка там была – одна жила около кладбищев. И вот ей, значит, как несут покойника, она обязательно зажгёт свечку и покойника проводит. Со свечкой-то проводит и вертается обратно. А ребятишки – они, ну подростки, решили подшутить над ней: там положили в ящик собаку, а уж в сумерках, темно, не видно было нико… ничего. И, значит, вот вроде вопит-вопит, она, значит, услыхала, думала: это ночью кого-то хоронят. Опять же эдак же вышла со свечкой и проводила.

И вот, значит, когда умерла, все её (ну там уж это кому-то приснился сон этакый)... И вот, говрит, вот её все покойников, которых она провожала со свечками, – все её встречают, у всех в руках свечки, и бежит, говрит, собака, и у ней во рту свечка горит. (*ЕСВ*)

[Умерший принес во сне хлеба; толкование: подают по нему]

– А потом внучонок ещё приснился. Стоит будто стол – как из избы выходить. И я положила тут булку хлеба магазинного. А он будто

заходит, говорит: «Баб, а я вот ещё купил хлеба-то – о́тдал восемьдесят копеек», – вот это ввек не забуду. Я грю: «Я, мол, тебе отдам», – а хлеб будто, как будто мой: на сковороде я всё делаю, он мягкый, хороший, – как будто мой, отрезанный. Ну я подавала по нём всё время, может быть, он и с хлебом… Вот так вот. Обязательно надо подавать. (*СЕВ*)

Рассказы с диалогом: «Как ты там?»

*В центре этих рассказов – диалог между сновидцем и персонажем иного мира, основанный на вопросно-ответном принципе. Нередко данные тексты сопровождаются описанием: «***Иной мир подобен нашему миру****». Если ответ иномирного персонажа организован по принципу: «Хорошо, но только… », то обычно центральная акция – указание на нарушение (см. данные тексты в соответствующем подразделе).*

[Во сне спрашивает умершую соседку: «Как ты там?», отвечает, что живет в раю – сады цветут; сновидица спрашивает: «Ад есть?», отвечает: «Придете, узнаете»]

– Вот здесь у нас жила, ну она как стара девка была, ага. Я ей говорю: «Панка, где ты живёшь? – я её спрашиваю вроде во сне. – Где ты живёшь?» – «Катька, я живу в раю!» – она говорит, не говорит там чаво. – В раю… Сады одни цвятут, грит, так цвятут сады, – она рассказывает, – так цвятут сады». А я: «Ну всё там говорят, там ад есть?» – Она: «Ес[т]ь, есь, узнаете, придёте, узнаете, за что будете отвечать, вы придёте – узнаете». Вот она мне тоже так сказала: «Не ходи, не делай плохо, замаливай грехи», – она мне всё.

Ну вот я восемнадцать лет ходила, замаливала гряхи [читала по покойникам], а замолила я их или нет – никто не знам. Когда умрём уж, может, приснимся кому во сне, вот так. (*АЕП*)

[Знакомой снится умершая сестра свекрови, та ее спрашивает: «Как ты там?». Отвечает: «Запомни: здесь ничего нет!»]

– У моего у мужа, значит, у моей свекрови сестра, она умерла через два года после своей сестры [свекрови рассказчицы]. И, значит, одна женщина увидела её во сне и спросила: «Надь, как ты там?». Она, грит, подошла ко мне и сказала: «Запомни, здесь ничего нет!». Другие говорят по-другому. Понимаешь? (*ПМА*)

[Родственница информантки видит умершую внучку в незнакомом месте; спрашивает ее: «Как ты здесь живёшь?» – отвечает, что хорошо, сообщает, что ей нельзя идти со сновидицей]

– И вот у меня умерла внучка, ей было шесть лет, и бабушке, – другой бабушке, – приснился сон: значит, она где-то оказалась на таком месте незнакомом и смотрит: какая-то такая изгородь, очень красивая – всё, и там очень много детей бегает. И я, говорит, увидела нашу Катеньку, кричу ей: «Катенька, Катенька, иди сюда!». Она, говорит, подбежала ко мне. «Как ты здесь живёшь?» – «Хорошо, баб, хорошо, мы здесь играем!» – «Ты, – говорит, – идём со мной домой?» – «Не-ет, нам выходить отсюда не разрешают!» – вот такой ей сон приснился… Ну она же, у ней ещё такая ангельская душа-то, безгрешна, говорят, до семи лет, что ли, грех-то на душу не ложится, а уж потом – не знай. Вот это я слышала. (*ФМИ*)

[Спрашивает во сне умершего мужа, как он там живет. Он отвечает: «Живу хорошо»; толкование: подает за него]

– Ещё вот он [умерший муж] мне приснился у двора, у моего двора. Он идёт будто в зимнем, в зимнем и в варежках. И я говорю… я грю: «Как ты там живёшь?» – спрашиваю. А он в варежках это… прям молится: «Слава тебе, Господи! Живу хорошо». Я подаю: значит, если будешь подавать вота, то им хорошо будет. Говорит: «Хорошо!» – и прям в варежках молился. И варежки не скинул, в зимнем: «Слава тебе, Господи! Хорошо живу». А сам сроду не молился ни разу, когда живой был. (*ГЗС*)

[Соседу снится умерший отец информантки; сновидец спрашивает: «Как ты там?»; он отвечает: «Пелагея, одно ярмо – что здесь, что там!» (отец при жизни конюшил)]

– У меня умер отец, он умер, сорок три года ему ещё не было, а работал – конюшил (раньше лошади были в бригадах-то), он конюхом был, за ними ухаживал. И вот когда помер, а соседка (я на той улице жила), соседка вышла, ей сон приснился, она вышла ко двору, а яво звали Стяпаном у нас, а яво звали, прозвище – Стенькой. А она… Я, грит, [во сне] вышла ко двору-ту, гляжу: он идёт оттоль, а он мёртвый. Идёт оттоль, руки назад, без шапки, в куфайке (бывало, куфайки носили), в куфайке. Подошёл ко мне, грит, я думаю: «Погоди-ка: Стенька, ето ведь он мёртвый!». Подошёл, грит, ко мне: «Здравствуй!». Я говорю: «Здравствуй» (а мы соседи, – дружно жили). Я, говорит, яво…

в первую очередь говорю: «Как там живёшь?». А он, грит, мне рукой махнул в глаза: «Пелагея, одно ярмо – что здесь, что там!».

Ты видишь, сынок [к соб.], как сновидение какое. Видно, там что-то. Вот она утром-то идёт к мамке, грит: «Я ведь как Стеньку-то видела! Видно, там он конюшит: одно, грит, Пелагея, ярмо – что там, что здесь!». Вишь, как приходится… Есть что-то, какое-то сновидение, а Бог яво знает, не знам ведь ничаво: есть ли, нет ли, а что-то всё-таки есть. Вот что Богом создано, видно, что-то там где-то есть. Это уж я ввек не забуду сон. Это соседке он приснился. Я яво постоянно: как, мол, папанька? Видно, там конюшит. Вот так. Ну и так-то, вот когда приснится вот кто: не помнишь ведь, засыпаешь сны-то. Вроде видишь-видишь во сне и за… забудешь вот. (*МПС*)

[Во сне умершая говорит, что нужно верить снам: «Как увидите во сне, так, мол, там и живём»]

– В той улице у знакомой, она рассказывала мне, женщина, вот. А старушка была шутливая… забыла уж, как звали. Она и говорит, да, Маринка Заводскова говорит: «Вот ты умрёшь, нам оттуда чаво-нибудь напишешь?» – «Обязательно, обязательно». Ну вот она, – тётя Марина у неё умерла, вот Волгушова тёща, да, вот тут у неё дочка, у тети Марины-те, вот. И снится сон: «Ну чаво же, тётя Анисья, обещала нам написать-то?» – «А вы, говорит, верьте снам! Как увидите во сне, так, мол, там и живём». Вот так вот. (*ПАИ*)

[Умерший говорит, что занимается тем же, что и при жизни: работает в лесу]

– Вот у меня вон у мужа дядя умер, вот снится жене, яво жене сон и говрит: «Александра, как мне жить-то тама? – грит. – Что я, грит, здесь жил, что там жизнь: закатали, грит, меня берёзовые дрова», – это он на тем свете вроде бы… А он в лясу работал [при жизни].

?: И там тоже работает?

– Да, и там, грит, работаю, эдак же, как и здесь работал: пилю, колю, кладу. (*ЦНС*)

[Спрашивает во сне умершего: «Как там жизнь?». Он отвечает: «Ты жила бядно – и здесь будешь так же жить»]

– И вот я яво [умершего во сне] спрашиваю: «Семён Палыч, какая жизнь, как там жизнь?» – «Как вы, грит, жили и здесь эдак будете жить, раньше где и здесь эдак будете жить». Он, грит, покойник-то: «Ты жила бядно – и здесь будешь так же жить». (*ЦНС*)

[Мать спрашивает во сне умершего сына, как он живет; отвечает: «Я бригадиром, – кому трактор, кому машину», – при жизни он был трактористом]

– Вот мама моя видала сваво сына. Говорит: «Как ты там, сынок, живёшь?». А он ей сказал: «Хорошо, мама, только… Ну так же мы живём, как и здесь вы живёте: и работаем так же, – а он шофёром работал, – шофёром я работаю там, у нас есть над нами бригадир, и вот мы все работам под её руководством», – это вот Елизавета Ивановна Козлова, она механизатором была, она умерла, да, он вперёд её умер… Давно мне, грит, охота спросить, как, мол, ты живёшь там, а вот он мне рассказал, – хорошо...

?: Вот вы говорите: «Хорошо, но только…», – а что только?

– А кто знает, не знаю, он больше ничаво не сказал: работаю на машине, жизнь, говорит, такая же, как и здесь у вас, – он сказал… Вот. (*САП*)

[Во сне встречает на улице умершего односельчанина, спрашивает его: «Ну как дела-ти?». Отвечает, что все хорошо, но соседка «колотит» их с другом]

– Вот идет с работы, с кочегарки, на палке сумку нёс, на палку, – там хлеб или чаво… Она [сновидица] говорит: «Эх, Лидка, как мне приснился интересный сон!» – «Как, мол?» – «Как: идёт [умерший сосед] с работы, и сумка на плече на палке, идёт и говорит: “Здоро́во, Николавна!” – “Здоро́во, Геннадий!” – “Здорово, здорово, Мария”. – “Ну как дела-ти?” – “Всё ничего, хорошо живём! Ну только бабушка Панкова (Паночка [пояснение для собеседницы]) нас взялась – с Генкой Моисеевым колотит и колотит! Палкой бьёт и бьёт”. А я, слышь, говорю: “Так а вы что?” – “Ладно Анна Николаевна за нас заступилась, Анна-то, сестра-то её… Вот взяла палку у нас с Моисеевым, бьёт и бьёт палкой нас!”». Я [информантка] иду, она [сновидица] мне рассказывает, как они приснились… (*ЕЛА*)

[Умерший говорит, что на «том свете» занимается тем же, что и при жизни: стелит полы]

– У меня сосед, ещё когда я жила замужем, у меня сосед дядя Серёжа, он работал на фирме, полы стелил вот скотине. Излома[е]тся, и он стелил всё. А я работала свинаркой. И вот иду я раз (это сон мне снится), иду я на работу, а он мне навстречу. Он обычно – топор у

него, и на топоре там у него ножовка висит. И я его спрашиваю: «Дядь Серёж, чаво, мол, ты там делашь?». А он грит: «Чаво, Нин, здесь, то и там». Я грю: «И там полы стелишь». Вот. (*СЕМ*)

[Спрашивают во сне умершую: «Как ты там живёшь?»; отвечает: «Записываю, сижу, записываю, кто идёт по очереди»]

– Ну вот: «Как ты там?» – а они отвечают которы. Вот у нас тут вот рядом вот с ней с этой, с Сидориной, жила женщина. А она умерла, а девчонки, её племянницы, спрашивают: «Нянька, ты, мол, чаво там?» – кому-то она приснилась. И это: «Как ты там живёшь?». Она говорит: «Записываю, сижу, записываю, кто идёт вот по очереди». Вот.

?: Это вот кто туда идёт, на «тот свет»?

– Да-да-да. Вот. (*ГАС*)

[Сновидица спрашивает умершего: «Как там?»; отвечает: «По мытарству хожу»]

– Сестра у меня в Сызрани живет, у нее дядя умер. Он ей приснился. Она его спрашивает: «Дядя Ваня, как ты там?». А он ей: «По мытарству хожу»… (*ТСФ*)

[Во сне спрашивает умерших: «Как там?» – они отвечают, что занимаются тем же, что и при жизни]

– Ходят ко мне два дяди – обое покойны. Один умер раньше, с одним я очень хорошо разговариваю, – расспрашиваю именно я, отвечает он. А второй дядя, – позднее, наверное, с год как умер, сидит молча… И между моей кроватью такое пространство – канава, яма ли или что, они находятся в квартире у меня. Я старшего дядю все расспрашиваю, спрашиваю: «Что, бабушку вы видите?» – «Вижу, видим, – каждый день видим…» – «Ну а чем вы там заняты?» (Они меня не приглашают, не зовут, – просто так). Он говорит: «Я сапожник там», – а за дядю я не спросила. «А бабушка?» – «А бабушка с детьми сидит», – она здесь [при жизни] была заведующим яслями. (*КЗИ*)

[Умерший сообщает, что занимается тем же, что делал при жизни: работает санитаром]

– Ну у меня сястра видала сваво мужа [во сне]: «Ба, Миш, ты, грит, чаво делаешь?» – «Всё, – говорит, – мажу». А он был синитаром [санитаром], синитаром был.

?: Это кто вам рассказывал?

– Эта сястра моя, вот коя умерла-то. А у ней тоже муж умер, санитаром был. Он грит: «Мажу, всё мажу». (*ММН*)

[Сновидица спрашивает умершего: «Как там?». Он отвечает, что «там» очень красочно, сообщает о запрете что-то еще рассказывать]

– Мне снятся сны с одним человеком, которого я любила, – он погиб в автокатастрофе. В одном из этих снов я разговариваю с ним по телефону. Сначала так, – о наших бывших отношениях, а потом я стала его спрашивать, как он «там». Он ответил, что «там» очень красочно и есть люди, и что он с кем-то недавно познакомился. Но больше он не говорил ничего, потому что «тебе этого знать нельзя», – это он сказал. И еще, что там тело и есть и как бы нет, и что они живут везде. И еще снился сон тоже с ним: он мне сказал, что не умер, что это глупости. (*ЮОА*)

[Снится умершая подруга, – сновидица спрашивает у нее об отце и матери, та отвечает: «Они хорошо живут. Мать краснощека, а отец – заведующий шпалами»]

– А у нас вот подруга была… Удавилась-то. Мы еще говорили: «Что Тонька удавилась?». И вот снится. Ничего такого не помню, а только вот: «Тоня, ты наших папашу, мамашу-то видела?». Она говорит: «Видела. Они хорошо живут. Мать краснощека, а отец – заведующий шпалами». А что за заведующий шпалами – это я не могу сказать. Только вот. Это было лет шестнадцать тому назад. И вот эти слова я помню – и больше ничего. (*ВЕМ*)

[Сновидица спрашивает умершую соседку: «Как там?», та отвечает, что те, кто похоронен рядом с родственниками, живут на том свете вместе]

– Ну вот Женька мне, вот соседка, вот умерла, – это, наверное, два или три года, умерла эдак-то и вот… [Снится, что] отворяется калитка, и она не с этого вот входа, где приступ была, щас это вот… И я как увидала её эдак вот, сразу: «Женя! Женя! Ты откудова?». И она никаких больше речей не вела, только вот так стоит как-то [с] обиженным лицом. А я говорю: «Женя, как вы там живёте?». Она говорит: «Да как мы живём…» (вроде много говоришь, но ничаво не запоминашь). Только я её спрашиваю: «Женя, как вы там живёте?». Она мне отвечат: «Ну как тама живём… Кто родня, ежели это… схоронены, – так большими семьями и живут, а ежели одна – так одна и живешь». Больше

я… я много чаво-то говорила, но больше я не могу ничаво, вот это остались у меня в светлой памяти вот это только… (*ВРС*)

[Матери приснились умершие муж и сын, который умер маленьким; сновидица спрашивает мужа, как он живет и о сыне; тот отвечает, что сын с ним]

– У меня отца убило в тридцать седьмом году, а нас четверо детей было, младшему – полтора года. И вот много лет прошло, младший как помер…

И вот потом маме снится сон (где-то через полгода, как он на мотоцикле разбился): будто отца мать спрашивает во сне: «Мишенька, как ты тут живёшь?». А он говорит: «Так-то ничего, только вот из детей только маленький со мной». А тот ведь уже большим разбился, а для отца – он всё маленький. (*САН*)

[Дочь спрашивает умершую мать: «Как там?»; та отвечает: «Мы в саду живем, яблоки собираем»]

– Вот моей маме приснилась её мать: «Иду, говорит, я, Маруська...» – а она вот вроде центральной улицей идёт, она жила здесь, вот на нашем порядке, баба Лена моя. И она, грит, мне, собратáя, грит, чисто, хорошо собратая, и она ей: «Ба, мамк, ты откуда?» – «Да вот там, – назвала, там, – куда-то ходила, да». Вот, говорит, надо спросить: «Как они тама?» – догадалась я, что это… «Мам, ну как вы там? Чаво делаете?» – «Ой, мы в саду живём, яблоков у нас много уродилось, яблоки собирам», – и там, видно, работают, всё-таки, видно, душа-то тама, вот.

А моя мама мне не приснилась, я не спрашивала её, она снилась, но как-то нет у меня этого, чтобы вот её спросить, не приходилось…

«Мы, – говорит, – яблоки собираем». – «И много яблоков-то?» – я её, грит, спрашиваю. «Ой, много, аж дявать некуда, прям кучи лежат в саду-ту у нас». И я, грит, обернулась, и она у меня пропала, больше ничаво не сказала, она у ней пропала… (*ММС*)

[Сновидица спрашивает соседку: «Как ты живешь?»; та отвечает: «Я только заслужила дитям воду носить», сообщает, что дедушка сновидицы – с детьми; толкование: при жизни он раздавал прибыль детям] (близость к видениям: зависимость условий ИМ от поступков при жизни)

– Соседка умерла, <...> и вижу я... Шесть месяцев ее не видела во сне, хоть бы увидеть – на кладбище ходила каждый день, плакала. И вот

вижу во сне: она несет ведра и в землянку. «Варя, – я ей говорю, – да я как хочу тебя видеть, как я давно... как ты тут живешь?» – «Чего, – говорит, – я живу, вот... Я только заслужила дитям воду носить». А у этой землянки вот так... другой выход, а там цветы – маки и зеленый лужок. «Видишь, – говорит, – там вот твой дедушка Роман с детьми занимается, а я, – говорит, – им только воду ношу». Вот так. Дедушка у меня Роман был, он имел пекарню дома, пек только сушки и воскресную прибыль всю раздавал детям. Вот, вот. Хотите верьте, хотите нет. (*ГАВ*)

[Увидела отца во сне, спрашивает: «Пап, тебе холодно?»; отвечает, что «там» тоже тепло]

– Ну вроде к нам пришёл [приснился отец] – в чем хоронили, – в этом же это… Вроде сел на табуретку, сел и сидит. Я говорю: «Пап, тебе ведь… – по-мордовски, – там, я говрю, в этих, наверно, холодно?» – «Нет! Там, грит, тоже тепло!» – и всё. И больше ни разу, а мать вообще почти не видела. (*КЕвФ*)

[Умерший брат приснился рядом с дубом у местного родника (иной мир подобен нашему), зовет сновидицу: «Иди сюды, ближе!»; она видит там льва с коричневой гривой и боится; он сообщает, что «львы здесь не трогают»]

– Вот про одного тоже опять [одного из умерших братьев]. Я его не спрашивала: «Как ты живёшь?». Только он мне грит: «Ты видишь, как у нас здесь хорошо, свётло?». Вот он опять приснился мне вон у того дуба. Будто дуб там стоит у этого родника в Берёзовом-то, и он там, этот брат (самый первый он умер). И я иду, он, значит, Лёша стоит, у этого дуба медведь… не медведь, а лёв, косматый, коричневый, тёмно-тёмно коричневый. Он грит: «Райк, иди сюды, ближе!». Я грю: «Ты что? А лёв-то?!» – «А они, слышь, здесь нас не трогают, ага. Они, слышь, здесь нас не трогают, они, слышь, никого не трогают», – вот это мне снилось, вот только что свои братья.

?: Это получается на том свете львы?

– Видно. Он говорит: «Они, слышь, здесь у нас никого не трогают». (*КРА*)

Иной мир – другая планета, страна, поселение[3]

[Снится умершая свекровь – говорит, что идет к сестре и что живет сейчас в Бразилии]

– Мне тоже вот свекровь приснилась. Она умерла три года как раз, а у нас вот тётка болела там, её, короче, сестра. Она сильно болела, думали: она умрёт. И вот мне снится: я иду этой улицей, и она сидит там на брёвнышке, так чистенько одетая. Я грю: «Мам, ты куда идёшь?». Она говорит: «Да к Тоне иду!». Я говрю: «А чёй-то ты здесь села?» – «Да вот отдохну да пойду». Я грю: «Где ты живёшь?». Она говорит: «Я щас в Бразилии живу» [смеется]. «Я, – грит, – щас в Бразилии живу. Живу, грит, хорошо, всё у меня есть. Ой, – грит, – четыре часа, мне уже, – грит, – надо идти домой». Я грю: «А к Тоне-то?» – «Да я к ней потом!». И она [«Тоня»] долго потом жила, вот она не дошла, вот видите вот такое вот, что она не дошла. Да, она потом жила – она до неё не дошла. И вот я говорю, что наша бабка живёт в Бразилии. Говорят, переселение душ-то. Возможно, что и действительно, а почему бы и нет? Это можно, – никто же ничего не знает. Ну, наверно, и действительно так оно и есть. (*ААВ*)

[Спрашивает умершую тетю: «Как ты там это живёшь?»; она отвечает: «Я живу на другой планете»]

– А одна, значит, это говорила, эдак же приснилась племянницам, они её спрашивают: «Няньк, как ты там это живёшь?». А она говорит: «Я живу не на этой планете, а на другой, меня взяли на другую планету». А кто их знат, мы ведь не знаем ничаво.

?: Это в сновидении?

– Да, вот в сновидении так приснилось. (*ГАС*)

[Мертвая сестра уводит сновидицу на Луну; видит там людей в светлых одеждах, затем умершая выталкивает ее из своего мира, остаются следы от рук] (информирование и выпроваживание)

– Знакомая мне рассказывала: в общем, она… это самое, у моей знакомой, у нее умерла родная сестра, а потом она, эта родная сестра,

[3] Ср. также сюжеты текстов, опубликованных в других подразделах: сновидец (визионер), посещающий инобытие, оказывается на планете, которая напоминает Марс, в мире с ярусным строением, в незнакомом городе и т.п.

покойная, является ей во сне и говорит: «Хочешь, я тебе покажу, где я сейчас нахожусь?» – и, значит, она [знакомая] видит яркую Луну, лунную дорожку, и вот по этой, видно, дорожке она ведет ее за руку, – ну то есть, как она вот рассказывала, она хорошо понимает, что она оказалась на Луне. Это по лунной дорожке она поднялась на Луну. И там… видит, – и вот она, значит, наблюдает, что там ходят все в белых светлых одеждах…

И, значит, она говорит, потом стали сокращаться, – ну такие, как ворота, там двери стали закрываться, и сестра говорит: «Ну всё, пора, быстрей, – говорит, – пора возвращаться, тебе здесь нельзя оставаться!». А так как расстояние уже оказалось между дверями уже немного, между воротами, – они должны закрыться, оказалось уже чуть-чуть совсем времени, – и, чтобы успеть, она [умершая сестра] ее толкнула, ну во сне толкнула, чтобы она быстрее через эти двери прошла, и потом ворота сомкнулись, и она проснулась. И когда она утром встала с кровати, она увидела, что на теле у нее синяки, то есть остались синяки от того, ну, – от того толчка, когда сестра ее толкнула, и вот как раз на плечах, вот эти вот пальцы, вот синяки остались. (*ЛГВ*)

[Сновидец находится на горе, его засасывает в пещеру, он летит над очень красивым миром, приземляется на поляне, окруженной речкой; сновидец пытается перейти реку, его останавливает женщина, говорящая: «Тебе еще рано сюда»] (информирование и выпроваживание)

– Еще запомнился сон, начинающийся с того, что я нахожусь на Тибете, передо мной большая гора, а в ней маленькая черная дырочка. Я поднимаюсь туда, и она оказывается большой пещерой. Я иду туда, и меня начинает засасывать. Я лечу с очень большой скоростью, долго и в конце концов оказываюсь на обрыве, меня уносит с этого обрыва. Получается так, что лечу над очень красивым пейзажем и не падаю. Внизу – горы, реки, моря… Я вижу резвящихся детей, людей, добрых и красивых. Я приземляюсь на маленькую полянку, но там оказываюсь один. Меня от всех них отделяет маленькая речка. Я подхожу к речке, пытаюсь ее переступить, но некая женщина говорит: «Тебе еще рано сюда! Тебе еще очень долго жить и еще много всего надо сделать».

Я прошу ее научить меня чему-нибудь, затем оказываюсь вместе с ней на крыше большого здания, и она говорит: «За тобой бегут много нехороших людей. Что ты сделаешь?». Я пытаюсь убежать, бегу, но понимаю, что нужно принимать какие-то иные меры. Я останавливаюсь и внушаю себе, что могу летать. Я лечу. Возвращаюсь к ней. «На се-

годня мы закончили, – говорит она, – но я приду еще…». Потом мне приснилось, что она приходила еще и научила меня управлять снами, то есть уметь перестроить негативные сюжеты на благой лад. Были еще сны-продолжения. (*НСК*)

Иной мир – барак (полки, ярусы, некие ряды), овраг, пещера, пропасть, шахта

[Во сне умерший отец пребывает «в каком-то бараке, в котором стоят кровати рядами»; забирает с собой другого умершего, поселившегося на чердаке]

– Вот недавно я видела его [умершего отца] во сне. Он мне приснился в каком-то бараке, в котором стояли кровати вот рядами. Почему он там был, – я не знаю, и я с ним очень долго-то я не говорила, но как будто якобы он находился в этом здании…

А в моем доме жил, – мне сказали, – что вот в вашем доме, на чердаке у вас живёт человек, хотя этот человек уже давно умер [то есть в реальности об этом доме говорили как о «нехорошем месте»]. Вот отец мне во сне говорил: «Нет, нет, щас я уйду и его с собой заберу!» – то ес[т]ь он уходил и забирал этого человека с собой, то есь, может, во сне он как-то старался оградить вот нас от этого, то есь как будто это происходило в реальности. (*ЖВВ*)

[Во сне гостит у покойных родителей и тетки; они живут в неблагоустроенном бараке]

– Снился сон, что я была в гостях у покойных родителей и у тетки. Видела, где они живут, то есть барак подземный, неблагоустроенный, – полки, на которых они живут. Там много людей, но между собой они не общаются, хотя живут рядом. Полумрак, сумрак, освещения нет… Проснулась со спокойным ощущением, словно была на экскурсии. (*ТНП*)

[Сестра после смерти брата видит сон: длинный, темный барак, брат идет за ней; дошли до края барака, он говорит: «Мне не положено выходить»]

– А вот опять этой сестре привиделся – сорок дней ещё не было, говрит: «Вот я, слышь, иду: какой-то, грит, барак – длинный-длинный да тёмно там, тёмно! И он, слышь, идёт за мной – Серёжа. Я, грит, иду-иду вперёд – и он». А он накрытый, говрит, – эти, наверно, накры-

вают саваном-то. «Ты, грит, чай, не видишь – идти-то, и тямно эдак!». Грит: «Я всё вижу!». И вот мы, слышь, дошли в этот барак до краю. «Ну, иди, а мне, грит, не положено!». Яму-то не положено на свет-то выходить. И я, грит, вышла из барака – а он пропал у меня.

?: А барак – это вот какое-то помещение, здание какое-то?

– Ну помещение: бывало, ведь бараки были. Длинны, длинны – жили в них.

?: А они с полочками – чтобы спать?

– Всё там, там жильё в этих бараках было раньше. И вот он, слышь, водит...

?: Он её провожал?

– Да. Вот лазил-лазил, а до краю-то, дошёл до краю: «Мне не положено!». А она осталась на свету, а он ушёл, остался в этой темноте. (*ГАЕ*)

[Умерший сообщает, что на том свете у каждого своя комната – как камеры хранения на вокзале]

– Ну всё равно какая-то или загробная жизнь, или что, не знаю… У нас приснилось одной: «Как вы живёте?». Она говорит: «Хорошо живём, вот у нас у каждого своя комнатка…»[4].

?: Покойник рассказывает?

– Покойник рассказывает… «А что за комнатки?» – «Ну вот как камеры хранения на вокзалах: у каждого своя дверка, вот мы все родные живём вот тут. Вот так мы все живём, мы все видимся, все, грит, работаем». Вот такое снится. А там, – хто яво знает… (*ВРС*)

[Бог водил сестру про тому свету, показывал ад и рай: ад – все кипит, смола, вагонетки возят; в раю ничего не делают; ад сравнивается со сталинскими лагерями]

– Да, Жене [приснилось], – она ещё была девушкой. Она грит: «Сашка, грит, мне знаешь чё приснилось? Тот свет!». Она говорит: вот Господь Бог, грит, вот идём, я, грит... есть и тот свет. Опустились, грит, мы туда в треисподню [sic] (это под землю), и как, грит, и смола, и вот как это люди изнуряюще работают: это и вагонетки, и всё. Вот это как говорят, что и на сковородке печётся, так, грит, и... «Саша, – говрит, – так вот мне и приснилось», – говрит.

[4] Сравните рассказы (представленные, в основном, ниже – в подразделе «Указание на нарушение»), в которых ИМ описывается как ряды «норок», «клеток», ярусов, кроватей, пещер, где пребывают умершие.

И что вот как рай, что действительно люди живут – ну вот как в этим в раю, ничё не делают. Божьим даром, что ль, всё пользуются.

Всё, грит, цветёт, так красиво, говрит. Она грит, Женя говорит, так красиво говорит – в раю. А что вот там [в аду] совсем по-другому: сильно работают, говрит.

?: На вагонетках возят?

– Да, и как вручную на вагоне... У нас были сталинские-то всё лагеря – там ведь как тоже... Вот сватья-то у нас тоже с Севера, там с Магадана, – как раз в этих самых местах всё было. Это вот самый... там, наверно, и было, как тот ад...

?: Да, как в аду люди жили...

– Да, как в аду люди жили: кто мог, тот выжил. (*ЦАВ*)

[Бог водит во сне мать информантки по тому свету, показывает неопределенных покойников, лежащих штабелями, советует брать за «отпевание» 5 рублей]

– А ещё мне приснилось, ну мне так вот… во сне мне сказали, что маму мою на том свете знают. Ну, конечно, мама ходила много людей отпевать. И как мне мама говорила: «Приснился мне Господь Бог», – ну она не говорит так… И говорит... Стал он, грит, меня водить: «Вот смотри, доченька, сколько неопределённых у нас людей!». В войнах сколько погибло! Они же не отпеты. И убиенны и всяки, – сколько только можно. И вот сколько смертей, и правда мама говорит: «Лежат штабелями мертвецы – они все неопределённы, потому что не отпеты. И вот, она говорит, дал псалтырь вот: “Вот, говорит, на́ тебе книжечку. И ходи…” – и там [в книжечке], грит, пять рублей: больше пяти рублей, значит, не бери. Ну вот за эту работу пять рублей бери, значит, выходит. И открыла, а там – пять рублей.

И мама, говрит, вот ходила, там скажут – подают, в общем, мама грит: «Вот я пять рублей беру. Мне Господь Бог велел за моё труд [sic] только взять пять рублей». Вот. И это… И вот приснился это, мне говорят, маму мою, значит, знают на том свете. Ну что вот она... сколько людей отпевала – может, из-за этого, – ходила. И лечит – приходят люди же. Особенно дети. Щас она никого [уже не лечит] – и то они придут, знают, что она детям не может отказать. И вот они: «Баба Нина, полечи нас!». Приезжают ведь откуда, сами дети, вот которые могут, приезжали. (*ЦАВ*)

[Во сне погибший муж находится в пещере, до которой сновидица плывет; спрашивает мужа, почему он ничего не сообщает о себе; тот ее прогоняет; верит до сих пор, что муж жив, гадает на него] (информирование и выпроваживание)

– Когда Анатолий [первый муж] умер, погиб когда он, и вот, значит, мне тогда сказали, что возьми какую-нибудь вещь его, когда будешь это… будешь засыпать, возьми вещь, положь, ну и скажи: «Как-нибудь, но приснись мне, чтоб я знала хоть о тебе, жив ты или нет?» – потому что нам, видите, какое письмо тогда пришло, что без вести пропавший он, как раз тогда вот с Кубой эта заваруха была и прочее всё.

Ну и вот, вот мне снится сон: якобы вода, очень много-много воды, я с какой-то корзиной, этот сон вот тоже не забываю никогда. Доплываю до какой-то пещеры и смотрю: маленькое-маленькое вот такое окошечко, и он сидит там. Он сидит, одна нога у него была опущена, вторая, он, значит, это… на этой, как бы он, ну вполуприсядок [sic], вот так вот. И я ему говорю, я грю: «Ну что же ты ничё не сообщишь? – я говорю, – я так, я грю, я уж, не знаю, я грю, к кому идти, я грю, я и гадаю на тебя и всё, и ты не можешь сообщить». Он вот так вот повернулся вот и говорит: «Иди отсюда!» – и я вот, никогда я сон этот не забуду, ни-ког-да. А вы знаете, и до сих пор, между прочим, я до сих пор хожу гадать, потому что я очень суеверный человек, и мне говорят, что он жив. И до сих пор, вот мы уж сами стали старики, нам по семьдесят лет, и мне говорят: «Он жив, он придёт, вот, грит, он, он, грит, сейчас за далёкими стенами, за большими морями, но он, грит, вот обязательно, грит, придёт, у него, грит, семья, он, грит, сейчас очень седой-преседой, но он, грит, обязательно придёт».

А вот сон этот, я вот, я тогда положила его фуражку с кокардой [под подушку], она и щас у меня эта кокарда, и вот я его видела [во сне]. И он… и он тогда повернулся вот так и грит: «Иди отсюда!» – и больше он мне ничего не сказал. Это я вот сама лично этот сон видела.

?: Как бы выпроваживал вас?

– Он прям выпроводил меня. Я грю: «Да ты что?! Я так тебя всё время жду…». И вот как только Новый год, я обязательно чё-нибудь кладу и делаю [кладет вещи под подушку – чтобы погадать о муже], думаю: «Жив он или нет?». Обязательно беру его вещи и обязательно кладу. Ну большинство я кладу вот эту кокарду, она у меня осталась, эта кокарда вот его – мы тогда новую ему здесь покупали в этом в гарнизонном магазине, он сменил, а эта – у меня осталась. И вот я большинство её кладу. И вы знаете, ни разу он мне не приснился, чтобы вот, ну мёртвым как бы… ни разу этого не было. (*КЛА*)

Иной мир описывается через «растительный код»

[Умершая тётя снится рассказчице, которая еще не знает о ее смерти, и надевает на нее платок; после в реальности рассказчица хоронит ее; затем тетя снится уже в образе красивой девушки (описывается два мира: тётя в саду; за пределами сада – сумрачно); говорит, что надо есть викторию, это полезно для крови, выпроваживает сновидицу; затем в реальности происходит операция, во время которой рассказчица чудом выживает]

– Очень часто вот как говорят: рай, ад. Понимаешь, рай – это покой, ад – беспокойство. У меня была двоюродная сестра, она – инвалид детства, ей было сорок два года, единственное, что она могла делать – вот качаться на стуле и ползать. У неё было туловище сорокачетырёхлетней женщины, например, ручки такие малюсенькие, и ножки маленькие [показывает]. И она знала всего три слова: «Шура», «Толя», «мама» и «ам-ам», – больше ничего не знала… И у меня у бабушки было очень много внуков-правнуков – и она никому не разрешала заходить. Ну маленькие прибегали, она сразу начинала в нас всё кидать, чтобы никто не заходил, потом мы выросли, родились наши дети, – никому не разрешала. И когда я в первый раз пришла с Ксюшей [дочерью], – вот до сих пор они об этом все говорят – она вот так руки открыла, Валюшка-то наша, и сидела, и вот Ксюша, а это она подошла и обняла её. И она тогда выучила ещё слово: «Ксюха» говорить.

У неё было столько игрушек – вот у Валюшки, такие-такие, – там всякие, – ей носили. И не дай Бог тёте, которая убирала всё, неправильно поставить игрушку, – она начинала опять кричать, всё кидать, – пока там крёстная Алла ей опять игрушки не поставила. Боже упаси – кто-то их трогал, приходила моя дочь – она всё сгружала, она могла с ней уснуть.

И потом [через] много-много лет я поняла, почему она так. В девяносто пятом году внезапно умирает вот эта тётя в новогоднюю ночь, и, знаешь, что самое интересное: мы легли спать, я только закрыла глаза, она ко мне подходит и надевает на меня платок, – мы в совершенно в разных сёлах… Я так думаю: «Господи, что за ерунда мне снится?». Только-только я закрываю глаза, – она опять подходит и надевает мне платок. И когда в третий раз она подошла, я грю: «Чё ты делаешь?». Она: «А ты проснёшься утром, – всё равно платок оденешь!». И когда

звонят – умерла: она закашлялась очень сильно, у неё была астма – она вышла на улицу, поскользнулась и – виском….

И вот эту вот Валюшку определяют в дом в Акшуат, – это где-то здесь… Мы жили вообще в разных [сёлах] – они жили в Ждамиреве, а я вот – в Саре, контактировать часто – в общем-то, не было возможности. Это было первого, значит, января, умерла моя тётя, а шестого мая умирает вот эта вот Валюшка. И из двадцати семи двоюродных, троюродных, – телеграмма приходит мне: «Умерла ваша сестра, умерла ваша сестра, похороны – десятого мая».

И ночью мне снится сон, что она меня зовёт, вот зовёт – она же не разговаривала! И всё, я приезжаю туда, говорю: «Вы как хотите, (бабушка ещё была жива), я поеду за ней, привезу и похороню здесь». Меня там все отговаривали: «Ты чё…». В общем, наняла машину – всё и так далее. Я приезжаю туда в Акшуат, понимаешь, Жень [к соб.], вышла такая толпа – вот и таких, и таких, и таких… Я не понимаю, в чём дело. Оказывается, за всю историю Акшуата в первый раз приехали, чтобы забрать инвалида, понимаешь.

И вот я, значит, приехала, – там схоронили, – всё-всё вроде слава Богу, и где-то числа, это уже вот година должна быть матери – первого января, где-то числа двадцать восьмого января мне снится такой сон: как будто я иду по улице, – грязно, холодно, мрачно – ни солнца, ни света, вот хлещет вот этот колючий дождь, я очень замёрзла, и я вижу: калитка, я её открываю – там солнце, там яблоки, яблони, там зелень, а я очень люблю викторию, там вот такая вот виктория [показывает руками размер ягоды]. И я вот, понимаешь, я вот так вот встала и стою: сюда смотрю – мрак, сюда смотрю – солнце, свет, тепло. Тетя моя собирает вишню (а вот у них сад – там было очень много вишни всегда). И вот эта Валюшка, которая только ползала [в реальности], я смотрю на неё: девушка идёт ко мне, и вот такой вот у неё, понимаешь, я даже не знаю – корзина не корзина вот таких ягод. Говорит: «Марин, на́, тебе очень надо для крови, кушай!». Я говорю: «Нет, я не буду кушать, я здесь останусь с вами!». Она вот так берёт меня за руку, говорит: «Уходи, твой срок ещё не пришёл!» – я так обиделась, ушла, так плачу, – вообще мне так обидно было.

Это было… И через два дня я попадаю на операционный стол, мне делают очень сложную операцию – операция идёт шесть часов. Перед этим… значит, когда я очнулась после операции – подходит врач и говорит мне: «У тебя дети есть?» – «Да, двое детей». – «Вызывай родственников, потому что всё – дело плохо». И через два

дня (конечно, я никому ничё не сообщила), через два дня меня опять оперируют, – операция ещё сложнее была – там вообще операция на кишечник была. И я очнулась в реанимации (я даже не помню щас), и врач пришёл ко мне, который вот меня оперировал, и говорит: «Скажи, пожалуйста, кто за тебя молился? Это сто процентов, – мы делали операцию, просто вроде надо сделать, мы знали, что ты не вылезешь». Вот тогда я только вспомнила, понимаешь, вот этот вот сон! Может, это вот то – она меня спасла, там рядом была, то, что я её перевезла в родную землю, то, что я как бы не разлучила её вот всё.

Понимаешь, – вот некоторые говорят: «Сделаешь добро – жди, когда оно вернётся!». Не надо ждать – оно обязательно вернётся тогда, когда в этом будет очень большая необходимость, поэтому надо делать добро, а зло – оно возвращается сразу. (*ПМА*)

[Во сне видит много «ребятёшечков» – как детский сад; они собирают цветочки, течет сахарна речка]

– Вот у меня мать-то видела же: иду, говорит, гляжу во сне – ох, скоко, говорит, тока ребятешёчков, и луга, цвяты цвятут, и они, говорит, все тута. А я, говорит, спрашиваю тут (стоит, говорит, женщина): «Это, говорит, что?» – «Ну что, говорит, вот ребятёшечки – как детский сад». – «А чаво, говорит, они?» – «Они, говорит, собярают цвяточки». – «А тут, говорит, вот что течёт?» – «А это, говорит, сахарна речка. Оне, говорит, собярают тут и попьют тут». Они чаво – которы бязымянны, которы какие, – вот оне все ходят, – умéрши…

?: Это вот детишки маленькие, умершие?

– Да-да. Вот прям, говорит, вот – о-ох, говорит, скоко цвятов, и они, говорит, все ходят – собярают цвяточки, – и речка… (*КЕВ*)

[Видит во сне «райско место» – сад, яблони; переходит туда «ползком» через «плохое место» – кирпичный коридор, где «вышины нет» (потолок низкий)]

[ТВИ] Вот чё видела: вот будто (райско-то место я увидала) я в какем-то каменном месте, прям кирпичны стены-те, а уж она-то очень низкая, я уж оттоль эдак-то: ползком-ползком. И вот это: всё-таки я вышла наружу-то на вольный свет. Гляжу: какие только яблони, ой, какие яблоки. Я говорю: «Вот место-те это, ну хорошее-то место больно, больше я туды [обратно] не пойду!» [смеется].

[ЕИС] В яму-то?

[ТВИ] Не в яму, а вот в этаком каменном месте я была…

?: Это какой-то тоннель?
[ТВИ] Вот он как пол каменный, эдакий, а вышины-те нет...
?: Потолка нет?
[ТВИ] Ну низкó очень, есть да низкó… (*ТВИ, ЕИС*)

[Погибшая сестра рассказчицы приснилась односельчанину: находится в некоем саду с детьми]

– Это вот у меня сястра, она умярла молодая. Ну она как умярла: учиться она поехала в Сенгилей, и они, значит, поехали на картошку на уборку. И у них машина слетела, шóфер-то, наверно, пьяный был, слетела с плотины́ и прям туды в этот обрыв. И вот она, насмерть она – прям её как перерубило пополам бортом. Вот. И вот она снится, снится, а… ну чё – девятнадцать лет, все очень об ней, ну… горевали, тужили, всё. И вот она приснилась во сне одному мужчине, вот он рассказывал. Он грит: «Валя сидит, – её Валей, – Валя, грит, сидит в саду, а около её, грит, дете-ей! Не знай, грит, в садике работат, не знай, чаво» [смеется]. Вот это у него сновидение вот приснилось. (*ГАС*)

[Во сне видит ад и рай; в аду – просят пить, жара, темнота, а в раю – розы, тюльпаны, яблони]

– А потом: вот недавно я летал [во сне], – вот летаю и летаю… А вот когда я залетел на церковь – туда, за купола (сóбраты[5] все хороши), – и полетел дальше по горам, – горы, долины… цветы, розы. Кто в этом ходит – летом, жара – с короткими руками[6]… А кто в аду-то – сидят: «Попить бы, – говорят, – поесть бы!» – тощие, грязные, в темноте. «Поесть бы!» – говорят, а никто там ничаво…

А в раю, я говорю, – розы, тюльпаны, – всё, яблоки цветут, – всё как жар горит… Это всё было у меня на виду, это, если не болтать, – какие пересказы: это [мол] болтовня всё, – нету никакой болтовни, ничаво нет… Это – истина, – всё на мне происходило. (*ТВВ*)

[Приснилось на 40 дней после смерти матери: необычный мир, мать в белой рубахе плывет на лодке; умершая – в два раза выше, чем была при жизни]

[5] От слова: «собрать». Имеется в виду: купола церкви красиво сделаны, хорошо украшены.

[6] Т.е. информант видит во сне рай, где пребывают люди в одежде с короткими рукавами.

– Когда умерла моя мама, мне очень часто стали сниться сны про тот свет. Что удивительно: ни в одном сне я не видела себя, но точно понимала, где я. Первый сон приснился, когда было сорок дней: вижу необычный мир, – светло, солнечно, на деревьях – цветы, краски яркие, сочные. Увидела маму – она плыла по голубой-голубой речке (цвет даже неестественный какой-то) на лодке, в белой рубахе… Ростом она была раза в два выше [чем в реальности], плыла и пела песни.

Второй раз мне приснилось, что мама сидит в комнате за длинным деревянным столом, а рядом – гора конфет. (*ЗИН*)

[Видит умершую свекровь: снится ее домик, вокруг – много цветов, около неё внучатки; толкует: «Значит, это очень хорошо, это как ангелы охраняют вот её»]

– Ну я вот свекровь вот, Колину маму, вот видела вот... И мне [своя] мама вот – два года доходит, ну она мне больно тоже не снится плохо, потому что я поминаю. И я вот… Про чего я начала? А, вот свекровь я видела: вот она… домик у них [во сне] совсем другой [чем в реальности]. И свёкор тоже, и отец тоже. У меня папа на войне погиб, а у Коли – он здесь дома, пришёл с войны, помер здесь. А я своего папу – мне четыре годика было только… Я не помню отца своего. Ну и вот снится домик [в котором свекровь], и вот цветов сто-олько, цветов! И около неё внучатки. Вот Танины внуча… дети, это её дочери, дети маненьки сидят около неё. Значит, это очень хорошо, это как ангелы охраняют вот её. Вот так вот.

Нас всех, нас ведь всех ангелы охраняют, это понятно любому человеку. Ангел-хранитель – всегда это уж… он охраняет нас всегда, ангел. (*ЛНВ*)

[Некая «приятельница» ведет сновидицу и показывает удивительно красивый мир – с типичными образами-мотивами иного мира]

– И еще один такой сон. Был такой чудный сон, я сама была очень удивлена этому… Снится мне: иду я с кем-то из моих близких, женщина, – очень близкий, – идём, идём куда-то с ней, и вдруг перед нами открывается совершенно другой, удивительно красивый мир, сказочный мир. В жизни, вот много лет прожито, но я такой неземной красоты не видела: во-первых, ручей течёт, так он течёт, так он журчит, как будто кто сказку рассказывает, – слушал, слушал бы… Птицы. Птицы там поют чудесные песни, сказочные песни – заслушаешься, деревца экзотические, – всякие. И цветовая гамма, такая цветовая

гамма: золотисто-оранжевая, яркая, – зелень, что в жизни, в природе такого нет. И мы идём с этой приятельницей вдоль этой… этого ручья в этой прекрасной природе. Куда – не знаю. Долго мы шли. И вот этот сон, – я его никогда не забуду, потому что такой красоты на земле я нигде не видела… (*ИРП*)

[Во сне сообщают, что умерший муж пребывает «в цветах»; сновидицу ведут по тому свету некие монашки, живущие в пещере]

– Вот сон этот я не забуду: вот видала я яво больно уж в цветах, [умершего] мужа: вот что ни иду – цвяты, что ни иду – во всё цвяты – вот уж всякыми, всякыми цвятами, а я будто иду, а мне навстречу идут вроде как женщины. И я говрю: «Ты далеко ли идёшь?» – вроде меня спрашивают. Я говрю: «Да иду, мол, вот сюды – к мужику» – «О-ой, ты, грит, к няму не дойдёшь: туды, грит, что ни пойдёшь, то ещё больше цвятов, да». И вярнули будто меня две женщины в чёрном, вярнули, меня: «Айда-ка, грит, мы тебе ещё чаво покажем» – «Чаво, мол, покажете вы?» – «Вот где, грит, упокойники ещё» – вот стары-то, стары-те. «Где, мол?». Вот будто в гору, в гору пришли, и туда будто вдолблённа вот как яма какая туды, и мы туды, меня завяли, окошков нигде нет, а святло. «Вот, грит, мы здесь находимся». – «А как же вы, мол, здеся?» – «Мы, грит, всё здесь видим», – вот в такую в тёмну вещу меня ввели, вот там как в горе врыто в какое, в яму, вот мне показали. И вот мне яво, я яво не вижу, а только вот говорят, что это вот твой, мол, мужик тама, в этих цвятах тама, что, грит, дальше ни пойдёшь, ещё, говорит, больше цвятов-то, – вот к чаму этот сон приснился – Хосподи знат…

?: А чем закончился сон?

– Вот я тебе говорю: кончился вот – в гору, в гору…

?: А вот в горе – это вот старые покойники?

– Да-да-да, две старых, старочки вроде – в чёрных во всех, всё – монашки. Вот как в пещеру, да-да-да: «Айда, мол, покажем, где мы живём». – «Айдате, мол». – «Вот, грит, айда, покажем!». И меня будто в эту пещёру ввели: «Вот, мол, мы здесь живём».

Вот этот, наверное, у меня на всю жизнь запомнился… Вот мужа видала в этих цветах, и то уже не видала, а только мне сказали, что твой мужик там в этих цветах, – что дальше ни пойдёшь, ещё больше цвятов, а яво не видела… (*ЗМД*)

[Умерший отчим уводит информантку с того света (иной мир подобен нашему); там видит «народ среди цветов»; в реальности сновидица чуть не умерла в больнице] (информирование и выпроваживание)

– Перед смертью, – через два дня [врач] говорит: «…И умерла [бы]». А вот здесь пустырь, – как переходить, там вон клумбы сделаны. Вот будто бы [рассказывает сон], ты знаешь, сколько народу среди цветов было, – все в одинаковых одеждах: в шляпах, в черных осенних польтах, а я вот стою на этих клумбах, а у них как собрание какое. А я стою и вот думаю, – вдруг идет отчим (отец мой неродной) [давно умерший], – оттуда от двадцать восьмого [дома, расположенного на проспекте 50–летия ВЛКСМ г. Ульяновска, где ранее был увиденный информанткой во сне пустырь]. Вот, говорит, увидел меня и говорит: «Капитолин! А ты чё здесь делаешь?» – взял меня за руку и увел в другу сторону… Да, на том свете была, и до сих пор как в глазах, гляжу я: вот все клумбы…

?: Кто вас во сне за руку взял?

– Отчим неродной, – он умер, – да, взял за руку и говорит: «Да, а ты чё, Капитолин, здесь делаешь?» – взял за руку и – главное – сюда увел, – а по ту сторону[7]... И я, видно, проснулась или чё ли…

?: Почему вы решили, что как на том свете побывали?

– Ну как почему: все-таки все мертвецы [те, кого увидела во сне, уже умерли]… И я приготовилась, а он вот, – рано, видно, мне, – увел меня…

?: Т.е. вы были в больнице в это время, болели?

– Да, когда в больницу привели меня, – врач, – десять дней я валялась, не узнавала никого. Врачи и говорят: «Еще б два дня, – на третий день...»[8]. (*РКБ*)

[Умерший отец стоит около двора, затем идет в сторону разрушенной церкви, заходит в калитку, там сад (иной мир подобен нашему); отец сообщает сновидице, что умершие здесь работают]

– Вот он [умерший отец] во сне приходил. Вот мой родной дом вон там, на конце был улицы. Вот он пришёл, во двор не вошёл, не в дом, а вот около двора вот так напротив. И меня позвал. Я к нему вышла, ну мы просто разговаривали с нём, а потом он собрался: «Вот мне надо уходить». Я грю: «А ты, папа, ещё придёшь?». Он грит: «Обязательно приду! Обязательно… – это когда придёт время, видимо, да. – Обязательно приду». И потом пошёл: вот у нас церковь, щас она развалилась вся, да, а здесь вот этот дом последний через дорогу, – там

[7] Т.е. перевел на другую сторону улицы по отношению к людям «среди цветов».

[8] Т.е. еще бы два дня – и информантка могла умереть.

ограда, огород. И вот он зашёл (только вот он щас пустует, не пустует – там вообще, ну не сеют его), а он заходит: ограда – как у церкви была, значит, заходит в калиточку. Я грю: «Папа! Чё здесь ты делаешь?». А он грит: «А мы здесь работаем!». А там оказался сад, вот в этот сад он ушёл. Вот это сон.

?: Это как тот свет получается?

– Да. Мы, грит, здесь работаем. А он у меня был, ну как был сказать, церковным служителем – певчим он был всё время, так вот он, как бы сказать, рядом там где-то…

?: Рядом с церковью?

– Да-да. (*САМ*)

[Видит во сне погибшую сестру: она спит с ребенком на кладбище в саду; затем выталкивает сновидицу из иного мира] (информирование и выпроваживание)

– Ну вот это, наверно, и расскажу я тогда, как я на кладбище-то попала: старшая любимая сестра у меня, самая старшая (она умерла трагически тоже, вместе со своим сыном), и вот я ее увидела во сне, и мне захотелось подойти к ней и обнять ее…

А увидела я ее, будто это наше старое кладбище, на моей родине [информантка родилась в п. Буинске Чувашской области], и кладбище и сад одновременно, – кругом там цветы росли… И моя сестра спала на кровати, сын не проснулся у нее, она встала еле-еле и… не разрешила мне подойти к ней, сказала: «Здесь тебе находиться нельзя, а то тебя поругают!». И она меня даже пыталась вытолкнуть, чтобы: «Уходи, уходи!..» – со словами она меня даже выталкивала, я стала уходить, а она цветы как раз подмятала (?), – я споткнулась об эти цветы и – вышла оттуда, из этого сада… Только спросила [у нее]: «А письма писать можно?». Она сказала: «Можно». И я проснулась. (*СЛП*)

Иной мир – изба, комната, церковь, больница[9]

[Видит умершую внучку в маленькой избенке; дает ей конфеты, которые забирает умершая бабушка]

– Я её [умершую внучку] долго-долго не видала во сне, а потом лягла спать и говорю: «Да Господи, хоть бы мне увидать её во сне, Иринку», – и в эту ночь я её увидела во сне.

Зашла в какую-то избенку маленькую, – а там так уютно, хорошо. И они вместе с бабушкой, с моей свекровью: бабушка в однем углу, а она [внучка] стоит прям вот так вот передо мной. А гляжу на нее гляжу, – никак не нагляжусь, а она ест конфетки. Потом стояла-стояла и говорит: «Ну, ладно, мне надо идти, – мы пойдем договариваться, куды-то ехать». «Ну, ладно, – говорю, – пока, мол, до свидания», – а конфетки-то положила на стол, и вот видите, какое дело (я же не хвастаю, как есть, так и говорю), – эти конфетки, их… подходит бабушка и берет. Я только подумала: «У девчонки и то – берёт», – подумала я только, – она мне говорит: «У ней есть, у ней много, хватит ей!». Я говорю: «Да ей дали!» – «Ну и что – у ней есть!». (*ЯМС*)

[Сновидица приходит к умершей тете, живущей в лесной избушке; там на столе сушеная свекла, сухари; сновидица спрашивает умершую о лопатках на спине («крыльях»), выясняется, что у тети они есть]

– Я очень много видала тётю [во сне], у нас умерла, – она вон там жила, вон дом, железом крытый [показывает рукой]…

?: А как вы тётю видели?

– Да тётю я всё видела в детстве, в детстве видела. Ну по-всякому видела. А потом больше всё как хоронют, как хоронют, всё её видела, как будто её хоронют, всё у их дома…

?: А она ещё была жива?

– Нет, она была мёртвой, я её покойной видела. Один раз в лесу вроде бы: пришла в лес, а там изба. И вроде бы она там ухажива[е]т, всё подаёт к столу, кого-то кормит, кормит. А на столе всё вроде вот как сухари, потом какая-то как куряга, раньше называли, вот сушёна свёкла, сушёна тыква, – вот в детстве-то у нас было, вот это всё осталось. А я говорю: «Ой, говорят, вроде у покойников вот здесь, говорят, крылья-то вот эти вот, крыльев нету…»

[9] В этих текстах, как и в предыдущих, также часто встречаются типичные описания зелени, полян и т.п.

?: Крыльев?

– Да. Ну вот от спины, их не увидишь со спины [имеются в виду «лопатки» на спине]. Она вроде ходит, а я на неё смотрю, грю: «Ой, у няни Гани всё есть!» – во сне-то [смеется]. А сама-то чувствую, что она вроде умерла. «Вот говорят, мол, так, а у неё всё есть».

?: Это крыльев или просто спины?

– Вот спина, вот это вот крылья [указывает на лопатки]. Вот называем их «крыльца». Крылья, – как у ангела же крылья, а вот это вот лопатки, лопатки, да. Вроде бы так… (*БТИ*)

[Видит себя в ином мире: стоит в просторной комнате, за окном – умерший человек на зеленом лугу]

– [Снилось], будто я собиралась на праздник, красиво оделась и вдруг очутилась в другом мире. Я четко во сне понимала, что это я на другом свете. Я стояла в светлой просторной комнате с маленьким окошком, в которое светили яркие лучи. Здесь же видела уже умершего человека, гуляющего по зеленому лугу. Этот сон повторялся несколько раз. (*ТНМ*)

[Умершая бабушка живет в невысоком домике, везде – зелень]

– Вот бабушка мне, вот бабушка – ну как она двоюродная бабушка, это баба Анна – вот она мне это снилась, как вот она там живёт. Вот она приснилась, что вот дом: и вот она любила цветы, и вот она во сне водила: «Смотри, как…». Ну он не сильно высокий, дом, так это… А везде – зелени, много всё-всё-всё вот в этом. (*ЦАВ*)

[Сновидица читает сорок дней сорок раз «Богородицу», чтобы приснилась умершая дочь; та снится в аккуратном домике, – зелено кругом, цветы]

– Вот у меня у этой у самой у Лиды, ей двадцать лет было, когда девочка умерла. И она больно плакала и просила Бога. И её вот моя сестра научила: «Вот сорок дней читай каждый раз «Богородицу», надо читать и сорок дней надо читать, и ей приснится!».

Вот домик такой [рассказывает сон], – ну аккуратный домик такой, большой, я... зелено́ кругом, цвяты кругом. И я, грит, захожу в домик, и там молоденькие сидят все – много-много девочек молоденьких. И у них, грит, так всё хорошо: всё у них есть на столах, всё. Вот она увидела её, что она в хорошем месте.

?: Чтобы увидеть, как они на том свете, нужно сорок раз «Богородицу» прочитать?

– Да, сорок раз. Вот, например, вот нынче вечером сорок её прочитать и сорок дней эдак надо читать. Сорок дней, да, чтобы увидеть. Вот обязательно вот приснится. (*ЕСВ*)

[Спрашивает у умершей матери, как она живет; та в подвальном помещении из красного кирпича, в подвале – люди на цепях, привязанные, черные, как негры; она говорит: «Дочка, я сижу хорошо! А вот погляди, как мучаются!» (близость к видениям)*]*

– У меня мама умерла, и тоже какие-то годы прошли, и она видится [=снится] мне. Я говрю: «Мама, ну как ты живёшь?». Вот подвально помещение из красного кирпича – вот полукругло, вот огромно тоже, огромно! И мама сидит на табаретке у краешка этого подвала, а там люди на цепях привязанные, чёрные, как негры, вот цвета у них тела такого. Светит там какая-то свечка несчастна, почти не видно их – полумрак. И вот они там мечутся, – это… мучаются! На цепях или просто так: не могут они никуда. А я маме будто говорю: «Мам, ну что это такое: что это сидишь тут, разве тебе дело здесь сидеть?!» – она больно уж веруща была. Она говорит: «Дочка, я сижу хорошо! А вот погляди, как мучаются!». Вот это тоже было вот, а уж ещё уж и не помню, чаво это было тогда, как я от неё ушла – этого уж я, конечно, не помню!

Но это вот было: значит, что-то там есть, видимо… А мама сидит на табареточке, и прям свечечка около её горит. А те все – вот просто мощи, у них одни вот такие мощи, и вот они мотаются из стороны в сторону на этих цепях будто бы! И так лежат, и хотят они подняться, но не могут. Вот мучаются, кричат они, стонут, плачут. Я думаю: «Господи! Ну какой страх, как же терпишь?» – «Да я что, дочка: у меня свечечка горит!». Такое было же.

?: Это вы свечку, видимо, ей жгли?

– Ну как же: жгёшь свечки-то, чай, поминашь, читаешь постоянно. Я читаю по усопшим, поэтому свечки у меня горят постоянно – час и минуту. То по одному, то по другому, то по пятому молишься. По родителям молишься. Конечно. Сын у меня там [т.е. умер]: как же не молиться? Я же молюсь – всё время молюсь. (*ФФМ*)

[Умерший брат помогает сновидице перебраться через реку, затем она видит высокую избу, где пребывает ее умершая мать; та предлагает надеть сорочку, но сновидица отказывается, говорит, что она со своей сорочкой]

– Ну, чай, снятся, как же! Вот у меня мама умерла – она мне снилась, да. Сколько раз снилась… Один раз вот к ней пошла я: «Где мама живёт – не знай?» – пошла к ней через речку с братом (брат – тоже живого нет), мы с ним пошли к маме.

Речка течёт не широка, а глубока. Я говорю: «Коля, я плавать не умею!». Он говорит: «А я, Катюшка, плавать умею!» – мне говорит брат-то. Я говорю: «Ну, ладно, Коль, я к тебе пойду. А ты мне пособишь!». Я как в воду-то шагнула и на ту сторону не вылезу. А мама на той стороне речки живёт.

Он мне пособил, грю: «Коль, да пособи мне палкой – я вылезу!». Я вылезла, а Коля у меня пропал, а я к маме пришла. Брат-то ушёл от меня. К маме пришла – у ней изба-то высо-ока! Койка стоит высо-ока! И она на койке стоит – мама. И говорит: «На-ка тебе сорочку – спать-то». А я ей говорю: «Мам, да я всё поеду в город – свою беру!». И её вот будто наотмашь вот эдак ей положила на полочку. Вот навиденье. (*ЛЕИ*)

[После того как поставили ограду на могиле сына, видит сон: на могиле установлен «домик» – «вроде теплицы»]

– А я тоже летом, ну, правда, военкомат – всё похоронил военкомат, он в Афганистане, как он ведь это – и это сделали, ну памятник – всё военкомат это. Ну сколько-то мы немножко положили [денег], чтобы хороший был всё это [памятник].

И я один раз вижу сон, а как раз оградку сделали, ну сами там заказывали это – зять наш, ну неродной, а это у племянницы – оградку сделали, и я вроде там на кладбище, я в могиле, в могиле я. И, значит, я оттуда вышла и думаю: «Ну как я сюда попала, как я не…». И не боялась здеся, а вроде... А здесь вот тоже три, трое детей похоронила вот, а вроде эта могилка. А у них могилка вроде здесь, а у нас могила вон тама вот. Выхожу, и на нашей могиле, где вот мой сын похоронен – такой, сынок [к соб.], не домик, сказать, ну как вам сказать, ну как вроде теплицы – всё этим стеклом всё это. И голубыми всё вроде – голубыми покрашено. И я вроде заплакала, говорю: «Ой, сыночек! Какой у тебя домик!». Я грю: «Ведь все, всей роднёй мы, я грю, заботимся о тебе!» – как вроде все мы это вот, как вроде от себя тебе вот сделали.

Ну эту вот оградку сделали – и вот после этого я вижу это. А то говорят вот: «Не надо оградки, не надо оградки!» – ну, может, и не надо… Ну там у нас не огорожено было. Там вы не были? На могилках?

?: Нет.

– Там красиво, очень красиво. Это... скотина ходила, а после председатель новый стал, и это – собрали деньги по пятьдесят, что ли, и сделали теперь ворота – туда уж скотина не заходит. Всё закроем, если идём, всё закроем. (*БНТ*)

[Во сне приходит на кладбище – там домики, сновидица стучится к умершим родственникам, те ей не открывают; делает вывод: «Значит, я им не нужна»]

– Мне вот самой, например, приснилось. Мне вот приснилось, будто бы я… Мне так было плохо, я так болела. И вот мне снится: прихожу я на кладбище, вот такие вот домики стоят, вот такие вот домики. Вот так тропочка, вот домик стоит, тут ещё домик стоит, и между ними – тропочка. И я прохожу да говорю: «Ба! Это же Петя здесь, мой брат родной». И вроде дверка и замок. Я стучу-стучу к нему: «Петя, открой! Это же я – сестра. Петя, открой!». Они ничё мне. И второй: «А, батюшки!» – а мы же «тятя» звали раньше. Вот. А тут – тятя. И я к нему стучу: «Тятя! Это же я – дочь твоя! Открой!». И ни тот ни другой мне никаких звуков не дали. Значит, я им не нужна. Я так, когда проснулась, и что-то я говорю: «Надо же...». А так ухожено прям так вот – домики, вот так вот тропки.

?: Аккуратные домики?

– Да. Да. Вот я к ним стучусь – и они мне ни тот ни другой. Я так поняла, что значит им не нужна, вот они мне не открыли (*ИНА*).

[Пришла во сне к умершей матери, она – в небольшой избенке, показала сновидице на угол, а там – стоит Владычица (Богородица)]

?: Вот рассказывают, что могут святые снится?

– Оне снятся некоторым, ну редким, нашему-то брату – не знай, приснятся, что ли? Только оне снятся старичками, а не прямо вот – явился. Ну, может, кому и являются, может, кому и являются. Мне вот, к примеру, вот самой: у меня вот когда умёрла мама (это давно дело уж было, мне было сорок годов), и… я не знаю – я тогда всё-таки сны помнила, а сейчас вот у меня голова-то розбита, я не помню ничё – только если какие слова. А это вроде я пришла к ней, – там вот стояла избёнка небольшая, это уж мы с ним вот построились. И я чово-то ей говорю вроде, а она мне вот так вот на угол показыват, в угол показыват. А я вот так вот ибернулась и гляжу: там стоит Владычица. И всё – только один миг. (*ГВН*)

[Умершая мать стоит у плиты, говорит сновидице, что видела Богородицу]

– Моя мама умерла три года назад девятнадцатого июля, а когда мы ее хоронили двадцать первого июля, был праздник Казанской Божьей Матери. А через несколько лет мне приснился сон: моя мама стояла у плиты и что-то готовила, помешивала ложкой в кастрюльке. А я сидела рядышком с ней, и мы о чем-то беседовали. Я разговора полностью не помню, – помню только, что я ее спросила: «Мам, а ты Богородицу видела?» – «Да», – ответила она. Это был самый чудесный сон, который видела. Мне было так легко, так хорошо… (*ВМФ*)

[Приснился умерший муж: он находится в больнице, спрашивает сновидицу: «Как ты попала сюда?»; советует ей, что не надо спешить]

– Вот вчара мы поговорили, а нынче [приснилось]: вроде пришла я в больницу, и меня положили в больницу на койку. Я села будто на койку, кричат: «Сизова! Иди, к тебе пришли», – вот ей-богу. Выхожу, сидит мой мужик [умерший]. Ага. На скамеечке сидит. Да. «Ты что? – грит. – Как ты попала сюды?» – «Да положили, мол, меня в больницу», – а боком сидит, ко мне – не больно [не очень], да, не подходит. Я говорю: «Вот только положили, сколько я пробуду, ня знай» – «Ну – говорит, – смотри, не спеши», – вот яво слова. А чаво «не спеши»… Или: из больницы вроде не торопись. «Не спеши», – говорит. В фуражке… У меня вон альбом какой большой, много фотокарточков… «Не спеши», – говорит, и всё – пропал. (*САФ*)

[Идет во сне к погибшему мужу – в больницу; ее не хотят пускать, но какая-то женщина проводит ее через кухню; встречает мужа, он говорит, что у него все есть, ему приносит еду умершая мать сновидицы]

– Не очень это давно тоже, уже это много годов прошло десять-восемь лет [после смерти мужа]. И я к больницу к нему вроде [во сне], пошла в больницу. И вот дошла, пришла туда. И, значит, это… говорю: «Пускайте, мол…». И меня не пускают в этот дом-то. И вот я стояла-стояла, стою, значит, говрю: «Ну как же это, мне бы…». И женщина вышла, говорит: «Ты чаво?» – «Вот так, мол, у меня, мол, вот тут муж, и, вишь: не пускают почему-то меня». А она говорит: «Я тебя через кухню провяду, иди». И вот мне открыла дверь, и вот я в эту в одну дверь всхожу, дохожу – ещё дверь, я опять в эту дверь, открываю и опять иду.

И вот несколько дверей прошла и вот вышла, и, значит, как стоят: больница вроде, палата, их четверо стоят. И вот он взглянул, я его кричу: «Ви-ить!». А он: «Дусь, ты как сюды попала? Ведь сюда, – грит, – никогда никого не пускают!» – «А меня, мол, женщина через кухню провяла». Он грит: «А сюда ведь никого не пускают! А как это тебя?». Я говрю: «Вот так вот!». И ёму, значит, это говрю: «Ой, Вить, я тебе, мол, чё-то вот, – вроде в карманы лазию. – Да я что, мол, тебе ничё не принясла?». А он мне говорит: «Дусь, у меня всё есть!». И я говрю: «А где, кто к тебе приходит?». Грит: «Мама» – «А какая, мол, мама?». А яво мать помярла, и моя мама (а мою маму он совсем и не знал, она умерла раньше). И вот говорит: «Твоя мама ко мне ходит. Она мне всё время всё приносит. Да у меня, грит, всё есть. У меня всегда всё, у меня всё, грит, есть, ничё мне не надо». Потому что я всё время это… и милостыньку эту как подаю, и в церковь я тоже Богу вероваю, хожу.

И здесь я в церкви, у нас молебный дом здесь, и я там старостой. Вот уже восемь лет как у нас там, открыли мы. И вот он мне приснился, то, что нельзя вот: «Сюда, – грит, – никого не пускают! А тебя как пустили?». Ну… вот так вот. Это вот было, приснилось мне тоже. Главное – стоят они у двора…

?: А вот с кем он там?

– Не знаю.

?: С кем-то, с мужиками?

– Вот их четверо стояло, а мужчин-то я даже и не знаю. Вот он, как, значит, подхожу эдак-ту… И, главное, вот несколько дверей, – почему так, вот не только чтоб в одну дверь зайти: открою, иду, захожу – опять дверь, дальше иду. И вот так шла. Вот несколько-несколько… Этот я сон никак не забуду. Вот так вот.

?: Вот говорят: если останешься с покойным или пойдешь за ним, то можно умереть?

– Не знай, не знай… Вот это мне… я к нему в больницу приходила, просто смотрю: палатки ведь, палатки… Вот идёшь – палатки. Вот так вот было дело. Я вот видела его во сне-то. И грит: «У меня всё есть, ничё мне не надо».

?: Подаёте?

– Да, ну я всё время подаю и милостыньку подаю. И раньше церквей-то здесь не было, я это вот в Алатырь вот ездила в церковь и отпявала и всё везде… Так что у нёво всё есть, он сытый всё. (*ИЕМ*)

Описание перехода в инобытие. Образы-мотивы лестницы, моста, реки, оврага
(попытка перехода в ИМ)

[Идет во сне за умершей сестрой по лестнице до небес; соскользнула, не смогла взобраться, сестра кричит: «Держаться надо!»; толкование рассказчицы: «А вот я недостойна: вот сестра-то ушла, а я сползла»]

[ЕИС] Теть, а как с сестрёнкой ты… Или не будешь говорить?

[ТВИ] Это как шли-то? Ну мне сны-то снились, это реки широки, вниз, значит, мосточки, идём, значит, эдак-то, а вода прям у мóста, я иду: вот сёстра-та идёт вперёд, его мать [указывает на ЕИС].

[ЕИС] Моя мать, она умерла уже.

[ТВИ] Вот она идёт вперёд и без оглядки, а я за ней иду да оглядываюсь. Взад взглянула, а там ещё моя [другая] сястра идёт. И вот она без оглядки, она уж Божья раба, а нынче вот она мне весной она наснилась. Там, слышали, лестница высокая, до небес она, смотри, и вот она, значит, это... Подошла к лестнице-те, раз, раз, раз, раз, – а я уж её и не вижу, она уж туды ушла вверьх, а я за ней. Вот, видишь, как у меня всё – неудача. Я за ней, значит, эдак-ту пошла, значит, пошагала-пошагала, ну вот как в сторону вверьх-то дошла, оттоль – ффырьх по приступкам-то и съехала [т.е. слетела вниз] [смеется]. Ну вот, а потом опять полезла, за обе… лесенка узенькая, я вот эдак дяржу, а там держаться надо, эта [сестра] кличит: «Держаться, за что-то держаться надо!» – туды зайдёшь…

?: Удалось вам залезть по лестнице?

[ТВИ] Да нет: я проснулась, маленько взошла, но не сползла, а в первый раз не удалось… (*ТВИ, ЕИС*)

[После смерти соседа рассказчице положили жердочку в качестве потайной милостыни; затем рассказчице снится, что она идет к односельчанину, а перейти негде; крадет доску и переходит; оставляет доску для умершего соседа; толкование: «Мне подали доску, вот я яво и перевела…»]

?: Вот если не подашь жёрдочку, покойник может присниться?

[САП] Не знай, мы вот подавали. Все подают… Вот мне, – Генка Моисеев умер, мне доску принясли, ну ночью-те. «Кто это?» – «Да это Генка Моисеев, – принесли». И вот мне снится: иду я на гору к Тама-

риному отцу, – перейти негде. Я украла доску, постлала – перешла. Оттоль иду, а он, Моисеев Генка, идёт: «Ты зачем доску убирашь?». Я грю: «Я её украла, они хватятся». – «А я где перейду? А зачем это я: чай, у отца щас живу, а отец-то на горе живёт. А мне… я к отцу, я у отца таперь живу». Я доску оставила, а он перешёл, я её взяла, опять на место положила.

?: То есть во сне украли доску?

– Во сне украла, во сне опять…

[ЖВН] А они её поставили сами [в реальности], вот Моисеевы, в честь его вот самого дяди Гены.

[САП] Вот он... Вы мне по́дали-то доску-ту, вот я яво и перевела. (*САП, ЖВН*)

[Подали рассказчице после смерти односельчанина «два беремя дров»; затем снится сон: идет к соседке, умерший кричит, чтобы сновидица перевела его; сновидица помогает перейти ему]

– А они мне вот тут до девяти дней подали [тайком положили под окно дрова], и мы до девяти дней подали. А один раз у Клавдии Бибкиной Генка-то Великанов умер, выхожу: два беремя дров. Я говорю: «Тамар, ты, что ль, дров нам натаскала?» – «Да это я вам что…». А в избе-то холодно было, девчонки ночавали у меня: «Истопите вы! Возьмите вон у меня дров». Она: «Я чтой-то гляжу: два длинных бруса. А-а! Это, верно, хто-нибудь по́дал», – перекстила и на двор перетаскала. И россказываю Клавдии (а ведь не говорят, украдкой это: потайная милостынька), и вот это: «Эх, как хорошо, эх, как хорошо!»…

И вот иду я к Лизоньке (это мне приснилось), а он [умерший] на той стороне, кричит: «Тё-оть Шур, перьведи меня!» – тут лежит этот. Я говрю: «Я не могу по мосткам ходить, у меня голова кружится». – «Да ты только маленько-маленько, вот отсель», – ну я тут встала маленько, он оттоль перешёл…

?: То есть это тот, кому подали жёрдочку, он и просил во сне перевести?

– Вот я двоих переводила. Тут лежала доска, тут украла, на место опять положила… (*САП*)

[Подали информантке «жерсть» (жердь) после смерти мужа; затем он снится своей жене-рассказчице, кричит, что негде перейти, после находит доску и переходит по ней]

?: Говорят, что до сорока дней после смерти жёрдочку подают?

– Не только жёрдочку… А мы… у нас вот умер дед-то, а у нас вот тут и тёс, и всё на свете было, несколько. Я говорю этим… сыну да снохе, я грю: «Сашк, – это накануне сорокового дня, я говрю, – вот иди выбери хорошу доску и хорошу жерсть, только чтобы ей донести Нине, снохе». – «Ладно, мамка, а куды нам их?». Я грю: «Вот этой бабушке», – вот которой щас вы были, отнясли [т.е. односельчанке, у которой были собиратели до того, как подойти к этой информантке]. И вот через два двора на третий тут тоже бабушка жила, вот они… Я грю: «А ведь надо три раза», – вот в тем бугре, там уж у ней изломали избу-ту всю, ей отнясли.

И вот она мне говорит: «Лизк!». Я говорю: «Что?» – «Мне кто-то нынче по́дал эх и хорошу доску». Я говорю: «Вот это по этой доске будет сын твой проходить». Она на меня глядит: «Это Геночка?» – (это мужа моего звали Геночкой). Я говорю: «Да, он будет пьреходить» – «Эх, как хорошо».

И вот он мне снится потом: вот та избушка, которую изломали, у ней, значит, на зады есть ход. А свекровь жила вон на этим – на той улице на бугре. Значит, это, он кричит мне с той стороны-те: «Лизк, я ведь к тебе иду!». Я говорю: «Иди», – вроде еще мы… как живой. Я говорю: «Иди». Ну вот… Говорит: «А негде мне переходить-то». Я говорю: «Как негде?» – «Нет». Я грю: «Погляди хорошенько-то». А у нас там эдаки вот столы были, я грю: «Погляди там хорошенько-то!». Он спустился, грит: «Эх, правда, тут видь есть ход, да доска-то хоро-о-ша». Вот тебе, я говорю: всё на своей… сколько уж вот годов яво нет, двадцать, чай, и всё я этот сон помню, вот так, вот так, ребятишки, бывает. (*МЕМ*)

[Приснился умерший односельчанин, по которому рассказчица подавала жердочку; он просит умыться, говорит, что никто ему не помог, но он сам перешёл]

– Ну как ночью, ночью, положут [жердь] – и всё…

?: Говорят, покойник может присниться, если не подашь?

– Вот мне Миша, Михаил приснился мне, – я подавала по нему это… как перейти жёрдочку, может, доску или жердь, я не знаю, да. Ну вот – он мне и снится, говорит: «Дай мне скорей умыться, как я только устал. Шли, грит, два мужчины, никто мне не помог, но всё, грит, я всё сам один сделал, сам перешёл. Потому что да... я, грит, там ни друзей, никого нет, – сам уж прошёл», – да, перьходить, да, реку переходят, все переходят…

?: Вы подавали жёрдочку?

–Подавали. Да и мне тоже, вот насупроть, мать у няво умерла, тоже жёрдочку подавал, тут через двор тоже жёрдочку мне подавали. (*ЗЕВ*)

[Умерший брат находится не в аду или в раю, а в переходном мире: умершие отец и брат отрабатывают за что-то: копают землю; затем они снятся уже «получше»]

– Ну и вот когда у нас подряд: сначала папа умер, потом через четыре месяца – брат. И... ну не снятся, например: мне не снился, а ждёшь всё равно, ждёшь же: как там есть, чё там как. Маме, – мама вообще в шоке была, то есть что сын не снится, особенно сын, конечно, – сына похоронить. Ну вот.

Но зато у нас, – ну бабушка не с нами живёт, но она вот частенько звонит нам, вот начинает рассказывать очередной сон. Но я уж щас все не помню, как там сны, но вот обычно, – началось с того, что такие сны были, вот сначала они [умершие] не в аду, не в рае, а какой-то переходный мир. Вот я из этих слов поняла, что нет такого: нет же человека только хорошего или только плохого: всё равно какой-то компромисс найдётся всегда. И получилось так, что они там за что-то где-то там отрабатывают. То есть либо там отец какую-то там землю копал, пока вот здесь вот вроде как вот. Но вот потом вот через некоторое время снится: уже у него вроде там получше как бы, то есть что-то там вроде отработал там, что-то у него там условия улучшились. (*ИМС*)

[Снится умерший отец, стоящий «через ручеек»; сновидица хочет перепрыгнуть, он: «Ко мне нельзя»; отец говорит, чтобы информантка достала из саквояжа письмо, где написано о его смерти (информирование и выпроваживание)*]*

– Моя мама в семнадцатилетнем возрасте гостила у своей старшей сестры. За два дня до ее отъезда домой поступило сообщение, что умер ее папа. Сестра это сообщение от мамы скрыла, чтобы уберечь ее в дороге от горя. Мама села в вагон, ночью уснула и увидела сон про то, как она идет по зеленому лугу, а ей навстречу – ее папа. Оба обрадовались встрече, и мама побежала к нему, а на пути ее – ручеек… Мама только собралась перепрыгнуть, как папа ей сказал: «Тонечка, ко мне нельзя!». Она спросила: «Почему?» – а он ей ответил: «Возьми письмо из саквояжа и все поймешь». Мама [проснувшись] нашла это письмо, – это письмо было письмом маминой сестры к их маме, в котором выражались соболезнования. (*ТКА*)

[Приснилась загородка, за которой информант видит тот свет; из-за нее говорят: «У вас, грит, хорошо: у вас, грит, и пашут, и сеют, а у нас, грит, ничаво нет!»]

– Я вот видал сон, – этот сон не забуду… Ну это я уж, наверно, лет пять тому видал: как будто я с однем… раньше тогда ведь лугарил – и сеяли, и веяли в колхозе, и с однем напарником мы сеять поехали, ну сеяли на сеялке. Едем мы, едем, едем, трактор везёт да самого леса, вон там просвет, до самого, – подъезжаем к этому лесу – и лесу нет… И загородка – тёсом кругом, из загородки, значит, разговаривают: «У вас, – грит, – хорошо: у вас, – грит, и пашут, и сеют, а у нас, – грит, ничаво нет!» – и всё…

?: То есть с вами разговаривали оттуда из-за загородки?

– Да, там за загоро… она мне и отвечат там, – грит: «У вас и сеют, и пашут, а у нас, – грит, – здесь ничаво нет!» – а народу их уйма, уйма…

?: Там, с той стороны?

– Да.

?: Это как тот свет получается?

– Так выходит, так выходит…

?: А вот забор какой был, загородка-то эта?

– Забор – даже и не увидишь яво, – тёсаный, да самого нёбушка…

[собеседница] Оне разговаривают, а тебе слышно было?

– Да, да, оне прям близко к тёсу-то, – а он с дырочками, не вплотную, а с дырочками, грит: «У вас хорошо: и сеют, и пашут, у нас, грит, нет ничаво!». (*АМК*)

[Во сне информантка идет по большому длинному коридору, встречает умершую коллегу, та советует сновидице, как выбраться из туннеля]

– Вот со мной работала учительница начальных классов – Екатерина Семеновна Луконина, она умерла. И вот мне снится сон: большой длинный коридор, и в конце коридора – голубой-голубой свет, и она идёт. Я говорю: «Ба, Екатерина Семёнова, вы чё – теперь здесь живёте?». Она говорит: «Да, живу. А вы чё сюда?». Я грю: «Да, я вот зашла, а выйти-то не могу! – говорю. – Ну никак вот не выду и всё». А она мне и говорит: «Вы идите на этот на голубой-то свет-то, и там вам кто-нибудь руку подаст». И кто-то мне, какой-то мужчина подал руку, и выбралась из этого туннеля. (*НВС*)

[Сновидица подходит к большой очереди в автобус и спрашивает: «Кто последний?»; некая бабушка сообщает ей, что автобус идет на тот свет; сновидица отходит от очереди; толкование: не суждено было умереть после приступа]

– Вот перед тем как приступ-то был, мне тоже приснился сон, – не знаю, теперь я уж толкую правильно, – вот очередь стоит, автобус стоит, значит. Полутемь, значит (я всегда сон этот рассказывала девчонкам в школе, своим учителям [коллегам]), вот автобус, значит. И мы стоим, – много-много там людей стоит, и все какие-то грустные такие. Я подхожу, говорю: «Кто последний?». Ну там бабка говорит: «Я». Я встала за ней. И все – никто, никто, автобус пустой, никто в него не входит, я говорю: «Ба! А что же никто не идёт в автобус-то?». А бабушка меня спрашивает: «А ты, дочка, знаешь, куда этот автобус?». Я говорю: «Откуда я знаю?» – «На тот свет!». И я – раз! – и отошла от этой от очереди. Теперь я понимаю, что мне не умереть вот после приступа. А тогда-то я не знала, чё это такое, это потом только.

?: Это вот какая-то бабушка сказала?

– Бабушка, котора умерла, видимо, вот так вот. Видимо, мёртвая стоит, я не знаю там. Но я-то встала последней, вот за бабушкой. Вот никто не входит в этот автобус, а автобус на тот свет оказывается. Я сразу отошла. (*ДСЗ*)

[Умерший брат зовет сновидицу к себе через реку; у брата светит солнце, а на берегу, где рассказчица, – туман]

– У меня тоже: три брата, все померли. Один брат вот на этой горе приснился. У него солнышко так там светит! А мне грит: «Райк! Иди сюды, ко мне!». Я грю: «Ты что, как это я через речку-то пройду?». А он мне говорит: «Иди, не бойся, прям пройдёшь! Видишь, как у нас здесь свётло?». А здесь… там, правда, солнышко у него светит, а здесь – как вроде бы туман… (*КРГ*)

[Во сне пытается перебраться через реку по свалившемуся дереву к умершему отцу, но не может]

– А вот ещё сон такой: папа – он, вот в лугах мы, и он говорит: «Ты иди сюда!». Я говорю: «Да вода кругом, я к тебе не перейду!».

Прошло буквально несколько дней. Этот сон вижу: он меня опять зовёт. Я говорю: «Пап, ну как я к тебе перейду – кругом вода!». А он говорит: «А ты иди – вон там вон дерево свалилось, вот иди по нему». Я дошла до… по дереву-то, а там опять вода. И опять я к нему не по-

пала. Проходит ещё несколько времени, я опять вижу этот же сон, он опять меня зовёт и говорит: «Там доски положены, по ним пройди!». Я подошла к этим к доскам, и они тоже закончились, и опять я к нему не попала. (*МЗИ*)

[Умершая соседка сопровождает сновидицу на тот свет, чтобы та увидела умершую дочь; описание иного мира – цветы, красота; дочь следит за детьми на том свете; провожатая не позволяет информантке перейти ручей; после сна – поминает дочь (информирование и выпроваживание)*]*

– Мне вот одна приснилась, мы с ней работали вместе. Она пришла ко мне и говорит: «Айда со мной!». А я говорю: «А куда?» – «Покажу, где я живу!». А я будто не знаю, что она умерла. Ну мы с ней пошли. Будто идём, вот ключ [ручей], и доска лежит вот так вот [показывает]. Она говорит: «Вот гляди в ту сторону. Вон Татьяна твоя [дочь сновидицы] с детями ходит». А цвятов там, ну прям красота, загляденье. А в этой стороне – темнее. Там как вроде свет горит. Но там тоже хорошо, цвяты же. Ну вот где дети и она. Я говорю: «А чёй-то она делает?» – «Она с детями работат там».

Ну она всё время на детях, покойная, работала то в школе, то в библиотеке, то в клубе. «А я, грит, вот – щас туда вот пройдём маленько, я тебе покажу, мы тут вот работаем», – тоже она мне россказывает. И я иду, она идёт передо мной, и я за ней иду. И она сказала: «Всё. Вот на эту доску не вставай. Вот никуда не ходи, вот отсюда гляди». – «Ба, ты же сказала: туда пойдём?» – «Нет, нет, больше я тебя туда не поведу. Вот оставайся здесь. Вот увидела, где я живу? Вот оставайся здесь».

А вот вода така бегла, аж вот серебрится будто, да быстро-быстро-быстро это. Какой-то ручеёк идёт. И вот какая водичка – вот аж загляденье. И вот прям хочется её попить. Она говорит: «Я тебе сказала: “Стой!”. А потом я тебе скажу, и опять выйдешь – уйдёшь». Я говорю: «Ну вот. Как же ты – позвала меня и…» – «Ну, ты вот слушай, чё я тебе говорю!» – она на меня уже грубо пошла. Я говорю: «А чё ты?» – «Ну не велят мне! Не велят тебе туда. Ты меня не подводи. Я тебе просто тут хотела показать». Я говорю: «Ма! Я, чай, тут к дочке бы сходила!» – «Не-не-не!». А будто вижу: она [дочка] спиной стоит. Прям вот как раньше она ходила. Мне прям так хочется туда пройти и её обнять. Я прям вот плачу стою, а она [соседка] и говорит: «Так, уходи отсюда!». И я будто вышла вот в дверь и всё: и очкнулась я.

Вот это мне самой так приснилось. Ага. И я вот тут работала, Галя пришла, говорю: «Давай помянем: Шура приснилась мне вот так вот. Водила меня, прям, говорю, так и не велела мне ни к Татьяне, ни к себе меня не взяла больно».

?: Говорят, нельзя за ними идти – во сне за покойником?

– Вот, а я шла – она меня вернула. Да. И вот я одной рассказала, она и говорит: «Значит, тебе ещё не время – она тебя вернула. Она просто показала, где живёт, где дочь твоя живёт, а тебе не время туда». Вот это я сама видела. (*ЗЗС*)

[*Снится во время тяжелой болезни: зеленый луг, трава, покрытая водой, теплый свет; сновидица бежит туда, но кто-то кричит: «Назад!», – просыпается, выздоравливает*] (информирование и выпроваживание)

– Ну вот каждый раз, потом я проанализировала, когда перебрала все эти случаи, когда мне приходилось буквально просто умирать. И в последний момент появлялась, – ну как теперь сказать, я не знаю. Я её чувствовала, вот эту силу, я что-то, я чувствовала, я не сомневалась, я знала. Пусть меня никто не учил, не говорил, но я всегда молча была убеждена: кто-то стоит со мной рядом, кто-то есть, он всё время рядом со мной… Во-первых, родилась очень больная, очень такая недошенная и всякое прочее. Врачи постоянно маме всю жизнь пророчили: дай Бог, ещё год проживёт. Потом в четвёртом классе поставили диагноз, значит, рак легких, и буквально, – ну в четвёртом классе я же уже человек-то… тем более больной ребёнок, он всегда опережает себя в возрасте… Буквально дверь в кабинет врача открыта, и я слышу всё, что маме говорит. Меня отпускают с больницы, я удивляюсь, почему меня несут на руках, но меня не отпускают. Мама говорит, что едем в санаторий, отправляют, а я слышу, значит, у дверей совсем про другое. Ну вот так вот меня привели, принесли домой, значит, и всё, ну я, конечно, значение этого слова не понимала, но я поняла, что сказал врач, там по-русски уже буквально, что там осталось, готовьтесь и всё прочее.

И когда меня принесли, я только помню, что я вот лежала и на меня всё время потолок опускался. Я вот поднимала руки, и кто-то, я не успевала поднять, кто-то мне его за меня поднимал. Ну вот только благодаря бабушке, которая, конечно, очень много молилась, очень много плакала, очень много сидела со мной все эти дни. И буквально однажды в таком состоянии я уже уснула или не уснула, я там не знаю. И вдруг я вот просыпаюсь, я только понимала, что я всё время лежу в этой постели, как бы вот вросла в эту постель. И только помню, что вот я бегу по какой-то тропе, зелёная трава вот такая вот, я не знаю,

какая-то неземная, и вся эта трава покрыта водичкой, чистой-чистой водичкой. И как бы вот откуда льётся луч такой света и как бы вот тёплую такую тропу создаёт. Я бегу-бегу-бегу руки протягиваю, значит, и вдруг – обрыв и слышу только голос: «Назад!». И всё, я очнулась, и бабушка, значит, всё… И вокруг меня очень много народу, сидят уже, тёти мои все. Ничё не пойму, грю: «А у нас чё сегодня день рождения у кого-то?». Бабушка, значит, сразу начала плакать и молиться: слава Богу, тут и иконы, и всё, и что ты очнулась… И она говорит: «Кому ты крикнула: “Назад”?». Я говорю: «Я не кричала». – «Ну ты так сильно крикнула: «Назад!». Я говорю: «Нет, это кто-то крикнул, я не кричала».

И первый вопрос был: «Бабушка, я так хочу кушать!» – вот я сколько дней-то не ела, всё. Ну и то: я этого не понимала, в чём…

А потом пошло и закружилось, и каждый год, и всё время это было событие – вот то, что я вам описала, когда я проснулась и сказала: «Я хочу кушать». Я встала и пошла, и всё это, это было как раз на Казанскую, 21 июля, в день праздника. Ну у меня сейчас есть история этой болезни, эта врач живая, ещё работает, она мне отдала на память эту книжку. Потом, когда меня свозили, проверили, и просто все удивились, было ли это на самом деле. Ну вот с этого началось [после этого информантка стала «видеть» будущие события] (*КТИ*)

[Во сне переходит с коромыслами через овраг; – «ад» в толковании информантки]

– Вот недавно видела сон (ну он не сбылся), – но всё говорят – може, ад или чаво ли?.. Вот мы ходим… у нас в овраге есть [прогал], – я вроде этим прогалом иду и иду. И зачерпнула воды, а уж оттуда взяла ведра на коромысл и говорю: «А где тропа-то, а как идти-то, а кудай-то тропа делась?» – и вот эта вот там далеко, далеко – вода там. Ну как тебе сказать далеко? – может, метров пять, может, шесть, – ну там как ямина. Думаю: «Как же мне с ведрами идти?» – и никто больше и не приходит. Я так ухитрилась: этот коромысл положила на плеча, и… а лежит жерсть [жердь]. И я вроде ползком-ползком и – перелезла.

Вот говорят – тоже это, наверно, вот всё говорят, в ад-то попадёшь – перейдёшь, нет ли, и вот я ухитрилась этот вот коромысл на плеча с ведрами и уползла, села на жерсть и вроде ползком-ползком…

?: Жердь была через какую-то воду?

– Да, вода, – я тебе говорю, – глубиной она может метра два-пять там была глубина. Жерсть, – думаю: «Батюшки, я шла-шла – и тропы нету, а где же, мол, тропа?» – и сразу жерсть здесь. – «А как, мол, идти-то, – тропа была и исчезла…». (*ХФИ*)

Рассказы о сновидениях с ЦА приобщения

Как указывалось ранее, акция блока проводничества **ведет в ИМ** *находится в оппозиции к* **уводит в ИМ***: первое имеет характер экскурсии, второе – «помощь» в умирании, первое – знак временного посещения ИМ, второе – знак перемены бытийного статуса, превращения в обитателя ИМ.*

[Перед смертью односельчанина умершие свояки во сне приглашают с собой на «шабашку»]

– И, допустим, как – они стоят [рассказывает сон], и им какой-то там дедушка в белых одеждах... И они, свояки, говорят ему [умирающему]: «Александр Иванович, – Саша или там Александр Иванович, я не знаю, как там, – приходи к нам, нам без тебя тяжело, у нас есть – как там калым или шабашка, я не знаю, – мы будем строить маленькие домики». Да, они сказали, мы будем маленькие домики строить, мы уж тебе работу там нашли.

Ну жена как – она сидела, да (ну это она мне рассказывала), она сидела, слушала всё. Фактически я хотел этого, потому что я знал, что должно что-то такое быть, – никого не спрашивал, но мне эту информацию сказали. (*УИД*)

[Перед смертью отец говорит, что собирается к своему погибшему другу, так как он снился ему]

– Когда вот папа уже в последние дни здесь лежал перед смертью, он в большинстве случаев рассказывал, как-то вот вспоминал именно умерших. Брата звал, например, видимо, он, может, ему снился, он вот только звал его, как бы разговаривал вот с ним, с братом с умершим, давно он уж умер, много лет назад, лет пятнадцать, наверное, может, побольше. И тоже вот одно время он тут болел, ну уж вот тоже незадолго перед смертью, тоже вот снились ему. Друг у него очень хороший был, молодой ещё был, лет ему тридцать шесть, наверно, вот он когда на мотоцикле разбился. Вот он [отец] всё собирался: пойду вот именно к Володе, пойду к Володе, видимо, тоже он ему, наверное, вот, ну мерещился, может, снился там, не знаю. (*ПЕА*)

[Умершая мать сообщает, что на книжке есть еще деньги, затем уходит к односельчанке – та в скором времени умирает]

[ГИФ] А вот Сашку, Сашку-то, вот приснилась Фетонька, что…

[ГВН] А-а… Ну не Фетонька, чай… А да-да-да, это уж я вот забыла. Вот у соседки умерла мать…

[ГИФ] Бабушка…

[ГВН] Вот она что ей за бабушка, Фетонька-то? Ну у ней родная-то мать, она родила её и тут умерла на родах. А он взял другую, и вот она – её шестинедельную взяли её, она в Алатыре она родила её, из Алатыря в это… из роддома. И это… она её воспитала.

Ну вот она, значит, приснилась ей [после смерти]. Она мне говорит: «Тёть Вер, мне как мама приснилась», – а давненько, это уж, может, за месяц или как ли это дело было, да, прошло уж время-то. Говрю: «Как мама?» – а она компенсацию за неё получила в этим… А она, слышь, пришла [во сне] и говорит: «Сашк, ты ищи, там ещё должна книжка быть, ты ищи, там ещё должна быть книжка!». Ну вот, я [сновидица], слышь, ей говорю: «Мам, да нету, мы всё проискали», – ну и она собирается, грит, уходить, я, слышь, ей говорю: «Мам, ты погоди, ты что торопишься?» – «Нет, меня там Тамара Шишина ждёт!».

[ГИФ] Это про котору говорили, у которой сорок дней, померла недавно…

[ГВН] И этот… я, слышь, вышла [во сне] (а у них в самом деле была коричнева куртка и зелёна дерюжка, – ну платочек этакий, дерюжечка, мы их дерюжками зовём). Ну вот, и я, слышь, гляжу: и она пошла, у ней два пакета, и они, слышь, с мамой пошли. И прошло сколько-то время, и это… Томочка померла [в реальности]. (*ГИФ, ГВН*)

[Приходит во сне умерший сын, говорит, что ему некогда, его прислали забрать трех человек; в реальности после сна умирают три односельчанина]

– У меня вот сын год вот, помянали яво, приходил [во сне]… Я говорю: «Ты что как долго не шёл?» – «Неко[г]да, меня прислали сюды, трёх человек велели привясти туды». Я говорю: «Ты за мной, что ли, пришёл?», – заплакала. – «Нет, нет, мне велели трёх мужчин привясти». И вот на третий день тода Мигунов да Павка, я не знаю, ещё третий-то чей, – друг за дружкой умерли.

?: То есть как уводит с собой?

– Ага. Я грю: «Садись обедать». – «Нет, я не хочу, я недавно обедал». (*САП*)

[Умерший во сне уводит сновидицу; на третий день она умирает]

?: Говорят, что в сновидениях могут покойники позвать с собой?

– Это тоже есть, потому что одна наша родня, она эдак же своей дочери рассказыват: «Ну уж я, наверно, Римма, умру: за мной приходил дядя Дмитриев… Он, значит, говорит: “Ну, айда, Лиз, со мной, айда-айда!”. И я с ним пошла». Ну и точно: она, наверно, только два дня прожила, на третий день она умерла. (*ГАС*)

[Умерший сын зовет мать с собой, – в реальности та падает с крыльца]

– Сын снился [умерший]… Стоит у голландки в черном костюме, а мы хоронили-то его не в черном, а в коричневом. «Идем, – говорит, – мама со мной». Я ему: «А как же отец? Не пойду!» – «Отца нельзя, ему места нет, отца – потом». А я потом с крыльца упала, две недели криком кричала… (*ВОМ*)

[Умершая тетка зовет с собой, – в реальности информантка травмирует ногу]

– Перед тем как корова мне ногу попортила, сон мне снился: умершая тетка идет и говорит: «Оль, Филантьевна призвала тебя, мы там все собрались, а тебя нет». А я говорю: «Нет, не пойду!», – и мне ногу зашибло. Месяц в больнице лежала. (*ВОМ*)

[Умерший муж приходит сначала за женой, та отсылает его, – он уходит к дому племянника, тот тонет в реальности]

– Перед тем как утонул племянник Толя, тете Насте приснился сон, что как будто ее покойный муж пришел под окно и постучался. Она увидела его и сказала: «Зачем пришел? Уходи!». А он отошел от ихнего дома и пошел к дому племянника. (*ШЕМ*)

[Видит умерших коллег на некоем космодроме – очень красивое место, те предлагают ей остаться здесь: «дадут квартиру», – что помешало остаться – не знает (попытка приобщения)*]*

– Каким-то образом через балкон я лечу, – вдруг мы оказываемся в каком-то типа котловане, – я была на космодроме, – что-то вроде огромного котлована, где ракета там садится. И вместилась в эту ракету, – наш директор, начальник планового отдела и я. Они мертвые [директор и начальник планового отдела], они уговаривают меня, что «останься, останься, – это тот же мир, так же свободно живется, так

же дышится и гораздо интереснее, чем здесь, на Земле». Мы летим через океан, я вижу воочию огромнейший водный такой простор, – как Черное море. Одним словом, когда мы приземлились: вот я чувствую до сих пор – воздух легкий, – знаете, такая красота, столько цветов, а девушки идут вдали! Какая-то такая красота, которую только передают плакаты, что ли: зелень, цветы, что-то такое нарядное… Мне начальник планового отдела говорит: «Оставайся, дадут тебе квартиру однокомнатную». Чтó мне помешало там остаться – я не знаю, и вдруг я просыпаюсь в своей квартире…

?: Вы думаете, что это тот свет?

– Да, да… (*КЗИ*)

[Умерший односельчанин зовет сновидицу жить с собой, показывает свой дом; сновидица отказывается (попытка приобщения)*]*

– А уж как вот Саша умер, я его очень часто во сне вижу, но я всегда вижу его живым, я не ощущаю, что он умер. Вот один раз он приходит и говорит: «Поедем в город жить!» – «Я не поеду в город жить, я никогда там не жила». А он говорит: «Да я дом построил, но одному мне плохо. Ну ты хоть посмотри!». Вот приехали, стали смотреть: дом без окон, а строют его все вот мёртвые люди. Я говорю: «Нет, я в этом доме жить не буду! Домой я уйду!». Он говорит: «Ну мне плохо тут одному, всё…» – «Всё равно не буду жить». И я ушла. (*МЗИ*)

[Перед смертью двух сестер-односельчанок приснилось рассказчице: умерший сосед сообщает, что идет к сестрам; затем в реальности сбылось – умерли]

[КАН] Потом у нас две сястры были, тоже жили – вот как мы, на посёлках, на выселках. Одна захворала, у ней был рак жалудка. Ну её ждали, что она умрёт, а вторая-то была как казан. Ну пускай она постарше её, она и там вина уж заготавливала и всё: «Тая умрёт – всё надо приготовить». А хвать оно… Вальк, кому сон-то привиделся? Тебе!

[КВН] Мне!

[КАН] Вот ей сон видится: идёт самый этот Кузьмич, идёт, грит, там посёлками…

[КВН] Идёт, а мальчишку с собой ведёт. Я говорю: «Кузьмич, а ты далёко ли?» – «Я, – грит, – к Исайкиным». На другой-то день они убрались [умерли]…

– Да-да.

?: Обе?

[КАН] Да, да. Девять дней не прошло – другая, девять дней не помянули…

[КВН] Вот как этот сон – это мне Витька привиделся. Я говрю: «Кузьмич, это ты далёко ли?» – «К Исайкиным, грит, иду!». И мальчишка с ним. Двое…

[КАН] И девяти дней не вышли. Вот коя не хворала – первая умерла, а потом уж которая хворала… Девять-то дней не прожила, не помянули… (*КВН, КАН*)

[Сновидица идет по пшеничному полю, видит: на санях с белым конем «летит» умерший сосед Кузьмич, спрашивает её: «В гости к нам не собираешься?» – она отказывается: «Нет»; в санях у него два мальчика – оба в реальности утонули после сна]

– Снится мне, что я иду по полевой дороге, а вокруг меня золотистые пшеничные поля, и нет им конца и краю. Небо ясное-ясное, голубое, и эти ядовито-желтые поля. Вот иду будто бы я по этой полевой дороге одна, и вокруг меня ни одной живой душеньки нет. Вдруг откуда ни возьмись вижу: летит мне навстречу по полям белый конь, а в санях, именно в санях, стоит мой недавно умерший сосед – Кузьмич. Он такой радостный, смеется и говорит мне: «Ну, Петровна, как жизнь? К нам в гости не собираешься?». А я испугалась и говорю: «Нет, нет, что ты, мне еще Витьку, сына моего надо увидеть!».

И вижу я, будто у него в санях два мальчика лежат. Один – большенький, а другой – помладше. И я говорю: «Кузьмич, куда ребят-то повез, оставь, зачем они тебе? Оставь!». А сосед мой дерзко улыбается и ничего не говорит. Лошадь бежит, бежит, а потом исчезает. И тут я проснулась. И думаю: не к добру мне это приснилось.

Ну и точно. Через три дня утонул мальчик – сын женщины одной, она со мной раньше работала. Девять лет ему тогда было. Я еще думаю, неужто это мой сон сбывается. И что ты думаешь, ровно через девять дней, как схоронили Пашку, еще один мальчик утонул, в той же реке. А тому тогда 12 лет было. Забрал Кузьмич двух мальчиков к себе. (*КГП*)

[Умерший пришел во сне к знакомому и говорит: «Приходи, Александр, ко мне, а то скучно здесь»; в реальности сновидец вскоре умер]

– Вот твой отец забрал [к собеседнице – ШВИ]: тоже пришёл, Мишенька вперёд ведь умер, тоже грит: «Приходи, Александр, ко мне, а то скучно здесь!». Ну вот. Мы пришли, а он говрит: «Мишенька Романов нынче за мной приходил: зовёт к себе». Вот тоже. Буквально на днях тоже умер. Как вроде вот эдак всё выходит – позвал. (*КАВ*)

[Приснилась умершая мать, сказала, что возьмет сновидицу с внучкой к себе (попытка приобщения)*]*

– Ну как вот: мне мать как-то однажды приснилась, приснилась и говорит: «Дочк, я вас с Катенькой возьму!» – с внучкой. Я говрю: «Мам, да ты что!». А потом, значит, и говорит: «Да нет, дочка, не возьму, а погожу, – грит, – пока». Я говорю: «Да ты что! Ну я-то ладно, а Катя-то молоденька!..». «Я, грит, вас это… с Катенькой, грит, возьму!». Я говорю: «Да ты что, мам, с ума, что ли, сошла? – я говрю. – Не-ет». И вот она потом, значит, говорит, мне: «Да нет, дочк, пока погожу», – грит. И вот она у меня пропала. Я как очкнусь, вот напугалась: «Ма, Хосподи!». Я-то ладно вроде, а Катенька… (*СВК*)

[Во время наркоза видит себя на другой, необитаемой планете, заколачивают в гроб, кричит: «Я живая»; сновидицу заставляют вспомнить имя, – она вспоминает благодаря тому, что врачи ее зовут по имени; благополучно отходит от наркоза (попытка приобщения)*]*

– Еще люди говорят – не сон, а когда наркоз, некоторые, говорят, – врата… А мне один раз делали такой наркоз, – единственный раз делали мне наркоз, и я вот помню такую вещь: лечу, прям тоннель такой длинный-длинный, и как будто я на какой-то планете необитаемой, и вот меня заколачивают в гроб, – положили и заколачивают, а я говорю: «Да вы меня не заколачивайте, я еще живая!» – «Ага, ты живая, ну тогда скажи свою фамилию и имя!» – а я не могу вспомнить: тужусь, тужусь, – кто я такая? Потом слышу меня зовут, – я тогда еще Дёмина [по первому мужу]: «Дёмина!». Думаю: «Боже, меня ведь зовут!» – и как бы я добавила: «Вот меня как зовут!» – и перестали меня заколачивать, и тогда я очнулась от наркоза…

?: Какая была планета?

– Планета такая круглая, и такие рытвины, там – кратеры, но она необитаемая: показывают иногда Марс – вот такой, на ней нет ни деревьев, – ничё, – просто пустыня и какие-то кратеры, и я прям чувствую, что она необитаема, потому что на ней я плохо себя чувствую, задыхаюсь…

?: Кто тебя заколачивал?

– Я их не видела, они только клали меня в гроб и молотком стучали по крышке. Я говорю: «Не стучите, я же живая, понимаете, – я же живая!». (*ИТД*)

[Снится умерший дед с белым налетом на лице, зовет с собой бабушку, – та умирает в реальности]

– Был один такой сон, – как сказать, – дедушка умер, мы долго не виделись, это было лет пять назад, девяносто восьмой – девяносто девятый год. Мне сообщили, что он умер, я просто долго переживала так тяжело всё, – и мне снится сон: он пришел, пришел, говорит: «Я с тобой пришел попрощаться, мы с тобой не виделись». Я начала плакать, – лицо у него почему-то с белым налетом, – ну я вижу человека, понимаю, что он уже умер, и пришла бабушка и говорит: «Я забыла там платок или что», – ну что-то она сказала, что «я забыла дома». Он говорит: «Тебе это не понадобится, ты скоро все равно со мной пойдешь!» – бабушка еще жива была. Ну мы попрощались, пообнимались, и всё – надо было ехать на похороны, то есть это всё приснилось в эти дни…

Я приезжаю на похороны, открывают лицо, а оно с белым налетом [т.е. в реальности лицо умершего оказалось с белым налетом]. Я говорю: «А почему это так?». Он говорит: «Его каким-то составом – или вином или чем-то, чтобы вот не было запаха, не распространялось», – то есть я этого никогда не знала, представляете – вот так вот, то есть реально, да, – приснился человек, я пришла туда, а там это действительно – у него белый налет на лице.

?: А бабушка?

– А бабушка умерла через полгода… (*ПЕВ*)

[Во время аборта снится под наркозом, что мальчика, который должен был родиться, сестра-анестезиолог уводит под радугу]

– Аборт нам делали просто, и то есть еще ведь не знаешь – там маленькие сроки и так далее… Вовка смотрит: «Вот если бы был мальчик, может быть мы его и оставили, а так неизвестно».

Пришла тоже такая большая анестезиолог, женщина такая – ну там же сразу укол – всё: кома идет, и она… И я ее вижу во сне – она уводит мальчика за руку, мальчик на меня смотрит, – а это был все-таки мальчик, – под радугу она его почему-то уводит, то есть младенцев там куда забирают… И у меня почему-то начинается такое, что… – всё какое-то пластилиновое, и все тоже мне во сне говорят: «Пока ты не наведешь в своей голове порядок, – ты не проснешься», – и я почему-то стала вот в мозгах по полкам всё раскладывать, какие-то забивать ящики, полки – вот это вот все тоже… То есть в какой-то момент, я работала в медицине, и мне тоже очень часто рассказывали, что, пока

под наркозом человек находится, там они хиханьки-хаханьки устраивают, медики-то, – начинают чё-то спрашивать, присядут, – у меня, видимо, это настолько сильно в голову вошло, – они у меня спрашивают: «Тебе сколько лет?» – я им отвечаю, сколько мне лет. «Ребенок у тебя есть?». Я говорю: «Да, а зачем вам?» – смеются: «Справка тебе нужна?». Я говорю: «Нужна, только я вам отвечать не собираюсь, даже под наркозом!». (*ПЕВ*)

[Умершая мать просит сына принести ботинки на шоссе, – его сбивает «КамАЗ» (близость к быличкам)*]*

– Я щас боюсь просто соврать, – у меня несколько информация об этом сне… У меня мама живет в Челябинской области, это станция Бре́да, – у них поговорка там такая: «Кто не видывал беды – приезжайте к нам в Бреды», – то есть там колдунов – тьма-тьмущая, вот все у них сильно замешано на магии на всём, – по-моему, оттуда сон. Умерла мама и сказала сыну во сне, чтобы он принес ботинки на какое-то шоссе в какое-то определенное место, потому что ей холодно. Он проснулся, вроде спрашивает совета, ему говорят: «Ну, неси, – если попросила, то лучше это сделать», – он приехал на шоссе, на пустое абсолютно, туда – я не помню даже на чем, с этими ботинками, и его сбивает «КамАЗ» – огромный на огромной скорости, – именно на этом шоссе, именно в это время, в которое попросила туда прийти… (*ПЕВ*)

[Тоскующую по дочери мать та приглашает во сне на перекресток, *– ее сбивает машина* (близость к быличкам)*]*

– Баба мне рассказывала такой случай, что у одной тетки умерла дочка, та тоже по дочке с ума сходила, плакала. Говорит, она ей приснилась, это было в городе, говорит, назначила ей встречу: что на каком-то перекрестке или что жди меня во столько-то. А та проснулась – все это помнит, взяла по правде купила цветы и пошла. И вот на том месте ее машина сбила. Вот так вот. (*БИН*)

[Во сне умерший отец пытается забрать с собой племянницу – дочь-сновидица не дает, прогоняет его (попытка приобщения)*]*

– Вот когда отец умер, после того как он умер, мне он снился какое-то время (сейчас уже давно не снился), какое-то время после этого он мне снился, – может быть, в течение полутора-двух лет, вот так вот. И причем всегда во сне я знала, что он умер, то есть, когда я его видела во сне, не понимала, каким образом я его вижу, потому что я знала,

что он умер, я знала, что его с нами быть не должно, и поэтому у меня всегда такой ужас был вот. Причем чаще всего… то есть была пара снов, когда он мне снился нормальным, то есть он как будто бы живой, хотя я знала, что он умер, ну воспринимаешь, как будто вдруг чё-то произошло там, – ну он не умер, а кто-то обознался. Хотя я сама конкретно вот видела его в гробу, да, и чаще всего, – вот я говорю, может быть, было несколько таких снов – два или, может быть, один, – когда он вот мне «нормальный» снился. Чаще всего он во сне был мертвый, то есть как – он ходил, разговаривал, там – ел, там всё – вел себя как живой, но тело у него было холодное, то есть он вел себя как живой, но он был мертвый. Я помню, как-то один раз я его спрашивала: «Как же ты, мол, будешь жить?» – «Так вот – буду жить…»

И я знаю, что очень плохо, когда кто мертвый в реальности во сне уводит живого с собой… Я помню, как он пытался его сестры – Гали – забрать дочку, племянницу, я ему не дала тогда – кричала, я орала на него: «Уйди отсюда, пропади!» – за дверь я его помню выгоняла, потому что мне так страшно чё-то было во сне от того сознания, что видишь этого человека, который уже умер, – во сне же чаще всего не понимаешь, что ты во сне находишься, – кажется, что это на самом деле происходит. (*ТТВ*)

[Умершая уводит во сне, в реальности у сновидицы – инфаркт]

– Ну вот я... запомнился мне сон: подруга, тетя Марина, у нее умерла мать, и поминки, значит, там мы делали ей – девять дней. И тетя Марина рассказывает мне, что она видела мать во сне, и, значит, как будто она с ней идет по какому-то полю, земля черная. «Мы, – грит, – с ней встретились, и я с ней иду, а потом думаю: “Куда я иду-то?!” – вроде ей [подруге] надо куда-то в другую сторону, и я, грит, свернула в другую сторону и куда-то пошла от нее».

И я [информантка] ей говорю: «Марин, это нехороший сон тебе приснился, потому что, говорю, во-первых, с покойниками, всегда говорят, что с ними никуда ходить нельзя, иначе они как бы к себе заберут». И буквально, значит, через несколько дней я узнаю, что она попала в больницу с инфарктом, и вот эта новость, как говорится, меня так прямо убила, – у меня самой гипертонический кризис, – когда мне позвонила оттуда дочь ее, сказала, что маму привезли даже с Сенгилея сюда в областную больницу, – ну плохое у нее состояние очень... (*ГЕВ*)

[Умерший отец во сне хочет забрать дочь, мать сначала соглашается отдать дочь, затем пугается и не отдает; застает дочь в реальности в том же положении, как ее уронил отец (мотив оставшегося следа)*]*

– Однажды моя подруга Света приехала из деревни от своей матери и рассказала, что ее матери приснился сон: покойный муж просил отпустить с ним одного из детей, якобы на тот свет. А мать сказала: «Ну ты любил больше всех Свету, забирай ее с собой, если тебе так скучно, так плохо, так тоскливо». Он взял ее на руки и понес. Мать так сильно испугалась, что она дочь больше никогда не увидит, и крикнула: «Брось, брось ее, оставь ее, не забирай!». Муж отпустил руки, и дочь упала. И когда мама проснулась утром в шоковом состоянии, с таким испугом она посмотрела на свою дочь, как та спала на соседней кровати… И она увидела, что дочь лежит в том же положении, в котором ее видела во сне, когда дочь упала на пол. Мать сильно испугалась, кинулась к дочери, стала ее тормошить…

Мама очень плакала потом и говорила: «Я тебя никогда, никогда не отдам отцу». (*ВМФ*)

[Умершая бабушка зовет с собой, в реальности – опасный случай с маршруткой]

– А недавно моей знакомой приснилась бабушка покойная и очень просила ее пойти к ней, к ним домой, она говорила: «У нас хорошо жить, у нас спокойно, идем к нам!». Она обнимала ее и вела за собой, но Лена [знакомая информантки] решила ее оттолкнуть и сказала: «Нет, бабушка, я к тебе не пойду, мне некогда, у меня дела».

А на следующий день с ней произошел такой случай: она ехала на маршрутке, водитель гнал очень сильно по городу, очень быстро ехал и перед светофором чуть-чуть притормозил. И все пассажиры в маршрутке заметили, словно что-то бросилось под колеса маршрутки. Шофер остановился и решил посмотреть: может, это кошка пробежала. Он посмотрел, но ничего не увидел – все было нормально. До светофора оставалось всего метров пятьдесят, он на небольшой скорости отъехал. И буквально за светофором у них отвалилось колесо и покатилось в сторону – машина осталась на трех колесах. Представляете, что бы случилось, если бы этот шофер ехал на большой скорости и отвалилось бы колесо? Конечно же, в маршрутке все погибли бы. (*ВМФ*)

[Умершая бабушка приходит за матерью, – сын отгоняет палкой, – в реальности мать умирает] (близость к быличке)

– Опасные сны могут быть, особенно я боюсь вот таких снов, – тогда, когда являются покойники. Такая ситуация сложилась у знакомых… у знакомой моей матери. Они с одной работы, они, в принципе, друг друга близко не знали. Но эта история уже обошла практически весь район. Она [знакомая] болела раком, тяжело болела. И у нее был единственный сын, старший сын, двадцать лет, по-моему. Вот и… вот два единственных человека, то есть у них больше никого нет. Вот они вдвоем. Вот она болеет раком.

И сыну ее снится сон, что, что они находятся в какой-то комнате вдвоем с матерью и приходит бабушка, которая уже умерла давно, и вот просит мать подняться там и пойти с ней куда-то. И он понимает, что если она сейчас уведет ее, его мать, то она уже не вернется. Он берет какую-то палку и начинает орать на эту бабушку: «Уйди отсюда! Оставь нас!» – и прогоняет ее палкой. Ну она уходит. И вроде все нормально. Но болезнь берет свое, матери все хуже и хуже. Это же ужасная болезнь – рак. Вот. И молодому человеку снится, значит, сон: та же комната, так же они с матерью сидят. Эта бабушка приходит, говорит: «Всё, пошли», – и вот мать встает, и вот она уходит уже все за дверь. А молодой человек просто не может сдвинуться с места. Он ничего не может сделать. Вот именно, – вот страшно то, что через несколько дней умирает его мама. Вот. Я верю в это, что это на самом деле существует. (*КЮА*)

[Умерший муж забирает собаку – та умирает в реальности]

– Во сне [ко мне] приходит покойный муж, говорит: «Собаку заберу!» – совершенно здоровая собака перестает есть и умирает через три дня… Когда покойники приходят, это всегда что-то значит. (*ИЛИ*)

[Видит умершего мужа, приветливо машущего сновидице и родственнику с другого берега реки; сновидица не идет к нему, родственник идет – умирает в реальности]

– Было это, когда умер мой муж. Его отец был парализован 13 лет и жил в другом городе, то есть о нем я ничего не знала.

Снится мне река, большая, чистая, едем мы с отцом мужа, дядей Петей, на катере и вдруг увидели, что на другом берегу стоит Гена (муж умерший), улыбается, такой веселый, машет нам. Дядя Петя идет к нему, а я думаю, как же это, он умер. Я к Гене не пошла, на этом проснулась. Через два дня звонят и сообщают, что дядя Петя умер. Да, на том берегу были только что построенные дома, новые срубы, – а ведь раньше делали специальные «домовины» для покойника. И в моем сне эти срубы тоже олицетворение загробного мира.

?: Сразу вы поняли «вещий» характер сна?

– Нет, не сразу, но меня смутило, что я видела во сне умершего, сейчас я знаю, если я вижу во сне умершего человека, то это обязательно «вещун». (*АВА*)

[Умерший муж приходит в дом, зовет сновидицу к себе на диван, та не пошла, – чуть не умерла на операции в реальности]

– Да, опять связанный с Геной: снится мне, что он приходит в дом (а у нас был большой диван, который стоял в углу комнаты), ложится на диван и зовет меня с собой к себе. В это время у меня уже был второй муж, – вот я и думаю: сейчас же муж придет и дети и увидят меня с мужчиной. Нет, я не пойду к нему. Этот сон приснился мне до операции, на которой я чуть не умерла. (*АВА*)

[Умершая свекровь во сне прогоняет бабушку, в реальности умирает дедушка; толкование: значит, приходила за дедушкой]

– Моей бабушке приснилось, что она заходит в свою комнату, а там лежит ее свекровь (она умерла еще давно), молодая, и прогоняет бабушку. Через некоторое время умер мой дедушка. Значит, она за ним приходила, а не за бабушкой. (*СИ*)

[Провожает умершего родственника и останавливается на полпути; толкование: «Это значит, мне еще жить, а он уже уходит»]

– После смерти родственника мне снится, что я его провожаю куда-то по дороге, на полпути останавливаюсь и отпускаю его одного в путь. Это значит, мне еще жить, а он уже уходит. (*АЗШ*)

[Во сне приходят за будущим удавленником некие мужчины в черном (близость к видению)*]*

– И у меня за этим мужем, – у ней, соседом [т.е. вслед за мужем соседки, который повесился], и мой удавился, он по ночам у меня кричал, спит и кричит: «Вона, вона, вон они! Выду я, выду!». Я говорю: «Да кого ты кричишь: нет никого!» – «Не видишь они – в окошко глядят, – вон двое, двое – в окошко глядят, чёрны, они меня зовут, а ты не видишь и не слышишь!». Я: «Да нет никого, нет никого!» – я к окошку подойду: «Да нет никого!» – «Ты не видишь, а я вижу, – вон они меня зовут!»

Ну наверно, через месяц он удавился… А он все думал: «Вот как Мишка [сосед] удавился, вот как дядя Саша удавился [сосед по улице], нашли смерть больно хорошу…». И ему во сне это брендилось, – всё

он видал… Страшно, орёт он, – страшно, пинался, руки – вот так вот об стену стукал, как ему страшно было, надо было вести к бабушке, вот котора отвораживат, – она, грит, помогла бы, а мы не ездили.

?: А вот эти черные – это кто?

– А это ему представлялось, чёрны мужики, мужики чёрны…

?: С собой его зовут?

– Да, с собой зовут: «Айда, айда, айда!», – звали с собой и всё, – а он думал, он думал, – у нас здесь много удавилось… Прям друг за дружкой, – у нас тут в сродстве – и все наши… (*АЕФ*)

[*Муж информантки чувствует предстоящую смерть, так как ему снится сон о том, что умерший отец зовет к себе жить в дом; после сна – смерть сновидца в реальности]*

– Покойники обычно чего снятся: они когда снятся, тебя с собой зовут и забирают, значит, умрешь. Ну рассказывал [муж информантки] отца своего, отец у него когда умер то, как проснулся однажды, ну он болел. Так вроде легче ему становится вроде стало.

Он вышел: «Ну все, сегодня я умирать буду!» – «Да ладно ты брось, папка, ерунда такая!» – «Нет, нет, Гриш, ты сегодня с работы пораньше приди, я помру». – «Да с чего ты это взял, с чего так решил?» – «Да ну потому что сон мне приснился». – «А какой сон?» – «Да, говорит, мой отец, мой отец в доме, говорит, в новом, меня зовет: “Иди сюда, сынок!”. Захожу я вроде как еще мальчишка маленький. Подхожу к нему, а он: “Вот я дом тебе построил, приходи”. Вот. Я говорю: “Отец, да мне, мол, рано еще!”. У него, говорит, еще плотники были. “Нет, говорит, пора. Дом зато свой есть. Пойдем, пойдем!”. Я, говорит, вхожу с ним вместе в дом. Дом, говорит, вот новый, новый, прям, говорит, все, не отделанный даже внутри. Новый дом, вот рассматриваю, хожу. Дом, вроде, одноэтажный, поднимаюсь на второй этаж. Прошелся по второму этажу, поднялся на третий. А на третьем мы с ним, ну вместе они поднялись, он вроде как исчез или убежал, или как, ну не стало его рядом. Я, говорит, на третьем сел на кресло, так удобно, хорошо. Сел, говорит, и сижу, думаю, разговариваю о чем-то».

И вот этим сон кончается. И он сказал, что «я умру». И в тот день он на самом деле умер. (*НОФ*)

[Умерший муж во сне увозит информантку на кладбище, затем отпускает – та летит домой; в реальности после болела]

– Когда я похоронила мужа своего, то на второй день, когда его похоронили, он приехал за мной. Приехал, посадил меня на санки и привез меня на кладбище. Потом говорит: «Ну, иди домой». А я: «Как же я теперь? Я босиком». Он говорит: «Долетишь». И вдруг я поднялася. Высоко, а там у нас на кладбище сирень. Потом он говорит: «Не оборачивайся!». Я облетела кругом кладбища и очнулась у калитки, у себя. И через некоторое время я заболела. И меня скорая увезла, и кололи меня. (*ЛАИ*)

[Умершие звали с собой в сновидениях; толкует: «Ну время уж за мной прийти. Я отжила восемьдесят лет»]

– Ну это сны тоже эдак вот. Звали меня, звали. Вот сястра меня звала: «Айда, – грит, – вроде как куды-то на беседу». И вот подходит зять, мой зять: «Василий Петрович дома? Ну ты, – грит, – пойдёшь». А я улыбнулась, с тряпкой стою. «Василий Петрович-то дома?». Я говорю: «Нет яво», – а я вроде чувствую: яво нет. Ну грит: «Ты пойдёшь». Я, правда, напугалась, проснулась. Ну время уж за мной прийти. Я отжила восемьдесят лет. (*САФ*)

[Умерший дед приходит к внучке накануне ее гибели и зовет ее «отдыхать»]

– А вот ещё, значит, котору мою сестру убили, в этот день у них была память, дедушке была память. А в аккурат там не была, я не обедала тама. Ну только эта вот Дуся, сели за стол, и она рассказала сон такой: вот идёт, грит, такой… я полю возле дома землю, полола всё тута, а он, грит, подошёл ко мне и говорит: «Няньк, бросай делать-то, хватит, ты уж наделалась, хватит, грит, айда, грит, отдыхать! – он уж мёртвый был. – Айда, грит, отдыхать! Айда-айда!» – я, грит, вроде не иду. «Нет-нет!» – «Айда!». Он от неё не отвязался, говрит: «Я вроде встала и с нём пошла». Вот. И этой ночью её убили, в эту ночь её убили, этого числа, вот как – седьмого… (*САФ*)

[К мужу во сне и наяву приходят умершие мать и сестра, зовут с собой; информантка в реальности идет на кладбище и, глядя на их фото, ругает их, обещает не приходить и не поминать; покойники перестают сниться на некоторое время, но затем уже приходит во сне умерший дядя [его «подослали»] – муж умирает]

– А это приехали мы с этих – с похорон-то... А я приехала когда туда, её [умершей золовки] нет ещё. Я говрю: «А где ж покойник-то?»

– «А она, грит, в больнице ещё». И он это, – я думаю уйти: я рвусь и сюды-то, у меня душа-то болит болит об нём, и охота золовку схоронить-то[10]. Ну всё-таки мы схоронили, с сыном приехали домой, оттуда пирогов привезли мы. И думаю: «Если я щас пойду пирогов отнёсу ёму – кабы не догадался [о том, что его сестра умерла]. Догадатся вдруг…». А башка-то не соображат: парализация мозгов, у него мозги-то ещё не работали путём-то. Три-чатыре дня какех-то [прошло после приступа болезни]. Ну и вот: я всё-таки булочков только взяла и принесла ёму туда. А поздно уж пришла, а он грит: «Ты что как поздно?». Я грю: «Вань, – Господи, прости меня, Господи, я вот соврала, грю, – Вань, я, мол, не в эту церькву-то ездила, а на Бирюш [?], а там ты сам знаешь, как проезд: больно уж плохой, мол, оттуда – никак не вырвешься, не проедешь, мол, машины ведь не ходят!» – «Да-да, я так и подумал!». Вот так вот мне. Думаю: «Слава Богу, хоть эдак мне!». Его, – ну, в общем, пришлось мне соврать ему. Так и не сказала. И с главным-то [врачом] говрю: «Вот через сколько ёму можно сказать?». Он говорит: «Как можно дольше не говори!».

Шесть месяцев я ёму не говорила, что у нёво сёстры нет, когда уж я ёво домой взяла, выхаживаю ёво вот этими травами, а говорить – не говорю. Так он спал вот здесь вот у меня, вот в этой спальне [показывает рукой] (у меня постель ещё не убрана, потому что я менять буду), и он вот так вот говорит: «То сёстра, то мать!» – мимо ёво ходют. Он видит их, не спит, он их видит: они ходют туда-сюда, туда-сюда, то одна, грит, то другая. Уснёт – во сне видит их.

Он мне и говорит: «Лизавета!». Я говорю: «Чово?» – «Ведь замучили меня, грит, мать! То Елизавета, грит, то мать – замучили, грит, они меня!». Он не молится за них, за покой-то – вот они ёво и донимают, чтоб он молился-то! А он ничё не знат. Ну и вот: я когда за это говорю: «Как они?» – «Да как: то одна, то другая! И во сне я вижу, и наяву, грит, вот вижу – они ходют. И вот всё насурипу́ются [обижены?], грит, вот так вот это!.. Мать, грит, недовольна чем-то…». Я вздохнула и говорю: «Вань, я пойду по магазинам полазию, а ты, грю, лежи. Только не вставай больно-то, мол», – давление-то смерила ёму, давление-то у нёво так-то вроде ничово. Я грю: «Я, мол, пойду».

Прихожу на кладбище (вот не сойти с места!), прихожу на кладбище, встала вот эдак над крестом, гляжу на её фотографию и говорю: «Мама! Зачем ты ёво донимашь? – я грю. – Что вы с Лизой донимаете

[10] Т.е. информантке хочется и на похороны сестры мужа попасть, и не оставлять мужа, лежащего в больнице.

ёво? Он не знат, что Лизи нет! Я ёму не говорю: если я только скажу, то, значит, завтра ёво не будет! Ты ёво к себе возьмёшь, я грю: я не хочу тебе ёво отдавать. Он мне нужнее, чем тебе! Зачем ты ёво донимашь?». Вот я даже матом выругнулась на кладбищах. На кладбищах грех непрощёный ругаться, а я выругнулась. А мне это – ещё бабушка как-то говорила: только от них, говрит, матом! Да-да-да, только, грит, матом.

И вот что пришла я домой – эту ночь, весь день, эту ночь он молчит, ничё мне не говорит. Проходит дня три-четыре, я ёму говорю: «Ну Лизавета не донимает тебя с матерью-то?» – «Нет!».

Долго они не донимали, прям долго-долго ёво не донимали. Тут мать начала ёво донимать опять: нет-нет да к нёму! И, главно дело, ёму и говорит: «Что ты там мучаешься? Приходи ко мне! Здесь спокойно будет жить» – она ёму. Он мне опять россказал этот сон, я опять пошла туды [на кладбище]. Прихожу и говорю: «Мам, ты знашь: окромя меня здесь никого у тебя нет! И никто для тебя свечку не поставит. Никто не помолится за тебя, никто за упокой тебя не помянет». Я грю: «Если ты у меня его заберёшь, не буду, обходить буду за кило́метр твою могилу!». Больше она ёму ни разу не снилась, больше она не приходила ко мне. Зато прислала дядю! Дядя пришёл – его забрал.

?: Это вот когда он уже…

– Да! Много времени прошло после этого, как я её ругала-то. А ещё самое-то главное я вам не сказала! Вот когда я утругала её и ёму через шесть месяцев сказала, он грит: «К Елизавете бы съездить надо!». А я подумала-подумала и думаю: «Чё, сказать ёму надо: всё-таки шесть месяцев прошло уже. Ёму… он считай маленько окреп».

Я припасаю ёму все эти лекарства, всё это припасла ёму и даже припасла уколы сердешные сделать ёму. Всё припасла, приготовила, говрю: «Вань, вот это вот выпей, вот это вот выпей и вот это вот выпей!». Он глядит на меня, а сам глотат: «Мать, ты чё-то мне хочешь сказать!». Я говорю: «Давай-давай, пей!». Потом говрю: «Вань, я тебе скажу новость, но новость очень плохая!». Он говорит: «Ну, давай говори!». Я говорю: «Ну как ты: маненько успокоился?» – «Да вроде маненько успокоился!». Я говрю: «Знаешь, чё: к Лизе мы с тобой не поедем больше! У нас Лизи больше нет!». Он, было, затрясся-заплакал, как судороги его начали дёргать, я тут же беру этот шприц, колоть его чтобы, а он: «Нет-нет, мать, не надо, погоди, щас-щас». И он немножко это продрожал, потом мне и говорит: «Ну, теперь расскажи мне всё». Я ёму рассказала, я говрю: «Помнишь, я тебя отпросилась, сказала на

это, в церкву-то поеду?». Я говрю: «Мы не в церковь ездили, а на похороны». Я ёму всё-всё рассказала по честности, он мне и говорит: «Больше не [у]поминай, мне, грит, тяжело, больше не [у]поминай!». И я больше ни разу до самой смерти ёму ни разу не напомянўла. И вот когда ёму сказала – и они ёво донимать перестали.

И вот через какое-то время, мать-то вот стала за нём ходить: «Я, грит, мать во сне видел!». Я говрю: «Чово?» – «Звала, грит, она меня к себе!». Меня сразу дюльдюкнуло по башке: погоди-кась! Она ведь зовёт ёво на тот свет, значит, он должен умереть. Я её пошла, опять утругала... А я ходила у неё прощения просить, когда после сказала-то: прихожу опять туды, встала на коленки перед этым [sic] перед крестом (а на кресте фотография её), говорю: «Мама! Прости меня, пожалуйста! Я те-я, – а сама плачу, уливаюсь. – Прости меня, пожалуйста! – я грю. – Так надо было, так надо: он ничего не знал! – я грю. – Если что – ты меня ругай! Ругай меня, потому что я не говорила, мне не велели говорить ёму в этом. Я поэтому терпела, всё. А теперь прости меня за всё!». До сих пор хожу и прощения прошу у неё. Но она больше ни разу [не] донимала.

А вот перед самой, как ему умереть, она ёму опять снится. Я её опять утругала, так сказала: «Я не приду к тебе, если ты у меня заберёшь!». Так она, видишь, дядю прислала! Сама не пришла. Он говорит: «Я никогда её…». А дядя – вот хозяин этого дома бывший. Ну они тут жили две семьи, там ещё была изба, мы её разломали, вот стенку сделали. И вот этот самый дядя пришёл за нём. Он грит: «Никогда дядя ко мне не ходил [не снился]. А это дядя пришёл ко мне в гости». Мне сразу вот, сразу прошило, грю: «Всё, это ёво смерть пришла!».

?: А дядя приснился ему?

– Да! Вот. Я говрю: «Всё, это ёво смерть». Сестра пришла сюда в воскресенье: «Тось, я грю, Иван во сне видел дядю, дядя никогда во сне к нёму не приходил, никогда. Вот сколько мы живём – и ни разу он не приходил, а это дядя пришёл». А она вот так вот на меня посмотрела и говорит: «Елизавета, не обижайся. Наверно, заберёт он ево». Через три, ровно через три дня он ёво действительно забрал к се-е. Вот так вот. Значит, матери нельзя было, потому что я ругаюсь, не даю, а она – вот так вот. Вот что хошь, то и делай. Грю: «Батюшки!». И вот эти сны и не только сны: вот, как говорят, это, ну как сказать-то – вроде как в действительности это всё есть. Мы частично не верим, а вот так рассудить-то – действительно это всё есть. (*СЕлВ*)

[Умерший отец во сне переводит племянника через ручей – в реальности его сшибло машиной]

– Мне вот виделся как живой [умерший племянник во сне] – и всё с отцом. Гляжу: берёт отец за руку и повёл. А мы в лесу там жили на Покровке, – и повёл будто ёво, и я с ним будто иду. А дошли будто до ручейка. Я грю: «Куды ты пошёл? Ведь тут лес!». У нас отец-то прытко пойдёт: «Ты не успешь, айда, мол, со мной!». Он говорит: «Нет, я с папкой, с папкой, с папкой!». И так взял ёво за руку и увёл-увёл. Мне пришла сестра и говорит: «Шура! Вот такой сон привиделся: Сашку взял отец за руку и повёл в лес-в лес-в лес. Я, мол, кричу: "Вернись! Вернись! Не пойдёшь ты с ним, айда со мной!". А он грит: "Нет, я с папкой, с папкой!"». Так и увёл. Вот ёво и сшибли тогда.

?: Сбылся, получается?

– Да, увёл. С собой он ёво взял. (*КМФ*)

[Умерший знакомый зовет с собой во сне мужа информантки – мотор перебирать; муж отказывается (попытка приобщения)*]*

– Я не знаю, как вам сказать, у меня муж… это с тёткиной, – ехали с Тольятти, и он разбился: муж остался живой, а вот он разбился. И тоже прошло, наверное, до сорока дней, он был тракторист, а муж – водитель. И вот он его постоянно звал: «Идём мотор перебирать! – и специалист вроде этот. – Мотор перебирать…». Он грит: «Нет, Федь, тебя на этом свете нет, я к тебе не иду!». И долго он, между прочим, снился…

?: То есть они вместе ехали…

– Они вместе ехали. Он погиб, а муж остался. (*КМИ*)

[Умершая подруга во сне зовет с собой соседку, сновидица отказывается; покойница идет к соседу; в реальности тот умирает]

– Вот в Ульяновске я жила, ну и соседке у нас приснился сон. К ней пришла, допустим, подруга. Жила она рядом, и она умерла. И вот она приснилась ей. Она приходит вечером на другой день, обычно сидим у двора-то, она говорит: «Видела во сне вот я ведь Клавдю-то. Она приходила за мной!». А я ей говорю… Она говорит: «Айда, я за тобой пришла!». А я ей говорю: «Нет, Клавдя, мне ещё некогда! Мне надо вот ещё с внучкой – некуда девать, сидеть». – «Ладно, я тогда пойду дальше, – там сосед плохой тоже был он, болел же. – Я пойду к ним!». И вскоре он умер.

?: За ним пошла?

– Вот, значит, она да. И вскоре он умер. Вот это вот прям тоже в Ульяновске я жила когда. Вот так бывать, бывать, бывать так. (*ИНА*)

[Умерший знакомый зовет односельчанина «в помощники»; в реальности сновидец вскоре погибает]

– Вот Гене-то Горелову, как только вот ему умереть, он накануне ведь тут прям. Я пенсию-то получала, всё говрю: «Ма, Ген, не пей ты!» – «Да ты чё…» – «Ну-у, я это, – мне вон Сагай приснился, грит: "Ну чё ты там делашь?", – грит. "Да всё эдак же: вот [и]з кирпича печки кладу. Только вот подсобника надо мне, приходи ко мне! Ты что вроде… "». Ну он через два дня, чай, – вот тут его убили, чово ли. Вот ушёл к нему в подсобники, кирпичи класть. (*ШВИ*)

[Смогла во сне «отнять» мужа у умерших свекрови и свёкора; после его смерти уже не смогла во сне его «взять» с собой]

– Вот у меня, например, вот свекровь с свёкором, вот как мы операцию делали, да. А в той избе, вот у нас там наверху ещё дом есть, там мне его вроде, я им не дала его, как раз серьёзная операция была, вот я им не дала им, его я отняла [у них]…

?: Во сне-то?

– Да. А второй раз [после смерти мужа], вот недавно снится: опять они в избе, в той же избе, ещё один брат и он. Я грю: «Где он?» – «Нет его!». Я всё-таки выследила, но не смогла я его взять, – вот интересно. Всё. (*ПЛП*)

[Во сне очутилась на том свете, видит святого, который сообщает, что заберет ее; та просит оставить ее, так как ей еще нужно воспитать детей (попытка приобщения)*]*

– Это мне смолода был такой случай: это мне ещё тётя Аня, она по моей... тётя Таня Козина, она говорит: «Тонюшка, такие сны не рассказывают!».

[собеседница] Да-а... Это когда просют?

– Не когда просют: я очутилась на том свете, я очутилась на том свете, и вот такие святые – как батюшка, прям как батюшка! И вот мне этот батюшка говорит: «Я тебя заберу к себе, к себе!». А яво больно просила это... «Вы простите меня, но ещё мне детей надо вырастить! Мне детей вырастить надо». Он грит: «Вырастите!». А потом мне го-

ворит один святой: «Иди к Николаю Угоднику и проси яво!». – Вот так вот. И я будто пошла к няму. И прошу: «Николай Угодник, я вас прошу: не бярите вы меня к себе, дайте мне детей воспитать, детей воспитать». А он это... поговорил со мной: «Ну ладно, эту потом! Мне, грит, идти надо!».

А я будто вокруг детей сижу, с детьми. И он говорит: «Пойду я! Там, грит, будто с земли поднимают кого-то! Мне принимать надо, мне принимать надо!». И он будто от меня пошёл. И вот с этими детьми будто сижу. Да! Низенькие деревца, также трава, также трава, но где вот чтобы дома – я не видела. А вот кустики, кустарники такие – низенькие, зелёная трава – это я вот видела, и сидела вот я с детьми. (*ШАН*)

[Умершая позвала с собой соседа; через полгода он умер]

– Вот соседка вот эта вот пришла к соседу [во сне] и говорит: «Юра, айда, приходи сюда, здесь хорошо ведь жить-то!». Ну, они вот умерли через по́лгода. Вот уж им таперь – они [соседи] оба умерли.

?: А соседка умерла уже, когда приснилась?

– Да, и пришла, говорит: «Приходи, Юра, здесь хорошо жить-то!» (*МАИ*)

Указание на нарушение (эксплицитные и имплицитные ЦА)

[Не положили покойнику в гроб ремень; умерший во сне просит ремень; отдают другу покойного, чтобы поминал]

– Если покойнику не положили поясок, да, они вот… У моей там вот подружки, – ну это ходили мы по поминкам, раньше ходила служила, ну попа-то нет же здесь. Вот мы ходили служили, вот я, она, вот там ещё две… У ней умер муж, год был в марте, ну вот они забыли ремень яму положить, забыли ремень положить яму, и он с неё просит: «Валь, ты что ремень мне не положила?». И она уж вот яво другу (там Косте Михайлову) отдала, говорит: «На, Кость, поминай Сашку, он с меня просил ремень». А обычно кладут ремни, там вот поясочки-ти, а это она не положила, все забыли, и я была, и я что-то не напомнила ей про этот поясочек. Иногда вот даже оторвут вот от материала и в гроб кладут поясочки, – ну это по делу, по закону. (*АЕП*)

[Положили в гроб без нательного креста; рассказчица советует сновидице закопать крестик на могиле; та так и поступает; умерший снится повторно и благодарит]

– Да, этот… Крестик забыл вот тут (она двоюродна мо[е]му мужу), брат умер, она забыла на няво одеть крест. Он ей приснился: «Тайк, ты что уж так и не одела на меня крест-то!». Она [после сна] говорит: «Чё мне таперь делать-то?». А я говорю: «Чё делать? Иди на кладбище, вырой ямку, где голова лежит, поглубже, и опусти туды крест, – я говорю, – он дойдёт до няво». Прошло уж, наверно, месяца два, она и говорит: «Катерин, а наверное, крест-то дошёл до няво». – «Чаво?» – «Он, грит, мне приснился во сне, грит: “Спасибо, Тайка, передала ты мне крест, а то, говорит, меня не пускают без кряста-то”»… (*АЕП*)

[Умершая во сне просит передать тапочки через другого покойника, при этом указывает адрес, где он находится]

– Да это, чай, случай не очень давно был в Алатыре-то. У нас там живут родственники. Ну вот она приехала тогда – рассказыват, Наташка-то. Умерла, грит, у нас соседка, её это положили в туфлях, в туфлях положили. Она, грит, матери приснилась (а молодая она, мол, девочка – надо положить в туфлях, девушка). Она грит: «Мам, сходи на улицу Ленина, дом номер тридцать восемь, отнеси мне там, передай

мне тапочки. Ага, передай, грит, мне тапочки, мне тяжело, говорит, в туфлях ходить на каблуках», – они положили в туфлях на каблуках. Ну вот она носила, покупала тапочки, носила. Это вот я лично-то не знаю, но вот она рассказывала, эта женщина. Грит: «Носила. Вот носила тапочки». (*АЕП*)

[Односельчанка плохо обращалась с матерью при жизни и не подавала по ней после ее смерти; знакомой снится поляна, сидят за столом, мать не со всеми вместе, говорит, что не может угостить; после сна рассказала дочери умершей о сне: «Забываете мать»; через некоторое время сновидица умерла]

– Вот тут у нас вот есть, вон там, Тамара Кочеткова, у них умерла мать. Они, мать с дочерью, жили что-то плохо. Она с отцом хорошо Тамара обращалась, а с матерью плохо… И вот эта умерла уж женщина, которой она приснилась: «Вот, грит, взошла, грит, я: кака-то поляна стоит, это… поляна, и на поляне стоит стол. Все сидят, грит, едят, а она, говорит, в сторонке сидит с угла. И я, грит, подхожу, и говорю: “Нин, а чё ты это… не со всеми вместе?” – “А у меня, грит, нет ничаво, я, грит, не могу никого угостить, у меня нет, грит, ничаво”, – они по ней не подавали, вот».

Она, покойна тогда Лида [сновидица], рассказала ей: «Тамара, грит, что уж вы мать-то как забывате? Она, грит, мне приснилась вот как». Ну она приснилась ей, она [сновидица] и спрашивает её: «Ну а как жизнь там всё-таки есть?». Она говорит: «Жизнь-то есть, всё равно работать заставляют», – говорит. Она с ней поговорила. Это ей приснилось примерно в апреле, а в мае-те она сама умерла, эта вот женщина. Сразу [умерла], – картошку сажали, ну с сердцем плохо, и она умярла. А мы всё время вспоминали, я говорю: «Вот Лиза Агапова была, – говорю, – вишь, Нина ей приснилась Кочеткова, что жизнь, говорит, там есть, кому хорошо, но кому, грит, плохо», – вот всяко бывat… (*АЕП*)

[Снится умерший, который участвовал в сносе церкви; говорит, что на том свете плохо (наказание за грех)] (близость к видениям)

– Кто у нас вот это делал [церковь ломал], их давно нет, они все вымерли. Я всё говорю: их Бог наказал. Я вот с неё иконы не взяла, – не ходила и не пойду, ни кирпича, ничаво. А вот тут вот – он сгорел раз, выстроился и умер прям: он всё с церкви тащил. И второй-то сосед эдак же… и тоже, вот. Мне он один раз он приснился во сне, который этот

вот (он молодой ещё умер). Я ему говорю во сне: «Кость, ну как? Тебе нравится на том свете-то?». А он: «Да плохо мне – не надо было ходить. Чаво я взял только два переруба с церкви». А я говорю: «А зачем ты их брал?» – во сне-то ему говорю. «Вот строился, вроде не хватало». Я грю: «Вот построил себе дом из четырёх досок, – грю. – Вот тебе теперь хватит на всю жизнь». Вот. Во сне я с нём разговаривала. (*АЕП*)

[Снится умерший ребенок в реке, достать его не удается: скользят руки; толкование: потому что плачут по нему]

– Ну это рассказывали, рассказывали, что приснилось, грит, ребёнок плавает, грит: «А я хочу-хочу, грит, яво достать-то во сне-то, а у меня, грит, руки так и скользят по берегу, и никак не могу, грит, поймать яво». Это рассказывали вот такие случаи. А я говорю: «Они плачут, и поэтому и это – скользят руки». (*АЕП*)

[Умершей знакомой мешает выйти оградка на кладбище; сновидица открывает ей дверь]

– Это мне вот этой, которой умерла, – Шуры, её мать приснилась, ну после похорон, ну как-то она мне приснилась. Я будто иду (она на тех кладбищах вон схоронена), вдоль кладбищев-то иду, а она ходит вдоль городьбы-то и ищет, где выйти. А я говорю: «Ты чё, тёть Дунь?» – «Да вот за водичкой собралась, а кругом закрыто…». И я взяла калитку и открыла…

?: Во сне…

– Во сне. Открыла ей калитку, говорю: «Выходи, иди». А с ней небольшой, небольшой вот такой вот [показывает рост рукой от пола], девочка небольшая, – вот во сне приснилась мне. И – с ведёрком, она идёт. Я, мол: «Ты куда?» – «Да водички, грит, надо да не могу нигде выйти», – через городьбу будто я с ней разговариваю. «Ну, погоди: я, мол, тебе открою!» – и я ей открыла. Кладбище-те же загораживают вон, негде… У нас здесь вот не загорожено: только ворота сделают маненько, а так они все разгорожены, все кладбища…

?: А девочка – это вот кто?

– Ну, може, её дочка, може, кто-то, но только девочка с ней. Може, у ней умирали когда ещё. Она ведь тоже пожилая умерла: ей, наверно, к девяносто было – она умерла. А как умерла: её гроза убила, она пошла козе – отводить, и гроза сильно треснула… (*АЕП*)

[Умерший сосед во сне просит: «Дай картошки» – в реальности подала бедному односельчанину]

– Ну помина, он [покойник] просит помина: они всё время снятся перед памятью, многие снятся эдак-ту. Даже чужие: вот тут вот один был, он один жил, вот тут была сухая-то [подходила одна из односельчанок во время беседы], мы всё время яво поминаем. Память яво приходит, мы яво всё время чем-то да помянем: «Мишка, ты к нам ходил, бывало… – а он один жил. – Мишка, ты придёшь, бывало, у двора посидишь с нами», – всё… И он вот тоже, бывало: вот сколько он – раза, чай, три мне снился. Приходил, будто просит: «Дай мне картошки!». Вот. Ну вот тут у нас один есть бродячий, ходит он [т.е. в селе есть тот, кому обычно подают], ходит, мы ему даём картошки-те. Грю: «На, поминай Мишку, картошки-те! – дадим. – Он просил картошки». Просют они во сне, кто чаво покойники. (*АЕП*)

[Некий старичок напоминает во сне о том, что информантка забыла испечь «лесенки»]

– Лесенки пекли…

?: Что это такое?

– Это на Вознясенье пякут лесенки и подожок. Вот типа так вот подожок загнутый, палочку делашь и загибашь вот так вот как клюшечку. Ну так вот так, примерно вот так [показывает]. Вот палочка, загнуть вот так, вот, – вот это подожок вот называтся. А лесенка – вот так делаешь эти вот так вот…

?: Палочки?

– Палочки. Это лесенки и подожок, это пякут на этот… на Вознясенье, да. Вот у нас вот в Княжухе одна вот женщина, ей приснился сон (Валя вот Коновалова): вот, грит, яма и с водой. Я, грит, упала туды, в эту яму. А гляжу, грит: «Ба! Я таперь не выберусь!». И старичок, грит, над ямой-то, а… говрит: «Иди-иди, я тебе лесенку подам!». А я, грит, гляжу на лесенку: «Лесенка-то больно стара!». Старина же, старики пекли лесенки, – молодёжь щас не пякут. «Лесенка, – грит, – стара, я упаду с неё!» – «Нет-нет, не упадёшь, выберешься!».

И я, грит, зацепилась, полезла-полезла, вылезла по этой лесенке. Встала, грит, утром-то, сон вспомнила да говорит: «Да Хосподи! Ведь лесенки пякут. А мы уж и забыли, что их надо печь!». Скорей, грит, теста намесила пресного, наделала этих лесенков и подожков и разнясла, грит, по порядку всем ребятишкам. (*АЕП*)

[Умерший отец мужа просит во сне поесть]

?: Бывает, что в сновидениях умершие попросят, а их потом поминают?

– Да это сплошь и рядом: у нас вот отец двадцать седьмого декабря вот Лёшин [второго мужа] умер. Он начальник одиннадцатого участка у нас [на моторном заводе] был, Константин Михалыч Кекушев, вот. А он любил пирожки с морковкой, вот я всё время жарила. Он говорит: «Ну, мать, ты меня никогда не накормишь, пойду-ка к Люсе я», – и вообще... Вообще любили, когда я пирожки эти жарила, и он очень любил их. И вот он недавно мне снится, совершенно недавно. Я говорю: «Лёш, придётся, наверно, отца помянуть» – «А чего?». Я грю: «Он опять, – я грю, – прям стоит на пороге, смотрит на меня, он мне ни слова не сказал. Я грю: "Пап, напеку-напеку, грю, пирожков напеку"». Вот, пожалуйста. А у него вот двадцать седьмого декабря, да-да-да, вот година его. Он в шестьдесят седьмом году умер, а щас две тыщи седьмой, вот. Это совершенно правильно, между прочим. Подсказывают, они говорят. Я не знаю, почему, но почему-то мы вот верим в это. Есть сила и какая-то другая жизнь, всё равно есть. (*КЛА*)

[Некая женщина в черном (Божья Мать) во сне сообщает, что у друзей рассказчицы скоро не будет дочки («Я ее заберу»); сновидица возражает и говорит, что у них недавно уже погиб (в реальности) сын; женщина велит ей идти дальше, там информантка видит маленького ребенка на зеленой солнечной поляне; в реальности сновидица идет к бабушке друзей, рассказывает сон; та сообщает, что ее дочь недавно сделала аборт; решают в реальности внимательнее следить за дочкой]

– А вот ещё один сон был. Это вообще… Я, между прочим, им сказала, я грю: «Вы опасайтесь, – я грю, – вот такой-такой, я вот видела один», – нашим друзьям, вот Чумаковым. Вот иду я какой-то этой… тропой, и везде зелень-зелень-зелень… Ну как бугорки такие вот, поляны, поляны, вот. Иду, значит, и спускается-спускается, значит, большая эта… такой канат, вот здоровый канат, прям вот видно: он такой юлистый вот, как бы витой вот такой вот, весь вот… Вся в чёрном женщина, и как будто на ней этот балахон шёлковый, вот она спускается-спускается. Я говрю: «Ну вот!.. – я грю, – чё же ты дорогу мне загородила? – я грю. – И надо же, – я грю, – тебе, грю, оттуда спуститься?!». Она мне говорит: «Ты куда щас идёшь?». Я говрю: «Да вот иду по направлению, по дорожке». Она говорит (прям имя, прям фамилию мне назвала!): «Вот, грит, у них, девочка, грит, и то, что они сейчас за ней вот ходят вот так, – её, грит, не будет!». Я грю: «Да ты что? Она у

них одна, грю, осталась! – я говрю. – У них такой несчастный случай, я грю, у них Павлик, грю, утонул!».

А у них первый сын утонул вот, у Володи, он в восьмом цехе работает, вот я говорила, по-моему, в восьмом. У них летом утонул сын Павлик, не то двадцать, двадцать один ли был... Был праздник моторного завода, и они все были на этом празднике. И вот он пошёл купаться, а на плечи себе посадил сестрёнку семи лет. И с ней поплыл, и пошёл ко дну вместе с ней.

Здесь хватились: «Ой, а где Ленка?! Где? И Павлика нет!» – давай нырять. Ленку достали, давай откачивать. Скорую вызвали. Вот здесь, вы, наверное, слышали, случай-то был у нас, уж, наверно, года два-три, правда, прошло. У нас и щас есть эта газета, лежит. Её откачали, всё отвезли в больницу. Когда она вошла в сознание: «А Павлик где?». И только тогда метнулись Павлика искать. Начали Павлика искать. И Павлика достали, у него и уши синие, и прочее и всё. Его откачать не смогли. Семь дней он был в реанимации, семь дней, не вошёл в себя. Так он и умер. И вот я вижу сон, а сон этот совершенно недавно вот прям был. И вот я пошла к Рае [бабушке погибшего].

«Я даже не знаю: то ли вам рассказать этот сон, то ли просто я говорю, ну я хочу то, что… просто вас предупредить. Может, и действительно, я грю, это произойдёт, я говрю, ты уж больно-то никому не рассказывай, родителям-то, Володе, не говори. Ну а тебе как бабушке, может, там где подстраховать или чаво её». Я говорю: «Я видела вот такой сон, вот женщина, якобы Божья Матерь спустилась оттуда, как мне растолковали этот сон, вот. И она говорит: “А её у них не будет! Я, грит, её заберу”. Я говрю: “Ты что! – я грю. – Один у них ребёнок, я грю, только-только такое случилось! – я грю. – Ты и её хочешь забрать! – я грю. – Да они же не переживут!”. Она говорит: “А ты иди-иди, грит, туда дальше!”. Я дальше прошла: поляна, зелёная-зелёная поляна. И лежит маленький-премаленький мальчик, капелька прям, капелька! Вот так вот ручонками трёт-трёт об глаза. А солнце-солнце палит на него! Я грю: “Вот тебе и на! Она куда же меня привела-то? Чё же мне делать с этим ребёнком-то?”. Я грю: “Отдайте мне его!”. И опять эта женщина говорит: “Нет, тебе мы его не отдадим! А вот, грит, пусть она, грит, испытает то, что, грит, вот она его выбросила, а эту, грит, мы у неё отнимем, её, грит, у них не будет!”».

Я пришла, Рае рассказываю этот сон: «Рай, ты смотри-ка чего!». Она говорит: «А-а! [с придыханием] Людмил, ты знаешь, грит, чего? Она ведь, грит, аборт сделала у нас!». Я грю: «Вот это ни хрена себе!» – грю. Ну а чё: один мальчишка умер, этой девчонке семь лет, и она оста-

лась с ней одна. Я говрю: «Рай, я не знаю, чё, я грю, вот этот сон вот расскажу». Она грит: «Боже мой! Как сон-то, грит, тебе в руку пал!». Я говрю: «А чё?» – «Да она у нас вот только аборт сделала! Пришла, грит, к нам и говорит: “Бабушка с дедушкой, вы хотите нянчиться?”. Они говорят: “Да мы-то ладно. А вам-то надо детей-то или нет?”. И она, грит, пошла и сделала, говрит, аборт. Вот он прям тебе…».

А я говрю: «Рай, я вот какой сон-то видела. Так что, грю, будьте осторожнее». И она говорит: «Я-то, говорит, ладно, только при мне чтобы этого случая не произошло: мне, грит, одного уже хватило. А то что, грит, мальчишка выброшенный – вот у нас Людмила, грит, сделала аборт».

Вот, пожалуйста, – вот и не верь этим снам. И вот она говорит: и теперь как только куда идёт, вот летом она с ним: «Пап, я тоже пойду с тобой на рыбалку», – и вот они её, грит, охраняют. Она щас учится в четвёртом классе. «Мы вот её, – грит, – и водим». Павлику уже есть четыре года, как случилось это вот на моторной базе-то. Вот, пожалуйста, вот тебе сон, вот не верь им, ничему. Нет, себя надо ограждать… (*КЛА*)

[Умершая говорит во сне, что выбросили ее пальто и обувь; в реальности выясняется, что часть вещей умершей выбросили; рассказчица раздает одежду]

– Вот у Лёши сноха, я же её совершенно не знала, эту Зину, я же её совершенно не знала. И вот она мне тоже снится: ходит она около ящиков железных, мусорных вон в роще. У них дом – на Первомайке они жили. И вот ходит она около этих ящиков в парке (а там три ящика было в парке, стояло). Я говрю: «Зин, а ты чё тут ищешь?». Она и говорит: «Смотри, – грит, – пальто моё выбросили, обуви, грит, сколько моей, – взяли, грит, и всё, грит, побросали».

И вот она, значит, там ищет, это одевает, у ней был очень большой размер – тридцать восемь или тридцать девять у неё был размер обуви. И вот она ходит, значит, ищет, чё бы ей одеть.

И вот когда я проснулась, рассказываю своей свекрови этот сон. И говрю, я грю: «Мам, я Зину видела! – я говрю. – Вот так и так-то, – я грю, – ходит около ящиков, я грю, обувь она какую-то свою смотрит, какое-то, грю, пальто её сиреневое, прям, грю, я цвет запомнила».

Она грит: «Да что же я наделала! Я, – грит, – целый мешок её обуви взяла и в «Родничок» принесла!». «Родничок» – кафе, она там буфетчицей работала, мать у нас, – свекровь. «И целый, – грит, – мешок принесла обуви. И всё, грит, мы… Та [одежда], что, грит, подошла,

девчонки разобрали, а ту, что не подошла, я, грит, её в ящик всю выбросила. И пальто, грит, её!». Я грю: «Вот, мам, я видела, – я грю. – Она ходит и собирает теперь по ящикам».

Она говрит: «Мне чё же делать?». Я грю: «Иди купи какую-нибудь обувь да подай сходи». Вот она купила обувь, пошла в церковь, и монашка, грит: «Тут такое-такое, матушка, чё мне делать?». И вот она отдала там и прочее и всё – и на канун поставила, и помолилась, и всё. Вот, пожалуйста, не верь! (*КЛА*)

[Проводник ведет сновидицу в иной мир, описание этой дороги; на том свете озеро и лед, тонущие дети, каждый – с лицом умершего сына; умерший сын говорит: «Я тону в твоих слезах», – после сна перестала плакать]

– А потом я ещё видела [во сне] своего сына, тонувшего в моих слезах. Когда я сильно много плакала, я не могла это пережить [смерть сына], я не могла это пережить, это было сверх меня уже, я плакала, я плакала, я день и ночь плакала, я не знаю, сколько я плакала, – вообще, изо дня в день, из часа в час. Меня хотели уже в дурдом отправить, но всё это происходило по природе, по тому чувству, которое у меня было к этому ребенку.

И потом я плакала, плакала, я села в коридоре. И я вот словно в забытиё, заснула я. И вдруг ко мне подходит мужчина, говорит: «Пойдем со мной!». Я не знаю, почему-то я согласилась. Вот я знаю, что я сижу тут, но ноги мои пошли. Я пошла наверх, пошла наверх. Пошла, пошла, пошла, – сначала было типа земли, типа воздуха, а потом словно лед, много-много льду, и он весь замерзший какими-то такими формами непонятными… И я иду за ним, я словно рядом, а он впереди. Он будто вот так высоко, не достает, куда я ступаю, а я его вижу, он оглядывается и зовет меня. Я с ним долго шла, – чувствую: уже полночь, что уже больше полночи, я ощущала всё здесь, здесь, – а я там…

Я устала идти, устала. И вдруг – много-много льду, типа берег вот такой. И я смотрю вниз, а он говорит: «Смотри, – ты плачешь, – смотри», – сам куда-то делся.

А я не вижу ничего, кроме льда: он вот какой-то бледно-голубой, какой-то белый, голубой. И вдруг я вижу: вода, столько много воды, и словно запружено, как озеро, бассейн, водоём. И дети в одеждах: шляпах, пальто, они вот тонут, выныривают, тонут, выныривают, их столько много, что нельзя спасти их… Вот они тонут, плачут, тонут, выныривают, и вдруг я смотрю: мой сын! – опять не мой сын, – мой сын, опять не мой сын! Тонет, выплывает, тонет, выплывает. И я могу

сказать – или он мне сказал, что я его топлю, по-моему, он сказал: «Мама, ты меня топишь…», – то ли: «Я тону в твоих слезах!» – что-то такое, в общем. С этого дня я стала стараться не плакать.

Мне говорили, но я не могла ничто с собой сделать, мне казалось: всё время ночь, ночь, когда же он появился (я хотела его видеть), он приходил, душил меня, и всё на свете было … Я сознательно хотела его мертвого видеть, чтобы он мертвый пришёл, я настолько не могла с этой мыслью смириться, что моего сына нет,– он должен быть!

Я хотела его мёртвого, живого, какого угодно увидеть. Я не боялась, я шла в темноту (я всегда боялась темноты, я всегда знала: там какие-то существа есть, что-то такое, сознание какое-то было). Но я шла на это сознательно, зная, что я могу умереть – увижу, но всё равно сознательно шла. (*ВВН*)

[Делает «неправильные» поминки (в пост – широкий стол), снится сын на корабле в белой рубашечке, он говорит, что ему еще не дали квартиру до сорока дней и что он голодный; в реальности старушки советуют приготовить постную кашу с маслом]

– Потом ещё расскажу. Делала я сыну поминки: конечно, я… там было ящиками апельсины и куры, и гуси, что там не было только, на этом столе! Нигде было только достать, нигде нельзя было это, – всё у меня было… У меня было столько людей, я хотела накормить всех, отдать всё: я знала, что для своего сына делаю…

И вдруг у меня… после поминок в эту же ночь увидела сына во сне: типа корабля, – корабль, палуба, типа такого, знаешь, похоже. Много, много детей, все они в белых платьишках, рубашечках, вот белое, – превалирует вот белый свет. И я вдруг подхожу, и стоит мой сын, – вот в белой рубашке его схоронили, стоит вот так вот – словно облокотился, грустный. А я сама далеко от него, а сама вроде рядом. И говорю: «Толя, сыночек, ты что здесь стоишь?». А он мне говорит: «Мне еще не дали квартиру до сорока дней». Я то есть его ясно вижу, ясно, как вас [к соб.]. И он мне говорит… «Почему ты здесь стоишь?» – «Мне ещё квартиру не дали».

Я с ужасом просыпаюсь, я плачу, я бегу к этим бабкам, которые ходят в церковь, они мне говорят: «Да, до сорока дней душа блуждает, после сорока дней только – Бог дает, определяет…». Ну вы понимаете, ну не можем же мы вот то, что люди говорят здесь и что мы видим уже, я своего сына вот вижу, – может, не может никак по-другому!? [говорит очень эмоционально]. Ну, как вы считаете?

?: Ну ведь вы сначала увидели, а потом спрашивали?

– Да, я спрашиваю, а мне говорят. Когда я сделала такие поминки, он мне во сне [видимо, в этом же сне, рассказанном выше] приходит: «Мам, я есть хочу!». Я – в слезы, я плачу, я бегу, всё я купила, всё, – там куры, там самые высшие куры, там высшее всё было, самое-самое. А мне сказали: «Ты иди в церковь, свари гречневой каши, заправь подсолнечным маслом. Сделай просто тесто на воде и помажь подсолнечным маслом». Я прихожу в ужас: разве это мой сын ел? Разве моего сына этим надо кормить?! Я – поминки, то, что ложут на стол, это покойник питается, для него. Разве я должна сына постной кашей кормить?! Я должна сделать её с сливочным маслом, я не знаю чё, вообще должна сделать!

А мне сказали: «Это здесь на земле, а пост, пост, потому что пост идет, до него это ничё не доходит, что б ты тут ни делала, до него не дойдёт». Понимаете? Это же не может сам человек придумать! Никак не может. Вот видите? Ну как же ещё, о чём же ещё мы можем судить? (*ВВН*)

[Умерший дед говорит, что болит правое плечо, обижается, просит всех предупредить; потом в реальности обнаруживают, что дом его покосился, в божнице – сигареты; сновидица со слезами и молитвами исправляет это; затем в реальности умирают родственники]

– И он [погибший на войне дед] мне снится и снится... Говорит, в одном из снов… В общем, всё, что он мне говорит, я его вижу, я его не видела никогда, голос, всё, я его в лицо, постоянно один и тот же, и причём всегда в солдатской форме снится. И он мне говорит тем летом, снится мне сон и несколько раз, уже обижается на меня и говорит: «Знаешь, как у меня правое плечо болит! Я устал уже правый угол держать, – дома своего, что он построил в деревне, значит, бабушкин дом, ну его он сам строил своими руками. – Когда ж ты мне поможешь?». Я говорю: «А что я должна сделать?» – «Это… помоги, дай мне хоть какое-нибудь облегчение, больше некому, я тебя прошу, и, пожалуйста, всех предупреди», – о чём предупредить, ничё не знаю, всё, завтра уезжать нам уже сюда.

Я сыну говорю: «Ваня, давай поедем, что-то не то, поехали». Нашли время, сели на велосипеды, приезжаем – замóк, там брат двоюродный один живёт. Закрыто, а я уже сто лет не была, нашла, как открывается замок. Иду наугад, поднимаюсь – ключ лежит, замок на сенях, а его нет, он уехал, попасть не знаю, как. Всё: «Мы не знаем, как туда попасть!». Я: «Господи! – опять перекрестилась. – Дедушка, ну где же ключ-то?».

Всё, нашла от дома ключ, здесь прям на крыльце, открываем, заходим. Первое, что мне бросается в глаза – значит, на божнице, в правом углу икона вверх тормашкой, задом наперёд! Вот так вот, задом, вверх тормашкой, задом, дак ещё каждая иконка, и бок у неё обсыпано. Я чуть в обморок не упала, – вот, пожалуйста. Я говорю: «Ваня, караул!». И лежат, главное, на божнице окурки лежат!.. Это что такое, это же вообще… А там, значит, тётино благословение, бабушкино благословение, это иконы, и ещё какая-то, это уже, видно, дядина икона. А там жил дядя, мамин брат…

И всё-таки в итоге, что я хочу сказать, без него, но так получилось, мама… всё-так перетасовалось, но это… Мама бухгалтером стала, все получили высшее образование вот в результате. И даже потом, говорят, в итоге и тёти, мама, дяди: «Кто же это нам, как же, вот мы всё-таки чувствовали присутствие чего-то, кто-то всё равно нам помогал, – живой ли, мёртвый ли он как». Тётя стала учительницей, дядя стал врачом, вот всё-таки они стали.

И… я со слезами, с молитвами это всё, значит, оттуда выгребаю, паутину всё это, ставлю иконы, плачу, целую их, поправляю. Убрались мы тут, свечка – зажгла тут. Всем сказала, тётям, всем сказала, что так и так, что-то надо делать, это же не просто так! Мне дедушка сказал, так и так, и предупредить вас просил. «Ну вы ведь постарше меня, я не знаю, что надо делать-то, что-то сделайте».

Ну и в результате за год все убрались [=умерли] – дядя, потом тётя следом, муж её, вот сорок дней, сорок дней следом убрались, и всё внезапно, на ровном месте, трагически. Ну в смысле падают внезапно, то сердечный приступ, то от инсульта, никогда не жаловались ничё… Вот как я осталась совсем, как говорится, одна… (*КТИ*)

[Умершая собака во сне говорит, что тетя предала всех, не советует сновидице идти к дому дедушки; выясняется, что в реальности тетя продала дом деда – родовое гнездо семьи]

– В этот раз у меня тётя додумалась: умерли дедушка с бабушкой по папе (дедушка тоже сам строился), они умерли, жил дядя. Тётя, значит, незамужняя в Германии, она приехала, она за ними ухаживала, она их похоронила, значит, ладно, как бы у ней детей нет, свободная. Я уехала, дядя умирает, она приезжает, никого не спрашивает, – их шесть детей, мы все там родились и выросли, их было в семье шесть. Никого не спрашивает, дом продаёт. Всё: она решила, раз она ухаживала, значит, – дом востребованный, дорогой.

Я вижу сон, я не знаю, папа даже не знает [о намерении тёти], я вижу сон: бежит её собака, а собака умерла с голоду, а собака была умнейшая, она её бросила, – бежит (я иду в переулок дедушки), – которая от тоски и голода умерла. Вся белая, седая, обгоняет меня вот так вот и человеческим голосом говорит: «Не ходи туда больше: она не только меня предала, и вас всех предала, но мне её очень жалко, так и передай», – отбегает, я подхожу к дому будто бы… И замок висит огромный такой. Потом смотрю [продолжает рассказывать сон]: рядом дедушка и дядя Коля стёкла выставили, доску выдрали, – значит, во двор попали, там замок, они не могут. Выставляют окна, дедушка выставляет, значит, дядя Коля их моет и кладут в сумку. Он говорит… чё там ещё сказал и, в общем, говорит: «Я... Конечно, она поступила плохо, но тебя я не прощу за то, что ты допустила это, больше мне надеяться было не на кого…». Ничё не пойму. Звонок вечером [в реальности] папа звонит и плачет, и говорит: «Знаешь, чё у нас произошло? Тётя Аня продала дом. Ты представляешь – мы даже не знали». И всё – я тут уже… (*КТИ*)

[Умерший брат просит закончить за него дело – заплатить штраф; в реальности сновидица выполняет просьбу] (неоконченное дело)

– Вот у меня есть одна женщина знакомая, вот ей недавно приснился брат, он, грит, умер, мне снится, не знаю что... И мы стали с ней разгадывать, что такое тридцать шесть рублей: «Сестра, не забудь тридцать шесть рублей, не забудь тридцать шесть рублей», – что такое… Вот мы стали спрашивать всех, оказывается – он тридцать шесть рублей забыл заплатить квитанцию там в ГАИ, – это же глупо по идее, по жизни, – она вынуждена была заплатить. (*ПМА*)

[Умерший знакомый сообщает, что он без носков; сновидица звонит сестре умершего, спрашивает, подает ли она носки, та говорит, что не подает; в реальности раздает носки; этой же ночью снова снится, благодарит]

– Или, например, этот же брат снится мне и говорит: «Ты посмотри, как я красиво одет: шапка, куртка там, ты посмотри, сколько у меня одежды!» – комната, и там столько-столько-столько одежды много. Он говорит: «Ты понимаешь, – вот так брюки поднимает, грит, – я ж без носков». Я ей звоню, говорю: «Нин, ты подаёшь?» – Она говорит: «Всё подаю» – «А носки?» – «Никогда». Вот смысл понимаешь? Она быстренько купила носки, раздала всем бомжам и заставила одеть. Он

опять мне ночью снится и говорит: «Марин, скажи сестре спасибо, у меня теперь ноги тёплые-тёплые». Понимаешь?

Обычно связь… Вот наша жизнь вообще состоит из трёх миров: вот наше настоящее, – полсекунды раньше, полсекунды позже. Человек за секунду не знает, что может с ним произойти. А есть, вот некоторые говорят: «Ой, какое-то предчувствие – что-то должно случиться!». Это не предчувствие, а именно – послание, чтоб человек понял, что что-то с ним… (*ПМА*)

[Умершая тетя просит есть; в реальности сновидица звонит родственнице умершей, та сообщает, что у умершей – день рождения]

– Однажды мне приснилась вот эта вот Валюшка, она приснилась мне и говорит: «Ой, мне чё-то сёдня так хочется есть!». Я звоню моей бабушке, [та говорит]: «Да Валюшке сёдня день рождения!». Они как бы напоминают, понимаешь?

Потому что в жизни мы все были, как-то мы всё равно пересекались, и поэтому вот опять же – память [помин] души. «За помин души» мы же говорим, а не «за помин человека», понимаешь. (*ПМА*)

[Умерший отец кидает лампаду; толкование: неотпетый; указывает на нарушение: «Безо времени вы её зажгли»]

– Я и сама видела сон: вот умер папаня-то, а уж ро́стополь[11] была, такая была ростополь, а церкви-то не было, вот в Сурском, сейчас – в районе, а тогда не было. Тогда в Иваньково ездили – в Чувашию, а ростополь-то: по всем лугам вода – ни пройти ни проехать, ну чаво… И – девять дён, перед девяти днями папаня будто заходит, а вот горит у нас лампадка, – он эту лампадку берёт и кидат.

?: Это во сне?

– Во сне… Кидат. А я говорю: «Господи Боже мой! Ты что, мол, кидаешь, папаня?». А он говорит: «Безо время вы её зажгли, не у места» – неотпетый! Отпеть надо. «Не у места, говорит, безо время её зажгли» – вот так вот. Дождь схлынул тода – и пошли отпевать, – я вот сама видела… (*КЕВ*)

[Мать информантки обещала сходить на Никольскую гору (популярное место паломничества), но не сходила; в реальности ослепла; снится старичок, напоминающий о рубашке, которую сновидица якобы обещала сшить; после сна пошла на Никольскую гору и исцелилась]

[11] Таяние снега в весеннее время, распутица.

– И ещё заболела… три раза она у меня болела тифом, мать… Заболела и: «Будет вот, говорит, полегше, – пойду к Миколай Угоднику», – и ослепла, чуть-чуть видит, – вот Николай Угодник. Ну ладно, всё – свякровь, вот эта вот Пелагея, – не идём и не идём, всё не идём и не идём… Я, говорит, заснула, и мне сразу же всходит старичок – седенький, небольшой, грит, и говорит: «Доченька, обещала мне рубашечку сшить-то, а всё не шьёшь!» – «Сошью, дедонька, сошью!» – кричу: «Мам, мам (да я и совсем не спала), погляди-кась, мне что приснилось-то!» – «Что?» – «Встаём утром, чуть свет будет – и мы пойдём с тобой, я тебя поведу на колодезь. Ты обещала сходить? Обещала…». Пришли, говорит, на колодезь, умылась я этой водой и накупалась, напилась, взяла – и забыла уж, который глаз слепее был… Всё, всё прошло… И вот он мне эдак подсказал – и мы пошли… Всё!

?: Это как чудо?

– Как чудо, сотворилось как чудо, вот так вот… Вот, грит, старичок пришёл и сказал, вот так вот. И мы, грит, пошли к Николай Угоднику. Я просила, говорит, и говорю: «Вот, мол, токо полегше бы было маненько и пойду», – ну вот и сходила… А всё некогда да некогда, некогда да некогда, сходила – и всё. (*КЕВ*)

[Похоронили в туфлях на высоких каблуках; просит во сне другие туфли; передали через другого умершего]

– Вот я слышала, эта побасёнка – это кто-то где-то чаво-то говорил, ну и вот я слыхала. Вот одна девочка умерла, девушка, и она любила носить туфли на высоком каблуке. И сказала (болела она или чаво), и сказала, что меня положите только в туфлях на высоком каблуке. Ну ладно, – положили, мать её положила. И вот она ей снится: «Мама, вот скоро умрёт вот этот – тоже девка – ты пришли мне с ней туфли, знаешь, как я ноги там, ну… намучила – на высоком каблуке». Вот она, вроде, там таскала туфли и клала этой в гроб…

?: Со следующим покойником…

– Да-да-да… И вот она её благодарила, что «спасибо, мама» (*КАИ*)

[Приснилась голая соседка, находящаяся в темноте, толкование: потому что не жгли лампадку; в реальности рассказчица «почитала» за умершую]

?: Говорят, что вот можно передать покойникам что-то, если забыли положить в гроб?

– Можно передать, – лишь бы было подано. Можно другим передавать. И когда подавать, надо молиться, три раза перекреститься

и помянуть: «Помяни, Господи, там душу усопшего раба твоего (если мужчина), помяни, Господи, душу усопшего раба твоего там Сергия или Михаила и даруй яму Царство Небесное, причастие-благословение, и прости яму все прегрешения вольныя и невольныя».

?: Передать можно – в гроб другим покойникам положить?

– Перьдают, но мало у нас вот…

?: А что передают?

– Чё приснилось, чё спрашивает. Вот если приснился… Вот Файя мне приснилась гóла, Файя вон Губина, эта Губина, Файя, моя соседка, гола, – умерла, вот сорок дней прошло токо что. Гола. И вот я будто её глажу: «Батюшки!» – она гола, в темноте. Они не жгли лампадку, надо жечь лампадку сорок дней. Они ничаво не жгли, я им и лампадку отдала, и там у них… И они не жгли, – у них ни масла, ничаво нет: ну чё, один мужик остался… Она сама на себя наговорила: «Я и в Бога не верываю!» [подражает голосу соседки], – а у самой икон полно. Я и не хотела читать, – «Я и в Бога не верываю». А потом уж я пошла, почитала: ну как же – соседка. (*ГСЗ*)

[Мать рассказчицы забыла помянуть свою мать; во сне умершая подошла и ударила сновидицу]

– Это моя мама – каждый год поминала в день смерти её матери, поминала её. Однажды она забыла это сделать, и вот ей в эту ночь (на следующую, значит) приснился сон: она идёт, а навстречу идёт её мать с большой чашкой пустой, подошла к ней и ударила этой чашкой по голове маму. Мама говорит: «Ты что, мам, меня как ударила?». Она говорит ей: «А ты меня как ударила!».

Она, грит, вспомнила, что её не помянула. Вот она её ждала, помин ведь поднимает выше душу добрыми делами. Когда поминают, сколько поминают людей, ведь они дают энергию, видимо, это очень важно и полезно. (*ФМИ*)

[Во сне сосед копается в земле, говорит, что ничего не заработал (не сделал хорошего) при жизни, поэтому вынужден зарабатывать здесь] (близость к видениям)

– Сосед вот, дядя Гриша, яво спрашивают… Да, идёт, он копа[е]т, копатся там в земле... «Ты чаво?» – «Я это: ничаво ещё там не заработал, говорит, вот заработаю здесь» – сам людям ничаво хорошего не сделал, вот приходится работать…

?: Когда живой – ничего хорошего не сделал…

– Да, ничаво не сделал, нужно здесь зарабатывать, сынок [к соб.], хорошее, туда на будущее-то, вот так вот, а то так можно… «Украшали, грит, телеса золотом-то, а того не мечтали – с чем пойдёт наша душа туда, там всё спросют, грит, всё спросют».

?: И там он, мол, работает теперь?

– А как же: что заработал, то и там получишь, сынок. Если ты никого не угостил, если ты ничаво…

Вот моя мама: она если блины – даст, – пекёт, – она была не скупая. А другая ведь спрячет блины-то, если испечёт, кабы не угощать, вот так вот. Ей уж было девяносто шесть лет, она меня мамой звала, мамой [смеется] (она в девяносто шесть лет помярла): «Мам, хоть бы кто-нибудь пришёл на блины-то…». Она не выпустит человека, если чаем не угостит, если пирог есть, ватрушка, она не выпустит, она не выпустит, нету, она не выпустит… (*ПАИ*)

[Муж не хотел поминать умершую жену – она снится и просит помина]

?: Если не поминать, могут присниться?

– Они просют, слышь.

?: Как просят?

– Ну как просют: вот во сне видят, это… как её. Сарын-то (?) не хотел поминать эту, жану – и вот яму снится во сне она. Просит помин, есть просит, есть вот просит она.

?: Надо что-то сделать?

– Ну поминать…

?: Что он просит – подать?

– Да, ну всё, мы ведь вот поминки делаем. А у кого если не на что, – хлеба там подать, чаво… (*ЦНС*)

[Умерший дядя во сне говорит: «Надоела мне сластня, дай мне хлеба с часноком»; в реальности сновидица на бригаду покупает то, что он просит]

– Мне вот дядя Андрей раз Царёв говорит: «Надоела мне вот эта сластня, дай мне хлеба с часноком!». И вот я на бригаду тогда купила булку хлеба…

?: Во сне просит?

– Да. И часноку и на бригаду отнясла, бригада ведь, бывало, было полно народу-то. И я подала. (*ЦНС*)

[Не подали жердочку после смерти, снится, что умерший карабкается куда-то и не может забраться; после сна сразу же сделали из двух жердей лестницу и подали]

?: Говорят, что если жёрдочку не подали, то покойник на том свете не может перейти?

– Да, дороги яму нет, вроде… Да не может. У нас вот у Шурки-те Славка-то утонул в Ульяновском-то, они вот ведь принесли сюды две жерди и сделали лестницу. «И вот, грит, во сне я видел: он, грит, карабка[е]тся, карабкатся, – ни в какую, никак». Он [сновидец после сна] в огород бросился, сходили в дубки, принясли две жерди и здесь сделали, – вон там лестница стоит. Я всё, как поеду, яво поминаю. И вот он, грит, карабкатся, а никак…

?: Это вы на эту лестницу глядите и поминаете?

– Ну я по ней вот давеча лазила, она у нас вот тут стоит, как залазию – поминаю, «Царство Небесное яму говорю», да. (*ЦНС*)

[В реальности во время обеда на поле односельчанка говорит: «Может, и нет ничово», т.е. нет Бога; рассказчица мысленно соглашается с этим; затем снится церковь, с клироса сходит Спаситель, прикладывает руку к сновидице и уходит; рассказывает в реальности сон матери, та запрещает ей так думать (соглашаться, что Бога нет)]

– Вот мы ходили в поле и там, значит, это – обедать садимся, нихто… ни молитву, а хто матом изругатся, хто чё – смеётся. А некоторые говорят: «Как басурманы: ни молитвы, ничово». А тут говорят: «А може, и нет ничово, Бога-то…». Вот, сынок [к соб.], вишь, меня на память… [улыбается]. Ну и вот, это… А я, грешница, тоже подумала: «А может, и правда – нет ничово!..». Вот, сынок, я щас тебе, щас тебе, сынок, скажу, вот как те сны-то…

В эту же ночь мне наснилось, как нет ничово-то. Пошла я в церкву [во сне] – там полна церковь, народу-ту. Молются-молются, значит, а я стою, – крылас [клирос] там, певчи туды лазют, а ведь там нет никово. То[ль]ко гляжу: дверь отворятся на две, отворятся, значит, это – Исус Христос в ризе белой – глаза-то режет! – вышел. И тут у него это, наверно, душа – как кукла в руке-то, в одной руке держит. Я, значит, как увидала… Нет, он сошёл вот токо на последнюю приступочку, рученьку мне вот так приложил, оборачиватся-оборачиватся – обратно пошёл…И он [Христос], значит, туды пошёл-пошёл-пошёл, и двери-то закрылись. Я, значит, где батюшка-то выходит (бываете, в церкви-ти [к соб.]?), батюшка-то возглашает. Я туды зашла да говорю: «Что, нет

ничово? Явным вышел, живым, мол, вышел!». А сама пла-ачу, значит, эдак плачу. Вот эдакый сон мне.

И мама, значит, мне говорит [в реальности]: «Ты что?» – меня, я во сне всё… нет [т.е. не во сне] – вскочила и всё плачу, на постели-то стою. И рассказала. Она грит: «Ты чтое-то, матушка, это думашь? Не думай больше этово ничё никогда!» [что Бога нет]. Вот какие, вот сны-то всё-таки мне вывели. (*ТВИ*)

[К женщине, задумавшей сделать аборт, является во сне Микола-святитель; показывает ей сперва рай, потом яму для тех, кто убивает детей] (близость к видениям, обмираниям)

– Вот я уж вам скажу заодно тута. Вот женщины незамужни. И вот детей-то им не надо ведь, маненько то[ль]ко надо. И вот моя сёстра двоюродна задумала это… уничтожить-то, и ей сон снится: вот старичок-то подошёл, это Микола-святитель, седенькый, слышь, грит: «Чё, раба, хошь делать?» – и повёл, грит, меня эдак-то. И вот, слышь, «райски цветы сперва мне кажет, я, слышь, сроду их не видела, кака тока красота…». А потом подошёл – как башня, слышь, большая, отворил дверки-те: «Вот чё хочешь сделать-то, место-то... – а я слышь… – свободно». Опять так и делала, и делала, уничтожала детей-то…

[собеседница] Чего же им он ей показал?

– Место где этаким-то, убийцам-то, кто валит детей-то…

?: Кто аборты делает?

– Да, да, да. Они как убийцы людей считай. <...>

?: Это, значит, какая-то башня там была, в которой дети?

– Яма эдакая. Она это сверьху башня-то: обгорожена и двери. Он открыл ей. (*ТВИ*)

[Вставные зубные протезы умершего не положили в гроб, а выкинули в навоз; во сне покойник укоряет]

– У меня у соседки муж умер, а у няво зубы были вставные, в стакане. У него челюсть была, яму вставлять нельзя было. Он умер, и надо было, оказывается, в гроб положить, зубы с собой в гроб ложут. А это не положили, она выкинула в навоз. Я не знаю, как правильно делать, но тем не менее – приснился и говорит: «Ну зачем ты выкинула зубы мои в навозну кучу? Ты б мне с собой отдала их!». Вот откуда он знал, что… Ну она выкинула, случилось так, что она выкинула, взяла и выкинула. (*ЗАС*)

[В реальности сын убил родителей, другой сын подавал деньги за них; снится сон: за столом едят, а на стороне родителей – только деньги; трактовка: деньги – это змея, не еда, их подавать нельзя]

[ГВН] Вот у нас одно событие. Это давно-давно было, это тридцать семь годов прошло, тридцать восемь, чай, это вот мы ещё на горе жили, отсюда перешли, построились. Туда в конце вота, у них было десять человек семья. И вот один выучился на… в медицинским, и у него сделалось что-то с головой.

[ГИФ] А, ты про Пешковых?

[ГВН] Про Пешковых. У него с головой что-то сделалось плохо, и вот ему омерзели родители и всё… И он взял их и застрелил. Сначала отца…

[ГИФ] Прям в упор.

[ГВН] … а потом мать. А мать на печи лежала, она стала, он когда…

[ГИФ] На печи лежала, он её на печи и убил…

[ГВН] Не на печи, не на печи он её убил. Он когда застрелил отца-то, а она слазить стала: «Лёшк, да ты что делашь?! Лень, ты что делашь?!». Она токо стала слазить-то, и он её – и она упала тут около его.

[ГИФ] И что характерно: взял это ружьё (всё ведь Ждамирово сразу туда сбеглось), взял это ружьё и сам ушёл пешком в Сурское в милицию… Ага.

[ГВН] И вот: а в Ульяновске у них сын предпоследний вот он – Лёшка вот последний-то, а Шурка предпоследний, он жил в Ульяновскем. Ну они так всё-таки к Богу прилежные, они верили всё время. Ну и вот он – десять копеек кому (на старые деньги ешё ведь было), кому десять копеек, кому – пятнадцать. Нищих-то тогда полно было. А деньги не подают. Оне не идут в толк – это змея.

И вот какие-то Родители пришли [праздник]. А четверо Родителей в году бывat, Родительска суббота – слышали, наверно [к соб.]? Ну вот. И вот она идёт [во сне] – и кака-то избушка. Избушка, и мать тут стоит. И он зашёл тут к ней, и стоит в этой избушке стол. (Это мне вот сёстра рассказывала, она вот тута живёт). Вот стоит стол, к примеру, четырёхугольчатый, там вот, примерно, на этим там хлеб, там печенья, там, может быть, и пряники, там, может быть, пирога кусок. А на ёво конце лежат деньги. А он говорит: «Мам, а это что такое?». А она говрит: «Это твое вот, ты деньги-те по́дал, они вон все едят, а деньги-те не едят!». Вот так. И он с этих пор бросил: кусочек, – там где плюшечку, там где кусочек хлебца вот, а деньги не подают. (*ГВН, ГИФ*)

[Поминают вином – умерший во сне корит, что его накормили червяками и помоями]

[ГВН] А мы вот ездили вот с этой с подругой мы ездили всё бывало за шмотками…

[ГИФ] Для детей-те, детей собирали – с Москвы всё…

[ГВН] И ездили в Загорский, Сергеева лавра – слышали? Ну вот. Мы, наверное, раз десять ездили. Тогда был только два рубля билет этот. И мы неделю ходим по магазинам, а в субботу в этот – едем в Загорский. И вот едем, а далёко туды – два часа надо ехать в этот от Москвы-те на электричке. Вот мы сидим на этой стороне, а две женщины сидят на этой [показывает рукой]. И вот одна плачет-плачет прямо, разливатся. Оне, видно, може, подруги, може, знакомые ли. И разговаривают. И она россказыват… У ней умер сын, – это я уж потом ей говорю: «Женщина, если, мол, не секрет, что вы как плачете?». А она говорит: «Это я вот россказываю: у меня умер сын, а я ёво поминала, что только, ну… никому ничово не жалко для эдакого случая». И вот это… а вино ведь грех ставить на поминки-те, а оне – поставила она. И вот она это ездила… в Загорскем был прозорливый священник: он всё знал и всё угадывал, с чем человек пришёл. Ты ещё вот боишься ему сказать-то, а он те-е говорит. «И вот я, слышь, взошла, он мне говорит: “Ну, проходи, проходи. Я знаю, ты зачем пришла. Ты зачем… Те-е приснился сон, те-е приснился сын, что ты его накормила червями да помоями! Ты зачем вина ставила? Зачем ставила усопшему рабу вино? Он не пьёт уж: он о́тпил в живности. Через это он тебе и приснился плохо!” – “Батюшка-батюшка, больше не буду”».

Ну вот. И он благословил её, и этот – «больше не буду!». А враг – он ведь силён! Он перебарыват, когда и этот… И вот, значит, другие поминки. Она говорит дочери: «Не, как хотят, меня судят. Больше ни за что не поставлю: я батюшке, меня батюшка благословил, и я ёму обещала – больше не поставлю. Это эдак плохо нам приснился!». И вот Господь её искусил: и послал ей человека. Вот они стряпают, а он взошёл: «Ой, как я замёрз, ой, как я замёрз! Мне бы вот погреться!» – «Давай чайку? Давай чайку?» – «Нет, мне чаю не надо» – «Ну, давай супу ещё вот горячего погрем, давай вот ты согреесся» – «И этого мне не надо! И этого…» – и никак не уходит. А дочь тоже говорит: «Мам, дай ёму рубль, и он уйдёт! Что он нам надоёдат». Мать ему дала рубль, а он пошёл – бутылку красного купил. После поминок он ей опять приснился плохо. Она опять в Загорский. А она токо дверь отворила, а он [священник] говрит: «Ты зочем идёшь? Ты клялась, что не будешь этот, а сама вот это сделала» – «Батюшка, не ставила, батюшка, не ста-

вила!». А он говорит: «Зачем ты мне говоришь? Ты вино не ставила, а мужик к вам приходил – ты зачем рубль дала на вино?». Вот так. (*ГВН, ГИФ*)

[Соседке приснился умерший отец, заглатывающий банный веник, жалуется, что нечего есть; толкование: в реальности не подавала]

– Вот соседка, вот у меня соседка Сашка. И вот ей приснился отец: вот заглатыват опарыш – вот в бане парются которые веники, вот мы ево называем «опарыш». Вот, грит, заглатыват и заглатыват опарыш. Я, слышь, говрю: «Пап, ты что заглатывашь опарыши-то?! Те-е, неужто те-е…». А он говорит: «А мне больше нечего есть!». А она изредка в церкву подавала: запишет, а на пинихиду [sic] не подаст. И говорит… а там, грит, одни свечки горят. Она не положила кусочек этот... (*ГВН*)

[Умершую похоронили в чужой одежде: снится – вся дрожит, под мостом; жалуется, что замерзла]

?: А вот что могли просить покойники?

[ГВН] Ну чово, если, к примеру, вот в чужем [похоронят], – вот, бывало, ведь после войны-те все были бедные, не в чем было положить-то. Одна вот тут… Рая-то помярла, ну и со́брали – хто чулки, хто платок, хто чово, и в чужим.

[ГИФ] В чужим-то уж вообще не положено класть, а надо задолго припасать…

[ГВН] А тут вот у нас был мост, что ль, или овраг ево звали или да эти… А то он был деревянный мост. И вот там хто-то шёл – из наших там из соседех, – она, слышь, стоит под этим мостом вот. Плюшенька была этот… манарчоночка [плюшевая манарка[12]], и она это… дрожит. А ей эта, слышь, говорит: «Рай! Ты что там это сидишь да этот…» – «Я замёрзла, – бат, – я вот спряталась, я, говрит, вот замёрзла». А у ней нет ничово сваво-то, всё в чужим положили.

?: А это наяву было или во сне?

– Нет, во сне, во сне… Чово подашь – то оне будут есть.

?: Там, на том свете-то?

– Да. Чово подашь, тем… Одёжу ли, платье ли, чулки ли, носки ли – всё это роздают после, как умрёт человек. Вот она во всим – она в тёплом, одета-обута. (*ГВН, ГИФ*)

[12] Женское демисезонное пальто.

[Не ест яблоки до Преображения, так как однажды приснился умерший мальчик, который сказал: «Все едят яблочки, а я нет»]

?: А мне вот говорили, что если умрет ребенок и мать будет есть яблочко до какого-то дня…

– А вот Преображения, – нельзя. Вот у меня двоюродна сёстра живёт в Алатыре, вот она приехала… Ну мы ведь бывало, тоже ели всё, пока были молодые-те. А ей подкладываю яблоко, она говорит: «Нет, я, Вер, не буду». Я грю: «Батюшки, ты что?..». Она говорит: «Я, мне присни…» – у ней умер маненький мальчишка, два, что ль, годика, Мишенькой звали. И этот… «Мне, – слышь, – он приснился на Преображения все, гыт, едят яблочки, а Мишенька стоит. Я, слышь, ёму говорю: “Мишенька, ты что, милый, не ешь яблочко-то?”. А он, слышь, мне говорит: “Ты моё, – слышь, – яблоко съела!”.

Вот я, грит, с этих пор начала до Преображения яблоки не есть». И я вот, к примеру, тоже щас не ем, давно, давненько уж не ем. (*ГВН*)

[В реальности поставил телевизор к иконам – умерший отец снится и говорит, что телевизор нужно убрать; выполняют просьбу покойного]

– Вот тут Коля, сын, который сверлил [когда собиратели подошли к избе рассказчице, молодой человек занимался этой работой], у него отец умер шестой год. Ну, значит, телевизер стоял от икон далёко, а ему, другому своему сыну, надо было тут компьютер поставить, а поставил телевизер к иконам. Через несколько времени он [умерший отец] ему снится: «Сашк, – отец-то прям их, – Сашк, телевизер не на месте поставили, уберите его, а лампадочка пусть горит».

Оне тут же вон, мне, слышь [сказали]. «Я, – грит, – напугался, встал и убрал телевизер». Вот приехали сюды, – россказывают. (*КРГ*)

[После аборта приснилась девочка, говорит: «Я нагишом»; рассказчица в реальности подает – больше не снилась]

?: Говорят, дети, которые от аборта, они в особом месте?

– Не най, сынок, я сейчас скажу: делала я оборт, приснилась она один раз мне – девчонка, вот говорит: «Я нагишом!». Я купила, подала, больше не снилась она мне. Я грит: «Нагишом». (*БМВ*)

[Информантка помянула мужа только конфетами, а черного хлеба не принесла; снится муж, говорящий: «Ты что не принесла мне чёр-

ного хлеба?»; выясняется, что на том свете черный хлеб скармливают коровам – так как в реальности его также скармливают скотине]

– Когда муж умер, я в церкву ходила и носила всё: ну чёрного хлеба возьму, конфеток там, ну чаво куплю там… А это чёрного хлеба не взяла. И он мне приснился: будто Исус Христос посередке стоит, а у стола стоит вот муж мой и говорит мне: «Ты что не принесла мне чёрного хлеба?» – «А вы едите, мол, что ль, яво?» – а я думала, ну кому надо этот чёрный хлеб, взяла только вот пряников да конфеток. А он говорит: «Тут у нас пасутся коровы на лугу, они едят». А меня утром – стала я сон рассказывать-то, а мне говорят: «Чёрный хлеб [тот, который подают за умерших], слышь, забирают коровам, – вот оно тебе приснилось». (*КАИ*)

[В реальности не помянула мужа родственницы, с которой разругались; умершая тетка укоряет сновидицу, сообщает, что он обходит с едой остальных; наяву стали поминать]

– У меня тётка умерла, вот, говорит… А я разругалась со своей как бы сказать… у свекрови сёстрá, и её мужа не помянула, стала Богу молиться, не помянула. Когда… моя тётка говорит [во сне]: «Нюрка, это чтой-то не помянула Кузьму-ту? Он ведь… а он из их крайный. Он, когда на окрайну слышь, уходит, и нашим обносит есть. Ты ведь нас поминашь». А я стану поминать, – соли и корочку хлеба, помяну этим, коли это, коли блины вон испеку, то блином. И вот она говорит: «Мы часто к те-е ходим, да это… поминам солькой да корочкой, вот. А ты яво, слышь, не помянула». Вот давай яво всё время поминать [после сна]». (*КАИ*)

[Рассказчица не помянула тех односельчан, на которых разозлилась; затем снится сон: все, кого помянула, находятся в церкви, а те, кого не помянула, находятся в темноте, их мочит дождь; в реальности затем поминала остальных]

– И вот ещё чего приснилось: он [умерший муж] будто в церкву пришёл, а я будто говорю… Я всё село помянула (он будто в церкви), а все, кого помянула, вот у нас церква там открыта, и оне будто там все под этим, не мочит их, а на улицу глянула – а тут черно, дождик идёт, и которых не помянула, они тут стоят…

?: Под дождём-то?

– Да. И потом они больно сейчас Богу молются, а были партийны, и вот я будто на крылец-то глянула, а они в крылец-то влазиют и говорят мне: «В церкву сейчас, слышь, ходим, а не там, слышь, сидим».

?: То есть под навес?

– Нет, не под навес, а прямо в церкву шли. Ага, и они говорят: «Мы тоже к твоему Ване идём». А его эти товарищи они были и всё…

Проснулась, думаю: «Они в церкви вот сейчас», – видно, замолили грехи-те…

?: Я правильно понял: перед сном вы всё село помянули?

– Я не перед сном, а когда поминала и это – с утра я поминала, а мне после этого приснилось…

?: В какой день поминали?

– Ну в эти в Родительские…

?: Помянули всё село, а тех, которых не помянули…

– Да, злая была на которых, и я их не помянула, и они около церкви в этим в этаком в густым, жутко да темно там. И вот они там…

?: Потом-то вы после этого сна их не помянули – под дождём-то которые?

– Нет, я тогда их так и не помянула… После поминала, правильно вы говорите… (*КАИ*)

[Умерший сообщает, что его давит железный крест – надо на кладбище ставить деревянный]

?: Говорили, что вот раньше на кладбище оградок будто не было?

– Это ведь у нас оградок-то не было, до войны была ограда во все могилы, одна. А внутри-те ведь кто богатый, тот железные ставит, а кто бедный – деревянны ставит, да.

И вот тут у нас одной тоже это, – поставили они вот железну-ту, там уж и икона… и икон там нет, а вот фотография вот почти что во весь рост. И он [умерший] тоже вот эдак вот приснился: «Как мне тяжело здесь! Всё меня давит. Особенно вот кресты железны здесь на могилах: они весь народ давят». Вот так вот. (*МЕМ*)

[Женщина-«молилка» при жизни кормила овец собранными милостеньками; после смерти приснилось, что она находится в колодце (наказание)] (близость к видениям)

– Вот у нас тут была молилка-то, вот на нашем порядке туды, вдаль. Ну она только всё собирала, а больше никому не давала. У ней были овцы, она этими нашими милостыньками овец кормила и, значит, кур кормила. Дочь её из Алатыря приезжала, забирала. Вот она умерла…

?: Это в Ждамирово?

– Это ждамировска. И, значит, она приснилась одной: подошла это я, слышь, к колодцу, возле двора колодезь был, подошла к колодцу ко двору, а там – крик, в колодце-те. Я, слышь, глянула туды: «Это кто там кто?» – «Это я, Агафья» – «А как ты туды попала?» – «Я уж давно сюды попала, только я никому не показывалась, а щас вот видишь: показалась, я здесь!». Вот наши милостыньки – они ведь никуды, их надо куды-то припущать по-доброму: или раздавать, или чаво ли. Вот так.

?: Этот колодец далеко?

– Чай, нет, у своего у двора у ней был колодезь, и вот она в этот колодезь попала, вот так. За наше-то доброе… (*МЕМ*)

[Умершая тетка снится на свой день рождения, укоряет информантку: «Ты мне подарок-то забыла купить-то!»; в реальности затем поминает]

– Вот один раз… Я сама-то вот воспитывалась у тётки у отцовой сястры… И она умярла, и я больно уж её жалела: она воспитывала меня и всему научила, и замуж отдала, и всё. И вот ей… да, три года я её помянула, три года, – всё говорят, три года помянешь, а там уж как хочешь, в какеи хочешь дни. И вот я (она двадцать восьмого апреля умерла), я её помянула, а день рождения у неё было чатвёртого декабря, это какой праздник… Введенье, вот она именинница, а я ей всё, бывало, покупала этот подарочек какой-нибудь ко дню рожденья-то. И, понимашь, в этот день (я уж это двадцать восьмого апреля-то помянула её), а это, ну там чатвёртого декабря… и не сплю, а мне голос-то её говорит: «Ритк, ты мне подарок-то забыла купить-то!..» – и проснулась. Ох, я чё думаю, – я уж и не спала ничаво, побягла вот к Лизе к этой, грю: «Теть Лиз, ты, мол, не прочитаешь канунчик-то?» – «Прочитаю!» – «И я, мол, столик собяру, и помянем, вот». Вот какая-то сила есть всё-таки… (*ШМС*)

[Снится мать, тонущая в воде; в реальности односельчане толкуют: «Ты сильно об ней плачешь»]

– Это же опять, я одна: ни отца, ни матери, ни сестёр – никого. Была одна сестра и то умерла, я одна. У меня только что такие двоюродные родственники-те. Мать снилась: якобы она плыла по воде и в этой воде барахталась, якобы тонет. Я с людями поговорила, они мне сказали: «Ты сильно об ней плачешь, ты её топишь в слезах, она в твоих слезах плават», – всё, да. (*БЗИ*)

[Плакала по умершей матери; приснилось, что рассказчица лежит на кровати, видит, как в голубом небе плывет белая иконка; потом информантка стала задыхаться и проснулась; толкование: потому что плачет по умершей]

– И один раз она мне приснилась, мать моя: ляжу я на кровати, и вот как будто в голубом небе какой-то вот… Беленькая иконка, маленькая, вроде как-то плывёт-плывёт и прям ко мне, ко мне, ко мне. Ага, это ещё было по молодости, когда она у меня умерла, ага, и вдруг я стала захлёбываться: душить меня кто-то стал. А-а-а! [показывает, что задыхается]. Я, видно, как стала трепыхаться, и меня супруг сунул в этот [в бок], и я проснулась [смеется].

Оказывается, это вот, видимо, не знай, доброе мне её навиденье, не знай, что, – опять я плакала, да, опять эти вон – слёзы. (*БЗИ*)

[Умершая сестра показывает иной мир сновидице, которая излишне плачет по покойнице; тот свет – как ярусы, на одних уровнях что-то добывается (каменный уголь), на других – трава, растения; умершая сестра показывает эти ярусы, успокаивает, говорит, что ухаживает за умершим отцом]

– Был ещё потом сон, что как бы прихожу, спускаюсь по ступенькам, вот такая промерзшая как бы землянка, она такая замёрзшая, вот это… снег, снег, причём это цветное было, разные слои земли, снег, холод ужасный…

Единственное, что я два месяца как бы заставляла: вот мне хотелось, чтобы мне что-то приснилось про сестру [недавно умершую], и очень плакали, потому что, конечно, были в таком шоке [после смерти]. И вот мне приснился сон, просто сестра приснилась, и она как бы говорит: «О чём ты…», – ну это обычный уже, наверное, просто сон, или не знаю: мозг срабатывает, чтобы спасать от всяких стрессов тебя, твой организм. Вот как сестра, она мне показывала: «Ну, ты посмотри, ты что так плачешь, здесь тут, в общем-то, неплохо, здесь тоже интересно, что у меня здесь очень много работы…».

Вот у меня сестра, которая умерла, она вот трудоголик, у неё пять неиспользованных отпусков, она работала бухгалтером, она действительно трудоголик, для неё работа – это было какое-то счастье, ну, может быть, потому что у неё очень сложные были отношения в семье…

И она мне всё показывала, – вот какая она была деятельная в жизни – как бы там, она показывала там как бы странные какие-то вот ярусы, она водила… Единственное, что она сказала, что мне очень больно ходить, больно ногам: вот посмотри – здесь какие-то камешки, как буд-

то, знаете, бывает каменный уголь – там какие-то машины, какие-то ярусы… «И потом ты говоришь, что там… мне здесь вообще некогда, а… ты посмотри – здесь папа рядом, за ним же столько много!..».

А за нашим папой всегда, – когда после смерти мамы, – всегда надо много убирать, стирать, за год копил бельё там, приезжаешь летом – за весь год. «Ты посмотри: постоянно стираю, нам нужно следить за папой, потому что ему помогать нужно, у меня очень много стирки». Что это значит, ну я не знаю: то есть как-то вот она на меня действовала успокаивающе, больше после этого сна она вообще мне не снилась…

?: Почему ярусы?

– Вот знаешь, что было: ну я не знаю, это какую-то фантастику напоминало: вот знаешь, какими-то… на каждом ярусе шла определенная работа и жили определенные люди. Вот я помню, что тот ярус, где были типа какие-то камешки, где больно ходить, – там мне можно было посмотреть что-то издали, потому что туда не все допускаются, потом он какой-то тёмный, чёрный какой-то, там больно ходить. Почему-то туда всё равно попадаешь, там бываешь на этом ярусе, но туда тебя далеко не пускают: там что-то издали что-то добывается, что-то делается: какая-то была ярусность… И лица были разные.

Там другой ярус – там что-то было светлое, там была какая-то трава, какие-то растения были, вот… и что-то ещё было, я не помню… Вот было очень много ярусов: как бы каждый определенный ярус обозначает какую-то деятельность для какого-то типа людей, которые там заняты. Не на все ярусы можно было попасть: вот тот, который чёрный, он был какой-то там – как-то не то что самый высокий, а может, и высокий… Он какой-то там вдалеке, и туда не все допускаются, там что-то можно было заглянуть, он был самым тяжёлым, и там почему-то больно ходить, и там можно было посмотреть только издали… А ты знаешь, вот почему… Валя с мамой похоронены в одной могиле, а как бы перед ними, то есть вот у нас тут папу похоронили, то есть папа, вот они смотрят на папу, то есть они как бы следят за ним. Действительно за ним там как бы такой уход. (*ТЛЛ*)

[В реальности односельчанка подавала хлеб в качестве милостыньки; снится умершая мать, говорит: «Хочу пирожков»; стала подавать пирожки]

– Ну чё я вам, ну не знай… ну могут кому-то всё сниться, кого-то чё-то просить. Например, там вот одной женщине, вот тут у нас у сред-

ницы приснилась мать. Она всё время подавала милостыньку хлеб, угу, хлеб отрежет, хлеб подаст милостыньку. Ей снится, значит, она говрит: «Лизк, всё время у нас на столе хлеб и хлеб, а я ведь хочу пирожков». Вот она стала ей пирожки подавать. Да, вот так снятся они. Может, кто-нибудь ещё чего-нибудь просит, я не знаю, со мной этого не было, у меня никто не просил: я подаю милостыньку всё время… (*БЗИ*)

[На поминках одна женщина поминала мать на «Здвиженье» скоромным; умершая снится соседям и ей: «Ты, бат, меня не помянула, ты всё скоромное наделала»; после сна поминала пирогами]

?: Говорят, если в пост помянешь скоромным, могут сниться?

– Это один раз я слышала вот от кого-то – от женщины. Одна женщина, слышь, поминала мать враз на Здвиженье (праздник Здвиженье есть), а он постный, а она не знала этого, что нельзя скоромным поминать. Ну она настряпала скоромного, думала, чай, получше накормить людей. Вот. И вот она её поминала на Здвиженье, в этот день, вот на Здвиженье. Она, слышь, снится соседям-старушкам, и ей снится: «Ты, бат, меня не поминала! – вот. – Ты, бат, меня не помянула». – «А что?» – бат. «Ты, – бат, – всё скоромное наделала». Она, слышь, на другой день испекла два пирога да по всей улице разносила, чтоб её поминала. Вот говорят: правда-неправда – Бог знат, милый. (*ФАА*)

[Утонувший сын просит не плакать; он не заходит в дом, потому на «замки» заперто – в реальности окна и двери «зааминены»]

– Вот у меня сёстра умерла, и она была ему крёстной, моему сыну. А он пошёл купаться и не вернулся: не най, убили, не най, удавить вели. А у нас за этой за рекой был пруд глубокый. И он там его – по[й]мали. И он мне всё время снился: «Мама, да не плачь обо мне, ты ведь меня в воде топишь! Не плачь, мама, обо…». А я как не буду плакать: у меня два дитя только было. А муж тоже грамотный был, всё время в ревизиях был. Грамотный был, до последнего работал.

?: А еще сын не снился вам?

– Ну он мне, слышь: «Вот ты не поплачешь когда, мне легше. Мне легше». И всё время с молитвой кругом зааминю, а он идёт той стороной. «Женечка, да ты что где ходишь?» – «Мам, у тебя вот эдакие замки! У двора-то, – вот эдакие замки». Я их вот так вот [показывает, что крестит]. (*ЦЛФ*)

[Во сне умерший сын стоит на высокой горе и говорит, что замерз; в реальности подала пальто тем, которые «бедно жили»]

?: Говорят, что покойники в сновидениях могут просить?

– Да-а. Просил, просил. Один раз, – я, мол, уж это пальто-то осенне-то, брат приедет, мол, из Кемерово, я ему его отдам. А он, [умерший] сын, стоит [во сне] на высо-окой горе и замёрз: «Ма-ам, я замёрз!». Я сцопала [в реальности] это пальтишко и понёсла там одним, два пацана были, бедно жили. Ну и больше бросил мне сниться.

?: То есть вы подали это пальтишко?

– Да, подали. И больше… одетый, видно. А я думаю: «Я, чай, лучше сво[е]му сроднику подам это всё». (*ЦЛФ*)

[Умерший сын кидает в сновидицу мокрые трусы; толкование: нельзя излишне плакать по покойнику]

– Да вот у меня сын умер двадцать восемь лет, снился он мне, снился. И муж-то, вот шесть годов исполнилось, как его схоронили. И он тоже раза два присневáлся, приснится прям как это. Ну и этот вот сын-то раз молодой, – двоих [детей] оставил, одному год был, а другому – пять лет. Ой, не могу [плачет]… И он снился мне, плачу не перестаю, вот и помяну, и всё. И вот будто в бане, моется в бане, и я дверь-то отворила будто, а он будто трусы, – ну уж где были у него, а он трусы скинул ли, – как вот эдак вот в меня кинет в дверь-то. Вот подумайте. <…> Вот только один раз мокрые трусы кинул в меня: «Слышь, ты уж море пролила слёз, брось плакать!». Ребятишков [детей сына] вон щас жалко. (*ЦЛФ*)

[Приснилась умершая мать, пожаловалась, что ноги «натекают» – нет чулок, калош; в реальности сновидица купила калоши и подала]

?: Говорят, покойники могут во сне просить что-нибудь?

[ЕЛА] Да. Ну они да, – просют они иногда, это значит милостыньку просют, надо подавать.

?: Вам не снились такие сны?

[ЕЛА] Как не просют – просют, просют милостыньку-то: то скажут есть нечего, то носить нечего. Мне мама-то один раз приснилась, идёт. На ней… не в чулках, а вот носки: «Ой, мне ноги-то как натекают – носки!». И калоши меленьки, а не глубоки. Говорю: «Мама, ты что это в носках, а не в чулках?» – «Дочка, у меня нету: они все износились!».

[МЕМ] Да! Не связала, не подала.

[ЕЛА] И калоши. Нет [отвечает *МЕМ*], бумажны надо…

[МЕМ] А-а[13]…

[ЕЛА] Я купила калоши глубоки и чулки – и тёте Даше Карасёвой покойной. Да я то и дело подаю: я теперь не ношу чулки, я отдаю всё вот. Просют. Всё говорят[14]: там нет ничаво да нет там. (*ЕЛА*, *МЕМ*)

[Приснился умерший муж односельчанки: попросил во сне починить развалившиеся тапочки; толкование-комментарий собеседницы-односельчанки: «Никто ничё на подаёт!»]

[МЕМ] Фёдор мне Тамаркин Фёдор-то приснился, я…

[ЕЛА] Помянать-то некому…

[МЕМ] У меня будто пропали овцы на бугры, вон бугры-то у нас, горы-то…

[ЕЛА] Стадо пасут.

[МЕМ] И он будто бяжит: «Лизка, Лизк, погоди бяжать-то, ты далёко ли?». Я говорю: «Да вон у меня овцы». – «Они никуды не денутся. Айда-ка я к тебе!» – «Зачем, мол, ты ко мне?». Он, значит, скидат этот тапочек, у няво подошва вся оторвалась. А я говорю: «Ба! Вот, мол, только одевали на тебя, а у тебя уж всё это развалилось!» – да-да-да. Он прибёг и говорит: «Эх, я на печке, на печке погреюсь да уж и уйду, да уж и уйду. На печке погреюсь да уж и уйду! – вот так. – А вы давай тапочки, тапочки вот давай!».

[ЕЛА] Никто ничё на подаёт! (*МЕМ*, *ЕЛА*)

[Когда хоронили, не смогли надеть тапочки на ногу умершей; снится, будто покойница хромает; после сна подала тапочки]

[ЕЛА] Вот тапочки-ти, ну как же мне Зина-то Карасёва приснилась, я тебе гово… Я купила тогда большие тапочки, – сестра-то моя двоюродна. И вот её клали, вот у неё ноги-то отёкшие были, один-то тапочек одели, а один никак прям.

[МЕМ] Не лезет.

[ЕЛА] Вот только до пятки и всё. Уж были тапочки, надо было купить да надеть на неё большие тапочки. Я тут плакала и не до этого. И вот снится. Я говорю… У двора будто эдак идёт, одна-то нога это [нормально], а это эдак идёт на пятку-ту…

[МЕМ] Хромает.

[ЕЛА] «Зин, да ты что?». Она говорит: «Чай, ты видишь: какая у меня нога-то натёкша!».

---

[13] Т.е.: «Вот оно как!».

[14] Т.е.: «А некоторые говорят».

[МЕМ] Да!

[ЕЛА] «А тапочка-то не лезет, мне ходить-то нельзя!». Я [после сна] сказала ребятишкам, сыновьям. Ну сказала – и ладно: они и не подали. Пошла в магазин, купила тапочки большие и – бабе Нюре. Сказала: «Баба Нюр, носи, на шерстяной носок носи эти тапочки вот». Просют. Значит, чё-то есть.

?: Как тот свет получается?

[ЕЛА] Как же, есть. (*ЕЛА*, *МЕМ*)

[Не подали после смерти курочку (по обычаю); снится сон: умершая ловит кур на улице, они улетают от нее; в реальности после сна тайно загнали в огород к односельчанке курицу и положили две жердочки]

[ЕЛА] Жёрдочку подают, это чтоб огненну реку проходить, подают дощечки, жёрдочку. Вот баушка Кормишина – вот курочку подавать. Теперь дорогие – не подают, но я вот всё равно подавала. Может, говорят, петуха или там кого… Вот бабушка Кормишина умерла. Я расскажу щас. А чё как – Петрович пил и пил, покойный.

[МЕМ] Без конца…

[ЕЛА] Больно жалко им жён-те!.. Ну и курочку не подали [после смерти]. И мне снится: я у баушки Глуховой у Катюши моюсь в бане, с Танькой Глуховой моюсь в бане (ещё она жива, Танька-то была). Моемся, и вот это – баушка Кормишина идёт: «Моетесь?» – вот у неё был платок под булавочку. И манарка суконна (суконны-те, бывало, манарки). «Моемся, мол». Ма-а, а я Таньке говорю: «Ведь она умерла ведь!». Мы перепугались, и я будто скорей-скорей-скорей, раз и ухожу. И-и! [с придыханием, выражение ужаса].

И она пошла будто на проулок (вот Шишин проулок), прям поворотом наскосок. И вот в проулке кур! Ма-а!! Полно бегают – петухи и куры. Она будто бы: эту схватит – улетела, эту схватит – улетела, она за другой бросатся – улетела.

[МЕМ] Это не твое[jэ], не её…

[ЕЛА] Она всё хватат…

[МЕМ] Ей не подали: кур-то много бегает, а ей не́ дали…

[ЕЛА] Да. Всё хватат, а они в зобню-те опять улетели. Я говорю [после сна]: «Как… Курочку, мол, не подали?». Она говорит: «Лидка, нету». Я говорю: «Давай, мол, пойма[е]м и Саньке Карякиной (она же жила рядом, где Зубовы-те, старый дом) и ей отнесём. И давай, мол, жёрдочку». Вот. Мы взяли, значит, эту жёрдочку, и ей две жёрдочки отнесли, кинули на забор туды. Не загорожено было, на забор туды –

и курочку. Она утром встаёт и говорит: «А-а-а! Ма-а! Мне Христос, Господь – курочку, курочку, кто-то подал! И две жёрдочки», – мы уж ничего не сказали. Вот надо подавать-то. А щас вот дорого: куры-то не подают, ну не обедняют…

[МЕМ] Не-ет…

[ЕЛА] Ты видишь, не подают: для души, для души своей курицу, – пусть она сто двадцать [рублей], пускай…

[МЕМ] Как яво и понясут, у нас вот как, у них вон маленько нясли. А мы уж там по[й]мали и…

[ЕЛА] Ну пускай сто сорок рублей, но для души надо… Вот так вот я нисколь, Господи, не вру, прям вот тебе говорю: бабушка Кормишина, прошло скоко – може, по́лгода, може, боле, а и вот, значит, она куриц-то и ловит…

[МЕМ] Обязательно.

[ЕЛА] Моюсь, слышь, моюсь, и я за ней на́верьхом, она прям по городам [огородам] в проулок, а куриц полно, не только петухи – и куры, а они их цопает…

[МЕМ] Это не её, это чужие…

[ЕЛА] Этих схватит, а они не поддаются.

[МЕМ] Да… (*ЕЛА*, *МЕМ*)

[В Белоруссии умерла старушка; во время похорон ей пришлось подвязывать подбородок; забыли развязать – так и скоронили; во сне она просит воды и жалуется, что не может пить; раскапывали и развязывали]

– Вот у меня это – сястра в Белоруссии живёт. Ну я уж давно ездила к ней туда в гости. И там, значит, умярла старушка. И к нам эта… тёща пришла братнина, грит: «Айда, сноха, коронить старушку». Ну мы, значит, пришли скорей коронить её, а у ней рот завязан вот так вота [показывает: подвязана нижняя челюсть]. Ну и скоронили её так. Я домой пришла, грю: «Свах, а чёй-то рот-то у неё, мол, завязанный? У вас, мол, мода, что ль, такая тама?» – «Батюшки, батюшки! Ты что там, мол, не сказала? Просто он у ней не закрывался: уже старенькая, ей и привязали, чтобы сомкнулся». Я грю: «Ну у вас столько своих тама, я человек уж приезжий, не знаю».

И вот ночью снится дочери сон… и это: «Доченька, подай мне водички!» – ну я ж там вот жила эти дни-то. Она подала, [та] грит: «Как пить-то буду? У меня рот-то завязанный», – говрит. Отрывали и развязывали.

?: Отрывали?

– Раскапывали, да. И рот развязывали. Вот это не больно давно. (*СЕМ*)

[Умерший дед жалуется, что у него носки разорвались; в реальности сновидица подала носки]

– У меня вот дедушка приснился, тоже я скоронила, вот год доходит, – вперёд внучка. Приснился вот: треплет вот так вот ногой. А один носок хороший, а другой-то весь худой! Грит: «Вот, бабушка, всё, грит, у меня есть, всё есть, а вот носки разорвались. Вот я не успел, грит, купить, купи ты мне носки-то! Видишь, грит, какие у меня, какой худой!». Вот, это приснился. Да. А так хорошо, вот ногой вот этой вот шевелит. Одна-то лапа-то хороша, а другая-то худая. Он просит носки: «Всё, грит, у меня есть, всё купил, а это, грит, я не успел!».

?: Подавали вы?

– Да, да. Как же? Обязательно надо. Вот. Это вот было. Не то что от кого-то слышала – это вот со мной было. Такие вот дела. (*ЕЛА*)

[Женщина схоронила сына, подавала ребятишкам конфетки; он ей снится и просит есть; в реальности сделала поминки]

– Один раз приснился одной, она скоронила мальчишка [sic] и подавала всё время конфетки. Увидит ребятишек – конфетки подаёт. А он ей снится: «Мамк, ты что мне подаёшь конфетков-то? Я есть хочу!». Вот он ей приснился. Она: «Ба!» – давай поминки. (*ЖЛЯ*)

[На поминках «отстранили» детей; во сне укоряют за это]

– И поминки, один раз приснились, – поминки. Детей отстранили, начали больших поминать [в реальности]. А ей сон и приснился, там ей и говорят: «Ангелов, – говрит, – отодвинула, а больших помянула». Вот. Видятся, видятся сны. Говорят, что-то там есть… (*ЖЛЯ*)

[Женщина сделала аборт, другой приснилось: она в котле кипит за этот грех] (близость к видениям)

– У нас женщина то[г]да, у ней было пятеро детей, она сделала аборт. А другой женщине приснилась она. «Она, – грит, – в котле кипит за этот грех-то». Вот чего, сынок. Верно, не верно ли это, кто яво знат. Вот она, грит, за этот грех в котле, грит, кипит. (*ЖЛЯ*)

[Бабушку с дедушкой похоронили отдельно, и одной приснилось: он её разыскивает]

[внучка информантки:] Нянь, а бабушку с дедушкой у нас похоронили порозь, и одной приснилось то, что…

– Да, одной приснилось: «Он, – грит, – её разыскиват. Куды, грит, они её дели, что-то Симку я не вижу, не найду, грит, никак?», – как навроде того он ищет её, а мы её порозь положили, тама с матерью со своей. Он порозь лежит, и вот он, говрит, разыскиват. (*ЖЛЯ*)

[Снится умершая внучка, стоящая в реке и зовущая информантку, толкование: потому что в реальности плачет по ней]

– Я видала ещё её [умершую внучку] во сне, – у нас вот Сура есть, – большая речка. Подошла как будто я, – а Сура-то большая, и стою, – там пристань, а я думаю: «Сюды, может, ходить нельзя, сколько воды-те!», – а она [внучка] стоит и говорит: «Ты, – говорит, – подойди-ка, подойди-ка ко мне!». А я думаю: «Ну как я подойду, я ж, мол, боюсь воды!». Думаю: «Нет, все равно пойду!» – мне охота к ней пойти. Подхожу к ней, а подо мной воды нет!

?: Идете словно по-сухому, по земле?

– Да. Она вот по сих пор стоит в воде [показывает на колени]

[односельчанка, собеседница] – В слезах, постоянно, плачет!

– Подошла к ней, она и говорит: «Вот пощупай-ка, пощупай вот это место, больше уже, – говорит, – некуды!..». А у ней там [на ногах] как рубец: вот стоит вода-та, настаивается, – и вот это место прям как будто… Я вот как просну-у-сь, аж напугалась. «Я ведь её (сама себе говорю), я ведь её в слязах утопила!». (*ЯМС*)

[Умершая женщина сообщает, что ей не хватает воды, толкование: отец умершей не давал брать из колодца воды]

– Одна женщина умерла, и она настолько меня в этой деревне мучает, гоняет: «Пойдем со мной, пойдем со мной!..» – я не хочу с ней никак идти, и тем не менее – сколько бы я ни бегала – от нее не могу отделаться. Я вынуждена с ней разговаривать, – я говорю: «Расскажи, как вы там живете?». Она говорит: «Хорошо, очень хорошо: всё у нас есть, там как продолжение жизни… существует». – «Работаете?» – «Да, каждый занят своим делом, своим трудом». Конкретно я уже не стала спрашивать. Теперь, значит, ей говорю: «Ну кормят вас нормально?» – ну у нее оставались еще родители, она вперёд матери умерла. – «Все нормально, мне не хватает только воды», – «не нам», а «мне», – а у нее отец не пускал людей в колодец воду брать… (*КЗИ*)

[Видит во сне трагически погибшего племянника; он просит сновидицу сказать его родственникам, чтобы помолились за него; толкование: не успел перед смертью исповедаться]

– Вот недавно, год назад, умер очень близкий мой знакомый. Сначала умер его племянник, – трагически. После похорон является мне его сын, у кого мы ночевали, значит – хозяйский сын, и мальчик, который погиб. А его, второго, – он часто приезжал к нам сюда, его вижу здесь, – у нас в деревне на том месте, где баки были, стоят на коленях – его брат (он в живых, – двое погибших и брат живой), мы с племянником [подошли] ближе, он говорит: «Скажи моим родственникам, чтобы помолились за меня!» – он погиб трагически, – сгорел. Каждый человек должен исповедаться перед смертью, а он, видно, не успел, – вот и просит, чтоб его грехи отмолили. (*КЗИ*)

[Во сне девушка в белом просит, чтобы сновидица передала родственникам, что она хочет винограда, называет незнакомый номер телефона; в реальности рассказчица звонит по названному телефону и встречается с матерью умершей девушки; выясняется, что сновидица была приглашена на ту свадьбу, где погибла приснившаяся девушка]

– Я приезжаю сюда [в с. Поселки], – а там была приглашена на свадьбу, – возвращаюсь домой и спрашиваю: «Как прошла свадьба?» – и мне говорят: «Марита погибла, похоронили ее… Как не бита сама?!» – и тут у мужа умирает бабушка, и ходили дежурили к ней.

И снится мне сон: девушка в белом стоит в углу землянки; я говорю: «Ты здесь живешь?». Она говорит: «Нет, сейчас сюда придет жить бабушка», – что, какая – не сказала…

Я, значит, к ней подхожу, а она говорит: «Я так винограда [хочу]!» – и виноград сорвала там женщина с ребенком. Я ей говорю: «Не огорчайся, я сейчас куплю тебе арбуз», – побежала быстрей покупать ей арбуз [во сне]: один лоток, другой… В одном много арбузов, но большая очередь, там меньше арбузов, а я спешу. «Я, – [говорю] значит, не купила сейчас арбуз, но я все равно тебе его передам!» – а она говорит: «Позвони моей маме и скажи, чтобы она мне вот с этой бабушкой передала виноград». Я говорю: «Я же не знаю номера вашего телефона!». Она мне его говорит, я его запоминаю, запоминаю ясно, точно. И знаете, просыпаюсь, и такое ощущение неприятное – дрожь по мне прошла, посмотрела: три часа.

Одним словом, прихожу: бабушка уже лежит впереди, обмыли. Я говорю: «Во сколько она умерла?» – «В три часа» – пришла домой

и соседке говорю: «Вот такой сон», – а она боговерущая и говорит: «Позвони…». Вечером приходит: «Ну, звонила?» – «Нет!» – «Ну, позвони!». Я набираю трубку, берет мальчик трубку, детсадовского возраста, я говорю: «У вас есть сестренка?». Он мне сразу говорит: «А она умерла!» – и кладет трубку. Я: «Алло, алло!» – звоню, берет его мать, я говорю: «Женщина, послушайте меня внимательно: мне приснился сон и довольно-таки странный. У вас есть девушка лет двадцати?» – «Она умерла!» – и зарыдала в трубку. Я говорю: «Успокойтесь и прослушайте мой сон: вот девушка просила, она говорит [просит виноград], я не знаю, мы же раздаем, а они были мусульманской веры, и каждый четверг они раздавали, – в общем, похороны прошли, этот инцидент забылся…

Прошло недели две, мне снова снится эта девушка и говорит: «Обещала позвонить и позвонили, а передать-то – не передали!» – у меня мурашки по коже, я набираю номер: 2–81–25, – я помню до сих пор, разговариваю опять с мальчиком: «Мамы нет, она на работе» – «Где ваша мама работает?» – «В отделе народного образования», – я набираю, говорю: «Соедините с женщиной, у которой умерла дочка», – она мне говорит: «Женщина, вы что меня шокируете?!». Я говорю: «Я не знаю, может, мне сходить в церковь, подать?». Она мне говорит: «Давайте с вами встретимся!». Я говорю: «Пожалуйста, приходите ко мне». И что вы думаете? Пришла после работы домой, – звонок, открываю дверь и смотрю: стоит моя знакомая, во всем черном. Вы знаете, я опешила: «Тамара, что случилось? В чем дело?» – «Зоя Ивановна [обращается к информантке], это вы мне звонили?» – «Я!»

Мы по телефону, я им не звонила: им недавно поставили номер, – я не знала, к кому была приглашена на свадьбу, – вот дочка погибла ихняя, это была Маритина мать. (*КЗИ*)

[На Прощеный день пришел умерший муж с девочкой; покойники не смогли перейти через порог, так как там над дверью – чертогон; в реальности делала аборт – поэтому приснилась девочка]

?: Говорят, по покойнику нельзя долго плакать?

– Плакать будешь, он придет.

?: А что он может сделать?

– Да влезет в окно лукавый. Мне сон приснился, я и то испугалась.

?: Какой?

– Да вот накануне Прощёного дня на Масленицу, прощаются когда… Ну это – то́ркуются [во сне]: «Кто, мол, там?» – «Я, вишь, или

не узнаёшь?» – мой [умерший] муж отвечает. Я говорю: «Мне тебя не надо – иди!» – «Ну, открой, чай, – жалко, что ли, тебе?».

Открыла – он стоит с девчонкой, – да, небольшая такая… «Ну я ведь прощаться пришел». – «Ну, мол, вот – прощайся, – ну, мол, заходи, раз открыл, чё ж не идешь?» – «К тебе, – говорит, – не перелезть: порог-то».

?: Что это значит?

– Потому что у меня там чертогон, – с молитвой запираюсь…

?: У вас над дверью? Поэтому?

– Да, потому не перешел… Тут уж я проснулась…

?: Девчонка – знакомая?

– Аборт я делала один – вот она… Боязно: чай, мужик мертвый приснился. (*МАН*)

[В голодный год не помянули умершего сына: снится истощавший сын, везущий на салазках через овраг дрова; после сна – поминают, он снится и благодарит]

– У нас история была у соседа. Тогда голодный год был, – умер сын соседа. Ни жена не помянула, ни мать не помянула.

Его матери снится сон: вот овраг большой, большой, [сын] везёт на салазках дров, тощóй, тощой. Она говорит: «Ба, Петь, не знай, вас не кормят? Почему такой тощой?» – «Кормят, – говорит, – мам, да не всех: как я здесь, мне еще никто куска не подал». Тут старушки [после сна] и говорят ей: «Повари картошки, капусты – помяни, – тогда лебеда была, – испеки». Она так собрала, и ей снится: «Вот тяперича, мам, спасибо, накормила». (*ФРН*)

[Снится незнакомый мальчик, который просит сказать его матери, чтобы не поминала деньгами и печеньями, – дает во сне адрес, – сновидица находит мать и передает просьбу]

– Женщина рассказывает: «Прихожу с фабрики на обед домой, есть не хочу, а умираю спать хочу», – и является [снится] ей мальчик семи-восьми лет, говорит: «Сходи к маме, пусть денежки не присылает мне, на денежки я здесь ничего не куплю, и щепки не присылает: я их не хочу!» – (щепки – это печенья). Она говорит: «А я маму твою не знаю», – а он говорит: «Я тебе адрес дам», – и дал.

«Прихожу на работу, мне говорят: “Езжай!” – поехала, подъезжаю: дом, подхожу, позвонила, – зашла. Сидит, говорит, женщина, – учительница, проверяет тетради. «Я, – говорит, – не сообразила, надо

хорошо [т.е. «надо было бы сказать более мягко»], а я сразу: “У вас умер мальчик?”. А она: “Ты что больно интересуешься?”».

Потом, говорит, очнулась и говорит: «Вот такой сон, – приходил». Она говорит: «Да, я первые помины помянула, а после ни одни помины не делала. Просто я раздавала пацанам деньгами, и печенье возьму раздам». Поэтому он говорит: «Мне за деньги ничего не дадут здесь, и печенья мне надоели!». Она говорит: «Батюшки, спасибо, я завтра же сделаю – стол соберу». (*ФРН*)

[В реальности информант участвовал в сносе церкви; снится Николай Угодник, который показывает ад и говорит сновидцу, что тот попадет туда, если снова пойдет церковь «ломать»] (близость к видениям)

– Я и в аду был, ад увидел, я и в раю был.

?: Расскажите?

– Вот да, – ад… Это в пятидесятом году мы пошли ломать церкву в Бѐликове [в реальности], – вот село есть Беликово, – мужики собрались, вот в воскресенье ходили, ломали – отец, я, ну еще много мужиков. Ну вечером пришли, мне – сон. Подходит Николай Угодник, старичок белый, с бородой, с палочкой. Вот так хлопат [меня] по плечу: «Не ходи, – говорит, – больше церкву-то ломать, – а у меня мать всё время в церкву походила, – не ходи больше церкву-то ломать», – вот так вот хлопает и всё. Похлопал и говорит: «Вот где будешь!».

Вот между этими вот домами завел на чердак, открыл люк квадратный, – метр на метр, – открыл и говорит: «Вот где будешь, если церкву еще пойдешь ломать», – ну вот там пропасть, темнота-темнота. Вот это вот сосед у нас умер, Михаил, – вот лежит длинная жердь, длинная жердь, длинная жердь лежит, и кружится, веревки, колесо страшное, большое и вертится: тр-рнь… тр-рнь… тр-рнь. Вот трещит, вот он кружится и трещит, и этот Михаил стоит со свечкой в руках. И, значит, он – в аду. И мне этот дедушка, Николай Угодник, говорит: «Вот ты будешь в аду» – вот это ад. (*ТВВ*)

[Внучке снится умерший отец, сообщает, что его не принимают на том свете до девяти дней; говорит, что будет жить с женщиной, у которой ничего нет, так как эту женщину похоронили в венчальном платье; после сна – поминали]

– Ну у меня, конечно, внучке приснился вот [сын рассказчицы], который последний-то помер [т.е. приснился умерший отец – для сновидицы и сын – для информантки]. Ей сон приснился, он ей всё рас-

сказал. Яво сюды не привезли – он помер в Горькем – оне в Горькем живут, конечно… и семья. Ну внучка щас здесь одна-то… Вот одной внучке приснился это мой сын Витя. Да, отец Верин приснился. Всё рассказал он. Как яво там не принимали до девять дней. Вот. «А потом, грит, я иду, грит, идут, грит, народ там. Полно, грит, идут, идут. Я, грит, стоял, стоял и вот…», – он рассказыват моей внучке.

?: Это он как на том свете?

– Да-да, ну он… похоронили яво. «И меня, грит, там не принимали. Вот, грит, идут народ, говорит, идут толпа. Я, грит, стоял, стоял – и за ними, грит, пошел. Иду, грит, и сам не знаю, куда… И попада[е]тся, грит, мне женщина, попадатся женщина», – и в этот день хоронили тоже женщину. А каку женщину? Молоду ли, стару ли, – мы не знам. Попадатся ему женщина, вот. Женщина го́ла, то[ль]ко в лифчике, лифчик весь какой-то изорванный, и трусики изорваны. И я, грит, её, – и он грит, говорит, – я, грит, с этой, грит, буду женщиной жить. У ей, грит, нет ничаво, а у меня, грит, всяво полно, говорит, вот, а у ей ничаво нет. А она что, грит, я её, грит, спрашиваю: «А, мол, что гола?». А она грит: «Меня похоронили в венчальном платье. А в венчальном, грит, платье, грит, не кладут – с меня, грит, сорвали. Вот, грит, я и гола. Вот».

И вот рассказывал: «Я, грит, всё видел: как помер я, как мамка моя плакала, все родные мои… плакали», – вот всё он рассказал… Ну она племянницей доводится яму, маму [моему] сыну-то. И всё она яму, он ей всё, да, всё он ей рассказал. «И всё будто, бабка, у тебя делалось, грит, в дому в моем». Вот… Он так и в Горькем. Его и похоронили в Горькем. Яво сюда не привезли, – там семья, он жил там. И там у мя еще две дочери живут.

?: Что он еще про тот свет рассказывал?

– Вот до девять дней, грит, не пускали, потом, мне, грит, скучно, мне, грит, семечков надо. Да, грит, всё на столе было, грит, только чёрных грибов [нет]. А он охотник, вот оне… вот он как приезжает – все грибы яво, рыбаловничать он любил очень. С ранней поры соскочет и рыбу принесет, и грибов принесет, а щас у меня ничаво нет, и яво не стало… Вот так вот… [плачет]. А потом оне, грит, с бабой-то пошли, грит, мимо тебя, грит, тваво дома с этой, грит, женщиной. Так, грит, пошли и пошли.

?: Поминали его?

– И семечек мы яму покупали и носили на кладбище, и грибов яму носили черных. «У мя, грит, всё на столе есть, только черных грибов нет». А он ведь там натаскат и здесь полно натаскат [при жизни], бывало насолим… (*ЖАС*)

[Подала за умершего деньгами, покойник снится и говорит: «Мне вина-то не дают, а деньги-те мне на что?»]

– Вот у на… у меня отец, значит, какое дело: пошла я на Троицу. Ну я не верю, конечно, вот… не верю, вот – ну приснилось, ну приснилось. Вот. Пошла я, значит, на Троицу. Там всё бутылочки носют, а у меня Саша-то… У няво отец с матерью-то в Араповку. Он говорит: «Я нынче пойду к своим родителям». Он ушел к своим родителям… Ну и зачем я бутылку понясу кому-то… я лучше понясу денег. Вот там положу, там поют ведь на кладбище. «Вот денег я отдам…» – я думаю. Ну и всё, и помянула, да вот пирогов, конфеточку положу там на кладбище… Туда-сюда…

Ну я сходила, наверно, прошло с неделю. Снится мне сон: сидит дедушка на печке (у нас печки ведь), сидит на печке, и у няво полно денег. Я грю [говорю]: «Ма-а… – а раньше тятьками звали ведь. – Тятьк, – говорю, – это что у тя за деньги? Ты откуда, мол, их взял?» А он говорит: «С книжки снял». Я говорю: «А зачем, мол, ты снял с книжки-то? Батюшки, батюшки, с книжки снял. Как это ты выдумал?» – «А чаво? Я хочу, – грит, – их пропить. Мне вина-то не дают, а деньги-те мне что? – грит. – На что, – грит, – они мне деньги-то?». А подавала деньги, а люди-то поминали вином.

И вот всё говорят: «Вот ходют поминать – зачем вино берут?». А вот мне и приснилось… Вот так вот… Вот я и не верю, не верю, а вот сон-то приснился, – как чаво… Я тут-то, вот этот сон-то, – это я поверила. Значит, не надо мне было там эти десятки-те да двадцатки-те подавать-ти, а мне надо было с бутылкой идти, вот мужикам разнести бы… Вот. И он бы с деньгами-те не сидел, а он хочет вина купить, а вина-то нет, а деньги-те он держит в руках. (*ЕАЯ*)

[Покойник просит во сне поясок; другой покойнице положили в гроб со словами: «Передай моему сыну такому-то Владимиру, вот там мужу, передай вот этот ремень»]

– Вот недавно у нас в Сурске взрыв, слышали, – был вот на днях вот. Вот седьмого ию… да, на Ивана Купала был взрыв. Шестого был взрыв вечером. А седьмого уж он умер. Мы ездили хоронить. Только схоронили, через два дня он приснился его брата жене и говорит: «Лид, дай мне что-нибудь, поясок какой-нибудь! У меня это, – подтянуть живот».

Ну а я спросила, я грю: «А вы яму ремень-то положили?» – «Нет». Вот, он, видишь, просит ремень, а мужчине обязательно нужно ремень в брюки – а они не вздели ремень. Вот он просил ремень.

?: И как его отдать?

– Его отдать? Можно. Вот там вот вскоре, яво скоронили, на другой день иль на третий одну женщину машина сбила, вот. Я… вот у меня дочь, я ей сказала (они подруги, с той, у которой муж-то [умер]): «Вот ты позвони Лиде и скажи, чтоб купили ремень и отнясли вот к этой покойнице. Положили в ноги в гроб и сказали: “Передай мо[е]му сыну такому-то Владимиру, вот там мужу, передай вот этот ремень”». Вот так. Или кому-то подать надо. (*АЕП*)

[Умершая подруга просит во сне у своей дочери тапочки, так как похоронили в старых тапочках; советует похоронить их с другим покойником, чтобы передал]

– Просют покойники. Вот подруга у меня: три года ей доходит, как померла, тут жила. Она у дочери просила тапочки. Её положил сын в тапочках, в которых она ходила (пятки смяты, там вымыли, выправили, надели на неё), потом она приснилась, говорит: «Зой, купи мне тапки. Мне плохо в этих ходить: они всё время у меня слятают с ног». Вот она мне грит: «Чаво делать мне, тёть Кать?».

Я говорю: «Чё делать, – купи тапочки, подай кому-нибудь и скажи: “Вот поминайте мою маму, Марию, пусть носит”», – вот такие дела. (*АЕП*)

[Женщина в реальности задремала на могиле; во сне умерший просит ее уйти; в реальности подходят его родители, затем вместе поминают покойника]

– Женщина одна мне рассказывала: ехала она на могилу материну, ходила да задремала на чьей-то могиле. И вот видит: подходит парень в сером костюме, черноволосый, взял её за руку: «Отойди отсюда, ко мне прийти должны!». Она расплакалась, а он: «Не плачь, мокрый я от этого».

Вот очнулась она, хотела пойти, а тут подходит пара на могилу эту. Ну она объяснила, что могилу матери ищет. «А мы, – говорят, – к сыну пришли, сын молодой». Женщина спрашивает: «Костюм – серый, чуб чёрный?» – «Да», – говорят они.

Ну она рассказала им всё, сели они, помянули все вместе. (*АНИ*)

[Умершая мать говорит: «Ты меня проводи!»; сновидица пошла её провожать на кладбище; сообщает, что умершего мальчика односельчанки не поминают]

– Иной раз она [умершая мать] пришла – мне уходить надо, а потом она мне говорит: «Ты меня проводи!». Я пошла её провожать на кладбище. На кладбище пришли, я её спрашиваю: «Как ты отсюда выходишь?». Она говорит: «Меня отпускают». – «Ты мне хоть расскажи чего!» – «Нет, я тебе не скажу ничего! Ты скажи только Мане Кострюковой: её сын ходит в очередь за хлебом, и ему не дают…», – а потом, когда стали с ней расставаться, было светло-светло. Она говорит: «Мне пора, иди домой», – и она у меня ушла. А во вторник ей была память…

А у этой Мани Кострюковой был мальчик, она помолоду похоронила, она забыла про него, не поминает… Вот для чего нужно это поминовенье... (*МЗИ*)

[Умершая мать жалуется во сне: «Всё сыро, течёт и течёт»; односельчанка после сна говорит: «Перестаньте плакать о матери, ей сыро…»]

– Я вот очень верю снам. Вот у нас, когда мама умерла, мы очень тосковали, всё время плакала-плакали. И однажды я вижу сон: она пришла, мы обедаем. Мы: «Мам, садись обедать». Она говорит: «Да некогда, надо вытереть, всё одна да вот… всё сыро, течёт и течёт, течёт и течёт». Ну и когда мы, вот я утром-то встала и стала рассказывать этот сон тут одной женщине, говрит: «Перестаньте плакать о матери, ей сыро…». (*МЗИ*)

[Умерший сын снится знакомой и просит передать матери, чтобы она не плакала]

– Вот плачу, плачу… Вот чужим людям приходит, приснится: «Идите, скажите маме, чтобы не плакала: мне здесь плохо, когда она плачет…». Вот сколько приходили, так и так – сон, мол, мне приснился. Один раз в Барыше – совершенно чужая женщина (ну Таню-то она знает, а Серёжу не знает). И как будто ей приснился Серёжа, – приходит, и [она ему] говорит: «Я тебя что-то не узнаю…» – «Ты Таню, сестру мою, знаешь». Она говорит: «Как же – знаю!» – «Ты вот скажи ей, чтобы она не плакала обо мне, мне больно плохо». – «Ты сам сходи». – «А меня, – говорит, – Бог не пускат!». Она, Таня-то, приезжат, говорит: «Мам, не плачь ты, вот чужим людям снится». Я говорю: «Пожалуй, – не плачь!..». (*КЛИ*)

[Во время похорон надели штаны (трусы), что расценивается как грех; умершая приснилась родственнице и просит убрать их]

[УЗИ] Это как во сне снится: это вот её сестра [показывает на мать] была, тоже восемьдесят с чем-то лет было, ну и она рассказывала. Она богомольна, она и в церкви: «Раньше, – грит, – я на крыльях [клиросе] стояла». Одной вот у нас (она рассказывала), её… [обращается к матери] Как к ней золовка приходила, мам?.. Бабушке Верке-то?

[УМФ] Нет, не золовка. Лидкин отец и её отец – братья были…

[УЗИ] Ну как же: золовка, тётья Вера-то, ей приходил, Дунешке-те?..

[УМФ] Я не помню.

[УЗИ] Вот. Она замуж не выходила, жила, детей не было у ней. А когда умерла она, ей бабушка Верка и говорит (обмыли её): «Надявай ей трусы». А я, грит, им говорю: «Не надявайте! На девушку, грит, грех надявать штаны. Кладите её как обычно: рубашку, платье, чулки, а штаны ей не надявайте», – раньше с резинками.

[УМФ] Раньше сроду не надявали штанов.

[УЗИ] Да. Меня, грит, не послушали – надели. И она, грит, сколько прошло, она пришла, грит мне: «Зинк, я сон видала какой!» – «Какой?» – «Дунюшку во сне видала: лежит в гробу, а я, грит, к ней подошла. Она и говорит, грит, мне: “Нянь, возьми, пожалуйста, – у ней, грит, штаны, Зинка, в этих в ногах лежат, – возьми, пожалуйста, как они мне мешают-то!”». Я как говорила: «Женщину нельзя класть в этой вещи, они положили». Вот она весь век будет таперь, грит, там мучиться, мешать будут. (*УЗИ, УМФ*)

[Умершая просит, чтобы муж прислал ей паспорт; растолковали, что просит принести отпетую землю; принесли на могилу отпетую землю]

– Она [односельчанка] жила всё одна, она замуж не выходила, потом у мужика-то умерла жена. Ну и вот он её, он, по-видимому, с ней в девках встречался, родители яму не велели её брать: «Ну она, мол, бѣдна, да она ростом небольшая, ты сам, мол, вон какой, она не по тебе, не бери её».

Когда жана-то умерла, он её взял, она два года пожила с нём, а приехали яво дети, две дочери, ну сидели, пообедали, стали, грит, обедать, пообедали тут, посидели. А дочери-те и говорят: «А мы, грит, пойдём в магазин сходим, пройдём по сялу, до магазина дойдём». А у них две избы, он сам-то лёг в задней избе, а она, грит, в переднюю избу зашла, лягла на диван в передней избе. Дочери-то пришли, он встал, а они спрашивают: «А где Клавдия-то?» – «Ещё она, грит, лежит», – подошли – она мёртва. А пообедали все вместе, ничаво и не говорила, что, мол, я хвораю.

Ну и вот – надо в церкву отпявать. Её и видят во сне: «Скажите, грит, пожалуйста, Лёшке-те, что он мне паспорт-то не пришлёт? Меня ведь нигде не принимают! Я ведь без паспорта». Яму говорят: «Лёшк, ведь она, Клавдия-то, не отпета! Видишь, она что у тебя просит, – мол, паспорт. Ведь она тебя просит отпявать!» – «А куды, – грит, – я пойду?!». Потом уж тут соседка её отпела, носили землю туда, и он, говрит, носил, ходил туда же. Подошёл, грит, к могиле, грит: «Ну, Клавдия, прости меня Христа ради, ведь я не знал, я не знал! Вот я тебе таперь паспорт принёс». И поминки сделал. Вот говорим, вот… нельзя, видно!..

?: Паспорт принёс – это вот отпетую землю?

– Да, да. (*ГАМ, ЛМС*)

[Односельчанке приснился умерший сын, ходивший при жизни в очках, и попросил «прислать» их; положили очки в гроб умершему деду рассказчицы]

– Вот с моим дедом, он помер, а у одной (ну здешня она, живёт здеся) утонул сын, а он ходил в очках. А очки дома остались. Он ей приснился: «Мам, пришли!». Ну вот яво хоронили, подошли к нам: «Можно прислать?» – «Клади» – с боку положили.

?: Получается с другим покойником присылают?

– С другим покойником всё присылают: во сне приснится – посылают с другим. (*ТВМ*)

[Умершая мать укоряет сновидицу за то, что она приносила еду на кладбище – ее все равно вороны «тащат», а душа умершего бежит за ним и кричит: «Отдай»]

?: Что кладут на могилы? Полотенце на крест?

– Нет, у нас не кладут полотенце на крёст, а чё: тут же всё утащáт. На Паску приди, всего принесёшь – и пирогов там, и яичков, и конфет, печенья. Мы ещё не ушли, подходют, прям из рук бярут. Меня позапрошлый год так взорвало что-то, я говорю: «Дочь, я принясла родителям – папе, маме, дедушке, бабушке, брату, сестре. Вы что своих-то кур не держите? Я-то старуха сыщаюсь (?), а вы, молодые у вас родители, и ты ходишь без стыда, никого не боитесь, берёте».

?: Нельзя брать с кладбища?

– Ну как – мы разговаривали с попом. Он говорит: «По делу-ту надо это – сошлись сколько, там столы собрали, свои родные. Сели,

поели, попили там водички или там чаво. И – вот и помянули. Им большой помин». Одной женщине, грит, приснилась мать. Она говорит: «Что вы без толку нам таскаете? Мы ведь, грит, не получам ничаво. Эти вороны, грит, тащáт, и вороны тащáт, и живые-то тащáт. А мы, говрит, бегём, душа-то наша бегёт: "Отдай, это мне принесли!" – а мы, грит, не видим».

?: И вот когда так снится, надо ведь поминать?

– Да, надо вот. Мордва, они вот в Оськино у нас есть, они, грит, все столы выставили, они все садятся. Там сколько столов, вся родня сходится и едят, поминают.

?: Птичкам зерно не сыплют?

– Сыпят, – и пшенички сыпят, всё сыпят.

?: А зачем?

– Вот я не сыплю, а что не сыплю – приснился сон одной, говорит: «Все, грит, глаза мне выклевали вороны! Не сыпь, пожалуйста! Они, грит, мне все глаза мне выклевали». А мы как – мы не у ног, у крёста там посыпам, а во всю могилу большинство – над глазами. Вот так. (*КзАЕ*)

[Схоронили без савана, приснился сестре: «Все подходят к Спасителю, а я нет: мне закрыться нечем»; положили требуемое в гроб другому покойнику]

?: А для чего шьют саван?

– На Суд он [умерший] пойдёт и закроется в церкви саваном. На кладбище-ти закрываем, только оставляем носок.

?: А почему нос только оставляете?

– Ну полагается эдак… У нас схоронили одного без савана, и он приснился сестре: «Все, – говрит, – подходят к Спасителю, а я нет: мне закрыться нечем». И она с другой тётенькой послала яму. Так…

?: Другому покойнику в гроб положили саван?

– Да, в гроб. (*ТВМ*)

[На поминки не подали ложку и чашку, приснился умерший, сказал, что ему не из чего есть и пить]

[КЕН] У нас обычай такой: вот когда помрёт, ставят на поличку стакан с водой, и кусок хлеба лежит. А потом шесть недель пролежит – первый, кто приходит утром, дают тарелочку, кружечку, ложку. Кто вроде как там… чтобы из них питаться. Вот у нас такой обычай есть. И щас он у нас эдак же.

?: Это вот чтобы покойный там питался?

[КЕН] Да. Вишь, вот как говорят, вот кто-то видал сон: все обедают тама, а спрашивают: «А ты что не обедаешь?» – «Да у меня, – говрит, – ни ложки, ни чашки нету, ни кружки! Кто пообедают – дадут мне, не дадут ли». Вот с этого, наверно, и начали…

[ТРМ] Кому-нибудь, чай, приснилось…

[КЕН] Да. Вот этот у нас обычай есть. (*КЕН, ТРМ*)

[Снится умерший сын, говорит: «Всё хорошо, только нет колпака у меня» (ритуальная одежда, в которой хоронят); мать в реальности сшила колпак и положила в гроб с другим умершим]

– Вот кладут в гроб эдак же и там… Вот у нас один – Вали Гараниной сын помер, пьяница. И он ей приснился: «Всё, говрит, – хорошо, только этого нету – колпака у меня». Ну мужикам на плечи, а щас колпаки наде*ют* – шьют из белой материи с колпаками по сех вота [показывает]. Вот она шила и посылала. «Я, – говрит, – положу вота».

Ну с [умершим] племянником с моим с Мишкой она положила. Матрёна говорит: «Можно?» – «Можно, можно, клади!». Положила яму – и всё больше, говорит, не видится. (*ГЕН*)

[Умершую мать похоронили в лаптях; снилась до тех пор, пока не подала тапочки]

– Я маму положила в лаптях, да. Ну не надо ей тапочки, – вроде и старенькая. Вот вижу её босиком, вижу её босиком. До тех пор я босиком видала, пока тапочки не отдала. Я не в могилку отдала, а людям: женщина вот тут говорит: «Ой, спасибо!». А сейчас время-то какое лютое – зарплату не дают, она до сих пор их берегёт.

?: А почему вы маму в лаптях похоронили?

– Да ей надо так, ей так надо, она всё припасла сама. У нас прежде всё говорят: эти там липа-то расцветёт, вот ходите там.

?: Как липа расцветёт?

– Ну они липовы, из липы, вот вроде так надо.

?: И липа на том свете расцветёт?

– Да, расцветёт, и ей легче будет. (*ЗАМ*)

[Умершая односельчанка показывает сновидице, в каком доме она живет; запрещает сновидице смотреть вверх – там гнилые стропила; толкование: «На могиле был тын – вот он всё это подгнивает»]

– Потом мне снилась, вы знаете, прям такой сон был, вот не Лена [умершая дочь] снилась мне, а вот хозяйка вот этого вот дома. Это библиотекарь с нашей школы тоже. В общем, короче говоря, дом я вижу, как будто я там, на том свете, с ней, около неё, и она мне говорит: «Вот смотри-ка, где я живу!» – вот такой вот зелёненький дом, точно также, маленький, вот травы много. Я ещё ходила спрашивала, дочке звонила по этому поводу [другой дочери, в реальности], – трава кругом, деревья стоят. И грит: «Деревья-то ладно, ты посмотри, сколько грибов! – она грибница была, очень. – Вот сколько грибов! Смотри-ка: рыжиков, ваши любимые грибы. Только, – грит, – вверх не смотри!».

Я думаю: «Надо всё-таки вверх посмотреть, надо: почему вверх не смотреть?» – вдруг, ага, всё – посмотрела: у неё, значит, вот так стропила стоят [показывает рукой – под углом], а крыши нету. И я не знаю, я не умею растолковывать сны, я, значит, позвонила в Кемерово дочери. Она говорит: «Всё понятно: там [на могиле] был тын – вот он всё это подгнивает». Ну там, видно, знают, умеют – как балки. Вот, точно: там приезжали – там тын начал гнить, могилка оседает: крыши нет. (*ДСЗ*)

[Забыли вынуть вату покойнице изо рта, она снится: «Говорить не могу: чё-то вы наделали»]

– А ещё это самое… ну я не знаю, почему мне так, потому что, наверное, я хоронила четверых, на моих руках умерли. Ой, Хосподи… Забыли изо рта вытащить это… вату. Человек разлагается, вот тут когда вот это самое – инсульт, инфаркт, это летом, забыли у мамы вытащить вот кляп изо рта. Всё это заткнуто было, чтобы не текло. Ну и вот мне тоже так же[15] снится вот, одним словом: «Говорить не могу: чё-то вы наделали – не вытащили изо рта вроде кляп». А я не помню. Ну вот, ну мы, конечно, не разрывали, но я точно помню, что мы его не вытащили, но мне приснилось это во сне. Вот такие вещи бывают. (*ДСЗ*)

[В реальности раздала почти всю одежду умершей; забыла только про босоножки; снится сон: ищет дочь, ругается, обнаруживает ее койку; некто ее успокаивает и отдает босоножки и кофточку; в реальности после сна раздала оставшиеся вещи]

– А мне, например, приснилось то, что… в общем, у неё [умершей дочери] я все вещи отдала, у неё остались эти – босоножечки, и вот кое-чё тут остались вещи. Я и про них, – тут в сундучке, – забыла.

[15] «Так же» – потому, что до этого собиратель воспроизвел похожий по сюжету текст.

И мне снится сон, что я прихожу тоже и вот там ругаюсь со всеми богами, там кто там бог, там кто там: «Куда мою дочь дели?!». Вот койки все целы, а её койка – пустая. Она говрит[16]: «Вы не ругайтесь: вот всё, что от неё осталось, – и мне подаёт завёрнуто – босоножки и кофточка там. – Вот всё, что у меня осталось».

Вот я это отдала тоже [т.е. в реальности отдала оставшиеся вещи]. Такие бывают… Ну я уж человек, мне почему так снится, – потому что я очень эмоциональный человек, всё связано, что я очень эмоциональный человек, я – Овен, я очень эмоциональный человек, и мне это всё снится вот. Я, видимо, всё это перевариваю там своими мозгами, и мне снится, – не то что я кому-то там, не чьи-то там какие-то, а вот что я сама. Вот. И всё это собственно, – я не верю, но вот такое снится вот.

?: А вот эти вот кровати – они, получается, как на том свете?

– На том свете, да.

?: А где они вот находились, эти кровати?

– Вот вы знаете: там дом… Вот как мне снилось, когда я ходила в гости к Лене [дочери]: дом, значит, – всё кругом беленькое, чистенькое, всё такое, типа, знаете, больничной палаты. Так чисто, так бело́ всё кругом, вот коечки стоят, заправленные коечки, и на этих коечках вот лежат люди. Обычно… вот темно: вот улица, улица вроде, дома маленькие, и вот там темно, короче говоря, на улице темно, а тут – светло, полумрак такой. И вот прям не страшно нисколько.

И вот заходишь как будто бы туда, и вот разгов[ариваешь]… Люди такие же ходят как только все, знаете, какие-то высокие, молчаливые, лишнего слова не [скажут]… – вот такие, вот такие вот люди.

?: А как одеты они?

– Одеты в бел… в основном, вот знаете, какие, – вот как раньше были – медсестёр раньше показывали вот этих вот, вот типа так вот одетые [показывает руками: головной убор медсестер, напоминающий тот, который был у них в XIX–начале XX вв.], то есть белые халаты вот, ну как называют, – не так чепчики, а вот крест как это самое… щас подождите, щас скажу, как называют… общество-то есть «Красного креста», – вот типа тут эти сзади как вот сюда в эту сторону они одеты [показывает руками сзади головы, как крепится чепчик]. И ничё не страшно нисколечко даже, нет, не страшно, нет. И, знаете, какое ощущение, что как будто в гостях, – вот я, например, как будто в гостях была, не просто там, а я была в гостях, не где-то там. Не страшно нисколько совершенно. Вот такие дела вот. (*ДСЗ*)

[16] Немотивированное введение нового персонажа. Подробнее об этом см. в параграфе «Языковые особенности...» настоящего исследования.

[Плачет по умершим; снится речка: все купаются, загорают, родственники плавают в реке; в реальности рассказывает односельчанке, та толкует: плачешь – вот они тебе в воде]

– Вот и плакать тоже нельзя, стараюсь не плакать, потому что больной человек я, мне осталось чуть-чуть… Ну вот снится мне сон: все мои родственники, все родственники вот, значит… Я не могилу вижу, я вижу, значит, просто: речка, все-все купаются, загорают, а мои плавают в воде.

Я потом бабушку спросила: «А чёй-то такое?» – «Чёй-то такое – плачешь, ноешь, вот они тебе в воде». Не то что радостно они там плюхаются, а именно у всех мины такие, лица грустные, плюхаются вот по сих пор [показывает: по грудь], никак вылезти не могут. Я бабушку спросила, она грит: «Это ты плачешь, вот тебе… тонут они в твоих слезах». Я уж теперь стараюсь не плакать, а то говорю вот… хоть там хорошо будет им. Восемь лет я её [умершую дочь] тащила, два года она ещё передвигалась сама, а восемь лет – это кошмар. (*ДСЗ*)

[Приснилась умершая в сорочке, которую не успела надеть; в реальности сновидица подает эту сорочку]

– Приснится всё то, что… ну, например, если босоножки – значит, в босоножках я её [умершую] вижу в этих самых. Если, например, там, допустим, у неё сорочка ночная была, та, которая я её дарила когда-то давно, она её ни разу не надела, так и не успела надеть, – так мне приснилось, я её отдала [в реальности], мне приснилось, что она в этой сорочке ходит вот именно, в такой в красивой сорочке, которую не успела надеть, то есть обязательно приснится. Значит, благодарят, они нас за то, что вот мы… (*ДСЗ*)

[Умершая мать просит, чтобы дочь не заказывала надгробье, а оставила только деревянный крест: «Вот надгробье мне не надо, потому что мне душно»]

– А вот ещё мне приснился сон: у мамы, у неё не было креста, крест обычный был деревянный. Вот у нас вот кресты, и вот это надгробье-то вот это вот. И вот мне снится во сне, что она мне грит: «Вот это не надо, крест поставь, а это не надо: мне воздуха не хватает, душно мне, душно, дышать нечем, давит мне». И вот это надгробье я не заказывала. Вот прям во сне, она мне говорит таким этим голосом, хорошим голосом, нормальным: «Вот надгробье мне не надо, потому что мне душно, мне дышать нечем». Понимаете? Вот такие сны бывают. Ну, может, эмоции – не знаю.

И вот я надгробье убрала и посадила цветы. Посадила цветы. И, понимаете, мне как будто самой душно. Я вот чувствую во сне, именно как будто меня кто-то душит, как бы дышать нечем, что это надгробье: действительно ей там тяжело дышать. Это то, что я сама: не то что я там где-то чё-то слышала, вот это моё всё, то, что я сама видела. (*ДСЗ*)

[Схоронили знакомую в босоножках на каблуках; мужу снится: «Ходить не могу!»; следующему покойнику положили в гроб тапочки]

– У нас у всех – например, если приснилось, что там, например, допустим: расчёска, кладём расчёску там в гроб, кого хороним – кладём. У нас так положено. Ну вот, например, у Наташи этой, как её, у нас умерла, молоденькая, щас скажу… тридцать с чем-то лет, медсестра. На каблуках, это самое… босоножки ей надели на каблуках. И вот тоже снится, мужу снится: «Ходить не могу! Очень тяжело ходить на каблуках, вот такие каблуки». И вот тапочки клали мы, так кто-то – следующего хоронили и положили тапочки, те, которые за покойника подают, – вот тапочки положили, вот. Снится: там носовые платочки нужно, там ещё чё-то – мы кладём кому-то в гроб следующему.

?: Где-то сбоку?

– Да, сбоку кладём вот.

?: Вот кому приснилось, когда они приходят класть в гроб кому-то, они как это объясняют?

– Да, говорят, рассказывают: «Вот, пожалуйста, пусть он там передаст или она там. Вот так и так мне приснилось, пожалуйста, вы там только не подумайте там чего-то». Конечно, а так скажут: «Чёй-то там сунула?». Нет-нет, обязательно расскажут. Ну у нас люди такие, что верят, как говорится, во всё. (*ДСЗ*)

[Приснилась умершая мать; сновидица спрашивает ее: «Мам, да ты что какая холодная?» – «Да мне холодно здесь! Очень холодно!»; в реальности подали пальто]

– Вот как вам сказать, вот если лично у меня, если мою маму вспомнить, то похоронили её, – так она, как говорится, не приходила: обычно всё прилетают[17], и там всё и прочее, и прочее, да. Но вот когда было там сорок дней, ей исполнилось, вот в этот день (обычно всё говорят: там душа или кто-то уходит), вот показалось в двенадцать ночи,

[17] Имеется в виду распространенное в Ульяновской области представление о том, что умершие, по которым излишне переживают, приходят наяву (прилетают в виде огненного змея, светящегося шара). Также далее воспроизводится поверье о том, что душа «прощается» на 40 дней после смерти.

как будто вот по проводам птица пролетела вот. Это кто знает, может быть, она действительно пролетела вот, может, это её...

Ещё один был сон такой: приснилась она, и вот я её обняла будто – она такая холодная-холодная. Я грю: «Мам, да ты что какая холодная?» – «Да мне холодно здесь! Очень холодно!». И когда я проснулась, думаю: «Надо, наверно, чё-то подать». И вот тогда пальто отдали, там ещё чего-то, ещё чего-то. И так больше она мне не снилась. (*ГЗЯ*)

[Умерший племянник копается в грязи, жалуется: «Все чисто сидят, а меня вот в эту грязь посадили!»; родители не стали его отпевать, потому что были партийными; потом после сна отпели]

– И вот ещё если некрещёны дети – тоже, грит, так вот. Вот тоже, грит, они вот. Вот я у меня племянник помер, и вот он маме [рассказчицы], не мне, а маме приснился сон: вот он это… вот копается, грит, в тине: «Я, грит, яму говорю: “Толенька, да ты что где, миленький, копашься?” – “Все, – говорит, – баба, чисто сидят, а меня, грит, вот в эту грязь посадили!”». А у няво – ну десять лет яму было, а ведь в то время нельзя было отпявать-то. Мать с отцом были (тоже щас покойны) такие партийны вроде. И они яво не отпели, и он так и остался неотпетый у них. Вот. Вроде тоже, мол. «Я, грит… Все дети чисты, а меня в эту грязь посадили».

?: Это потому что неотпетый?

– Да, неотпетый. Да, а в то время как-то было строго – они партийные были. Вот когда брат-то помер у меня, мы уж вот еле-еле у снохи-то выпросили, она справку всё-таки нам прислала. И дочь у меня в Ульяновске отпела. Да, слава Богу, а то тоже бы неотпетый валялся. Вот вроде: «Нет, мы партийны, да всё».

Ну мы её все-таки соблазнили, и она всё-таки нам прислала, и мы её здесь в городе отпели. (*СВК*)

[Умерший деверь роет канавку от своей могилы в другую, говорит сновидице, что его затопила вода; толкование: «Родители плакали»]

– Я сваво видела [во сне] покойного вот деверя, который вот в армии убился: вот пришли вроде на кладбище мы, и он сидит и от своей могилы в другую могилу лопатой канавку роет. Я грю: «Коль, ты чаво, – говорю, – делашь?». Он грит: «Да чаво, нянька, меня, – грит, – затопила вода! Погляди, – грит, – у меня полна могила воды». Ну родители-то плакали, да. «У меня, – грит, – полна, нянька, могила воды. Меня затопило», – грит. И лопаткой вот. (*СВК*)

[Снится, что умершей не по ноге тапочки; передают новые тапочки с другим покойным]

– Приснилось тоже вот: подружка у меня умерла вот пять лет тому назад. У них не было тапочков, я отдала свое[jэ]. И также вот снится другой соседке – та тоже она подруга, они дружны были: «Батюшки! Меня, грит… Тапочки-те, грит, какеи-то прям этот…». Ну они не по ноге, видно, были, тапочки-те. Ну уж муж купил, я не брала и несёт: «На, пожалуйста, тапочки я тебе подам, грит, ты раз свое отдала, а тебе подам». А то и посылают с покойником, туда посылают.

?: С другим?

– С другим. Да-да-да. И так вот подают, и так подают – можно всё одинаково[18], какая разница. Вот так вот. (*ЛНВ*)

[Видит умершего отца-пьяницу, который вязнет в тине, он говорит: «Вот так, доченька, милая, страдам»; толкование: «Видно, вино-то пить-то грех»] (близость к видениям, обмираниям)

– А уж пьяницы – вон особенно, грит, они кишат там. Это видели тут сны, вот некоторые рассказывают. Тоня вот рассказывала: «Мне, – грит, – сон приснился: отец...». А он у неё пил, сваха Манокóскова вот, Юрина тёща перва вот. Вот рассказывала: «Приснился мне папанька, говорит, я иду как вроде по тропинке, как вроде иду-иду. В этой стороне [показывает рукой] прям как рай, а в этой стороне – а батюшки! “Папа! – говорит. – Ты чаво?” – “Вот так, доченька, милая, страдам!”. Вот они вязнут в тине, грит, в тине, мне приснилось, и много. Кричат, грит, вот всё такое. Это она рассказывала: сон, сон, грит, такой нехороший, я видела, грит».

Видно, вино-то пить-то грех, конечно, грит, непрощёный грех – пить вино. Я грю: грех, конечно, вот он и тонет там в этой в грязи. Как вот [говорит ей]: «Молись ты, чаво ли…». Ну всё-таки, однако же молиться будешь – помогат, Господь тоже отпускат, а как же. Он тоже ведь… Писано: всягда милосердный, всегда Господь, так вот. Долготерпелив и многомилостив Он. Конечно, всё это правильно. Молиться будешь и всё-таки вытащишь маненько [=поможешь покойнику на том свете]. А уж не молятся щас ведь. Щас как вот у нас вот церкву открыли, а неверие како-то – и ходят мало в церковь. (*ЛНВ*)

[После аборта снятся черные «волосястые» дети, преследующие сновидицу; в реальности посоветовали их поминать особым образом]

[18] Т.е. и подать живому в качестве милостыни, и положить в гроб с умершим.

– У меня у самой это было, я тоже грешная этим делом [делала аборт]. Вот так вот. Ну как это: вот мучает меня, вот за мной вот ползут, чёрные, волосястые такие прям, – эти вот дети, эти дети, да-да. Приснился мне, – раза три вот Лида снилась мне. А мне говорят, – вот я потом стала так делать, мне говорят: вот ко[г]да кушать вот, кушать будешь кода, и вот эти крошки (я садилась есть – вот эдак вот сажусь [показывает]), и чтоб крошки больше напáдали у меня, ем вот хлеб-то. И крошки со стола вот так вот потом соберу и поминала их: «Безымянных помяни, Господи!». Вот уж маненько бросили они за мной елозить вот. Это со мной было дело, вот так грех. Господи, прости меня Христа ради, что я… (*ЛНВ*)

[*Бабушка зовет и корит внучку, не приехавшую к ней на похороны]*

– Вот когда бабушка умерла, я находилась далеко от дома, а она уже была ну… плохая, здоровье было уже всё, – на исходе, – ну всё: предсмертное состояние было, вот. И я находилась далеко от дома, а… сессия у меня была, и мне она – вот, допустим, сегодня ночью ей умереть, мне снится. Она умерла в одиннадцать часов этого дня, а мне в ночь, вот в эту же, снится сон, как будто она ходит привидением по дому и говорит мне: «Ир, я умерла, а ты ко мне не приехала!» – оказывается... Потом мне уже позвонили, вызвали.

Я когда приехала, моя бабушка [другая] говорит: «Мы так не хотели тебя вызывать на похороны, – то, что ты там учишься, отвлекать тебя, – оказывается, как бы дух [умершей] бабушки как бы предчувствовал, что они вот так хотят сделать и звал меня домой. И что самое интересное – я утром, мне надо было на лекцию идти, я проснулась где-то часов шесть в слезах, – вот это было настолько явно, я вот тяжесть ощущала, что я действительно не приехала на похороны, и она умерла. Вот такую бяку я совершила, и я проснулась вся в слезах в страшных. И жили с подружкой, она говорит: «Что случилось?». Я говорю: «Сон приснился, что бабушка умерла и звала меня». Вот. (*КИВ*)

[Умершая мать во сне просит, чтобы дочь устроила поминки в старом доме и обязательно помирилась с сестрой, с которой она поссорилась из-за наследства]

– И опять же про эту мать [умершую мать знакомой информантки], она им говорит, – приснилась вот ее сестре (они сёстры, ну в ссоре жили, тоже из-за наследства, что ли, из-за дома этого ссорились). И вот она приходит и говорит: «Слушай, мне мать снится, чтоб я поминки

устроила по ней», – ну, три года. Она говорит: «Устраивай». И вот она [мать] приснилась, говорит: «Ты вот должна пойти там, где я жила, – а жила она с этой дочерью, с другой, – и там сделать поминки, вот, – и чтоб вы помирились на этих поминках». Вот, грит, пришлось ей поминки устраивать, именно «у нас дома», – где мать-то жила её эти годы…

?: Они в ссоре были?

– Да, три года не разговаривали, а мать их помирила… «Сделайте поминки именно в этом доме, где я умерла». (*ИТД*)

[В реальности внучку не берут на похороны бабушки; умершая часто снится и спрашивает, почему она не приехала, – внучка бесконечно оправдывается]

– В общем, когда у неё [Люды, знакомой девушки информанта] умерла бабушка, она была очень маленькой, и её на похороны не взяли, вот, – ни её, ни сестру, – они были маленькие как бы, их не взяли, их оставили дома, их оставили дома под предлогом, что им негде ночевать будет, негде спать. И как она сама говорит: «Я думаю, этот вопрос можно было бы решить, но нас просто не взяли».

И потом мне [т.е. Люде] долго снилась бабушка, которая всё время говорила: «Что ж ты ко мне не пришла, меня не проводила, почему ты со мной не была, почему тебя не было?». И [Люда] говорит: «И я просыпалась, вот этот диалог, – он очень долгий: бабушка говорит: “Почему тебя не было?”. Я отвечаю: “Потому что меня не взяли”».

А бабушка снова это спрашивает, то есть – бесконечный диалог, от которого она просыпалась. Вот. То есть она разные ответы там говорила: «Нас не взяли, я не смогла, там – не взяли потому, что негде ночевать, это мама с папой виноваты, это не я не пришла, – это не от меня зависело», – то есть она всё это… А бабушка всё время говорила: «Ну почему ты ко мне не пришла?! Почему ты меня не проводила?!». Причём она в то время никогда не видела мёртвых, то есть вот на тот момент, как она сама говорит: «Я, – говорит, – никогда не видела мёртвых, то есть вообще – ни в гробу, нигде», – то есть трупа она не видела, а бабушка ей снилась вот именно такой. Она [бабушка] говорила, она смотрела, она ходила, но она не была живой. И вот она [Люда] говорит, что её облик как бы полностью соответствовал мертвым, которых она потом увидела. Ну для мёртвых что характерно, да, – вот этот желтоватый оттенок лица, вот эти обострённые как бы черты, да, – нос выдаётся вперед. Вот именно вот такой бабушка была, то есть она была мертвой в её сне, внешне мертвой, то есть она во сне в первый раз увидела настоящего мёртвого человека. Вот такой сон. (*ППС*)

[Умершая мать говорит сыну, чтобы он не просил поминать ее, когда приносит рыбу соседке, так как она не крестится во время еды]

– Вот сон тоже, рассказал мне его Федор-алкаш, бывший зэк, когда он еще не был зэком. В общем, он занимался рыбалкой, был рыбаком на Волге, он электриком судовым был. Было дело у него, много рыбы приносил домой, а сам он не любит рыбу есть. Но рыбы у него было много, он поэтому приносил ее знакомым, вот…

И так вышло, что у него умерла мать, умер отец, и он все время носил знакомым рыбу и говорил: «Помяните, пожалуйста, вот эту рыбу съешьте, помяните, пожалуйста, мать мою…». И мать, в принципе, она его не очень любила, она говорила: «Федор, ну если бы я знала, каким ты будешь, я б тебя ногами задавила, когда ты рождался, ноги, коленки – задавила и задушила бы». Вот.

Несмотря на это, он свою мать очень любит и рассказывал, что однажды он в очередной раз отнес рыбу и вдруг ему снится мать. Мать говорит: «Больше этой женщине (там тетя Валя была женщина, соседка), ей больше никогда рыбу не носи!». Он говорит: «Почему?» – «Потому что, – говорит, – не надо ей рыбы, ну не надо, если хочешь, чтобы я вообще с тобой разговаривала, если хочешь, чтобы я была рядом, если хочешь, чтобы ты со мной не поругался, то не носи ей рыбу». Я, грит, этот сон, – ну приснился, пошел к теще, ну и рассказываю, помяните там туда-сюда, и говорю: «Вот такой сон приснился». И она мне говорит: «Знаешь, почему такой сон?» – «Почему?» – «Потому что, когда они рыбу едят, они не перекрѐстятся». Он говорит: «Ну и что – я же отношу на помин, как нищим подают» – «Нет, – говорит, – когда не перекрестятся, значит, не поминают, зла желают душе умершего, поэтому ты им рыбу правда не носи, больше их поминать не проси, рыбу принеси, но поминать не проси, потому что они не поминают, они ей зла желают, она из-за этого страдает». И он перестал просить ее помянуть, рыбу приносил, ему девать ее некуда было. (*ППС*)

[Свёкор засыпает на кладбище, ему снится, что его выводят оттуда парень с красивой девушкой; вспоминает по дороге, что этот парень – покойник; девушку воспринимает как ангела-хранителя]

– Свёкор рассказывал: очень хорошо выпил, и пришлось ему идти там от одного дома до другого через кладбище, – ну по-другому было нельзя, и он, по всей видимости, где-то уснул на кладбище. И вдруг, грит, ко мне подходит девушка и парень, – девушка красивая, то

есть был молодым достаточно, когда ему этот сон снился, рассказывал мне уже в хорошем возрасте. «Я, – грит, – до сих пор помню: неземной красоты девушка в белом одеянии и какой-то парень. Говорят: “Давайте мы вас отсюда выведем – все-таки это опасно здесь находиться”».

Они его взяли под руки и ведут, он грит, о чем-то разговариваем. «Как дела…», – всё такое. «Тут, – грит, – я обращаю внимание на парня, а парень-то – покойник!». То есть он [свёкор] его знал молодым, – и он умер. Он говорит: «Мне стало жутко, а они меня уже доводят до конца, до края кладбища, и он [парень] говорит: “Ну всё, ты больше так не гуляй, этого делать не надо”. Я, говорит, проснулся и бегом оттуда!».

Потом, грит, крестна рассказала, что они действительно тебя просто вывели в какой-то момент, потому что была опасность. А девушка, – это твой ангел-хранитель – ни больше ни меньше. А парня она просто попросила помочь: парень, грит, покойник, он на этом кладбище был похоронен – всё, грит, его потом узнал… (*ПЕВ*)

[Не смогли выполнить последнюю волю умирающей – позвать священника; в сновидениях умершая мать «не принимает в расчет» сына и мужа сновидицы; видит поле и мать, стоящую за стеной огня, который не дает сновидице к ней пройти]

– Это уже после смерти мамы: сыну [информантки] было уже лет пять, я вообще долго не ходила в церковь. И меня постоянно мучили одни и те же сны: они все были разного содержания, но смысл один и тот же, – вот первое, что хочу сказать. Я, допустим, знала, что мама должна умереть, и я должна что-то сделать… Когда мама умирала, она просила нас привести, ну священника или дедушку, который там верит в Бога, мы этого не сделали, мы всё сделали, ездили, но вот этого мы не сделали. И вот мне постоянно снился такой сон: то есть, допустим, я знаю, что мама умрёт, но я еще вижу ее живой, – вот, допустим, она… разные варианты: лежит больная, вижу ее больные, отекшие ноги, не может ходить, и знаю, что еще два-три дня, – мне что-то нужно сделать. Я мечусь, бегаю, я что-то должна сделать и не могу и знаю, что не могу помочь. Но я это должна сделать: потом мне объяснили, что это как бы грех, – вот то, что нужно было выполнить ее волю.

И вот часто такой сон снился: меня всё время мучило, что мама не принимала – ну ладно, там, допустим, муж, мужа моего, – она как-то всё время не допускала, – вот как бы я вот щас не помню, какие сны снились, – не допускала, не принимала в расчёт моего сына и моего мужа, мою семью. Ну я потом тоже поняла: потому что всё случилось без неё, она просто их не могла знать и чувствовать.

Ну вот снилось мне, сон, допустим, когда… часто снился мне дом, – вот, допустим, иду я к дому через, значит… не со стороны центральной улицы, а со стороны огородов, огородов иду, и вот поле такое, горит огонь, за огнём стоит мама. Мне хочется к ней прикоснуться, подойти, но этот огонь меня не пускает… И причем он мне всё время часто снился в разных вариантах, вот что стоит, и особенно это с огнём было связано, и меня это не пускает… (*ТЛЛ*)

[Мужчине, решившему заняться колдовством по книге, снятся (на грани сна/яви) мужчины в черном, – запрещают ему: «Не за то ты дело взялся, Степан!»]

– Еще муж мой, покойник, тоже рассказывал, что был случай, это его двоюродному брату приснилось то[г]да, он где-то магию эту черную взял и решил просто почитать, книгу, да, кто-то ему дал в деревне, и вот он читал. И снится ему, не снится сон, а, говорит, токо в двенадцать часов лег, как явились на тройке, говорит, в куртках, в сапогах, на лошади, на тройке и говорят: «Не за то ты дело взялся, – на него, – Степан!». Ну вот люди, мужчины, говорит, одеты в черном, и он говорит с того выбросил кому-то эту книгу, не стал читать. (*ЧМП*)

[Во сне некий старец сопровождает неродившуюся девочку (вероятно, сделали аборт); сновидица пытается взять с собой девочку, старец запрещает; описание иного мира: стадион]

– Было это в моей молодости, было у меня, у нас с мужем уже было двое детей, два мальчика, и хотели иметь третьего – девочку. Но что-то обстоятельства сложились так, что мы воздержались от этого, и девочка у нас не народилась. Прошло два года. Прошло два года, пошли мы на стадион с супругом, взяли своих малышей (это мне снится сон). Я думала об этой девочке, которой у нас не стало, по нашей причине не стало, – не могли мы заиметь в это время: строили дом, – пятое-десятое, – вот.

И снится мне сон: на стадионе мы сидим с супругом, с моими двумя мальчиками вот, которым было тогда четыре годика и, может быть, два годика, – такие. И вдруг на дорожке – на стадионе – на беговой ходит девочка, годика два девочка, такая красивая: пушистое платье, бантики на ней, такая резвушка, – ну прям душа к ней лежит, как кровиночка моя, – вот такая близкая, такая родная… Я мужу говорю: «Петь, давай возьмём себе де…» – а с этой девочкой ходит старец. Облик этого старца – как Николай Угодника: так же борода, так же… Об-

лик по иконе-то я ведь знаю, какой… И больше никого нет, – девочка резвится, и он с ней. И я говорю: «Петь, давай возьмём эту девочку!». Он говорит: «Ну, пожалуйста, иди!».

Я подхожу к этому старцу, поздоровалась, поклонилась ему, а сама радуюсь на это чадо, на это красивое создание, – говорю: «Слушайте, позвольте я эту девочку у вас возьму?». Он говорит: «Нет, дочь моя, эта девочка уже не ваша, теперь она моя, возврата к этому нет: была ваша, сейчас моя, девочку я вам не отдам!». И так вот я не получила эту девочку. Это мне приснилась та девочка, которой у нас не было, не стало, – по нашей причине. Вот таким был сон у меня. (*ИРП*)

[Умершая подруга просит передать чулки через родственницу («Меня положили в капроне»); родственница умирает в реальности через некоторое время после сна]

– Вот невероятный сон у меня однажды был. Одна моя близкая приятельница по состоянию здоровья и по некоторым причинам ушла в мир иной, – умерла. Она еще была молодая, мы очень, очень крепко дружили, – ну и я память ее хранила в душе свято и поминала иногда: там кому-то чё-то подавала в день покаяния ее, в день смерти ее. И вдруг она мне снится. Она мне снится ярко, живо: предстала передо мной, много не разговаривала, как-то так это, – настороженно. Я говорю: «Анна, это ты?» – «Я, Рая, ты мне, пожалуйста, пришли чулки в резиночку: у меня что-то ноги мёрзнут, вот. Меня положили в капроне». – «Ладно!» – и я быстро проснулась. Сон не совсем такой душевный, как бы сказать…

Только я ей задала один вопрос: «Нюра, а с кем же я тебе пришлю?». Думаю: «Как я тебе пришлю...». Она: «С Клавдией Степанной пришлёшь!». Ну вот, с Клавдией Степанной… (Это наша родственница, она была в это время, ну, на ходу: не болела так глубоко).

И вдруг через четыре-пять дней – умирает Клавдия Степанна!.. Настолько неожиданно, что… Ну я в душе – никому не сказала, в душе, конечно, взяла эти чулки (она наша родственница), я пошла на похороны, и, когда случилось так, что народу вокруг гроба никого, я эти чулочки аккуратно в уголок гроба положила. Не знаю: получила Аннушка чулки, не получила, но я свой долг перед ней выполнила! (*ИРП*)

[Умершая бабушка просит найти ложки и тапочки – находят их в реальности, хотя не знали, где они лежат]

– Ну вот сон, который (не знай, как – он сбылся, нет… вроде будто). Когда умерла моя бабушка, вот мы приехали из больницы, и я приехала ночевать к своей тете, откуда бабушку увозили в больницу. И, значит, она [бабушка] когда-то спала на кровати моей сестры двоюродной. Когда бабушку увезли в больницу, вот мы приехали уже, когда нам сказали, что она умерла, мы с сестрой легли на эту кровать. И ночью мне приснился сон: вижу я теткину квартиру, вот эту вот комнату, спальню, в которой бабушка была в последний раз, и, значит, на шифоньере висят два черных платья, вот. И я спрашиваю, значит, тетку свою, говорю: «Чтой-то у вас за платья?». Она говорит: «Это нам Наташа подарила».

А когда, значит, мы достали бабушкины вещи, которы у нее были связаны в узелке, – значит, на́ смерть которы приготовлены, у нее там была вся одежда, и было двое тапочек: одни были кожаные такие, а одни были из мягкой такой вот кожи и отделаны мехом белым таким. Вот сначала кожаные ей тетка покупала, а потом у нее, видно, нога шире стала, и они ей стали немножко тесноваты. И вот она, тетка, купила ей другие тапочки и положила их тоже в этот же узел. И вот бабушка [во сне] мне и говорит: «Вы почему не забрали мой халат, мой бокал из больницы, мое полотенце?». И она мне говорит: «Там в шифоньере, во втором ящике, есть ложки, вот – дайте ложки, деревянные ложки». Я как будто этот ящик отодвигаю в шифоньере и говорю: «Да нет здесь никаких ложек!». Она мне грит: «Нет есть, ищи!». И она мне говорит: «Оденьте тапочки, чтобы мне легко было и удобно».

Когда, значит, я проснулась утром, рассказываю вот этот вот сон тетке, и она говорит: «Это значит, она просит те тапочки, потому что она говорила (а я об этом не знала, что у нее там двое тапочек), она говорила, что ей тапочки вот эти малы, и я ей купила другие, – значит, вот эти тапочки надо ей одеть, раз она говорит, что нужно ей одеть тапочки, чтобы ей удобно было ходить».

А потом она [тетка] меня спрашивает: «Какие же ложки, что за ложки там были?! Никаких, – грит, – ложек нет». Ну про эти ложки вспоминать не стали, тут уже было не до этого. После по́хорон, когда уже был сороковой день, делали поминки (ну обычно на сороковой день там раздают там мыло, нитки, ложки, там, ну посуду какую-то, бокал, например, тарелку, чтобы этого человека поминать). И тетка мне и говорит: «Галь, помнишь, ты… сон-то тебе приснился, мама тебе говорила про ложки-то, я, грит, нашла эти деревянные ложки, а я, грит, их покупала, она мне сказала: “Купи, пусть лежат”, – оказыва-

ется они были не в шифоньере, а в стенке в зале, ну на второй полке, говорит, лежали все ложки, а я, грит, их искала, искала, – так их и не нашла. Думаю: "Что за ложки, какие ложки?! Я ведь вроде куда-то их девала"». Вот такой мне сон приснился, – в то же время он вроде как исполнился. (*ГЕВ*)

[Делают «плохие» поминки – покойник снится обиженный]

– Мне приснился мой дедушка, он умер десять лет назад, но мама по очень сложным обстоятельствам не смогла сделать ему большие поминки. И вот мне снится, будто я около своего дома и идет дедушка мой. Он красивый, подтянутый, с дипломатом в руке, и я подбегаю к нему: «Дедушка, ты пришел!» – радостная, веселая. А он отворачивается от меня, – не хочет разговаривать: сразу видно, что он обижен, – и уходит от меня. Я бегу за ним: «Подожди, мы так давно не виделись с тобой!» – а он уходит – то есть видно, что он расстроен, обижен на всю мою семью.

Когда я проснулась, я рассказала этот сон маме, – она тут же раздала детям угощение, взрослым тоже и пообещала, что на следующий год, когда будет одиннадцать лет [со дня смерти дедушки], она сделает большие поминки. Больше дедушка не снился ни мне, ни моей маме, ни кому-то из моей семьи. (*РМА*)

[Умерший отец недоволен поминками-«посмешищем»: снится разгневанный]

– Была, значит, вторая годовщина после его [отца информантки] смерти, и мы поминки не собирали… Я решила просто купить там печенья, там пирожное, конфеты и угостить своих сотрудниц чаем. Ну вроде как помин… За упокой души. Ну, естественно, ведь поминки, – как они проходят: люди поминают, чтоб вспомнили, там помолились, покрестились… Обычно говорят: «Царствие Божие и хорошие места на небесах!» – вот так говорят. Вот так вот говорят. Ну а чё – это было просто обыкновенное чаепитие. Кто-то там рассказывал о своих проблемах, о домашних, кто-то там рассказал смешной случай, там… Ну то есть это было просто несерьёзно как-то, да.

Ну и я вроде посчитала, что долг я свой выполнила, пришла домой, легла спать. И вот мне снится сон, как будто бы мой покойный отец, – он рвётся ко мне в комнату, рвётся, стучит, значит, дверь ломает, и я стараюсь от него убежать, спрятаться там куда-то, и вот прячусь вроде, втискиваюсь там в какую-то стену, там в какой-то шкаф, пы-

таюсь от него укрыться… И в итоге у меня не получается, он ко мне пробивается и налетает на меня, и говорит мне (у него такой озлобленный вид), и говорит мне: «Ты что: посмеяться надо мной вздумала?!».

То есть… Понимаешь, когда я пришла утром на работу, я рассказала этот сон, и мне сказали, что не надо было таких чаепитий-застолий устраивать, надо было просто пойти в церковь, поставить свечку и заказать обедню, вот. То есть это было [бы] гораздо лучше… (*ПНИ*)

[Похоронили в больших тапках, – умерший во сне «идет и хлопает этими пятками чуть ли не по затылку себе»]

– Умерла то ли бабушка, то ли дедушка умер, и положили, – одели туфли большие, большого размера. То есть снится сон, что идет вот он и хлопает этими пятками, там чуть ли не по затылку себе. Вот такой вот сон снится. То есть его положили в больших туфлях, ну велики просто-напросто туфли были. (*ПНИ*)

[Умерший сын жалуется, что ему холодно]

– Вот теть Таня Носкова, вот Васю когда убили, вот он снился ей, снился ей и рассказывал ей, что: «Мам, холодно мне здесь и жестко, домой хочу, на кровать!» – вот такие моменты. (*ПНИ*)

[Умершая мать упрекает сновидицу]

– Жена рассказывала, приснилась теща умершая [для сновидицы – мать] по колено в воде, ругала и упрекала ее за то, как она живет. (*МОА*)

[Ангел ругает сновидицу за то, что она поссорилась с мамой]

– Мне снился мой ангел-хранитель: мы сидели и разговаривали. Это был мальчишка моего возраста, озорной очень, прямо как я. В сорочке длинной какой-то, шелковой. Он знал всё, что я делаю и думаю, и знал последствия действий. Я до этого поссорилась с мамой, и он говорил, что нужно мириться. (*ЮОА*)

[Умершая бабушка говорит сновидице (матери информантки), что надо простить человека, с которым мать была в ссоре до его смерти]

– Моей маме очень часто снился один человек, который погиб, но при жизни очень ее обидел, сделала плохое. И когда у мамы умерла ее мама (а моя бабушка), она пришла к моей маме во сне и сказала, что того человека нужно простить. Мама его простила, и он перестал сниться. (*ЮОА*)

[Бабушка, не хотевшая идти на поминки, пошла после сна, в котором ей приснился умерший брат]

– Был такой случай: моя бабуля как-то раз чувствовала, что не может идти на поминки своего брата. И накануне поминок ей приснился этот сон: приснился этот брат, и она наутро собрала все кастрюли и поехала помогать с поминками. После этого ей стало легче. (*ТКА*)

[Сестра забывает о празднике Николая Угодника, он снится ей, напоминая о себе]

– Святой Николай снился моей сестре. Случилось так, что она совсем забыла о его празднике и в ночь с воскресенья на понедельник увидела его во сне. Как она поняла, что именно святой Николай – не понятно, но с тех пор она никогда не забывает об этом празднике. (*ЕИН*)

[Умерший муж поливает смородину – напоминает, что надо заняться «огородными делами»]

– Мне запомнился тот сон, когда я видела своего мужа после его «ухода» [смерти]. Он стоял в саду и занимался поливом ягодников: смородины, малины… В то время когда о садово-огородных делах я совсем и не думала, а надо было. А он пришел и напомнил мне о делах, которые надо было делать в то время. Я пошла и полила всю растительность в саду, как оказалось потом – не зря. (*ТКП*)

[В пост сделали скоромное на поминки; умерший укоряет: «Вы накормили нас червяками!»; на поминках выгнали из-за стола детей – решили накормить сначала женщин; приснилось: «Ангелов выгнали»]

– Вот кто у ней умер – у ней муж умер, свёкровь ли, кто ли, – у Наташки Гавриловой… У ней поминки, – она делала, а… как тебе сказать, ну, например, среда – надо бы… или вторник, – да всё равно какой-то пост или чаво-то, вроде сделали этот – ну скоромного чё-то тут добавили, вот она грит. Вот и снится сон-то – (это Наське [односельчанке информантки] она рассказывала, а Наська – тоже [«рассказала мне»]): «Ну, мол, вы накормили нас червяками!». Ну если пост коль, так надо грибами или даже, може, консервы нельзя, а когда если консервы – это чё? «Вы, – грит, – накормили нас червяками!».

И эта же она, эта же одна женщина, по кем делала – по брату, по чему ли – и говорит, как ведь у нас обычай, грит: вот садятся, певчие вылезли и лезут ребятишки, а ребятишкам говорят: «Ребятишки, вы выдте маненько: щас вот эти-те вот бабы, мол, женщины поедят

– потом вы». И вот, грит, снится сон-то: «Вы, грит, этих… чертей-то накормили, а голубят-то выгнали!» – детей надо была сначала, а вы, грит, чертей-то накормили, – бесьёв, бесьёв-то, а ангелов-то, грит, выгнали!». Надо было в первую очередь их накормить-то… (*ХФИ*)

[Умерший сообщает во сне: «У меня нет легких!»; в реальности легкие вырезали в морге]

– Юрка Тосинов умер, – его разрезали [в морге], а потом мать или хто говорит (а ему, видно, когда разрезали, лёгкого не положили)… А он говорит: «У меня лёгких-те нету ведь!»

?: Это во сне?

– Да, это вот сон, он матери приснился, – сын, а как разрезали и забыли ему в живот положить, зашить-то… (*ХФИ*)

[Соседке приснился сон; после в реальности она хотела передать через умершего родственника информантки коленкор, «вроде лучше помянется»]

– Ну это Настенька Шаляева говорила: мы маму, что ли, коронили или тятю, она пришла и говорит: «Я коленкору принесу сваво [своего] – ещё покрыть в гроб». А мы говорим: «Зачем это? Мы своим покрыли, покроем», – она хотела принести нам, но мы, по-моему, не покрыли.

Вот она говорит: «Ой, вы знаете, мне сон приснился», – может, она тоже чаво не подала, и, может, чё-то забыли… Она говорит: «Дайте я или коленкору, или чего-то» – «Нет, – говорит, – а я, – говорит, – вот его покрою», – вроде лучше помянётся там… (*ХФИ*)

[Во сне мать тонет в слезах; в реальности растолковали: из-за того, что сновидица плачет]

– Ну это сны-то какие видют… Няня Панка, моя сестра, – вот мать у неё умерла, – вот, говорит, плачу – и вдруг (ведь у ней речка на задах) и в Мордовскем [название улицы] я, говорит, этот… иду, а она [умершая мать] в этой в речке: «Панка, давай руку, вытаскивай меня, я уж совсем утонула в этой речке-те!». Ну вот ей ктой-то подсказал, что, мол, вроде ты плачешь, плачешь, – значит, она в слезах тонет… Вот такие вещи предсказыват. (*АМИ*)

[Умерший на другом берегу реки, перейти не может – «нет перехода», – потому что не положили жердочку]

– Когда умирают, то до сорока дней надо обязательно какую-то жёрдочку положить и ниток. Это вон всё старые обычаи. По этой, значит, по жерди, он должен переходить куда-то до сорока дней. Ну вот. Ей [знакомой] опять, значит, снится сон: где-то сидит он на берегу, вроде какая-то речка не речка, но какая-то трясина. Она, значит, опять ему говорит: «Ну, – говорит, – переходи сюда». Он говорит: «Да я рад бы перешел, да мне не по чему, а тут, видишь, лодка-то не пройдет, – вон какая тут трясина-то, как лодку-то пустить-то, а мне шагать-то и не по чему! Нет у меня перехода-то». Вот тоже еще сорок дней не поминали. Тоже я вот взяла жердину и вот туда соседям отнесла. Положила молча. Никому ничего не сказала. Всё – и положила. И шпульки. Шпульку я подала старушке одной. Говорю: «На-ка вот катушку ниток». (*ВЕМ*)

[Не подала тарелку, чашку и ложку – снится умерший муж, говорящий, что ему не из чего есть]

– А у нас свекровка, она ничаво не верила, никакому Богу. Вот прожила я 47 лет с ней, и она никогда вот так креста не положила. Ни креста на ней не было, ничего-ничего.

И, значит, мы вот схоронили свекра, и я забыла подать чашку или тарелку и чашку с ложкой. И вот она не верила, ну ничему она не верила. И ей, значит, снится сон: пришел он [свёкор], сел на свое место, сел и сидит. «Я, – говорит, – подала булки, подала там хлеб. Говорю, говорит (а это она рассказывала сама): “Ну, ты что не ешь?”. А он будто мне отвечает: “А мне есть-то не в чем: у меня нет ни чашки, ни ложки, вот есть-то нечем”». Я [информантка] говорю: «Ба, да ты разве не знала, что надо подавать, разве не знала?» – «Да чаво я знала?». (*ВЕМ*)

[В реальности сделали оградку на могиле без двери; умерший дед во сне говорит: «Все хорошо, но кругом огорожено, – нельзя выйти»]

– Без двери нельзя делать оградку, надо дверку… А у нас вот нет оградки, – мама то[г]да, покойна свякровь, дедушка ей приснился, свёкор-то: «Вот бы Катя, всё хорошо, но это… кругом огорожено, высокий забор, нигде выйти не могу…». Вот это приснился, да, ей сон…

?: То есть дверка должна быть?

– Ну, наверно… Она тода мне говорит: «Умру, мне ограду не делайте, не надо никакой ограды, а то я и буду – не вылезу нигде»…

?: Нам говорили, что дверка должна быть приоткрыта на какие-то праздники?

– Она, чай, всё время должна быть приоткрыта…

?: Почему?

– Ну, чай, и так-то – зачем запирать её?

?: Чтобы ходил, да?

– Да. Не знай, я всё, грех будет, може, верю не верю – это, чай, всё… [смеется]. Умрёшь, наверно, и всё, – и не придёшь и никуды. (*ПВП*)

[Дети, не родившиеся из-за аборта, снятся в озере из тины]

– Я видела сон: видела детей вот в этим вот – в тине, иду будто, а они – в тине, в тине, все в тине, вот какое-то озеро и грязь, и они будто там вымыривают. Я вот это гляжу: «А мамоньки, а мамоньки!». А мне будто какая-то, – не вижу, а со стороны говорит: «Вот это вот ваши дети!» – аборты-то мы ведь делали. – Это вот, говорит, ваши дети здеся!» – и я сразу очнулась. Вот это вот видела.

?: Грех это?

– Грех великий, неужто, – душегубцы, отвечать будем за это Богу! Нам уж, наверное, прощения за это не будет, это же человек, душа, как же. Вот что сделашь: не знай, нужда, не знай, жизня нас заставляла… (*ЗМД*)

[Умерший жалуется, что ему плохо – не принимают нигде; толкование: «С сестрой жил – поэтому и плохо»] (близость к видениям)

– Один раз яво видала [во сне] – прям стук в дверь, думаю: «Разве Светка [дочь информантки] пришла с улицы?» – поглядела – она лежит [на кровати]. Но всё-таки открыла, а он [умерший сосед] стоит в старой фуфайке, в старой шапке, – это нехорошо, конечно: в старом во всем. «Ой, – грит, – Валентина, как, грит, мне там плохо!» – «А что, мол, тебе там плохо?» – «Не принимают, грит, меня нигде». Вот… А почему не принимают – он жил раньше с сестрой со своей, он грешный, – вот поэтому, поэтому ему и плохо…

?: То есть как на том свете ему и некуда деваться?

– Некуда деваться: он грешный-прегрешный. Вот запомни мои слова: это нехорошо, конечно, – с родной сестрой жить… (*АВИ*)

[Умершего брата мужа видит во сне во всем старом, он просит есть; в реальности ей говорят: «Не подают ничего об нем»; информантка подает]

– Вот брата яво видала, дедушкиного[19], и вот вижу: подошёл к окошку. И я подошла к окошку – [он] во все[jэ]м в старом и спрашивает: «А ты знаешь ведь, Валь, как я есть хочу!» – а у няво детей – цела куча, четверо… Вот он умер, потом… И вскоре жана умерла. А я дедушке [мужу] говорю: «Дедушка, видно, уж не подают они ничаво об нём. Давай, давай я куплю хоть пяченья да отнясу в садик ребятишкам». Ребятишки – они ведь лучше всех помянут, потому что радость им какая! Я принясла, они: «Баба Валя, баба Валя пришла, принясла нам гостинец!».

А сыну вот было двадцать восьмого июля память, – я пришла в магазин, купила, тут сколько было народу – всем раздала, всем дала, говорю: «Помяните, нынче память», вот как – мы завсегда подаём... (*АВИ*)

[Видит во сне тот свет: миллионы людей в клетках; ищет своих погибших родственников; толкует: клетки – это оградки на могилах (нельзя ставить оградки)]

– Я была, видала сон: вот хожу, хожу как по кладбищам, на кладбище, хожу и хожу по кладбищам-то, а оне будто вот таке-еи большие кладбища, и везде всё загорожено. И сидят все мертвецы, все сидят в этих в своих загородках, а я вот их ищу, ищу и ищу и никак не найду. И будто я подошла к одному знакомому, я грю: «Шура, а вот ты не видал здесь, я говорю, наших?». Он говорит: «Бабушка, я тебе щас как скажу? Ты, говорит, я тебе и скажу, ты не найдёшь, здесь ведь, грит, очень много, здесь миллионы, грит, людей». Я говорю: «А я, мол, как же вот – перешагиваю-перешагиваю, нигде не перейду, вот видишь – всё загорожено, видишь, кругом эти вот – ограды ведь везде, и вот эти клетки-то везде». А он говорит: «Нагородили еще клетков здеся, зачем, грит, этих вот клетков здесь нагородили? Мы сами сидим вот все в клетках!».

Ну а так бы спросить… вот спрашивала, я грю: «А ты не видал тут, мол, наших?» – «Если я тебе щас скажу, ты всё равно, грит, не найдёшь, грит. Здесь, ты видишь, окружность, грит, какая? Здесь миллионы, грит, людей, не то что миллионы, а миллионы, грит, здесь людей!».

?: Это вот на кладбище оградки?

– Да-да-да, здесь же ограды делают, щас всё, бывало, не было, милый [к соб.], никаких оград, а щас всё – на какую красоту, что ль, или чаво ли – не знай…

?: А вот говорят, что дверь открытую надо оставлять в оградах?

– Оставлять, да, правда ли, неправда ли – кто знает...

[19] Т.е. видела во сне брата своего мужа.

?: Ее всегда надо держать открытой или на какой-то праздник?

– Ну я вон не затворяю у своих вон, у меня да, у меня у Геноньки нет ограды, и не стану ставить, он мне сказал: «Мама, если чё, никогда ограды не ставь». А я говорю: «Умру, Генка, мне никакой ограды мне не надо, и гроб, говорю, мне не обшивайте, – вроде так я говорю, – не надо мне, мне не украшайте, не надо мне». (*ЕАН*)

[Покойники стоят на горе обессиленные (без подаяния), просят: «Иди, сведи нас!»; сновидец поит их компотом, они сообщают, что им долго еще идти; толкование: покойники ходят по мытарствам]

– Вот у меня сынонька тоже видал во сне, – вот что мы не подавали милостыньку-то, как они [умершие] просют. Вот до сорока дней зажгём свечку, до сорока дней стаканы стоят с водичкой, стаканы надо подавать, а сваха тогда, она не подала их, – ну да то да сё, вот они ему, Геноньке, приснились: стоят на горе вот на этой вершине, грит, и они кличут его: «Ге-ен! Гена! Иди сведи нас», – а они стоят такие, то, что у них... И больные…

?: Обессиленные?

– Да… И я, грит, пошёл сводить их, в эту гору к ним… Наташа стоит ни слова. Я, грит, их прощупал: «Саш, ну у тебя где сильно болит? Тебя где сильно ударило?» – «Вот висок, грит, пробитый у меня», – а Наташка, грит, ни слова[20]. И вот я их взял обеих за руки и, задом с горы пятясь, их тихонько свожу, привёл их домой, они: «Нам, грит, некогда садиться, ты нам, грит, дай компоту из погреба, мы, грит, компоту!». Слазил, грит, я компот достал банку. «Ты, грит, дай нам стакан, мы вроде на дорогу, ты знаешь, мы уже сколь прошли, сколь исходили? И как дойдём – еле-еле ходим, ведь у Наташки нога-то не ходит, я её еле таскаю».

Вот по мытарствам Господь водит все дни, все сорок дней всё пройдёт, где были, где чаво брали, где чаво неправильно делали, – всё везде исходили… «Мы, – грит, – пойдём, Генка, а то нам ещё далеко-о идти-то, нам ещё много исходить надо». И я, грит, проснулся: «Эх, мамоньки, – видно, грит, правда…».

?: Это значит: по мытарствам – проходишь те же места, что и за время жизни?

– Да-да, – он их и сюды привёл, тихонько пришли, а сюда [к избе] уж совсем не могли уж они… (*ЕАН*)

[20] В реальности упомянутые родственники погибли в автомобильной аварии.

[Умершая просит милостыньки – похлебки]

– Они просют, милостыню просют, я тётку свою уже давно, она тоже такая убогонькая какая-то… Это уж сколь годов, мне было, чай вот, может, годов чатырнадцать, она померла, и она уж вот приснилась вот тут вот перед памятью своей, я уж забыла про неё… Она говорит: «Чай, грит, сварите какой-нибудь похлёбочки, я хоть похлебаю!» – вот они как просют, милостыню просют…

?: Особенно когда забываешь поминать?

– Да-да-да, вот не поминают, ага, – грит, сварите какой-нибудь похлёбочки, охота, грит, ведь похлебать… Ну вот просют, как же они не просют, – не подать-то вот. Вот делают: ну он то да сё делает! – кто делает, кто не делает… (*ЕАН*)

[В реальности не сделали поминки, умершая укоряет во сне: «Я дожидалась, а ты никого не привела на мой праздник»]

– Вот соседке делали девять дней, вот тут приезжала её дочь и говорит: «Тетя Наля, замучила меня мамка, грит: “Таня, ты уж сделала, ты уж не позвала никого, – она как живая. – Ты уж не позвала на мой праздник никого, а я, грит, как дожидалась этого праздника, а ты не позвала”». Она ко мне пришла, принесла вота: «На, мол, тётя Наль, помяни маму»…

?: Это она ей приснилась?

– Да-да. «Таня, а я, грит, дожидалась этого праздника, как, грит, дожидалась, ходила-ходила около двора, кружилась-кружилась, и никто, грит, меня не пригласил на мой праздник», – грит…

?: Говорят, что душа до 40 дней на земле находится?

– Да, она так около дома, душу-то проважам… Я всё время щас хожу… (*ЕАН*)

[Схоронили в туфлях, снится, что ноги болят; передают тапочки через другого покойника]

– Её [знакомую женщину] покоронили, как обычно, во всём таком нарядном, – ну когда вон венчаются, – в такем платье, уваль и всё там. И надели на неё белы туфли на каблуке. И вот прошло сколько, и её мать видит во сне: «Эх, мам, как я устала, у меня как ноги болят! Купи тапочки... – говорит. – Вот подай вот этому человеку, – там назвала, – как, говрит, у меня только ноги болят!». Я говорю [информантка говорит сновидице]: «А ты уж, Зин, додумала! Туфли да на каблуке ещё, – зачем? Пускай какая бы она ни была молодая, всё равно надо коронить – класть в тапочках, обязательно в тапочках…». (*АВИ*)

[Схоронили в туфлях с каблуками; умершая во сне жалуется: «Ноги устали»; в реальности «передали» через другого покойника тапочки]

– Это вот одна схоронила свою маму, и вота… А как схоронить, привезли её вскоре, нечего было обуть, видно, и она её положила в своих туфлях на каблуках. Вот она ей и снится, своей дочке: «Эх, дочка, говорит, чаво ты мне надела! Я ведь сорок дней хожу, меня ведь везде водят, ведь вот сколь исхаживаем, я обтёрла, грит, все ноженьки», – на каблуках-то ходить, да. Она мне говорит [умершая мать говорит сновидице]: «Вот такой-то вот умрёт, прошу я тебе, пришли мне тапки!».

?: Через другого покойника?

– «Пусть, положите яму в гроб, он мне передаст…». Ну она сну не поверила, она ей опять снится, и враз вот этот дяденька-то и помер. Вот она пришла и говорит: «Прошу я вас Христом-Богом, возьмите передайте, положите туды в гроб»… (*ЕАН*)

[Снится муж-самоубийца; сновидица спрашивает: «Как ты тут?», он жалуется, что все ходят по улице, а он – по оврагам; покойник просит Бога простить его, тот отвечает, что раньше нужно было просить прощения] (близость к видениям)

– Вот если удавленника ты видишь, ведь у меня мужик мой удавился, уж двадцать восьмой год нет его, вот тогда удавился… Вот их поминать-то нельзя, удавленников-то, и не отпявают, в церкви не отпявают даже…

?: Вот говорят, что на самоубийцах воду возят?

– Ну как же… Им места там нет. Одна вот видала [сон] – вот напротив, вот в этом дому. Ну я, грит, спрашиваю яво: «Юр, ну ты, мол как тут?» – «Как, грит, тёть Дусь, все ходют по улице, а я вот в оврагах, лазию, в оврагах, грит, и никак – долезу-долезу, мне бы вылезти, до половины, – овраг, крутые, говорит, овраги, долез-долез до половины и опять спускаюсь, и никак я больше не могу. Все, грит, люди ходют по улице, а меня, грит, не пускают, а меня, грит, Бог не допускает, я вот всё время… И молюсь яму сейчас, прошу прощения у няво, а Он мне говорит: “Надо было раньше просить прощения-ту, когда ты, мол, ещё живой был, поздно уж меня просить”».

Правда-неправда – мы не знам, никто не знает, он никому не сказал, никто яво не видел, но кто-то, милый [к соб.], ведь сочинял это всё, вон какие книги написаны, кто-то ведь сочинял… (*ЕАН*)

[Покойник просит во сне курить; в реальности подали]

– У нас покойный отец помер вот, ну хоронили всё мы, и, как говорят, к девяти дням вот он пришёл ко мне и говорит: «Дочь, а вы мне, грит, курить-то забыли дать-то!». Ну вот: я утром же встала и подала курево. И всё: с тех пор больше не снился…

?: То есть милостыньку подали?

– Да, милостыньку…

?: А другие близкие не снились?

– Нет, пока нет. А это к девяти дням он вроде зашёл прям к нам, в избу ко мне: «Дочь, вы всё обеспечили, всем, а куревом-то нет». Видишь… (*ЕЛН*)

[На поминках по умершему деду подали не носки, а чулки; приснился и пожаловался, что ему неудобно; после сна купили носки, положили в гроб другому покойнику]

– У нас тогда дед-покойник, вот её [матери информантки] муж, вот его скоронили и подали на девять дней: тогда очень много читалок было, ходило, тогда старух много было, по восемнадцать человек ходили, отпевали. Это сейчас пять человек ходит. И мы подали на девять дней, – ну вроде женщины, – и мы подали не носки, мы подали чулками. И ему… ей приснился сон: отец ходит во сне и чулки подтягиват – без резинки, ничего: «Как, грит, мне неудобно, как неудобно!». Чё: покупали носки, подавали носками. Как подавали носками – кому-то в гроб ложили. Покойник умер, и отнесли носки, и в гроб положили носки с ним на «тот свет». Больше не снился.

Она просыпается, говорит: «Мне Сергей-то приснился в чулках, ходит их, подтягиват, а резинка-то [sic!] нет у него, они у него спадают!». А читалок старых спрашивали, которы были живые, они говорят: «Подайте носки, а лучше всего, если как раз в это время кто-то умер, отнесите и в гроб положите». (*ПНВ*)

[Отца похоронили в узких туфлях; во сне попросил купить другие туфли; в реальности, видимо, подали (в тексте не упомянуто)]

– Ну мама говорила: отец у меня умер, он ей приснился во сне. Его в туфлях положили, а туфли (он умер ещё давно, в сорок втором ещё году) не было, не на что купить-то, оне вроде узковаты ему были. А он приснился ей: идёт и хромат. Я [мать информантки] грю: «Ты чё хромашь?». Он говорит: «Туфли ты мне какие дала, ведь малы, все ноги обтёр! Ты мне другие купи». Вот так вот было, – не знаю, правда… (*ПЛП*)

[Умерший сын (прожил несколько дней, не успели окрестить) снится слепой, не узнает мать-сновидицу; некий провожатый водит его по церкви и говорит, указывая на сновидицу: «Иван безымённый, слепой, вот она!»]

– Батюшки!.. Аборт-то – ведь грех-то будет непрощёный! А я вот первого-то делала, вроде – завре́менны роды. Ну там месяца три, может, было, а потом, значит, это – раздумала я: он у меня стал ворочаться, ворочался, и все-таки до семи месяцев дотянула, и это – родила я яво, – живого. Ну яво тут погрузили [т.е. совершили крещение в домашних условиях], назвали имячком Иван, – всё, да… И вот… ладно… Ну я чаво – молодая была, не понимала, что поминать яво надо, да то да сё… Он пять минут по́жил да по́мер. Яму тятя гробик сделал вот с этим… на кладбище… И не спросила, где зарыли. «Я хоть подошла [бы] да перекстилась, – говорю, – я не доходила…».

И вот он мне приснился во сне… Вот у нас тут церьковь ведь была, церьковь-то. А народу будто много в тамбуре, а я «под кувшинчик» назад [способ завязывания платка], в белом платке обвязана, ну а он [умерший сын] тут как будто – его кто-то водит и водит – как провожатый. Но он меня не узнаёт: ну он слепой, некрящёный. Ну и потом плясали, тут их водили – так и зашли в церькву, тоже стали кружиться, а я тоже опять эдак встала будто – вот ввек не забуду этот сон, – и опять будто в белом платочке стою, а он меня не узнаёт. А он будто яво водил-водил, провожатый-то, да ка-ак подведёт ко мне: «Иван, – грит, – безымённый, сляпой – вот она!» – мамыньки! Я прям проснулась, напугалась… Вот, – ну как это? Конечно, чудо, ну, – приснился во сне…

Ну он – Иван, на́звали яму имячко-то, яво погрузили дома-то, а он некрящёный всё равно, и вот он и кружился-кружился грит: «Иван безымённый, сляпой – вот она!». Ко мне подвёл яво, – я проснулась, напугалась… Ну, как это неправда? Всё правда: он Иваном на́зватый и безымённый ещё – когда яво крестили, тогда имя-то яму настоящее будет, а это – нет… (*СЕкВ*)

[Спрашивают во сне у умершего отца, видит ли он мать, отвечает: «Она с избранниками, а я матерно ругался, – меня туда не пускают»] (близость к видениям)

– У меня внучонку приснился сон (он тятей его, дедушку, звал): «Тять, а тять, а ты видишь маму-ту?». А он говорит: «Нет, Вань, не вижу: она, – говорит, – с избранниками, а я матерно ругался, меня туды не пускают», – вот приснился прям сон яму…

Ну с избранниками, – всё-таки она, мама, всегда говела, ни с кем она никогда не ругалась, церкви она навещала… Ну и вот – его тятя-то и спрашивает, тятя-то яму приснился… (*СЕкВ*)

[Умерший дядя жалуется, что голодный; толкование: в реальности поминают только родственников с одной стороны; стали поминать и остальных]

– Это у нас этой племяннице приснился сон: тятя и мама, и потом её дедушка, бабушка – другие, от сына. Ну и они, значит, это она говорит… Кашу варит вроде, а он говорит, дедушка-то, Потехин: «Ты им, грит, погоди, не торопися, они сыты, а я, говорит, умираю есть хочу!» – стало быть, никто яво не поминал.

Вот таперь Коля-то, он живёт этот, внучонок-то, в Ульяновскем, он, как приедет, то денег даст, то там колбасы, то чаво: «Лёль, а ты поминаешь их всех, Киреевых-то? А то, говорит, мне приснилось: “Вы, говорит, токо поминаете всех Лизаровых (ну они Потехины, но их Киреевыми звали), а Киреевых – никого”». – «Ну Колю уж буду помянать, мол, купи чаво-нибудь в магазине, грит, подай и поминай».

А таперь у няво, у Коли-те, в Ульяновскем умерла жана-то, а он таперь вот остался с детями: у няво сын да дочь, а у них уж дети. Вот ездила к няму сястра-то… (*СЕкВ*)

[Умерший напоминает о своем празднике – дне рождения]

– Вот дочка, например, у меня, вот моя старшая – он [умерший муж] постоянно [ей] снится. Он вот то придёт, например, к ней, то вот какой-то праздник – он вот обязательно там напомнит или вот на машине (он был в автохозяйстве там), – или на машине вот приедет. [Дочь] придёт, скажет: «Мам, папа мне приснился, приезжал ко мне на машине». А ещё улыбнусь и скажу: «Люб, да день-то какой! Он скажет: “Вы меня тут не забывайте!”». Вот это в нашей семье – вот это есть. (*ПНФ*)

[Умершая во сне пришла за дрожжами; толкование: напомнила о помине – дне памяти, о котором забыли]

– Ну у него [умершего] может быть какой праздник? У него может быть праздник только день рождения и память, вот на эти праздники он должен обязательно как бы во сне явиться – что вот, мол, вот я – вы не забывайте…

Вот у неё [матери информантки] умерла золовка, она жила у нас, и, что ты думаешь, – мы запамятовали память! Вот Лёли, мам [обращается к *СЕкВ*], Лёли-то, – вот так получилось, что забыли и всё. Потом она встаёт и мне говорит: «Нинка, ведь приснилась Марья Ивановна мне, – пришла, говорит ко мне за дрожжами!».

Вот только когда мне в голову стукнуло – как она сказала мне. Я говорю: «Мам, да правильно она пришла за дрожжами: “Дай мне, говорит, сестричка, дрожжец у тебя нету, говорит, я пирог испеку?”». Я говорю: «Правильно: а испекли мы пирог-то?» – вот она и пришла за дрожжами к нам.

?: Как бы напомнила?

– Да. Вот всё говорят – ничего нет, а душа-то человеческая – она куда-то убирается? Может быть, на самом деле там... Я вот лично как, по-своему, я с этим человеком [умершим мужем], – вот нет его столько лет, а с нём как бы нахожусь. Вот, видимо, характер ещё человеческий такой, я верю – я вот пойду на кладбище, обязательно скажу: «Ну Андрей, если можно там молиться за меня, – помолись...», – так вот говорю... (*ПНФ, СЕкВ*)

[Умерший отец жалуется: «Замучился вешать конфеты!»; толкование: в реальности сновидица работала продавцом и часто за него подавала конфеты]

– Вот расскажу опять про себя. Вот, значит, мне снится отец, мой отец, да: «Тять, – то[г]да не “папой” звали, а “тятей”, – тять, расскажи, мол, как у вас там: страшно? И ты, мол, чай, как там?». А он мне говорит: «Нютка, не плачь! Здесь очень, грит, хорошо». Ей-богу вот так. «А тебе, мол, хорошо или плохо?» – «Мне, грит, очень хорошо, но только, грит, я замучился вешать конфеты». Вот он мне снился чаво: «Я вешаю и вешаю, – работа, грит, у меня такая: я вешаю конфеты!».

А это, може, отчаво мне приснилось: то, что я продавцом была, ну и тут жизнь стала получше ведь, в шесть[де]сятых-то годах, и конфеты в магазине появились, – подавали вот милостиньку, подавали. Целый год всё подавали об нём. Что он только – шастьсят пять яму было, он помер. Вот, може, и это вот приснилось, [потому] что конфеты мы подаём. Вот это... И больше ничаво не сказал. Только сказал: «Нютка, грит, не бойся: здесь очень, грит, хорошо». (*САФ*)

[Положили односельчанке в гроб платье с коротким рукавом; затем покойница жалуется во сне: «Голышом хожу!»; в реальности положили платье в гроб другой умершей; перестала сниться]

– Вот одна умярла, а у ней… ну брат её коронил, это… Ждановой сноха, всё было… А она, золовка-то моя, она это когда… Она умярла в больнице. Ну её [золовку] пригласили: «Ойдате её обмывать-собирать», – они три пошли: две двоюродны сестры и её и эта вот Маруся пошли обмывать. Сноха-то дала ей, говорит, стали собирать: «Жень, давай, в чаво собирать», – и она ей грязно платье, говорит, дала, грязное, худое, зашито. Мы, грит, говорим: «Жень, яво не наденешь, он как детскый!» – «Ну, погодите, я другое дам», – дала с коротким рукавом. «Разве, – грит, – покойника кладут с коротким рукавом? – оне ей грят. – Неужели на́ смерть ничаво нет?» – «А где у ней? Нету, нету!».

И собрали её: платочек на неё обвязали, худой, грит, худой, старенькай, обвязали её. И её увидали во сне: «Я ведь, грит…» – «Как, – грит, – Маня, живёшь?» – «Как я живу… Так-то бы нужды нет – голышом хожу! Хоть бы иглу положили… дали: зашить-то на себе-то нечем, хоть бы иглу дали. А я, грит, голышом хожу». А ей стали говорить: «Жень, вот так и так: Маню видали…» – «Таперь, – грит, – много наскажут!».

А ско[ль]ко-то прошло, её друга́ увидала [во сне]. Друга́-то взяла да своё платье… а умярла женщина, она взяла да своё платье ей отнясла, положила в гроб. Ну и подошла, и говорит: «Тоня, пожалуйста, передай, грит, Мане!». Вот. Перестали её во сне видать.

?: А Тоня – это которая умерла?

– Да.

?: Вот с ней и послали?

– Да. Положили ей в гроб платье. (*ГАМ*)

[Умершая во сне просит тапочки: ее положили в гроб в туфлях на высоком каблуке; тапочки кладут в гроб другому покойнику]

[КАИ] Вот, наверно, у вас в Княжухе?

[ЕАЯ] Чаво?

[КАИ] Это… Умярла девушка. Её положили, – она любила на высоком каблуке ходить и велела схоронить её в туфлях. Она, значит – мать-то когда схоронила её, и она ей снится: «Мам! Пришли мне тапочки: вот должна вот эта…». Она в туфлях на высокем схоронила её.

[ЕАЯ] Да? Как она додумалась?

[КАИ] Ну она велела эдак. Ну вот. «А пришли мне тапочки: мне надоело на высоком каблуке там ходить! Вот эта девушка умрёт – ты с ней и пришли!».

[ЕАЯ] Ух ты!

[КАИ] Ага. Ну правильно – она девушка-то помярла… Она носила эти тапочки, просила девчонкину мать положить ей в гроб эти тапочки. И клала и всё, она сказала: «Я получила их!». (*КАИ, ЕАЯ*)

[Во сне умерший сосед кричит: «Весь огород у меня зарос!» – в реальности у него всегда была «чистота»]

– Видела соседа вот во сне, умер в одночасье же: пил-пил-пил – и умер. Ой, Господи, какой же был хороший человек…

?: Это сосед вам снился?

– Сосед мне снился по-всяки: и благо, и хорошо. Вот один раз я его видела: вот на городьбе сидит ворон – большой-пребольшой ворон, прям чёрный, и я иду тропой вот своей сюды в огород, а он [ворон? умерший сосед?] мне кричит: «Валентина, весь огород у меня зарос!» – никогда такого не было: правильно, у няво чистота всегда была [при его жизни]… (*АВИ*)

[У одной женщины умерла мать; она не подавала по ней; как-то соседке она подала хрен; затем ей приснилась мать за столом, на котором из еды – только хрен; после начала подавать милостыньку по матери]

– Были случаи, были, вот я расскажу: одна женщина, у ней умерла мать. И вот она не веровала Богу-то, не подавала ничего, никакие милостыньки не подавала. И пришла осень, стали там огурцы солить, помидоры солить. А у ней в огороде хрен рос. И вот она, значит, пришла соседка и говорит: «Нюр, дай-ка мне хрену, вырой!». Ну она ей нарыла: «На, мол, хрен!». И вот ей снится сон: длинный-длинный стол, и сидят много-много старух, там, ну старухи не старухи, ну, в общем, много народу. И перед каждым, грит, чё-то лежит: у кого там булки, у кого пироги, у кого там чашки с ложками, – ну всё. А моя мама, грит, сидит с краю, и у неё ничё нет, лежит токо хрен перед ней.

И вот она встала и говорит: «Мне ведь сон прям дал понять!» – и действительно: с тех пор стала подавать милостыньку, и она ей бросила сниться. Вот вишь, как: она просить-то её не просила, а она её видела, что около её нет ничего. И вот ей пришлось, ей стали говорить соседи: «Вот, мол, такое-такое дело – она правильно тебе приснилась: ты ведь не вероваешь в Бога, не подаёшь». И она стала подавать вот милостыньку. (*ЕСВ*)

[Одна подавала «только сдобно», умершие во сне ей жалуются: «Нам сладко всё надоело, хочется хлеба»; стала подавать хлеб]

– Тут у меня вот даже, – мы снохи с ней, она в Ульяновске живёт, Лидией зовут. У ней дочь умерла, и мать умерла. И вот она подавала – и всё сдобно. Всё вот такое вот сдобно: сладки булки, там пирожки, там пирожное такое.

И вот, значит, ей снится мать и говорит: «Лид, ты нас, грит, хорошо кормишь, но только, грит, сладко, нам всё надоело: нам, грит, хочется чё-нибудь такого – хлеба». И вот она стала хлеб подавать, сама россказывала, ей приснилась мать, просит. Я, грит, действительно купила, грит, хлеба и по всему подъезду всем старухам стала раздавать ржаного хлеба. (*ECB*)

[Односельчанка угощала в реальности начальство; во сне ее покойники укоряют: «Ты, грит, хорошо стряпаешь, но кормишь свиней!»]

– У нас вот, например, одна... Вот она не то что у ней были «Родители»[21], а у ней муж был лесником, и вот начальство ездило к ней – угощали вином, пирогами, всё это. И вот ей снится сон такой: «Ты, грит, хорошо стряпаешь, но кормишь свиней!». Вот. За родителей не идёт, потому что оне – мужчины, оне выпьют – оне не перекрестятся, поедят, «спасибо», вышли и пошли. И вот уж ей сон-то приснился.

А у меня сестра живая была – она маленько по покойникам ходила, маленько молилась. Вот она, значит, приезжат к ней в Кувай и говорит: «Тонь, мне ведь какой сон приснился!» – «Какой?» – «Вот такой-такой. Мне говорят во сне: “Ты, грит, хорошо стряпашь, но кормишь свиней!”».

Она тода ей всё привёзла, ну та прочитала. Та говорит: «Мне токо этого и надо!». А то я, грит, не подавала – токо вот так вот. Ну, чай, всё равно: «Нокормить людей, нокормить людей!». Нокормить людей-то одно, но надо и такех людей нокормить, что вот, например, я вот задумала милостыньку, – вот у нас тода вот мать, это мама умёрла – мы с сестрой жили. Мы ходили с сестрой подавать, – она ходила, я её провожала только, ночью мы ходили. Стемнет – и пойдём там к одним, – не к одним, к двоим ли, к троим ли – там где. Молются там где – как у нас там один убогонькый был. И вот раза два-три вот идём там – кто подаст милостыньку, кто подаст свечечку. (*ECB*)

[После смерти односельчанина его мать сильно о нем плакала; он приснился информантке и попросил передать: «Пускай не плачет обо мне: затопила она меня в слезах!»]

[21] Имеются в виду поминальные календарные праздники – Родительские субботы, Радоница и т.п.

– Она [односельчанка] так о нём плакала, не один день, наверно, не проходил, чтобы она не плакала. Я ей всё время говорила: «Тёть Мань, брось плакать! Прочитай лучше молитву об нём: зачем яму там слёзы!». И вот мне снится сон, и я яво... Вот все сны, – вот очкнёшься, и я яво [вижу] за туманом – уходют-уходют. И не сообразишь, чё приснилось. А это как наяву: иду я к ним, и вот на улице у них крылец, вот видели (вот в улице крылец), а он [умерший] высокый был, здоровый, высокый. И вы знаете – ноги у него на первом приступке, на нижнем, а сам он почти доверху. Он долгый, значит, и никак на крылец в сени туды не взойдёт.

А я, значит, подхожу и говорю: «Ба, Ляксандр Васильевич, вы что тут как это?». А он говорит: «Марусь, скажи матери, пускай не плачет обо мне: затопила она меня в слезах!». Вот как обрезало мне, и вот я её всё время убеждала-убеждала, ну материнско сердце – разве оно вытерпит – она всё равно плакала. Я говрю: «Надо молитву творить ему! Ему молитва нужна, а не слёзы» – «Затопила она, грит, меня вот!».

?: Это на том свете?

– Да, на том свете. Он не сказал, что на том свете, а только говорит: «Передай, чтобы она не плакала! Она меня затопила в слезах». Это он вот мне давно приснился – уж матери нет скоко годов. Да хворала она лет десять. И я вот этот сон – как на этим всё равно. Все сны вот забываю. А вот которому сну сбыться – он не забывается! Он напоминат тебе... (*ММФ*)

[Пообещала сходить на Никольскую гору (место паломничества), но не пошла; снится избушка, в которой некая бабушка учит сновидицу молитве; она молится и появляется Николай Угодник; затем во сне ведет свою мать в избушку; той уже святой не показывается; рассказывает в реальности теткам, те говорят, что она еще не такая грешная, раз ей «показался»]

[УЛА] А ещё сон расскажу, сынок [к соб.]: ну это дело, значит, было в далёкой молодости, я яво до сих пор помню, не запомнила одно дело только [молитву]: надо было записать.

В общем, я сильно болела, и вот я, значит, это… обрекалась, говрю (у нас же здесь гора Никольская), говрю: «Господи, Николай Угодник, отрадь меня, Господи! Как выздоровлю – я тебя навещу!». Ну и я, значит, нынче да завтра, нынче да завтра, нынче да завтра, и я так и не добралась к нему… И вот я, значит, что… Ну стала беременная: ждала второго ребёнка. И снится мне сон: раньше у нас кур, гусей кормили

– месили, лошадиным помётом, чтобы они яйца лучше несли: значит, туда картошки, посыпки и – помёт лошадиный. А у нас конюшня там вон ферма дальше была, и вот на эту ферму мне лучилось [sic!] идти вот с ведром за этим навозом за лошадиным для кур. Подхожу к фирме [sic!] (вот этот сон я никогда не забываю! [т.е. далее рассказывает сон]), подхожу я к фирме, и вот… мне надо вроде это, – и за конюшней там стоит маленькая избушка. Говорю: «Да пойду я посмотрю: чаво, в этой избушке-то, кто живёт?». Захожу: там, значит, русская печка небольшая, промежуточек там маленький – там, значит, бабушка копошится и самовар ставит. И вдруг вот на этой вот печке чё-то вот там зашипело, зашипело, и я говорю (не могу[22]!): «Бабонька! А там кто?». А она мне: «Дочка, да там Николай Угодник!». А я говорю: «Бабонька! Как бы мне его увидеть-то? Я всё к нему собиралась-то! Мне как охота увидеть-то яво!». А она мне и говорит: «Встань на лавочку, прочитай вот эту молитву!». Я эту молитву помнила и утром [после сна]. Своим тёткам (они молились, набожливы были, читали) я им рассказываю. Что я не записала на будущее себе, я утром даже помнила!..

И вот я встаю на эту лавочку [продолжает рассказывать сон], и, значит, я вскочила, прочитала эту молитву, и вдруг вот так: самовар зашипел, и появился низенький мужичок с бородкой.

[СВФ] Вот это домовой[23]!

[УЛА] Сам ты как домовой!.. С бородкой. И вот, значит, я говорю: «Ой, дедонька! Здравствуй! Как я к тебе… – я сразу поняла, что это Николай Угодник. – Я к тебе всё собираюсь, собираюсь! Да всё некогда да недосуг…». А он мне говорит: «А всегда некогда да недосуг!». И – пропал. Прихожу (это я всё во сне – вот какой длинный сон!) я домой, говорю свякрови: «Мам! Пойдём быстрее, я тебе покажу его!». И вот я её повяла, повяла, заходим в эту избушку. Я, значит, без разрешения вскакываю на лавку, вроде читаю эту молитву, а он не показался, не вышел больше! Я так-то рассказываю [в реальности], ещё тётя Анюта тут живая была, она мне говорит: «Дочк, вот ты, видно, ещё не так грéшна, видишь: тебе Николай Угодник показался! А ей, видишь, не вышел, не показался».

Ну после этого [сна] я, конечно, тут же поехала в Сурск [п. Сурское], маму свою за бока, было… беременность пять месяцев была,

[22] Т.е. информантка во время рассказа снова эмоционально переживает увиденное во сне. В некоторых случаях такое состояние выражается так: «Вот мороз по мне!» или: «У меня индо волосы щитом» и т.п.

[23] До этого шла речь о «хозяине дома», поэтому собеседник соотносит этих персонажей – мужичка с бородкой и домового.

за бока: «Мама, айда к Николай Угоднику!». Вот так и так. Мы с ней пошли. И я вот с такой ношей, там гора крутая, я спустилась к колодцу, попила и оттуда опять поднялась. А сзади шла бабушка, мордовочка, и говорит мне: «Доченька, как хорошо! Но только вот надо бы ношу какую-нибудь, чтобы потяжелее!». Ну я ей, правда, ответила, говорю: «Бабонька! Во мне ноша-то большая: Бог бы мне помог только влезть». И сейчас я почти… не почти, а в последнее время каждый год не один раз эту гору посещаю. Вот позапрошлое воскресенье внуков возила, купались там, там у нас купальня. Вы не были ни разу [к соб.]?

?: Был, был.

– Купались. Как хорошо!.. Дети говорят… У меня вот сестра с одной ручкой и говорит: «Ой, я так хочу, Людмил, искупаться!» – «Галенька, лезь! Я тебе подстрахую! Лезь!». Вылезла и говорит: «Из речки вылезешь – мурашки, дрожь, холодно! А из этой воды вылезаешь – огнём тело горит! Так приятно, так хорошо!». И не болеешь ведь никогда: вот таких маленьких деток [показывает рукой от земли] – всех купают.

?: Интересный какой сон у вас!

– Сон очень интересный, и я его ввек не забуду! Единственное, что я – помнила я, помнила и не записала молитву, которую мне сказала эта, значит, его… как бы сказать – его жена была[24]. И вот она сказала, я помнила её, надо было записать! Я наутро её прочитала и свекрови, и тётке, – надо бы записать и не записали. Так что – и с тех пор… Всё говорят: «Ой, жива буду – сделаю вот это!». Никогда никаким делам оброк, обещание давать не надо. Вздумал – и иди с Богом. Никогда с тех пор, никогда не обещаю, – всё только: «Ну, Господи, помоги!». Я если смогу, то пойду – там в церковь или куда. С тех пор никаких обещаний не даю. Нельзя.

Это знаете, сколько прошло – лето, год прошёл, как я обещалась. Я так сильно болела, так сильно болела! Говрю: «Отрадь меня, Господи! Николай Угодник! Я только выздоровлю…», – я год не выполнила обещание. И вот он мне приснился. Дело было по весне, по снегу. А уж было тут посуше – я пошла. Вот он мне прямо сказал: «Вам, грит, всё некогда и недосуг…».

Вот этот сон был, конечно, мне – на всю жизнь память. И сейчас всегда во всех молитвах. Там, значит, есть: «Молитесь Богу, которого вы призываете». Я верю Господу Богу, у меня отец был верующий. (*УЛА, СВФ*)

[24] Т.е. бабушка с самоваром, упомянутая выше.

[В реальности сделала аборт; снится сон: идет по озимым, встречает мужчину, похожего на односельчанина; тот ведет ее в некий в сад с красными яблонями; под каждой – колодец; из колодца выходит собака, затем – русалка; сновидица пытается им помочь, но не получается; идет дальше, видит множество детей в крови и водоем, по которому плывет ванна, за нее держится мальчик, – неродившийся сын; затем он тонет; сновидица возвращается к мужчине-проводнику и просыпается]

?: А вот не случалось видеть во сне как тот свет?

– Ну я слышала: «тот свет», это я видела тот свет, это во сне, но это очень давно было… Не знай даже, как сказать: это было в пятьдесят третьем году, мне не было возможности рожать, и я сделала аборт. Ну и, конечно, прошло, может быть, два-три ли года – вот так… И снится мне сон: вот иду я по полю, и тропинка – чёрна тропиночка, а вокруг вот как озимы [озимые], ну они вот шёлковые, шёлковая – такая низенькая трава. А иду я вот где-то у нас вот в нашей местности – где «Горелый» у нас называется. Иду я – и широкие вот вниз лестницы, – мраморные, вот широкие вот такие лесенки, прям крылец такой. И стоит мужчина, говрит… Я грю: «Господи! Куда я пришла? Куда, мол, мне идти-то?». Он говорит: «Иди вот сюда!». И я сошла вниз, схожу вниз и говорю: «Куда теперь?». Он говрит: «Кружись! Кружись!». И он крутит-крутит меня этот мужик, а этот мужик даже похож на нашего ключевского… «Кружись. И закрой глаза!» – он мне сказал. Я закрыла глаза. Открыла когда и покружилась, и он говорит: «Иди вон туда, грит!».

И вот стоит вот ряд яблонéй, и под каждой яблоней – эти красные-красные яблоки. И колодцы – колодезь под каждой яблоней. Он говорит: «Иди вот сюда: может, найдёшь своё счастье!». Ну я иду: перва яблоня – красна, под ней вот это, значит… Прям как сказка тогда это было! Ну этот сон, конечно, давно очень был. И вот – водичка и собака, там собака почему-то! И она вот выходит вот эта вот из воды – вот такая вот, ну даже не знаю, какой цвет, но она всё-таки была, эта собака. Я ей говорю: «Иди, мол, ко мне: может, моё счастье от тебя!». А она будто взяла и нырнула, и нет больше её! И мне голос какой-то: «Нет, твоего счастья тут: иди дальше!». Иду я дальше – опять яблоня, и опять я стою, и опять прошу…

Да! И вот я говорю: «Может быть, моё, мол, счастье: выдь, мол, сюда!». [Другая] собака огромна, бéла. Эта [предыдущая] не помню, какая, а эта – бéла [с] чёрными пятнами. Вот такая. Я говорю: «Иди, мол, ко мне: может, моё, мол, счастье от тебя!». Она вот поглядела-поглядела на меня каким-то грустным долгим взглядом на меня, и опять пропала эта собака, опять в воде этой пропала. Ну дальше я иду…

И вот иду я: значит, третья яблоня, там – русалка. Там, сынок [к соб.], русалка с человечьим лицом. И вот я говорю: «Может, ты, мол, дашь мне счастье?». А она мне говорит: «Возьми меня, сдери с меня шкуру, и, может быть, чего-нибудь у нас с тобой получится!». И я дяру-дяру эту шкуру, а она большая будто бы, и я дяру-дяру эту рыбу и содрала, и у меня уж на мизинце оказалась её шкура на мизинце, и она посмотрела на меня и говорит: «Нет, я, говорит, про́клята, – она мне говорит, – я про́клята, но не ты моё счастье!».

И эта шкура опять отлетела от меня, она поглядела на меня, у меня тут не кровь, а мышина шерсть на мизинчике. И вот она опять мырнула и вынырнула, и тоже так глядит на меня с такой мольбой с болью, но никак не могу я ей вроде помочь. И она мне не может. Иду дальше. Ну вот даже сказать… ну такой вот котлован вот огромный вот на земле – ну сказать невозможно, вот такой. И там – дети. Кричат и плачут и – ну всяко-всяко. И перевязаны, и валяются все в крови, и всё вот это вот – ну страх такой будто бы, все в тре… тряпьё какое-то. И сидит нянька на какой-то изло́манной табаретке, и вот это глядит она за ними якобы. Грязна сама тоже нянька такая, плохая. И эти дети – все такие плохие. А я будто говорю: «А зачем я сюда пришла?» – «Да, грит, твоё ребёнок [sic] здесь!». А я вроде иду-иду, но не подвигаюсь к этой яме: вроде шагаю-шагаю, а всё на таком же расстоянии. Говорю, мол, вот так: «Сынок, ну, иди, мол, ко мне: я, мол, твоя мама!». А он вроде с ложкой стоит, с какой-то маленькой ложкой и говорит: «Я не могу к тебе подойти!». И я вот с таким с каким-то страхом, всё это у меня в голове перемутилось всё, и я не могу ничаво, и пойти не могу!

Ну и всё это пропало у меня как будто. И иду я ещё куда-то дальше: море чёрно, воды столько – вот такое количество воды, толстый слой, и плывёт ванна по нём – вот как в городе в ваннах-то купаются. И плывёт по нём ванна. И за этой ванной идёт ребёнок – ну лет, может, трёх-четырёх. И кричит всё: «Ма-ама! Ма-ама! Ма-ама!». И эта ванна тонет постепенно. И он – тоже (по воде ведь идёт!), и он постепенно за ней тоже в воду, в воду уходит-уходит-уходит – и всё опять пропало. Ой, я не знаю прям вот сколько лет уж прошло, я всё помнится, такое волнение вот щас у меня!

?: А вот дальше?

– Ну потом дальше я будто бы не могу выйти я ведь никуда. Я вот кружусь-кружусь будто вот, хожу-хожу, думаю: «И как же мне теперь выходить-то отсюда?». И мне опять этот мужик появился и говорит: «Кружись, закрой глаза!». И опять я кружусь, и глаза закрыла, и он

будто меня как вытолкнул на эти крылечки, опять вот на эти ступеньки большие, широкие. Ну и всё – это конец всему сну. Это в пятьдесят третьем году это было. (*ФФМ*)

[У директора конезавода умер маленький сын; снится сон: дети плещутся на песочке, а сына не пускают; выясняется в реальности, что сын некрещеный]

– А вот директор конезавода – у нас был больно богатый, славился на всю Россию: элитские кони, может, слышали, элитные кони. И вот ему, директору, снится сон, а у него утонул маленький... а у него умер, умер, не утонул, а умер – ну восемь ли – семь лет. И вот, грит, песочек, и все, грит, на песочке плещутся водичкой, а мой-то сидит где-то в тёмном уголке у какого-то... А я: «Сыночка, ну, иди к детишкам, ну все там играют, – ты, наверно, слышала сон [к собеседнице], – все играют, а ты здесь сидишь!» – «Меня туда не пускают, мне туда нельзя!». Ну и тоже – кому-то она рассказала, кто молится: «А он, грит, кщёный?» – «Нет, не кщёный!» – «Вот так вот – его и не пускают на песочек-то!..». Директор – всё-таки грамотный человек, врать не будет... Вот так вот сны предупреждают. (*ШАН*)

[Умерший отец снится недовольный; сновидица в реальности идет на могилу к нему и говорит ему, что поминки она сделать не в состоянии; затем снится еще раз – снова идет на могилу, говорит, что сделает поминки; «сделала поминки ёму, всё – он больше ни разу мне не снился»]

– Вот у нас отец (это уже много годов, много годов это прошло), и он… я, как обычно, поминки делала через два-три года ёму. А тут я стала прибаливать, зарплата маленькая у меня: собрать поминки – всё-таки это большое дело. Вот. Да ещё ребёнок у меня ещё, да мало – ещё братниных ребятишек привязли мне. Я запуталась, как в репьях, с ними. Прихожу к нё… он то и дело мне во сне снится и снится, снится и снится во сне – и хорошо, и плохо вот, и чё-то он вроде будто он чем-то недовольный, всё… Я прихожу на могилу [в реальности], говорю: «Пап, я знаю, ты чего просишь! Но я не в состоянии щас это всё сделать! Не смогу, никак не смогу. Может быть, когда-то и сделаю», – но ведь опять чугуны-то ворочать тяжело – как никак, а я болела в это время, когда как это… У меня спина сильно болела. Ну и вот сказала эдак – всё, папа больше мне не снился.

Прошло опять сколько-то время, много время прошло, он опять начал меня донимать [сниться]. Я прихожу к нёму, опять туда [на клад-

бище]: «Пап, поминки я сделаю, успокойся! Ко мне больше не ходи». Сделала поминки ёму, всё – он больше ни разу мне не снился. И в нынешнем году он у меня ничего не просил (вот в феврале месяце, он – двадцать восьмого февраля у него память-то), вот у меня ничего не просил, а опять решила сделать ему поминки. И он, знаете, как на меня поглядел нехорошо [т.е. снова приснился]! Вот так вот: чай, скажет, я у тебя не просил, а ты их сделала. Да. Он был недоволен.

Мне надо было в церкву, в церкву надо было сходить-то, а не старушков здесь кормить. Вот в чём дело-то. Я в церковь-то не пошла, я как обычно: захожу в церкву, как никак, я грю, вон свечку ставлю, вон записываю, там на обедню подаю, там всяка всячина. А я чё: вот созвала, накормила только и всё. (*СЕлВ*)

[Во сне умерший отец находится в большом новом доме, мать – в другом месте («она к нам не принадлежит»), к ней идут через темный тоннель; видят сидящих за столом – у матери ничего нет; затем умерший отец выпроваживает сновидицу; после сна выясняется, что часто забывают поминать]

– И однажды я эдак же сон-то видала. Знаете, как получилась у меня. Я не знаю, чем мама грешна, не могу понять, вот до сих пор я не могу понять, чем она грешна. Вот папа – он у нас был простой мужик, очень простой мужик был он. И он нужный очень был людям – и у него, считай, душа просто такая – добродушная. Вот. И я всегда его вижу вот во сне: он то в хорошем большом доме... И один раз я захожу – у него большой дом новый. И стоит вроде вот так вот стена – вроде перегородки, и около стены стоит цветок леандр [олеандр]. Так цветёт он хорошо, и во сне я даже запах его чувствую – вот цветка леандр-то. И я захожу – его, цветок-то, то ли обнять хотела, в общем, понюхать или, может, сорвать – чё-то я хотела. А он [умерший отец] мне говорит: «Не трогай – это не для тебя!». И мне не́ дал этот цветок-то. А я говорю: «Пап, а мама-то где?» – «А она со мной здесь не живёт!» Я грю: «Как не живёт? – я грю. – А где же она?». Он говорит: «Айда я тебя туда провожу! Только не задерживайся, грит, там!».

И он меня повёл, повёл-повёл какой-то туннелью, ведёт какой-то туннелью, а я гляжу, вот эдак говорю: «Пап! Куда ты меня ведёшь? Темнота-то какая!». Он говорит: «Щас выйдем! Там светло будет!». Выходим туды, и вот эдак столы стоят, и около – скамейки. И оне сидят: хто вот так вот сидит, хто вот так вот сидит [показывает: с рукой, подпирающей подбородок], хто вот так вот сидят – одни женщины. А туды

подальше – одни мужики сидят. Я вот эдак вот поглядела вот эдак вот – и мама сидит на краю, на самом краю. И я вот так подошла, я говорю: «Мам, я грю, ты чё сидишь как, я грю? Чё-то вы все сидите – печальны, унылы!». У которых кое-чово чё-то тут маненько есть чово-то, а у которых вроде якобы ничово вроде такого-то нету. Вот. И сидят. И у нашей матери – тоже ничово. И я говрю: «Батюшки! Вот у всех хоть кусок хлеба-то, лежит, мол! – я грю. – А у которых ничово совсем нет! У ково там огурец, у ково там – кое-чово. – я грю. – Вы чё сидите?». А она говорит: «Обед ждём. Вот должны, грит, обед принёсти», – и вдруг запахло щами, щами такими вот – прям запах чую я, сплю, а чую. И вот она говорит: «Ждём обед, а вот что-то задерживатся! Не дают».

И вот потом я говрю: «Ну чё?». Она гри… она не говорила: «Иди», а: «Ступай! Ступай! Тебя, грит, там сын ждёт!». И я повёрнулась и пошла. Даже «до свиданья» им не сказала, сразу пошла – опять этой же туннелью, опять вышла. И папа стоит и стоит – руки вот так вот [скрещенные]. Мне и говорит: «Ну, повидала?». Я грю: «Повидала!» – «А теперь, грит, ты иди домой! И больше, грит, сюда не заходи!». И я ушла, ушла, а когда я очнулась уж – как раз вот…

А у меня девчоночка была братнина, маненька, вот, и я очнулась – она запищала – и я очнулась. Встала и думаю (я до утра так и не уснула): «Что за сон? Что за сон?». Прихожу к одной старухе, ей россказываю, я ей говорю: «Тёть Наташа, я грю, я вот какой сон видела!». А она мне говорит: «А вы её поминате?». Мы папу-то поминам, я поминки скоко делала! Всех поминашь в это время! Но однако же не в то время, когда память. А вот мама-то – как нарочно: она пятого сентября у нас умярла, и вот как нарочно вот – обязательно забуду! Вот будто у меня из головы вытряхнет кто, что она – что её память-то! И записано вон всё, уж всех записала я – и всё равно забуду. Забываю и забываю. Вот когда она мне сказала: «Вы не поминаете, поэтому у ней нет ничово, и они, грит, сидят ждут, когда мы им подадим! Когда их помянем мы!». Вот. Стала поминать её, с этих пор стала – стала в церкву вот, стала подавать, – ну, в общем, поминаю. И во сне я стала видеть её в хорошем состоянии. Она такая довольна вроде будто бы, весёлая и всё, а с папой так и нет их! Они порозь.

?: А вот почему?

– Да… Я как-то один раз ёво во сне видела, говорю: «Пап! А почему ты один живёшь?». А он говорит: «Мне хотели сюда квартирантов поставить, а мне их не надо, квартирантов-то! Я хочу один». Я грю: «А мама?» – «Не-ет! Она, грит, к нам не принадлежит!». Вот только эти ёво слова: «Она к нам не принадлежит!». И он так один и один.

Да такой дом у нёво большой: я ёво всегда вот вижу в хорошем состоянии. Он роботал у нас и в кузнице (ну он у нас мастер был, вообще, мастер хороший, где он токо не роботал). И вот там сосед у нас был – он роботал на лошади, вот. А наш-то вот в это время как раз в кузнице роботал. (*СЕлВ*)

[Поставили тяжелую ограду на могиле; приснилась мать и попросила убрать «тягу»]

– У нас одно… один, вернее, своей матери сделал ограду, а ограду сделал такую – плиточну-то вот, тяжёлу. Она во сне ёму и говорит: «Вовк! Убери с меня тягу-то! Мне здесь дышать нечем: тяжело!». Пришёл – убрал. Вот этот сон приснился ёму. Мы говорим: «Ба! Ты чё, мол, убирашь? Такие деньжищи отвалил, а теперь убирашь!». А он говорит: «Мать во сне меня замучила!» – «А чё она, мол, тебя мучила?» – «Ну велит убрать: мне, грит, тяжело, дышать нечем!».

Так и убрал: сделал вот такую вот [показывает рукой на ближайшую ограду: беседа происходит на кладбище] – лёгонькую, но эти плиты все убрал. А ведь они мраморные – оне в то время деньги большие, наверно, стоили. (*СЕлВ*)

[Умершей поставили ограду, во сне укоряет]

– А вот у нас тётке сделали тогда ограду, она и говорит: «Вы что меня в оглоблях держите?

?: Тоже во сне?

– Да. «Что в оглоблях?». Ну там дочь махнула рукой на всё: «Стоят – и пусть стоят». И всё. (*СЕлВ*)

[Художник Пластов приснился жене, пожаловался, что слишком тяжелая ограда]

– Да тут видите: всё ставят [ограды], а действительно: не положено это всё. А в этом, как её, в Прислонихе у Пластова не были?

?: Были…

– Видели: всё обделано этим было [плитками]. Вот. А он [Пластов] приснился тоже жене-то: «Вы зачем, грит, тягу-то положили?». Вот. Она [жена] сказала сыну-то, а он говорит: «Мы на нёво не клали! Просто вокруг токо, а прикрыли», – вот так объяснил. Ну она скоко там, – как она делала, мы ведь не были, не видали.

А мы как раз там пришли, а там она – наша сваха, она с ней – дружные отношения, они розговаривают, ходют друг ко дружке, она ей говорит: «Ну раз он не велел, грит, красить не велел, никаких па-

мятников, ни крестов не велел он – вон поставили какие-то большущи огромны – и всё» – «А что, грит, зачем тогда плитами-те этими обложили?» – «Да сыну так захотелось! А сон, грит, мне вот и снится: всё, грит, мешат ёму. Зачем, грит, её сделали – это не надо, грит, было! Он же просил: ничово чтоб не было!». А они вот на свою сделали. (*СЕлВ*)

[Умершая мать просит убрать с могилы плиты – сын убрал и другие поставил]

– Вот сын-то в Ульяновским живёт, а она здесь в Тагае жила. А он тогда приехал и вот этой обложил [мраморной плиткой могилу]. Нет [вспомнила]! Там были чёрны, там были чёрные, вот эти он положил белые [заново], а там чёрные были. И она вот ёму во сне-то приснились, и он их убрал, а убрал – вон вишь: другие поставил, положил.

?: То есть нельзя ограду делать, давят они?

– Ну, конечно, они тяжёлы, да. Но вот есть ограда – хватило бы этой. А оне как вроде считаются – цвяточницы. Вроде цвяты, мол, там садить. Но ведь не каждому покойнику надо, да вон и по книжке-те пишут, что, мол, не положено, не положено вроде… (*СЕлВ*)

[Сделали оградку на кладбище, умерший жалуется во сне; в селе многие перестали ставить оградки после этого сна]

[ЮГВ] Вот у мужа в деревне [с. Славкино] – у них вот все оградки – на оградках двери не закрываются. Вот где-то у кого-то закрыли дверь – и снится сон: «Зачем закрыли дверь? Я ведь не могу выйти! Вы зачем меня заперли-то?». И у них на всех оградках дверки все открытые.

[ЮрГВ] И в последнее время щас вообще оградок не ставят.

?: А это какое село?

[ЮрГВ] Славкино – тоже Ульяновская область, Николаевский район. Да вот такое вот было. И постоянно вот многие так говорят.

?: И сейчас вообще перестали ставить ограды?

[ЮрГВ] Щас вообще ограды, вообще перестали ставить. Всё без оград. (*ЮГВ, ЮрГВ*)

[Во время похорон информантка сходила на могилу к матери; затем снится сон, в котором мать корит, что дочь не пришла к ней; та уверяет, что приходила; выясняется, что во время похорон все покойники собираются возле новой могилы]

[ЮГВ] Вот сон приснился. А потом мы вот ездили к Хрёське [крёстной?] на поминки-то. Одна женщина вот пришла на похороны – вот вроде здесь хоронют человека, а она – пока, мол, тут хоронют, я

схожу к маме. Туда пришла – как будто к ней. А потом вечером снится ей сон: «Ты чё ко мне-то… Это самое…» – как там приснилось-то [к мужу]?

[ЮрГВ] Не. Она говорит: «Почему ты не приходила на похороны?».

[ЮГВ] Она говорит: «Я к тебе пришла!» – «А мы, грит, все здесь были – на похоронах!».

[ЮрГВ] «Чё ты, грит, туда ходила ко мне?»

[ЮГВ] «Да. А там, грит, меня нету! Мы, грит, все здесь были!». А она вроде – люди хоронют, она пошла туда, где мама похоронена. И тут же ей вот снится сон: «Ты чё, грит, пришла ко мне? Я, грит, была тама!».

?: То есть умершие встречают того, кого хоронят?

[ЮГВ] Да. Вот почему сон-то снится. Вот какое-то чё-то вот есть. Знают, что она была на кладбищах, знают, что она пошла туда. А сон снится: «Почему ты пошла туда? Мы все здесь были». (*ЮГВ, ЮрГВ*)

[Умерший брат корит сестру-сновидицу за то, что она часто к нему приходит на могилу, а к его умершей жене – нет]

[ЛЕИ] Вот Катя Чудакова – двоюродна сестра ему… У нас так-то в зиму много умирали. И мы всё пойдём на кладбище – у ней брат умер. Она к брату на могилку: тоже эдак вот пойдём – всё зайдёт, всё зайдём вместе. И тоже ей видится сон: брат-то ей говорит: «Катя, ты ко мне часто ходишь! А у Лиде – ни разу не была!» – это жена его [умершего брата]. Дай-ка я её спрошу: была или нет? [т.е. спросила об этом после сна]. Нет, ни разу не была. Вот.

[ЮГВ] Вот к чему приснился этот сон?

[ЛЕИ] Сестре привиделся. «Ты, грит, сестра, часто ходишь! А у Лиде, грит, разу не была!».

[ЮГВ] Всё равно чё-то есть связанное с той жизнью. (*ЛЕИ, ЮГВ*)

[Приснились умершие родственники – сидят за столом, говорят: «Всё есть, а хлебушка-то у нас и нет!»; толкование: нельзя подавать за умерших печенья, надо хлеб и лук]

– Я печенье никогда не подаю: это нельзя подавать – ни печенья, ни конфетки. Лучше луковицу, яичко подать, хлебца кусочек. Вот это.

?: А почему нельзя конфетки с печеньем?

– Нет. Это пустое, это пусто: то, что вот мы печенья подаём да конфеток подаём – это пустоё всё.

?: Лучше хлеба и лука?

– Хлеба, да. А хлеба вот: у меня тут у двоюродной сестре муж умер, и прошло сорок дней – дочери снится сон (ну племяннице моей), и говорит, – она приехала и говорит: «Николавна, мне сон какой приснился!». Я грю: «Какой, милый [sic!], сон тебе приснился?» – «Вот сидят все наши, ну родня – на лавке, на дли-инной, грит, лавке. А я, грит, подхожу к ним и спрашиваю: “А вы что тут это сидите?”. А они, грит, мне ответили: “Всё есть, а хлебушка-то у нас и нет!”».

Я грю [информантка говорит сновидице]: «Я сколько раз вам грю: не подавайте, – купите батон, купите булку, на работе: “Бабы, давайте попьём чайку! Вот нынче память у меня”. Или просто кус… я грю: “Никогда не подавайте печенья!”». Я никогда не подаю печенья. Вот было дочери четыре года, я пошла в магазин, купила булочек, подала всем там булочки. Ну конфеточки-то – это тоже можно, вроде булку с чаем попьёт. А то большинство мандаринов куплю, ну что-то такое, но только не печений и конфет – это пустое занятье.

У меня отец верующий был, он говорил: «Никогда, дочка, не подавай печенья, конфетки. Подай лучше луковицу, чем ты это подашь!». А у меня больно отец верующий был. А попам не верил. (*ГМН*)

[Умерший отец стоит возле могильного холма, говорит: «А у меня нет домика!»; толкуют: «Значит, оградку, видно, надо»]

– У нас ещё – это дочь спрашивает отца (отец умер), – а оградку нынче всё никак, завтра всё никак, всё ей некогда, всё… А заказать – заказали. Ну и идёт дочь [во сне], а он стоит около холмика-то. «Пап, а ты чё тут стоишь?» – «Ну чё, у меня нет ещё домика!» – вот ограды-то нет. Говорит: «Пап, да мы тебе заказали, поминки тебе всё сделали» – «Это у меня, грит, всё есть». Значит, оградку, видно, надо, что правильно – може, домик, видно, есть.

?: А это кому-то из кезьминских так приснилось?

– Ну она сестра тоже умерла, дочь-то. Да, из кезьминских. Ушла [умерла] – сорок один или сорок два года. И вот она спрашивает отца: «Ты что, пап, здесь стоишь?» – «Домика нет!». (*ВЕА*)

[Удавился дядя информантки; он приснился – хочет сильно есть; во сне рассказчица накормила его; после сна информантка рассказала обо всем матери – они собрали небольшой обед, помянули его; затем стала его регулярно поминать, заказывала молитвы в церкви; после приснился, благодарил и кланялся сновидице за то, что спасла его]

– В моей молодости... я закончила десять классов, жили мы в Тагае здесь, у моей мамы был брат. Был связист тоже – вот работал у этого делопута [sic!], за которого вот подруга вышла замуж. И подошёл такой момент, короче – он повесился. Были обстоятельства жизненные – это совсем другая история. Он повесился, мы его схоронили, и в эту же ночь мне снится сон. Почему именно мне – я не знаю, может быть, потому что он любил меня или уж суждено этому быть – никому ничего, а мне приснился сон. Вижу: он заходит к нам в дом, садится около порога, снимает свою фуражку. Рядом садится на корточки и говорит (ни к кому – вижу полный дом народу, ни к кому, а ко мне): «Галин, дай мне поесть: я так хочу есть – не могу передать!». Я говорю: «Батюшки, да садись – я вот окрошку сделала как раз: давай садись – вот тебе окрошка, вот тебе хлеб, вот тебе то, вот тебе сё, пятое-десятое», – ему, значит, всё вроде во сне поясняю. Он садится, поел и говорит: «Спасибо тебе большое!». И он как в стену – вот пошёл-пошёл-пошёл и – исчез. Не в дверь, а вот как бы как в стену.

Я утром встаю – маме рассказываю: «Мам, сон я какой видела – дядю Коля схоронили вчера только, поминки сделали. А мне вот сегодня сон какой приснился – он хочет есть до невозможности». Мама тут же собирает и говорит: «Всё, Галин, давай мы с тобой сейчас быстренько соберём всё, что есть, бабушку пригласим и накормим сами – поминки сделаем такие». А вроде поверье в народе есть, идёт – то, что удавленников не поминают, не отчитывают их никак ничего. Но мы однако же с мамой собрали две-три старушки, вот так пригласили, я им сон-то рассказала, они помянула его. И с этого дня я начала сама его поминать – ещё была ребёнком, десятый класс только закончила – сколько мне было, – шестнадцать лет. Ещё ну деревенская девчонка – ни уму ни сердцу, как говорится, я поминала, я поминала всё время. Мне говорили, что нельзя поминать, все грехи его заберёшь на себя – я никого не слушала, я сказала своей маме: «Я, мам, буду его поминать всё время». Она: «Галин, это дело твоё, как хочешь!». Вот. Мама его всё время поминала, и вот шли годы, я постоянно видела его во сне. Значит, в каком плане: я, значит, вижу шапка на нём лохматая, вот такая вот ушами наперёд, вот. Изодранная одежда на нём, и всё время он возил какую-то телегу – телега какая-то, гружённая сучками непонятными, он вместо лошади был запряжённый. И мне было очень – ну так я вот просыпалась, мне было и тяжёло, и плохо, и я – мы когда из Тагая переехали в Ульяновск – у меня была возможность сходить в церковь (церковь была недалеко), и я поминала его каждый день в церкви. Зака-

зывала там за упокой его, – не только его, но и всех своих родственников в том числе включала. И я ото всех скрывала то, что он удавленник.

?: Иначе бы не стали…

– Иначе бы не стали поминать – ото всех скрывала. И я поминала его таким образом в течение двадцати лет – каждый день. И изредка снились вот такие сны, что вот он то воду возит, то дрова какие-то сучки возит, то бегает от кого-то прячется. Всё время вот какой-то голодный, зашуганный – непонятно, не могу даже объяснить – от страха, можно сказать. И что получается: прошло двадцать лет – у меня родилась уже девочка. Я каждый день ходила гулять, – ходила мимо церкви. И вот опять Господь привел к тому, что я, проходя мимо церкви, поминала всех родственников и его в том числе.

И мне снится сон (у меня мама вот здесь на углу жила, в домике), и я вроде вижу вот в этом доме себя, – мама моя, старшая сестра, тут брат старший. Он вроде умер, а в то время он всё здесь… вижу его здесь – кровать, стул стоит и кровать – больше ничё нет – не вижу. На кровати младший брат лежит, значит. Открывается дверь, и заходит вот этот дядя Коля – на нём такой красивый элегантный костюм, сам он такой – ну сам по себе был очень красивый, высокий, здоровый такой дядина был. И такой вот элегантный, такой вот весь вот ухоженный, – заходит, а я напугалась: они вроде разговаривают: «Здрасьте! Здрасьте, Николай, проходи!». А я сама про себя думаю: «Господи, неужели не знают, что он умер? Забыли, что ли, о том, что он умер? И – “проходи сюда к нам, к живым!”». И я вроде тихонько-тихонько и вот к младшему брату в постель под одеяло, значит. А сама вот как-то немножко вроде выглядываю: посмотрю, что же он делает дальше-то. Он вот так вот с ними поздоровался со всеми, не подавая руки никому: «Здрасьте! Здрасьте!» – подходит ко мне, открывает вот так вот одеяло и говорит мне: «Встань, пожалуйста, на минутку!» – а я боюсь, вот меня трясёт всю вот до невозможности. Мамка мне говорит: «Галин, ну, встань! Ну, встань, что тебе будет: он ничего тебе при нас не сделает». И я вроде встаю к стене, прижимаюсь – на мне белый платочек вот такой вот, вижу себя, саму трясёт всю. Он встал передо мной на колени на пол, поклонился три раза головой об пол и говорит мне, вот так вот стоя на коленях, говорит: «Спасибо тебе за спасение души человеческой! Я, грит, теперь вместе с вами». Как бы он – да, дал понять, что он теперь вместе с нами – такой же вот. Вымолила вот я все грехи ему – простили ему всё это. И я проснулась.

Вот этот сон – этому сну вот ровно двадцать лет. Я его не забуду ни на секунду, он у меня в памяти всё время… (*МГВ*)

[Умерла родственница информантки; сделали поминки, но неправильно; во сне попросила у сновидицы поесть, так как «до нее ничего не дошло»]

– У меня вот сваха умерла, она сколько: пятнадцать лет, наверно, матери уж, одиннадцать… Лет тринадцать-четырнадцать прошло, наверно. Шесть недель поминали: а там молодёжь все стряпали, – у каждого свои, мы ведь, у нас напеки – вот какие [показывает размер пирогов]! И потом у нас – с кем она дружила, эта сваха – во сне видит: она вроде пришла, грит, ко мне, гыт: «Маня, чай, накорми, грит, меня! Так, грит, я есть хочу!». А я, грит, и говорю: «Господи! Нина, мы тебя только вот сорок дней поминали!» – «Нисколько, грит, до меня не дошло!». Я потом говрю: «Лена!.. – и она и снохе говорила, – Лена, такое-такое-то дело…». После этого она никого не стала звать готовить: «Я хлеба испеку, с думой напекла!».

?: То есть тогда доходит, когда сам сделаешь?

– Ну с душой надо! А теперь, пожалуй, может, там нехорошими словами. Надо с душой, если помянешь, чем эти поминки делать, лучше идти в церковь, дать обедню или раздавать. (*КЕФ*)

[Приснился умерший муж: стучится в окошко и говорит: «Не найду дом свой!»; толкование: «Не отпели в церкви»; в реальности батюшка отпел, больше не снился]

– А вот муж умер, а она тоже теперь уж покойна – рассказывает сон: говорит, Николай [муж] приходил под окошко – стучится: «Не найду дом свой!». Ну я говорю [после сна]: «Наверно, неотпетый!» – бегом… дочь в Калининградской области, – звонить [ей], она там около церкви и в церковь ходит. Я говорю: «Неотпетый» – а как раз было Рождество, говорят, нельзя отпевать. Но батюшка пошёл на то, что грех, наверно, взял – отпел. Больше на стало. (*ОМС*)

[Умершая односельчанка приснилась дочери, говорит: «Да чё – оковали меня там вон такие цепи!»; толкование: имеется в виду оградки на кладбище]

– Тоня вон Кирсанова приснилась дочери, говорит: «Да чё – оковали меня там вон такие цепи! Ну колышки и на них – цепи, вот такие толстые, говорит. Оковали меня цепями, говрит, мне здесь плохо!». Это вот дочери сон приснился.

?: То есть это те самые оградки?

– Ну, конечно: типа оградки, но она такая невысокая. Такие цепи – в один ли, в два ряда, в один, по-моему, они идут. Вот на столби-

ках дырки, она свисает на другой столбик, свисает. Она-то и говорит: «Оковали меня здесь цепями, мне здесь плохо!». (*ОМС*)

[Очень плакали по умершей матери, та приснилась, пригласили ее поесть, она отвечает: «Да я вот эту вот плесень сейчас уберу!»; после сна написала об этом тетке, та посоветовала: «Перестаньте плакать!»]

– Мама когда умерла, мы очень плакали. У нас был удар. И плакали всё время. Ну и вот однажды она как будто приходит [во сне], и садимся обедать. «Мам, ты садись ешь!». Она говорит: «Да я вот эту вот плесень сейчас уберу, сырость. Она мне так надоела!». Я тётке своей пишу письмо в Алатырь, она была набожная очень. Она мне говорит: «Перестаньте о ней плакать!». (*МЗИ*)

[Во сне пришла за водой к колодцу, опустила ведро и зовет умершую соседку, чтобы помогла; она отвечает: «Да рада бы я, – опустила, да на мне такой камень лежит!». А ей только что памятник поставили (на могиле)] (соотнесение со сказкой)

– Ещё вот Зина – правильно ты мне сказала [к собеседнице] про Зину Панчину. У нас умерла соседка, мы о ней все жалели. Она по сравнению с нами была моложе, тридцать восьмой год. И вдруг она сразу буквально заболела – ну она болела. Мы не думали, что она так быстро у неё. Вот в октябре её дети взяли в Ульяновск, а в январе она уже умерла. Ну, в общем, очень быстро. Мы все тосковали. И сейчас тоже.

Ну вот она пришла, эта соседка, за водой вот сюда в колонку, и ведро у неё опустилось туда – она не достанет никак. И слышит вот в этом в соседнем дворе вот этой Клавдии голос – она [умершая Зина] её зовёт: «Клавдия, иди помоги мне, я ведро опустила!». Она говорит: «Да рада бы я, – опустила, да на мне тако-ой камень лежит!». А ей только памятник поставили.

?: Во сне всё?

– Во сне. Ну на самом деле ей поставили памятник. А это-то её зовёт соседка: «Иди мне помоги ведро вытащить!». Она ей говорит: «Да рада бы, я тебе помогла [бы] вытащить, да я никак не вылезу из ямы: вот такой камень на меня поставили, я его не подниму!». Понимаете? А ей только поставили – дети приехали из Ульяновска, только поставили памятник. (*МЗИ*)

[Умершая ходит возле дома, а зайти не может; толкование: на сорок дней не поминали в доме – поэтому и приснилась]

– Или вот она приходит, вот соседка. И всё вот около дома – крутится, вертится, а в дом не войдёт. А в доме её ни разу не поминали. Нет: горячий стол и девять дней, всё. Ни сорок не поминали в доме, ничаво. Вот она придёт, крутится ходит, крутится.

?: Это кому-то снится?

– Вот снится нам всем, и мне, и вот соседке вот этой. Все вот её вот так видели. (*МЗИ*)

[Приснился свекор, пожаловался, что ему холодно; в реальности посоветовали подать дрова – чтобы согрелся]

– Бывает, приснится – вот это у нас было, в нашей жизни. Это я ещё там жила, это я могу сказать. Снохе приснился отец, и он говорит: «Я сильно замёрз! Я так, говорит, замёрз!». Вот она встала и рассказывает этот сон. И говорит… Он ей этот – свёкор, а она говорит: «Я сёдня свёкра видела во сне, и он говорит: "Я сильно замёрз"». А ей говорят, снохе-то, что «ты возьми-ка дровец – полена два-три там. Но не заноси, а положи – ну к воротам ли, как там».

?: То есть тайно?

– Ну да, тайно. Вот какой-то признак вот такой, что «отнеси вот» – и она так сделала. Всё – больше снится не стал. Чтобы там… замёрз он. А вот так приснился. (*ИНА*)

[Односельчанин похоронил погибшую жену не в той одежде – стала часто сниться недовольная; поехал в храм, батюшка посоветовал похоронить по старому обычаю; проводили душу, сделали поминки, в результате «вернулся в нормальную жизнь»]

– Вот здесь умерла директора нашего совхоза жена – в общем, в аварии она погибла, это машиной, столкнулись машины – она погибла. Ну и они её схоронили по-своему, там никаких певчих не приглашали. Ни это – одели не так, как положено: во всё шёлково одели. Положили без платка, положили без пояса, без креста. Это… Подруги были, товарищи, – вот этим делом командовали у него. В общем, не послушали, старый обряд – ничего это. Ну и одели капроновые чулки, как обычно – всё шёлково. Ну и скоронили её, вот я говрю.

И директор поехал, в Москву, в общем, поехал – ну на совещанье, на заседанье ли – угодил в Москву. И там, значит, пошёл… в гостинице жил и с товарищами поделился: «Ну, грит, жана мне не даёт покою: каждый день, грит, снится, и всё недовольна, и всё недовольна». А ему

там подсказали: «А ты, грит, вот храм Христа Спасителя, вот спроси, к батюшке вот исповедуйся, скажи ему, что, мол, вот такое дело: жена не даёт покою вот – то она падает, то её ветром сдувать, то она того и гляди под машину попадёт». Ну и вот когда, в общем, пошёл, его там батюшка поставил на место. Он грит: «А как вы схоронили её?» – «Ну как…» – «Как одели?» – и он всё сказал. Он грит: «Это неправильно. Надо хоронить по старому обычаю: потому как хоронят, так и надо было схоронить».

Вот он приехал, а ещё сорока дней не было – не вышло ещё сорок дней. Приехал, привёз с родины певчих – оттуда, отколь, они по национальности мордва, у них свои обычаи. Ну и нас пригласил вот – кто здесь обычно ходит это, поёт. Пригласил, всё сделал по-прежнему, как и [должно] быть, отслужили канон, панихиду отслужили – в общем, пропели всё, что положено. Вот так вот. Ёму он [батюшка] сказал: «А одежду подай ту, в которой кладут всех людей. Как и положено – подай прям начинай – с обувки, и обязательно – без платка женщину не положено, без пояса женщину не положено, особенно замужнюю».

Ну и он всё сделал, как положено: раздал, купил сорочки – это простые, обыкновенные, купил платков всем. В общем, подал, подал, как положено, ложку, блюдечко, подают то, что... Вот. Ну и, в общем, поминки справили по старому обычаю, он всю службу простоял. И у них, значит, как раз на сороковой день, и одна женщина ему говорит: «Ну, теперь идёмте это – душу провожать!». Он: «Как душу провожать?» – «Так, пускай она идёт домой на место. Вот бери икону, бери полотенце, бери икону: как обычно, мол, встречают молодых: с иконой, с хлебом, с солью. И так же ты бери и выходи. И выходите из комнаты все – все до одного человека выходите за ворота». Ну и вышли все за ворота, и она значит... «А чего это?» – «Вот мы пошли душу провожать на место. Пусть она идёт прям на место – выходи прям за передний угол, вот бери… – обычно, когда служат, ставят святую воду на стол, – вот и бери эту воду, стакан этот с водой. Вот выливай его за передний угол, вот где положено... Вот за передний угол, говоришь и: «Ну, теперь, мол, иди на место, и меня уж не беспокой. Всё что я тебе должен – всё справил».

Так он после-те сто раз благодарил. И на год приезжал (уж уехали отсюда, он уехал), и на год приезжал, здесь делал поминки в столовой. Собирал старух, и службу собирал, и ничего не стеснялся – всё по старому обычаю. Говорит: «Ну так что же: я вернулся в нормальную жизнь. Если когда и она приснится мне, то не с какой страстью,

не с какими жалобами, а всегда в хорошем настроении, в добром». Вот так вот, говрю: «Было такое, надо сделать всё так, как положено!» – и хоронить, и поминать. (*ККС*)

[Снится умерший муж – лежит в луже; в реальности знакомые ругают сновидицу, чтобы не плакала]

– Ну да, такое снится. Но человек этот сразу бежит: «Ага!». Он там: «Я вот замерз». Ну вот Тоня наша, сноха, а Коленька [муж] у нас всё время лежит в луже. Он: «Я уже за… это, ну устал лежать в этой луже». А она всё время плачет и плачет, его уж четыре года нет, а она плачет и плачет. Я говорю: «Знаешь чего – хватит издеваться над…». Вот. И он: «Я лежу в воде всегда! Зачем мне это?». Ну мы её тут…

?: Чтобы не плакала?

– Ну да, нельзя так, нельзя. И он же говорит же, это… Ему уже плохо. Она: «Я понимаю. А мне ещё хуже! Мне ещё хуже». Вот приезжал, меня не было, не видела – на кладбище, чай, поди, была.

?: Это сын так у неё?

– Это муж у неё умер, мой брат. Невестка, братова жена. Уж четыре года нет, а она тут всё… Так что нельзя о них плохо говорить (*БЕС*)

[Видит мать в избе, где находится еще 8 женщин; укоряет сновидицу, что слишком быстро ее похоронили]

– Вот мама мне тоже снилась. Вот она у нас умерла одиннадцатого августа, такая жара была! Мы двенадцатого августа её схоронили, на другой день. И вот снится сон. Избёнка такая… [Там восемь женщин] вальтом [лежат], как одна голова вот так вот – вальтом. Вот такие стройные вот такие вот. Прям вот это не забыть! Я говрю: «Мам!». И мы проходим вот с этой Анной, с сестрой, и говорю… это: «Анн, мама-то вон! – говорю. – Мам, пойдём домой-то!» – «Нет, говорит, не пойду! Вы меня-то не чаяли сбыть-то!».

Ну на другой день мы её схоронили: она одиннадцатого в пять часов утра умерла, а двенадцатого мы её схоронили. У ней цирроз печени, у ней из гроба всё пошло. Думаю: никто, ещё ночь переночует, никто из избы-то не понесёт [из-за запаха]. Ну а это нормально: когда-никогда расставаться надо. (*ТНИ*)

[Муж запрещает приходить к нему на могилу, когда хоронят очередного покойника, так как все умершие встречают «новичка»]

– И вот от одной слыхала: вот Зойка-то вот Пахомова – у ней муж-то умер, вот тоже говорит: «Вот как покойника понесут на кладбище, я, – говорит, – все дела бросаю и бегу коронить этого человека-то: там, говорят, когда этого человека коронят, все эти мёртвы, они его встречают. Ну и вот: я, грит, хожу и хожу, и он мне один раз [во сне] и говорит: "Зой, – говорит, – ты не ходи в этот момент ко мне, когда коронют!" – "А что, – говорит, – не ходить?" – "Я, – говорит, – тебя не вижу: мы встречам, к нам гостей нясут, мы, – говорит, – все тама: мы встречам, а мы вас не видим, кто пришли к нам…"».

?: Она бегала на могилу мужа, когда кого-то хоронили?

– Ну да, мол, ну да: «Я, мол, коронить – и к тебе зайду…». А он говорит: «Не будет меня тут-то, на своей могиле, – мы всегда ходим это… как покойника короним, мы все тама [на его могиле]…». (*ХФИ*)

[Умершая бабушка жалуется, что пьет чай без сахара; сновидица спрашивает о другом умершем родственнике, бабушка отвечает, что он живет «маленько повыше»]

– А сноха моя, младшего [сына] вот, вот прихожу, она мне говорит: «Мам, вот сколько мне баба Сара снилась, ни разу мне в голову не приходило, она мне снилась, вроде она у нас живая, а это, говорит, мне приснилось, гляжу, говорит, на неё: баба Сара со мною разговаривает, а ведь она у нас умерла. Я, говорит, во сне-то, я, грит, её щас спрошу, как она там живёт». И стала, грит, её спрашивать: «Баба Сар, как ты там живёшь?» – «Хорошо живём, работам, у нас хорошо» – «А чай-то пьёте?» – спрашивает, грит. «Пьём» – «А с чем пьёте?» – «С конфетами, с пряниками, с печеньями, сахару нет» – а мы подаём всё время конфет, а сахару-то не подаём. «Вот сахарку нет», – да.

«Ладно, грит, а Коля, дядя Коля от тебя далеко?» – младший сын её, мой брат, он умер. «Нет, он маленько повыше меня живёт…» – «Ну а дядя Коля как?» – «Коля хороший, здоровый, полный, Коля хороший», – а не сказала, грит, где работает или чаво, только «Коля хороший». «Он повыше маленько меня живет», – а где, не знаю, а повыше…

Вот прихожу [в реальности], она мне рассказывает и грит: «Мам, значит, бабе сахару надо, она наверное, сахару просит у меня». Она пошла, купила полкило и подала…

А мне, я пошла, тогда моей тётке было 40 дней – и враз вот на яво память, он двадцать седьмого ноября на Заговенье умер враз, а ей было сорок дней, и вот я пошла, испекла коврижку хлеба, зашла в магазин, взяла полкило сахару и тоже подала сахару за стол. Ну и ста́роч-

ки, вот которы молятся, читают, поют, они – себе берут. Ну и такем-то дают, все им говорят: «Не надо, мол, не поём, просто стоим молимся, а вы поёте и читаете». – «Нет – всем, всем».

?: «Повыше живет» – это как на другом уровне вроде бы?

– Как вроде где-то, вроде на этаже ли на каком ли, как вроде в здании, а какой-то этаж, видно, так поняла я, говорит… (*ММС*)

[Снится умершая соседка; спрашивает ее: «Как ты там?» – «Дочк, да всё бы хорошо, но только за мат плохо!»] (близость к видениям)

– Это я тётю Катю Журавлёву так видела. Напротив жила женщина – она такая весёлая была, добрая. И вот умерла. Умерла. А матом ругалась, всю жизнь ругалась матом она. Хохотушка была. И вот она мне снится. Я её увидела и грю: «Тёть Кать, как ты там живёшь?». Она говорит: «Дочк, да всё бы хорошо, но только за мат плохо!». Вот так вот она мне приснилась. (*ТФА*)

[Умерший односельчанин жалуется во сне, что его запоили молоком; информантка до этого сна в реальности часто за него подавала молоко]

– Прошлый год у меня в клубе был руководитель – очень известный молодой… ой, ну не молодой, ну меня-то старше лет на двенадцать. И он умирает. Он, кстати, очень известный был в городе Ульяновске, но спился. И вот таким образом он попал к нам сюда в этот… Его привезли сюда на овчарник, на овцекомплекс, ну а тут он писал стихи, мелодии к этим стихам, частушки, поэмы – ну, в общем, такой очень хороший и уважаемый был человек, оказалось. И я вот его сюда в клуб забрала, я как раз первый год в клубе начала работать директором. И вот он у нас умирает. Умирает, и он, значит, – у нас идёт (сон мне такой), у нас идёт в клубе репетиция. И он стоит в том, в чём мы схоронили его: вот в этой клетчатой рубашке, вообще вот такой вот. И я, значит, бросила репетицию, хор бросила, подбегаю к нему: «Ма! Володь, как ты, что ты? Давай рассказывай!» – ну, как обычно, раньше вот такие отношения были у нас хорошие, добрые. А он мне говорит: «Да так-то, грит, ничё, всё хорошо. Ну я всё тебе-то не расскажу, – что там-то у него. – Знаешь, грит, запоили-запоили, грит, молоком-молоком-молоком» – ну так после сорока дней, вот до сорока дней, ну вот подавала. И молоко подавала – хозяйство своё, и вот я старалась как-то вот его… разговорить [во сне]. И вот он мне так и сказал: «Запоили меня молоком, запоили молоком-молоком! Ну а что, грит, там – я тебе не скажу».

?: Нельзя рассказывать…

– Да, нельзя рассказывать. Вот так вот. (*ЛГА*)

[Умершая крестная запрещает сновидице плакать: «Мы тут все мокрые»]

– Помню, понесла я во сне будто крёстной поесть на тот свет. Несу ей два яблока, колбасы. И вот будто узкий коридор такой, вроде как это больница, и в коридоре они, покойники, поперёк коридора лежат, много их. И я между ступней их переступаю. «Крестная, – говорю, – я есть тебе принесла». «Дочь, – говорит, – положи под подушку, мы едим все разом». Я заплакала, а она: «Ты не плачь, по кому плачут, мы тут все мокрые. Я вот вчера высохла». Видно, это на Радуницу поминать надо. (*АНИ*)

[Подруга видит во сне умершего коллегу: он летает, как птица – у каждого своя норка (описание иного мира), но у него нет норки, так как он некрещеный]

[БЕС] А у нас на работе один товарищ умер – Слава Шапошников. Ну он как бы… было ему уже шестьдесят, но он так неженатый. Ну и женщины его – сотрудницы хоронили. И она мне говорит: «Жень, я это самое… Славу видела во сне. Он летает и летает – там так красиво, вот птички поют. Они поют и залетают каждый в свою эту норку – раз и… А у него нет этой – норки. Оказывается, он некрещёный был, и собственно-то, она говрит, никто за него, – ну никого родственников нет. Не заказ… Вот щас она вообще в Москве живёт. Никто за него никаких молитв не заказывает. Ой, надо мне как-нибудь всё-таки его вспомнить и заказать. Короче, он без дома живёт, нет его домика.

?: Потому что он некрещёный?

[БЕС] Да. Он некрещёный. Летает, летает…

[АНП] Может, не отпевают? А отпевать же должны? А некрещёных не отпевают в церкви.

[БЕС] Я вот не помню. Мы хоронили – я вот не помню, отпевали мы или не отпевали. Ой, не помню. И вот он некрещёный как бы был… Ой, вот слава Богу хоть… Хороший человек, такой антиресный [шутливо], такой это самое… инженером он работал.

?: То есть она как «тот свет» видела?

[БЕС] Да. Она говорит: «Вот они, знаешь, все… Ну так, говорит, там красиво, птички поют все вот так – о-очень красиво! И летают они – они птички, а лица у них человеческие».

[АНП] А-а [с придыханием – с удивлением и страхом] Ой, Жень, наговоришь, ночью приснится.

[БЕС] Вот Валя, говорю, она очень серьезная женщина. Она грит: «И ты знаешь – и каждый в свою норочку – раз и спрячется, раз и спрячется. А у Славы нет. А у него этого домика. А он так бедный – так и… И летают, и летают, и летают». Я говорю: «Валь, ну это надо сходить». А потом она в бассейне работала, а я в бассейн ходила – и мы долго с ней разговаривали. Она говорит: «Ну я не знаю». Я говорю: «Надо сходить в церковь, чё-нибудь там, может, скажут, чё с ним делать: жалко же он там – беспризорник». Всё, говорит, хорошо, как в раю. (*БЕС, АНП*)

[Идет во сне по центру села, встречает детей и умершую мать; та сообщает, что они каждый день ходят на «бугорок с цветами», о детях говорит сновидице: «Лизк, чай, это твои!»; толкование: это дети, нерожденные из-за аборта]

– Мать с отцом схоронили вместе в одном гробу, одним днём, вот. Мама-то мне снилась: я будто вот иду этим вон центром-то, а вперёд-то меня как бы встречают ребятишки, дети вот, все одного возраста. Эти бягут, а два-то вот так мне кланяются. Гляжу за этим: «Ба, да ведь это мама!». Она говорит: «Дочк, вот оглянись-ка назад-то, во-он на тот бугор-то». А я оглянулась на тот бугорок (у меня индо волосы щитом, вот они и сейчас у меня подымаются!), там вон есть розы цвятут во всё. Я говорю: «Мам, так ты это куды с ними идёшь?» – «Вот туды в эти в цветы и иду, каждый день ходим». А я её спрашиваю: «Мам, а это вот, мол, все бягут ребятишки одного возраста, а двое, мол, эдаки же, но токо вот так мне два раза, вот так мне два раза [кланяются]». Она говорит: «Лизк, чай, это твои!». Я грю: «А как мои, у меня моих нет?». Она говорит: «Вот нет, они поэтому тебе и кланяются». Вот мы делам капремонт этот, аборты-те, вот, вот так, вот эдакие сны мне и снятся. (*МЕМ*)

[Сновидица не смогла помянуть своих родителей так, как это делает обычно; во сне готовит обед на том свете; детальное описание иного мира: ряд взаимосвязанных комнат и одновременно – ряд домов; у матери и отца – разные комнаты в соответствии с их характером; различие взаимосвязанных комнат-домов объясняется тем, что родители похоронены в разных местах]

– В общем, у меня двадцатого февраля был день памяти папы… Ну я тебе [к соб.] даже уже начинаю с расшифровки: я поняла, почему мне приснился этот сон. Обычно в связи с моими умершими родственниками я всегда делаю так: вот, допустим, там с старшей сестры на-

чинаю [поминать], а потом всех родственников, – иду в церковь, стою службу и поминаю. Собственно так и собиралась в этот день, но в тот день мне пришлось: во-первых, выборы[25], я всей душой, я собралась, настроилась, но – выборы, а на следующий день в выходной я не могла попасть, потому что у моей подруги был день памяти этого самого… отца. И мне пришлось испечь блины, ехать, ну помогать на этих самых. И вот мне снится сон уже спустя… это вот когда было, уже март…

?: То есть в церковь вы не попали?

– Я в церковь не попала, и с папы не начала [поминание]. А у меня уже такой принцип вот (все умерли): мамин день памяти, мама, там мама, папа, сёстры. Сестра, значит, сестра… у кого день памяти, с того начинаю вот поминный вот это усопших, допустим, Лиды [сестры] – и пошло. То есть двадцатого февраля я должна начинать: Алексей, Мария – и пошли дальше. И я уже так делаю. И это самое, но не только там… У меня полно всех умерших…

И вот мне приснился сон: как будто я нахожусь в доме, где живёт мой отец. И в этом доме готовится это самое… И я там нахожусь, как бы гости, и я должна готовить обед. И обед этот праздничный, и туда приходят очень много народу. И вот приходят… Должны пойти, подойти мне помогать, должны вроде бы помогать мне, но я их не вижу: сёстры там, вот сёстры. Но это, наверное, имелось в виду вот одна сестра вот Лена, жившая… Знаю, что там Валя [другая сестра] была, я их не вижу… Вот они. Видела какие-то лица людей, не лица, а вот силуэты людей, я их там личности не видела. Вот. Пришло очень много к папе гостей, а обед-то не готов у меня.

И понимаешь: с одной стороны, они не очень на меня злились, что обед не готов, потому что… я потом поняла: важная у меня была причина не пойти всё равно, – как бы признали мою причину, почему я не смогла попасть в церковь. Обед готовлю, я суетюсь, что-то делаю, я действительно что-то там готовила, потому что тогда вот я пекла блины другому Николаю Иванычу на этот самый [в реальности] и говорила: «Вот моего папу ещё помяните, потому что накануне у него был день памяти». Вот. Я хлопочу-хлопочу [продолжает рассказывать сон], и вот люди пришли, а обед у меня не готов. И вроде бы я тут чё-то возилась, и потом меня как бы отправили в какое-то путешествие по этому дому.

Единственное знаю, что я видела этот дом папин, он состоит, – это огромный-огромный какой-то не то что слово «муравейник», это

[25] Информантка – председатель местной участковой избирательной комиссии; эта деятельность связана с усталостью и нервами.

какой-то огромный дом, я не помню его общее строение. А я знаю, что там такие небольшие комнаты, вот я попала, смотрела комнату, где мама. У мамы… вот, знаешь, вот эта комната у мамы, у мамы вся вся в коврах – стена… и причём яркие [ковры]. Вот это самое, вот эти комнаты, в которых живут вот мои родственники умершие, вот эти люди, которые там, соседи умершие. Они, они, в общем, я их видела, ну в разных цветах, вот особенно мамину комнату. Мне прям, знаешь, легко-светло было на душе, несмотря на то, что я там чё-то суетилась, но обед не приготовила. Вот мамина комната мне запомнилась: она почему-то вся в коврах была, причем с яркими, ковёр с яркими цветами. На полу, я помню, вот как мама любила – эти огромные чайные розы, который вот, вот такой [показывает руками размер цветов на ковре]. Тут ковёр, – такая чисто вот мамина комната.

Потом я пошла дальше – ещё в какие-то комнаты заглядывала. Но в Лидину, в Валину [сестер] комнату я в этот раз не попала. Были потом меня… ну не то что я сама шла – кто-то шёл рядом со мной и показывал, т.е. вот папа где, – папа, как всегда, озабочен поесть и попить [смеется], выпить. Потому что упорно у него что-то там были какие-то, помимо вот этой комнаты, там было очень много вода где льётся, раковины. Чё-то он такое, вот знаешь, всё время хозяйством занимается, там что-то у него связано с водой и всем прочим. Потом, значит, я выхожу: люди живут не только по одному это самое… они живут… Вывели меня, вышла я из комнаты: две женщины, у них ребёнок, у них это самое, то есть заняты все разными работами. У них вообще похоже, у них даже есть приусадебное какое-то хозяйство, – вот такой дом, как тебе описать его… Я вот его вижу – он какой-то… ну не то что на ветках, как в этот, – очень странно: он как бы какой-то висячий дом, висячий дом…

?: Это рядом с папиным домом?

– Понимаешь, это всё находится в каком-то огромном, на какой-то огромной территории. Я говрю: строение, я не зна… это люди, живут в каком-то определенном мире, но живут они в разных комнатах. Вот мамина комната небольшая, она вся в коврах. У папы комната – там тоже что-то чисто, но у него очень много, – почему-то вот эти краны с водой, какая-то ванна. Он любил выпить, и чё-то там всё время вода, и чё-то там всё время журчало. Папа всё озабочен, он вообще любитель был всегда всех угощать, приглашать, такой хлебосольный. И у него пространства больше, потому что папа один у нас похоронен, Валя-то с мамой, у мамы такая действительно узкая комната.

А щас потом уже анализирую: а папа-то один [похоронен], он там пока ещё на просторе там, запас есть для оставшихся. У него этот огромный памятник и больше пространства. И папа, – хоронили когда, вот так стояла вода [показывает – по колено], просто или дождь – невыносимо. Потом меня повели по этому дому, то есть… словом «дом» нельзя назвать, по этому миру. То есть у каждого своя, – какое-то жильё определенное. А не помню Валино, я не помню Лидино, я знаю, что они присутствуют тоже в этом мире. Но я их не видела, я знаю, что они присутствовали. Они тоже явились вроде как на этот помин, который… обед, который я не сделала. Я чё-то там суетилась, я что-то готовила, но я… не настал тот момент, чтоб я им подала.

И потом меня кто-то повёл или что-то показывать, что живут очень все по-разному. И вот запомнились мне почему-то две женщины, и там был какой-то ребёнок. Уже пространство, – знаешь, вот выходишь, а там такой зелёный луг. У них почему-то дома большая территория, большая территория по земле и открытая. Существует там у них какой-то воздух, ну то есть я не знаю – сад. Вот дом, у них строение почему-то висячее. Ну… я не знаю, как объяснить тебе, я смутно помню там типа какого-то карниза.

Эти люди это самое… Вот они там убирались, они заняты типа землепашества, чё-то там, они вот этим… увлекаются или они живут, или они это делают. Потом я перебродила по какой-то речке и… дальше я уже забыла. Вот я знаю, что я ходила-ходила-ходила, и это было разное. Вот три вида комнаты…

?: Вот эти женщины в висячем саду – они вам знакомы?

– Нет. Меня потом повели вообще люди незнакомые. Вот те, которые присутствовали, я их не видела лиц, я знаю, что они были вот… Пришло много людей, не только как бы дальних родственников, соседей, где я по родине [sic] жила, и незнакомые просто люди. Они тоже пришли. И опять же, я объясняю тебе, – потому что я теперь хожу: я начинаю, а потом иногда я пишу-пишу (огромное же количество родственников уже умерших) и вспоминаю про тётку. Вот никак не вспо… часто забываю свою родную бабушку по маминой линии, я её совсем не знала, а…

В общем, был какой-то… этот мир был определенный, но он, конечно, вот ограничен каким-то… Вот у них открытое помещение, своё строение, у этих какие-то комнаты, у этого – какая-то ванна. Есть какой-то вниз подвал, туда я не спускалась, и вообще – какое-то более низменное, более тёмное место.

Я ушла из этой комнаты – маминой, папиной, проходили мы ещё комнаты какие-то. Я вышла на простор, там был вот… я знаю, что река была, потом просто какое-то светлое пространство, а потом проходишь – просто зелёная, зелёная-зелёная трава. И там эти лежат, – ну не то что это заяц, там какие-то животные бегают. Потом какая-то гористая местность, но вот оно открытое, но оно ограничено, в подсознании было ощущение, что оно ограничено какой-то архитектурой, – это один мир, один дом, понимаешь? Но это надо в каком-то таком многозначительном понимании – «дом». Всё равно они там все вместе, но живут они по-разному, потому что у кого-то были светлые, туда вниз, где темно, я не спускалась. Я знаю, что у мамы более яркое, более красивое, в общем, тут снова ковры мне запомнились, но оно более узкое. А у отца пространства больше, но оно связано – там чё-то журчит, чё-то папа всё время чем-то озабочен…

Ещё знаешь, чё вот хочу сказать, что мне вот эти сны, они мне всё время снятся… Что-то было дальше во сне, вот я не помню. Вот я встаю, у меня в голове какой-то полумрак, то есть у меня закрывается это видение, до конца не открывается.

И вот очень интересно, как тебе сказать, это, с одной стороны, слово «дом»… В огромном, понимаешь, в этом доме. Получается, что в этом доме, во-первых, и комнаты, и в то же время есть какое-то открытое пространство. Понимаешь, дом в доме, там люди вот эти, те, что там живут, они живут в разных не просто в этих комнатах, они живут, ну как тебе сказать… Вон те женщины точно – открытое пространство… Я знаю, что там сад, вот природа. Вот у них просто светлый, прозрачный воздух и какие-то дети. У других там чё-то начинается зелёная яркая такая изумрудная трава, животные, у других там какая-то гористая местность. То есть у всех разное… дом, вот это пространство одно, но там разная природа почему-то. То есть их комнаты находятся в разной… Вообще, в принципе объясняется, – они похоронены в разных местах. (*ТЛЛ*)

[В реальности сомневается, что умерший отец «глядит» за ними; во сне спускается в могилу отца по ступенькам; иной мир описывается как большая комната со столиками, за каждым из которых сидят люди; беседует с отцом о том, видит ли он других умерших родственников; отец дает сновидице конверт, на котором написано: «NUS»; отец говорит, что на роду написано у каждого, кому когда умереть]

– Я осталась шастнадцать годов, отец пришёл с войны, с Отечественной войны, жили они в этих – в блиндажах, на полях, – ничаво не

ели, не мылись, – лошадь найдут такую мёртву, отрубают, на костре, говрит, погрем [погреем]... Приехал больной, приехал – у него осколок в правом бедро [sic!] вот. Больной приехал, демобилизовался, ну и чаво – я сама, это вот прям вот он рассказывал всё, что было и как было, какой страх был и всё. Прям вот враг-то, грит, перед нами почти, ну остался жив, но приехал больной. Ну вот чаво тут – рассказывал, как что и чаво, и как жили всё плохо, всё – ну война... Но всё-таки отстояли, всё-таки молодёжи дали жизню…

А сон – вот когда он умер, шастнадцать годов мне было, и яво скоронили, а держали коровёнку, и мы с мамой поехали – кукуруза осталась в поле, вясной поехали за этим кормом, за кукурузой. Нарубили, – она едет и плачет, говорит: «Господи, отец, чай, глядит: “Страдают мои-то!”». Я говорю: «Мам, да полно ты: чаво – заваляли землёй – да кто глядит», – эдак-то…

Не поспела я заснуть, [не то] чтоб вот уснула я хорошо, – отключилась, и видится мне сон: ходим мы по кладбищам с мамой, я грю: «Мам, пойдём понавѐдам папаню-ту». Она говорит: «Ладно, Жень, какой понаведам-то, ну, пойдём…». Подходим будто к могиле, могила раскрывается, и ступеньки туда. Спустились мы, и я будто гляжу: стоят столики, ходят фициантки в белых фартуках, в платочках, и говорю: «Вот папаня где сидит!» – столик – будто один сидит.

Она: «Ну, пойдём!» – я иду вперед, а она идёт за мной. Я подхожу: «Здравствуй, папаня!» – «Здравствуйте, вы как попали?» – «Да как, мол, ходили тут – спустились к тебе. Это, мол, чаво – первое, что ли, едите или, мол, второе?» – «Нет, мы первое поели, а это второе уж едим». – «Папань, вы, мол, работаете?» – «Работаем», – грит. «Скажи-ка, мол, ты, видишь, что ль, ты Ваню? – брата маво, [его] сына, убили яво на войне же – с двадцать шастого года. – Видишь, что ль, ты, мол, яво?». А он будто на меня вот эдак взглянул и говорит: «Какая ты интересна, Женя, любопытна!» – «Ну как это, мол, любопытна… А дедку с бабкой, – яво мать с отцом, – видишь?». А он говорит: «Приходится, вижу», – про Ваню-то вот он ничаво мне не сказал, а это говорит: «Приходится, вижу».

Ну ладно… Он говорит: «А вы письма от меня получате?». Я говорю: «Нет». И он будто вытащил письмо – вот как бывало с фронта – конвертик эдакой вот [показывает рукой треугольник], и на конверте написано «NUS»[26]. Я думаю: это я письмо не пойму, не разбяру – тут написано не по-нашему, – тут по-славянски написано – всё же я яво

[26] Информантка начертила эти буквы по просьбе собирателя.

положила в карман. Положила, говорю: «Ну, ты пойдём нас, проводи!» – «Да сейчас провожу» – пошёл он будто нас провожать, и на этих приступочках сидит какой-то маненький – мальчишка или дявчонка уж, я ня знаю, – как вот сейчас наяву мне. И он [отец] будто яво туда [показывает руками: словно отталкивает кого-то]. Я говорю: «Да ты что – умрёт!». А он говорит: «Нет, дочка, на роду написано всем, кому когда умереть».

Вышли будто мы, – ну мы, мол, пошли, – всё закрылось – могила, никаких ступеньков, ничаво нет, – как было, так и всё.

Я как очкнулась, вскочила: «Мам, мам, какой мне сон-то привиделся!» – по мне индо мороз. «Ну-ка, расскажи!» – я её рассказываю этот сон, она говорит: «Вот тебе и повидѐнье! Вот, – это тебе повиденье. Вот мы ехали – ты говоришь: “Ну чаво это, кто это!” – вот тебе повиденье, – вот так вот…».

?: Как пишется NUS?

– Вот написано NUS, ну это как по-славянски написано – не по-нашему [показывает] – нет, я яво не расшифровала. И письмо так осталось у меня в кармане, я яво тоже – прочитать бы мне яво, так и осталось оно у меня в кармане, вот только гляжу на письмо… «А мы, говорит, старичка нанимам, у нас есть эдакий старичок, и он всем разносит [письма]», – вот…

?: А вот какая там комната была, где отца вы видели – опишите подробнее?

– Вот, знаете, комната кака большая, вот комната большая и стоят рядами столики, – столики небольшия, небольшия. И за каждым столиком, сидит один – чьи сидят тут – я уж не знаю, я только увидала говорю: «Вон папаня-то где!..». А чьи тута… Чисто, хорошо, – прям куды тебе. И столики, приступочки, – крылец какой – спускаесся, крылечек, спустились…

?: Как в этой комнате – светло?

– Святло. И вот они сидят – мы, говорит, уж второе едим. «Чаво, мол, первого у вас нет?» – «Это, говорит, уж второе у нас». Это вот мне повиденье… (*КЕВ*)

[Умершая просит во сне сшить платье; в реальности – покупает и подает платье]

[ЮГВ] Ведь не зря же говорят, что нужно поминать. Если человека долго не поминаешь, вот снится: то он голодный, то просит хлеба, то вот просит какую-то одежонку, как будто чё-то нету. Вот. Всё это через сны.

?: А вот какой-то конкретный случай, когда вот просили?

– Ну вот я рассказывала вот про маму, вот просит: «Ты сошей мне платье!». Я пошла в магазин, купила, подала.

[ЛЕИ] Значит, она в платье будет там [на «том свете»]. (*ЮГВ, ЛЕИ*)

[Умершая тетка просит поесть; после сна покупает пирожки и раздает]

– Вон там жила моя… мамина двоюродная сестра, мне тётка двоюродная, – умерла и вдруг приходит ко мне в гости. Я: «Господи! Как тебе обрадовалась, как ты давно не была!». Она говорит: «Да нужда заставляет, есть захотела! А кто кроме тебя нас покормит?». А их три сестры было, и я поминки всё, и эту пять раз поминала. И Татьяну наверно, раза четыре, она и говорит: «Кто, кроме вас, покормит?». Ну вот это сон – ну чё: побыстрее пирожков напекла, раздала.

?: После сна сразу поминки сделали?

– Ну раз она есть хочет… (*ОМС*)

[Девушка просит передать матери, чтобы та прислала свадебное платье; называет адрес матери и сообщает, как передать: умрет молодой человек, с ним надо похоронить платье]

– С нашего села в Самаре жила Анна. Ночью снится сон: «Скажи моей маме, чтобы она прислала мне платье свадебно, и пусть она по мне подаёт: как мне плохо! Нет молитвы на мне: мне очень плохо!» – «А зачем?». Говорит: «Я замуж выйду!». А она [сновидица] говорит: «Дочь, зачем, где я тебя найду? Как я твою маму найду?». А она говорит: «Мама моя работает, – тода были коммунисты же, вот это в то время, коммунисты были. – Мама моя работает в обкоме. Поэтому она, грит, Богу не верит. Это как плохо!». Она говорит: «А как я твою маму найду? Да и как она тебе платье передаст?». Она говорит: «Вот по такому вот адресу умрёт или умер парень молодой. Вот пусть она попросит хозяйку – и в гроб они положут это платье мне!». И вот, значит, они как бы пришлют ей. Ну вот она, значит: «Адрес маме: какой адрес маме?». Она говорит: «Вот такой-такой!». Она сказала – и адрес, и всё.

Я, говорит, ночью вскочила и записала скорей адрес! Иначе, думаю, я всё забуду! И вот она там сказала этот адрес, и она там соседку – говорит ей: «Давай попробуем поедем! Что, грит, мне такой странный этот… этот, грит, странный сон?». И оне поехали. Конечно, приехали, они позвонили. Она – с гонором на них, эта женщина, с гонором,

конечно: «Зачем, да как, да кто вы такие?». Но когда, грит, они всё это рассказали, она, грит, столько вещей потом после нее дала, этой дочке. И всё это она сделала, всё это – купила это платье. И всё это – дали ей адрес, что «отнеси вот ей, попроси хозяев-то, может, тебе это…». И они, грит, согласились, что они положут в гроб тому парню. На самом деле у них умер этот сын. Вот так было. Вот такие вот случаи были.

Верить надо, сынок [к соб.], верить надо! Как не верить – без этого нельзя никак. Без веры жить нельзя. (*ФФМ*)

[Умершая дочь просит мать купить свадебное платье и положить в машину – в реальности там везут молодого парня, погибшего в Афганистане]

– У одной женщины еще в детстве умерла дочь. Вот в день ее восемнадцатилетия она приснилась матери и говорит: «Купи свадебное платье и выйди на дорогу (указала место). Первую машину не останавливай, вторую тоже, а третью останови и отдай платье». Женщина рассказала это соседке.

Они вышли на дорогу. Первую машину не остановили, вторую тоже, третью остановили и рассказали о сне. Спросили, куда едут, чего везут. А это, оказывается, везли молодого парня, который погиб в Афганистане. В его гроб положили платье и похоронили. (*ТАА*)

[Приснился муж, попросил хлеба и ведерко – сновидица собирается это всё подать в реальности]

– Я вот мужа недавно, ещё года нет, как похоронила. И вот недавно, ну сколь – ну, может, недели две, мне снится сон: пришёл он домой. Ага. А я говорю: «А за каким ты чёртом пришёл?». И его матюком. А он и говорит: «Я пришёл к тебе! Вот мне надо каравашек хлеба, вот круглый. И ведёрко. Вот подай, грит, мне это! И я больше к тебе никогда не приду!». Вот тебе и пожалуйста!

?: И вы подали?

– Я подала… Нет, я не подавала. А мне где? Он именно каравашек просит, а не вот буханку. А где я каравашек возьму? Вот уж привязут, дети, поедут сюды на годовщину из Саратова, я позвоню, они уж привязут – обязательно подам: ведёрко подам и… А он рыбак у меня заядлый был. Он за рыбу всё отдаст. У нас вот и «байкал», вот [показывает рукой], но он щас высох – воды нету нисколько. А вот рыба-то у двора была. (*ГМН*)

[Умершая тетка лежит на зеленой траве, просит петушка; в реальности информантка заколола петушка – сделала поминки]

– У меня тётка была, папина сестра, так вот ей была память, а она у нас, как бы сказать, не сама, а муж у ней пил, и, в общем, её задушили. Ага. Вот пришло время памяти, и я её вижу [во сне]: местечко такое вот, – как бы лужа какая-то, а здесь краешек – зелё-ёная трава, она на этом краешке лежит и говорит: «Эх, Шура, как бы я петушка!.. – ну чтоб сварили петушка, – поела». Ну вот я это делала: я заколола петушка и как бы поминочки сделала. Вот сварила его и покормила. (*САМ*)

[Умерший сын стоит «и вот так ножки подымает»; толкование: тапочки малы – подала в реальности тапочки]

– Один раз – всё у нас дают вот за покойника там одёжу, ну вот я дала одному мужику. А он [муж] маленький размер купил тапочки, и вот во сне вижу: вроде он [умерший сын] стоит и вот так ножки подымает [показывает]. А потом я встала и говорю: «Ой! Наверное, я грю, малы тапочки, я грю! Сыночек, я грю, до базара, а я после тебе куплю». Ну вот купила, вот после этого больше вот и не снится: поминаем, может быть, из-за этого? Каждый год поминаем. (*БНТ*)

[Умершая племянница просит платье; информантка не знает, подавали в реальности платье или нет]

– Это я слышала мне присни… ну между собой-то разговаривают: «Ух, мне какой сегодня сон приснился, пришёл и говорит: “А я поесть-то как хочу!”». Да, который скажет: «Поесть хочу», – который скажет ещё что-нибудь, то скажет у меня платье худое…

?: Почему платье?

– Ну вроде того, что надо подать, вот после этого, ну как уж сказать-то: уж правда не правда, никто не зна… но разговоры есть, ну… И вот после, значит, платье подать, если кому приснится: «А мне не нравится платье», – вроде того, что меня положили в платье, а мне не нравится…

Это вот у меня племянница умерла, ей пятьсят семь годов, вот полгода [после смерти] будет двадцать сядьмого числа. И вот приснился тут одной сон и говорит: «Вот платье не нравится», – а сама покупала, приготавливала, и не понравилось ей это платье. А которое она говорит, говорит, во сне-ти... А она говорит: «Ну ладно, я тебе своё отдам!» – вот, и проснулась она. А уж вот тут, да, не знаю: подавали они платье-то иль не подавали. (*ГСЗ*)

[Покойный муж просит курить; подала односельчанину; муж приснился курящим]

– Вот когда [муж] умер, я спросила яво… Батюшки, – я проснусь… Что мне приснилось? И вот будто он сидит как на печке. Я говорю: «Чего у вас там? Чем вас кормят?». А он говорит: «Да кормят-то хорошо, да вот курева нет», – он курил, и курева нет. И вот я, значит… Значит, нет курева, – я канун прочитала и подала, подала…

?: Курево подали?

– Да, Юрка Котерев курил. И вот мне приснится [приснилось]: вот курит! И дыму валит, из папироски валит дым. И такой улыбающай – это значит он накурился. (*ГСЗ*)

[Умерший муж говорит, что до тех пор будет сниться, пока горохом не накормят; в реальности сварили горох – больше не снится]

– Вот три года я мужика поминать, – бывало, в Ульяновскем лежала, и вот три раза он туды ко мне приходил [снился] и говорит… Я яму говорю: «Ты что меня мучишь?» – «До тех пор, – грит, – буду мучить, когда меня накормишь горохом». Вот. Приехала поминать, говорю девкам: «Вари гороху», – вот. И таперь год подходит, ко мне ни разу [больше] не приходил. Вот. «Горохом, накорми горохом, не приду, – грит, больше к тебе». Вот всё. Варила, собирали поминки. (*ПЕИ*)

[Умерший во сне просит чая и уходит к другой односельчанке; мать сновидицы (рассказчица) советует подать кому-нибудь чай]

– Ну недавно вот даже не мне, приснилось моей дочери, вот здесь она была в отпуске, Марии сон. Пришёл, грит (вот здесь парень жил, он молодой погиб), и просит, грит: «Маш, налей мне чаю». Она говорит: «Сашк, да ещё чай-то не скипел. Подожди, грит, я щас поставлю “Тефаль” и вскипячу – дам тебе». А он говорит: «Это долго ждать тебя, я, – говорит, – пойду дальше». Она говорит: «Ну что уж ты?» – «Нет, грит, пойду к тёте Тоне, – там вот ещё есть старушка, – пойду к ней, – грит. – Может, она… у ней, может, есть готовый чай!».

Я [рассказчица] грю: «Маш, вот ты налей это чаю или купи чаю, – отняси, подай кому-нибудь, и он не будет просить». Вот. (*АЕП*)

[Бабушка приходит «покушать рыбу» – надо помянуть]

– Вот бабушка, она любит рыбу, – она там, допустим, приходит ко мне в дом для того, чтобы покушать и, желательно, рыбу. Был такой сон, это я уже знаю, что её нужно помянуть, – там свечку ставлю хожу – было такое… (*КИВ*)

[Умерший свёкор, сказал, что хочет есть; в реальности стала готовить (чтобы, вероятно, подать)]

– У меня свёкор: «Я есть хочу!». Ну как вот он приснился мне: такой худой, ну он худой на самом деле был. Я мол: «Ты что какой?» – «А я есть хочу!». Ну я утром встала пошла топить… [вероятно, чтобы приготовить что-нибудь и помянуть, подать] (*ПЛП*)

[Забыли о поминках; умерший снится и говорит: «Картошки хоть мне сварили бы!»; сообщили жене умершего; жена варила картошки с огурцами, подала]

?: Рассказывают, что покойники могут просить что-нибудь во сне?

– А-а, просить – ну, да. Да, могут просить. Картошки просили, – это не мне, дочка мне рассказывала, покойна вот дочка Леночка: «Мне…» – говорит… У нас вот тоже учитель был Анатолий Васильич Беляев, – умер, и там сколько не поминали уже. И она это грит: «Мам, снится мне Анатолий Васильич и говорит: “Картошки хоть мне сварили бы!”» – типа такого вот. Ну вот мы звонили тоже жене, жена варила картошки с огурцами, носила там куда-то. Они часто снятся. (*ДСЗ*)

[Умерший сосед снился три раза, просил: «Дай картошки» – в реальности информантка подала бедному односельчанину]

?: Говорят, покойники могут просить что-либо в сновидениях?

– Ну помина, он просит помина: они всё время снятся перед памятью, многие снятся эдак-ту. Даже чужие: вот тут вот один был, он один жил, вот тут была сухая-то[27], мы всё время яво поминаем. Память яво приходит, мы яво всё время чем-то да помянем: «Мишка, ты к нам ходил, бывало… – а он один жил. – Мишка, ты придёшь, бывало, у двора посидишь с нами», – всё…

И он вот тоже бывало: вот сколько он – раза, чай, три мне снился. Приходил, будто просит: «Дай мне картошки!». Вот. Ну вот тут у нас один есть бродячий, ходит он, ходит, мы ему даём картошки-те. Грю: «На, поминай Мишку, картошки-те! – дадим. – Он просил картошки». Просют они во сне, кто чаво покойники. (*АЕП*)

[Умершая тетя просит есть; сновидица звонит родственнице умершей, та сообщает, что в этот день у покойницы – день рождения]

– Насчёт помина, значит, так. Однажды мне приснилась вот эта вот Валюшка, она приснилась мне и говорит: «Ой, мне чё-то сёдня

[27] Речь идет об одной из односельчанок, которая приходила во время беседы.

так хочется есть!». Я звоню моей бабушке, [та говорит]: «Да Валюшке сёдня день рождения!». Они как бы напоминают, понимаешь?

Потому что в жизни мы все были, как-то мы всё равно пересекались, и поэтому вот опять же – память [помин] души. «За помин души», – мы же говорим, а не «за помин человека», понимаешь? (*ПМА*)

[Умерший муж говорит: «Я с чужой девушкой ляжу!»; в реальности его схоронили рядом с некоей девушкой]

– А вот жене-то он привиделся, – грит: «Валь, я с чужой девушкой ляжу!». Сына-то у матери схоронили в Саратове ведь яво. А правда: яво скоронили, токо он рядом – двадцать три года – девушке, рядом-то зарыли. Вот сказал: «Я с чужой девушкой ляжу!».

Значит, он на чужой стороне с чужими людями. (*ГАЕ*)

[Спрашивает умершего в сне: «Как ты живешь?»; отвечает: «Я живу хорошо. Вот только все чужие, не могу привыкнуть», – потому что был похоронен не в родном селе]

– Вот умер у нас папа, папа умер у нас в Ульяновске, и похоронили его в Ульяновске, а жили они вон там в селе, а болел он у брата у нашего, своего сына жил. Вот. Снится вот этому Валентину Михайлычу сон: «Я, грит, на огороде что-то делаю, смотрю, грит, дядя Стёпа бежит, за огородами там, за заб… за городьбой, вот. Я, грит, бросил всё, бегу, прыгаю, грит, через изгородь. Догнал: “Стёпа, Стёпа, ну, подожди, подожди!” – а он, грит, за людей, за людей, за людей, грит. Ну поймал я яво: “Стёп, ты что? Как ты там живёшь?”. А он говорит: “Я спешу, во-первых, – живу я хорошо: одетый, обутый. Всё у меня есть, – сытый. Вот только все чужие, не могу привыкнуть”, – похоронен-то в Ульяновске, никого нет».

Я через сколько там приехала, мы пошли на могилку (мама ещё живая была), идём, – а раньше у нас был директор школы Николай Пучкольшев. Я иду вот так вот, говорю: «Глянь, папа, ну Николай Яковлевич рядом с тобой похоронен! Это же земляк, тебе ж нескучно будет!». Вот этот вот Валентин Михайлыч, вот ему он приснился, мой папа, наш папа. (*ВРС*)

Символические ЦА

[Умерший сообщает во сне, о том, что его сестра привезла подушку из Киева; потом в реальности выясняется, что сестра умерла и ее подушку действительно привезли из Киева]

– У нас вот сестра Лида умерла, у нашего брата сестра… у этого у Лидиного мужа… Они жили в Киеве, в Киеве вот жили они.

И вот когда у нас это – Володю мы похоронили и прочее, и всё, он говорит (приснился и говорит): «Слушай-ка, Лидка из Киева приехала с подушкой, подушку, грит, привезла». Лида грит: «А зачем она подушку-то привезла?» – грит. «А кто, – грит, – её знает – вот подушку она привезла, и всё». Я говрю: «Ну, наверно, может быть, чё-то…».

Оказывается, когда она, Лида эта, умерла, нам не сообщили: не стали мать расстраивать, мать была слепая, престарелая, они уже после времени сообщили. А вот брата-то мы похоронили, вперёд похоронили брата. И вот видишь Петрович [брат] приснился вот моей сестре и говорит: «Лида из Киева приехала, подушку привезла вам». Вот. Когда, значит, это вот всё мы разгадывали этот сон и прочее, и всё, – оказывается сын Коля говорит: «Тётя Лида, нам мама покоя никакого не даёт, – говорит. – Обязательно хоть что-нибудь как-нибудь сообщите: ведь я же там живу, а не здесь!» – «А как мы, грит, её перенесём? Она, грит, умерла и прочее, и всё. И вот, грит, мы вам привезли её подушку». Они из Киева привезли Лиды подушку [в реальности]. Вот тебе и сон.

?: То есть сбылся сон?

– Это она Петровичу сказала, они брат с сестрой, они родные, а мать у них вот этих родных жила с моей Лидой, она ей сноха. Вот. И вот моей снохе-то Петрович вот этот снится и говрит: «Лид, Лида, говрит, из Киева подушку, грит, вам привезла». Она говрит: «А зачем она мне, подушка-то эта? Она, грит, мне не нужна!». Ну и всё на этом. Коля прислал письмо и грит: «Не стали расстраивать бабулю, так как она слепая да дядю Володю она недавно похоронила. Тёть Лид, у нас мама умерла. То-то, грит». И вдруг они приезжают, через месяц Коля приехал и говорит: «Ну, давайте хоть здесь сорок дней отметим. Мы, грит, ведь специально приехали, тёть Лид, вот привезли вам мамину подушку, и давайте, грит, здесь ей сорок дней сделаем». Вот, пожалуйста, вот тебе и подушка. А сказал ей ведь мёртвый человек-то! Володя ей сказал про подушку-то про эту: «Лида, грит, подушку, грит, вон подушку из Киева, грит, тебе» – «Зачем она, грит, мне нужна, подушка-то?». И вот – пожалуйста. Вот и не верь. (*КЛА*)

[Во сне умерший брат свекрови предупреждает о смерти свекрови: «Ты только не доводи ее до больницы!»; в реальности вынуждена была проводить ее в больницу, после чего свекровь умерла]

– Вот мне, например, когда моя свекровь была живая, а брат свекрови умер (он внезапно – утонул, хотя плавал хорошо), и вдруг он мне снится и говорит: «Ты только не доводи свекровь до больницы! Иначе она расстанется с нами». Через неделю свекровь у меня заболела и говорит: «Проводи меня в больницу», – и, понимаешь, получилось так, что никого не было: муж уехал в командировку, отец, значит, вообще уехал к дальним родственникам, – и я вынуждена была *проводить* [выделяет интонационно] в больницу», – слово «проводить», понимаешь, там автобус – там три остановки, она говорит: «Я хочу пешком. У меня, грит, такое ощущение, что я не приеду».

И я ее именно проводила в больницу, и когда я к ней пришла, как сейчас я понимаю, в последний раз. «Ты ко мне долго-долго не приходи – лет шестьдесят», – вот такое сказала [во сне]. И ночью опять мне снится сон, дядя Коля [брат свекрови] мне говорит: «Кроме тебя, всё равно её никто бы не проводил». Понимаешь, такое ощущение… (*ПМА*)

[Матери информантки снится умерший отец, говорящий: «Слушай-кась, ко мне, грит, ты придёшь, но знай, грит, с какой стороны прийти»; спрашивает в реальности рассказчицу, с какой стороны венчаются; мать похоронили с той же стороны от могилы отца]

– А моя мать видела сон – ей как умереть, папаня-то вот умер вперёд, яму было пятьдесят годов, – он пришёл больной с войны-то умер, а вот мама-то видела сон. И вот, грит, пришёл будто ко мне отец, я, грит, лежу будто на печке, он облокотился и говорит: «Слушай-кась, ко мне, грит, ты придёшь, но знай, грит, с какой стороны прийти». А я, грит, говорю: «Ну, чай, я спрошу, с какой стороны придти-то» – «Да-да-да, ты, грит, запомни, с какой стороны!». Я [т.е. рассказчица] прихожу… и пошёл[28]. Грит, – незадолго до смерти [матери рассказчицы]…

Я прихожу, она [мать информантки, сновидица] говорит: «Жень, венчают с какой стороны-то?» – мне говорит. Я говорю: «Ну, с какой?.. Наверное, с левой[29], эдак же – я венчалась же, мол, должно с левой». – «Отец, мол, мне сказал – приди с какой стороны».

Так и положили ее [мать после ее смерти] – как велел, так и положили на кладбищах, так и положили – с левой стороны, прям предупредил… (*КЕВ*)

[28] Во сне отец рассказчицы пошел прочь от сновидицы.

[29] Т.е. женщина при венчании должна стоять от мужчины с левой стороны.

[Во сне умерший мерит землю – в реальности умирает сосед]

– У меня вот свекровь вот была покойна, там она на тем конце жила. А один умер, он здесь был, – в магазине всё торговал, Андреем яво звали, он ещё им сродник был. Она вышла на огород, а он у них (тут бригада была, лошадей ставили), а он с саженью ходит мериет вот [измеряет] (сажень, знаешь её? [к соб.] – у меня вон есть), мерит огород и мерит. Она говорит: «Ты чаво на моём-то огороде меришь?» (это она во сне). Он говорит: «Да вот мне надо… – а тут сосед жил (плохой был), – вот яму надо отмерить мне земли», – видишь, как сновидение, – он помер.

?: Сбылся…

– Да, мать-то она нам (свякровь мне она), рассказывает нам, что у неё дочь была: «Вот я какой, девки, видела, я Андрей Палыча видела, с нём разговаривала». А у ней картошка была, яма зарыта, она… я, грит, вышла вроде как к яме, а он там мерит. «Ты чаво, грит, чужую землю тут меришь?» – «А тут не чужая, это бригада вроде, а мне вот надо земли», – помер этот дедушка. Вот видишь как – сошлось… (*МПС*)

[Умерший муж сестры во сне просит искупать ее и дать артосу[30] (чтобы причастить); толкует: «Неужели умрет, не причастившись?» (сестра долго не причащалась после лечения заговором); ее причастили дети, и затем она умерла]

– А вот мне ещё на дня… не больно давно сястра умерла, и мне приснилось… У ней [умерший] муж был партийный и приснился, и говорит: «Нюсь, а ты Тосю-то накупай в бочке да дай ей артосу!», – это дают, если это некому причастить, артосу дают на Пасху и вот этого артосу дают. А я вот проснулась, – три часа, – и думаю: «Неужто непричащёна собирается умирать?». Когда позвонила другой сестре, говорю: «Зой, у нас Тося-то причащёна?» – «Нет, она три года не причащается» – «Что, – ведь вот-вот умрёт?!» – «Что, я заговаривать, у ней рак груди было, она грудь-то заговаривать ходила, говорит, после заговору нельзя три года причащаться». Я говорю: «Ну как же перед смертью-ту?». И я ей позвонила, говорю: «Тось, я остаюсь здесь, тебя купать в бочке буду, ага…». Ну и вот… А она говорит: «Ну, ладно, давай, приходи, накупашь и привезёшь эту артоску».

А ко мне внук за мной приехал, [чтобы] сюды вот везти, и вот я говорю… она говорит: «Ладно, меня дети, слышь, накупают и причастят». Ну и правда, – причастили. Только причастили, она на второй день умерла… (*КАИ*)

[30] Артос – просфора, особый хлебец.

[Умершая дочь во сне принесла рыбу; толкует: на весь век «слёзы приложила» – плачет по умершей]

– Она [умершая дочь] мне приснилась один раз... Они всё время и работали в правлении, и их и в поле гоняли там свёклу копать, там всё, картошку там копать, всё, на центральной только работать. И в ночь, и в день когда эдак-то гоняли их. И вот она снится мне один раз: приходит и приносит рыбы, рыбы. Одна рыба будто вот эдака крупна [показывает руками], одна мелка. И кладёт её на стол, и говорит мне… Я говорю: «Батюшки, что, мол, ты как это много рыбы-те купила?». А она говорит: «Это, слышь, я, мам, возьму на работу с девчонками будем есть тама, а это, слышь, вот помельче – это тебе».

Я как проснулась, как облёлась слезами вот: вот на это мне, это мне на век, весь век! [плачет]. Эта рыба-то на весь век, грит, мне. Мне все и говорят: «Это она тебе слёзы приложила!». Я и говорю: «Я и плачу до сих пор! Восьмой год вон всё гляжу, сяду вот у окошка вот да гляжу всё восьмой год туды». Грю: «Что ты это нас оставила? С внуком-те, я яво…». Говрю: «Валерынька, давай, милай, жанись, а то и я помру – хто тебя будет определять-то? Некому больше – никого нету». И вот он женился, теперь у него два сыночка. Одному-то пять доходит, вот в сентябре будет пять годиков. Одному три в апреле было. Вот уж они меня навещают тяперь. Вот. Вот так и живём. (*ФАА*)

[Приснился пропавший на войне свёкор, просит поесть, снохи-дица отрезала ему хлеба; в реальности сдох телёнок; толкует: значит, свёкор – мёртвый, иначе не сдох бы теленок]

– У нас вот свёкор-то, вот где я живу (ну в войну-ту он пропал, свёкор-то, ну как без вести пропавший). А баушка-то, она всё: «Не знай, может, чай, где и живёт? Может, где и живёт». Ну и точно: он, значит, если он просит этот… покойник-то [во сне], то, значит, если яму отдашь, то какой-то убыток бывat. И вот мне приснился этот свёкор: идёт будто и просит есть, поесть. И я яму отрезала, значит, хлеба, ломоть большой и дала, дала.

Прихожу [в реальности] на работу (а я работала всю жизнь телятницей на фирме), прихожу на работу – у меня телёнок сдох. А я говорю: «Ну это он приснился мне к убытку. Значит, он [свёкор] мёртвый. А если бы он был живой, да я бы яму подала – значит, такого бы не было. А это – мёртвый». Это вот всё эти приметы. Вот это вот приметы. (*ГАС*)

[Приснилась умершая мать, поговорила с ней, после сна – пожар]

– К бабушке во сне пришла ее покойная мать. Состоялся разговор, а какой – не помню. А через неделю случился пожар. Но никто не умер. Если приснится, что тебя топят или хотят убить, но вырвешься, то, значит, скоро заболеешь, но выздоровеешь… (*ШЕМ*)

[Умерший сын дает во сне матери деньги, – в реальности дают деньги за погребение]

– Бывают такие сны [сбывшиеся]. Вот у меня сына убили. И вот через год он мне снится. И вот вроде бы там задумался [умерший сын] и вот так стоит. Поперек железка, и на ней висят деньги. Он говорит: «Мам, на́ тебе деньги-то». Я говорю: «Сынок, они уж стары!» – «Нет, – говорит, – мам, они тебе пригодятся» – и я очнулась, и как так заплакала. И идет почтальон [наяву] в другой день, кричит: «Лид, иди-ка сюда!» – я говорю: «Чё?» – «Вот получи деньги за погребение!». А уж год не давали. Вишь, как получается: на другой день несет почтальон деньги. (*КЛИ*)

[Во сне в переднем углу умерший односельчанин откопал глубокую яму, чтобы заменить столб; в реальности через полгода умер муж]

– Оне, сны, иногда сбываются. Ну вот как, к примеру, какое-то несчастье может случиться у человека. Примерно, вот когда у меня мужу умереть, мне приснился: вот здесь вот в переднем углу откопали яму – глубоку-глубоку. А он покойник, вот который копал, Михал Михалыч-то. Я грю: «Зачем ты это, дядь Миш, копаешь-то мне яму-то тут?» – «Да столб, грит, заменить надо, подгнил, говрит, передний столб под избой, вот надо заменить», – и выкопал. И сон мой сбылся через полгода – муж у меня умер.

?: Это значит, что если копают, то…

– Да, яму копают, видишь, огород пашут, вот во сне видишь, – это тоже не хорошо всё. Примета такая: вроде бы должен быть покойник. (*АЕП*)

[Приснился Вася Болящий (местный святой), который благословил сновидицу; в реальности – ослеп муж]

– Вот мне приснился сон один раз (муж был на войне): мы собрались три женщины [рассказывает сон], – я не знаю, где это село, – Вася Болящий был, может быть, слыхали, где-то возле Ульяновского. И мы туда пошли… Пришли: крылец высокий. Эти женщины говорят: «Ты иди вперёд, а мы опосля пойдём». Я взошла: он лежит на передней

лавке, не на койке, а на досках, на голых досках. Там женщина, ухаживает за ним или чё ли, – и не помню… Что-то я у неё спросила, она говорит: «Проси у него благословения». Я подошла к нему, упала на колени перед ним. Я говорю: «Отец Василий, благослови меня!» – и он меня вот три раза крестом. И я проснулась. Мне чувствительно было, как он мне ширкал по голове…

И вот через несколько дней пишут письмо: в больнице лежит муж, – ослеп. С полгода он там лежал. Делали ему операцию сложную, голову ему разбили… Вот если благословит – это терпение какое-то нести. Вот восемь лет он лежал – не ходил и не видал. Восемь лет я с ложечки кормила… (*КМЯ*)

[Односельчанину приснился старичок, сказавший: «Двадцать седьмого ты ноября умрёшь!»; в реальности односельчанин умер]

[КАН] Вот тут у нас мужчина был, он хворал, у него был рак пищавода. И вот он утром, грит, встал, жана-то говорит, и говорит: «Ну, мать, я скоро умру…» – «Да ты что, Вань?» – «Нынче ко мне пришёл старичок: “Вот в этот день в такой-то час… ”».

[КВН, перебивая] Да. «Двадцать седьмого, грит, ты ноября умрёшь!».

[КАН] Только не по-новому, а по-старому [стилю].

[КВН] Ну и правильно!

[КАН] И правильно – умер. Вот этот старичок – или Николай Угодник или сам Господь – он яму поведал.

?: И правда сошлось?

[КАН] Да в день – только по-старому, не по-новому числу, а по-старому. И точно – умер, умер. (*КАН, КВН*)

[Умерший отец снится бабушке и предсказывает, что у ее дочери (матери информантки) родится сын; в реальности так и происходит]

– Вот я грю, у нас мама-то рожала – свёкор, свекровь да золовка была. А отец-то – он не ходил в баню-то [во время родов]. Пойдёт если там, спросит: «Не ро́дили?» – «Нет!». Там скажет: «Если дочь опять родишь, я тебя прям в бане зажгу!». А куда денется [если дочь] – никуда не денется. А вот когда умер [отец], он маминой матери приснился во сне и говорит: «Матушка, скажи Татьяне-ти: пусть не плачет. Родится сын – кормить её будет».

?: Он родился?

– Родилси. Она два месяца токо осталась в положении-ти [после смерти отца информантки]. (*БТИ*)

[Дочь видит во сне ангелов, предсказывающих, что она выживет во время операции; так и случается]

– Это мне чё-то Лена говорила, но я теперь не помню, кто ей снился, по-моему, ангелов своих видела, вот ангелов своих она видела. Она вот даже разговаривала с ними, особенно вот до операции. Я говорю: «У тебя сильные ангелы-хранители, поэтому ты жила столько после операции», – после рака, чё, кто там живёт, всё уж все стадии рака. А она прожила вот… сколько она, – два с половиной года.

?: Вот не помните, какой сон?

– Вот она разговаривала якобы с ними, там с ангелами-хранителями, видела их там, вот они с крылышками, как и всё там. И говорит: «Мам, и я вроде не сплю, и сплю вроде и не сплю, а такое какое-то вот состояние». И вот перед операцией прям предсказали, что, в общем, выживешь ты, операция сложная же…

?: Ангелы сказали?

– Да, вот: «Выживешь ты после операции». А когда я спросила: «А дальше что будет?» – и всё, и они, грит, пропали. (*ДСЗ*)

[Перед смертью дочери сновидица разговаривала во сне со Сталиным, беседует с ним о близких умерших; задает вопрос о своей больной дочери – он не отвечает; толкует: «Если бы чё-то было хорошее, то ответ-то был бы»]

– Я с кем только не разговаривала во сне! И со Сталиным, и с Брежневым, – с кем только во сне, видела их – вот это тоже к терпению. Вот она мне к терпению, вот десять лет я терпела. Ужас. А до этого двоих схоронила.

?: А вот сон, в котором вы со Сталином разговаривали, не помните?

– Со Сталиным разговариваю как? Я девочкой ещё была, как будто я вот девочкой [во сне], и вот я с ним разговариваю, – всё только хорошее, плохого ничего нет. Я знаю, что он умер, но вот я с ним разговариваю, как с живым человеком. И вспоминаю того человека, кто у меня больной. Например, у меня Гена болел, значит, именно о нём я толкую со Сталиным или с Брежневым, с кем-то там. А Сталина видела – прям как будто это папа мой стоит, ну в смысле он [Сталин], но только я как с папой разговариваю и говорю про Лену. Вот так вот. И вот когда задаю вопрос: «А вылечится?» – самый больной вопрос. И там ответа нет. Ответа нет. А потом я уж сама думаю: если бы чё-то было хорошее, то ответ-то был бы, а мне ответа нет: смотрит в другую сторону какую-то, на другую сторону. (*ДСЗ*)

[Во сне старуха-смерть заставляет прыгать через веревку, два раза перепрыгнула, на третьем споткнулась – двое сыновей пришли без ранения, третий – раненый]

– Значит, сон принадлежит матери моей свекрови, – бабушке моего мужа. Надо заметить, что моя свекровь осталась сиротой, когда она была в пятом классе или шестом. Этот сон, может быть, ей еще рассказывала мать, но, скорее всего, он уже существовал в семейной традиции, поскольку он уже к ней перешёл, – она его рассказывает всем и по всем поводам, то есть это такой вот текст, который выдаётся из поколения в поколение…

Да, – и как это было: сначала мы познакомились, через неделю мы решили пожениться, и очень вскоре после этого он мне рассказал этот сон. Причем, что характерно, – обычно этим занимаются женщины, но вот он настолько был впечатлён этим сном, что, значит, тоже обязательно мне рассказал. Потом у нас была такая типа помолвки, то есть мы наших родителей знакомили, и ещё перед этим я пришла в гости в первый раз в семью своего будущего мужа, – мне тут же рассказали этот сон обязательно, и потом когда – тоже… Что характерно – каждый раз, когда родители собираются – мои и Колины, этот сон опять повторяется…

Сон следующий: семья моей свекрови была многодетная, она была пятым ребёнком или четвёртым (еще после неё был то ли один ребёнок, то ли два, – я не помню, – по-моему, всего детей было шесть, – вот она была в конце, она родилась в сорок шестом году). И вот как раз, когда она только родилась, её самый младший брат только-только вернулся… Нет, – не младший, а который до неё был младший, – он вернулся из армии. А еще было два более старших брата.

Вот сон следующий: когда три брата или четыре, естественно, – в армии, на флоте, – мать моей свекрови видит такой сон, что приходит к ним черная старуха, какая-то такая очень страшная, – ну, видимо, смерть, ставит палку вот так вот параллельно земле, довольно высоко и говорит: «Ну-ка, прыгай! Если перепрыгнешь, дети твои будут живы!». И та, естественно, в ужасе, страхе начинает прыгать: раз перепрыгнула – хорошо, два перепрыгнула – хорошо, а на третий раз (либо на третий, либо на четвёртый) она перепрыгнула, но палку задела.

И вот дети – двое вернулись без единого ранения, а вот третий, на котором она споткнулась, третий был с ранением, но все остались живы. И, по-моему, там ещё старуха чё-то сказала: «Ну ладно, раз ты

перепрыгнула, значит, живы останутся», – что-то в этом духе. И, конечно, сильное, впечатление, конечно. Ну опять же, да, что остались живы, – этот сон как такой чудесный передавался, сохранялся. Да, где это происходило, – это происходило на Украине: либо в Луганске, либо в Краснодоне. (*ФСВ*)

[Некий старец во сне говорит, что знакомая информантки вскоре забеременеет, родит дочку, и нужно обязательно назвать ее «Ангелина»; в реальности так и происходит]

– Когда мы были у Кати [жены племянника информантки], она говорит: «Я хочу рассказать сон, который мне приснился, вещий…». Снился, значит, ей старик, седой, старый старик: «Я иду, и он мне навстречу, я грустная такая, и он говорит: “Ты не печалься, ты будешь беременная, родишь девочку, и обязательно назови ее Ангелина”.

Через некоторое время, через два буквально месяца она забеременела, на УЗИ вот ей сказали, что будет девочка, и имя она никак не хочет менять: «Только Ангелина!» – там другие варианты [имени] – даже, даже. Это, говорит, ей было знамение, как вот ангел-хранитель вот как будто явился и нарёк. (*ИТД*)

[Умершая мать говорит дочери во сне о смерти незнакомого мужчины; в реальности – действительно умер]

– Мать у нее была такая, как Кабаниха. У моей знакомой мать умерла, и умерла она, значит, это… И говорит в один прекрасный момент, что, – ну совершенно не знала она родственника, и вот она [мать] приснилась дочери и говорит: «Знаешь, вот такой-такой-то Иван Иваныч умер сегодня». Она [знакомая] пошла к дочери его и говорит: «Ты позвони отцу!» – «Да я вечером позвоню».

Позвонила вечером, оказывается, он умер утром… Друг друга не знали, представляешь, при жизни, а вот через мертвого – фамилию называет, имя-отчество, – вот такое было… (*ИТД*)

[Соседке знакомой информантки снится умершая мать, которая говорит, что скоро у нее будет новая квартира; толкует: дочь хотела установить новый надгробный памятник, еще никому не говорила про свое намерение]

– А вот про памятник… она, значит, Светлана Алексеевна, – учительница, и ей снится, значит, сон: как будто бы… даже не ей, вру, – приснился сон ее соседке… Соседка приходит и говорит: «Я твою

мать во сне видела» – «Ну чё: она тебе снилась?» – «Она мне сказала – квартиру она получила какую-то (она уже умерла мать-то), грит, квартиру она у тебя получила какую-то».

И я вспоминаю, грит, я буквально сама подумала только поставить ей памятник из мраморной крошки. Пошла, грит, только успела, ну, заплатить. Никому ничё даже близким родственникам не говорила, – вот заплатила, и, пожалуйста, – приснилась соседке уже мать, говорит: «Ой, а я ведь новую квартиру получаю!». «Представляешь, – говорит, – вот, пожалуйста». (*ИТД*)

[К сновидцу приходят умершие и живые родственники, называющие точный день и час смерти деда, – в реальности сбывается]

– У меня был дед, и мне за полгода до его смерти приснилось, что я вижу собственную квартиру, где я живу, и я вижу всех своих родственников, умерших и живых, и они говорят мне, что такого-то числа твой дед умрет. И это действительно случилось именно такого-то числа именно в то время, когда они говорили, – собственно из этого меня и прозвали «Ворон» – из-за черных предсказаний, потому что мои предсказания, когда я сказал, что такое-то событие случится в такое время – и это всегда сбывается…

?: Как собрались твои родственники – за столом или как-то еще?

– Нет, они собрались не за столом, они позвонили во входную дверь и сказали, что такого-то числа в такое-то время произойдет то-то и то-то… При этом я своих родителей предупредил, что это случится тогда-то такого-то числа…

?: В реальности уже?

– Да. И я сказал, что произойдет 23 числа мая месяца, и это действительно случилось именно в то время, когда я указал, именно в этот день… (*АА*)

[Умершая бабушка снится к болезни]

– Бабушка легко умерла, в течение, наверное, трех дней. Это я думаю, что… Я еле-еле успела приехать. Я постоянно ощущаю такое на себе. Я как-то приехала, говорю: «Бабуля, помоги. Если у меня родится девочка, то пусть же только твоим именем названа». А у меня родился мальчик.

И через какое-то время я вижу во сне бабулю. И я как будто говорю: «Баб, вот, у меня все-таки мальчик родился. А девочки у меня, наверное, никогда не будет». А она как засмеется вот так. И вот как толь-

ко я ее вижу: хорошую, смеющуюся или в гробу, живую или мертвую, я совсем страшно болею. Страшно, столько болею, что, мне кажется, что желтухой. Вот такие вот, ну тяжело. Пластом лежишь. (*КАЕ*)

[Умерший муж сообщает, что собирается жениться на молодой девушке «в обед»; в реальности на глазах информантки в обеденное время погибает молодая знакомая; ее хоронят рядом с мужем сновидицы]

– Ну если можно отнести к вещим снам, которые зна… как знамения были какое… После смерти моего мужа прошло совсем немного времени, – полгода. Я иду с работы по своим служебным делам, и у нас магазин «Восход»…

Да, и мне приснился сон такой: мой супруг говорит мне (во сне его вижу, мы с ним общаемся, разговариваем, будто он жив), – он мне говорит: «Я ведь хочу жениться!». Я, хотя восприняла очень болезненно, виду не подала ему и говорю: «Ну, хочешь, – женись, – я что…». Он: «Ну вот я у тебя разрешение вроде спрашиваю». А я говорю: «А где вы жить будете?». Думаю: «Неужели он ее в дом приведет? У меня здесь двое детей, – он женится и приведёт…» – «Не… Жить мы будем, не беспокойся, – нам нужен дощатый сарай, – мы тут, – сюда не придём. Ну я женюсь, но дело в том, что она очень молоденькая, женюсь я, нынче днем я женюсь, и она очень молоденькая, в обед это будет». Я, мол: «Ну, с Богом, – женись». – «Ну, не взыщи… Ну я тебя поставил в известность, – ты знай, что я нынче женюсь». Ну и ладно. Проснулась, – к чему сон, – не знаю.

Еду по работе в обед мимо магазина, там перекресток дорог, и моей приятельницы сестренка, семнадцатилетняя девочка, Ниночка, везла на велосипеде огурцы своей бабушке в сеточке. Ее сбила машина сразу насмерть. И эту семнадцатилетнюю девочку (она наша общая знакомая была) вот… Её похоронили прям рядом с могилой Петра [мужа информантки]. Никто… Почему, – не знаю, при каких обстоятельствах, но их положили прям рядышком.

Вот так вот, – приснилось, что он нынче женится на молоденькой девочке. Вот, как хочешь, считай, судьба или чего ли, вишь, а сон в руку, как говорят… (*ИРП*)

[Николай Угодник во сне предсказывает дату смерти информантки]

?: Снились ли вам сны, в которых вы встречались с Богом, ангелами, святыми?

– Да. Мне приводилось видеть такие сны. Одним из таких снов был, он был мне как-то неожидан, непредсказуем, но он мне приснился. Что-то я приболела тогда, ну и была-то, мне еще не больно много, – пятьдесят мне тогда было, я это хорошо помню, вот.

И мне снится сон. На работу мне надо было идти, в больницу идти, – не знала, чё делать... И вдруг мне снится сон: народ стоит, очередь куда-то, в какое-то помещение, и в этом помещении открыта дверь, и в дверях стоит стол. В это помещение не войдешь, потому что столом заставлено вот так, – за столом сидит Николай Угодник (это я хорошо помню, потому что облик с иконы у меня свято хранится в зрительной памяти). Николай Угодник сидит, такой торжественный, – всё. И все по очереди подходят, и подходит моя очередь. У него книга, большая, как амбарная книга, он листает и находит каждого из нас там. Чего он кому говорил, не знаю, но, когда я подошла, он открывает, листает эту книгу, находит меня, мать Раису, всё там про меня написано, и читает, там написано: дата рождения – тысяча девятьсот двадцать седьмой, двадцать пятое ноября (римскими цифрами всё написано), тире – дата смерти – третье октября, а дальше прочитать мне не было дано. Он перевертывает страничку, – моя очередь окончилась, то ли я долго читала дату рождения, мне надо было ту дату читать, но так получилось, что я только прочитала дату смерти – третье октября, а какой год, – уже мне не было дано, вот. Вот такое было... (*ИРП*)

[Накануне катастрофы в Чернобыле снится сон: на ярмарке информантка встречает умершую бабушку, та смотрит книгу, купленную сновидицей, и говорит: «Перемрете все, как мухи!»]

– Помню, мне приснился сон (уже когда моя бабушка умерла), как будто мы ходим на ярмарке... В то время еще ярмарки были на площади вот около ДК [Де Ка] автозавода, и вот мы как будто с отцом твоим [к соб.] ходим по этой ярмарке, купили какую-то книгу, и около грузовой машины какой-то я увидела бабушку свою, которая умерла. Она говорит: «Это чего ты такое купила?». Я говорю: «Да вот книжку какую-то». Она: «Дай, я ее посмотрю!». Посмотрела, возвращает мне ее и говорит: «Перемрете все, как мухи!».

И я на этом месте проснулась, думаю: «Сон какой-то странный: обычно бабушка мне снится, она как будто чё-то от чего-то оберегает, предупреждает, – ну перед какими-то такими нехорошими событиями...». Утром, значит, я включила телевизор: услышала то, что взорвалась Чернобыльская АЭС. (*ГЕВ*)

[Умершая бабушка приносит тете сновидицы на деревянной кассете белого барашка и говорит, что это ее деревенское богатство; затем в реальности происходит пожар]

– Однажды тетя Фарида рассказала мне сон... Было это дело за две недели до того, как они погорели. Однажды ей приснился сон удивительно яркий, и такое чувство, как будто это было наяву.

Ей приснилась комната большая, просторная и очень чистая. В комнате было четыре двери – из каждого угла. И вот она мне рассказывает: «Захожу я в эту комнату, значит, и вижу, какая она чистая, чистая, уютная. И выходит из одной двери бабушка [умершая] в белом платке, вся чистая, опрятная, а в руках у нее лежит деревянная кассета для хлеба (с которыми в магазин хлеб развозят), а на этой кассете положено немного соломы, совсем чуть-чуть, и лежит на ней маленький барашек, – белый-белый и кудрявый, и эта бабуля мне говорит, что вот, мол, это твое деревенское богатство, береги его и никогда не отчаивайся, – всё будет хорошо». И на этом тетя Фарида проснулась.

Через две недели они погорели. Сгорело не всё, и ущерб был небольшой – сгорели сени и баня с кухней. И только потом она догадалась, что же значил этот сон: а именно – то, что эта бабушка пришла как бы предупредить, а всё, что было у нее на руках, значило, что самое ценное, то есть домашнее хозяйство, не пострадает, и дом, в принципе, останется цел. Так и произошло. (*РРР*)

[Больной прабабушке снится Николай Угодник, дающий ей катушку белых ниток, толкует: это означает долгую жизнь; в реальности так и оказывается]

– Вот моей прабабушке, когда ей было всего лет девятнадцать-двадцать, – снился… Она была очень больна. Все родственники думали, что она не выживет после этой тяжелой болезни. Ей приснился сон: какой-то маленький старичок пришел к ней и дал ей целую катушку белых ниток. А когда бабушка проснулась, ей сказали, что это приходил к ней Николай Угодник и дал ей долгую-долгую жизнь. И моя бабушка рассказывала, что прабабушка умерла, когда ей было восемьдесят восемь-восемьдесят девять лет. (*ВМФ*)

[Снится умерший отец, одетый в красную рубашку; он говорит сновидице: «Потерпи еще немного, все будет хорошо»; в реальности – та же рубашка на сантехнике, после встречи с которым жизнь информантки наладилась]

– Моя учительница рассказывала мне свой сон, который… можно в какой-то степени назвать вещим. В то время у нее умер отец, болела мать, было трудно жить. И вот ей приснилось, что к ней приходит отец и говорит: «Терпи, еще чуть-чуть – и всё будет хорошо». На отце была красная рубашка в мелкую клетку.

Утром она проснулась и пошла в ванную, – у нее прорвало трубу в ванной. Она вызвала сантехника. Когда он пришел, то она даже испугалась: на нем была красная рубашка в мелкую клетку, как на ее отце во сне. После этого события мама у моей учительницы поправилась, их дела пошли лучше, – и вся жизнь наладилась. (*ВМФ*)

[Некая старуха во сне говорит, указывая на сновидицу: «Веселится, но она не знает, что через сорок дней с ней произойдет»; в реальности – сделала аборт]

– У меня была незапланированная беременность, будем так говорить… И мне нужно было просто идти на медаборт, вот… Но я еще не знала, что со мной такое произошло, я была еще не в курсе. Вот… И мне снится сон: как будто какой-то вот праздник, какое-то веселье… И на этом веселье возникает старуха, – страшная такая старуха, вся одетая в черном, – и стоит и шепчет, показывает на меня и шепчет: «Она, – говорит, – веселится, но она не знает, что через сорок дней с ней произойдет!..». И что-то вот она нашептывает дальше. Я пытаюсь там ее услышать, там чё она говорит-то. То есть я вроде как и сплю, и в то же время я как будто просыпаюсь, и хочу узнать, чего же через сорок дней со мной произойдет. Вот…

И через сорок дней просто я пошла на медаборт. Действительно, я когда вот подсчитала, села… И, когда я проснулась, меня такой холод охватил, – думаю: «Что ж со мной через сорок дней произойдет?». Потому что сон какой-то вот, – он сам за себя говорил, что он вещий какой-то такой. И… я как-то насторожилась сразу, а когда подсчитала, – действительно, вот, пожалуйста, – всё… Такие вот моменты. (*ПНИ*)

[Накануне экзаменов приснился Николай Угодник, который погладил сновидицу по голове; успешно сдала]

– Когда я училась в училище, накануне экзамена мне приснился Николай Угодник. Он подошел ко мне и погладил по голове. Наверное, благословлял. Потом приснился красивый розовый закат, и на его фоне – золотые купола церкви. Было ощущение, что все у меня получится. И действительно: я успешно сдала экзамен. (*САВ*)

[Во сне умерший отец ставит с переднего угла крест, толкуют: к терпению; в реальности – умирает близкий]

– Это да, сны сбываются… Вот как сбываются, – вот, например, кто-то разгадыват сны-то, как сказать вроде, мол, это вот приснилось это, – ну это хороший сон, а это плохой сон.

Вот щас у этих… у Волковых: в общем, муж, этот… отец умер. Полгода не прошло, и мать умерла. И я не знаю, – или Гене, или Шурке приснился этот сон, а это плохой сон. Вроде отец поставил с улицы с переднего угла крёст вот огромный, – вроде это нехорошо. Сколько-то времени прошло – мать умерла. Вроде уж разгадали, что это – терпение… Это видал, – у них два сына, дочь, – не знаю, старший, не знаю, – второй: «Я сон видал», – вроде, мне кажется, Гена… И, значит, говорит: «Сон я видал нехороший, – вот будет вот такое у нас терпение». Вот сколько времени прошло, полгода он не прожил, – не прожила она… (*АМИ*)

[Во сне гадает, во время гадания свечки в руках «разваливаются»; хочет их собрать, однако Николай Угодник говорит, что сделает это сам; свечек 28 – столько же лет в реальности прожили вместе с мужем]

– Мужик у меня уж восемнадцать лет умер как… И перед этим [сон снился в девичестве до замужества] я сон видала: двадцать восемь свечек, Николай Угодник мне… Я хотела погадать [снится, что гадает], всё, – я стала гадать, и у меня все свечки в руке-то у меня и развалились, двадцать восемь свечек… Это время уж вон сколько прошло… Как раз мы только жили с нём двадцать восемь лет, – и всё у нас, вся жизнь развалилась.

?: То есть это вы все во сне видели?

– Да. Вот… и потом эти свечки, я ёму [Николаю Угоднику] говорю [продолжает рассказывать сон]: «Я, мол, соберу!» – «Нет, я сам обратно соберу». И опять свечки эти у няво все в пучки, все целы, – как раз мы жили с нём [с мужем] только двадцать восемь лет.

?: Этот сон вам приснился до того, как вы вышли замуж?

– Как раз двадцать восемь лет мы с нём жили, и сон-то я вперёд увидала… Двадцать восемь свечек в руках у меня развалились. (*МАФ*)

[Бог говорит во сне: «Иди и ищи, где твои скорби»; сновидица говорит, что не знает, у кого спрашивать; говорящий настаивает; затем в реальности узнает, что сын погиб]

– Мне один... Вот до этого вот [до смерти сына приснился сон]… Вот иду-иду-иду и говорю: «Ну куды же я иду, Господи?!». А мне буд-

то он говорит: «Идёшь, грит, а-а… идёшь, грит, ты, ну, иди, грит, ты туда, где, где вроде вот твои скорби там, вот туда и иди». Я говорю, а я спрашиваю: «А где же они пойдут скорби?». А он говорит: «Ты иди и спроси одного человека, он тебе скажет, человек, где твои скорби». Я говорю: «А кого мне спрашивать-то?». А он грит: «Я тебе не скажу, кого спрашивать, ты знаешь, грит, кого спрашивать», – вроде спрашиваю его. Вот. Я говорю: «Это я не знаю, – грю, – кого мне спрашивать». А его на дороге вон той задавило… «Вот иди, – грит, – и спросишь». Я грю: «Кого же мне, сынок, спрашивать?» – я вроде как-то с кем-то калякаю. А он говорит: «Ты знаешь, кого надо спрашивать!». Я говорю: «Я не знаю, кого надо спрашивать» – «Нет, знаешь ты, кого надо спрашивать! – вот он мне так сказал. – Молись и спрашивай».

А я утром встала, я и не знала. Это в восемь часов яво задавили, в двянадцать часов… в два часа ночи, в раз на Новый год, вот. А мы, вон мы сидели и за столом, Новый год вроде. Сидели, там всё смеялись, всё. А я пришла, ой, там, у соседки, и не знала. Это в два часа ночи. А я, – восемь часов – и не знаю. Мне вот Оленька идёт и: «Настась, у тебя где Гена-то?» – ну он жил тут с одной. Я говорю: «Чай, у Вальки тама» – «Нет, – грит, – яво нет там» – «Как нет?! Ну ведь, чай…». Она мне сразу говорит: «Он ведь в морге!». Я грю: «Да ты что?!» – и я сразу грохнулась… «Он, – грит, – в морге. Вот так и так: яво, грит, в два часа в милицию увезли». (*ЕАН*)

[Умершая тетя дает сновидице разноцветные ленты; мать рассказчицы толкует: «У тебя волос хороший, не пропадёшь в жизни»]

– Ну потом много видала я её [умершую тётю]. Много видела, по-всяки. А там один раз увидела её во сне: она к нам пришла. Пришла к нам (а у нас дом другой маленькый был сначала, другой), пришла вроде к нам и принесла мне – вот так вот вынимает из шубы… Красна шуба, – зима, зимой, – шуба красна так, а вынула и смеётся: «Ой! – говрит. – Я вот Тае лентов принесла! – мне. – Да, – грит, – не больно хорошие, ну у неё волосы-то хорошие, и пойдут ей».

?: И к чему это?

– А это вот мама разгадала. А вот были ленты, знаете, какие? Лыки, как вот с этого, вот с того вот с вяза, потянул вон вот лыки, пучочки и завязанные. Вроде вот – и положила. Это она мне ленты принесла. Ну мама так разгадала: что вот не больно хорошие… Жизнь-то вот плетётся в косу, коса – это жизнь, коса – это дорога, жизнь. А вот ленты плетётся вот, говрит: «Ну не больно хорошие, но ничего, говрит, у тебя волос хороший», – значит, она разгадала: раз он хороший – не

пропадёшь. Это мама, она так, что сон хороший: «У тебя волос хороший. Волос идёт с головы, значит, ум хороший, значит, не пропадёшь в жизни. Всё нормально». Няня Ганя мне вроде как подарила, принесла мне вот это – ленты всё. Вроде как, а всё говорят: покойники, они тоже молются за нас.

?: Молятся за нас?

– Да. Вот, когда вот просют их, что вот: «Помогайте мне!». Вот: «Господи, помоги! И вы, мол, все, кто умер-то, ну там мама, папа или кого ты просишь, помогите, тоже молитесь за меня!». И, говорят, они за нас тоже там молются, чтобы нам здесь на земле хорошо было. (*БТИ*)

[Снится умершая мать, едущая в автобусе: она перешла от сестры к рассказчице: интерпретация: предполагает, что скоро умрет]

– Да, вот мама часто вот мне, часто… Вот ехали мы в автобусе, и вот, понимаете, мы все в семье знали, что она одну сестру у нас, ну не то что она недолюбливала, она и щас вот ей восемьдесят лет, она жалуется, грит: «А меня мама не любила так, как вас, не любила она меня…». Я грю: «Да брось ты!» – «Нет…». Я говорю: «Лид, я тебе не хотела сон рассказывать, но я тебе расскажу. Я ехала, – я говорю, – в автобусе, и вдруг, грит, смотрю, я говрю, – мама. Пробирается-пробирается ко мне. Пробралась, я грю, около меня встала. А ты, грю, осталась в этом… взаде, грю, автобуса осталась. Я грю, она тебя оставила, а сама ко мне пришла. А ты ей кричишь: “Мам! Мам! Ну чё ж ты от меня ушла? Зачем ты к ней-то перешла туда? Я же здесь одна осталась…”. Вот. А я, грю, так посмотрела на неё, подумала, что она… как же это она пришла сюда ко мне? Её же нету! Я сама-то думаю и говорю ей: “Мам, ну, иди, ты чё Лиду-то бросила?”. Она грит: “Без меня, грит, ей хорошо”. Вот, пожалуйста».

Кто знает, как вот эти сны располагать: может, и я скоро умру? Ко мне пробиралась-то, – зачем она ко мне пробиралась-то? Люду оставила (она у нас парализованная), ей вот восемьдесят лет, восемьдесят один будет, а ко мне вот пробиралась через весь автобус. Народу много, она идёт, какое-то пальто на ней, какой-то большой воротник прям такой у неё пушистый, и она ко мне пробирается по этому автобусу. Я грю: «Мам, иди, ты что её бросила?». Она говорит: «Да ну́ её!».

Вот, пожалуйста, пробиралась ко мне. Вот поехала к ней, я к ней каждый месяц ездию. Грю: «Лид, я, наверное, умру скоро». Она: «Да ты что?». Я грю: «Мама тебя бросила, грю, а ко мне стала пробираться, прям вперёд, грю, а ты вон там сзади, грю, стоишь». И вот такие вот сны, ну они – никак не забудешь его, никак не забудешь.

?: А вы потом не поминали маму?

– Ну да! Я её всё время вспоминаю. Не-ет. Я всё время вспоминаю, всё время. Ну она, во-первых, пельмени очень любила, и вот у меня внуки там, три внука, щас два здесь живут. Я понесу, я грю, готовлю эти… пельмени, тут же отварю. Чё есть, да. Или смогу испечь оладьи, я говорю: «Ребятишки, опять бабушку видела, давайте, грю, все помянем». Я их-то всех в церковь таскаю, причащаю. Я их вожу, они и сами у меня уже привыкли. (*КЛА*)

[Умершая мама выкидывает кошек с балкона – в реальности «сместили» начальницу]

– У меня были две напарницы, и они дружили с начальницей. Начальница… мне как начальница приснится, она… если маму увижу во сне, – это начальница, значит, моя, – папу увижу – начальник.

И вот однажды мне приснился, вот этот… (Столько козней они мне строили, – это наяву, – те женщины, и я всё думала: «Господи, когда это кончится!»). И вдруг эту начальницу смещают, и они уже это… приходит другой начальник, и они уже более, то есть менее ко мне стали так, вот это… – кусатся ли: все[г]да, вседа с подковырками, – уже менее стали, у них какой-то испуг, что ли, но они, – то, что «менее», – и как это мне приснилось, щас расскажу сначала, потом еще раз повторю.

И вот приснилась мне мама, она больших кошек выкидывала через балкон: кошка одна была белая, другая серая, и сама вместе с ними перелезла, спрыгнула с этого балкона, но двое котят у меня осталось под кроватью или два котенка, или двое, – не знаю, как сказать, остались у меня все-таки под кроватью. И вот когда я проснулась, я сразу подумала, что же случится, – обычно, м-м… Ну под маму, как мама мне приснится, значит, это начальница, – да, а начальник, – мне папа все[г]да снился. И так и получилось: начальницу сместили, понизили в должности, – как с балкона спрыгнула, – как с высоты, и этих моих соперниц она как бы тоже взяла с собой. Ну не лично их взяла, а большое зло она взяла, – но малое зло еще осталось, вот, – эти люди до сих пор остались тут… И козни мне строят. А ее понизили в должности, она слетела с высоты, вот этот сон яркий тоже был сильно… (*СЛП*)

[Во сне некий старичок сказал, что сновидица умрет на праздник Кузьмы и Демьяна – так и случилось]

– Вот это моей тётке так привиделось (она умерла, её нет): она приходит к моей маме и говорит: «Нянька, какой я сон-то видала!» – «Какой?». Сижу, грит, я, и подходит ко мне старичок, старичок и говорит: «Ты, говрит, умрёшь на праздник на Кузьма-Демьяна!». Маме сказала. А мама ей и говорит: «Ну вот будем, правда тебе оповестил кто – там святой какой…». Прям, грит, хорошо сказал: «Ты, грит, умрёшь на Кузьма и Демьяна». И точно умерла на этот праздник. Вот так вот. Точно умерла на этот праздник, на Кузьма-Демьяна. (*КЕФ*)

[Во сне информантка катит хлебный лоток – будто готовится к поминкам; заходит в дом, ей открывает умершая двоюродная сестра, которая сообщает, что уже готовы комнаты троим родственникам сновидицы, – они затем один за другим в реальности умирают]

– Умерла у меня двоюродная сестра, в общем… во время подпольного аборта: у ней было уже и так трое детей. Родственники были уже против этого, а ей уже не хотелось это… Видно, затянула, никому не сказала и пошла к бабке там к одной, и в результате, значит, – умерла. И теперь я вижу, значит, сон. И буквально сегодня вижу, утром еду в город, и в городе всех встречаю, о ком этот сон. И я говорю, рассказываю: иду я по городу, причём за всё это время, вот на протяжении снится какой-то один и тот же город, незнакомый, вообще не существующий, такого города нет, я не была в таком городе.

Если события происходят в городе – один и тот же город. Если это происходит, значит это… постоянно снится какое-то село, какая-то деревня снится мне, я её не знаю, часто она мне. Вот обычно, если такое что-то сбывается, – вот эта какая-то деревня… Или часто снится лес, тёмный лес, и в тёмном лесу – домик, значит, вот какой-то домик, всё время один и тот же, тёмный лес, домик, сумерки, ночь там, и внутри откуда-то неизвестно где-то в сумерках падает свет…

И снится мне, будто я по этому городу (вот один и тот же всегда) качу тележку – на колёсиках лоток хлебный качу, и в нём – полный лоток ржаного хлеба. Вроде бы я готовлюсь к каким-то поминкам, купила этот хлеб на какие-то поминки. Но уже ночь, потерялась я в этом городе, идти мне некуда. Вижу дом, высотный дом, огни горят, то есть в одном окошке горит огонь – больше нет. Я поднимаюсь, нахожу подъезд, нахожу эту квартиру, звоню, и мне открывает эта Таня [умершая двоюродная сестра], значит, сестра моя Таня… И говорит, в общем… И очень хорошая квартира, и комнаты, и, значит, в одной из комнат ребёнок спит, раз её же это [умерла во время аборта]…

Я говорю: «Как хорошо у тебя…» – «Да, хорошо, вот я уже и папе приготовила комнату, и маме приготовила, и тёте Рае приготовила. В общем, ты передай, что я их жду, пусть они там потихоньку собираются, готовятся». Я говорю: «Ну, ладно, хорошо». А вроде они живут, и дом у них. «А почему, – говорю, – я не слышала, что они в город собираются переселяться?». Она говорит: «Так это ведь никто с нас не спрашивает, собираемся мы или не собираемся».

Я утром [после сна] еду в город, мне навстречу тётя Оля идёт, мать её, и тётя Рая с другой стороны подходит ко мне. Я говорю: «Знаете чё, – надо говорить, не надо? – вот так и так. Ну и чего ты будешь делать, тётя Оль?». Она говорит: «Конечно, конечно, я ничё против не имею». Ну и что? В результате через неделю дядя Гена сначала умирает, совершенно это неожиданно, трагически, значит, отец.

Потом она говорит: «Ну, значит, я теперь буду собираться!» – тётя Оля… Мне каково вот это вот?! «Я буду собираться!». Ну следом… Не она оказалась – тётя Рая через месяц. А уже буквально через два месяца – тётя Оля следом. Всё. Вот таких очень много. Уже конкретно фактически, всё факт. (*КТИ*)

[Информантка думала о том, кто первым умрет – муж или она; во сне к ней пришла женщина в черном, сказала, что первым «покинет белый свет» муж; после этого какое-то «бережение» к мужу появилось]

– А когда вот это – я умаливала, после этого, как что случилось [после попытки самоубийства рассказчицы] – я стала молиться. Молиться стала, и божусь, и клянусь, и всё это, и я зачем я всё это сделала, всё такое. И во сне мне снится… Вернее, я говорю: «Как за это… Какие грехи бывают, и кто у нас вперёд умрёт – я или он?». Потому что у нас уже пошло на лад, мы уже всё – всё у нас на мир пошло [помирились]. Вот. Думаю: «Кто у нас вперёд умрёт?».

И вот в то-то время мне этот сон приснился: подходит ко мне какая-то женщина, и эта женщина во все[jэ]м чёрном, во всем чёрном. Платок вот эдак узелочком завязан. Подходит во всем чёрном, мне и говорит: «Думаете, кто у вас вперёд умрёт?..». А она не сказала «умрёт», а кто у вас вперёд «покинет белый свет». А я в то время не соображала, чово это, к чёму. Я её во сне спрашиваю: «А чово это: покинет белый свет»?». А она и говорит: «Ну хто у вас умрёт вперёд», – повторила. А стоит прям передо мной – я прям хорошо-хорошо её вижу, эту женщину. Женщина незнакомая, я её не это… Так продолговатенько лицо у неё, я прям как сейчас её гляжу, вот. Вот так вот повязано стоит, ни во-

лоса, ничё не видать у неё. Во всем чёрном. «Хто, говорит, у вас вперёд умрёт. Вперёд у вас, грит, должен умереть супруг», – и исчезла. Хотела я спросить, когда всё это случится-то, а она исчезла, всё.

И я утром встала вот эдак вот, думала-думала, гадала-гадала, как же можно так. И вот, знаете, после этого у меня какое-то бережение стало к няму, я стала к няму как-то внимательнее больше относиться. Мы же с нём вовсе не ходили: он приехал из армии, а каких-то полгода – мы с нём поженились. Мы, может бы, и не поженились, но преждевременно сблудили. У нас – край пришлось нам.

И вот мне хотелось узнать, кто это, как это получилось. Как-то я стала больше относиться, с какой-то жалостью, со всякой всячиной. Ну а в памяти у меня всегда это было, всегда. А когда ёво парализовало, мне это всё ещё больше взошло. Я грю: «Вот, во сне мне сказали – так оно и сойдётся, наверно, эдак». Я всё готовилась, всё припасала заранее. И даже ёму перед смертью ёму показала заранее – в че[э]м я ёво положу. Я грю: «Вань, ты не обижайся: я и себе положила», – и свою одёжу положила, сначала свою показала, чтобы он не обиделся. Потом ёму показала: «Я тебя положу вот в чем!». Заране мерить ничё нельзя, ничё нельзя, но приблизительно размер знашь ведь. Вот я говорю: всё заранее. И он у меня знал, в чем я ёво положу. «Коронить, – я грю, – у нас с тобой больших денег нет, но на смерть я приготовила». Он мне ещё сказал: «Я умру, чем ты будешь меня коронить?». Я грю: «Не беспокойся: на похороны я накопила! На одне». Я себе потихонечку.

И он сам всё время просил Бога: он замучился в последнее время – болью сильною страдал, у нёво всё время давление большое было. Всё время голова болела у нёво. Вот. Нет-нет да опять, грит: «Да хто это такое: ломит, терпенья никакого нет». Вот эта самая парализация-то. А второй раз ёво стегануло – он уже не мог: «Э-у-э», – чуть-чуть говорил. (*СЕлВ*)

[Умерший отец во сне торопится, строит избу – в реальности покойник в селе]

– Вот сколько бы я ни видела во сне людей – и все роботают они.

?: На том свете?

– Да. На том свете – они все роботают. Вот сколько бы сны мне ни снились – и всё чово-то делают. Вот и Ивана я вижу: всё чово-то он швырятся, чово-то делат. Вот также и отец вот: то дома строит. Один раз эдак же: прихожу к нёму, а он вроде: тяп, тяп, тяп! Я грю: «Ты чово?» – «Да вот тороплюсь: надо скорее сдавать дом-то! А уж на него

покупатели-то есть, готовы. Вот гонют, подгоняют меня, грит. А ещё я вот никак: много-то делов тут». Точно покойник будет этой неделей. Через неделю, в крайнем случае – через две, точно покойник. Он торопится к этому покойнику, вот.

«Предсказатели» – всё их называют этаких людей, «предсказателями». Они предсказывают вот, что покойник будет. (*СЕлВ*)

[Умерший отец во сне стоит на снегу – глядит на машину, похожую на гроб, говорит, что купил «братке» машину – в реальности дядя умер]

– Много вещих-то снов. А вот как отец-то умер – как брата забрать, тоже приснилось эдак. Пришла я в Козловку – папа уж умер. У нас он восемнадцатого сентября… семнадцатого сентября умер, я пришла к папе вроде бы, а зимой. И он стоит на снегу, – ну ведь он у нас бывалошный у нас человек, он, ну как он – столовер [старовер]: ну как он – рубашки под заправку нет, а это, значит, эдак поясочек заправленный, всё это рубашечка наверх, всё это – стоит без шапки. А он седой-седой у нас был – и стоит глядит на машину. А машина закрыта вот: ни окошек нет, ничаво нет. Просто вот стоит какой-то короб. А я вроде иду и говорю: «А-а! Вот братке-то купил машину-то, – это брат, мы «брат», мы «браткой» звали, – братке-то купил машину, а нам бы хоть бы с Таней по тыще дал!» – это ещё сестра, она тоже умярла. Вот. «По тыще дал…». А он ко мне повёртывается и грит: «Да нету, я уж все деньги Мише израсходовал!».

Через три месяца брат умер! Как в руку! Действительно: ведь гроб – он нет окошков-то. После-те я разжевала [растолковала]: вот папа-то… А она ведь такая машина – ни бела, ни чёрная, а какая-то серая. Вот, пожалуйста. Вот и сны: который сон как в руку даст. (*ГМН*)

[Умершая дочь строит дом, ждет гостей – в реальности умирает муж сновидицы]

– Это дочь вот говорит мне, она приснилась, говорит: «Я новый дом строю!». Грю: «А зачем ты строишь, Людочка, дом-то?» – «Чай, ко мне гости придут!». А отец жив был, – вот она ждала гостя – отца. Вот у ней новый дом, и пришёл отец.

?: Это получается как на «том свете» она?

– Да, они, говорят, там встречаются. А уж встречаются, нет ли – Бог знает. Она никода – ни он не приснился, что я с Людочкой виделся, ни она не снится, что с Людочкой. Никто – сколько родных у меня умерло, и, чтобы они встречались друг дружку, – нет, не снятся. (*ГМН*)

[Приснились 6 человек, обернутые целлофаном; некто сверху (Господь) говорит сновидице, что один из них – «твоя судьба»; называет имя – Вячеслав, цыган; сновидица не верит; в реальности его жена через некоторое время после сна попадает под машину; три года он уговаривает информантку выйти за него замуж; погибшая жена также снится и говорит, что только сновидица сможет вырастить детей; они женятся, но через семь месяцев разошлись]

– Теперь расскажу про себя – очень интересное дело тоже. Осталась я одна с двоими детьми. Старшей дочке-то щас уже тридцать восемь, младшей восемнадцать, и случился такой случай в моей жизни. У нас в соседнем селе живут цыганы. А у меня муж (он второй, значит, муж) мы переехали из города сюда – вот этот дом [где происходит беседа] – он недостроенный, недоделанный. Купили тоже лошадь, – ему надо было тоже подковать. Ну короче – у нас лошадь, тот работал наездником в то время – мужья познакомились и решили как бы общаться. Мы дружили семьями, несмотря на то, что у меня муж был азербайджанец. У меня муж погибает в аварии, проходит пять лет, по-моему, прошло: мы продолжаем общаться – также жена его приходит, он приходит, значит, мы общаемся.

И мне снится сон: вижу зелёный луг, лужайка, и стоит шесть мужчин – в белом нательном белье, и каждый покрыт целлофаном, как бы пакет на них надетый. Смотрю на небо – на небе вот такое вот окно огромное, и голова человеческая, и я вроде знаю, что это Господь на небе. И он мне говорит: «Вот один из этих шестерых – ваша судьба!». Я говорю: «А ты откуда знаешь?» – я с ним прям на «ты» – смотрю на небе, грю: «А ты откуда знаешь?» – «Да знаю! Мне не веришь – проверь, что вот один из них – твоя судьба!». Я грю: «И как это я проверю?» – «Вот тебе ружьё – и стреляй! Ты в него не попадёшь: ему не суждено умерть от пули!». Я говорю: «А в кого стрелять – они все одинаковы: все в белом, и все в целлофановом пакете!» – «Ну, стреляй в любого – им всем шестерым не суждено умереть от пули!». И я вроде начинаю стрелять из ружья в них, а у меня ружьё – крестом: то вверх, то вниз – туда-сюда, вот так вот. Куда угодно стреляет: вроде как автомат, но только не в них. Ну, ладно, говорю: «Теперь скажи мне, кто же из них судьба-то? Как зовут?» – «А это Вячеслав, грит, цыган: он живёт в соседнем селе и работает наездником. Это твоя судьба» – «Чё, грю, ты говоришь: судьба моя. Да он женатый: у него четверо детей! Он женатый!» – «А вот увидишь», – грит.

И что вы думаете: я тут просыпаюсь. Всё это маме рассказываю сон: «Мам, грю, сон какой видела…». Да! [вспомнила]. А ему во сне

ещё и говорю: «А я, грю, не хочу такую судьбу! Ты, грю, поменяй мне на какого-нибудь другого!» – шуткой вот так. А он мне ещё говорит: «А я не в состоянии поменять!». Я грю: «Как же, грю, не в состоянии: ты же, грю, Господь! Ты же всё можешь!» – «Нет, грит: судьбой руководит судьба!». А я ещё с улыбкой говорю: «А вы что: две разных организации, что ль?». Он говорит: «Да. Судьбой руководит судьба, и он – это твоя судьба, и ты от этого никуда не денешься». Вот.

И я просыпаюсь, рассказываю маме: «Ну поживём – увидим, что это, чё за сон: может, ерунда какая-то приснилась!». Через два дня у мамы инфаркт случается, и её увозят к нам в больницу сюда. И я бегу к ней и смотрю: идёт толпа цыган – все в чёрном. Ну а я их знаю: тагайских цыган. «Галин, ты слышала новость: у Славки у цыгана Лебедева в Копышовке жена под машину попала – раздавило полностью череп». Меня парализовало. Я не помню, сколько я стояла – только захожу к маме, грю: «Мам…». Она говорит: «Ты что какая?» – ну обезболивающее сделали всё, значит. Я говрю: «Мам, я не знаю, как тебе сказать…» – «Ладно тебе, говорит, мне укол сделали: я сейчас ни на что не реагирую! Что-нибудь у нас случилось в семье?». Я грю: «Нет. Сон-то в руку!». «Какой? Как, что?». Я грю: «Вот у Славки, грю, жена Ольга под машину попала!». Она грит: «Ну вот, видишь: и что у меня за девка – то с Богом начнёт разговаривать, то ещё что!» – она мне в палате.

И что вы думаете: он три года за мной ходил, все три года мне его жена снилась во сне очень часто. Придёт и прямо говорит: «Я только на тебя надеюсь – только ты сможешь выправить мою семью, только ты сможешь вырастить моих детей. Я прошу тебя: помоги, не оставляй их!». И она всё время приходила – такое махровое полотенце приносила во сне: «Возьми это полотенце, возьми!» – вот неописаемой красоты это полотенце – белое, и вот на нём какие-то голубые цветочки, я не могу даже объяснить – у нас на земле нет такой красоты, какое полотенце она мне приносила. И в последнем сне я его взяла. Это прошло три года после её смерти. Три года он меня уговаривал. На третий год он меня уговорил. Мы с ним расписались, обвенчались, прожили семь месяцев (я переехала к нему) и – разошлись.

Ну там это своя история: дети не могли смириться с потерей матери и не могли принять чужого человека. Несмотря на то, что они знают меня, нашу семью – это отдельная история. (*МГВ*)

[Некая женщина во сне говорит, что через 10 дней будет покойник – в реальности умирает мать сновидицы]

– И ещё расскажу одну историю. Теперь, значит, что: маму-то у меня с инфарктом привезли ко мне домой. Привезли её в ноябре, где-то она у меня до Нового года лежала, я ухаживала за ней. Потом она на поправку пошла, потом она начала вставать. А у меня у брата у младшего была больная жена – и вот лежала, как говорится, на смертном одре – у неё рак был. И ждали каждый день, что вот она вот-вот должна умереть.

И мне снится сон: приходит женщина какая-то ко мне и говорит: «Десятого марта у вас будет покойник». Я встаю, маме говорю: «Мам, сон-то я какой видела: десятого марта у нас будет покойник. Лиза, наверное, умрёт десятого марта». Она говорит: «Наверно, уж ждём со дня на день!». И что вы думаете: десятого марта – день в день – умирает моя мама. На сороковой день после её смерти умирает Лиза, сноха. (*МГВ*)

[В детстве увидела во сне лес и портрет своего будущего сына; в реальности сын погиб примерно в том возрасте, как на увиденном во сне фото]

– А ещё так: много рассказывать в жизни так... Ещё девчонкой была, ну девчонкой: восемь классов кончила и поехала туда, там сестра. И я вот сон вижу, сынок [к соб.], мне восемнадцать лет было. Может быть, что-то есть, над нами чё-то командует, мы только не верим. И вот я вижу сон: вроде как я из лесу иду, вот, а я в Ленинабаде, и здесь лес [в селе Старый Пичеур], а вот на этой стороне [показывает рукой] вот портрет вот сына вот точь-в-точь: и усья, и усики вот как портрет (а он здоровый). И вот когда мне предсказал Господь: «Вот когда, вот когда мы твоего сына возьмём», – ну и правильно, и щас перед глазами.

Когда вот только мы натолкнёмся на это, после да, скажем, вот это, да, правильно. Я не вру, это прям со мной, мне восемнадцать лет было. И я вот этот сон вижу, а после этого долго жили с этим – родился он, сорок, тридцать девять лет было, когда [сын погиб]. Я говорю: кабы знала и не выходила [замуж], такую скорбь, вон когда уж мне приснилось это всё. Только мы не верим, ну вот верить надо. Есть что-то, есть, кто-то над нами командывает, кто-то вот, а мы не верим, всё равно не верим. (*БНТ*)

[Умерший директор школы и его жена приглашают сновидицу к себе в дом на ужин; в реальности умирает отец сновидицы]

– Снится мне школа (я здесь в школе работаю), – директор школы, он умер [в реальности], и его жена приглашают на ужин. И вот я

приезжаю к ним в дом. А там дом такой деревянный – в одной половине школа, в другой – он живёт. И вот директор школы… И он кушает и вроде меня приглашает. А там такое место зеленое – и школа стоит… И все-все родственники мужа [информантки], и только вот этот директор и его жена. И вот эти родственники почему-то толпами ходят. И вот такое закрытое помещение совершенно…

Я проснулась с испугом… Я сны вообще никогда никому не рассказываю… Пошла за ребёнком (прошло два дня), ребёнок играет, я с женщиной остановилась и рассказала сон, который мне не понравился. Заходим домой, накрываем на стол и вдруг слышим – звонок: телефон. Муж пошёл трубку брать, – меня всю затрясло… Он взял трубку, я говорю: «Кто?» – а он говорит: «Папа…». Если видишь во сне помещение без окон-без дверей – значит кто-то умрёт. (*ШЕИ*)

[Крестница показывает сновидице строящийся дом; потом крестница опережает сновидицу и уезжает на автобусе; затем снится повторный сон, в котором рассказчица оказывается в строящемся дому, умерший дедушка говорит, что все в доме готово и крестницу ждут, – в реальности крестница погибает (близость к ЦА приобщения)*]*

– Для чего они [вещие сны]? Вот моя единственная крестница, любимая, единственная была крестница, – за неделю до свадьбы умерла. Свадьба отложилась до того, чтобы я спокойно закончила учебный год и спокойно я могла приехать на свадьбу. Потому что знаете, я здесь вот так вот [показывает круг рукой], я вообще не живу, я два-три часа в сутки сплю, вот такая судьба у меня [улыбается]. Я уже не знаю, кто я по профессии, сколько мне за сутки приходится делать километров и работать и… Ну это сама, конечно, никто не виноват, каждый ведь сам… И мне снится сон…

Пятна… двадцатого марта (она умирает пятнадцатого мая), двадцатого марта мне снится сон (это всё записано у меня), снится сон: я у мамы, значит, там. Папа с мамой мне собирают такую огромную-огромную сумку в дорогу, типа я у неё в гостях вроде бы и уезжаю, они вроде бы собирают. Говорю: «Мам, ну куда вы мне такую огромную сумку собираете?». Она говорит: «Так там всё надо будет». Я говорю: «Где всё? У меня же дома всё есть». Беру эту сумку, и вроде бы автобус подъехал прям к дому, чёрный автобус подъезжает к моему дому, я сажусь, впрыгиваю в этот автобус. Еду и еду вообще не там, а еду там, значит, по улице, там, значит, дорога на ферму вообще мимо, значит, моей кумы, это, значит, моей крестницы, и даже точнее отца её родителей. Они там жили, а теперь они вообще на квартире живут, но

теперь они на квартире живут. Я вроде еду – там уже все покойники, дом закрытый стоит. А я проезжаю, да, проезжаю мимо магазина.

И вдруг, значит, у меня начинается технический срыв, ну, скажем, критический день. И я говорю шофёру: «Остановитесь, пожалуйста, я забегу в книжный магазин и куплю прокладки», – зачем-то вот в книжный магазин, которого тоже уже давно нет, просто он закрытый, «Книги» написано. С советских времен он пустует, закрытый на такие замки амбарные, я туда захожу, покупаю, значит… А! Мне говорят: «Нету, у нас кончились прокладки»…

Мы едем мимо этого дома, родителей её, моей кумы: домик их, значит, доски новые, и рядом – такие красивые хоромы деревянные, бесподобные вообще, в каком-то таком старинном стиле, и только вот прорези для окон. Всё уже – и крыша, и всё, но рам нет, окон нет, и сидит отец её, это папин друг, и строгает чё-то там, значит.

Я говорю: «Дома, что ли, все?». Он говорит: «Дома, заходи». А он говорит: «Что ты не видишь, какой я дом построил?». Я говорю: «Да, вижу, но это разве ваш?» – «Лидочке построил». Я говорю: «Как?» – «Так она замуж собирается, жених у нас есть, где же она будет жить? А тем более с ребёнком, где они будут с ребёнком жить? У них-то квартира есть, а она где будет жить? Вот к середине мая враз закончу, жду тебя на новоселье, числа пятнадцатого мая, приезжай на новоселье».

Я захожу и говорю: «Дайте мне что-нибудь, мне надо ехать», – автобус стоит ждёт, стоит на ходу, ну, в смысле, – газует стоит, сумка моя там осталась – там вроде всё положили, я не знаю, как будто в поход на несколько лет. И, значит, говорю: «Дайте мне что-нибудь – бумагу» – «Щас я пойду поищу». Лида [крестница], значит, смеётся и говорит: «Крёстна, а ты что дом-то мой не зайдёшь не посмотришь?». Я грю: «Да я видела» – «Да пойдём! Внутрь пойдём», – проводит меня, значит, полы, потолок, всё чистенько-красиво, всё деревянно, и вот прорезь одна в окошке, всё, больше ничё нет. Я говорю: «А чего же больше ничего нет? А когда это…». Она говорит: «К пятнадцатому мая дедушка обещал, вот ждём тебя на новоселье, буду ждать», – и такая весёлая, кружится, вот смеётся, вальсирует тут по всему дому и говорит: «Видишь, какой я дом заслужила, при жизни-то ютились в маленьком домишке там, наверное, пять квадратных метров, дай Бог, если будет пятнадцать на восемь человек, а теперь, – говорит, – вот я в каком доме буду жить». Я говорю: «Я рада, очень рада: такой прекрасный дом». Я говорю: «Я уже представляю, как вы там… как тут всё это будет». И она вдруг выбегает вперед меня показать, что мы разговариваем с

кумой, она выбегает и говорит: «Прощай, хрёсна! Я поехала!». Я говорю: «Ты куда поехала?». Она говорит: «К хрёсной бабушке поехала! Сумку-то собрала, – она говорит, – я к ней поехала», – ну к маме, а мама – покойница, тоже покойница. «Я, – грит, – к хрёсной бабушке поехала». Я говорю: «Стой, куда ты!? Это же я должна ехать, это моя сумка, это мой автобус!» – «Нет, нет, ты оставайся, ты на новоселье не забудь пятнадцатого мая ко мне», – села и уехала в этом автобусе, всё, я проснулась. Конечно, сон этот и не забыла: ну, как записывала, и записала…

Теперь, значит, вот она десятого мая прислала письмо [в реальности]: «Хрёсна, мы отложили, значит, на двадцать восьмое мая свадьбу. Ждём тебя». Я купила ей уж и подарок и, значит, перстень золотой купила там всё, и туфли приготовила на свадьбу, хотела ей, значит, подобрала. Она, говорит, звонила: «Никак туфли не могу подобрать».

Пятна… да!, с четырнадцатого на пятнадцатое мая… Нет, пятнадцатого… Да, пятнадцатого мая. Значит, я про всё это забыла [про сон], у меня и в голове ничего этого нет вообще. Пятнадцатого мая с утра я начала: «Надо собираться, – Ирине говорю, дочери. – Надо туфли упаковать, отправить там с оказией, а то как бы это…» – вот всё про неё, всё про эту свадьбу, что я надену, вот переживания вот эти, надо собираться, надо, ведь что-то вот так вот.

Она говорит: «Мам, ты давай залезай на́ печь, не мешайся мне, я полы помою, там, там поговоришь, не мешай, а потом слезешь, там разговаривай». Я залезла и уснула моментально, на́ печь залезла и уснула. И вижу сон: опять, значит… я будто бы выхожу, значит, чер… из ворот, вот уже вроде бы я, продолжение: я на печи и думаю: «Чёй-то я буду на печи лежать? Да я лучше на улицу пойду, что-нибудь поделаю».

Выхожу за ворота, открываю ворота: стоит этот, отец, значит, её, кумы, дедушка этой Лиды и говорит: «Что спишь? Уже гулянье началось, а ты всё спишь! Уже и наличники вставили, уже и стёкла вставили, уже и в доме всё готово». А я говорю… говорит: «Хочешь посмотреть, как?». И вроде бы вот… вроде я захожу в этот дом же, в этот же дом и снова: одни полы, один потолок, и только окошко уже застеклённое. Я говорю: «Ну вот, ничё себе! А ты сказал – всё готово, – я говорю, – а тут ничего и нет! А где же печь, а где всё остальное?». Он говорит: «А зачем? Ничего не надо: всё готово. Ждём!». И я проснулась.

Только проснулась, лежу, думаю: «Ой! На самом краю, ведь это я щас упала бы с печки-то…». И заходит муж и говорит: «Ирин, мне можно пройти-то?». Она говорит: «Ну, проходи!». Подходит, мне бумажку протягивает – сложенную телеграмму. Всё! И у меня сразу

как ударило в голове: «Чё, – Лида?!». Он говорит: «Ну, сама читай!» – и убежал быстрее. Разворачиваю, значит: «Выезжай. Сегодня погибла…» – а погибла, погибла, – опять, потом мы сидели с матерью, когда память была, на кладбище, часа два, наверно, на могиле сидели, она, в общем, мне рассказывала вот про эти сны, про всё, ну вообще… А она говорит: «Я никогда этим и не интересовалась, а в последнее время, вот ты знаешь, что пошло вот это всё…».

И оказалось, как он сказал, – с ребёнком, беременная уже, это... Всё было готово к свадьбе, всё-всё-всё. Ну теперь она винит всё на бабушку с дедушкой. В общем, с мужем разошлись, и родители мужа, узнав о свадьбе… Она приехала на работу, у ней был магазин, значит, она там администратором была… Они [родители мужа] передали с соседкой: «Пусть она заедет, мы на свадьбу не поедем, деньги ей дадим на свадьбу», – и она, не открывая магазина, говорит продавцам: «Стойте, я щас… – автобус там курсирует вот так маршрутный, – я щас с оборотом, с этим автобусом, попрошу шофёра, пусть постоит, я забегу, деньги заберу, – вроде бы, – и обратно».

И вот вылезла из автобуса, значит, она… Очень много было народу, человек пятьдесят, там полный автобус был, сошли там на работу, и она была среди них, среди всей этой толпы. Всё правильно шли. Иномарка уходила от милицейской машины, от гаишников, иномарка проехала по голове, а милицейская машина по ногам проехали. И всё – ничё не оставили от неё. Вот так. Вот сон… И вот таких снов, вот я говорю, и не перескажешь, мучаюсь теперь всю жизнь, когда заранее знаешь о человеке… (*КТИ*)

[Мать переходит во сне на ту сторону стола, где сидят умершие; в реальности умирает]

– Незадолго до смерти мама видела сон, как будто к ней пришли все умершие наши родственники. Они сидели молча в комнате, украшенной цветами, на одной стороне стола, а мама сидела на другой. Она долго думала, почему же она не сидит рядом с ними, а потом перешла на другую сторону. Через два месяца мама умерла. (*САВ*)

[Умершие родственники на могиле раскладывают пирог и говорят, что ждут дядю сновидицы; затем в реальности он умирает]

– Дяде своему сказала тоже, – на Украине жили. Я ничего не знала, что он умер, что он умер, я этого ничего не знаю, вижу сон, что я приехала домой, иду мимо кладбища – значит, две могилы, третья

выкопана, сидят дядя, мать её, покойница. Значит, разложили на могиле пирог с калиной из ржаной муки, разрезанный, бутылка стоит, и выкопана могила. Я, значит, говорю: «Ой, здравствуйте, – так и так, – а чё вы тут делаете?» – «А мы, – говорит, – это… ждём Филата!».

А он работал в Казани деканом технологического факультета в химико-технологическом институте. «Мы ждём Филата! – а он в расцвете сил, мужчина такой ещё это. – Всё приготовили, всё уже готово. Вот рядышком. Спасибо, вот ходили разрешение у начальника спросили. Хорошо, что начальник маме, – ну она говорит, – мне родственником приходится», – ну как первый ведь захороненный там это… Я говорю: «Ба! Да когда это закопали, похоронили… Неужто ты знаешь, что он твой родственник? Это в каком поколении!» – «Да мы тут все друг друга знаем! Всё, привет тебе от всех, – вот так вот. – Всё, передай Филату, что мы его ждём».

Я получаю письмо от мамы [в реальности]: «Умер дядя Аркадий», – вот который уже сидит [во сне], уже ждём с мамой… Приехал с больницы, лежал в больнице, слез на остановке. Присел, замёрз, сердце схватило, замёрз, умер, всё… Это зима. Ладно. Приходит лето, я приезжаю сюда в отпуск, значит, мама говорит: «Там приехала Лида с Москвы, – муж привёз. – Лида приехала, скоро уезжает». Я говорю: «Ну я еду, надо повидаться, а то столько лет не виделись – я в Москву не поеду…». Приезжаю, Лида, значит, тётка, и дядя Филат сидит, прям заходишь – и молча, как покойник, молча, ничё не говорит, сидит вот такой весь: ни здрасте ни до свидания, не шевелится… Мне это так… а у меня уже всё в голове информация. Мне не надо было говорить, конечно. Я… пошли в огород, я говорю: «А чё дядя Филат сидит какой – ни живой ни мёртвый какой-то?» – «Да не знай, чё у него, – грит, – говорит, что настроение никакого нет, какие-то у него предчувствия нехорошие». Я говорю: «Чё: болеет, что ли?» – «Нет, сны какие-то ему дурацкие, а-а, помешался он, наверное, на своём образов… ну на работе на всей этой научной. Да ну его! Чё им, городским, – с жиру бесятся да и ладно, – она. – Вон работа была бы, так и с ума бы и не сходили!». А я говорю: «Знаешь чё, тёть Зой, мне такой вот сон приснился», – и я ей рассказала.

Мы заходим, значит, ну тут вино достали красное, самодельное, немножко выпили. Чё-то Лида поднялась на мать, чё-то недовольная стала и говорит: «И вообще вы все такие! Это… вообще ваша вся порода, вот тёткина, мы, значит, с её стороны, все какие-то все страшные, я вас боюсь, все там, всё предсказываете, все набожные, чё-то все мо-

литесь, вас уже и… страшно…» – в общем, не хорошо так это… Ну она поднялась и это и говорит: «Ах, так!.. Ну что ж, – говорит, – ладно, и так всю жизнь я от родителей…» – ну она бедная сирота, тётя-то, а они тут бывшие из дворян из всяких там, богатые. Ну и всю жизнь укоряли, что нищенку тут приютили, что «тебе тут ничё не достанется из всех этих богатств», и всё прочее. Ну и вот, в итоге так получилось, что все вымерли и один Филат остался. И она, тётка, в этом доме хозяйка осталась – делить не с кем. Всё – все вымирают, остались только их дети там где-то.

Ну и ладно… А она говорит: «А между прочим, – говорит, – не выгибайтесь тут перед мной, хватит, я вас натерпелась. И ты скоро умрёшь! Вот и правильно твои все эти… [т.е. сны, рассказанные тёте накануне ссоры]». Я говорю: «Зачем ты говоришь?». Зачем я сказала, тут такой скандал, собираюсь я оттуда восвояси – быстрей как приехала, так и ушла. Пожалела, покаялась…

Через неделю мама, значит, мне присылает письмо (я уехала), через неделю приходит письмо: «Только ты уехала, Филат поехал на дачу. Всё уже выкрасил, сделал, остались только последние наличники, – с улицы уже, и упал замертво, и всё». И вот так вот. (*КТИ*)

[Сестра во сне видит дочку информантки примерно в той же обстановке, что и рассказчица в своем сне – в некоей больнице; сестру заставляют лечь на койку дочери, тётя отказывается; в реальности – дочь умирает]

– Вот я вам говорю: не только это мне снилось. Вот, понимаете, у своих родственников, может присниться мне и моей сестре. Вот у нас был сон один и тот же: а потом, когда уж поминать она приехала [после смерти дочери информантки], рассказывала. Вот мне приснился сон, а ей попозже, и наоборот. Вот она тоже видела тот же самый дом, как я вам рассказывала[31], да, и койка пустая. А я, грит… вот она, когда пришла туда, я позже была, а она до этого, до смерти, я после смерти, а она до смерти была, а сон одинаковый: она спустилась туда же, только мне велено [во сне] было отдать эти босоножки, а у ней [в её сне]: там койка пустая, ей говорят: «Ложись на эту койку». Она говорит: «Зачем это я лягу? Койка-то маленькая», – а Леночка [умершая дочь] у меня была маленькая такая ростом, худенькая и маленькая. Ну вот: «Ложись!» – а она говорит: «Зачем это лягу? Это же место всё-таки чужое!» – «Ну чё чужое – племянница».

[31] См. сон, опубликованный на 353-354 стр. настоящей книги.

И она, говорит [в реальности, после сна]: «Я тебе не позвонила [чтобы рассказать про этот сон], потому что…» – ну а это за неделю как раз до смерти [дочери информантки] было вот это всё, говорит: «Я тебе позвоню – ты будешь переживать», – вроде так[32]. А когда приехали поминать, она говорит: «Мне ведь вот чё приснилось». Ну а я говорю: «А мне вот такая петрушка приснилась: отдать нужно после смерти вот то, что у меня осталось». А точно также: и белые комнаты, и вот это всё, всё, всё одинаково приснилось нам.

?: А вы вот говорите, что спустились – значит, это где-то внизу?

– Вот, понимашь, как… Короче говоря, видно, что вот не сам [sic] я там оказалась, а вот ступенечки, там красивые, мраморные, типа мраморных ступенек, перила такие красивые, в общем. И спускаешься, – себя не видишь, только слышно: топ-топ, а меня не видно, только там соображаешь, что это «я иду», а меня не видно там. А когда я уже оказываюсь на месте, то я вижу, что вот я, я пришла сюда. А вот сам спуск вот этот – куда, где, – только слышно: шаги. Вот мне конкретно было так, я себя не вижу, только: топ-топ-топ. И вот мрамор, вижу: мраморные эти ступеньки, и эти, как их – перила красивые. И больше ничё, никаких этих: вот они лестницы, ступеньки, никаких труб там, ничё: просто кончается, и сразу оказался вот в этой комнате. И я как будто мне велено: вот идти вперёд и идти вперёд, вот такое чувство было… (*ДСЗ*)

[Умершая дочь привезла с собой черные ботинки; в реальности – похоронили отца в черных ботинках]

– Это тоже эдак – домой приехала [снится, будто умершая дочь приехала к сновидице]. Приехала она домой, такая несобранная: такая – какой-то на ней халатишко, и какие-то тряпочки всё в шкап складывала. И шкап бывалошный – не как вот сейчас всякие эти, а бывалышный шкап. Это у нас в Козловке был шкап – ну вот от потолка и вот примерно до сех пор сделан, и полочки. Ну там посуда, какеи-то стаканы стояли. И она нам в этот шкап складывает какеи-то – бельё ли, тряпочки какеи-то складыват, – всё хорошо. И я ей говорю: «Дочк, зачем ты ботинки чёрны каки-то привязла? Да, я грю, каки-то большие?». А она говорит: «Ничаво: папе годятся!». Это ещё отец жив был. Ну вот правильно: чёрны ботинки, в туфлях [умершего отца] положили [в гроб]! (*ГМН*)

[32] Т.е. если бы сновидица позвонила и рассказала информантке этот сон, то последняя начала бы переживать.

[Умерший отец во сне приглашает сновидицу к себе («давно ждем»), некий голос отвечает: «Ей еще рано, пяти граммов не хватает»; в реальности она пять месяцев «мучилась» и умерла]

[СЛП] Вот мама умерла, но до своей смерти она мне рассказывала (это за год), – вызвала телеграммой: ей было плохо, и потом, когда я приехала, она уже на ногах ходила. Говорит: «Щас мне уже лучше, но расскажу тебе сон, – такой, – говорит, – мне хороший сон приснился, мне даже, говорит, жалко было просыпаться».

Вот как будто бы приснился ей ее папа, – она его никогда не видела, потому что, ну, может быть, два года ей было, когда он умер. Она не может лица его помнить, но как будто бы это папа, – говорит, – приснился ей, и она уже довольно-таки старая, ей восемьдесят первый год, как будто он ей говорит: «Мария, ты что-то к нам не идёшь, мы тебя давно ждем!». А другой голос говорит как будто: «Ей еще рано!». А мама-то говорит: «Почему рано? Я, – говорит, – хочу к вам». Ну ей было почему, это… рано-то… «Ей весу не хватает…». Думаю: «Господи, сколько же это весу, что за вес-то еще? Худенькая я, – может, поэтому». – «Да всего немножко, – пять граммов, – говорит, – не хватает».

Я, говорит, проснулась, проснулась, а там так, говорит, хорошо было, около папы: такой покой, а [тут] гляжу опять – эта печка, эти стены, так, говорит, мне плохо стало, и вот сама, говорит, думаю: «Что же означают эти пять граммов?». И вот уже через полгода, что ли, или через год этот сон у ней сбылся, ее парализовало, и она пять месяцев мучилась, – потом умерла.

Я потом это… расшифровывать стала, стала этот сон и всем вот рассказала: пять граммов, – это значит пять месяцев весу, а вес – это знаешь что? – что-то значит вес… Она так праведно жила, можно сказать, – никому плохого не применяла, но что-то для этого ей не хватало, для весу, думаю, может, она там в рай попала, в хорошую жизнь страданием этим, вот этот вес, она, эта тяжесть, этого страдания ей не хватало, может быть.

Она уже шёпотом разговаривала… Мы же старались, чтоб… ей всегда говорили, – вот ей лучше будет, там – лекарства, – она верила, что… наверно, она не думала, что не встанет. Вот… «На́, давай, ешь, вот Надя должна встать, ты лежать, что ли, будешь, – давай ешь!» – вот так вот я ее кормила. А вот посчитали потом: ровно пять месяцев – вот эти вот «пять граммов».

[СОЮ] Я все расшифровала: это как то, что – ну там же рай, и

они… ну все же помрут, – для них вечность – это ничего не значит, – они же там все очень долго живут: подумаешь, какие-то пять месяцев-пять лет, – это для них ничего не значит…

[СЛП] Для нас для всех…

[СОЮ] Для нас пять месяцев, считай – целая жизнь, – для некоторых, а для них – это совершенно ничего не значит, на самом деле, – смерть… Вот поэтому и не стали говорить конкретную дату, – там дни, месяцы, годы, – просто сказали: вес, – разбирайся, как хочешь.

[СЛП] Ну она-то думала, сколько же, говорит, осталось мне, пять лет, пять дней, говорит, проснулась, – говорит, думала-думала… Ну я ее разубедила, говорю: «Не ешь ничего, – вот дурацкие сны и снятся!» – я так вот ее, чтобы она в голову себе не вбивала, не задумывалась. Она говорит: «Как мне хорошо там было…». (*СЛП, СОЮ*)

Акции предупреждения

[Во сне умерший отец запрещает дочери информантки купаться в море (лететь в Египет); затем в реальности разбивается самолет]

– Я, ладно… Теперь уже засыпаю и вижу сон: мой дядя покойный, который недавно умер, говорит: «Слушай-ка, – мне вот так вот прямо как наяву, – слушай-ка, не пускай Ирину купаться в море, не пускай. Ты смотри! Если отпустишь, значит, я не отвечаю за это, я тебя предупредил!».

На следующий день она мне звонит [в реальности], говорит: «Мам, я с тобой посоветоваться хочу». Говорю: «Что случилось?» – «Мы собрались ехать в Египет домой к нему [мужу дочери информантки]», – у него мать – итальянка, а отец – араб. Вот и… Живут и в Италии они, и в Каире живут. А вот отец, его отец, значит, двоюродный племянник или брат ли, я не знаю, который с Дианой разбился, в общем, родственники какие-то там, и говорит… Да! «Мы собрались, – грит, – а ты знаешь, мам…» – а зачем, я уже вся вот такая, я говорю: «Куда?!». Она говорит: «Вот собрались, в общем, отдыхать ехать. Мама щас его уехала туда тоже и приглашает нас туда. Едем отдыхать вот, купаться вот туда-то, туда». И говорит: «Только вот знаешь, мам, только мне почему-то, чё-то мне страшно, я не знаю, чё мне делать: домой ехать или туда». Я говорю: «А что случилось?» – «Мне приснился дядя Коля и сказал: “Ты смотри у меня: пойдёшь купаться в Красное море, я тебе задницу надеру!”» – как он их маленьких это. – К чему он

это, мам, мне?». У меня уже всё голос пропал. Я говорю: «Ирин, мне точно также дядя Коля сегодня сказал во сне!». Я говорю: «Знаешь, чё мне привиделось? Я не спала, Катя вот свидетельница, мне такое вот…». Она говорит: «Вот как раз…»

А потом звонит вот как раз потом уже это… эти аквалангисты-то [т.е по новостям сообщали о некоем несчастье с аквалангистами]. И она мне звонит и говорит: «Мам, ведь мы именно туда собирались! Я не поеду, я уже билеты сдала, я еду домой».

Я говорю: «Едь побыстрее!» – я вообще.… И я после этого, вообще не могла, плохо мне было, просто плохо, я уже предчувствовала вот это всё. А потом, значит, он говорит… И она приехала, и он [муж] звонит… А! Ну она сказала ему: «Мама, вот мне сказала это, я не поеду, вот так и так», – в общем, всё ему сказала, в чём дело. Он звонит и говорит: «Хорошо, грит, что твоя мама, это всё, ну не пустила туда, что ты туда уехала… Вот, грит, вот этот рейс, на котором мы должны, значит, лететь, этот рейс, на котором мы должны были лететь, он, – говорит, – там где-то, короче, сбился, и потерялись они где-то там. С курса сбился самолёт, потерялись: нашли какие-то [обломки]…» – вот я всё слушала, я не слышала этого в новостях, ну их столько, наверное, все и не говорят. И нашли, говорит, только обломки этого самолёта, и несколько человек, говорит, остались случайно вот с этого рейса.

Мне-то вообще снилось: «Не купайся!» – я думала, типа она… Она говорит: «Я, мам…». А когда он позвонил, вообще аж вся сидела, как эта, и говорит: «Ой, мам, всё-таки действительно…» – у ней тоже чё-то такое всё, есть это [способность предсказывать, видеть вещие сны], уже тоже началось всё это, не знаю: может быть, всё это… (*КТИ*)

[Старец предупреждает сновидицу: «Очнись, пятки отморозила!»]

– Горшки здесь [в Сухом Карсуне] делали, и вот её [знакомой информантки] муж возил нам горшки в Тольятти. А мы едем, когда мы на дороге встали отдохнуть, а ремни вот так вот они были соединены, видимо, тут дуло, и у меня отмерзла пятка совсем. А я заснула, а он [«старичок»] мне говорит: «Раба, очнись, ты пятку отморозила!»

?: То есть явился вам во сне?

– Ну я яво вижу, того самого старичка, – отморозила пятку, и я яво видела… (*АкМФ*)

[Умершая прабабушка будит правнучку во сне, предупреждая ее о произошедшем через несколько секунд в реальности землетрясении]

– Еще один сон был интересный: прабабушка умерла, – вот дедушкина мама. Это было лет шестнадцать назад, мы жили в Душанбе, и она мне приснилась, то есть в то время еще как-то боишься покойников, всего такого… И мне снится, как будто мы в своем доме, и она вдруг появилась. А бабушка, которая еще тогда была… щас ныне покойная, – она сидит читает молитвы, – хотя всю жизнь была коммунисткой там рьяной, – растрепанная какая-то, и вдруг появляется прабабушка. Я пугаюсь, я понимаю, что она покойница, думаю: «Надо взять воду и вылить», – она же покойная, – говорят, пролетит, то есть – сквозь нее. Я беру воду ковшик, выливаю, а вода начинает стекать у нее по лицу. Она говорит: «Чё, испугалась?!», – всё вот, то есть просыпаешься резко, начинаю закрывать глаза, – она вот на черном фоне говорит: «Не спи!» – то есть она вообще не давала спать, и именно вот через секунд тридцать, наверно, было очень сильное землетрясение, очень сильное, то есть она меня разбудила вот буквально, чтобы я успела не вот так вскочить, а то есть уже осознанно вполне.

Выбежали все люди на улицу тогда, – ну слышали, может быть, в восемьдесят восьмом году или в восемьдесят девятом, – уже не помню, – когда там селение-то полностью засыпало, – было такое. И вот как раз в Армении, что ли, или в Азербайджане еще сильнее оно было, то есть у нас были отголоски вот эти, этого вот землетрясения сильного, восемь баллов, – она меня разбудила, предупредила, да… Потом почему-то спокойно я уже относилась [к приходу покойников во сне], то есть сейчас я уже, – вот они мне снятся, то есть я прекрасно понимаю, что… я спрашиваю: «Как дела?» – разговор такой вот идет, но никто меня никуда не зовет, потому что у меня, наверно, тоже есть где-то в голове, что я не должна… (*ПЕВ*)

[Умершая бабушка предупреждает о том, что не надо лететь – самолет разобьется]

– У одной женщины… Собиралась она ехать на юг, а дочке этой женщины снится бабушка и говорит. А дочка вообще в другом городе живет. Говорит, что точно сойдет с рельсов э-э-э… разобьется самолет. Если ты полетишь… И именно сказала на сентябрь месяц. А они собирались в июне в Сочи, прилетели сюда. Через какое-то время ее муж предлагает: «У меня вот есть возможность в сентябре ехать в Сочи». А бабушка [во сне] сказала: «Ни в коем случае – разобьется самолет!». Представляете? А в сентябре они вообще даже не планировали, не знали и ничего. Что-то, видимо, какое-то вот такое тоже есть. Но сентября еще не было.

Ну теперь какой-то поезд, говорят, идет: «Санкт-Петербург-Москва-Сочи». Такой вот, скоростной. На поезде поедут.

Ну, конечно, приходят, такого не может не быть, скорее всего. Приходит, человек, он всегда является, обязательно. Такого не может не быть. Ну во сне, в основном, это предупреждение. Вот у меня приснилось… Просто нужно рассказать, что снилось. Я уже прям в церковь ходила. И причем: как только я помяну бабушку… Вот так, были стечения обстоятельств, что я не смогла помянуть или в церковь сходить, – то значит, я точно болею. Если я помяну вот так, в Ручей поеду, то есть и она у меня просит. А вот когда во сне видишь – есть просит, значит, поминки нужны. Ну бывало, у меня не получалось. (*КАЕ*)

[Дяде приснилась умершая жена: сказала, что он забыл потушить огонь; в реальности он встал, в это время – рухнул угол (землетрясение)]

– У меня у отца дядя был, жил в Ташкенте в Узбекистане, вот когда там землетрясение было, ну вот давно, какой год... Тогда мы к нему приехали. У него первые две жены умерли. Вот тогда он тоже говорил, видимо, здесь такая же история получилась[33]. Первая жена… Он говорит: «Я спал хорошо». Она, говорит, меня будит и говорит… забыла. Она ему говорит: «Ты огонь не потушил, ты огонь…». Я, говорит, лежу с закрытыми глазами и опять: «Ты огонь не потушил». Я, грит, встал, вышел во двор, только вышел, грит, как всё пошло. А он же жил в частном секторе, как, грит, пошло-пошло-пошло, и там, где я спал, кровать, этот угол рухнул.

?: Это вот как предупреждение?

– Да, как предупреждение, это когда мы ездили с ним, но это ещё давно было, мне, чай, лет десять было. Он в то время был ещё живой, вот также собирались за столом, вот начинают вспоминать: вот сны снятся, к чему снятся. И вот такая вот история получа[е]тся…

Не знай, ещё мне кажется, особенно родители: переживашь за детей, вот дума[е]шь-думашь-думашь, не знаю, чё – даже и не придумашь. И такое вот как предсказание на самом деле… (*ПНВ*)

[Старец ограждает от замужества с пьяницей]

– Я расскажу про вещий сон из молодости. Это даже, может, интересный будет. Была еще я совсем молодая, после института приехала и подружилась с одним парнем. Он был ветврач по образованию,

[33] Собиратель рассказал перед этим сон, в котором умерший родственник предупредил о землетрясении.

вот, – Толик, прекрасный парень. Дружили мы очень хорошо, больше года, и речь шла о том, что мы должны были пожениться. И вдруг мне снится вещий сон (я даже такой сон не ожидала): стоит, значит, ограда кирпичная, крашеная ограда, Толик там ходит внутри ограды. Тут ворота, дверь, и сидит старец в образе святого, – с бородой, тут он и ходит, тут у него и стул стоит. Туда войти только через его [старца] разрешение можно. Я подхожу, – кручусь, кручусь у стены. Стена очень высокая. Он [Толик] мне дает знаки, что «освободи меня, возьми к себе!». Я подхожу и пытаюсь пройти. Он [старец] мне так тактично, вежливо говорит: «Нет, доченька, не допущу, пожалею я тебя, не допущу я тебя к нему». И мы с ним не встретились.

И вскоре мы с этим Толиком как-то по каким-то совсем незначительным причинам расстались [в реальности], ушли друг от друга. А через полгода или, может быть, ну через не менее года Толик приста… так пристал к алкоголю, спился и стал алкоголиком, – и очень рано ушел из жизни. Но судьба вот меня с ним не свела. Вот святой, – кто это был? – облик… но… но однако не пришлось, не довелось нам. (*ИРП*)

[Умерший отец напоминает о незапертой двери]

– Потом у меня у подруги умер отец, и однажды они пришли откуда-то, легли спать, и снится ей сон, как будто сидит на диване ее покойный отец и говорит: «Спите, а дверь-то не заперта!».

И вот она проснулась, и смотрит: а действительно – дверь-то открыта, то есть она на замок не закрыта. (*ПНИ*)

[Во сне умерший прадед будит внучку, которая может опоздать на работу]

– Один раз, кстати, дед приходил будить, – не дед, а прадед. Я жила в селе и работала директором сельского дома культуры. И утром мне нужно была полшестого встать, чтобы пойти на планёрку, – у меня в клубе прорвались трубы вот, и я всё боялась проспать: будильник у меня бы изломанный, в общем, только на свою интуицию рассчитывала. И прадед пришёл во сне, и где-то буквально полшестого, к полшестому где-то, ну в пять, может быть, снится вот этот сон – он стучит в дверь и зовёт меня: «Ира, вставай!».

Я говорю: «Дед, отстань, я хочу спать!». Он говорит: «Вставай, Ира!» – и начал ругаться, и ругаться начал матом почему-то [смеется]. Я напугалась, вскочила, свет включила, забралась под одеяло, и время было полшестого, между прочим, – не проспала… (*КИВ*).

Другие визионерские жанры (обмирания и видения)

[Во время комы увидел «тот свет» – охраняемые ворота, как в церкви; визионера выпроваживают в лес; описание иного мира: сады, «все разнаряженные ходят»]

– [Друг попал в аварию и после комы рассказывал] «Я ничего не знаю, я был, говорит, на том свете», – он так говорит. Видел мать, отца, брата видел, знакомых видел [умерших]: такие ворота, говорит, как в церкви, там стоит, говорит, охрана. Я, говорит, туда рвуся, мене, говорит, скрутили и проводили, и проводили в какой-то лес. Грит: «И уходи отсюда, тебе тут делать нечего, тебе рано» – и вот эти все у него воспоминания, как он столкнулся с машиной, как чё – он ничего не помнит. Мы говорим: «Трепешь ты языком!» – «Ну какой мне интерес трепать?»… Ворота такие красивые – как вот раньше в старинных церквях были, – такие все окованные, охрана стоит, и, говорит, в этих – как их, такие на них – как вот на Новый год на школьников надевают – вот эти... Ну как их называт – короны вот эти вот, говорит, палки у них все как вот у них, охрана с пистолетами с автоматами, а у них такие все – изображенные (?) вот эти вот…

И ему говорят: «Иди отсюда» – вот. Он говорит: «Я начал сопротивляться, вроде как туда расталкивать, они мене, говорит, прям скрутили, грит: “Бить мы тебя не будем!” – провожали меня, провожали и в какой-то лес, говорит, я зашёл – и всё: “Уходи, грят, тебе рано ещё здесь быть!”».

А так, говорит, краси-иво – сады, грит, цветут – всё так, – там, грит, все разнаряженные ходят… Как вот в концлагере – через забор видит, но там [в концлагере] не разнаряженные, а там [на том свете], говорит, все разноряженные: хоронят всех в чистом вот. (*АСА*)

[Во время обмирания видит тот свет: «Всё показывали, везде водили»; через сорок дней обмиравшая умерла; сопоставляет с духовным стихом: «Все приступочки прошла»]

?: Говорят, вот будто те, кто долгим сном засыпал, рассказывают, что их по тому свету водили?

– Это да, у нас, у меня мать родом была из Араповки, вот соседнее село Араповка. У них отцова сестра, её матерна… матерна тётка называтся, и вот она заснула, месяц спала она. Ага. Ну вот её спраши-

вают: «Тиш, что тебе, там, мол, ты чаво?» – «Ой, – грит, – меня везде водили, – она рассказывала. – Все, грит, мне показывали… Прям, грит, сказали: “Вот до сорок дней мы тебя проводим, а после сорока дней ты передёшь в свою жизню”». Вот. Ну и она месяц спала.

Поля она, как сорок дней минуло, она умярла по-настоящему. Это вот тоже был вот такой случай, матерна тётка была она, моей мамки тётка. Вот. Она рассказывала: «Уже где, грит, ни водили, водили, грит, водили…». Я говорю: «Ну не так [ли] поётся в песне: “Сорок дней душа ходила, все заступеньки прошла…”?». Вот, я говорю: «Это всё правильно…». Везде, грит, водили меня… Это вот она рассказывала тоже. (*АЕП*)

[После смерти сына видит женщину в облаках, говорящую, что надо молиться]

– Знаешь, вот типа облаков, много-много куч, вот кучевые облака бывают же, и вот оттуда. Вот она переступает, женщина, вся в покрывалах, такие покрывала на ней воздушные [видит наяву]. И она вот идёт, и вот начинает мне говорить. Вот с этого времени я… Я сначала, конечно, какой Бог? Как это так? Зачем Богу нужно было забирать моего ребёнка?! Это же самое дорогое! Зачем Богу моего ребёнка, почему вот именно моего? Конечно, там до глубины души, – со мной было, не знаю, что было! Я ненавидела весь мир, я не верила ничему и вообще! Если нас так воспитывали: какой Бог, о чём вообще может идти? Да вообще ничего на свете нет!

?: А вот что эта женщина говорила?

– Вот она мне говорила, что надо молиться. Вот я никогда не знала, что девять дней прошло [после смерти сына] – поминать надо, пойти там надо, что вот это, – я всё это делала, что она мне говорила. Но это было в шестьдесят восьмом году, нет не в шестьдесят восьмом, щас вспомнить очень трудно… (*ВВН*)

[Описание видений во время клинической смерти: выход души, ад и рай]

– Я тебе [к соб.] расскажу чувство, когда уходит душа. Такое чувство… Знаешь, какое чувство? Думаешь, душа вот так выпрыгнула и всё?! Нет, вот умираешь, это такое чувство – умираешь, – это прекращается всё… Вот у меня, например, дошло ниже колен [омертвение, начиная с головы], здесь у меня ничего не было. Это, знаешь, такое чувство, словно с головы до ног… Я не знаю, ты вот носил или нет [к соб.] – раньше были такие водолазки, тугие такие они. Только вот

такая водолазка – она в тыщу, тыщу, тыщу тысяч раз прилипла к телу под кожей, вот под кожей. И потом она стягивается – вот представь вот такую липучую водолазку под кожей, – и вдруг она потом стягивается, она не просто вот раз – стянулась, она вот так идёт – медленно-медленно-медленно…

?: Что при этом чувствуешь: неприятно, больно?

– Не больно, – безразличие, совсем всё безразлично: ты знаешь, что ты один, вот же говорят раньше, что один… в одиночестве ты родился, в одиночестве ты умрёшь. То есть вот сейчас мне жалко, вот случись что с нею [указывает на свою дочь], я, наверное, убьюсь, полечу [побегу] не знаю как! У меня словно молния проходит по сердцу, по голове, я срываюсь, я не могу ничё делать. Я за себя даже не отвечаю, боюсь, – настолько мне её жалко.

А когда вот это происходит – никого не жалко. У меня в это время дочь лежала на первом этаже [больницы, где переживала клиническую смерть информантка], она так кричала, а я слышу, что она кричит, а её… словно нет… Чувства никакого нет: нет ни жалости, нет ни плохо, нет ни хорошо – ничего нет, вот просто ничего нет… Вот она там визжит, я знаю, что она там на первом этаже. Меня подняли на носилках, я слышу, что говорят, что пульса и давления уже нет, я слышу, я чувствую – вот меня поднимают, я чувствую всё, но нет никакого чувства: ты один, – облака, какая-то вата… Ты проваливаешься, проваливаешься, проваливаешься – лёгкость необыкновенная, вот такая лёгкость – ты не пушинка, ты – ничто…

И вот когда вот эта водолазка с тебя спадает, вот этого уже нет [указывает на верхнюю часть тела – от груди до головы]. Вот я лежу: «А где у меня голова?». Я в сознании умираю, я сама себе говорю: «А где же у меня голова?». Вот я руки чувствую – я лежу, я умираю на носилках, а головы у меня уже нет, вот это стягивает: «Где у меня голова?» – у меня головы уже нет. И так, так – этого уже у меня нет, я чувствую только вот это [т.е. омертвение спускается вниз по телу]. И у меня дошло [омертвение] ниже колен: я поняла, что я умираю, – там врачи кричат, каталку куда-то толкают, чё-то делают, они думают – я умерла, а я же их чувствую, я же их слышу.

Врач сказал: «Это труп, куда мы его в три часа ночи?». А этот говорит: «Нет, давай возьмём её». А я их слышу, что они делают, я всё знаю, а они говорят, что я умерла. И я потом думаю: «Господи, всё в твоих руках!» – я уже, моё сознание, я сказала в последнюю секунду: «Господи, у меня дома Лёша [сын] один (Лёше было лет четырнадцать). Господи, не дай, чтобы я его оставила», – и я с этой мыслью про-

валилась в облака. То есть вот пока они меня оперировали, зашивали, – они меня суток пять приводили [в сознание] – били, кололи, щипали, то есть на авось: вот проснусь я или не проснусь, ну труп, – они что хотят, то и делают…

Я была, где-то я была, я знаю, что где-то была, я была в аду, я была в раю, я ещё где-то была – я быстро улетела в трубу…

?: Вы видели свое тело со стороны?

– Да, много раз видела.

?: Вы говорите, что в аду были?

– Да, я там не была, а я сверху видела: там огонь горит, вот словно как уху варят, вот там такой огонь – он тёмно-тёмно красный, и там стоны, крики там, стучат по какой-то большой сковороде, вот стучат как будто бы, там гул, там гул, там топот, – там плохо…

?: А в раю?

– А в раю: там много-много комнат, они будто соединены все. Какие-то там домики. И там такие шторочки висят, такие шторочки – чистые-чистые, окошечки маленькие, и вот они открытые. А кругом много-много яблонь, там нет других деревьев, там только яблони, и там яблочки – их много-много, даже листьев не видно: они такие красные, розовые, такие розовые, – на свете нет, наверно, таких. И люди… кто-то движется медленно… И поют, самое главное я запомнила – много яблонь, и целые кучи яблок без деревьев, и всё это как-то огорожено, а непонятно чем…

Я заходила, залетала, как заплывала в эти домики и уходила, то есть моё тело двигалось, без движения двигалось, и я смотрела – домики, шторочки, окна и… песни, если так можно назвать – песни. И вот они хорошо действуют, а слова какие-то, – а слова непонятные. Вот. (*ВВН*)

[Предсмертные видения: ангелы и дьявол; ангелы руками держат]

– Знаешь, вот у нас умирал один человек, он умирал, понимаешь, как-то вот, – ну он заболел – его положили в больницу. И когда жена пришла к нему, потом она мне рассказывала: «Понимаешь, Марин, я не могу уже неделю спать…». Он лежит на кровати, она около него сидит. Он открывает глаза и говорит: «Лен, вот посмотри: вот тут ангелы, а тут – дьявол». А я, грит, говорю: «Что они говорят?» – «Не знаю – смеются, а ангелы руками меня держат». Я говорю: «Может, к батюшке надо, что что-то там сделать?». Она грит: «А всё равно бесполезно: он-то уже уйдёт…». (*ПМА*)

[Видит родственницу перед ее смертью; толкование сновидицы: «Это она со всеми попрощалась»]

– Однажды, когда моему сыну… Мы собирались на турбазу в пятницу, жили на втором этаже. И я так собираюсь (а ехать рано утром), и уже где-то в одиннадцать вечера я собираюсь – стук в окошко. И я открываю дверь, и вот так вот – раз! – и смотрю: вот моя Саша (мы ее все «Саша» зовем). «Ма, Господи!», – всё. Там закрываю окошко, там опять чё-то собираю – опять стук. Открываю: в платочке, – как сейчас помню: белый платок с зелёненькими листочками, вот так вот мне машет и отходит.

Приехали мы на турбазу, и там ещё случился пожар, и, в общем-то, мы приехали через четыре дня (а могли на неделю остаться)… И мне мама прислала телеграмму: «В пятницу умерла Саша». Понимаешь?

Это она всех, со всеми попрощалась. И все, кого я не спросила: или сон приснился, или что-то вспомнил. Ты понимаешь? Опять же: душа, она старается прилететь туда, побывать там, где ей хочется быть… (*ПМА*)

[Женщина угорела в бане; будучи без сознания, увидела всю свою жизнь, а также тех людей, которые скоро умрут; другая женщина пережила клиническую смерть во время операции: увидела себя со стороны – парит под потолком; оказалась на другой планете, где все ходят в белых одеждах; потом видит Бога, который указывает, что нужно делать со всеми, кто там пребывает; когда доходит до нее, говорит: «А ее назад, ей ещё двоих детей воспитывать»; в реальности – одного рожает, другого – отказника – в этом же роддоме усыновляет]

– Очень часто такие вещи слышу. У меня, значит, в Озерках – Самарской области (тогда ещё Куйбышевской области)… Я раньше же жила в Чапаевске, там жила женщина одна. А это в Озёрках. Там жила женщина одна – Ольга. И вот… Она часто ко мне приезжала – там какие-то молитвы переписывала, что-то там делала. И однажды вот она пропала. Думаю: «Господи, где она?». Она приехала где-то через месяц – какая-то такая пожелтевшая – вообще, не пойми что. Я говорю: «Оль, что случилось?». Она мне всё: «Давай я у тебя перепишу и тоже буду, в общем-то, помогать людям…». Она говорит: «Угорела в бане», – её принесли, – всё, никакая, пульса нет, ничего нету, – в общем, она вот так сутки: вроде дыхание есть – дыхания нету, – сутки. Говорит: «За эти сутки я увидела всю свою жизнь, я была там-то, я ходила туда-то, я делала то-то, я даже встречалась с теми людьми, которые вот

умрут скоро», – вот она назвала такие имена, и в дальнейшем эти люди действительно умерли. И она говорит: «Вот я теперь знаю, что мне нужно делать».

И потом она привела ко мне одну женщину (я щас уже не помню, как её зовут). В общем, ей делали операцию, и… она рожала под наркозом, – видимо, какую-то операцию, – в общем, я щас плохо это помню. Вот она говорит: «И вдруг вот я увидела всё это с потолка и думаю: “Господи, как хорошо, что отсюда ухожу!” – потолок открылся, и я полетела вверх, и я поняла, что это какая-то другая планета – все ходили в белых одеждах, и мне говорили: “Уйди, ты мешаешь, уйди, не подходи!”. А я думаю: “Господи, что ж мне делать-то?! Куда мне идти-то?” – и все, грит, кого-то ждут: “Щас он придёт, щас он придёт!”.

И подходит, грит, ко мне человек, – прям человек, – я, грит, вижу, что это человек, и говорит: “Ты зачем сюда пришла?”. А я грю: “А я не знаю” – “Ах, ты не знаешь? Тогда ты узнай”, – и кидает меня – вот где белка бегает – по кругу-то. И я, грит, бегаю-бегаю-бегаю, а он говорит: “Считай до семидесяти раз, если, не дай Бог, ты собьёшься – значит, ты останешься…” – там, где останусь… И вот я считаю, считаю, и я досчитала до тридцати трёх (а тридцать три – это возраст же Христа), – и, грит, сбилась! – и опять тридцать три, опять сбилась – опять тридцать три, – считаю, – там тридцать три, – не знаю, как дальше, вот несколько раз повторила…

И вдруг, говорит, такое вот сияние, – я не вижу, потому что, грит, мне глаза очень режет, – это Бог идёт. И вот и Он говорит: “Это вот так нужно сделать, это вот так нужно сделать, это вот так нужно сделать”. И, грит, этот человек подходит, грит: “А вот с ней-то нам что сделать?”. А Он говорит: “А её быстро отпускайте назад – ей ещё двоих детей воспитывать!” – а я там не то что двоих – даже ребенка [не] родила.

И опять, грит, я с такой силой возвращаюсь в своё тело – мне так не хочется туда входить, в свое тело, и тем не менее я туда… И вот эта боль… А они в этот момент, потом врачи говорили, остановка сердца была, и вот под током опять сердце пошло. И когда я потом проснулась, всё после операции мне принесли девочку, а у меня из головы не выходит – как же двоих-то, – один ребенок-то.

И однажды мне приносят ребёнка, я тут кормить, думаю: “Это не мой ребёнок-то!”. Я говорю: “Вы перепутали мне…” – “Ой, мы перепутали! Это ведь у нас отказник, мальчик-отказник”. И вот тогда, грит, я вспомнила». И она взяла этого мальчика [к себе], вот щас она

их воспитывает. И мы встречались с ней, может быть, лет десять назад, потому что я оттуда уехала уже семнадцать лет назад. Я говорю: «Ну как ты? Пожалела?». Она говорит: «Никогда!». (*ПМА*)

[Видит женщину, черпающую воду; у ней голые руки, «измотанные до костей»: при жизни разбавляла молоко водой]

– Просют [покойники во сне], кто если вот забыл их совсем, забыл, они, значит, снятся. Вот идёт одна женщина, черпат воду, а руки у ней все го́лы, все до костей измотаны: она уж, век она уж там крутит-вертит. Ну вот. А одна-то её спрашиват: «Что, мол, ты это делаешь?». Она и говорит: «О-ой, что я делаю? Не делайте вы этого, вот так… Я при живности была, у меня была корова, я подою корову, а ведь деньги-те надо, я в это молоко там, може, литр, може, сколько воды. А теперь вот пришла сюда, вот меня заставляют, чтобы воду отделить от молока. А я, вот сколько годов меня нету, может, пятнадцать, может, двадцать, и вот я кручу и кручу, до мослов уж докрутила-то». И всё, вот.

?: Это вот сон такой?

– Это не сон, это правда, это она живая была, бабушка тоже, и нам всё рассказывала.

?: Как видение, она её видела?

– Да, как она её видела, вот так. (*МЕМ*)

[Мать рассказчицы во время обмирания протаскивают сквозь коровьи ребра; сказали ей три слова, которые нельзя говорить, иначе умрёт; она не говорила – прожила долго]

– Мать у меня умиравшая была. Она двенадцать дней умирала, так проснулась… Её уже отец хотел хоронить, попа позвал, а тот говорит ему: «Нельзя хоронить – живая она!»

Так проснулась просто и говорила, что её сквозь коровьи ребра протаскивали, а потом там были такие ребёночки в веночках. Тот это мясо ест, кто аборты делает… А ещё ей три слова сказали, которые говорить нельзя, скажет – сразу умрёт… Ну она не говорила, прожила долго. Что за слова – не знаю. (*НАД*)

[Перед смертью видит своих умерших родственников; затем останавливается дыхание, и во время клинической смерти – видение: между соседними селами изгородь из «тесинок»; через 10 минут в реальности визионер умирает]

– Вот она [родственница]… мы её ждали, что она должна вот помереть. И мы, как говорят, дежурили круг её: и эти – сестра её и я, – все круг её были. Ну и мы вышли, она уже всё – помярла. Я с ней сначала разговаривал, а потом она бросила со мной разговаривать. Да, сначала сказала: «Ко мне [умерший] брат пришёл… За мной, – грит, – брат пришёл. И мать пришла». А я ей говорю, я говорю: «Как они к тебе пришли?» – «Вот пришли, зовут меня, зовут с собой». Ну мы сразу подумали, что нехорошо с ней. А потом, значит, хуже-хуже с ней, и совсем эта… прекратила разговаривать, мы думали, что она померла. Да, я, значит, окликывал, а она мне не отзывается ничаво. А потом я гляжу: у ней краска-то [цвет лица] не меняется, и я её стал, значит, проверять. Рабятишки, это [её] дочери заплакали, и всё, думали, что она померла. Я говрю: «Обождите! – я говрю. – Она… она не померла».

И, наверно, она десять минут так была, а потом я вот так вот к ней прислушился, к сердцу ухом прижался, и я ещё не понял. И она… мне предчувствие, что она жива. А потом она сразу как-то вздохнула, вздохнула, выдохнула и говрит: «О-ой! Вот, грит, я тяперя, грит, узнала, как на том свете люди живут». Я говрю: «Ты чаво, Клавдия?! – её Клавдией звать было. – Клавдия, ты чаво?» – «Чаво-чаво, Петь?». Я говрю: «Ты в памяти сейчас?» – «В памяти». Я говрю: «Ты чаво хочешь… Ну, расскажи, ты где была?». Она говорит: «Я была на том свете, наверно, Петя. И так я, грит, озя[бла]… И что, грит, я не взяла, грит, куфайку? Я, грит, в таким буране была, а так, грит, крепка я озябла. И что я куфайку не взяла». Я говрю: «А где ты была? Да, где?».

Вот у нас деревня здесь вот три кило́метра, Палатово называется, и сюда расстояние семь кило́метров. И говрит: «Вот от этой деревни такая стоит, грит, загородь, и в каждой, говрит, тесинки на двести, грит, эти гвозди заколочены, на двести, говорит. Да, большие гвозди, туды, грит, не сунуть: одни гвозди». И вот она, значит, это всё блудила, да, а потом вот взошла в сознание, начала рассказывать. Да, ну и всё, и минут через десять помярла.

?: Она за загородь не смогла зайти?

– Да, как говорят: время не подошло, её, как говорит, Господу Богу взять, вот эта загородь её не пускала. Грит: «Ужасный ветер и холодно. Хочу… – грит, – ищу дверь – проле[зть]… пройти туда, в эту загородь. Нигде, грит, никаких дверей нет, одни, грит, гвозди торчат заколоченны». Вот так вот. (*ВПВ*)

[Во время операции дочь рассказчицы пережила клиническую смерть, после чего предсказала смерть дяди]

– Вот я даже это самое… А вот Лена у меня – она рассказывала, что ей когда приснился сон: она предсказывала, когда у меня брат умрёт. В общем, ей такой вещий сон приснился, после того как она побывала в клинической смерти, у неё были такие моменты, как это… прояснения, что ль, какого-то, прям предвидения какого-то. Она вот… Двадцатого февраля он умер, Валя-то, а шестнадцатого февраля… двадцать четвертого февраля ей делали операцию прям вот тут дома, возить же нельзя было. А в ночь приснился сон, что, значит, в общем… «Ма-ам, у тебя этот… дядя Валя умер!» – «Почему умер?» – «Мне сон приснился, он говорит: "Я тебе ещё дарю столько время, сколько бы я ещё прожил, а я умру"», – вот, понимаете, вот такая вот вещь, она видела всё это во сне. Вот.

Ну она врать не станет. Она видела, как она умирала, кстати, в клинической смерти, рассказывала, всё это она видела. Вот как рассказывают вот это вот всё, – она, откуда она знала такие вещи, вот это вот всё, это самое – как летят они куда-то там и так далее. «Такое, – грит, – приятное ощущение…». (*ДСЗ*)

[Бабушка рассказывала об «обмерушке»: старичок (Бог) ведет визионера через шаткий мост, показывает ад и рай]

– Бабуля была у меня, ей восемьдесят четыре года [было, когда] она умерла. Вот где-то ей было восемьдесят лет, вот она рассказывала, всегда повторяла: «Вот у нас в деревне обмерушка была». Я: «Баб, чё такое "обмерушка"?». А потом спустя много лет я поняла, что у нее, у этой женщины, был летаргический сон, когда засыпают на большое время. Вот она говорит: «Эта обмерушка, – грит, – два раза обмирала, – значит, у нее такая болезнь…». И вот когда она обмирала, – первый раз, ну увидели, что она жива (хотели похоронить), а она жива оказалась. И вот это время прошло какое-то, она просыпается, говорит, – всё рассказала, что ей снилось. А снилось (ну я сейчас в подробностях не могу, – много лет прошло), а она, было у ней тогда, – как сказка, она [бабушка] рассказывала[34].

Вот, грит, снится мне, как будто я иду по мосту, – такой мост шаткий, и меня ведёт старичок, седой старичок и говорит: «Не бойся! Ты, – говорит, – не упадёшь здесь, этот мост не для тебя». И по обе стороны моста, говорит, такая кипучая-кипучая речка, и вот в этой речке как будто варятся люди. «Они чё тут делают?» – «А это, – говорит, – греш-

[34] Т.е. бабушка рассказывала эту историю часто, по просьбе детей, – как сказку.

ники» – «За какие же они тут грехи варятся?» – «Ну, за разные, – там она [бабушка] говорила, – кто матерится в жизни, вот их такая ждёт кара, а вот, – говорит, – те, кто злословят… ».

А потом дальше проходим, – вот это непростительный грех: женщины, которые делают аборт, умерщвляют детей, – это грех непростительный. Потом проходим, – вот этот раз она рассказывала, там много грехов. А потом заходим, кругом, говорит, природа меняется: ну, понятно, – это рай: там дети бегают, венки плетут… А это, говорит, дети, которые не успели нагрешить, в младенчестве умерли, и говорит… Всё это она подробно так рассказывала, как у нее было, как сказка – мы ее слушали: «Баб, расскажи, как обмерушка обмирала…».

И вот она, говорит, когда проснулась, и всем про всё про это, как она спала, что ей снилось… Вот этот старичок – оказался он сам Бог… Второй раз тоже уснула – второй раз как продолжение сна…

?: А во втором что?

– Там много же всяких, куда она попадала, я вот сейчас не помню, – как сказки слушала, – сейчас-то я понимаю, дальним умом-то, что это был летаргический сон. (*ИТД*)

[Умершая бабушка пришла, села на сундук и сказала: «У вас будет несчастье!»; в реальности родственники перевернулись на тракторе]

– И вот знаете, какой случай у нас ещё: у моего брата как раз у него семья очень большая была. Приходит бабушка старенька, – моя бабушка. Она её: ну бабушка моя – это отцова мать. А она уже, наверно, была мёртва годов пяточек, если не больше. И вот приходит к ним и говорит, – села на сундук – вся семья видели, не то что, мол, это сон, а видели! Села, грит, на сундук с какой-то старушкой и говорит: «У вас будет несчастье!». Она: «Мы не поверили никто…». Я прихожу к ним, они мне начали рассказывать. Я: «Да, ладно, чушь плести!» – вот так вот. А Райка опять мне сидит и говорит: «Нет, Лизк, надо поверить!». Я: «А кто знат – мало чего…».

Вот брательник у меня и давай ребятишек: «На дорогу не выходите, вот туды-сюды», – начал показывать им, рассказывать и говорить им, – ругать их начал: «А бегаете – и вот эдак попадёте под машину или чаво ли…» – не обращали внимание.

Как раз в сенокос яму жена и говорит: «Ты, грит, съездий в эту в Прислониху-ту: у брата-то сено-то накошено, а привезти-то не на чем, – а другой брат работал на тракторе. – И вот вы с брательником съездийте и привязите, мол, сено-то!». Они после работы поехали за этим

сеном, поехали за этим сеном, а оказывается, сена-то у них не было готовое-то, – он [sic] был так и не собратый. Ну они ни с чем, в общем, приехали, – поехали, вернее. А её крёстный – там же в этим живёт в Прислонихе, говрит: «Ребятишки, у меня, грю, там готово сено кучками, айдате покидаем его!». Ну оне пош… поехали, покидали. Не пили ни грамма, грамма одного не пили ни тот ни другой... Это где-то часа в два ночи они ехали оттуда обратно. И вот, не доезжая Тагая немного, они на тракторе перевернулись. Вот.

А ещё это: когда она была, бабушка-то, в избе, а Райка-то вот так поворачивается и говорит: «Баба, ты ведь умёрла! Уходи отсюда!». А она говорит: «Я-то уйду, но несчастье у вас будет, большое горе будет!» – и ушла, пропала, куда делась – неизвестно. Вот и горе, – видите, какое получилось. Сбылось, вот всё сбылось вот так вот. Много-много вот так про[ис]ходило. (*СЕлВ*)

[Видение во время клинической смерти: падение в пропасть]

– Хорошо запомнился сон, который мне приснился, когда была в клинической смерти: будто я падаю в пропасть или ущелье, но вдруг оказываюсь в тоннеле. (*АЗШ*)

[Обмерла дочь, посоветовали положить цветок, чтобы проверить – жива или нет; после видения говорит: «Скажи крестному, чтоб не пил»]

– Слышала я один розговор: здесь жила безродная из Беловодья старушка, и у нас ещё дедушка был живой, и она к нему ходила. Вот я ей и розговор слышала: она просватала дочку, и оне там сколько-то прожили. Ну пришли к ней в воскресенье как к этой – к матери в гости, побыли, грит, у меня, пошли, и тут же за ней бегут: «Дочь умерла!». Я, грит, в это не поверила, что это она умерла, просто что-то с ней случилось, – вот она дедушке россказывала, я этот розговор помню.

Ну вот, – и она, значит, это, как сказать, – ну всё, готовится, как положено – покойник – к похоро́нам. Она говорит: «Я три дня её коронить не дам». Какой вот цветок она где-то добилась, – этот цветок должен, если человек живой, он должен расцвести.

Она рядом с ней поставила [цветок]. И вот в эту ночь (в третью ночь) сидит она кряд её: «Сижу, – говорит, – и смотрю, грит, у неё вот эта щёки стали розоветь, потом, грит, она открыла глаза, росхлестнула руки: “Мама, – грит, – помоги мне встать!” – и она встала, села с ней».

Ну вот мать-то её стала, бабушка-то эта, стала её спрашивать: «Ну как эта ты, доченька, мол, вота, где ты была?» – «Везде, – грит, –

мама, была, но россказать не могу: мне не велели россказывать. Только, – грит, – одно скажу (крёстный какой-то у ней был и больно матом ругался – и даже в Бога), скажи крёстному, чтобы он больше так не ругался, иначе, – грит, – он погибнет!». После жила ведь, детей нарожала, эта женщина, – вот этот розговор я слышала: эта бабушка дедушке моему россказывала.

?: Это она увидела кого-то, кто запретил матом ему ругаться?

– Да кто-то, значит, ей сказал, а ещё-то вот она ничего не россказывала. «Всё, – грит, – я слыхала: как вы плачете, как к поминкам всё готовитесь, так я переживала, думала: "Отнясут живую!"»… (*ШАИ*)

[Информантка видит наяву умершую тетю, раскачивающуюся над своей матерью, которая сильно плакала после ее смерти]

– У меня первое видение было, мне было шесть лет: я видела свою тётю мёртвую, которая умерла, моя родная тётя. Вот моё первое видение было, мне было шесть лет: мы приехали вот, моя мама потерялась от бабушки, от своей мамы, в войну, война началась, они жили в Астрахани. Тогда набирали трудармии какие-то на теплоходы там, и маму забрали в трудармию работать. Она потерялась в войну. И бабушку нашла только в пятьдесят шестом году в этой самой Бугульме…

?: Она там жила?

– Да. Моя бабушка, мамина мама. Ну, конечно, мама очень плакала, мы жили в Красноярске в то время. Мама очень плакала, всё-таки переживала, папа пошёл навстречу [согласился переехать], и мы переехали в Бугульму в пятьдесят шестом. С пятьдесят шестого года вот мы в Бугульме… Но я выходила замуж – вот около Ульяновска там жили, потом в Ухту вот уехали, потом опять в Бугульму. Ну вся жизнь в Бугульме.

Когда мы приехали к бабушке, у бабушки небольшой был домик. Мы приехали, у меня, значит, были сестра, брат, папа, мама, – пять человек у нас уже было, и бабушка. И все спали вот так – на полу. Вот так [показывает]. Вся наша семья спала на полу. Бабушка спала вот с этой стороны [показывает]. Здесь вот висела лампадка у неё в уголочке, иконки. И вот – все ложимся спать, все… я никогда… шесть лет ребёнку: я наигралась и тоже лежу. Вот. И тоже лежу. Здесь, значит, со мной папа, здесь мы, потом мама. И вот мы так спим. Здесь бабушка рядом с мамой. Самое главное, что никто не просыпается и никто ничё и не говорит...

?: Настолько ярко видели ее?

– Да, как вас [к соб.], как вас. Я лежу вот сюда головой (как щас помню) в эту сторону головой. Все лежали вот так вот. А бабушка лежала вот так отдельно, было жарко, лето было, и спала на полу. Бабушка была тучная и сердечница, бабушка была. И вдруг вот там, где лежит бабушка, оттуда с окна (небольшие окна) появляется силуэт женщины. Она проходит, вот смотрите [к соб.], мимо нас всех, то есть я лежу, у меня открываются глаза, и я всё это вижу. Я… вот так, как с вами, я всё это вижу: она проходит, вот так на всех посмотрела. Вот она идёт, у ней длинные волосы, стройная молодая женщина. И вот она идёт и вот так на всех смотрит.

?: И до вас дошла…

– Да, она ещё не дошла до меня, она только вошла, и я уже открыла глаза, и я лежу. То есть я встать не могу, я кричать не могу, – я бы закричала, что «мама, вот тётя тут!». Ну я же не могу. Тогда я ещё не знала, что я не могу, я думала, что я не хочу кричать. Вот. И она проходит и садится, и вот так ноги вот так складывает [показывает: ноги под себя – как в «позе лотоса»] и садится у изголовья бабушки. То есть вот голова бабушки, и она садится, и вот типа плачет. Она вот руками вот так делает, вот так она руками делает [хватается руками за голову, как в приступе отчаяния] и вот так качается-качается: она словно рыдает, словно плачет она.

А потом, когда уже потом сказали, – это была бабушкина дочка, моей мамы сестра, моя родная тётя. Её можно сказать, ну не убил, ну почти убил муж, то есть он гулял, она их разоблачила, он её сильно побил, положили в больницу – и непонятно: то ли врачи там что-то сделали, то ли муж её, – в общем, это его заслуга, что она умерла. И осталась девочка, вот которая сюда меня вызвала, она уехала щас отсюда, – два сына, один с ней уехал, один здесь остался. Вот. А ей было три недельки, когда мама умерла. Её чужие люди привезли к бабушке. То есть вот эта девушка воспитывалась этой бабушкой, в общем, ей в то время было несколько месяцев, когда я это видела, то есть она постоянно приходила.

?: Она почему рыдала над бабушкой?

– Она плакала, она к своей маме пришла, ей тяжело, ребёнка ей же, она ребёнка [своего] навещать ходила – в зыбке ребёнок лежит, её дочка. Вот такое ощущение, вот что она плачет, то есть вот она раскачивалась, раскачивалась, раскачивалась, вот что-то делает, – вот длинные волосы. А у тёти были большие волосы. Она так долго, – я всё

это наблюдала, она больше ничего не делает, она только всё, – мне стало скучно, я, наверное, уснула. А может быть, мне было настолько дано это видение, что дальше мне не надо [было видеть], то есть я не видела, как она ушла. Я вот в таком положении [уснула]. И я, конечно, встала, я всё это забыла. Может быть, через день-через два, сон я этот вспомнила, я нечаянно вспомнила. Сидели, – Царствие ей Небесное, рай пресветлый! – сидела моя бабушка и её две сестры.

А раньше же не жили так люди… А раньше же жили душевно же люди: они вот рано встают, кто там первый – чай кипятится, сахарочек они вот кололи, там на кусочки. Они пили чай по два-три часа, чай пили. То есть вот накрывают клеёночку они и садятся пить чай. Принесут блюдечко, чашечку, всё протереть, – медленно, в беседе какой-то, сахарочек этот разложут. Вот они прикусывают, говорят, и вот так пьют чай [показывает, прихлёбывая; улыбается]. Это два-три часа только они пили чай. Вот мы чай [пьём в настоящее время] – там размешали, выпили…

?: И пошли…

– Да, а я вот помню, что это какое-то наслаждение – пить чай. Вот тут чайник стоял, заварной чайник, и самовар, углями который топился. Сидят они. И вот в это время в такой вот в беседе, я вдруг играла и подхожу, и говорю: «Мама, я видела тётю, которая возле бабушки вот так делала, вот так делала [показывает, что раскачивается, схватившись руками за голову]. У неё большие волосы, она…». Когда они поняли, о чём я говорю, бабушке с сердцем плохо стало, бабушка упала, – у неё приступ. Мама меня нахлопала, все меня ругают, а я не знаю, зачем меня ругают. Я так радостная, я вспомнила и стала говорить, вот в это время, когда они сидели все вместе. Бабушке плохо стало. Мне тумаков надавали, потом уж пожалели все двадцать раз. Ну то есть не надо было при бабушке говорить. Откуда я знала, что не надо было при бабушке говорить? Это было первое мое видение… (*ВВН*)

[Матери является умерший сын в виде парящего голубя]

?: А вот когда человек умирает – говорят, что он может прийти к родным (в свой дом) на девятый или сороковой день?

– Да, обязательно. Во-первых, до сорока дней постель покойника всегда расстилается, готовится. Вот до сорока дней. Вот когда моему сыну было сорок дней, около меня, конечно, находились все. Я чернее вот этого магнитофона была [показывает на диктофон], я была ненормальная, в общем, всё. И с этой стороны папа лежал, вот здесь

вот, сестра на диване вот так была, – в общем, все. И вдруг ночью у меня открываются глаза, я уснула ночью, и открываются глаза, и с его спальни (то есть раз вы уже этим занимаетесь, вы же понимаете, не могу я это солгать, это должна быть только правда)... И я лежала – вот так стенка стояла, головой все на полу лежали, то есть меня все охраняли. Я могла встать, уйти там… и чтоб я не плакала. И вот с его спаленки (то есть там никто же не спускал, невозможно было там находиться), вот именно пустая койка. Ещё я хочу сказать: когда при жизни – [сын] завёл себе щеночка, мы, конечно… против ничего не было. Только единственное, что – велосипед он просил небольшой[35]…

И там уже никто не спал, невозможно было находиться. Такое ощущение, что он вот рядом. И все были в одной комнате, в большой. И голубь, голубь [видит парящего голубя] – он не машет крыльями, он ничто, вот у него крылышки сложенные, он движется. Вот так: из спальни двери и вот так. Здесь спал на диване – он [голубь] вот так голову [повернул; показывает: медленно поворачивает голову], а его вижу. И потом он поворачивает головочку. Я хочу сказать, что я никогда не верила, что душа – это голубь…

?: Это на девятый день или на сороковой?

– На сороковой. Сороковой день – последний. Всё время я день и ночь с ним была. У меня такое ощущение было, что он [сын] рядом со мной. Понимаете? Я не могла никак вот, чтоб его вот здесь вот не было: он должен был быть со мной всё время. Я выходила, смотрела, я прислушивалась, я выходила смотреть на крыльцо смотреть: вот он идёт, щас я его увижу. Я не видела, а ощущала.

И вот когда на сороковой день он, наверно, так меня жалел, он так меня жалел, он хотел показаться, что «не плачь, мама, я вот здесь с тобой». Он так хотел, он так меня жалел, я так плакала. Не знаю, вот его нет, и для меня вся жизнь кончилась, вот с того момента для меня вся жизнь кончилась. Я просто так вот живу, просто так живу, что вот надо жить. А когда он был живой, во мне было столько жизни, я любила всех, всё, я могла двигаться, я никогда не болела, я никогда не уставала, я могла любую проблему решить. У меня голова всегда была ясная, щас – как в другом мире живу…

И вот этот голубь, то есть душа человека – это голубь. То есть вот я смотрю, что папа спит, все люди спят, я только головой не могла двигать, а глаза у меня двигались. Смотрю: сестра на диване. И вот он так вот – такое движение медленное-медленное, раз головочкой и –

[35] Сын информантки разбился на велосипеде.

смотрит. Потом головочкой повернулся сюда, и он на меня та-ак [выд. интонационно] посмотрел, а сам движется. Дверь открыта в коридор, а смотрю-смотрю за ним. Я хочу видеть-видеть до бесконечности, я хочу, чтобы это никогда не кончалось. Я хочу это видеть, я знаю, что это мой сын. Но это голубь, это голубь. И он так вот двигался и остановился вот так вот перед дверью уже. И всё, и исчез. И у меня, я хочу открыть глаза, что только я с собой не делала. Я думала, я себя убью. Я хочу в глаза посмотреть, но не могла: у меня словно тонны что-то упали на глаза, и не могла открыть никак. (*ВВН*)

[Грузчик побывал на том свете: видит гору, какие-то святые ему говорят: «Если через гору переедешь на санках – живой останешься!»; переехал и очнулся]

– Вот у нас в Ульяновске в магазине один грузчиком работал: «Я побывал на том свете!». А он несколько дней вот лежал – думали умрёт. Вот он был. Вот мы его спрашиваем: «Саш, ну, расскажи, – а он мильтон, ну мент, – ну, расскажи, поганый, как ты умер, как ты умерто?» [шутит] – «Как я умер? Эх, девки, на том свете побывал я!» – «Как вот?» – «Крутая гора, грит, крутая гора, грит, такая! И вот мне это... Там какие-то святые, грит, какие-то святые! «Вот если на санках переедешь эту гору и – на тот берег! Значит, ты живой будешь! Не переедешь – значит, ты в сознание не войдёшь уже».

Я вот себе и думаю: «Ну как же я здесь останусь в этой горе? Нет, я буду... Вот какими-то путями я сел на санки и переехал, грит, и вот мухой, грит, я взлетел на ту гору! Мухой...». И – очнулся. Себя трогает: «Господи, где я? Нет, я уже не там!». У меня тут родные и жена тут сидит: «Саш, Саш, ты уж в сознании!» – «Я-то в сознании, да где я? Где я в сознании?». (*ШАН*)

[Пережила клиническую смерть во время родов; некая женщина сказала во сне, что родилась девочка, ее назвать следует «Аза», потому что ей жить среди цыган]

– Вот у меня когда родилась вторая девочка, у меня была клиническая смерть шесть минут. И вот, допустим, я когда умерла – я не знала, что умерла, кто у меня родился: я просто вижу вот темноту какую-то. И вот такое состояние было – темнота. И вот как луч света какой-то с этого – вот от этого отсвета вижу себя, значит, я лежу на каталке, и около меня – старушка, женщина, и она говорит: «Ну как дочку-то назовёшь? Знаешь, что у тебя дочка родилась?». Я говорю: «Нет, грю,

не знаю!» – «Как её, грит, назовёшь? Назови её Аза, потому что дальше ей жить среди цыган». И слышу, – вот уже это я ничё не вижу, я только слышу, что меня вот так… кто-то… не то что меня трясёт, а вот то ли за каталку за что-то задевают, – вот тряска какая-то…

И я глаза открываю и гляжу: у меня уже – я на каталке лежу, санитарка моет полы, и каким образом я это видела – я до сих пор понятия не имею, потому что я была накрыта белым. И вот когда у меня немножко какое-то движение в руке вот так вот появилось [показывает], у меня рука-то свалилась и попала на санитарку, она как взвизгнет, эта санитарка! И вот тогда меня открыло, и я тогда увидела вот её лицо – ужасное: «Да она живая! Живая!».

?: А они подумали, что уже...

– Да. И всё – меня снова на операционный стол, в реанимацию – и, в общем-то, вот так вот. И что дальше делали, я не знаю, но я жива.

?: А вот дочка?

– И дочка жива – назвала её Аза.

?: И пришлось ей жить среди цыган?

– Да. В августе через неделю девятнадцать лет будет девчонке. Да, вот такие у нас были сновидения, явления или... Как это назвать, я не знаю. Но в сны я очень верю. (*МГВ*)

[Дочь во время родов впала в кому, рассказывала, что видела через забор некий иной мир]

– Я слышала, что все, кто вот в коме-то бывает, – вот дочь-то при родах, она сначала говорила: «Ничё не помню!». А вот щас уже некоторый раз говорит, вот якобы через забор, якобы через забор глядела: здесь одно, а там через забор – совсем другое. Ну, говорит, неясно всё это помнит, а так нет.

?: А так через какой-то забор она что-то видела?

– Ага.

?: Говорят, это какая-то граница?

– Да, наверное, граница. (*ОМС*)

[Сноха на похоронах дочери потеряла сознание, видела тоннель, а затем «рай»: там цветы, фрукты растут]

– Это у меня был сын, у него жена. У них, в общем, он её взял с этой с дочерью. И эта дочь у них погибла: у них как раз у кого-то там день рожденья был, её пригласили, и её сбросили с пятого этажа. Чё у них, как там было, я не знаю. Ну и вот, когда её хоронили, вот сноха-то,

у неё как бы обморок был, и она рассказывала, что прежде она летела куда-то, как… ну как в этот, как его называют… Ну труба какая-то тёмная…

?: Тоннель?

– Темно, тоннель, да. Вот это она пролетела, а потом оказалась – вот как говорят, рай: там и цветы, там и фрукты, там всякие деревья растут: это очень хорошо. Ну вот она там короткое время была, её, значит, отходили.

?: А вот её никто не выталкивал оттуда?

– Нет, но она очнулась, да.

?: А вот поподробнее: что она там видела?

– Вот то, что она и видела: весь этот, как бы сказать, как рай. Но то, что она там кого-то видела, нет только видела то, что…

?: Цветы, зелено?

– Да-да-да. (*САМ*)

[Видит во сне плачущую Богородицу, говорящую ей: «Да больно женщины матом ругаются...»]

– У меня мама лечила людей, ну была у неё такая способность – зубы лечила, вот детей сглазят, она хорошо помогала. И вот к ней ходили женщины-то, и ей снится сон, маме снится сон: вот с этой с чердака, она, значит, зашла в сени, смотрит наверх, что такое – капает! Подняла вверх, – сидит женщина, – такая миловидная и плачет. «Ты, грит, что плачешь?» – она её спрашивает. «Да больно женщины матом ругаются...», – вот маме было такое, а почему, – к ней женщины ходят, и она им рассказывает, и они всё-таки маненько думают, а то даже некоторые бравируют этим, матом изругаться…

?: Кто это была – женщина?

– Богородица, она так и поняла, что эта Богородица, она почувствовала, что эта Богородица… (*ФМИ*)

[Красит церковь, видит наяву чертей: они тащат визионера в овраг; он ходит по церкви, там несколько дверей, за каждой – свой «мир», его туда не пускают]

– Теперича стал красить, – это все сбылось, это прям наяву всё… Стал красить церкву[36]… Черти, – я этих чертей-то вот видал, видал, и чертей-то видал, всё как наяву… И переднюю выкрасил, заднюю выкрасил – во второй половине-то. И сон, он – сон, но мне всё на глазах

[36] Информант – церковный староста.

[на грани сна/яви]. Я иду в церкви – черти сидят. Еще одна, крайня котора, и у нее эдак же. Я говорю: «Чать, меня нынче убили, было, досками сверху-то, где она красила, настилами. И меня, – говорит, – это… и сюда добрались».

И оне вдоль ограды сидят – и маленькие, и большие, черти-то. Пошел, пошел вокруг церкви, а на мне синий плащ, они зацепились и в туалет сикают на меня. А тут овраги – толкают меня. Я плащ скинул: «Нате, – говорю, – возьмите», – и пошел дальше в церковь, обходить церкву. Я в белых шлёпках, носки белые, иду, а мужиков – чертей-то – полно: «Куда, – говорят, – ты идёшь? Посмотри, какая грязь-то, щас всё это – испачкаешься». Я говорю: «Нет». – «А что это?» – «А я, мол, иду, посмотрите, и ноги чистые у меня», – и всё.

Я прошел к церкви, подхожу, – я ничё, нигде не испачкался, – прямо чисто-расчисто. В двери захожу – черти сидят: чертенята маленькие, с рогами, – сидят все черные. На крыльцо захожу, и вот четыре двери. Дверь открываю: сидит черт, мужчина, с рогами, с усами, с бородой сидит, чинит хомут: «Тебе, – говорит, – здесь делать нечего, сюда добираться». Я эту дверь закрыл. Вторую открываю дверь, открываю – конюшня стоит с лошадьми, – тоже черти говорят: «Тебе делать нечего». В третью дверь меня не пустили. В четвертую дверь зашел – там женщины, девчонки, – все в белых халатах, и я туда зашел.

Уж этих всех чертей я победил. И я зашел туда, надел тоже белый халат, и я с ними. И вот выкрасил церкву, и вот выходит из передней, из алтаря, черт и говорит: «Ухожу, мне больше делать здесь нечего, – выжил, – говорит, ты меня».

Это если написать, будет книга целая. Много, много зоровали черти надо мной, но все-таки я их всех победил. (*ТВВ*)

[На операции неудачно делают анестезию, – уносится в трубу, летит в лес к красному огоньку, звездочке]

– Жуткая история произошла со мной на операции. Мне должны были делать операцию на ногу, но анестезиолог поставил неудачно укол, и у меня пошло в верхнюю часть тела. Началась страшная боль в голове, как будто разрыв висков. Я говорю врачам, что мне плохо, жар пошел к сердцу, и тут я «отключилась», – вернее, сознание работало, но что было вокруг, я не видела. Помню подумала: «Вот так и умирают», – меня как будто потянуло в трубу, я пролетела сквозь окно и понеслась в лес. Хотя операцию делали днем, мне казалось всё кромешной тьмой, – я видела вдалеке красный огонек, звездочку и летела

прямо на нее головой вперед. Но вдруг я резко вернулась из забытия, стала видеть и слышать, что говорят врачи. Хотела сказать им, что мне лучше, но не могла: язык не слушался. Медсестра, увидев, что я шевелю губами, нагнулась ко мне, я прошептала: «Лучше».

Самое интересное, что мне казалось – то у меня два сердца, то у меня сердце с правой стороны. Потом узнала – это делали шокотерапию (электрошок).

Стал делать уколы, боль ушла, я сказала врачу: «Спасибо, что вернули детям мать!». Анестезиолог, врач немолодой и опытный, отошел к окну и заплакал. А Юрий Михайлович, хирург, сказал: «Ну, Алексеевна, железная ты женщина». Это было 15 лет назад, а воспоминание свежо, как будто вчера было. (*АВА*)

[Во время болезни видение: будто ползет к печке; предполагает, что это душа вышла из тела и вернулась]

– Моя сестра болела, старшая сестра, болела тифом и выздоровела. И опять возвратный тиф у неё был в очень тяжёлой форме, и из неё выходила душа. Она рассказывала: «Я, грит, помню, как я дома, – она в больнице лежала, – я, грит, дома и ползу к своей печке, и на печку заползла, а потом, грит, обратно вернулась. Вот её душа ходила, вот она рассказывала… Вот она вышла и обратно вернулась. (*ПЕА*)

[В реальности из-за запоя перестал дышать; привиделось, что побывал на том свете: видит золотую лестницу, сияние, красивые ворота; некая женщина говорит: «Нет, сынок, тебе ещё рано!»]

– А потом у меня брат: в общем, у него был запой, страшный запой. И вот где-то в часов пять утра он захрапел и перестал дышать, как жена говорит. Вот. Перестал дышать и не дышал буквально минут сорок. Она перепугалась, конечно, и не знает: не то его будить, не то чего: я, грит, стою, а он не дышит. В это время вот за эти сорок минут он побывал на том свете. Такая, грит, красота, как мне туда хочется! И вот лестница, лестница золотая, сияние какое-то, свет золотой, и мне, говрит, так хочется туда пройти к этой лестнице. А я, грит, стою у ворот: такие красивые-красивые ворота! Я вот вижу эту лестницу, и мне вот хочется туда зайти за ворота.

И вдруг женщина появляется: «Нет, сынок, тебе ещё рано!» – «Но я хочу туда!» – «Я знаю, ты болеешь здорово, и болезнь твоя стеклянная! А щас иди и думай!». И вот он через сорок минут (точно она прям засекла – сорок минут) опять всхрапнул, очнулся перепуганный весь. С той поры не пьёт.

?: А вот женщина – как она одета, он не говорил?

– Говорил: в белом, народу, грит, много, и все красиво одеты. И эта женщина одетая в какой-то серебристо-золотисто-голубоватый вот такой вот... (*ПЛА*)

[Сестра делала много абортов, ей привиделось: идет по проходам, там дети в белых тряпочках; ей говорят: «Это твои дети!»; как мать придет на тот свет – они освободятся]

– У меня вот двоюродной сестре привиделось, – она много же делала абортов. А она ходила в церковь, молитву сделала, сорок крестиков подала. «И вот, – говрит, – я, Тоня, иду-иду по каким-то я проходам, и вот по обе стороны, грит... Они завязаны, грит, в тряпочках в белых: сидят привязанные. Вот. А мне... я, грит, вышла на край, мне, грит, – я не вижу, кто мне сказал, грит: "Это твои дети!". Не видала, кто мне сказал, а слыхать – слыхала». Оне, говорит, лежат, это сидят – до матери, как мать придёт на тот свет – их тода освобождают, а мать-то ткнут, чай, в преисподню.

?: Она шла по какому-то проходу, а они сидят в белых тряпочках привязанные?

– Они привязанные.

?: А проход темный какой-то?

– Да. Эдак вот. (*ГАЕ*)

[Во сне женщина в черном показывает пропасть, где кишат дети, не родившиеся из-за аборта; неверных священников, которые сокращали службу]

– Вот одной тут, Лизке Моисеевой [привиделось]: иду тут вроде как на Нижнюю-ту гору, и, грит, стоит женщина в чёрном-в чёрном. А мы ведь грешники, детей-те выкидывали, бывало-то… И ужасный овраг, грит, пропасть огроменна, а она, слышь, ей говорит: «Иди-ка вот погляди». И я [визионер], слышь, подошла, а тут женщина стоит в чёрном, и я, слышь, подошла, и туды, слышь, заглядываю, а там пропасть, не знай где – далеко. И там и кишат, и кишат, и кишат это… И я, слышь, говорю: «А это чегой-то там елозит?». Она говорит: «Это ваши дети!» – вот оборты которы делали. – «Это, бат, ваши дети! Они, грит, вот дожидаются вас. Как ты вот придёшь, туды пойдёшь, а оне оттоль вылезут».

И, грит, я маленько прошла, я, грит, напугалась как-то, а всё-таки не проснулась совсем. И, грит, маленько пошла, и вот тут как вот у этих красивенько тут у двора, слышь, сидят куча этих мужиков и ча-

во-то руками, грит, чаво-то делают. А я, слышь, спрашиваю (она идёт со мной, эта женщина в чёрном), я, слышь, говорю: «А это что за мужики?». Она, слышь, говорит: «А это сидят священники неверны, которы не этот… сокращали службу», – вот так. (*ГВН*)

[После сделанного аборта снится сон: подходит женщина в черном, сновидица идет за ней, видит здание, которое все измазано сажей; женщина объясняет: оно такое, потому что построено из церковных кирпичей; затем заходят за здание клуба, видят преисподнюю и пропасть – там дети, которые умерли после аборта]

– А аборты-то делать-то. О-ой! Я только вчера не рассказала[37]. Вот мне щас шкуру подирает с этого с меня. Сидела я, вон крылец [рассказывает видение], вот крылец, не на свое[jэ]м, а на базаре на больше[э]м крыльце и кормила грудью девчонку (а у меня девчонки не было, а грудью кормила девчонку). И вот тоже подходит в проулок женщина во всём в чёрном, и вот эдак накидка на ней, на плечах-то, говорит: «Кормишь? Айда я тебе что покажу». Я говорю: «Погоди, мол!».

Я гляжу: вот тут у нас правление, нáсупроть этого магазина было, и значит, оно – строили его. А вот щас словно сажей его намазали. Я говорю: «Почему он такой нынче: вчерась был эдакой чистый, а нынче вот эдак это грязно?». Она и говорит: «Это знаешь, почему оно такой сделалось?». Я говорю: «Почему?» – «Потому что когда они строили это здание, а церковь ломали, а с церкви кирпичи возили на это здание. Вот и вот это теперь вот эдакий вот крест». Ладно.

Она говорит: «Айда я тебе ещё чаво покажу!». Я говорю: «А где?» – «Пошли-пошли!» – я титьку в пазуху и за ней. Она во всём чёрном с нахлупом, и всё кругом черно – идёт вперёд, я за ней. Зашли, значит (церковь видали нашу-ту?), вот за этот за клуб зашли, а там, значит, во всю поляну народ и глядят. Вот очередью идут и глядят туды. А я её спрашиваю: «А они чаво глядят?». Она говорит: «И ты иди погляди!». Я будто встала же в очередь и пошла. И сюды гляжу: а там преисподня чёрна, а там, значит, бульк-бульк, бульк-бульк, – в воде-те, в преисподней-те. А она около меня стоит, я говорю: «Это там чавой-то булькат?». Она говорит: «Это знашь, чаво там булькат? Это там ваши дети! Вот вы аборт делали, их совали которых туды, увозили нá поле вон, – а вот, грит, умрёте, туды попадёте, а они, грит, выдут!».

Я как очнулась, у меня на башке дыб и на руках дыб, а я вот давеча вам его [видение] не рассказала. Вот так они, детки-те, а мы их сколько покинули… Вот так. (*МЕМ*)

[37] Информантка не рассказала этот сон в предыдущей беседе,

«Собственно вещие» сновидения

[Бывшая жена мужа рассказчицы во сне бросает ей косу и говорит: «Возьми ее!»; во время родов она умерла и оставила на воспитание информантке свою дочь; толкует: «Вот она мне бросила косу, это она мне бросила своего ребёнка»]

– Я все сны помню, я вот хорошо сны помню. Вот когда мы с Лёшой сошлись, его жена жила вот на этом – на Сенгилеевском переулке. Вот знаете, где он? Вот где [улица] Кирова, и здесь вот она у них жила, вот. Я даже не знала, что это Сенгилеевский и прочее, и всё: он же не рассказывал, что именно это Сенгилеевский переулок. А он жил у нас, на Южном рынке мы жили, там были старые дома, во дворе в больнице мы жили, бараки были.

И вот мне снится сон (а у нас дом двухэтажный, зеленый), снится мне сон – выхожу я с улицы, выхожу я на улицу с подъезда. И раскрытое окно, значит, и Зина. И у неё две большие косы, две большие косы. И вот я смотрю на неё, она одну косу бросает и говорит: «Возьми её!». Я грю: «Зачем я её возьму?! – я грю. – Она же твоя! Твоя, – грю, – коса, а ты мне её бросаешь, зачем она мне нужна?».

Пожалуйста [т.е. и вот как сбылось]! Вот она мне бросила ко́су, это она мне бросила своего ребёнка. Она умерла на родах[38], у неё девочка, вот котору мы щас воспитываем, старшая дочка у нас. И местная у нас дочка [совместная]. Самая старшая дочка, она у нас в Белоруссии живёт, она за военным замужем, вот она там живёт. А у нас ещё местная уже. Вот, пожалуйста, и сон.

И вот когда я уже говорю: «Лёш, да что же это такое? Зину твою видела, вот-вот…». А он говорит: «А чё ты хочешь – косу она тебе бросила, а Зину-то она тебя бросила!». Это совершенно правильно. И вот я ходила, там была баба Дуня, на этой вот на Кольцевой, и ей рассказала этот сон. Она говорит: «Дочк, она тебе бросила что-то свое». Я говорю: «Баб Дунь, она мне свое бросила. – я грю. – Она на родах умерла, а ребёнок остался». Она говорит: «Ну вот, вот она тебе её и бросила». (*КЛА*)

[Перед замужеством во сне видит место, в котором предстоит жить вместе с мужем – село Иваньково]

– А то, что вот Иваньково, – это всё тоже, я считаю, мне тоже так получилось, когда я вернулась (я потом после этого передумала

[38] Через некоторое время после того, как информантке приснился сон.

и поступила в кооперативный институт в Чебоксарах, ещё поступала, в Казани поступала, когда у меня был академический отпуск). И вот дохожу и обратно до этих учебных заведений, у меня ноги разворачивают и обратно, и обратно. И вот когда я вернулась в свой институт обратно, захожу, а куратор говорит мне, – мой бывший куратор, теперь уже новой группы, – и говорит: «Привет, ты откуда?» – а я ещё комсоргом в группе была. Я говорю: «Ну вот – пришла…» – «А надумала, а беглянка пришла, пришла! Всё, – говорит, – будешь ты моей снохой, у меня в группе есть парень, всё, всё, да ладно», – шуткой всё так…

Я ничего не видела-не слышала, сплю, значит, и вижу: поднимаюсь я по крутой горе, и стоит церковь, значит, сады кругом, всё это. Нигде ничё не видела, не знаю. И из церкви выходят, значит, люди, женщина выходит и говорит: «Ты опаздываешь!» – мне. Ведёт по́д руки, значит, сына, парня ведёт и говорит: «Ты опаздываешь!». Я говорю: «Куда?» – «На венчание!». Я всё, проснулась: странно…

На следующий день иду теперь я на учёбу, открываю дверь, значит, группа – идут лабораторные по физике, и стоит у доски мой Петя, [будущий] муж мой, стоит этот Петя [смеется]. Я в шоке, я не могу пройти, а он мне сразу говорит, Николай Палыч: «Ну вот сразу друг друга уже и признали! Я вот это и имел в виду: всё, вот, Петь, тебе невеста, будете вдвоём сидеть, я вот решил, что…».

«Ну что это за такое?» – думаю, тут сон этот и тут… Ну и всё вот так вот, как говорится… А потом сдавали мы экзамен по психологии, и вдруг встаю, и вот он [Петя] мне стоит и рассказывает, грит (а ещё не знаю, кто он, чего, откуда там), говорит (ну делать нечего): «А хочешь, я расскажу, где я живу?», – и рассказывает мне: «Вот у нас, грит, село такое-то, вот, грит, а на горе стоит такая церковь», – мне описывает. Он говорит, а я всё опять вижу [представляет]. Вот он говорит, а я вот вижу вот это вот.

И всё тут звóнит, значит, мать [Пети], говорит: «Брат уходит в армию, приезжай срочно!». А Николай Палыч [куратор] говорит: «Один не поедешь, поедешь только с Таней!» [смеется]. А я и рада: мне теперь страх как интересно увидеть это ме[сто]… Раз он – это он, эта ли церковь [что приснилась во сне]? Всё, приезжаем, поднимаемся с парохода вот здесь вот. Эта церковь!

Ну и вот всё, что теперь связано, всё, что происходит, вот я считаю, что не зря, в общем, я здесь нахожусь, какая-то, видимо… я не знаю, какое-то дело здесь, видимо… Ну всё, что я сейчас делаю, всё,

что приходится, кого мне Бог посылает, каких людей – вот эта ниточка всё завязывается, идёт дальше-дальше-дальше. И вот считаю, что это тоже всё не просто так… (*КТИ*)

[Перед смертью односельчанина видит во сне разноцветных цыплят – расценивается как вещий]

– [Снятся перед смертью односельчанина] разноцветные цыплята, – клушка вывела и вторая, и третья, а потом ей говорю: «Господи, там ещё разноцветный цыплёнок идёт!». И говорю – к чему этот сон [к смерти] (*ЛА*)

[Во сне видит людей, идущих с иконой (вероятно, чтобы помолиться о дожде); сновидица просит разрешения приложиться к иконе; говорят ей в ответ: «Во-он в тем доме приложишься!»; в реальности сгорели – переселились в другой дом]

– Сон. Тоже вот обратно [=снова] мама… Мы сгорели, сгорели на первый день Паски (sic). И вот она [далее рассказывает сон], вот эдак, грит, я выхожу (а бывало ходили на… к Николай Угоднику, у нас вот в районе Николай Угодника колодезь, на колодце, – собирались с иконами со всех – из Чувашии, – везде, – и шли с иконами)… И гляжу, говорит, уж оне идут оттолева – с иконой большущей. Я, грит, вот эдак подхожу и говорю: «Батюшки! Мне, говорит, приложиться [бы] к иконе!». А оне, грит, мне и говорят: «Во-он в тем доме приложишься!» – вот. Ну и что, говорит: действительно, – сгорели и пошли в этот дом с соседом жить. Вот, грит, он мне тут, и… этот сон мне и сбылся. Вот какеи сны, как обрезают – прям, – да-да, как наяву… (*КЕВ*)

[Во сне вспахали огород – умер близкий]

– Всё говорят, как: приснится сон, и он сбудется этот сон. Мне вот, например, с собой сон сбылся: пропахали у нас огород осенью и пропахали только одну полосу: «Ма, да чтое-то у нас только одну полосу вспахали? А остальное-то это, – не стали пахать-то?». А соседка говорит: «А мне вот не вспахали! Тебе вот одну полосу вспахали, а мне вот не вспахали!». А я говорю: «Ну, чай, успеешь – и тебе вспашут… Да это чтое-то…» – и у меня умерла мама. Вот тогда соседка и говорит: «Тонь, тебе сон-то приснился, а моя-то вот потом умрёт…».

?: Как примета такая?

– Вот примета такая, что огород пахаешь или вспашешь огород, вот во сне снится – это к покойнику. (*ГАА*)

[Снятся три креста – к несчастьям в реальности]

– Как уж сказать-то… Я вот до сих пор сон помню: мне приснились три креста – на кладбищах и там, у нас называют её Каменна гора, и ещё где-то – в общем, три креста, а я встала (а одна жила): «Матушки!.. Да это что ето [sic], что за три креста?».

А у меня в это время муж помер, сына посадили, а третий-то… Конечно, я несу крест, я крест несу: я не знала, куды деться, я, конечно, не знала, что это ко мне будет… А потом, значит, а потом, значит, кому-то я рассказала [говорят]: «Ну тебе, крест несёшь, сколько ещё». (*ГСЗ*)

[После гадания снится сон: идут по кладбищу, видят могилу, определяется срок жизни с будущим мужем; сон расценивается как вещий; в реальности с мужем жила 10 лет]

– В студенческие годы мы девчонками гадали о суженом. Гадали о суженом. И вдруг мне приснился сон, что я на кладбище: иду по кладбищу, кто-то меня ведёт… Ведёт, ведёт, я, мол: «А сколько я буду идти? Где чего мы ищем?». Она… кто-то мне говорит: «А вот – десять лет уже прошло, – десять пройдём, и вот, видишь: вот здесь!» – и нашли могилку, крашеная могилка чья-то. Я, мол: «Я же загадывала о суженом, а во сне мне приснилась могила, – к чему?»

И когда я вышла замуж, я ровно десять прожила и овдовела. Вот как вещий сон был. Этот сон я хорошо помню… (*ИРП*)

[Приснилась квартира с черными потолками и стенами; квартиру продают, стенку разломали; в реальности – случились неприятности]

– Бывают вещие сны, но это чистое совпадение. Бывает, сон предсказывает. Да, вот чувствуешь, бывает такое. Но это у человека как-то интуитивно вырабатывается вот это. Ты уже чувствуешь, я вот, например, знаю, что у сына какие-то неурядицы, у меня уже в голове вот это всё созревает. И я уж себе делаю как версию. И он мне снится, и действительно совпадает.

?: А вот как снится – конкретные примеры?

– Ну как: вот мне приснилось это самое – сон, что у меня в квартире потолки, выкрашенные вот потолки, доски, в чёрный цвет. В чёрный цвет, и квартиру мою продали. И всё вот – и стенку разломали, и всё так. И я пришла, и грит: «Ты тут не живёшь, – это грит, – тебе купили в другом доме квартиру». И она мне так не нравится.

Я думаю [в реальности]: «Чё-то у них тут случилось...». Я набираю этот… звонок в Караганду (я из Караганды) и звоню, грю: «Что

у вас там случилось?». Та в шоке [смеется]. Она говорит: «Ничё не случилось…». Я говорю: «Рассказывай: что-то случилось!». Она это… ну, короче, она мне не сказала, потом я узнала, что там у них получилась неприятность. Она нашла себе там мужчину, сын там начал пить. И, главное дело, она продала квартиру той подружки, которая всё это затеяла. Вот мне, – да, действительно, это так. И вот это чёрная вот, эта чернота, эта неприятность. Ну квартиру я себе отбила, и стенку вот.

Я грю [во сне]: «А зачем вы стенку?» – «Ну ничё, – грит, – другую поставите, в белый цвет, грит, выкрасите». Ну это прошло, вот эта вся передряга длилась целых где-то два года, полтора года. Но потом всё нормально стало: всё, он с этой разошёлся, он женился, всё у них хорошо. Ну она, – щас мы хорошие друзья просто вот с этой снохой. Потом я с ней разговаривала на эту тему вот. И говорю: «Ну вот, видишь, как – наверно, так тому быть!».

?: Как судьба?

– Как судьба. Кстати, хоть и женат был на второй, и вот, значит, это не его судьба, не его судьба. Они восемь лет прожили. Жили нормально, хорошо, был достаток полный, но чего-то ей не хватало. (*ААВ*)

[Снится: идет через овраг, уж опутывает ноги, – муж уходит в реальности]

– Вот мне сон приснился, девчонкой ещё была. Вот где часовня, там у нас жили все родные. Я ещё девчонкой молоденькой. И вот я будто пошла к этой тетке через овраг. И оттудова я иду обратно, и вот на гору вылазию. Вот не вылезу никак на равнину-то. У меня обваливается-то, обваливается земля. Все-таки я выбралась, на равнину-то. Откуда ни возьмись – уж мне ноги опутал. И вот я это – стола ногами дрягать-то, а мне женщина из оврагу кричит: «Манькя, не дрягай ногами-ти, – он не тронет, опутат ноги и уйдет!» – вот мне это и сбылось…

?: Как сбылось?

– Ну вот я вышла замуж (греха таить нечава!), – вышла замуж, шесть месяцев прожила, дитя нажила – и разошлись. Вот и опутал ноги – и ушел! (*КМН*)

[Приснилось, что рыба на груди плескалась – к беде: в реальности муж погиб]

– Рыба – тоже к несчастью. Вот я лежала в больнице. Со мной лежали – они попали в аварию. Мужик-то насмерть, его увезли в Ульяновск, а ей еще [об этом] не говорят, что он в Ульяновске умер, и уже

схоронили. А она мать спрашивает: «Мама, что же мне Алексей ничего…», – мать скрывает, а мы врём из палаты. Она мне говорит: «Вер, ты не проговоришься, что мужика-то схоронили ее-то?». А мы ей не говорили, – вроде она маленько поправится.

И вот однажды встаем утром, она говорит: «Мам, мне какой привиделся [сон]. Ну надо вот рыба мне на грудь, вот уже эдак плескалась!», – знать-то, чует она, что к беде: мать-то знает, что зятя нет. (*ИВМ*)

[Видит во сне после святочного гадания будущего мужа, – сбылся, поженились]

– На Святки ворожила, «колодец» делала под подушкой, – вот он и пришел. Как я загадывала, снится сон, вот он подходит, я его узнала, там поговорили. Утром встала, думала: сон сбудется. И точно, сбылся – вечером подходит в клуб. Потом пошел провожать, стали дружить, а потом – поженились. (*ШПЯ*)

[*Во сне икона раскалывается пополам – в реальности погибает зять]*

– Вот сновиденье мне было годов, наверное, шесть тому назад. Сплю, и мне снится сон: вот я стою вот здесь, свет вроде падает, но тусклый свет, а с этой стороны вроде светлее, – тут икона «Богородица», и вдруг она раскалывается пополам по длиннику, раскололась икона. И я подошла и давай эту икону склеивать, складывать, она никак – разваливается, и всё. Ну что же, – я не могу соединить ее, опять я прижимаю, прижимаю, – не получается, и проснулась…

Разговариваю с женщиной своего возраста и говорю: «Вот мне сон какой приснился, вот деревянная икона (у меня ее украли впоследствии) раскололась, и я никак не могу ее склеить». Она говорит: «Горе какое-нибудь будет!». Я говорю: «Ну какое может быть горе!».

И вдруг у дочери, у второй, восьмое марта встречали в коллективе, женщины встречали, а мужчины отдельно встречали, и мужчинам показалось мало водки, они пошли к киоску и купили спирт, – четыре человека отравились. И мой зять вышел из завода и упал, а когда его уже обнаружили, повязли его в морг, дочь вызвали на опознание. Значит, видение мне предсказало, что у тебя будет горе. (*БГТ*)

[Снятся две лающие собаки; в реальности соотносит с ситуацией: директор с табачником ругают информантку]

– А один раз мне приснилось: вот у нас наверху была церьква брошена. Вот там делали – в войну табак делали.

?: Кто в церкви табак делал?

– Да какой-то тогда приехал какой-то хохол, – вот табачник.

?: К нему за табаком ходили?

– Да. И вот делали тут и отправляли на войну. И вот у меня племянницу, племянницу у меня в армию. Вот эта война-то была… Ну вечером повестку-то, а утром провожать. А мы чё, – давай ей штаны стёгать, лифт [лиф] стёгать. Ночь-то не спали. А оне вон там жила, за магазином, девчонкой-то. А они – напротив дом-то.

Мне бы утром-то надо сбегать к нему [табачнику], он бы уж все равно отпустил. Ну а я думаю: чай, я и так устала. А ведь война была все-таки. Ладно… А у нас на мельнице был главный заведующий. Ну и вот, мы чё тут, – приехала лошадь за ней уж. А оне еще, мы еще не готовы. Ну все-таки проводили, – ладно… Раз яво жена, директорова жена, пришла тут. Она маленько за меня замолвила. Я пришла, значит, утром-ти на роботу, а у нас… вот была кака-та сушилка, на этих щитах сушили лист, корень вот сверху снимам, эти наверьх кладём. Вот вертели корни-ти. Листья [табака] мяли. Вот какой-то был ещё бондарь, – наделал тёрок. А от этих барабанов наделал, набил. И вот вертим. Яво трёт, трёт, – до мелкого… Сеем. Ну вот я значит, не пошла спросить-то, а на работу пришла, – меня табачник ни в какую [не пропускает на работу]. Ну ему обидно: начальником не посчитала, раз вовремя не пришла… А ведь всё-таки военны дела-то, война: «Иди к директору!»

Пошла. А он, покойный, такой был! С усами и ходит, как тоть, усы крутит! Так он мне… Я и прощенья прошу, он всё-таки ничаво: «Ну, иди, к работе приступай!». Я, мол: «Ты напиши записку, мне-то не поверят». Ну вот написал, принясла – говорю: «На!».

И вот чаво я хотела-то [рассказать]: ночью мне приснился сон, ночью мне приснилось две собаки. Вот собака с нижней стороны маненька, жёлтенька на меня: «Тяфк, тяфк,тяфк…». А не знаю, как её зовут. Я ей: «Что ты, что ты!» – потом откуда-то с верхней стороны собачонка. На верхней стороне [и] с нижней стороны – на меня…

Ну я-то её [вторую собаку] знаю. Я говорю: «Ты что, Азбек, Азбек…». Утром говорю: «Мам, мне сон-то какой приснился!» – «Какой?» – «Вот, – мол, – две собаки: одна светленькая, другая – смурнунькая». – «Что тебе два друга каких-то». Всё говорят: собака-друг. Вона, – до работы дошла, – вот мне и друзья: табачник и директор. (*КМН*)

[Во сне брат привез тес, бревна, их клеймит лесник – в реальности умирает мать]

– У меня брат глухонемой, и он в Суре завсягда плавил брёвнов многа таких вот, – ну лес плыл, шпалы плыли… И он поймал брявно [рассказывает сон] и привёз яво бы вроде как домой, и положил вдоль этого забора-ту. А лесник шёл и заклеймил звезду нову на этом бревне-ти. Я тоже… «Бабушка, я говорю, какой сон-то, я говорю, видела: а дядя Петя от Вяскиной шел и заклеймил у нас яво». – «А, дочка, у нас ведь тёсу-ту нет на гроба-то». (А я тогда ещё не понимала, для чаво этот гроб, для чаво этот тёс).

И так и сбылось: она у нас, – мать, – и умерла. А Ваня-то, глухонямой, как он нашёл всех людей да каких нашел – самых хороших плотников и доски-то привёз. Правильно, они старые были, а их выстрогали, они стали новы… Вот он и сбылся же… (*ГАМ, ОМФ*)

[Перед выкидышем снится, что вся в крови, состояние умирания]

– Один раз со мной, когда я еще была молодой да ходила на работу, и у меня случился выкидыш. И мне сон снится, как будто вот здесь вот у двора у меня, со мной открылось кровотечение. Я во сне кричу: «Папа, папа, я умираю, умираю, – спасите меня, спасите!»

И это – на другой день у меня был выкидыш, – вот такое предсказание какое. Не то что сон, а вот какое, как предсказание. (*КЛИ*)

[Снится, что змея кусает в руку, сновидица поливает руку водой; в реальности убивают сына – обливается слезами]

– Сон был: у меня в переднем углу лежит много змей, и одна змея мне вот так вот руку обвила и кусат. А я беру вот этой рукой воду и поливаю. И сына убили, я до сих пор поливаюсь, – до сих пор плачу. (*КЛИ*)

[Снятся три соседки, месящие глину – в реальности умирают близкие]

– Вот щас опять скажу: вот осенью… эта соседка, эта соседка и эта соседка [указывает на соседние дома]. Вот тут у них погреб у этих, вот щас в дверь заходит… Вот эта соседка роет траншею в погребе, – эта соседка принимает, и эта соседка глину месит. Она глину месит, я говорю: «Чего вы так торопитесь – месите?!» – «Надо, – говорит, – так» – эта месит, эта подает, а эта укладывает. У этой муж помер осенью-то, эта в декабре сгорела, – задохнулась, умерла…

Вот я говорю: покойники будут это. Этой все время говорю: «Маш, еще твоя очередь осталась, – ты скоро умрешь», – вот этой соседке. И вдруг момент – раз и готово! Незадолго… а у нее сестра уме-

реть [перед тем как сестре умереть] – привезли два куста сосновых, вот сюда и положили. «Мама, – я говорю, – вот у вас скоро покойник будет!» – быстро умерла, сосновы брёвна привезли, – вот сюда положили. Я говорю: «У вас покойник будет!». (*ТВВ*)

[Перед смертью мужа снится, что он пашет огород и засеял половину семечками; толкование:«Семечки – слёзы»; другой приснилось, что лезет в гору – к горю: умерли сыновья]

[ВКП] И всё равно, когда к покойнику, некоторы сны сбываются. Я вот… как мужику помереть, у меня, значит… вышла – он огород пашет от того боку и засиёт семечками, а я говорю: «Да с ума сошёл, ты больше половины огорода семечками засеял?! А где картошку будешь сажать-то?». Семечки, говорит, всё – слёзы, и пашня-то тоже…

[ЖАС] Оне тоже, оне которы сны сбываются, тоже сбываются, сбываются. Вот и у меня то же самое... Один раз эдак приснился сон-то мне – влезла я в гору, в гору. Ну какого ещё горя-то надо?.. Уж это ума не приложить, какого ещо горя…

?: Если в гору влезаешь – то горе?

[ВКП] Да, горе, да. Вот этому-то два года исполнилось, сыну-ту… Да другой через полтора месяца, другой помер. Какого ещё горя-то надо?.. Сбываются, которы сны, – сбываются.

?: Это значит, семечки – тоже к горю?

[ЖАС] Да. К слезам… (*ВКП, ЖАС*)

[Приснилось, что дают хлеб, подарки – в реальности вышла замуж; потом приснилось, что одевают венцы – развелась]

– Замуж когда вышла тока. Перед этим. Ну сон, вроде хороший сон мне приснился. Дают мне хлеба, подают какие-то подарки.

Ну и вот я вышла замуж. После этого сна. Да. А потом мы развелись. Сон мне приснился, что надели венцы.

?: Что это такое?

– Ну вот когда в церкви венчаются – одевают венцы. А уж когда мы женились, тогда не было ни церквей, никто не венчался. Щас ведь вот и венчают. Внука-то мы венчали, ездили в Алатырь. Ну вот. Венцы. Я иду и говорю: «Вижу сама себя в венцах». И через неделю мы разошлись.

?: Это к чему венцы?

– Ну вот – развод. Венцы на себе видишь – к разводу. (*АЕП*)

[Приснилось, что мальчик кричит: «У вас на подловке – гробик»; в реальности через полгода умерла дочь трех лет]

– Дело было войной. Поставила в печку чугун, он варится, я сижу на полу, – и даже нельзя сказать, что я крепко спала – как-то задремала. Жила я, значит, на квартире у одних, спала в сенях (одна жила с девочкой). И вот на улице мальчик кричит мне: «Валентина Петровна, у вас на подловке [чердаке] – гробик» – и все.

А у меня ребёнок, девочка трёх лет. И у ней было искривление позвоночника. Я сначала не знала, а в это время уж знала. И вот месяца через полтора она умерла. (*КВП*)

[Во сне обмазывает в избе глиной стены, а глина отваливается; толкует: глина – нехорошо; через день удавилась племянница]

– А вот какой сон приснился: обмазываю в избе глиной стены. Вот мажу, мажу, а глина отваливается и отваливается. Вон что такое – отваливается. Проснулась и думаю: «А ведь глина-то – нехорошо». На другой день у меня племянница удавилась. Вот у меня глина отвалилась – родственница умерла. (*БАИ*)

[Во сне в доме матери печка развалилась пополам; в реальности – умер брат]

– Вот сон сбылся в этот же день: как брату умереть, я прихожу будто к матери, и будто печка развалилась сразу пополам. Я и говорю: «Батюшки! Ведь печка развалилась прямо пополам!». А муж [во сне?] говорит мне: «Вот столб-то ты велела выкинуть, вот печка и развалилась!» – вот в новый дом переходили, там хламу много, вот и велела столб выкинуть. Развалилась печка-то пополам, вот считай – семья-то пополам: брат ушел от нас, умер… (*ГЛН*)

[Во сне пошли с бабушкой в лес по ягоды, она ушла от сновидицы в лес, в гору; в реальности бабушка вскоре умерла]

– А вот перед бабушкиной смертью какой сон видела: пошли мы с ней в лес за ягодами. Она говорит: «Ты, дочка, вот здесь рви, а я пойду в тот дом», – и она пошла от меня в сосновый лес, в гору. И вот вскоре она умерла. Быстро сон сбылся. Вот лес сосновый – это разлука, что она ушла в гору – это горе, ягоды – слезы. (*ГЛН*)

[Знакомой приснилось, что с нее сорвало платок, когда она шла по берегу, платок утонул; в реальности через 17 лет утонула дочь]

– У нас рассказывала одна женщина… Еще она была не замужем, сон видела: она шла по берегу, – берег высокий-высокий, и песок такой – прямо в реку ветер гонит… И она по берегу по этому, и поднялся такой сильный ветер, что у ей с головы сорвало платок, и прямо в реку эту. Я, говорит, вижу, как платок сначала плыл, а потом стал тонуть, тонуть и тонуть, – качался по дну. Вышла замуж она, семнадцать лет дочке исполнилось, и она [дочка] утонула. Как раз то место, где упал ей платок. Через 17 лет сон сбылся, а тогда она не думала, но говорила, что сон нехороший. (*ЛАИ*)

[Во сне пашет землю на тракторе, на руках – мальчик, борозды – земля кусками, «мясом»; в реальности – погиб сын]

– Вот у нас случай был: разбился парень, его мать видела его во сне: «Еду, – говорит, – на тракторе, а он, мальчик, у меня на руках, и этот трактор делает борозды, как картошку сажать, а с-под борозды этой земля мясом валит, кусками…». Ну думала – что-то будет нехорошее. И через три дня его сшибли. (*ЛАИ*)

[Перед войной бабушке приснился сон: разъединилось небо – одна сторона чёрная, другая – светлая, солнце поднимается красное -красное]

– Мне бабушка рассказывала сон, – тогда говорили где-то что-то будет: разъединилось небо – одна сторона чёрная, другая – светлая. Говорят, видение такое ещё было. И солнце поднимается красное-красное и каплюшками – вниз. Солнце плакало тогда, перед войной. Это уже после финской видели. (*ЛАИ*)

[Во сне видит детей своих дочерей, которых не видела до этого; внешние черты увиденных детей в реальности оказывается схожими]

– Я во сне своих дочек дятей видела. Вижу во сне – сижу я со средней дочерью своей, Ниной, на кровати, и вдруг идут два мальца: один идёт – волосы подрезаны, рюкзак большой за плечами и подводное ружьё в этом рюкзаке, и что-то говорит.

А второй идёт согнувшись, высокий, волосы курчавленные немножко… Ну про Нину-то я знала, что собирается замуж, а про Галю и Полину не было. И вдруг приезжает Нина в отпуск и ведёт мальца с собой. Ну где-то я видела этого мальца. И вот как видела во сне с рюкзаком, – такого ж видела наяву. И вдруг приезжает и Галя со своим мальцом. Погляжу – ну я ж видела и его! И молчаливый. Тот [сын Нины] и во сне шёл – лопотал, а этот – молчок, – и в самом деле так. (*ЛАИ*)

[Приснился сон после гадания: мужчина помогает перескочить через ручей; в реальности внешность мужа похожа на черты увиденного во сне]

– И своего мужа я во сне видела. Я своего видела – он меня переводил через реку. Я положила расчёску под Рождество, на первую коляду, и говорю: «Суженый-ряженый, приходи меня расчёсывать!». И вижу сон: ручей настлан, вода быстрая, чистая, немного настлано, а с этой стороны только кладинка положена. Я и думаю: «Как перескочу?». И он вдруг перескочил, меня за руку взял и передёрнул, чтобы я перескочила ручей. Я знать не знала, что он в отпуск приезжал с армии, но я ещё не встречала его. А когда его увидела, думаю: «Вот этого мальца я видела во сне!». (*ЛАИ*)

[Во сне вывалился зуб, сновидица вставляет его обратно; толкование: муж вернется живой с войны; в реальности сбывается]

– У меня такой сон был: вывалился зуб, и я его держу. А мне говорит кто-то: «Чего держишь, выкинь, золотой вставь!» – «Нет, – говорю, – надо свой», – и вытаскиваю его обратно.

Мне так и сказали: «Будет тебе твой мужик – с войны придёт, с ним будешь!» – так и вышло. (*СОС*)

[Во сне большой воз дров, который везет сновидица, вываливается в овраг; толкование: к чему-то плохому; в реальности умирает при родах сестра]

– Был у меня сон такой: большой воз дров, везу его, вдруг – овраг. И весь воз – в овраг. Это на восьмое марта было. Сама почувствовала, что-то нехорошее. И на следующий день телеграмма – сестра от родов умерла. (*БНВ*)

[Сновидица идет по мосту и падает; в реальности – посадили сына]

– Вот в зеркало во сне смотреться – хорошо, в бане мыться – на перемену жизни, – это мать моя говорила…

Вот сына тогда посадили, я сон видела: вижу, шла по мосту, – так я вниз туда и упала, – ну, чувствую: совсем разбилась, на ноги встала…

А потом сына и посадили: ехали – с шофёром баловались и мотоциклиста сшибли… (*ИАИ*)

[Во сне мать рассказчицы пошла с сестрой рвать орехи, та потерялась, звала ее и не нашла; после сна толкует, что случилось с ней нечто плохое; в реальности – умерла]

– Ещё такой был случай интересный: у нас тоже была родственница, маминого двоюродного брата жена, тётя Гапа. Дядя Миша умер здесь, за ней приехала дочь, ну мы пришли (дочь жила в Ташкенте и щас живёт). Мы пришли, ну проститься, всё. Она даёт маме материал, ситец. Мама говорит: «Сколько тебе за него?». Она говорит: «Не надо. Если я приеду, то рассчитаемся, а если не приеду – поминать будешь». Сидит и жуёт-жуёт. Мама говорит: «Гап, ты чего жуёшь?». Она говорит: «Тоску свою». Мама говорит: «Ну а что ты уж больно?» – «Не знай, мне кажется, я не вернусь… Правда, я деньги с собой взяла, чтобы не нужно просить». Только приехали они в Ташкент, она через две недели и умерла.

И мама увидела сон: пошли они в лес орехи рвать, она её там потеряла, кричала-кричала, кричала-кричала – та ей не откликнулась. Мама утром встала, говорит: «Гапа или болеет, или умерла!». И мы получаем письмо, что она как раз и умерла. (*МЗИ*)

[Снится, что нога отвалилась – никак не может приставить ее назад; в реальности – погибает отец]

– Это ещё мы жили на Дальным Востоке с мамой-с папой. У меня брат ещё был и сестрёночка ещё маленькая, ей два годика было, вот умярла у нас. Вот мы жили на Дальным Востоке, и у нас этого папу убили: там шофёр убил. И вот мне сон приснился (это уж я сама): у меня нога по коленке отвалилась. И я вот иду, беру эту ногу, приставляю, шагну – она у меня опять отпадат.

И я, значит, вот это – встала, маме рассказываю, тут соседка-старушка. Она говорит: «Ой, какой нехороший сон тебе приснился! Это что-то у вас хто-то отвалится». Ну я говорю… А вот Любонька, это сестрёночка она болела корью, она сильно болела. Мама говорит: «Ну наверно, Любонька умрёт у нас». А про папу даже и не думали, что так. И он… там мы жили, германска граница, за границей он работал прорабом, строил дома, всё ездил. И вот он туда поехал, его за это там убили, шофёр убил. И вот этот сон мне сбылся: коленка-то у меня отвалилась! Это вот мне было, это мне ещё годов четырнадцать было, это я в таком возрасте ещё была.

?: Это отец – как часть себя отвалилась?

– Да, вот я беру, вот встану… просто я вот этот сон никогда не забуду, я её приставлю к ноге, и вот только шагну она у меня опять отпадат, всё. Вот и отпала. Вот это да, вот такое получилось.

И вот у нас это – ещё когда птичка ещё в окно стучала. Вот они сидят – мама, эта соседка, подруги ещё мои были. И вот мы сидим –

синичка в окно: «Тук-тук-тук!». Мама говорит: «Батюшки, хтое-то, что за вести будут?». А эта как раз и говорит Валя: «Лиза, кака-то весть тебе, каку-то весть приносит», – говорит. «Батюшки, грит, чай, уж не Любанька умрёт», – это на девочку-то, сестрёночку-то. Хвать он, видишь: на другой-то день нам привезли гроб, уже в гробу привезли папу-то. За границей, германска граница… Монгольска граница-то [т.е. перепутала], вот где… Монгольска граница, а не германска, – Монголия. Так вот получилось: девочка-то выжила, до семьдесят лет дожила, помярла. А папа-то в шестьсят… сорок пять папе-то было. Мама после няво жила, в пятьсят два года помярла. Вот так вот было…

Вот тоже сон-то – нога отвалилась, ведь прямо нога у меня отвалилась, моя нога. (*ИЕМ*)

[Во сне информантке говорят: «У тебя умер отец»; в реальности – отец действительно умирает]

– А бывают вещие сны, да, это я на себе убедилась. Я прежде чем кончить пед [университет], я кончила фарм [фармколледж]. А тогда ведь не спрашивали нас, меня отправили, нас вот распределили в Свердловскую область. И вот я там работала заместителем заведующего аптеки. Аптека обслуживала городскую больницу, большая больница была, триста человек у нас персонала было. У меня там была маленькая комната, я жила там. И вот были мы на каком-то субботнике, что ль, чего ль, – тогда ведь комсомол был, щас ведь ничего нет.

И я пришла (а днём, в воскресенье дело было) и легла, легла и уснула. И вот мне снится сон, мне говорят: «У тебя умер отец!» – у меня. А я это… говорю: «Да это неправда! Это неправда!» – «Нет, правда!». И вот я плачу и говорю: «Папа! Что ты наделал, как же мы теперь будем жить?» – нас пять человек детей было, и я – старшая. Коле четыре года, я в институт собралась поступать. И вот как плакала над ним, и вот я проснулась, и как кто меня душит. И я кое-как проснулась и, главное, ни с того ни с сего говорю: «Сон в руку!». И потом буквально через неделю пришла телеграмма: он умер. И вот всё именно так и было. (*НВС*)

[Во сне выпал зуб – в реальности умер дед]

– Приснилось мне, что зуб выпал у меня коренной, ну крови не было, и не больно было, – думаю: «Чё ж такое?» – ну просто сон запомнился. А потом через некоторое время к матери приехала, – она

сказала, что дедушка умер. Ну действительно, уже старенький был, уже как-то большого горя не было, – как известие… Ну вот: зуб выпал – дед помер… (*ДНМ*)

[Во сне танцует с одноклассником, моет полы; в реальности одноклассники убили; толкует: «Я смывала его с земли»]

– Один раз приснился сон, как будто я мыла полы в школе. Мою полы в школе, и зазвучала музыка во дворе школы, я выбежала, – все танцуют, и мой там одноклассник среди танцующих. Он подходит, приглашает меня, и мы танцуем, танцуем. И потом вдруг все расходятся, и наша пара остаётся одна, то есть мы с ним вдвоём, и все так на нас пристально смотрят. Я застеснялась, засмущалась, отстранилась от него. Я говорю: «Нет, – говорю, – танцевать я с тобой не буду!» – и ушла от него, и снова начала мыть полы, зашла в школу и мою снова полы…

А потом через несколько месяцев я узнала, что одноклассника убили, то есть потом анализировала – оказывается я мыла полы, то есть как бы смывала его с земли, – так получается… (*КИВ*)

[Во сне купила хлеб – соотносит со смертью бабушки в реальности]

– Если я захожу в сад [во сне], – сад такой зелёный, в листве, зелёная трава, красиво, солнечно, это к хорошему обязательно. А если срываю яблоки с яблони, – не поднимаю их вот с пола, – яблоки, срываю их именно с ветки, красивые большие яблоки, то обязательно к исполнению желания. Хлеб мне снится к плохому, хотя вот в соннике написано, что хлеб всегда к хорошему покупать, – у меня к плохому.

Мне один раз приснился сон, что я покупала в хлебном магазине хлеб и шла домой с этим хлебом, – потом у меня умерла бабушка… Ещё не весь сон я рассказала: я шла с хлебом домой, и бабушка выглянула из окна и начала меня звать: «Ир, заходи домой!». И, в общем, через несколько дней она умерла.

Грязь мне снится к прибыли, если что-то потеряла во сне – обязательно будет какой-то убыток. Если что-то приобрела, что-то нашла даже что-то украла во сне, – вот, допустим, краду-краду, пока кто-то не видит – обязательно к прибыли будет, обязательно. Кто-то даёт, очень… Сны снятся вещие, мертвецы когда снятся, то есть мёртвые близкие – например, бабушка. (*КИВ*)

[Снится цыганка очень маленького роста, которую информант выгоняет из дома, опасаясь, что она что-нибудь сворует; в реальности встречает на следующий день бабушку примерно такого же возраста]

– В общем, снится мне, что я нахожусь дома, звонок в дверь, я открываю, и на пороге стоит – то ли нищенка, то ли цыганка. И что интересно: я вот обратил внимание, что она очень маленького роста, вообще, чуть ли не как гном – ну сантиметров пятьдесят от земли. Я открываю – и она шмыг в квартиру. Я думаю: «Что-нибудь сворует, вот что-нибудь нехорошее сделает!». А тут еще жена дома как бы волнуется по этому поводу. Я, значит, за ней, думаю: «Надо как-нибудь ее поймать...». Я в одну комнату – нет ее, в другую – нет, в третью комнату я забегаю, ищу и обнаруживаю ее под табуреткой. Я раз ее – цоп! – поймал и выношу ее на коридор и выкидываю…

И тут я замечаю, что это не нищенка, не цыганка, а черная кошка, и эту черную кошку выкинул и почему-то иду дальше по коридору – и навстречу мне девушка. Красивая девушка, начинает меня с ходу целовать и говорит: «Слушай, как хорошо, что ты от этой кошки избавился, что ты выкинул вот эту вот кошку, спасибо тебе большое!». И я говорю: «Ну, пожалуйста, хорошо». И возвращаюсь я такой успокоенный домой. Что было с этой девушкой, я не помню, но в общем-то впечатления у меня остались приятные…

Еду я на следующий день на работу в автобусе, и передо мной у двери стоит бабушка – и, что интересно, тоже очень маленького роста,. Вот она сошла на остановке передо мной. Она была именно такого роста, и мне напомнила образ из моего сна. К чему это было – общность такая – я не понимаю, в чем его смысл: то есть видел я во сне вот это маленькое существо – то ли нищенку, то ли цыганку, а здесь была маленькая такая бабушка. Причем во сне это существо было такое злобное, такое коварное, проникающее в мое жилище, а бабушка мне показалась очень милой и добродушной. (*ЦАЮ*)

[Во сне попадает в яму со змеёй, бьет ее палкой, выбирается из ямы, идет по мосту, на нем – стол; толкование: змея – это мужчина, с которым сновидица хотела связать жизнь, однако замуж пойдет за другого, – так в реальности и происходит]

– Выпавшие зубы мне часто снятся, причем я их выплевывать начинаю на ладонь, но это ни с чем не связано никогда. Единственный сон мне снился (я была молодая), мне бабушка тоже одна интерпретировала сон, потому что он очень яркий был, и я его очень запомнила хорошо. Я попала в яму, и там была змея, и мне грит: «Возьми палку и убей ее! Что ты вроде теряешься?». Я беру палку и начинаю эту змею

колотить. Со змеёй-то я справилась, вышла и пошла дальше, пришла на мост, на мосту – стол, – то есть вот – да, – какие-то вот такие детали непонятные.

И у подруги была бабушка, она мордовка, что ли, была, – у нее там какие-то тоже были свои заговоры-наговоры, гадания… И она мне сказала: ты собиралась замуж за одного (змея – это муж, по ее интерпретациям), – ты за него замуж не выйдешь. Мост – это переход вот у тебя от одного человека к другому, то есть ты вот эту жизнь не выбрала вот с этим человеком, будет мост, ты уйдешь, а стол – это новая жизнь, то есть ты выбираешь другую семейную жизнь.

А тоже у меня вроде, тогда там – [мне было] лет семнадцать-восемнадцать – мальчик был там, он должен был приехать со дня на день, и вот мне этот сон снится, она мне всё это объясняет. И мне приходит письмо, что, он грит, что «я не могу приехать – не получается там». Паспорт в Приморске он где-то потерял, ну то есть – всё, этим всё и закончилось… [т.е. замуж, соответственно, вышла за другого] (*ПЕВ*)

[Перед смертью отца снились сны, предвещающие неприятность]

– Что хочу сказать: вообще сны практически – ну вот там как подробно вот сонники описывают – вот это вот к этому приснилось – я считаю, что есть какая-то доля правды, где-то там… Но сам по себе один сон – он ни о чем не говорит, мне так кажется… Потому что я вот насколько помню – перед смертью отца (у меня четыре года назад умер отец) мне постоянно снились плохие сны, я не знала даже, что они плохие. Просто мне приснится, но я прихожу, начинаю в сонник залазить – бац! – мне там чё-нибудь плохое. Ну я посмеюсь, успокоюсь, дальше, значит, опять лезу – опять что-то ужасное, плохое, причем там не говорится о смерти, но очень плохие, – все время…

Иногда говорилось, что там тяжелая болезнь среди близких, но я на это никогда внимания не обращала, думала, что это ерунда… Но они мне снились достаточно продолжительное время, и вот постоянно было плохое что-то. Это я уже потом поняла, то есть тогда не обратила внимания, и потом, когда прошло какое-то время после смерти [отца], я поняла, что мне часто снились плохие сны… С тех пор я перестала лазить в сонники: ну мне не очень хочется знать, чё там и как… (*ТТВ*)

[Мать парня, с которым встречалась сновидица, говорит, что та ей приснилась еще до того, как впервые увидела ее фотографию]

– Была такая ситуация: я, короче, встречалась с мальчиком из Рязани – десантник Сережа. У меня были питерские фотографии, хорошие достаточно, и я ему несколько штук отобрала, штуки четыре, – а он поехал перед Новым годом домой. Приезжает, короче, показывает маме фотографии, а она ему говорит: «Ой, а вот именно сегодня ночью – перед тем как ты приехал, – мне приснилась она. Вот именно она была во сне!». Когда Сережка приехал, и мне это рассказал, я вообще не поверила… Я в Рязани не была никогда. (*ТТВ*)

[Видит во сне будущую серию «Санта-Барбары»]

– Один раз (ну это так – прикол) мне приснилась следующая серия (когда у нас «Санту-Барбару» показывали), мне приснилась та серия, когда Джина выдергивает у Сиси эту, как ее, вилку из розетки, из аппарата. И на следующий день смотрю эту серию, серьезно, я серьезно это говорю, но – мутноватый, как будто это все в белом тумане было… (*ГЯ*)

[Во сне видит будущую свадьбу друга]

– Один раз моему другу Антихристу [прозвище] приснился сон – то, что он женился, а на следующий день я ему сказал, что он женится определенного числа определенного месяца, – этот месяц был август, по-моему, тринадцатое число. И этот день выпадал, по-моему, на воскресенье, и я это увидел во сне, и он действительно женился именно в этот день, – поэтому меня и прозвали «Вороном». (*АА*)

[Перед распадом любимой рок-группы видит вещий сон об этом]

– Потом за год до распада «Арии» [название рок-группы] я сказал, что Кипелов уйдет из группы и, так сказать, создаст свою собственную группу, которая будет называться «Кипелов». И это все произошло. При этом я все это предсказал за полгода до того, как они приехали к нам, в Ульяновск, в составе «Кипелова», – это было где-то три года назад, по-моему. И они действительно приехали в этом составе в «Кипелове», когда Кипелов там пел. Но они сыграли, конечно, хорошо, офигенно, но все равно было заметно, что они уже разъединились. После этого в августе месяце я узнал, что Кипелов, Терентьев и Манякин ушли из группы «Ария», – вот такой вот сон…

?: А какой сюжет сна был, – то есть ты именно это и видел во сне?

– То, что Кипелов уходит из группы – и все… (*АА*)

[Матери приснились сны о будущей судьбе дочерей]

– Когда мы были маленькими, вот во время пасхальных праздников – есть какой-то типа Красной горки, когда в семье печется такой пирог, который в виде креста, в один кусочек запекается монетка. Вот тогда было еще мне… разница с сестрами большая, – в общем, короче, мы четверо пирог, каждый выбирал себе кусочек этого креста, и кому досталась монетка – та самая дочь будет богатая. Вот – правда-неправда – Валя, Вале попалась монетка, – Валя из всех нас всегда жила достаточно богато, она богаче всех жила.

Мама почему-то (я не знаю: как она – загадывала не загадывала) каждой дочери, я не знаю, – она в какое-то определенное время, в какое, я не знаю – она загадывала сон, и сон о судьбе дочери вот она рассказывала, кто, у кого какая судьба будет.

В общем, про Лиду, старшую сестру, единственное, что она сказала, что у Лиды будет очень тяжелая болезнь, и очень рано, молодой, – где-то действительно в двадцать пять лет у нее давление, давление… Что приснилось, я не помню про Лиду… Но Лида знала, что у нее будет замужество самое такое удачное, муж будет очень интеллигентный, но будет она всегда болеть, с тридцати лет у нее очень тяжелый период, когда у нее развивалась гипертония.

Дальше вторая дочь – Лена – в общем, про Лену она говорила, что ей приснился там сон, значит, что, допустим, с соседкой они идут покупать платье, а у Лены была подруга другая Лена, они очень дружили, были как сестры. И вот она [мать информантки] говорит, что идём, и я покупаю Лене очень красивую ночную рубашку, ну с вырезами, а та женщина покупает своей дочери [«Лене-подруге»] красивое подвенечное платье. Подруга моей сестры никогда не вышла замуж и не выходила, у нее подвенечное платье, а вот Лена [сестра] – сорочка очень красивая, ночная, с вырезами, но, значит, это будут с мужем какие-то этапы расхода, она говорила, что ей будет муж изменять. Первое, что случилось: то есть Лена вышла замуж, и вскоре после учебы его забрали на два года в армию. В армии он служил, будучи женатым, – это первое расставание. Второе расставание – у них действительно два раза очень серьезные, особенно, где-то вот лет… когда девочки еще маленькие у них дочери были. Он серьезно полюбил и, в общем, уходил из семьи. Вот такая очень сложная и до сих пор…

И второе вот так тоже тяжелое – уже девчонки-то выросли, они уже сами дедушка с бабушкой, но у них тоже был серьезный разрыв. Но все равно они оказались вместе, потом сошлись, то есть два вот таких, – мама предсказала…

По поводу Вали, третьей дочери, – она очень не хотела, чтобы она выходила за вот этого Николая. Николай был единственный парень, в которого она в детстве, ну в юности влюбилась, он ее ждал, он старше на пять лет, когда она там закончит учиться школу. Она [мать], когда Валю пришли сватать, она даже не встала, не вышла к гостям.

?: Почему?

– Она предугадывала. Ну потом из жизни мы поняли: первое, ей приснился сон: «Ты [т.е. Валя] действительно будешь жить богато, но будет очень сложная жизнь, тяжелая жизнь, потому что этот человек он жестокий, но все равно он не любит, нет вот такой любви». Значит, приснилось ей, что шел какой-то снег и очень много зелени – какого-то крыжовника, смородины, – это означает очень много слез, обид, трагедий… И вот как Валина жизнь – живут богато, но сразу же года через три, – ну, оказалось, допустим, я поздно узнала, – что он бил мою сестру, что иногда она уходила с сыном из дома. Валя даже боялась маме сказать об этом. Мама его не любила и не принимала, этого зятя, то есть она знала, что этот человек не будет любить мою сестру. И вот представляешь, она [Валя] даже потом, [когда] умерла, муж тут же женился на другой и забыл и сына. То есть вот этого человека – она почувствовала его не очень хорошую энергетику.

Вот по поводу меня: она… я очень нервничала, потому что я заканчила десятый класс, заканчивала, мама уже.. она как-то предчувствовала, она всегда говорила, почему она говорила, что она умрет от рака, она знала: «Я знаю…». Она говорила, что будет на основе сглаза и что вот она умрет этой нехорошей болезнью. И про меня, когда я начала нервничать по поводу там экзаменов, она мне сказала: «Всё будет хорошо, ты поступишь, не волнуйся». Я говорю: «Мам, ну откуда ты можешь знать?». И что она сделала, она считала, что рано умрет, она меня отправила к моей сестре, [сестра] уже получила распределение работать после института в Ульяновске, [мать] отправила меня сюда поступать.

Она меня провожала и сказала: «Ты поступишь, ты будешь учиться». Я говорю: «Мам, ну расскажи!» – «Мне приснился сон, который меня успокоил: в общем, идем мы по какому-то типа базару, много-много людей, разных людей, вдруг там ко мне подходит женщина, она берет тебя за руку, – уводит, уводит, уводит, уводит…» – и я [т.е. информантка, дочь сновидицы] ушла. И вот ты знаешь, как – по жизни, – работа [у меня] там, где очень много людей, – жизнь какая-то, зна-

ешь, полосами, может быть очень плохо, и может быть очень хорошо – и вот как бы я действительно поступила сразу, и я ушла. Что-то еще ей приснилось, но она мне вот так объяснила.

?: А вот к чему – уводит за руку?

– За руку – это женщина, судьба, какая-то жизнь дальнейшая, женщина, судьба, забрала меня от нее. Потом мама умерла, мама не знала мою дальнейшую судьбу.

Она, видишь: очень переживала, она думала, что все-таки поживет подольше, она очень переживала из-за того, что… Все время говорила: «Я, наверно, родила тебя там без судьбы» – какое-то такое выражение. Я говорю: «Почему ты решила, что без судьбы?» – «Да вот девочкам [т.е. об остальных дочерях] всё приснилось, а ты… – сколько я не загадываю сон, как будет твоя личная жизнь, какая судьба, с каким мужчиной ты будешь жить, – мне не снится ничего». А потом я поняла: потому что всё это случилось – моя любовь самая серьезная – после ее смерти, и просто этого она не могла видеть. (*ТЛЛ*)

Список использованной литературы

1. Аверинцев 1997 – *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
2. Аверинцев 2000a – *Аверинцев С.С.* Рай // МНМ. Т. 2. С. 363–366.
3. Аверинцев 2000b – *Аверинцев С.С.* Мытарства // МНМ. Т. 2. С. 189.
4. Аверинцев 2000c – Аверинцев С.С. Страшный Суд // МНМ. Т. 2. С. 469–471.
5. Агапкина 2004 – *Агапкина Т.А.* Лес // СДЗ. С. 97–100.
6. Адлейба 1980 – *Адлейба Д.Я.* Неформульно-повествовательная стереотипия в волшебной сказке // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика / Отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 1980. С. 139–158.
7. Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.
8. Азбелев 1964 – *Азбелев С.Н.* Современные устные рассказы // Русский фольклор: Проблемы современного народного творчества. М.-Л.: Наука, 1964. Вып. IX. С. 132–177.
9. Азбелев 1992 – Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелев. М.: Русская книга, 1992. 608 с.
10. Айвазян, Якимова 1975 – *Айвазян С.*, *Якимова О.* Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах.// Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М: Наука, 1975. – (Цит. по: Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
11. Алексеев 2003 – *Алексеев А.И.* Представления о рае в период Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium», выпуск 31. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 195–198.
12. Амроян 2005 – *Амроян И.Ф.* Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских текстов). М.: ГРЦРФ, 2005. 296 с.
13. Аристотель 1992 – *Аристотель.* Сочинения в 4–х т.: Т.1 / Под ред. Асмуса В.Ф. М.: Мысль, 1975. 550 с.
14. Артемидор 1999 – *Артемидор.* Сонник / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова и др. СПб.: Кристалл, 1999. 448 с.
15. Архипова 2003 – *Архипова А.С.* Анекдот и его прототип: формирование жанра и генезис текста. Дис. … канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2003.
16. Арьес 1992 – *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. С.В. Оболенской, предисл. А.Я. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс»–«Прогресс-Академия», 1992. 528 с.

17. Ахметова 2004 – *Ахметова М.В.* Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX – начала XXI вв: Дис. … канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004.
18. Байбурин 1993 – *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточных обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
19. Байбурин, Кон 1991 – Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. Байбурин А.К., Кон И.С. СПб: Наука, 1991. 318 с.
20. Байбурин, Левинтон, 1990 – *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 64–98.
21. Бакеева 2005 – Бакеева Е.В. Понимание как воссоздание смысла бытия: Апофатический путь: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2005. – (Цит. по: Бакеева Е.В. Понимание как воссоздание смысла бытия: Апофатический путь: Автореф. дис.… д-ра филос. наук [Электронный ресурс] // Электронный архив Уральского государственного ун-та им. А.М. Горького. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/677/1/urgu0324s.pdf, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
22. Балов 1891 – *Балов А.В.* Сон и сновидения в народных верованиях // ЖС. 1891. вып. IV. С. 208–213.
23. Балов 1901 – *Балов А.В.* Очерки Пошехонья. Верования // ЭО. 1901. вып. 4. С. 107–109.
24. Барт 1987 – *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 387–422.
25. Бартминьский 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолигвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
26. Батюшков 1891 – *Батюшков Ф.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891.
27. Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Советская Россия», 1979. 4–ое изд. 318 с.
28. Бахтин 1997 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960 гг. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.
29. Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т.1: Философская эстетика 20–х гг. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
30. Бахтина 2004 – *Бахтина О.Н.* Старообрядческая литература в контексте христианской традиции понимания слова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 132–152.
31. Белова 1995 – *Белова О.В.* Бес // СД1. С. 164–166.
32. Белова 1999 – *Белова О.В.* Время в славянских этиологических легендах и поверьях // Время и календарь в традиционной культуре: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. СПб: Лань, 1999. С. 30–32.

33. Белова 2004 – «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.
34. Бернштам 2000 – *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб: «Петербургское востоковедение», 2000. 400 с.
35. Беседа трех святителей 1980 – Беседа трех святителей // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 137–147.
36. Бобылева, Миргородская 2000 – *Бобылева Е.В., Миргородская Н.Н.* Народные рассказы о приходе покойника // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СпбГУ / Ред.-сост. М.Л. Лурье. СПб.: «Лада», 2000. С. 253–274.
37. Богатырев 2006 – *Богатырев П.Г.* Сны в пересказе крестьян и в народной сказке // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (малоизвестные и неопубликованные работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 97–107.
38. Богатырев, Якобсон 1971 – *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
39. Богданов 1998 – *Богданов К.А.* Очерки по антропологии молчания. HOMO TAGENS. СПб.: РХГИ, 1998. 352 с.
40. Бремон 1972 – *Бремон К.* Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия. М.: Изд-во «Мир», 1972. С. 108–135.
41. Брянчанинов 2006 – *еп. Брянчанинов И.* О двадцати мытарствах // Что ждет нас после смерти. М.: Артос-медиа, 2006. С. 3–17.
42. Булыгина 1992 – Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 281 с.
43. Валгина и др. 1971 – Современный русский язык / Авторы разделов Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь и др. М., 1971. 512 с.
44. Валенцова 2002 – *Валенцова М.М.* Полесская традиция о сновидениях // Сны и видения 2002. С. 44–54.
45. Ванеева 1989 – *Ванеева Е.И.* Хождение Зосимы к рахманам // СКДР. Вып. 2: Втор. пол. XIV-XVI вв. Часть 2: Й-Я. Л.: Наука, 1989. С. 489–491.
46. Вежбицкая 1997 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
47. Вейн 1991 – *Вейн А.М.* Три трети жизни: Сон и бодрствование. М.: Знание, 1991. 239 с.
48. Велецкая 1978 – *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 239 с.
49. Веселова 2000 – *Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: Дис. … канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000.
50. Веселова 2002 – *Веселова И.С.* Структура рассказов о снах // Сны и видения 2002. С. 171–180.

51. Веселовский 1889 – *Веселовский А.Н.* Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5. С. 117–172.
52. Веселовский 1989 – *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / Вступ. ст. Горского И.К, коммент. В.В. Мочаловой. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
53. Виноградова 1995 – *Виноградова Л.Н.* Гадание // СД1. С. 482–486.
54. Виноградова 1997 – *Виноградова Л.Н.* St. Niebrzegowska. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996 // Филологические науки, 1997. № 5. С. 112–116.
55. Виноградова 2001 – *Виноградова Л.Н.* Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 10–49.
56. Виноградова 2004 – *Виноградова Л.Н.* Мост // СДЗ. С. 303–307.
57. Виноградова, Левкиевская 2004 – *Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е.* Окно // СДЗ. С. 534–539.
58. Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 321–405.
59. Витковская, Витковский 2000 – Апокрифические Апокалипсисы / Пер., сост., вступ. статья: М.Г. Витковская, В.Е. Витковский. СПб.: Алетейя, 2000. 279 с.
60. Власова 2001 – *Власова М.Н.* Представления о «посмертном бытии» в быличках Новогородской области (по записям 1985–1996 гг.) // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб: Наука, 2001. Т. XXXI. С. 123–139.
61. Волков 1992 – *Волков С.В.* Семантическая структура былички // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 1992. № 5. С. 91–95.
62. Вольперт 1963 – Вольперт И.Е. Сновидения в обычном сне и гипнозе. Л.: Медицина, 1966. 274 с.
63. Вундт 2002 – *Вундт В.* Миф и религия // Мюллер М., Вундт В. От слова к вере. Миф и религия. М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 245–824.
64. Выготский 1999 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с. (изд. 5, испр.).
65. Гадамер 1988 – Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философские герменевтики: пер с нем. / Ред. Б.Н. Бессонов. М: Прогресс, 1988. 700 с.
66. Гаспаров 1978 – *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика (Уч. зап. ТГУ. Вып. 442). Тарту, 1978. – (Цит по: Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
67. Гатинская 2001 – *Гатинская Н.В.* О функционально-семантическом описании модальных слов – знаков кажимости // Русский язык за рубежом. 2001. № 1. – (Цит. по: Гатинская Н.В. О функционально-семантическом описании

модальных слов – знаков кажимости [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал «Грамота, Ру». М., 2000–2007. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/ryzr/rzr2001-01/28_167, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).

68. Геннеп 2002 – *Геннеп А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

69. Георгиева 2000 – *Георгиева А.* Сънишата – послания от света на мъртвите (по материали от гр. Брегово, Видинско) // МИФ. София, 2000. № 6. С. 110–166.

70. Герасимова 1911 – *Герасимова С.Б.* В долинах Бухтармы // Записки семипалатинского подотдела Западно-Сибирского русского географического общества. Семипалатинск, 1911. Вып. 5. С. 101–103.

71. Герасимова 1978 – *Герасимова Н.М.* Формулы волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // СЭ. 1978. № 5. С. 18–28.

72. Головачева 2000 – *Головачева А.В.* Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. 158 с.

73. Голубиная книга 1991 – Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX веков. / Сост. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошин. М.: «Московский рабочий», 1991. 351 с.

74. Гольбин 1979 – Гольбин А.Ц. Патологический сон у детей. Л.: Медицина, 1979. 248 с.

75. Гончарова 1979 – Войны кровавые цветы: Устные р ассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А. Гончарова. М.: Современник, 1979. 286 с.

76. Гордеева 1991 – *Гордеева Н.А.* Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978–1984) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. Иркутск, 1991. – (Цит. по: Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978–1984) // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).

77. Греймас 1985 – *Греймас А.* К теории интерпретации мифологического нарратива // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Наука, 1985. С. 109–144.

78. Грибанов 1989 – *Грибанов А.Б.* Заметки о жанре видений на Западе и Востоке // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1989. Вып. 4. С. 65–77.

79. Св. Григорий 1996 – *Святитель Григорий Двоеслов.* Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М.: "Благовест", 1996. – (Цит. по: Святитель Григорий Двоеслов Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души // Интернет-сайт "Библиотека Якова Кротова". – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/06/3/dialo_1.htm, свободный, дата обращения: 23.09.2016. – Загл. с экрана).

80. Грицевская, Пигин 1993 – *Грицевская И.М., Пигин А.В.* К изучению народных легенд об «обмирании» // Фольклористика Карелии: сб. науч. ст. Петрозаводск, 1993. Вып. 8. С. 48–68.
81. Гроф 2001a – *Гроф С.* Космическая игра: Исследование рубежей человеческого сознания. М.: АСТ и др., 2001. 256 с.
82. Гроф 2001b – *Гроф С.* Путешествие в поисках себя. М.: Институт трансперсональной психологии, Издательство Института Психотерапии, 2001. 336 с.
83. Гроф 2003 – *Гроф С.* Психология будущего: Уроки современных исследований сознания. М.: АСТ и др., 2003. 458 с.
84. Гура 2002 – *Гура А.В.* Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения 2002. С. 70–93.
85. Гуревич 1981 – *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.
86. Гуревич 1989 – *Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.). М.: Искусство, 1989. 367 с.
87. Гуревич 2005 – *Гуревич А.Я.* История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005. 889 с.
88. Гуревич А. 1990 – *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
89. Гуревич П. 1990 – Жизнь после смерти: сб.ст. / Под ред. П.С. Гуревича. М.: Сов. писатель, 1990. 319 с.
90. Гусев 1967 – *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. 320 с.
91. Дандес 2003 – *Дандес А.* От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок // Дандес А. Фольклор: Семиотика и/или психоанализ: сб. ст. М.: Вост. лит., 2003. С. 14–29.
92. Данилова 1994 – Сон – семиотическое окно: Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения / Под общей ред. И.Е. Даниловой. Милан, 1994. 148 с.
93. Данн 2000 – *Данн Д.У.* Эксперимент со временем. М.: «Аграф», 2000. 224 с.
94. Дейк 1978 – *Дейк Т.А. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста / Под ред. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 259–335.
95. Дейк 1989 – *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. М., 1989. 312 с.
96. Дейк, Кинч 1988 – *Дейк Т.А. ван, Кинч У.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка: Пер с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
97. Демин 1998 – *Демин А.С.* О художественности древнерусской литературы. М.: Языки русской культуры, 1998. 848 с.
98. Дергачева 2004 – *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004. 352 с.
99. Державина 1965 – *Державина О.А.* «Великое зерцало» и его судьба на русской почве». М.: Наука, 1965. 440 с.

100. Дерунов 1898 – *Дерунов С.* Материалы для народного снотолкователя. Ш. (Ярославской губернии) // ЭО. 1898. № 1. С. 149–151.
101. Дильтей 1996 – *Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: "Алетейя", 1996. 160 с.
102. Дмитриева 1964 – Повести о споре жизни и смерти / Подгот. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой. М.–Л.: Наука, 1964. 214 с.
103. Добровольская 1999 – *Добровольская В.Е.* Рассказы об обмираниях // ЖС. 1999. № 2. С. 23–24.
104. Добровольская 2002 – *Добровольская В.Е.* Суеверия, связанные с толкованием сновидений в Ярославской области // Сны и видения 2002. С. 55–70.
105. Дридзе, Леонтьев 1976 – Смысловое восприятие речевого сообщения / Отв. ред. Дридзе Т.М., Леонтьев А.А. М.: Наука, 1976. 264 с.
106. Душечкина 1993 – Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы / Сост., вступ. ст., примеч. Е. Душечкиной, Х. Барана. СПб.: Худ. литература, 1993. 704 с.
107. Душечкина 1995 – *Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1995. 256 с.
108. Евгеньева 1963 – *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской народной поэзии в записях XVII–XX веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 348 с.
109. Емельянов 1960 – *Емельянов Л.И.* Проблема художественности устного рассказа // Русский фольклор: материалы и исследования. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. V. С. 247–264.
110. Емельянов 1961 – *Емельянов Л.И.* Понятие «фольклор» в советской фольклористике // Русский фольклор: материалы и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. VI. С. 5–33.
111. Еремина 1991 – *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 207 с.
112. ЖС – Живая старина: Периодическое издание отделения этнографии ИРГО. СПб., 1890–1916; Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М., 1994–.
113. Живица 2004 – *Живица Е.Ю.* Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): Дис. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 2004.
114. Жирмунский 2004a – *Жирмунский В.М.* Легенда о призвании певца // Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ, 2004. С. 358–370.
115. Жирмунский 2004b – *Жирмунский В.М.* Проблема фольклора // Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ, 2004. С. 40–57.
116. Запорожец 2002 – *Запорожец В.В.* Сны и видения как часть ясновидения (по материалам, собранным в Москве летом 1998 г.) // Сны и видения 2002. С. 95–115.
117. Зеленин 1906 – *Зеленин Д.К.* Эстонские толкования снов // ЖС. 1906. Вып. IV.

118. Зеленин 1995 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Вступ. ст. Н.И. Толстого; подгот. текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской. М.: Индрик, 1995. 432 с.
119. Земская и др. 1981 – *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
120. Земцовский 1983 – *Земцовский И.И.* Введение в вероятностный мир фольклора (к проблеме этномузыковедческой методологии) // Методы изучения фольклора: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Гусев В.Е. Л.: ЛГИТМиК (Ленинградский гос. ин-т театра, музыки и кинематографии), 1983. С. 15–30.
121. Зиновьев 1987a – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.
122. Зиновьев 1987b – *Зиновьев В.П.* Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 381–400.
123. Зиновьев 1987c – *Зиновьев В.П.* Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 305–320.
124. Зобов, Мостепаненко 1974 – *Зобов Р.А., Мостепаненко А.М.* О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 11–25.
125. Ивин, Никифоров 1998 – *Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. М.: Гуманит, изд. центр «Владос», 1997. 384 с.
126. Игнатий (Брянчанинов) – *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* О прелести [Электронный ресурс] // Православие и современность. – Информационно-аналитический портал. – Саратов, 2006. – Режим доступа: http://www.eparhia-saratov.ru/Content/Books/107/charm.zip, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
127. Икскуль 2006 – *Икскуль К.* Невероятное для многих, но истинное происшествие // Что ждет нас после смерти. М.: Артос-медиа, 2006. С. 18–120.
128. Калина, Тимощук 1997 – *Калина Н.Ф., Тимощук И.Г.* Основы юнгианского анализа сновидений. М.: «Рефл-бук», К.: Ваклер, 1997. 304 с.
129. Карвалейру 2006 – *Карвалейру А.М.* Прагматика духовного стиха в повседневности (по материалам экспедиции УлГПУ в с. Потьма Карсунского района) // Вестник УлГПУ: сб. ст. Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2006. Вып. 2. С. 106–110.
130. Касаткин 1983 – *Касаткин В.Н.* Теория сновидений. Л: Медицина, 1983. 247 с. (3–е изд перераб. и доп.).
131. Кербелите – *Кербелите Б.* Типы народных сказаний: Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite1.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.

132. Кербелите 2005 – *Кербелите Б.* Типы народных сказок: Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. М.: РГГУ, 2005. 724 с.
133. Козлова 2000 – Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях Мифический любовник Указатель сюжетов и тексты / Под. ред. Ю.И. Смирнова. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2000. – (Цит. по: Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях Мифический любовник Указатель сюжетов и тексты [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova1.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
134. Козлова, Назырова – *Козлова Н.К., Назырова Ф.* Указатель сюжетов о лешем и тексты ФА ОмГПУ [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
135. Козлова, Степахина – *Козлова Н.К., Степахина А.С.* Сюжеты восточнославянских мифологических рассказов о колдовстве на свадьбе [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova5.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
136. Кормина – *Кормина Ж.В.* Резюме доклада: Мир живых и мир мёртвых: способы контактов [Электронный ресурс]. – Информационный сайт ЕУСПб. – СПб, 2000–2016. – Режим доступа: http://old.eu.spb.ru/cfe/files02/18.doc, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
137. Кормина, Штырков 2001 – *Кормина Ж.В., Штырков С.А.* Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта северорусской традиции) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 206–231.
138. Криничная 2002 – *Криничная Н.А.* Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // ЭО. 2002. № 2. С. 10–23.
139. Криничная 2004 – *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
140. Криничная 2005 – *Криничная Н.А.* Легенды о возвращении из загробного мира (по восточнославянским материалам) // ЭО. 2005. № 6. С.114–129.
141. Крипке 1981 – *Крипке С.А.* Семантическое рассмотрение модальной логики // Семантика модальных и интенсиональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 27–40.
142. Ле Гофф 2001 – *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого: Пер с фр. / Общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Прогресс, 2001. 440 с.
143. Леви-Брюль 2002 – *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. СПб.: «Европ. Дом», 2002. 400 с.
144. Леви-Строс 1999 – *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст., примеч. А. Островского М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. 392 с.
145. Левкиевская 1997а – *Левкиевская Е.Е.* Польский народный сонник // ЖС. 1997. № 4. С. 54–55.

146. Левкиевская 1997b – *Левкиевская Е.Е.* Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник: т. 2 / Сост. Пермяков Е.В. М.: РГГУ, изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. С. 805–834.
147. Левкиевская 1999 – *Левкиевская Е.Е.* Демонология народная // СД2. С. 51–56.
148. Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М., 2006. Вып. 10. С. 150–213.
149. Леонтьев 1974 – Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Отв. ред. Леонтьев А.А. М. Наука, 1974. 148 с.
150. Леонтьева 2002 – *Леонтьева С.Г.* Рассказы о «привидениях» среди визионерских жанров // Сны и видения 2002. С. 247–261.
151. Лефевр 1973 – *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. 158 с. (изд. втор., перераб. и доп.).
152. Ливанова 2002 – *Ливанова Н.Е.* Сны о полетах // Сны и видения 2002. С. 117–142.
153. Листова 2001 – *Листова Т.А.* Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX вв. М.: Наука, 2001. С. 36–52.
154. Листова 2002 – *Листова Т.А.* Народные представления о душе, связанные с деторождением // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX вв. М.: Наука, 2002. С. 101–127.
155. Лихачев 2001 – *Лихачев Д.С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и др. работы. СПб.: Алетейя, 2001. 566 с.
156. Лорд 1994 – *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона; послесл. Б.Н. Путилова. М.: Изд. фирма «Вост. литература», 1994. 368 с.
157. Лотман 1973 – *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Талинн: Изд-во «Ээсти Раамат», 1973. 140 с.
158. Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М: Гнозис; Прогресс, 1992. 271 с.
159. Лотман 1998 – *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. С. 14–285.
160. Лотман 2000a – *Лотман Ю.М.* Сон – семиотическое окно // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 123–126.
161. Лотман 2000b – Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 163–177.
162. Лотман 2000c – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 4–148.

163. Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / Сост. Р.Г. Григорьева, пред. С.М. Даниэля. СПб.: Гуманитарное изд-во «Академический проект», 2002. 544 с.
164. Лотман, Пятигорский 2000 – *Лотман Ю.М., Пятигорский А.М.* Текст и функция // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 434–442.
165. Лотман, Успенский 2000 – *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 485–504.
166. Лурье 2002 – *Лурье М.Л.* Вещие сны и их толкование (на материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения 2002. С. 26–43.
167. Лурье, Разумова – *Лурье М.Л., Разумова И.А.* Анализ структуры устных демонологических рассказов как этап систематизации их сюжетов [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2007. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/luriem_razumova2.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
168. Лурье, Тарабукина 1994 – *Лурье М.Л., Тарабукина А.В.* Странствия души по тому свету в русских обмираниях // ЖС. 1994. № 2. С. 22–26.
169. Лурье, Черешня 2000 – *Лурье М.Л., Черешня А.В.* Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ / Ред.-сост. М.Л. Лурье. СПб., 2000. С. 275–310.
170. Лучинский 1998 – *Лучинский Ю.В.* Проблема объективации «внутреннего сознания-времени» в ранних средневековых видениях [Электронный ресурс] // Hermeneutics-in-Russia. 1998. Vol. 2. – Электрон. журн. – Режим доступа: http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/ 1998–2/1998–2–18.pdf, свободный, дата обращения: 3.02.2007. – Загл. с экрана.
171. Льюиз 1995 – *Льюиз Д.* Истинность в вымысле // Возможные миры и виртуальные реальности. Вып. 1 / Сост. В.Я. Друк, В.П. Руднев. М., 1995. – (Цит. по: Льюиз Д. Истинность в вымысле [Электронный ресурс]. // Информационно-справочный портал ОГИ и Тартуского университета. – Тарту, 1999-2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_05.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
172. Ляцкий 1898 – *Ляцкий Е.* Материалы для народного снотолкователя. II. (Минской губернии) // ЭО. 1898. № 1. С. 139–149.
173. Максимов 1995 – *Максимов С.В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. 672 с.
174. Малиновский 1998 – *Малиновский Б.* Магия, наука, религия. М.: Рефбук, 1998. 304 с.
175. Малкольм 1993 – *Малкольм Н.* Состояние сна / Пер. с англ. и предисл. В. Руднева. М.: Прогресс, 1993. 176 с.

176. Мальцев 1981 – *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской необрядовой лирики // Русский фольклор: материалы и исследования. Л.: Наука, 1981. Т. XXI: С. 12–37.
177. Медицинский словарь 1998 – Медицинский словарь (Oxford): Пер. с англ. / Авт.-сост Э. Мартин, под ред. Г.Л. Билича. М.: Вече АСТ, 1998. Т.1 (А.-М.). 592 с.
178. Мелетинский 1970 – *Мелетинский Е.М.* Миф и сказка // Этнография и фольклор. М., 1970. С. 132–149. – (Цит. по: Мелетинский Е.М. Миф и сказка [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky11.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
179. Мелетинский 1986 – *Мелетинский Е.М.* «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского и проблемы происхождения повествовательной литературы // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 25–52.
180. Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 39–104. – (Цит по: Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
181. Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 11–121.
182. Милеант 1997 – *Епископ Александр (Милеант).* На пороге жизни и смерти (Православная точка зрения на свидетельства людей, переживших клиническую смерть). СПб: Издательство «САТИСЪ», 1997. – (Цит. по: Епископ Александр (Милеант) На пороге жизни и смерти [Электронный ресурс] // Христианская антропология и современность. –. Информационный портал. – Режим доступа: http://www.xpa-spb.ru/libr/Aleksandr-Mileant/na-poroge-smerti.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
183. Мильков 1999 – *Мильков В.В.* Древнерусские апокрифы. СПб.: Издательство РХГИ, 1999. 896 с. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 1).
184. Минский 1979 – *Минский М.* Фреймы для представлений знаний: Пер с англ. М.: Энергия, 1979. 151 с.
185. МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия в 2–х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000.
186. Морозов, Толстой 1995 – *Морозов И.А., Толстой Н.И.* Ад // СД1. С. 93–94.
187. Моррис 1983 – *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 43–97.

188. Моуди 1998a – *Моуди Р.* Снова о жизни после жизни: Дальнейшие размышления о феномене смерти. М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1998. 416 с.
189. Моуди 1998b – *Моуди Р.* Возвращение назад: Снова о жизни до жизни и встреча после смерти. Воссоединения М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1998. 416 с.
190. Налчаджян 2004 – *Налчаджян А.А.* Ночная жизнь: Личность в своих сновидениях. СПб: Питер, 2004. 443 с.
191. Небжеговская 1994 – *Небжеговска С.* Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение. 1994. № 5. С. 67–74.
192. Неговский 1991 – *Неговский В.А.* Клиническая смерть глазами реаниматолога // Человек. 1991. № 2. – (Цит по: Неговский В.А. Клиническая смерть глазами реаниматолога [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Aquarun» (Аквариуниверситет). – Электрон. текстовые дан. – 2000–2007. – Режим доступа: http://aquarun.ru/psih/smert/smert8.html, свободный, дата обращения: 3.02.2007. – Загл с экрана).
193. Неговский 1978 – *Неговский В.А.* Некоторые методологические проблемы современной реаниматологии // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 64–73.
194. Неговский 1986 – *Неговский В.А.* Очерки по реаниматологии. М.: Медицина, 1986. 256 с.
195. Неклюдов 1984 – *Неклюдов С.Ю.* О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л: Наука, 1984. С. 221–229.
196. Неклюдов 1994a – *Неклюдов С.Ю.* <Без названия> // ЖС. 1994. № 2. С. 21.
197. Неклюдов 1994b – *Неклюдов С.Ю.* О слове устном и книжном // ЖС. 1994. № 2. С. 2–3.
198. Неклюдов 1995 – *Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст—денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. Вып. 1. С. 667–675.
199. Неклюдов 1997 – *Неклюдов С.Ю.* Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. Вып. 2. Под ред. А. Архипова и И. Полинской. Oakland, Berkeley Slavic Specialties, 1997. P. 77–89. – (Цит. по: Неклюдов С.Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov7.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
200. Неклюдов 1999 – *Неклюдов С.Ю.* Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. Отв. ред. Е.Е. Левкиевская. М.: Индрик, 1999. С. 289–297. – (Цит. по: Неклюдов С.Ю. Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
201. Неклюдов 2001a – *Неклюдов С.Ю.* Авантекст в фольклорной традиции // ЖС. 2001. № 4. С. 2–4.

202. Неклюдов 2001b – *Неклюдов С.Ю.* Антитезисы к «Метафизике фольклора» И.П. Смирнова // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 97–102.
203. Неклюдов 2002 – *Неклюдов С.Ю.* Вариант и импровизация в фольклоре // Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи. Сост. и отв. ред. Л.П. Солнцева. СПб.: Алетейа, 2002. С. 230–243. – (Цит. по: Неклюдов С.Ю. Вариант и импровизация в фольклоре [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/nekludov1.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
204. Неклюдов 2005 – *Неклюдов С.Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб-к мат. научной конференции. Сост. В.Е. Добровольская, Н.В. Котельникова. Вып. 8. М.: ГРЦРФ, 2005. С. 22–41. – (Цит. по: Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov14.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
205. Неклюдов, Христофорова 2002 – *Неклюдов С.Ю., Христофорова О.Б.* Предисловие // Сны и видения 2002. С. 5–8.
206. Никитина 1982a – *Никитина С.Е.* Устная народная культура как лингвистический объект // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1982. № 5. С. 420–429.
207. Никитина 1982b – *Никитина С.Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 91–126.
208. Никитина 1993 – *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 188 с.
209. Никитина 2002 – *Никитина С.Е.* Сны и обмирания у духоборцев // Сны и видения 2002. С. 220–226.
210. Никифоровский 1898 – Никифоровский Н.Я. Материалы для народного снотолкователя. I. (Витебской губернии) // ЭО. 1898. № 1. С. 133–139.
211. Никитин 2002 – *Никитин М.В.* Реализация концепта «страх» в сценариях городской легенды. Дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2002. Цит. по: Никитин М.В. Реализация концепта “страх” в сценариях городской легенды. Дис. … канд. филол. наук [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Научная библиотека ЧелГУ». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/texts/DISS/001311.pdf, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
212. Новик 1984 – *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1984. 304 с.
213. Новик 1986 – *Новик Е.С.* К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горноалтайск, 1986. С. 36–48. – (Цит. по: Новик Е.С. К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Научный портал

ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2007. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/novik10.htm свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
214. Новик 2001 – *Новик Е.С.* Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М: РГГУ, 2001. С. 122–160.
215. Новичкова 1996 – *Новичкова Т.А.* Сор и золото в фольклоре // Полярность в культуре. СПб.: Изд. дом «Corvus», 1996. С. 121–156.
216. Ольшевская 2003 – *Ольшевская Л.А.* Эсхатологическая тема в Волоколамском Патерике // Филологические науки. 2003. № 1. С. 37–44.
217. Остин 1999 – *Остин Дж.* Избранное / Пер. с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс, 1999. 332 с.
218. Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
219. Падучева 1995 – *Падучева Е.В.* К определению лингвистических параметров несобственной прямой речи // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. Вып. 1. С. 642–654.
220. Панченко 1998 – *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
221. Панченко 2001 – *Панченко А.А.* Сновидение и фольклор: сон в народной религиозной традиции // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Вып. XXXI. С. 112–122.
222. Панченко 2002a – *Панченко А.А.* Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках // Сны и видения 2002. С. 9–26.
223. Панченко 2002b – *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. 544 с.
224. Панченко 2003 – *Панченко А.А.* Субботники и их сны // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: сб. ст. М.: Сэфер, Ин-т Славяноведения РАН, 2003. С. 288–319.
225. Панченко 1987 – *Панченко А.М.* Василий Калика // СКДР. Вып. 1 (XI – перв. пол. XIV вв.). Л.: Наука, 1987. С. 92–95.
226. Паунова 2002 – *Паунова Е.В.* Обмирания у липован // Сны и видения 2002. С.181–198.
227. Пермяков 1970 – *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1970. 240 с.
228. Пермяков 1975 – *Пермяков Г.Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М: Наука, 1975. С. 247– 274.
229. Петровский 1980 – Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. Б.В. Петровский. М.: «Сов. энциклопедия», 1978–1986.
230. Петрухин 2000 – *Петрухин В.Я.* Загробный мир // МНМ. Т. 1. С. 452–456.
231. Пигин 2006 – *Пигин А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 432 с.

232. Пигин 2003 – Повесть душеполезна старца Никодима Соовецкого монастыря о некоем иноке / Подгот. текста и исслед. А.В. Пигина. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 258 с.
233. Пирс 2000 – *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
234. Платон 1994 – *Платон.* Собрание сочинений в 4–х т.: Т. 3 / Общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф., Тахо-Годи А.А. М.: Мысль, 1994. 656 с.
235. Плотникова 1999 – *Плотникова А.А.* Кладбище // СД2. С. 503–507.
236. Покровский 1997 – *Покровский Н.Н.* Два рассказа из Урало-Сибирского патерика XX века // ЖС. 1997. № 2. С. 39–40.
237. Покровский 1999 – Духовная литература староверов востока Сибири XVIII-XX вв / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Научно-изд. центр «Сибирский хронограф», 1999. 800 с.
238. Померанцева 1975 – *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.
239. Попов 1903 – *Попов Н.* Народные предания жителей Вологодской губернии, Кадниковского уезда // ЭО. 1903. Вып. 1–2. С. 224.
240. Причитания 1960 – Причитания / Вступ. ст. и примеч. К.В. Чистова. Л.: Советский писатель, 1960. 436 с.
241. Прокофьев 1964 – *Прокофьев Н.И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Ученые зап. МГПИ им. В.И. Ленина: Вып. 231: Вопросы стиля художественной литературы. М., 1964. С. 35–56.
242. Прокофьев 1967 – Прокофьев Н.И. Образ повествователя в жанре «видений» литературы древней Руси // Ученые зап. МГПИ им. В.И. Ленина: Вып. 256: Очерки по истории русской литературы. Ч.1. М., 1967. С. 36–53.
243. Пропп 1958 – *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М.: Худ. литература, 1958. 603 с. (2–е изд., доп.).
244. Пропп 1976a – *Пропп В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 46–82.
245. Пропп 1976b – *Пропп В.Я.* Специфика фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 16–33.
246. Пропп 1976c – *Пропп В.Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 34–45.
247. Пропп 1984 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 336 с.
248. Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Легенда // Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. С. 269–300.
249. Пропп 2002 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 336 с.
250. Пропп 2003 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003. 144 с.
251. Протопопова 2002 – *Протопопова И.А.* Сновидение у Гомера и Платона… // Сны и видения 2002. С. 340–360.

252. Путилов 1975 – *Путилов Б.Н.* Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М: Наука, 1975. С. 141–155.
253. Путилов 2003 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
254. ПЭС 1983 – Полесский этнолингвистический сборник / Под ред. Н.И. Толстого и др. М.: Наука, 1983. 288 с.
255. Разлогова 1996 – *Разлогова Е.Э.* Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания // Русистика сегодня. 1996. №3. С. 21–47.
256. Разумова 2001 – *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
257. Разумова 2002 – *Разумова И.А.* Онироматическая символика брака, рождения, смерти в современных устных рассказах // Сны и видения 2002. С. 290–309.
258. Разумова 2003 – *Разумова И.А.* Мифологические рассказы о вещих снах в контексте семейного опыта // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 382–393.
259. Рейли 2004 – *Рейли М.В.* Опыт классификации быличек // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2004. Вып. XXXII. С. 203–222.
260. Рождественская 1987a – *Рождественская М.В.* Хождение богородицы по мукам // СКДР. Вып. 1 (XI – перв. пол. XIV вв.) / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 463–465.
261. Рождественская 1987b – *Рождественская М.В.* Хождение Агапия в рай // СКДР. Вып. 1 (XI–перв. пол. XIV вв.). Л.: Наука, 1987. С. 462–463.
262. Рождественская 2004 – *Рождественская М.В.* Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: Историко-литературное исследование: Дис. … канд. филол. наук. СПб: СПбГУ, 2004. Цит по: Рождественская М.В. Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: Историко-литературное исследование: Дис. … канд. филол. наук [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Открытый текст». 2004–2016. – Режим доступа: www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/rojdestvenskaja, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
263. Рождественский 1970 – *Рождественский Ю.В.* Что такое «теория клише»? // Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Гл. ред вост. литературы изд-ва «Наука», 1970. С. 213–237.
264. Романов 1889 – *Романов Е.Р.* Опыт белорусского народного снотолкователя // ЭО. 1889. № 3. С. 54–72.
265. Романов 1998 – *Романов А.И.* Медицина сна / Под редакцией С.П. Миронова. М.: Изд-во «Слово», 1998. 367 с.
266. Ромодановская 1996 – *Ромодановская Е.К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // Труды отдела древнерусской литературы. 1996. Т. 46. СПб., 1996. С. 141–156.

267. Ромодановская, Шашков 2000 – *Ромодановская Е.К., Шашков А.Т.* Сибирские видения 1662 г. в контексте антиниконовской борьбы // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 29–43.
268. Рошияну 1974 – *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Гл. ред вост. литературы изд-ва «Наука», 1974. 216 с.
269. Руди 2003 – *Руди Т.Р.* «Imitatio angeli» (проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59.
270. Руднев 1993 – *Руднев В.П.* Сновидение и реальность (предисловие) // Малкольм Н. Состояние сна. М.: Прогресс, 1993. С. 7–26.
271. Руднев 1995 – *Руднев В.П.* Модальность и сюжет // Возможные миры и виртуальные реальности. Вып. 1 / Сост. В.Я. Друк, В.П. Руднев. М., 1995. – (Цит. по: Руднев В.П. Модальность и сюжет [Электронный ресурс]. // Библиотека портала «Российская информационная сеть». – Режим доступа: http://lib.rin.ru/doc/i/52616p1.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
272. Руднев 1997 – *Руднев В.П.* Сновидение // Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1997. – (Цит. по: Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты [Электронный ресурс] // Культурология XX век: энциклопедия [элетрон. версия]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/encyclopcultXX/m.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
273. Рыжова 2005 – *Рыжова Е.А.* Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования. Публикация. Полемика. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. С. 160–194.
274. СД1 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5–ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т1: А-Г. М.: Междунар. отношения, 1995. 584 с.
275. СД2 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5–ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т2: Д-К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. 704 с.
276. СД3 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5–ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т3: К (Круг)-П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. 704 с.
277. Салмина 1987 – *Салмина А.М.* Апокриф о Макарии Римском // СКДР. Вып. 1 (XI – перв. пол. XIV вв.). Л.: Наука, 1987. С. 41–43.
278. Санаров 2005 – *Санаров В.И.* НЛО и НЛОнавты в свете фольклористики // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 159–174.
279. Сафронов 2004 – *Сафронов Е.В.* «Вещее» сновидение и «сбывшееся» событие: механизмы соотнесения // Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 220–224.
280. Сафронов 2005 – *Сафронов Е.В.* Образ «иного мира» в современных рассказах о сновидениях // Образ жизни и образ мыслей: материалы научных чтений (7 сентября 2005). Ульяновск: «Симбирская книга», 2005. С. 35–42.

281. Сафронов 2006a – *Сафронов Е.В.* «Иной мир» в рассказах о сновидениях и представлениях, связанных с похоронно-поминальной обрядностью русских // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Сэфер, Ин-т славяноведения РАН, 2006. С. 115–130.
282. Сафронов 2006b – *Сафронов Е.В.* О достоверности сна // Вестник УлГПУ. Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2006. С. 126–131.
283. Сафронов 2006c – *Сафронов Е.В.* Мотив «неродившегося» ребенка в рассказах о снах // Фольклор в контексте современной культуры: Юдинские чтения-2005: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 22 декабря 2005 г.). Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2006. С. 140–143.
284. Седакова 1979 – *Седакова О.А.* Поминальные дни и статья Д.К. Зеленина «Древнерусский языческий культ «заложных» покойников» // Проблемы славянской этнографии (К столетию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленина). Л.: Наука, 1979. С. 123–130.
285. Серафим (Роуз) 2006 – *Иеромонах Серафим (Роуз).* Душа после смерти: Современные «посмертные» опыты в свете учения Православной церкви / Пер. С. Фонова. М.: Паломник, 2006. 384 с.
286. Сергеева 1995 – *Сергеева Н.* «Птицы райские и котлы кипучие»: представления о рае и аде в русской народной вере // Наука и жизнь. 1995. № 8. С. 100–106.
287. Серебренников 1988 – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 215 с.
288. Серль 1986 – *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169. (Цит. по: Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? [Электронный ресурс] // Филологический портал «Philology.ru». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/searle-86.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
289. Силантьев 1999 – *Силантьев И.В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии Новосибирск, 1999. – (Цит. по: Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
290. Силантьев 2004 – *Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
291. СКДР – Словарь книжности и книжников Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987 –
292. Смирнов 1997 – *Смирнов И.П.* Система фольклорных жанров (метафизика фольклора) // Лотмановский сборник: т. 2 / Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. С. 14–38.

293. Сны и видения 2002 – Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. 382 с.
294. Сны и видения 2006 – Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Сэфер, Ин-т славяноведения РАН, 2006. 224 с.
295. Соболев 2000 – *Соболев А.Н.* Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного миросозерцания). СПб: Изд-во «Лань», 2000. 272 с.
296. Соколова 1970 – *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
297. Соколова 1977 – *Соколова В.К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (Образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 188–195.
298. Соколовский 2006 – *Соколовский С.В.* Сновидческая реальность – бессознательное российской антропологии? // ЭО. 2006. № 6. С. 3–15.
299. Соколовы 1915 – *Соколов Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края. М.: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук., 1915. 665 с.
300. Софронова 2002 – *Софронова Л.А.* Сны и видения Г. Сковороды // Сны и видения 2002. С. 361–374.
301. Спенсер 1998 – *Спенсер Г.* Принципы социологии: Поклонение предкам вообще (гл. XX) // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 4–25.
302. Структура волшебной сказки 2001 – Структура волшебной сказки. М: РГГУ, 2001. 234 с.
303. СУС 1979 – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
304. СЭ – Советская этнография. М., 1930–1991.
305. Тайлор 2000 – *Тайлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Изд-во «Русич», 2000. 624 с.
306. Тарабукина 2002 – *Тарабукина А.В.* Видения в духовной беседе // Сны и видения 2002. С. 261–270.
307. Творогов 1987 – *Творогов О.В.* Житие Андрея Юродивого // СКДР. Вып. 1 (XI – перв. пол. XIV вв.). Л.: Наука, 1987. С. 131–132.
308. Тодорова-Пиргова 1999 – *Тодорова-Пиргова Н.* Представления о «том свете» в биографических нарративах // ЖС. 1999. № 2. С. 25–27.
309. Толстая 1999a – *Толстая С.М.* Полесские «обмирания» // ЖС. 1999. № 2. С. 22–23.
310. Толстая 1999b – *Толстая С.М.* Душа // СД2. С. 162–167.

311. Толстая 2000 – *Толстая С.М.* Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // Славяноведение 2000. № 6. С. 14–20.
312. Толстая 2001 – *Толстая С.М.* Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 150–205.
313. Толстая 2002 – *Толстая С.М.* Иномирное пространство сна // Сны и видения 2002. С. 198–219.
314. Толстая 2003 – *Толстая С.М.* Рассказы о посещении «того света» в их отношении к книжному жанру «видений» // Jews and Slavs. V. 10 Semiotics of Pilgrimage. Jerusalem, 2003. С. 43–54.
315. Толстая 2004a – *Толстая С.М.* Обмирания // СД3. С. 462–464.
316. Толстая 2004b – *Толстая С.М.* Одежда // СД3. С. 523–533.
317. Толстой 1996 – *Толстой Н.И.* От А.Н. Веселовского до наших дней (беглый обзор) // ЖС. 1996. № 2. С. 2–5.
318. Толстой 1994a – *Толстой Н.И.* Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон – семиотическое окно: Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения / Под общей ред. И.Е. Даниловой. Милан, 1994. С. 89–95.
319. Толстой 1994b – *Толстой Н.И.* Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения // Наука в России. 1994. № 3. май-июнь. С. 33–37.
320. Толстой 1995a – *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: «Индрик», 1995. 512 с.
321. Толстой 1995b – *Толстой Н.И.* Ангел // СД1. С.107–109.
322. Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* Niebrzegowska S. Sennik jako gatunek polskiego folkloru. Slownik i semantyka: rozprawa doctorska. – Lublin, 1995 // Славяноведение. 1997. № 4. С. 104–109.
323. Толстой Л. 1978 – *Толстой Л.Н.* История вчерашнего дня // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати двух томах. М.: «Художественная литература», 1978. Т. 1. С. 343–360.
324. Толстые 1995 – *Толстые Н.И. и С.М.* О жанре обмирания (посещения того света) // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 458–460.
325. Топоров 2000 – *Топоров В.Н.* Модель мира // МНМ. Т. 2. С. 161–164.
326. Трушкина 2002 – *Трушкина Н.Ю.* Рассказы о снах // Сны и видения 2002. С. 143–170.
327. Тюпа 2001 – *Тюпа В.И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001, 2001. 58 с.
328. Удовик 1998 – Современная теория сновидений: Сб. ст. / Отв. ред. С.Л. Удовик М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», Рефл-Бук, 1998. 336 с.
329. Уигзелл 2005 – *Уигзелл Ф.* Читая карту небес и ада в русском народном православии: о пригодности концептов двоеверия и бинаризма // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 347–373.

330. Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* История и семиотика // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб: Азбука, 2002. С. 9–76.
331. Успенский 2000 – *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. СПб: Азбука, 2000. 352 с.
332. Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. 248 с.
333. Успенский сборник 1971 – Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. 768 с.
334. Федотов 1991 – *Федотов Г.П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 192 с.
335. Флоренский 2001 – *Флоренский П.А.* Иконостас // Флоренский П.А. Христианство и культура. М.: «АСТ», Харьков: «Фолио», 2001. С. 521–627.
336. Фреге 2000 – *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. Сб. трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
337. Фрейд 1997 – *Фрейд З.* Сон и сновидения: Толкование сновидений; О сновидениях. М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. 544 с.
338. Фрэзер 1998 – *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: АСТ, 1998. 784 с.
339. Хаксли 2006 – *Хаксли О.* Двери восприятия. Рай и ад. СПб: Азбука, 2006. 224 с.
340. Харвилахти 1998 – *Харвилахти Л.* Поэтика эпической традиции: аспекты преемственности и воссоздания народными певцами (на материале русского, ингерманландского и алтайского эпоса): Дисс. в форме научного доклада, предст. на соиск. ученой степени д-ра филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1998.
341. Хинтикка 1980 – *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования: сб. избр. ст. / Сост., вступит. ст. В.Н. Садовского и В.А. Смирнова. М.: Прогресс, 1980. 447 с.
342. Хождение Зосимы к рахманам // Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997. С. 11-19.
343. Христофорова 1998a – *Христофорова О.Б.* К вопросу о структуре приметы // Arbor mundi. 1998. № 6. С. 30–47. – (Цит. по: Христофорова О.Б. К вопросу о структуре приметы [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://ruthenia.ru/folklore/hristoforova2.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
344. Христофорова 1998b – *Христофорова О.Б.* Логика толкований: фольклор и моделирование поведения в архаических культурах М.: РГГУ, 1998 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 2). – (Цит. по: Христофорова О.Б. Логика толкований [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova7.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).
345. Христофорова 2004 – *Христофорова О.Б.* Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 32–39.

346. Хроленко 1981 – *Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. 163 с.
347. Цивьян 2005 – *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2005. 280 с. (изд. 2–е, доп.).
348. Цодикович 1995 – *Цодикович В.К.* Семантика иконографии Страшного Суда в русском искусстве 15–16 веков. Ульяновск: Ульяновское областное газетное издательство, 1995. 296 с.
349. Чередникова 2002 – *Чередникова М.П.* Письменная традиция обмираний // Сны и видения 2002. С. 227–246.
350. Чередникова 1992 – *Чередникова М.П.* Типология повествовательной структуры в мемоpатах о Великой Отечественной войне // Сказка и несказочная проза: Межвузовский сборник научных трудов. Москва: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В.И. Ленина, 1992. С. 89–109.
351. Черепанова 1996 – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 212 с.
352. Чернышев 1901 – *Чернышев В.И.* Сведения о народных говорах селений Московского уезда // Сб. отделения русск. языка и словесности Акад. наук, 1901. Т. 68. № 3. С. 101–102.
353. Чернышев 1902 – *Чернышев В.И.* Материалы для изучения говоров Мещорского уезда // Сб. отделения русск. языка и словесности Акад. наук, 1902. Т. 70. С. 21.
354. Четьи–минеи 2004 – Четьи–минеи. Святые русского православия. М.: Изд-во «Эксмо», 2004. 480 с.
355. Чистов 1986 – *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.
356. Чистов 2005 – *Чистов К.В.* Фольклор. Текст. Традиция. Сб. ст. М. ОГИ, 2005. 272 с.
357. Чистяков 1982 – *Чистяков В.А.* Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX – XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор // Отв. ред. В.К. Соколова. М.: Наука, 1982. С. 114–127.
358. Чичеров 1957 – *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 236 с.
359. Шарапов 1995 – *Шарапов В.Э.* Рассказывание сновидений как механизм культуры // Первая Всероссийская коференция финно-угроведов. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1995. С. 191–192.
360. Шатин 2001 – *Шатин Ю.* Герменевтика и майевтика как два способа понимания текста // Критика и семиотика. Вып. 3/4, 2001. С. 164–168.
361. Шахнович 2003 – Образ рая: от мифа к утопии. Сб. ст. / Отв. ред. М.М. Шахнович. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. 256 с. (Серия “Symposium”, вып. 31).
362. Шашков 2002 – *Шашков А.Т.* Тайнозрители // Родина. 2002. Февраль. С. 100–103.
363. Шевченко 1999 – «Велел Господь показать тебе…» / Подгот. к публ. В.Ф. Шевченко // ЖС. 1999. № 2. С. 27–29.

364. Шенк и др. 1989 – *Шенк Р., Бирнаум Л., Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика / Сост., ред. и вступ. ст. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1989. С. 32–48.

365. Шилов 1999 – *Шилов П.Н.* Видение Макария Римского в севернорусской книжности // Мастер и народная художественная традиция русского Севера (доклады III научной конференции "Рябининские чтения 99"): Сб. научных докладов. Петрозаводск, 2000. – (Цит. по: Шилов П.Н. Видение Макария Римского в севернорусской книжности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГУК Государственный музей-заповедник Кижи. – 1998. – Режим доступа: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/231.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).

366. Шилов 2003 – *Шилов П.Н.* Извещение от ангела Макарию Египетскому в севернорусской книжности // Локальные традиции в народной культуре русского Севера (Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения-2003»): Сб. научных докладов. Петрозаводск, 2003. – (Цит. по: Шилов П.Н. Извещение от ангела Макарию Египетскому в севернорусской книжности [Электронный ресурс]. // Официальный сайт ФГУК Государственный музей-заповедник Кижи. – 1998. – Режим доступа: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/100.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).

367. Шифрин 1995 – *Шифрин Б.Ф.* По ту сторону снов // Возможные миры и виртуальные реальности. Вып. 1 / Сост. В.Я. Друк, В.П. Руднев. М., 1995. – (Цит. по: Шифрин Б.Ф. По ту сторону снов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «knigitxt.com». – Режим доступа: http://www.knigitxt.com/download/10815.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана)

368. Шмид 2003 – *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

369. Штырков 1998 – *Штырков С.В.* Несказочная проза в фольклоре: проблемы классификации и терминологии // Мифология и повседневность. Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 года / Сост. К.А. Богданов, А.А. Панченко. СПб., 1998. С. 196–210. – (Цит. по: Штырков С.В. Несказочная проза в фольклоре: проблемы классификации и терминологии [Электронный ресурс]. // Информационно-справочный портал Института русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб. – Режим доступа: http://www.pushkinskijdom.ru/portals/0/docs/sb_1998.doc, свободный, дата обращения: 3.02.2007. – Загл. с экрана).

370. Шумов, Преженцева 1993 – *Шумов К., Преженцева Е.* Указатель сюжетов-мотивов быличек // Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе, в бане. Сост. К. Шумов, Е. Преженцева. Пермь, 1993. – (Цит. по: Шумов К., Преженцева Е. Указатель сюжетов-мотивов быличек [Электронный ресурс] // Научный портал ЦТСФ. – М.: РГГУ, 2001–2016. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/shumov1.htm, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана).

371. Эванс-Притчард 2004 – *Эванс-Притчард Э.* Теории примитивной религии. М.: ОГИ, 2004. 142 с.

372. Эко – *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
373. Элиаде 2000 – *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
374. ЭО – Этнографическое обозрение. Периодическое издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1889–1916; Журнал Института этнологии и антропологии РАН. М., 1992–.
375. Юнг 2003 – *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Мн.: ООО «Харвест», 2003. 496 с.
376. Якобсон 1975 – *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // «Структурализм: «за» и «против». Сб. ст. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
377. Ярхо 1989 – *Ярхо Б.И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М.: Наука, 1989. С. 21–55.
378. Aristotle1 – *Aristotle.* On Dreams [Электронный ресурс] // The Internet Classics Archive by Daniel C. Stevenson. – Электрон. текстовые дан. – 1994–2000. – Режим доступа: http://classics.mit.edu/Aristotle/dreams.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
379. Aristotle2 – *Aristotle.* On Prophesying by Dreams [Электронный ресурс]. // The Internet Classics Archive by Daniel C. Stevenson – Электрон. текстовые дан. – 1994–2000. – Режим доступа: http://classics.mit.edu/Aristotle/prophesying.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
380. Bartmiński 1987 – Bartmiński J. «Co się myśli to się przyśni». O interpretacii obrazów w senniku ludowym // Polska Sztuka Ludowa, 1987. № ¼. S. 121–124.
381. Bartmiński, Bczkowska 1988 – *Bartmiński J., Bczkowska G.* Materiały do sennika ludowego // Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. T. 1. S. 147–171.
382. Ben-Amos 1971 – *Ben-Amos D.* Toward a Definition of Folklore in Context // The Journal of American Folklore. 1971. Vol. 84. № 331. Jan.-Mar. P. 3–15.
383. Ben-Amos 1976 – *Ben-Amos D.* Introduction // Folklore Genres / Ed. D. Ben-Amos. Austin: U. of Texas Press, 1976. P. IX–XIV.
384. Charniak 1972 – *Charniak E.* Towards a Model of Children's Story Comprehension. Cambridge, Mass.: MIT, Ph.D. Diss., 1972.
385. Domhoff 1985 – *Domhoff G.W.* The Mystique of Dreams: A search For utopia Through Senoi Dream Theory. Berkeley: University of California Press, 1985.
386. Dundes 1961 – *Dundes A.* The Structure of Superstition // Midwest Folklore. 1961. Vol. 11. № 1.
387. Handy 1936 – *Handy E.S.* Dreaming in relation to spirit kindred and sickness in Hawaii // Essas in antropology presented to A.L. Kroeber in celebretion of his 60 birthday. Berkeley, 1936.
388. Honko 1989 – *Honko L.* Folkloristic Theories of Genre // Studies in oral narrative / Ed. by A.-L. Siikala. Helsinki, 1989. P. 13–28.

389. Hoppal 1980 – *Hoppal M.* Genre and Context in Narrative Event. Approaches to Verbal Semiotics // Genre, Structure and Reproduction in Oral Literature / Ed. L. Honko, V. Voigt. Budapest: Akadémiai Kiadó,1980. P. 107–128.
390. Kaivola-Bregenhøj 1993 – *Kaivola-Bregenhøj A.* Dreams as Folklore // Fabula. Bd 34, Heft ¾. Berlin, New York, 1993. P. 211–224.
391. Labov, Waletzky 1967 – *Labov W., Waletzky J.* Narrative Analyses: Oral Versions of Personal Experience // Essays on Verbal and Visual Arts / Ed. J. Helm. Seattle, Washington: Washington University, 1967. P. 12–42.
392. Lippman 1961 – *Lippman W.* Public Opinion. N.-Y., 1961. Цит. по: Lippman W. Public Opinion [Электронный ресурс] // American studies at the University of Virginia [Информационно-образовательный портал]. – Режим доступа: http://xroads.virginia.edu/~Hyper2/CDFinal/Lippman/contents.html, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
393. Maury 1865 – *Maury L-F.A.* Le sommeil et les rèves: Études psychologiques… Paris: Didier, 1865. Цит по: Maury L-F.A. Le sommeil et les rèves: Études psychologiques [Электронный ресурс] // Gallica, bibliotheque numerique de la Bibliotheque nationale de France. – Электронные текстовые дан. – Режим доступа.: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k770990, свободный, дата обращения: 21.09.2016. – Загл. с экрана.
394. Niebrzegowska 1989a – *Niebrzegowska S.* Z badań nad sennikiem ustnym. Sennik ustny a pisany // Literatura Ludowa, 1989, № 3. S. 61–69.
395. Niebrzegowska 1989b – *Niebrzegowska S.* Sennik kurpiowski // Literztura Ludowa, 1989. № 4/6. S. 87–102.
396. Niebrzegowska 1990a – *Niebrzegowsk S.* Sennik ludowy z Wielkopolski // Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1990. T. 3. S. 145–156.
397. Niebrzegowska 1990b – *Niebrzegowska S.* Podlaski sennik ludowy // Twórczość Ludowa. 1990. № 2. S. 27–30.
398. Niebrzegowska 1990c – *Niebrzegowska S.* O interpretacii snów na Podlasiu // Twórczość Ludowa. 1990. № 3. S. 25–27.
399. Niebrzegowska 1995 – *Niebrzegowska S.* Sennik jako gatunek polskiego folkloru. Slownik i semantyka: rozprawa doctorska. Lublin, 1995.
400. Niebrzegowska 1996 – *Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 1996. 297 s.
401. O'Nell 1976 – *O'Nell* C.W. Dreams, Culture, and the Individual. San Francisco: Chandler@Sharp Publishers, 1976.
402. Radin 1936 – *Radin P.* Ojibwa and Ottawa Puberty Dreams // Essas in antropology presented to A.L. Kroeber in celebretion of his 60 birthday. Berkeley, 1936.
403. Ranke 1976 – *Ranke K.* Einfache Formen / Trans. William Templer and Eberhard Alsen // Journal of the Folklore Institute. 1976. № 4. P. 17–31.
404. Shanon, Eifennan 1984 – *Shanon B., Eifennan R.* Dream-Reporting Discourse // Text: an interdisciplinary journal for the study of discourse. 1984. № 4 (4). P. 369–379.

405. Stahl 1983 – *Stahl S.* Personal Experience Story // Handbook of American Folklore / Ed. by R. Dorson. Bloomington, 1983.
406. Virtanen 1989 – *Virtanen L.* Dream-telling Today // Studies in oral narrative / Ed. by A.-L. Siikala. Helsinki, 1989. P. 137–148.
407. Wigzel 2003 – *Wigzell F.* The Ethical Values of Narodnoe Pravoslavie: Traditional Near-Death Experiences and Fedotov // Folklorica: Journal of e Slavic East European Folklore Association. 2003. Vol. VIII. №1. P. 54–71.

Список текстов

Полные библиографические данные источников, в которых находится тот или иной текст, см. выше в разделе: *Список использованной литературы.*

1. Вера-мученица 2002 – Вера-мученица // Чередникова 2002. С. 243–245.
2. Видение Агнии 1999 – Видение Агнии // Покровский 1999. С. 147–149 (др. публикация этого текста: Видение Агнии // Покровский 1997. С. 40).
3. Видение Акилины 2006 – Видение жены Акилины // Пигин 2006. С. 264–265.
4. Видение Акилины в Казани 2006 – Видение вдовы Акилины в Казани // Пигин 2006. С. 348–351.
5. Видение Андрея 2006 – Видение Андрея Данилова Иконникова // Пигин 2006. С. 274–276.
6. Видение Веры 2006 – Видение рабы Божией Веры // Пигин 2006. С. 357–361.
7. Видение девицы 2006 – Сказание о дивном видении некоей девицы в 1804 г. // Пигин 2006. С. 284–287.
8. Видение Димитрия 2006 – Видение Димитрия-стража // Пигин 2006. С. 262–263.
9. Видение Евдокии 2006 – Сны и видения девицы Евдокии // Пигин 2006. С. 287–294.
10. Видение инока 2006 – Видение некоего инока // Пигин 2006. С. 272–274.
11. Видение инокини 2006 – Видение некоей инокини во время мора 1427 г. (из Повестей Пафнутия Боровского) // Пигин 2006. С. 238–240.
12. Видение Исайи 1999 – Видение Исайи // Мильков 1999. С. 504–516.
13. Видение Клавдии Устюжаниной 2006 – Видение Клавдии Устюжаниной // Пигин 2006. С. 361–367.
14. Видение Макария 2006 – Видение старца Макарьевского монастыря иеродиакона Макария // Пигин 2006. С. 294–303.
15. Видение некоего выговца 2006 – Видение некоего выговца о филипповцах // Пигин 2006. С. 265.
16. Видение некоей женщины 2006 – Видение некоей женщины о самосожженцах // Пигин 2006. С. 265.

17. Видение Пелагеи 2006 – Видение девицы Пелагеи // Пигин 2006. С. 351–357 (др. публикация этого текста: Видение Пелагеи 1993 – Видение девицы Пелагеи // Грицевская, Пигин 1993. С. 56–62).
18. Видение Семиона 2006 – Необыкновенное приключение с одним русским крестьянином // Пигин 2006. С. 276–283.
19. Видение старухи 2006 – Видение некоей старухи // Пигин 2006. С. 270–272.
20. Видение Филиппа 2006 – Видения Филиппа Стахиева // Пигин 2006. С. 267–270.
21. Видения Ланшакова 2006 – Страшные видения крестьянина из Восточной Сибири Якова Ильича Ланшакова // Пигин 2006. С. 303–348.
22. Воскрешение Клавдии – Воскрешение Клавдии. Рассказ протоиерея Андрея Устюжанина о смерти и последующем воскрешении его матери Клавдии [Электронный ресурс] // Интернет-версия православной газеты «Благовест» / ред. А. Жоголев. – Режим доступа: http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?heading=30&article=5338, свободный, дата обращения: 23.09.2016. – Загл. с экрана.
23. Житие Андрея Юродивого [Электронный ресурс] // Информационный портал Института русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб. – Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2175, свободный, дата обращения: 23.09.2016. – Загл. с экрана.
24. Житие Варлаама Хутынского – Житие преподобного отца нашего Варлаама Хутынского // Четьи-минеи 2004. С. 210–229.
25. Житие Василия Нового 2004 – Житие Василия Нового // Дергачева 2004. С. 207–326.
26. Житие Макария Римского [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Восточная литература». – Электрон. текстовые дан. – 2001–2016. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/V/Vita_Makarius_Rim/text.htm, свободный, дата обращения: 23.09.2016. – Загл. с экрана.
27. Житие преподобного Антония Печерского 2004 // Четьи-минеи 2004. С. 80–105.
28. Житие Феодосия Печерского 2004 // Четьи-минеи 2004. С. 106–169.
29. Книга Еноха – Книга Еноха [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Древнерусская литература: антология»; авт. и сост. А. Петров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://old-ru.ru/03-50-1.html, свободный, дата обращения: 28.09.2016. – Загл. с экрана.
30. Откровение Варуха 1999 – Откровение Варуха // Мильков 1999. С. 480–493.
31. Откровение Мефодия Патарского 1999 – Слово святого отца нашего Мефодия … // Мильков 1999. С 654–703.
32. Повесть Никодима 2006 – Повесть Никодима типикариса Соловецкого о некоем иноке // Пигин 2006. С. 240–248.
33. Повесть о видении Антония Галичанина 2006 – Повесть о видении Антония Галичанина // Пигин 2006. С. 122–156.
34. Сказание о Михаиле 2006 – Сказание о чуде воскресения мертвого некоего человека именем Михаила // Пигин 2006. С. 228–233.

35. Сказание о хождении Агапия 1971 // Успенский сборник 1971. С. 463–474.
36. Слово о видении апостола Павла 1999 – Слово о видении апостола Павла // Мильков 1999. С. 530–576.
37. Слово о Тимофее 2006 – Слово о некоем муже именем Тимофей // Пигин 2006. С. 248–255.
38. Феклушино виденье 2002 – Феклушино виденье // Чередникова 2002. С. 239–241.
39. Хождение Агапия в рай 1999 – Слово святого отца нашего Агапия... // Мильков 1999. С. 628–646.
40. Хождение Богородицы по мукам 1999 – Хождение Богородицы по мукам // Мильков 1999. С. 587–617.
41. Чудо воскрешения Клавдии [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Тропинка к храму: православные страницы А. Вострикова». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.tropinka.orthodoxy.ru/zal/chudesa/ustjuzan.htm, свободный, дата обращения: 23.09.2016. – Загл. с экрана.

Список информантов[1]

АА – Александр Александрович, ок. 23 лет, средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновск, зап. дек. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ААВ – Аникина Александра Владимировна, 1947 г.р., средне-спец. образ., род. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., уехала в Караганду в 1969 г., приезжает на лето к родным в Ждамирово, соб. Е. Сафронов.

ААМ – Анисимова Анастасия Максимовна, 1933 г.р., род. в с. Порецкое, проживает в с. Щеголиха Кузоватовского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

АВА – Афанасьева Валентина Алексеевна, 1950 г.р., средне-спец. образ., род. в г. Бирюсинск Иркутская обл., прожив. в г. Ульяновск, зап. 4 декабря 2004, соб. Е. Ломакина.

АВИ – Андрианова Валентина Ивановна, 1940, 7 кл., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 4 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

АЕП – Афанасьева Екатерина Петровна, 1925 г.р., 5 кл. и полгода училась на агротехника, род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 13 июля 2000 г. – соб. Е. Антонова, Л. Белоусова; зап. 2 авг. 2007 г., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

АЕФ – Агапова Екатерина Федоровна, 1935 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. авг. 2004 г., соб. Е. Сафронов, П. Половов.

АЗШ – Ахмезянова Зиля Шавиловна, 1951 г.р., средне-спец. образ., татарка, прожив. в г. Ульяновск, род. в г. Андижан (Узбекистан), зап. 19 ноября 2004 г., соб. Е. Познякова.

АкМФ – Акимова Мария Федоровна, 1928 г.р., 4 кл., русск., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2004 г., соб. А. Липатова.

АЛГ – Афанасьева Людмила Геннадьевна, 1976 г.р., высш. образ., прожив. в г. Ульяновск, род. в с. Парабель Томской обл., зап.: сент. 2004 г., соб. Е. Ломакина.

АЛС – Агапова Любовь Степановна, 1929, 5 кл., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2004 г., соб. Е. Сафронов, К. Туркин.

АМИ – Андреева Мария Ивановна, 1932 г.р., 3 кл, род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

АМК – Агапов Михаил Константинович, 1932, 4 кл., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

---

[1] Опубликованные в книге тексты хранятся в личном архиве автора, а также – в архиве центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья им. Д.Н. Садовникова» УлГПУ.

АНИ – Алешко Надежда Ивановна, 1925 г.р., 4 кл., род. и прожив. в д. Черногузово Тверской обл., зап. 8 июля 1993 года, соб. Н. Трушкина.

АнМФ – Анисимова Марья Федоровна, 1935 г.р., 4 кл., русск., род. и прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: 10 авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

АНП – Акимова Наталья Петровна, ок. 60 лет, род. и прожив. в селе Спешневка Кузоватовского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

АСА – Антонов Сергей Алексеевич, 1948 г.р., средне-спец. образ., русск, записано в с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: авг. 2006 г., проживает в г. Воронеже [в Бар. Слободу приехал ненадолго к родственникам].

БАИ – Басова Александра Ивановна, 1916 г.р. 3 кл., род. и прожив. в с. Монастырский Сунгур Новоспасского р-на Ульяновской обл., зап. 17 июля 1993 г.

БГГ – Бочирикова Галина Григорьевна, 1930 г.р., род. и прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 26 июля 2000 г., соб. Е. Сафронов.

БЕС – Бондарь Евгения Степановна, 1945 г.р., род. и прожив. в селе Щеголиха Кузоватовского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

БЗИ – Блохинцева Зоя Ивановна, 1936 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

БИН – Баранникова Ирина Николаевна, 1985 г.р., пос. Усвяты Усвятского р-на Псковской обл., зап. 12 июня 2000 г., соб. О. Кадикина.

БМВ – Бекова Марья Васильевна, 1928 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

БНВ – Буш Нина Васильевна, 1931 г.р., род. и прожив. в с. Старая Торока Тверской обл., зап. 6 марта 1993 г, соб. Н. Трушкина.

БНТ – Букина Надежда Тимофеевна, ок. 70 лет, род. и прожив. в с. Старый Пичеур Павловского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2011 г., соб. Е. Сафронов.

БОВ – Борисова Ольга Владимировна, ок. 30 лет, средне-спец. образ., г. Ульяновск, род. в п. Тушна Ульяновской обл., зап. дек. 2005 г., соб. Е. и О. Сафроновы.

БОП – Брендюк Ольга Павловна, 1966 г.р., высш. образ., род. в Казахстане, живет и работает в г. Ульяновске (с 1975 г.), зап.: 2005–2007 гг., соб. Е. Сафронов.

БТИ – Борисова Таисия Ивановна, 1941 г.р., с. Чумакино Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. июль 2002 г., соб. А. Карвалейру, О. Гладкова.

ВАА – Волгушова Антонина Андреевна, 1932, 5 кл., русск., род. и прожив. в с. Засарье Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

ВВН – В-кая Валентина Николаевна, 1949 г.р., высш. образ., род. и прожив. в с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ВЕА – Васина Елена Алексеевна, 1940 г.р., род. и прожив. в с. Кезьмино Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2010 г., соб. Е. Сафронов.

ВЕМ – Власова Евгения Максимовна, 1927 г. р., 4 кл., с. Засарье Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 1999 г., соб. С. Пупкова.

ВКП – Волкова Клавдия Петровна, 1925 г.р., род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 12 июля 2000, соб. Е. Антонова, Л. Белоусова.

ВКС – Великанова Ксения Сергеевна, 1987 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновск, зап. 9 дек. 2004 г., соб. Н. Хороших.

ВМФ – Волкова Маргарита Федоровна, 1965 г.р., род. и прожив. в г. Ульяновске, мордовка, зап. 9 августа 2004 г., соб. Т. Волкова.

ВОМ – Видукова Ольга Михайловна, 1923 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Троицкий Сунгур Новоспасского р-на Ульяновской обл., зап. 17 июня 1993 г., соб. О. Зудина, Ю. Мозина.

ВПВ – Власов Петр Васильевич, 1921 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Валгуссы Инзенского р-на Ульяновской обл., соб. И. Морозов.

ВРС – Власова Раиса Степановна, 1932 г.р., 10 кл., род. и прожив. в с. Засарье Сурского р-на Ульяновской обл., зап. июль 1999 г., соб. А. Цухлов.

ВТА – Волкова Татьяна Александровна, 1985 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновск, зап. 2004 г., соб. Т. Волкова.

ГАА – Головушкина Антонина Александровна, 1936 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., зап. июль 2007 г., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

ГАВ – Годунова Александра Васильевна, 1906 г.р., род. в д. Севастьяново Октябрьского р-на Тверской обл., зап. в п. Ст. Торопа Тверской обл., 7 июня 1993 г., соб. Н. Трушкина.

ГАЕ – Грумчева Антонина Егорьевна, 1929 г.р., 1 кл., род. и прожив. в с. Малый Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ГАМ – Губчёнкова Александра Макарьевна, 1917 г.р., 3 кл., род. и прож. в с. Новосурское Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 2002 г., соб. И. Кызласова.

ГАС – Горчакова Антонина Сергеевна, 1933 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ГВН – Гроздова Вера Николаевна, 1934 г.р., 1 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ГЕВ – Горелова Екатерина Васильевна, 1959 г.р., высш. образ, род. и прожив в г. Ульяновске, зап. 13 августа 2004 г., соб. Е. Горелова.

ГЕН – Губина Елизавета Николаевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы Инзенского р-на Ульяновской обл., 5 кл., зап. 2001 г., соб. И. Кызласова.

ГЗС – Гусева Зинаида Степановна, 1925 г.р., 7 кл, род. и прожив. в с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: 2006 г., соб. Е. Сафронов, А. Карвалейру, А. Липатова.

ГЗЯ – Горелышева Зоя Яковлевна, 1930 г.р., высш. образ. (учитель), род. и прожив. в с. Астрадамовка Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ГИФ – Гроздов Иван Федорович, 1936 г.р., 10 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2007 г., соб. Е. Сафронов.

ГКМ – Гришина Клавдия Михайловна, 1951 г.р., средн. образ., русск., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2004 г., соб. Е. Сафронов.

ГЛА – Голубцова Любовь Алексеевна, 1944 г.р., средне-спец. образ., русск., г. Ульяновск, род. в г. Бирюсинск Иркутской обл., зап.: 20 декабря 2004 г. , соб. Е. Ломакина.

ГЛН – Горбушкина Любовь Николаевна, 1947 г.р., средн. спец. образ., род. и прожив. в с. Силаевка Барышского р-на Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 23 июля 1993 г.

ГМН – Герасимова Мария Николаевна, 1930 г.р., 4 кл., род. в с. Козловка, прожив в с. Аркаево Сурского р-на Ульяновской обл. с 1961 года, зап.: июль 2010 г., соб. Е. Сафронов.

ГНФ – Гусева Нина Федоровна, 1929 г.р., 4 кл., русск., род. и прожив. в с. Проломиха Инзенского р-на Ульяновской обл., зап.: авг. 2003 г., соб. Е. Сафронов.

ГЯ – Гольцева Яна, ок. 20 лет, средне-спец. образ., род. в с. Озерки Ульяновской обл., проживает в г. Ульяновске, соб. Е. и О. Сафроновы.

ДАО – Данилюк Александра Омаровна, 1987 г.р., средн. образ., г. Ульяновск, род. в п. Шаук (Украина), зап.: 2004 г., соб. К. Тисленко.

ДДО – Дмитраков Денис Олегович, 1982 г.р., средне-спец. образ., род. и прожив. в г. Ульяновск, зап.: 2004 г., соб. И. Дмитракова.

ДЗП – Дмитракова Зинаида Петровна, 1932 г.р., средн-спец., проживает в г. Ульяновск, род. в г. Троицке Челябинской обл., зап.: 2004 г., соб. И. Дмитракова.

ДИО – Дмитракова Ирина Олеговна, 1987 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: 2004 г., соб. Ю. Зотова.

ДЛА – Дмитракова Лидия Андреевна, 1952 г.р., высш. образ., род. в р.п. Мулловка Мелекесского р-на Ульяновской обл., прожив. в г. Ульяновске, зап. 1 декабря 2004 г., соб. И. Дмитракова.

ДМВ – Дмитриева Марина Викторовна, 1987 г.р., средн. образ., г. Ульяновск, род. в г. Пенза, зап.: 4 декабря 2004 г., соб. К. Тисленко.

ДНМ – Дружкова Наталья Михайловна, 1956 г.р., высш. обр., род. в г. Александровск Сахалинской обл., живет и работает в г. Ульяновске, зап.: февр. 2005 г., соб. Е. и О. Сафроновы.

ДСЗ – Данилова Светлана Захаровна, 1948 г.р., высш. образ. (учитель), прожив. в с. Астрадамовка Сурского р-на Ульяновской обл., род. в г. Сызрань, перехала в Астрадамовку в раннем детстве, зап. 8 авг. 2008 г., соб. Е. Сафронов, И. Павлов.

ЕАН – Елизарова Анастасия Николаевна, 1933 г.р., 2 кл., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 4 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ЕАЯ – Егорова Александра Яковлевна, 1926 г.р., средн. образ., род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 13 июля 2000 г. – соб. Е. Антонова, Л. Белоусова; зап. июль 2007 года – соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

ЕИН – Ефремова Ирина Николаевна, 1968 г.р., средн. спец. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 16 ноября 2004 г., соб. Е. Туйгильдина.

ЕИС – Ежов Иван Семенович, 1957 г.р., средн, род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского района Ульяновской обл., зап. 28 июля 2007, соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

ЕЛА – Евгеньева Лидия Антоновна, 1933 г.р., 2 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

ЕЛН – Есина Любовь Николаевна, 1953 г.р., 8 кл., с. Вальдиватское Карсунского р-на Ульяновской обл., род в п. Урень, в с. Вальдиватское с 1973 г., зап. 4 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ЕСВ – Ендова Серафима Васильевна, 1935 г.р., 10 кл., род. в Малом Кувае, прожив. в с. Астрадамовка Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ЖАС – Жигулова Александра Семеновна, 1921 г.р., род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 12 июля 2000 г., соб. Е. Антонова, Л. Белоусова.

ЖВВ – Жесткова Валентина Владимировна, 1963 г.р., высш. образ., род. и прожив. в с. Тагай Майнского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Жесткова.

ЖВН – Жирнова Валентина Николаевна, 1934 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского района Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ЖЛЯ – Желудова Лидия Яковлевна, 1918 г.р., 1 кл., род. и прожив. в с. Араповка Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ЗАА – Заплаткина Анна Андреевна, 1931 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 4 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ЗАМ – Захарова Антонина Михайловна, 1940 г.р., род. и прож. в с. Чумакино Инзенского р-на Ульяновской обл., 7 кл., зап. 2002 г., соб. И. Кызласова.

ЗАС – Зуйкова Антонина Семеновна, 1946 г.р., средне-спец. образ., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2007 г., соб. Е. Сафронов.

ЗЕВ – Запольнова Елизавета Васильевна, 1926 г.р., 4 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2007 г., соб. Е. Сафронов.

ЗЗС – Зиновьева Зинаида Сергеевна, 1938 г.р., с. Спешневка Кузоватовского р-на Ульяновской обл., зап. авг. 2015 г., соб. Е. Сафронов.

ЗИН – Зотова Ирина Николаевна, 1960 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 5 декабря 2004 г., соб. Ю. Зотова.

ЗМД – Заплаткина Марья Дмитриевна, 1923 г.р., 2 кл., русск., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского района Ульяновской обл., зап. 2 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ЗМС – Захарова Мария Степановна, 1924, неграм., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., зап: 2004 г., соб. Е. Сафронов.

ЗЮО – Зотова Юлия Олеговна, 1987 г.р., среднее образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: сент. 2004 г., соб. И. Дмитракова.

ИАИ – Иванова Александра Ивановна, 1922 г.р., 4 кл., род. и прожив. в д. Черногузово Тверской обл., зап. 8 июля 1993 г., соб. Н. Трушкина.

ИВМ – Исаева Вера Михайловна, 1932 г.р., с. Комаровка Новоспасского р-на Ульяновской обл., зап. 18 июля 1993 г., соб. М. Матлин, О. Зудина.

ИЕМ – Илюхина Евдокия Михайловна, 1924 г.р., 4 кл., род. в с. Гуляевка Сурского р-на, прожив. в с. Астрадамовка Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: авг. 2009 г., соб. Е. Сафронов.

ИЛИ – Исачкина Любовь Ивановна, 1957 г.р., высш. образ., род. в с. Папузы Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл., прожив. в г. Ульяновске, зап. 7 декабря 2004 г., соб. И. Дмитракова.

ИМС – Иванова Мария Сергеевна, ок. 35 лет, род. и прожив. в г. Ульяновск, зап.: 2009 г., соб. Е. Сафронов.

ИНА – Ивлева Нина Афанасьевна, 1940 г.р., средн. образов., род. в г. Миас, прожив. в с. Коржевка Инзенского р-на Ульяновской обл., зап.: авг. 2012 г., соб. Е. Сафронов.

ИРП – Иноземцева Раиса Павловна, 1927 г.р., высш. образ., род. в с. Новоспасское Ульяновской обл., в г. Ульяновске с 1950 г., зап. 25 авг. 2004 г., соб. Д. Анисимова.

ИТД – Ильина Татьяна Дмитриевна, 1955 г.р., образ. средн. спец., прожив. в г. Ульяновск, род. г. Чапаевск Самарской обл, в Ульяновске с 1992 г., соб. Е. Сафронов.

КАВ – Коровина Антонина Васильевна, 1921 г.р. род. и прожив. в с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл., соб. А. Цухлов.

КАЕ – Козинникова Татьяна Евгеньевна, 1967 г.р., пос. Усвяты Усвятский р-на Псковской обл., зап. 11 июля 2000 г., соб. Е. Дубровская, Е. Мигунова, О. Кадикина.

КАИ – Кляузова Анна Ивановна, 1938 г.р, 9 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

КАН – Крупякова Антонина Николаевна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино Сурского р-на Ульяновской обл., самоучка, зап. 2000 г., соб. И.С. Кызласова.

КВП – Корошева Валентина Петровна, 1909 г.р., род. в с. Смышляевка, проживает в с. Силаевка Барышского р-на Ульяновской обл., зап. 23 июня 1993 г.

КГП – Краснова Галина Петровна, 1938 г.р., средн. образов., род. и прожив. в с. Большое Нагаткино Цильнинского р-на Ульяновской обл., зап. 12 декабря 1994 г., соб. Н. Фомина.

КЕА – Коновалова Екатерина Анатольевна, 1986 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: сент. 2004 г., род. в г. Саратове, соб. К. Тисленко.

КЕВ – Киреева Евгения Васильевна, 1938, 7 кл., род. и прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 9 авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

КЕвФ – Кияйкина Евгения Фокеевна, 1942 г.р., 7 кл., мордовка, род. в с. Андреевка Николаевского района, проживает в с. Старый Пичеур Павловского р-на Ульяновской обл. с 1970 года, зап. авг. 2011 г., соб. Е. Сафронов.

КЕН – Каштанова Екатерина Никифоровна, 1919 г.р., самоучка, род. и прож. в с. Первомайское Кузоватовского р-на Ульяновской обл., соб. И. Кызласова.

КЕФ – Кузнецова Евдокия Федоровна, 1927 г.р., 3 кл., род. в с. Малый Усть-Урень, прожив. в с. Усть-Урень Сурского р-на Ульяновской обл. с 1969 г., соб. Е. Сафронов.

КЗА – Круглова Зинаида Андреевна, 1936 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Старая Савадёрка Барышского р-на Ульяновской обл., соб. О. Аблаева, И. Ферапонтов.

КзАЕ – Козлова А.Е., 1928 г.р, 4 кл., род. и прожив. в с. Чамзинка Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 22 июня 2003 г., соб. А. Карвалейру.

КЗИ – Кирсанова Зоя Ивановна, 1937 г.р., высш. образ., род. и прожив. в с. Поселки Барышского р-на Ульяновской обл., зап. 24 июня 1999 г., соб. Ю. Пыркина, И. Ферапонтов.

КИВ – Кочеткова Ирина Владимировна, 1972 г.р., высш. обр. (библиотекарь), род. в с. Русская Бектяшка Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., живет и работает в г. Ульяновске, соб. Е. и О. Сафроновы.

ККС – Кутукова Клавдия Сергеевна, 1929 г.р., 6 кл., род. и прожив. в с. Дмитриевка Новоспасского р-на Ульяновской обл., зап. авг. 2014 г., соб. Е. Сафронов.

КЛА – К-ва Людмила Александровна, 1939 г.р., средне-спец. образ., род. и прожив. в г. Ульяновск, зап. дек. 2007 г., соб. Е. Сафронов.

КЛИ – Куркина Лидия Ивановна, 1938 г.р., 3 кл., род. и прожив. с. Посёлки Барышского р-на Ульяновской обл., зап. 25 июня 1999 г. - соб. М. Матлин, зап. 24 июня 1999 г. - соб. А. Цухлов, С. Пупкова.

КМИ – Кондрашкина Марина Ивановна, 1972 г.р., высш. образ., род. в с. Холстовка, прожив. в с. Старый Пичеур Павловского р-на Ульяновской обл. с 1986 г., зап. авг. 2011 г., соб. Е. Сафронов.

КМН – Кучкина Мария Николаевна, 1914 г.р., неграм., род. и прожив. в с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 22 июня 2000 г., соб. Е. Сафронов, О. Гладкова.

КМФ – Киревнина Мария Федоровна, 1930 г.р., 3 кл., родилась в с. Покровка, прожив. в с. Большой Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2010 г., соб. Е. Сафронов.

КМЯ – Круглова Мария Яковлевна, 1905 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Старая Савадёрка Барышского р-на Ульяновской обл., зап. 23 июля 1999 г., соб. А. Цухлов, С. Пупкова.

КрАИ – Карманова Александра Ивановна, 1925 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Ольховка Сурского р-на Ульяновской обл., зап. авг. 2007 г., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

КРГ – Козлова Раиса Григорьевна, 1932 г.р., 1 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

КТЕ – Козинникова Татьяна Евгеньевна, 1967 г.р., пос. Усвяты Усвятского р-на Псковской обл., род. в д. Пятовщина Пустошинского р-на Псковской обл., зап. 11 июля 2000 г., соб. Е. Дубровская, Е. Мигунова, О. Кадикина.

КТИ – К-ва Татьяна Ивановна, 1960 г.р., высш. образ., род. в Марийской респ., прожив. в с. Иваньково-Ленино Алатырского р-на Чувашской респ., приехала в Иваньково в нач. 1980–х гг., зап.: 2010–2011 гг., соб. Е. Сафронов.

КЮА – Кишенина Юлия Александровна, 1986 г.р., средн. образ., прожив. в г. Ульяновске, зап. 2 июня 2004 г., соб. Ю. Кишенина.

ЛА – Любовь Александровна, ок. 60 лет, средн. образ., род. и прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

ЛАИ – Лузгина А.И., 1929 г. р., род. и прожив. в с. Антоново Тверской обл., соб. Н. Трушкина.

ЛАН – Ларина Алла Николаевна, 1937 г.р., высш. образ, прожив в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., род. в г. Новосибирске, в Сухом Карсуне с 1962 года, зап. 23 июля 2004, соб. Е. Сафронов.

ЛВК – Лаврухина Валентина Константиновна, 1954 г.р., средне-спец. образ., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2004 г., соб. Е. Сафронов.

ЛГА – Лушина Галина Анатольевна, ок. 60 лет, средне-спец. образ., с. Ружеевщино Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: авг. 2010 г., соб. Е. Сафронов.

ЛГВ – Леонтьева Галина Валентиновна, 1963 г.р., средне-спец. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 6 авг. 2004 г., соб. Е. Лобанова.

ЛЕИ – Лысова Екатерина Ивановна, 1935 г.р., 4 кл., род. и прожив. в с. Малый Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ЛЕС – Луковкин Евгений Сергеевич, 1983 г.р., незаконч. высш., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: февр. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ЛЛА – Леванова Любовь Александровна, 1976 г.р., высш. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, соб. Е. Туйгильдина.

ЛМС – Лисачёва Мария Степановна, 1936 г.р., 4 кл., род. и прож. в с. Новосурское Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 2002 г., соб. И. Кызласова.

ЛНВ – Лямина Нина Васильевна, 1937 г.р., 10 кл., род. и прожив. в с. Чеботаевка Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ЛТА – Лазарева Т.А., 1987 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 5 июля 2005 г., соб. Е. Сафонова.

МАИ – Монакова Антонина Ивановна, 1927 г.р., неграм., род. и прожив. в с. Большой Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 1 авг. 2010 г., соб. Е. Сафронов.

МАН – Молидорская Антонина Николаевна, 1920 г.р., 4 кл., род. и прожив. в с. Старая Савадёрка Барышского р-на Ульяновской обл., зап. 23 июня 1999 г., соб. Е. Сафронов, О. Степанец.

МАФ – Матрехина Анна Федоровна, 1936, 7 кл, русск., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2004 г., соб. Е. Сафронов, К. Туркин.

МГВ – М-ва Галина Васильевна, 1952 г.р., средне-спец. образ., род. в Челябинской области, с детства прожив. в с. Тагай Майнского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

МЕМ – Моисеева Елизавета Михайловна, 1930 г.р., 4 кл., род. и прожив. с. Ждамирово Сурский р-на Ульяновской обл., зап. авг. 2007 г., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

МЕП – Москвичева Елизавета Павловна, 1914, неграм., род. и прожив. в с. Проломиха Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 22 июля 2002 г., соб. Е. Сафронов.

МЗИ – Морозова Зинаида Ивановна, 1933 г.р., высш. образ., род. и прожив. с. Коржевка Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 7 авг. 2000 г. - соб. А. Зевакина, Т. Попова.; зап. авг. 2000 г. – соб. М. Чередникова, И. Морозов; зап. авг. 2012 г. – соб. Е. Сафронов.

МИ – Миронова Ирина, 1987 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 18 ноября 2004, соб. Е. Туйгильдина.

ММА – Мордвинова Милана Анатольевна, 1987 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: авг. 2004 г., соб. Т. Лазарева.

ММН – Махрова Матрена Николаевна, 1922 г.р., 1 класс, род. и прожив. в с. Валгуссы Инзенского р-на Ульяновской обл., соб. И. Морозов.

ММС – Митина Мария Сергеевна, 1932 г.р., 7 кл, род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 2 авг. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ММФ – Масленникова Мария Федоровна, 1933 г.р., 4 кл., род. в с. Александровка, прожив. в с. Никитино Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

МНФ – Моисеева Нейиля Фезуловна, 1965 г.р., высшее образ., род. в с. Крейниково Цильнинского р-на Ульяновской обл., живет и работает в г. Ульяновске, зап. 7 дек. 2004 года, соб. И. Дмитракова.

МОА – Маслов Олег Александрович, 1965 г.р., средн. образ., род. в с. Вешкайма Вешкаймского р-на Ульяновской обл., проживает в г. Ульяновске, зап. 10 декабря 2004 г., соб. Ю. Зотова.

МПП – Миронов Павел Павлович, 1986 г.р., средн. образ., русск., род. и прожив. в г. Ульяновске, русск., зап. 30 июля 2006 г., соб. И. Миронова.

МПС – Морозова Пелагея Степановна, 1923 г.р., 4 кл., род. и прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновского обл., зап. 11 авг. 2007, соб. Е. Сафронов.

НАД – Никитина Анна Даниловна, 1924 г.р., род. и прожив. в с. Старая Торока Тверской обл., зап. 6 июня 1993 г., соб. Н. Трушкина.

НВС – Никифорова Вера Степановна, 1937 г.р., спец. образ. (педагогич.), род. в г. Ульяновске, с 1959 г. проживает в с. Астрадамовка Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

НЗС – Наумова Зинаида Степановна, 1931 г.р., неграм., род. и прожив. в селе Аркаево Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е.Сафронов.

НОФ – Николаева Ольга Федоровна, 1934 г.р., 4 кл., род. и прожив. в р.п. Игнатовка Майнского р-на Ульяновской обл., соб. С. Пупкова.

НСК – Николаев Степан Константинович, 1987 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 2 декабря 2004 г., соб. К. Тисленко.

ОМС – Озкина Мария Семеновна, 1936 г.р., род. и прожив в с. Старое Чирково Павловского р-на Ульяновской обл., 10 кл. , соб. Е. Сафронов.

ОМФ – Отряскина Мария Федоровна, 1933 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Новосурское Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. июнь 2002 г., соб. М. Чередникова, Н. Шевченко.

ПАВ – Поликарпова Анна Викторовна, 1988 г.р., средн. образ., русск., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: 2004 г., соб. Е. Поликарпова.

ПАИ – Панова Антонина Ивановна, 1928, 7 кл., род. и прожив. в Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 12 авг. 2007, соб. Е. Сафронов.

ПВН – Поликарпов Виктор Николаевич, 1954 г.р., высш. образ., живет в г. Ульяновске, род. в г. Оренбурге, соб. Е. Поликарпова.

ПВП – Просина Валентина Петровна, 1934, 4 кл., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 1 авг. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ПЕА – Потапова Евгения Алексеевна, 1961 г.р., высш. образ., род. и прожив. в с. Засарье Сурского р-на Ульяновской об., зап. 11 авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

ПЕВ – Провоторова Елена Валентиновна, 1973 г.р., средне-спец., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: дек. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ПЕИ – Панкова Евгения Ивановна, 1940 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ПЛА – Пушистова Людмила Александровна, 1947 г.р., средне-пед. образ., род. в Ташкенте, прожив. в с. Лава Сурского р-на Ульяновской обл. с 1948 г., соб. Е. Сафронов.

ПЛД – Парфенова Лидия Дмитриевна, 1944 г.р., средне-спец. образ., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ПЛП – Полнякова Лидия Петровна, 1941, 7 кл., род. и прожив. в с. Вальдиватское Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 4 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ПМА – П-кова Марина Анатольевна, ок. 50 лет, род. в Самарской обл., прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап.: февр. 2007 г., соб. Е. Сафронов.

ПНВ – Полнякова Наталья Владимировна, 1968 г.р., высш. образ., род. и прожив. в с. Вальдиватское Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 4 авг. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ПНИ – Панова Наталья Ивановна, 1966 г.р., средн. спец. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 4 июля 2004 г., соб. А. Панова.

ПНФ – Потехина Нина Федоровна, 1945 г.р., 7 кл., русск., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 6 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

ППС – Половов Павел Сергеевич, 1979 г.р., незаконч. высш., род. и прожив. в с. Тагай Майнского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ПТВ – Пахомова Татьяна Васильевна, 1952 г.р., средн. образ., род. и прожив. в с. Сара Сурский р-на Ульяновской обл., зап.: 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

РКБ – Романова Капитолина Борисовна, ок. 70 лет, средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 2005 г., соб. Е. и О. Сафроновы.

РМА – Рахманова Мадина Арупжановна, 1986 г.р., живет в с. Шмелевка Старомайнский район Ульяновской обл., род. в г. Алма-Ата, в с. Шмелевка с 1989 г., зап. 1 авг. 2004 г., соб. М. Рахманова.

РРР – Разутдинова Роза Рифкатовна, 1985 г.р., средн. образ., род. и прожив. в с. Тат. Калмагор Чердаклинского р-на Ульяновской обл., зап.: июль 2004 г., соб. Р. Разутдинова.

САВ – Самиева Анна Васильевна, 1986 г.р., средн. образ., таджичка, род. в г. Душанбе, прожив. в г. Ульяновске, зап. 28 ноября 2004 г., соб. Н. Хороших.

САЕ – Сафронова Анастасия Евгеньевна, 2000 г.р., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: дек. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

САМ – Суркина Александра Михайловна, 1922 г.р., род. и прожив. в с. Старое Чирково Павловского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

САН – Солитова Анна Никифоровна, 1933 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Троицкий Сунгур Новоспасского р-на Ул. обл., зап. 16 июня 1993 г.

САП – Супонина Александра Петровна, 1912 г.р., 2 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

САФ – Сизова Анна Филлиповна, 1925 г.р., 7 кл., русск., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 6 авг. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

СВК – Скрипина Валентина Константиновна, 1940, 9 кл., род. в с. Рузановка, прожив. с 1959 года в с. Чеботаевка Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

СВФ – Соболев Виктор Федорович, 1932 г.р., 2 кл., род. и прожив. в с. Белый Ключ Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

СЕВ – Степанова Елизавета Васильевна, 1927 г.р. 6 кл., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 3 августа 2005 г., соб. Е. Сафронов.

СЕкВ – Суслина Екатерина Васильевна, 1921 г.р., 6 кл., русск., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 6 авг. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

СЕлВ – С-на Елизавета Васильевна, 1934 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Тагай Майнского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

СЕМ – Старостина Евдокия Михайловна, 1912 г.р., неграм., род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновская обл., соб. Е. Сафронов.

СЕС – Сафонова Елена Сергеевна, 1984 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 4 июля 2005 г., соб. Е. Туйгильдина.

СИ – Смирнова Ирина, 1987 г.р., средн. образ., прожив. в г. Ульяновске, зап. 18 ноября 2004 г., соб. Е. Туйгильдина.

СЛП – Сорокина Любовь Петровна, 1945 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновск, соб. К. Конакова.

СМЯ – Суслина Мария Яковлевна, 1916 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл., зап. 4 авг. 2005 г., соб. Е. Сафронов.

СОВ – Сафронова Ольга Викторовна, 1980 г.р., незаконч. высш. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап.: июнь 2006 г., соб. Е. Сафронов.

СОС – Сверкунова Ольга Сергеевна, 1913 г.р., 4 кл., род. и прожив. в д. Черногузово Тверской обл., зап. 8.07. 1993, соб. Н. Трушкина.

СОЮ – Сухарева Ольга Юрьевна, 1986 г.р., средн. образ., русск., род. и прожив. в г. Ульяновске, соб. К. Конакова.

ТАА – Толикова Анфиса Алексеевна, 1938 г.р., 10 кл., род. и прожив. в п. Старотимошкино Барышского р-на Ульяновская обл., соб. С. Пупкова.

ТАМ – Тихонов Анатолий Михайлович, 1954 г.р., средн. спец., прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., род в с. Сосновка Карсунского р-на, в Сухом Карсуне с 2002 г., зап.: июль 2004 г, соб. Е. Сафронов, К. Туркин.

ТВВ – Томин Виктор Васильевич, 1931 г.р., 3 кл., род. и прожив. с. Малая Хомутерь Барышского р-на Ульяновской обл., зап. 22 июня 1999 г., соб. А. Цухлов, С. Пупкова.

ТВИ – Тиятина Вера Ивановна, 1924 г.р., 3 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 28 июля 2007 г., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

ТВМ – Тарабаева Василиса Михайловна, 1927 г.р., 4 кл., род. и прож. в с. Чамзинка Инзенского р-на Ульяновкой обл., зап.: 2002 г., соб. А. Карвалейру, О. Гладкова.

ТЕС – Трунина Елизавета Сергеевна, 1912 г. р., род. и прожив. в с. Проломиха Инзенского р-на Ульяновской обл., зап.: 2002, соб. А. Карвалейру.

ТКА – Тисленко Ксения Александровна, 1987 г.р., средн. образ., прожив. в г. Ульяновске, зап. 15 декабря 2004 г., соб. Е. Поликарпова.

ТКП – Тисленко Ксения Павловна, 1929 г.р., высш. образ., русск., род. и прожив. в г. Ульяновск, зап.: 2004 г., соб. К. Тисленко.

ТЛЛ – Терехина Людмила Леонидовна, 1958 г.р., высш. образ., род. в с. Малаховка Конышевского р-на Курской обл., живет и работает в г. Ульяновске с 1970 г., зап.: 2005–2007 гг., соб. Е. Сафронов.

ТНИ – Тявина Надежда Ивановна, 1962 г.р., род. в с. Малый Кувай, прожив. в с. Большой Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ТНМ – Тимофеева Наталья Михайловна, 1972 г.р., средне-спец. образ., русск., род. в в с. Большой Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., прожив. в г. Ульяновск, зап. 10 ноября 2004 г., соб. Ю. Зотова.

ТНП – Тимофеева Нина Петровна, 1957 г.р., средн. образ., род. в г. Димитровграде Ульяновской обл., прожив. в г. Ульяновске, зап. 11 декабря 2004 г., соб. Ю. Зотова.

ТРМ – Тумаева Раиса Матвеевна, 1938 г.р., неграм., род. и прож. в с. Первомайское (Сурский Острог) Инзенского р-на Ульяновской обл., соб. И. Кызласова.

ТСФ – Тимошина Степанида Фоминишна, 1918 г.р., род. и прожив. в с. Комаровка Новоспасского р-на Ульяновской обл., зап. 18 июня 1993 г., соб. С. Шубина, О. Лобанова.

ТТВ – Тойгильдина Татьяна Викторовна, 1975 г.р., русск., высш. образ., прожив в г. Ульяновске, род. в г. Димитровграде, зап. ноябрь 2005 г., соб. Е. и О. Сафроновы.

ТФА – Торчилкина Фаина Андреевна, 1946 г.р., род. и прожив. в с. Белый Ключ Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

УЗИ – Усачева Зинаида Ивановна, 1937 г.р., род. и прожив. в с. Большое Шуватово Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 15 июля 2003 г., соб. М. Чередникова.

УИД – Умрик Иван Данилович, 1962 г.р., высш. обр., род. в Волгограде, прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл. с 1970–х гг., зап. 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов, И. Павлов.

УЛА – Усова Людмила Александровна, 1944 г.р., средне-спец. образов., род. в п. Сурское, прожив. в с. Белый Ключ Сурского р-на Ульяновской обл. с 1961 г., соб. Е. Сафронов.

УМФ – Усачева Марфа Федоровна, 1913 г.р., неграм., род. и прожив. в с. Большое Шуватово Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 15 июля 2003 г., соб. М. Чередникова.

ФАА – Фоменкова Антонина Александровна, 1927 г.р., 4 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ФМИ – Ф-ва Марья Игнатьевна, 1933 г.р., высш. образ. [учитель], род. и прожив. в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 9 авг. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

ФОА – Филатова Оксана Андреевна, 1987 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновск, зап. 2004 г., соб. Т. Лазарева.

ФПЗ – Федотова Полина Захаровна, 1923 г.р., прожив. в д. Глазуново Усвятского р-на Псковской обл., род. в д. Обливкино (Чащи) Кунинского р-на Псковской обл., зап. 15 июля 2000 г., соб. Е. Мигунова, О. Кадикина, Е. Дубровская.

ФПЛ – Федотова Полина Захаровна, 1923 г.р., род. и прожив. в д. Глазуново Усвятского р-на Псковской обл., зап. 15 июня 2003 года, соб. Е. Мигунова, О. Кадикина, Е. Дубровская.

ФРН – Филиппова Раиса Николаевна, 1935 г.р., чувашка, род. и прожив. в с. Малая Хомутерь Барышского р-на Ульяновской обл., зап. июнь 1999 г., соб. Ю. Пыркина, И. Ферапонтов.

ФСВ – Ф-ва Софья Викторовна, ок. 24 лет, высш. образ., род. и прожив. в г. Петрозаводске, зап. 2006 г., соб. Е. Сафронов.

ФФМ – Фадейчева Фаина Михайловна, 1936 г.р., 7 кл., род. и прожив. в с. Белый Ключ Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ХФИ – Хахулина Фаина Ивановна, 1938, 4 кл., род. в с. Большой Кувай, прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ул. обл. с 1957 г., зап. июль 2004 г., соб. Е. Сафронов.

ЦАВ – Ц-р Александра Васильевна, 1953 г.р., средне-спец. образов., род. и прожив. в с. Большой Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ЦАЮ – Цухлов Андрей Юрьевич, 1975 г.р., высш. образ., род. в г. Сланцы, прожив. в г. Ульяновске, соб. Е. Сафронов.

ЦЛФ – Цилькова Любовь Федоровна, 1924 г.р., 4 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл, соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

ЦНС – Царева Наталья Сергеевна, 1913 г.р., неграм., род. и прожив. в с. Сара Сурского района Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов, А. Карвалейру.

ЧМП – Чипельникова Мария Павловна, 1932 г.р., пос. Усвяты Усвятского р-на Псковской обл., зап. 20 июня 2000 г., соб. О. Кадикина.

ШАИ – Шаляева Анастасия Ильинишна, 1926, 4 кл., род. и прожив. в с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ШАН – Шилова Антонина Николаевна, 1942 г.р., 6 кл., род. и прожив. в с. Белый Ключ Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ШВИ – Шаянова Валентина Ивановна, 1943 г. р., 4 кл., род. и прожив. в с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл., соб. А. Цухлов.

ШЕА – Шабанова Елена Александровна, 1985 г.р., средн. образ., род. и прожив. в г. Ульяновске, зап. 7 декабря 2004 г., соб. Е. Поликарпова.

ШЕИ – Шукшина Екатерина Ивановна, 1952 г.р., высш. образ, род. и прожив. в с. Старая Савадёрка Барышского р-на Ульяновской обл., зап. 23 июня 1999 г., соб. А. Цухлов, С. Пупкова.

ШЕМ – Шляхова Евгения Михайловна, 1954 г.р., род. и прожив. в с. Ореховка Радищевского р-на Ульяновской обл., зап. 7 июня 1995 г., соб. Е. Федорова, Е. Некилина.

ШМС – Шмелева Маргарита Семеновна, ок. 70 лет, род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ШНН – Шилкина Надежда Николаевна, 1951 г.р., спец. образов., род. и прожив. в с. Старый Пичеур Павловского района Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ШПЯ – Шарохина Полина Яковлевна, 1936 г.р., 5 кл., с. Ореховка Радищевского р-на Ульяновской обл., зап. 14 июня 1995 г., соб. Е. Кукошина.

ЮГВ – Юртаева Галина Викторовна, 1959 г.р., средне-спец. образ., род. в с. Малый Кувай, прожив. в Тольятти с 1978 г., запис. в с. Малый Кувай Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов.

ЮОА – Юрина Ольга Александровна, 1987 г.р., средн. образ., прожив. в г. Ульяновске, зап. 25 декабря 2004 г., соб. Е. Поликарпова.

ЮрГВ – Юртаев Геннадий Викторович, 1961 г.р., средне-спец. образ., род. в с. Славкино Николаевского р-на Ульяновской обл., уехал в Тольятти в 1978 г.р., запис. в с. Малый Кувай Сурского р-на Ул. обл., соб. Е. Сафронов.

ЯМП – Яшина Мария Петровна, 1912 г.р., неграм., род. и прожив. в с. Коржевка Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 17 июля 2002 г., соб. А. Цухлов., Е. Сафронов, М. Хазиева.

ЯМС – Яшина Мария Семеновна, 1932 г.р., неграм., род. и прожив. в с. Коржевка Инзенского р-на Ульяновской обл., зап. 17.июня 2002 г., соб.: Е. Сафронов, А. Цухлов, М. Хазиева.

Список основных сокращений, используемых в книге

ЦА – центральная акция (основа сюжета рассказов об иномирных снах)

ИМ – иной мир (инобытие, «тот» свет и т.п.)

НМ – наш мир (реальность, явь и т.п.)

Т1 – текст 1 (пересказ собственно сновидения)

Т2 – текст 2 (пересказ соотносимых со сновидением событий реальности)

In – инициальная часть рассказа о сне

E – финальная часть рассказа о сне

N – нарушение («провоцирующее действие»)

Н – наказание (описание характерных условий существования или определенные действия обитателей иного мира в «плохом» инобытии)

хрИМ – образ-мотив инобытия с характерными признаками «хорошего» мира

плИМ – образ-мотив инобытия с характерными признаками «плохого» мира

Научное издание

Евгений Валериевич Сафронов

Сновидения в традиционной культуре
Исследование и тексты

Издательство «Лабиринт» (Москва), 2016

Верстка и корректура Е.В. Нувитова
Переплет В.А. Глазова

При оформлении переплета использован Выговский старообрядческий рисованный лубок (конец XVIII – начало XIX вв.)

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. 34 п.л.

ISBN 978-5-87604-264-4